ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ.

ТОМЪ I.

СОДЕРЖАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи К. Вульфа, по Литейному пр. домъ № 60.

1871.

ВРЕЙСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ.

ТОМЪ I.

Изданіе

А. Е. ЛАНДАУ.

С. Петербургъ.

Въ типографіи К. Вульфа, Литейная домъ № 60.

1871.

Отъ издателя.

Мы считяемъ совершенно излишнимъ вдаваться здѣсь въ подробныя объясненія цѣли и назначенія «Еврейской библіотеки». Это выяснится уже читателю изъ содержанія статей въ ней, помѣщенныхъ. Вопросъ же—съумѣли-ли мы удовлетворить требованія, которыя могутъ быть поставлены подобному изданію — рѣшатъ пріемъ и сочувствіе, которые ему будутъ оказаны со стороны русской и еврейской публики. Отъ этого послѣдняго обстоятельства будетъ зависѣть также и дальнѣйшее продолженіе нашего историко-литературнаго сборника, *первый* томъ котораго предлагается теперъ читателямъ. Но во всякомъ случаѣ, мы рѣшились не остановиться на этомъ первомъ томѣ и въ скоромъ времени намѣрены приступить къ печатанію *втораго* тома, который выдетъ въ свѣтъ къ осени нынѣшняго года.

А. Л.

С.-Петербургъ,
20-го Апрѣля 1871 г.

Отъ издателя.

Мы считаемъ совершенно излишнимъ пускаться здѣсь въ подробныя объясненія цѣли и появленія «Еврейской библіотеки». Это выяснится уже читателю изъ содержанія статей въ ней, помѣщенныхъ. Вопросъ же — сумѣли-ли мы удовлетворить требованія, которыя могутъ быть поставлены подобному изданію — рѣшатъ время и сочувствіе, которое ему будетъ оказано со стороны русской и еврейской публики. Отъ этого послѣдняго обстоятельства будетъ зависѣть также и дальнѣйшее продолженіе нашего историко-литературнаго сборника, первый томъ котораго предлагается теперь читателямъ. Во всякомъ случаѣ, мы рѣшились не останавливаться на этомъ первомъ томѣ и въ скоромъ времени намѣрены приступить къ печатанію втораго тома, который выйдетъ въ свѣтъ къ осени нынѣшняго года.

А. Л.

С.-Петербургъ,
20-го Апрѣля 1871 г.

ГОРЯЧЕЕ ВРЕМЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

На право или на лѣво?

I.

20-го іюля 1861 года.

Сегодня мои имянины; виновата... день моего *рожденія*: у евреевъ вѣдь нѣтъ имянинъ, потому что нѣтъ канонизованныхъ святыхъ. Потому-ли, что мы всѣ должны быть святыми, божіими людьми, или потому-что синагога не признаетъ рожденнаго во грѣхѣ человѣка святымъ?...... Мы даже Моисея не празднуемъ! Это странно. Нужно когда нибудь спросить объ этомъ людей знающихъ.

Родители, по обычаю, подарили мнѣ дорогое платье и еще болѣе дорогой браслетъ. Что́ имъ и дѣлать-то, если не баловать свою единочку? Мои подруги наслали мнѣ съ полдюжины изящныхъ безделушекъ и поздравительныхъ карточекъ. Мама перебираетъ ихъ, всматривается, любуется ими и пожимаетъ плечами. «Въ наше время, — вѣроятно, думаетъ она, — этого и въ заводѣ не было». «Хорошо, хорошо», — говоритъ она поминутно. Это означаетъ, что ей очень нравится, когда и другіе меня балуютъ.

— Моше, Моше, — подзываетъ она отца. Что это за фигурки? спрашиваетъ она, указывая на рисунокъ заинтересовавшей ее карточки.

— Это, должно быть, ангелы, — отвѣчаетъ отецъ, бросивъ взглядъ на карточку.

— Ахъ, да, ты правъ, Моше. Это точно ангелы: и крылышки у нихъ золотыя; вѣдь это крылышки?

— Крылышки.

— Я хотѣла-бы только знать, это наши ангелы, или *ихніе*?

— Ангелы, такъ ангелы, что у *нихъ*, что у насъ, отвѣчаетъ отецъ.

— Отчего же они безъ шапокъ?

— А оттого, что это рисовали христіане. Они и нашего учителя Моисея также рисуютъ съ непокрытою головою.

— Такъ, можетъ быть, этихъ фигуръ нельзя держать въ еврейскомъ домѣ?—освѣдомляется моя набожная мама.

— Ничего,—отвѣчаетъ отецъ,—вѣдь это только игрушки.

— Стало быть, въ томъ нѣтъ никакого грѣха?

— Никакого; беру это на себя.

— Соня! Соньца! Сонюшка!—кличетъ меня мама.

Нечего дѣлать, нужно идти.

. . . .

Добрая мама! Она всегда предугадываетъ и предупреждаетъ мои желанія.

— Знаешь что, Сонюшка?—начала она, когда я вошла въ залу.

— А что? спросила я.

— А то, что мнѣ кажется, что ты должна сегодня пригласить на вечеръ твоихъ подругъ, которыя вспомнили, что ты сегодня имянинница.

Я бросилась цѣловать руки у мамаши.

— Я только-что хотѣла-было просить васъ объ этомъ, сказала я, растроганная предупредительностью моей доброй матушки.

— А что, видишь, — сказала она, торжествуя, — и мы знаемъ новые порядки, давомъ, что старики и не образованы. Правда, въ наше время, евреи имянинъ не справляли, не въ обычаѣ было. Но теперь не то, все на нѣмецкій манеръ пошло. Лучше это или хуже — не намъ разбирать; вѣроятно, такъ Богу угодно, а коли Богу угодно, такъ значитъ исполняй, что приказано. Имянины такъ имянины! Такъ вѣдь, Сонюшка?

— Такъ,—отвѣтила я, удивляясь безхитростному, но практическому взгляду мамаши на *новые порядки*, съ которыми другіе родители, какъ я знаю, не такъ легко мирятся.

— Теперь, Сонюша, ты мнѣ скажи, на сколько персонъ ты расчитываешь. Я, какъ хозяйка, должна это знать, чтобы распорядиться на счетъ посуды и всего прочаго. Я ужасно не люблю суетиться, когда гости на порогѣ. Въ попыхахъ сама не знаешь, что и дѣлать. Все изъ рукъ валится: то того нѣтъ, то другаго, и подаешь не то и не такъ, какъ слѣдуетъ. Однимъ словомъ, срамъ да и только, а я срамиться не хочу: уже сорокъ лѣтъ хозяйкою, съ Божіею помощью, стало быть, я порядки должна знать. И такъ, душечка, сколько человѣкъ гостей у тебя сегодня будетъ?

— Я думаю, персонъ шесть или семь.

— Это только подруги, а еще кого ты намѣрена пригласить?

— Кого еще приглашать?

— А учителя музыки?

— Ахъ да, я чуть было не забыла про учителя музыки.

— А панну Изабеллу?

— Зачѣмъ панну Изабеллу? Она вѣдь мнѣ уже не гувернантка.

— Ишь, какая ты неблагодарная! упрекнула меня мама. А кто научила тебя говорить по французскому? а? забыла? Фи, Соничка, не хорошо забывать старыхъ друзей.

Поддавшись лести хитрой польки, мама считала m-lle Изабеллу нашимъ домашнимъ другомъ; но мнѣ очень хорошо было извѣстно, что m-lle Изабелла въ душѣ ненавидитъ, презираетъ насъ, завидуетъ намъ и въ польскихъ домахъ издѣвается надъ нами, въ особенности же надъ моею доброю матушкою, которую она обворажаетъ своею поддѣльною любезностью. Я не вывожу матушку изъ заблужденія, потому что это глубоко опечалило бы ея добрую, вѣрующую, любящую душу. Поэтому я и теперь согласилась пригласить Изабеллу на вечеръ, хотя мнѣ всегда непріятно встрѣчаться съ нею и принимать ея предательскія лобзанія, на которыя она совсѣмъ не скупа. Не помню, отъ кого я это слышала, что чѣмъ человѣкъ хитрѣе, тѣмъ онъ расточительнѣе въ раздачѣ ничего ему не стоющихъ ласкъ и любезностей. Должно быть, что это правда.

— Теперь, Соничка,—начала опять мама:—условимся на счетъ угощенія.

— Даже и объ этомъ нужно условиться? — возразила я, — что вы подадите, то и будетъ хорошо.

— Для тебя вѣдь все хорошо, — сказала мама съ укоромъ, — даже ничего не подавай и то хорошо будетъ. Ты вѣдь однѣми книжками да музыкой и живешь. Но я знаю, что есть люди, которые отъ книжекъ и музыки не бываютъ сыты, хоть ты имъ весь свой шкапъ съ книгами отдай.

Мамаша никогда не пропускала случая пожурить меня за мое *легкое* отношеніе къ пищѣ.

— Тебѣ смѣхъ,—сказала мама, замѣтивъ мою улыбку,—а мнѣ совсѣмъ не до смѣху, когда вспомню, какъ ты надъ книжками здоровье твое портишь. На, всмотрись въ зеркало, развѣ такое должно быть лицо у молодой дѣвушки нашего состоянія? Другіе, пожалуй, еще подумаютъ, что мы скряги какіе нибудь, ѣсть тебѣ жалѣемъ.

— Ну, ужъ этого никто не подумаетъ,—успокоивала я мама,— кто не знаетъ, что вашей дочери развѣ птичьяго молока недостаетъ? А что до здоровья, то будьте увѣрены, матушка, что въ этомъ отношеніи могу поспорить съ любою изъ моихъ ровесницъ, которыя толще и румянѣе меня. Но послушаемъ лучше, чѣмъ вы намѣрены подчивать моихъ гостей?

— Чѣмъ я намѣрена угостить?—переспросила мама, — а вотъ чѣмъ: сперва чаемъ, потомъ фруктами и вареньемъ, а потомъ закускою, а на послѣдокъ.......

— Чѣмъ еще?—полюбопытствовала я.

— А напослѣдокъ—ничѣмъ — съострила мама, потирая руки отъ удовольствія, что ей удалось озадачить меня на секунду.

— Ну и ладно,—отвѣтила я.

*

— Ладно-то ладно, но я еще не рѣшила на счетъ того, какую закуску подавать, молочную или мясную.

— Не все-ли равно?—замѣтила я.

— Въ томъ-то и дѣло, что не все равно, — отвѣтила мама. Пойду посовѣтуюсь съ Ривой.

И она ушла на кухню.

II.

21-го іюля.

Вечеръ вполнѣ удался. Были даже кавалеры: m-lle Изабелла пришла съ своимъ кузеномъ, паномъ Вацлавомъ, Полинька Кранцъ догадалась привести своего брата Адольфа, а учитель музыки, пожертвовавъ своими послѣобѣденными уроками, пришелъ не позже другихъ гостей.

Сначала, какъ водится, было немного скучно. Мужчины не были знакомы другъ съ другомъ, а дамы видимо стѣснялись въ присутствіи m-lle Изабеллы, которой почему-то вздумалось разыгрывать роль grande dame. Она расположилась на диванѣ и оттуда конфузила всѣхъ своими, то испытующими, то покровительственными взглядами. Ироническая улыбка не сходила съ устъ ея. Мэри Тидманъ то и дѣло краснѣла, задыхаясь въ своемъ тугостянутомъ корсетѣ; Полинька Кранцъ дулась, Анна Израельсонъ металась на своемъ стулѣ, поминутно поправляла на себѣ платье, не зная, куда дѣвать свои руки; а Ревекка Гецель, завладѣвъ медальономъ Сары Темкесъ, такъ впилась въ него глазами, какъ будто она на его эмалевой покрышкѣ, Богъ знаетъ, какія чудеса открыла. Всѣ или молчали, или шопотомъ перекидывались самыми незначительными фразами. Всѣмъ было неловко, тѣмъ болѣе, что ни отъ кого не ускользало, что grande dame отъ времени до времени перемигивается съ своимъ кузеномъ и язвительно улыбается. Я, конечно, была внѣ себя; но, не привыкшая принимать гостей, я не знала что̀ дѣлать. При томъ, я была сильно раздражена обидными манерами заносчивой гувернантки, вздумавшей разъигрывать въ еврейскомъ обществѣ роль какой-то графини. Заговори я съ нею, какъ мнѣ хотѣлось и какъ она заслужила, она сразу очутилась-бы въ своей настоящей роли; но, уважая гостепріимство и во избѣжаніе скандала, я должна была молчать и, скрѣпя сердце, видѣть, какъ мои добрыя, умныя и образованныя подруги тяготятся неловкимъ положеніемъ, въ которое я ихъ поставила приглашеніемъ въ нашъ кружокъ хитрой польки, вздумавшей импонировать *жидувкамъ* своимъ шляхетскимъ происхожденіемъ. Я мысленно упрекала себя за то, что я не догадалась пригласить Исидора Шапселевича. Какъ человѣкъ свѣтскій, бывалый, обращающійся въ христіанскомъ обществѣ, онъ однимъ присутствіемъ своимъ сдѣлалъ-

бы невозможнымъ то натянутое положеніе, въ которомъ мы находились, благодаря нашей неопытности, не-свѣтскости Адольфа и скромности, почти запуганности моего учителя музыки.

Я уже думала, что мы такъ и промучимся весь вечеръ, какъ вдругъ дѣла приняли другой, совершенно неожиданный оборотъ. Въ гостиную вошла мама. Поклонившись всѣмъ гостямъ на новый манеръ, т. е. весьма церемонно, она съ сіяющимъ лицомъ и распростертыми объятіями приблизилась къ своему *другу*, m-lle Изабеллѣ.

— Вотъ люблю, — сказала она, крѣпко сжимая протянутыя ей *другомъ* руки. Сонюша сомнѣвалась, придете-ли вы, а я сказала, что вѣрно придете, не побрезгаете, потому что вы насъ любите, хотя вы ужь больше не даете у насъ уроковъ. Вѣдь вы насъ любите по прежнему, панна Изабелла.

Теперь уже до панны Изабеллы дошла очередь краснѣть и конфузиться, что̀ она и дѣлала. Привѣтствіе мамаши, въ особенности же фамилярность, съ которою произнесено было это привѣтствіе, сразу показало моимъ подругамъ, кто эта grande dame, подъ высокомѣрными взглядами которой онѣ за минуту чувствовали себя такъ не хорошо. Онѣ переглянулись между собою, пожали плечами и улыбнулись, а Полинька Кранцъ чуть не прыснула смѣхомъ.

M-lle Изабелла сидѣла, какъ вкопанная; она такъ растерялась отъ смѣшнаго положенія, въ которое она сама себя поставила, что мнѣ даже жаль ее стало. Она съ особеннымъ усердіемъ стала вертѣть свой зонтикъ, и вертѣла до тѣхъ поръ, пока онъ не сломался. Гости, отъ нечего дѣлать, слѣдили за ея странными движеніями, что ее еще больше конфузило. Она не осмѣливалась поднять глаза, боясь встрѣтиться съ насмѣшливыми взглядами торжествующихъ *жидусекъ*, которымъ она прежде импонировала. Ея замѣшательство не ускользнуло отъ вниманія мамаши.

— Что это съ вами, панна Изабелла? — спросила она съ участіемъ. Вы сегодня какъ будто не въ духѣ. Вы, можетъ быть, нездоровы?

— Голова что-то разболѣлась, — едва слышно проговорила гувернантка, задыхаясь отъ волненія.

— Неудивительно, что разболѣлась, сказала мама, когда вы разсѣлись и сидите себѣ въ комнатѣ при такой жарѣ. У насъ развѣ сада нѣтъ? Сонюша! Попроси гостей въ садъ. Я прикажу сервировать чай въ павильонѣ. Эдакъ будетъ здоровѣе и веселѣе. Вы, кстати, побѣгаете и покачаетесь на качеляхъ.

Это была счастливая мысль, которой всѣ обрадовались. Въ одну минуту мы уже были въ саду. Очутившись на, такъ называемомъ, «лонѣ природы», мы почувствовали, какъ будто тяжесть какая-то съ нашихъ плечъ свалилась. Мы повеселѣли и сдѣлались развязнѣе.

Мужчины закурили папироски и повели разговоръ между собою, а дамы, взявшись подъ руки, стали гулять по аллеямъ, останавливаясь передъ клумбами цвѣтовъ, и о чемъ-то разсуждая. Полинька Кранцъ, по обыкновенію, защебетала, какъ беззаботная птичка. M-lle Изабелла, которая уже успѣла оправиться отъ своего замѣшательства, подцѣпивъ меня подъ руку, зашагала со мною по большой аллеѣ и стала распрашивать меня о моихъ подругахъ.

— Онѣ воспитанныя?—спросила она.

— Нѣкоторыя изъ нихъ даже очень образованныя дѣвушки,— отвѣтила я.

— Вотъ какъ! — воскликнула она удивленно и какъ будто не вѣря моимъ словамъ.—Это любопытно. Гдѣ онѣ обучались?

— Однѣ въ пансіонахъ, а другія дома.

— Кто эта стройная блондинка, что въ шелковомъ платьѣ?

— Мэри Тидманъ.

— Знаешь что, она со всѣмъ не похожа на.... на....—затруднялась гувернантка.

— На жидувку?—подхватила я.

— На старозаконную,—поправила гувернантка.

— Она вамъ нравится?

— Да. Elle a un air si distingué. Гдѣ она получила эту выправку?

— Въ Ригѣ.

— Между нѣмцами? — спросила гувернантка, изумляясь. Развѣ у нѣмцевъ такія хорошія школы?

— Лучшія, чѣмъ наши.

Гувернантка закусила губы и съ минуту молчала.

— Знаешь что, Зося, — начала она потомъ, — если-бы я была мужчиной, то я бы остерегалась влюбиться въ твою Мэри.

— Почему такъ?

— Потому-что она кажется мнѣ очень гордою, недоступною, что называется съ каменнымъ сердцемъ.

— Она собственно не горда, а только серьезна; но сердце у нея доброе и даже очень чувствительное.

— А мнѣ такъ кажется, что твоя рижанка принадлежитъ къ тѣмъ Маріямъ, на одну изъ которыхъ Мицкевичъ жаловался:

Maryla słodkie miłości wyrazy
Dzieliła skąpo w rachubie,
Choć jej kto kocham mówił po sto sńazy,
Nie rzekła nawet i lubię.

Едва гувернантка окончила эту цитату, какъ мы услышали за собою чьи-то шаги. Мы обернулись: передъ нами стоялъ панъ Вацлавъ.

— Такъ и есть, началъ онъ немного конфузясь, но довольно развязно. Гдѣ только моя лыбезная кузина, такъ уже miłość тутъ какъ тутъ. Панна Изабелла и miłość—это двѣ родныя сестры.

— А панъ Вацлавъ и zuchwalstwo — два родные братья, — отшучивалась гувернантка, устремляя на своего развязнаго кузена взгляды, полные самой нѣжной дружбы.

— Что-жъ,—продолжалъ молодой человѣкъ весело,—zuchwalstwo это наша добродѣтель, нашъ національный характеръ, которымъ мы можемъ гордиться. Что говоритъ Нѣмцевичъ?

Nie zniży Polak przed obcymi czoła,
Póki ma oręź, odwagę!......

— Т-съ!—воскликнула гувернантка грозно, и повелительно поднявъ руку, чтобы зажать ротъ своему смѣльчаку-кузену. Ты развѣ хочешь прогуляться туда, гдѣ отецъ твой, swiętej pamięci, сложилъ свои кости?

— Что-жь,—отвѣтилъ Вацлавъ, покручивая свои усики,—когда нужно будетъ сложить мои кости, такъ и сложу, за этимъ дѣло не станетъ. Развѣ я не такой же честный полякъ, какъ мой отецъ?

Безпокойство Изабеллы возрастало.

— Слушай, Вацлавъ,—сказала она въ сердцахъ — ты еще совершенное дитя, именемъ праха твоего отца—мученника, заклинаю тебя, не играть съ огнемъ. Развѣ *здѣсь* мѣсто говорить о нашей святой справѣ?

— Надѣюсь, что мы не у шпіоновъ какихъ нибудь,—отвѣтилъ Вацлавъ, бросивъ на меня взглядъ, отъ котораго я невольно затрепетала.—Развѣ панна Софія не такая же полька, какъ ты? Она вѣдь вскормлена тою же литовскою землею, какъ мы, стало быть, она—наша. При томъ, она твоя воспитанница, слѣдовательно, она стократъ наша. Панна Софія!—воскликнулъ Вацлавъ восторженно, ловко опустившись предо мною на одно колѣно, благоволите принять hold отъ вашего брата съ тою искренностью, съ которою онъ вамъ её подноситъ.

И, схвативъ мою правую руку, онъ крѣпко её пожалъ и поцѣловалъ.

Я чуть не пошатнулась отъ этой неожиданной патетической сцены. M-lle Изабелла тоже вспыхнула. Я чувствовала, что нервическая дрожь пробѣжала по ея тѣлу. Она высвободила свою руку и приблизилась къ своему кузену, который—всталъ и выпрямился. Онъ

смѣло смотрѣлъ мнѣ въ глаза и молчалъ, ожидая моего отвѣта. Я молчала, не зная, что отвѣчать. Она молчала, потому—что она тоже растерялась. Наше положеніе было странное и въ высшей степени неловкое. Богъ знаетъ, сколько оно продолжалось-бы, еслибы не наша горничная Анеля, которая въ эту минуту подошла къ намъ и объявила, что чай уже сервированъ.

Мы вошли въ павильонъ. Всѣ гости уже были тамъ и ожидали насъ. Мама хозяйничила. Гости были заняты собою, а потому они не замѣтили нашего замѣшательства, которое легко можно было прочитать на нашихъ лицахъ. Мы, впрочемъ, вскорѣ оправились. Вацлавъ, съ свойственною ему развязностью, повелъ разговоръ съ Полиною, сидѣвшею съ нимъ рядомъ, и съ Мэри, находившейся съ нимъ vis—à vis. Онъ, должно быть, острилъ, потому-что Полина хохотала, а Мэри улыбалась. Я заняла мѣсто между Адольфомъ и учителемъ музыки, дабы тѣмъ быть защищенной отъ всегда непріятнаго для меня интимнаго разговора съ Изабеллой. Я имѣла удовольствіе замѣтить, что мои гости, по крайней мѣрѣ, не скучаютъ.

Разговоръ, мало по малу, сдѣлался общимъ; каждый имѣлъ случай вставлять свое слово. Но лучше и больше всѣхъ говорили Вацлавъ и Полинька, которые, казалось, старались перещеголять другъ друга въ остроуміи. Вацлавъ ловко нападалъ, а Полинька еще ловчѣе защищалась. Гости хохотали и кричали браво, поддерживая то ту, то другую сторону. Было весело. Даже Адольфъ, разставшись съ своею обычною хандрою, былъ веселъ, смѣялся. Состязаніе его бойкой сестрицы съ польскимъ говоруномъ его почему-то особенно заинтересовало и каждый разъ, когда оно угрожало прекратиться, онъ умѣлъ вставлять такое слово, которое давало новую пищу этому состязанію. Только Мэри почему-то была разсѣянна и даже грустна. Въ разговорѣ она меньше всѣхъ участвовала, меньше всѣхъ и смѣялась. Неужели между ею и Адольфомъ произошла какая-то размолвка?...

Кто-то идетъ ко мнѣ. Окончу завтра...

III.

22-го іюля.

Послѣ чаю, рѣшено было пойдти къ качелямъ и провести тамъ время до самыхъ сумерекъ. На дорогѣ туда я какъ-то незамѣтно опять очутилась между Изабеллою и Вацлавомъ:

— Замѣчательная дѣвушка эта m-lle Полина, — сказалъ Вацлавъ весьма серьёзно. — Она истинная находка для нашего дѣла.

— Какъ-такъ? — спросила я машинально, избѣгая вопроса о

самомъ *дѣлѣ*, познакомиться съ которымъ мнѣ почему-то не хотѣлось.

— Она въ состояніи воспламенить полсотню юношей, которые по ея мановенію полѣзутъ въ огонь и въ воду.

— Ты, пожалуйства, не преувеличивай,—вставила Изабелла, которой, видно, не понравилось восторженное мнѣніе ея кузена о какой нибудь еврейской дѣвушкѣ.—M-lle Полина—дѣвушка ничего себѣ и только. Какая она для насъ находка — я рѣшительно не понимаю.

— Но я понимаю, что я говорю, — отвѣтилъ Вацлавъ почти сердито и замолчалъ.

— Какіе мы ослы!—началъ онъ потомъ, ни къ кому изъ насъ не обращаясь,—подъ самымъ носомъ имѣемъ такія сокровища: умъ, деньги, азіятскую кровь, желѣзный характеръ и не умѣемъ пользоваться! Странные мы люди...... Изабелла—обратился онъ вдругъ къ гувернанткѣ, — я..... мы тобою недовольны. Замѣть себѣ это. Мы послѣ объ этомъ поговоримъ......

Мы подошли къ качелямъ. Полинька Кранцъ уже качалась со всего розмаху. Ея локоны и платья развѣвались по воздуху, потому-что она качалась стоя и съ возрастающею горячностью. Прочіе гости слѣдили за нею съ удивленіемъ и страхомъ.

— Осторожно, бѣшенная!—кричалъ ей Адольфъ, но она отвѣчала ему звонкимъ хохотомъ, еще больше увеличивая описываемую ею дугу.

— Браво, m-lle Полина,—поощрялъ ее Вацлавъ, восторженно апплодируя. En avant! En avant! Молодецъ—панна!

Въ оправданіе хорошаго о ней мнѣнія Вацлова, Полина подбоченилась и стала качаться, держась за веревку только одною рукою. Она была восхитительна въ этой позѣ. Даже Изабелла немогла воздержаться, чтобы не сказать:

— Настоящая вакханка!

— Божество!—воскликнулъ восторженный Вацлавъ.

Адольфъ сталъ безпокоиться не на шутку.

— Г. Прачевскій!—обратился онъ къ учителю музыки, — сдѣлайте одолженіе, помогите мнѣ зацѣпить качель. Съ нею иначе нельзя.

Адольфъ и Прачевскій уже хотѣли было взяться за дѣло, но Полина, замѣтивъ ихъ намѣреніе, закричала имъ съ качели:

— Прочь! Если дотронетесь до качели, то я совсѣмъ выпущу веревку.

Полина способна была и на это, а потому Адольфъ отсталъ отъ своего намѣренія.

Но тутъ вмѣшалась Мэри, которая имѣла большое вліяніе на свою подругу.

— Полина!—скомандовала она строго,—довольно тебѣ будетъ качаться, дай покачаться и другимъ.

— Сію минуту,—отвѣтила Полина. Зацѣпите!—прибавила она потомъ и уже хотѣла спрыгнуть съ качели.

— Постой, чертенокъ! закричалъ ей Адольфъ. Не торопись. Ты никакъ хочешь шею себѣ сломать.

— Такія бравыя дѣвушки, какъ m-lle Полина, не сломаютъ себѣ шеи, — замѣтилъ Вацлавъ, — ихъ бережетъ Господь Богъ. Поздравляю васъ, г. Кранцъ, съ такою храброю сестрою.

— А меня, monsieur, — сказала Полина, слѣзшая уже съ качели, — поздравьте съ такимъ трусливымъ братомъ, который не позволяетъ мнѣ даже пошалить немножко. Ему все кажется, что я себя искалѣчу, а мнѣ кажется, что только на бѣднаго Макара шишки валятся, а кто не бѣдный Макаръ, тотъ самъ рветъ шишки и швыряетъ ими въ лѣнивыхъ и трусовъ.

Адольфъ покосился на свою сестру, но ничего не отвѣтилъ. Онъ и Вацлавъ подошли къ качели, взлѣзли на нее и спросили, кому изъ дамъ угодно покачаться. На качель сѣли Анна Израельсонъ и Сара Темкесъ.

— А m-lle Тидманъ?—спросилъ Адольфъ.

— Не хочу,—отвѣтила Мэри.

Г. Прачевскій и Полина, ставъ у обоихъ концовъ качели, стали ее раскачивать.

— Осторожно, осторожно, — завопила Сара Темкесъ, схватившись одною рукою за веревку, а другой обнявъ станъ Анны Израельсонъ.

— Постой,—отвѣтила Полина, успѣешь еще кричать. En avant, господа!—скомандовала она, подмигивая пану Вацлаву.

— Не пугайся, Саша,—успокоивала между тѣмъ Полина свою подругу,—когда упадешь, а я вижу, что ты сію минуту упадешь, мы тебя подхватимъ.

Саша молчала, но была блѣдна отъ страха.

— Зачѣмъ ты ее пугаешь? упрекала ее Мэри.

— Такъ, пусть не труситъ.

Качались поочередно всѣ. Послѣ качанья, мы немножко отдохнули, освѣжились вареньемъ, а потомъ начали играть въ фанты. Крику, смѣху было довольно. Всѣ были веселы, даже Адольфъ. Игры такъ сблизили всѣхъ, что гости стали обращаться другъ съ другомъ весьма фамилярно, какъ будто они уже нѣсколько лѣтъ знакомы были между собою. Я была очень рада, что мои гости не скучаютъ. Я этому особенно обязана была неистощимой веселости и находчивости Полины, которая никому не давала задумываться. Она подскакивала то къ тому, то къ другому, шалила, проказничала. Она расшевелила не только Адольфа и Мэри, но даже г. Прачевскаго, этого бѣднаго труженника, всегда боровшагося съ нуждою, а потому всегда угрюмаго; за него я ей была особенно благодарна.

Когда смерклось, мы возвратились въ залъ. Лампы уже были зажжены. Предложено было музыцировать. Всѣ изъ вѣжливости обратились къ m-lle Изабеллѣ, какъ къ самой старшей изъ дамъ. Она поломалась немного,—безъ этого вѣдь нельзя,—а потомъ подсѣла къ роялю. Взявъ нѣсколько аккордовъ, она—какъ это ей не стыдно было,—заиграла La prière d'une vierge, эту вѣчно скучную и вѣчно приторную пьесу, отъ которой всѣ польки почему то безъ ума. Даже Вацлавъ поморщился на свою кузину. Окончивъ *молитву*, за которую ее изъ вѣжливости поблагодарили, она заиграла полонезъ изъ оперы «Halka». M-lle Изабелла, по своей крайней односторонности, знала или признавала только двухъ поэтовъ: Мицкевича изъ мужчинъ и импровизаторку Деотиму изъ женщинъ, и двухъ композиторовъ: Монюшко изъ мужчинъ и Бондаржевскую изъ женщинъ. Поэтовъ и композиторовъ всѣхъ прочихъ народовъ она упорно игнорировала. Только за Байрономъ она признавала нѣкоторыя достоинства, и то только потому, что его *удостоилъ* переводомъ Одынецъ. Она утверждала, а можетъ быть и была убѣждена, что Байронъ въ подлинникѣ слабѣе, чѣмъ въ польскомъ переводѣ. Эту свою односторонность и нетерпимость она старалась развить и во мнѣ, но это ей не удалось.

За m-lle Изабеллой къ роялю подсѣла Мэри и мы услышали *музыку*: она съиграла одну бетховенскую сонату, и одну изъ мендельсоновскихъ «пѣсень», вызвавшія громкіе и искренніе аплодисменты; она играла мастерски.

— А панна Полина ничѣмъ насъ не угоститъ?—спросилъ Вацлавъ, когда Мэри отошла отъ рояля.

— Если почтеннымъ гостямъ не жаль своихъ ушей, то я готова промурлыкать что нибудь, — отвѣтила Полина, скорчивъ скромную мину.

— Я думаю, mesdames и messieurs, что намъ не предстоитъ никакой опасности отъ мурлыканія этого котенка, — сказалъ Вацлавъ, обратившись къ гостямъ какъ бы за совѣтомъ.

Всѣ, разумѣется, были того же мнѣнія.

Полина спѣла два нѣмецкихъ романса, заслужившіе неподдѣльныя одобренія *публики*. Я ей акомпанировала.

Раскланявшись на всѣ стороны съ серьёзностью концертистки, Полина пристала къ Вацлаву, чтобы и онъ что нибудь спѣлъ. Напрасно Вацлавъ отговаривался, что онъ совсѣмъ не поетъ. Полина не отставала. Дѣлать было нечего, Вацлавъ принужденъ былъ повиноваться. Онъ запѣлъ любимый романсъ польскихъ юношей: «Kolor czarny». Голосъ у него сильный, симпатичный, но необра-

ботанный. Съ особенною интонаціею и чувствомъ, переглядываясь съ Полиной, пропѣлъ онъ слѣдующую строфу:

Rozkazowi twemu karny,
Będe spiewał kolor czarny.
Bo to rozkaz twój,
Bo to rozkaz twój.

— Да, mój, mój, — отвѣтила Полина, хлопая въ ладоши и заливаясь звонкимъ смѣхомъ.

За музыкой послѣдовали танцы. Г. Прачевскій взялъ на себя трудъ играть. И такъ какъ мы въ своемъ распоряженіи имѣли только двухъ танцующихъ кавалеровъ: Адольфа и Вацлава, поэтому рѣшено было разыграть ихъ въ лотерею. Счастливый жребій достался Ревеккѣ Гецель и Аннѣ Израельсонъ. Мэри и Полина, надѣвъ шляпки и перчатки для обозначенія, что онѣ кавалеры, ангажировали Изабеллу и Сару Темкесъ; такимъ образомъ составилась кадриль въ четыре пары. Мнѣ же поручено было смотрѣть, чтобы новые *кавалеры* не путали фигуръ. Танцы еще больше развеселили и оживили гостей. Кадрили чередовались съ польками и вальсами. Вацлавъ былъ неутомимъ. Онъ перетанцовалъ со всѣми, но Полину онъ почти не выпускалъ изъ рукъ; она тоже казалась неутомимою.

Праздникъ заключился не легкою закускою, какъ предполагала мама, а формальнымъ ужиномъ. Вацлавъ произнесъ великолѣпный тостъ въ честь еврейской молодежи вообще и еврейской женщины въ особенности. Адольфъ же, поблагодаривъ его отъ имени еврейской молодежи, провозгласилъ тостъ за примиреніе націй.

— Неужели всѣхъ? — спросилъ Вацлавъ.

— Всѣхъ, — отвѣтилъ Адольфъ.

— Но, милостивый государь, — возразилъ Вацлавъ, съ воодушевленіемъ, — есть народы, съ которыми миръ невозможенъ.

— Я такихъ народовъ не знаю, — спокойно отвѣтилъ Адольфъ.

— Стало быть, вы космополитъ?

— Да.

— И я тоже, — бухнула сумасшедшая Полина, кстати прервавъ объясненіе молодыхъ людей, — я тоже космополитъ. Люблю всѣхъ людей, въ особенности не скучныхъ, веселыхъ. Люблю даже моего брата, который часто наводитъ на меня тоску своею серьезностью. И такъ, mesdames и messieurs, провозгласила она, поднявъ свой бокалъ, — за здравіе веселыхъ людей всѣхъ націй и племенъ — ура!!

Смѣхъ самый веселый былъ отвѣтомъ на этотъ оригинальный тостъ. Я хотѣла расцаловать Полину; своимъ вмѣшательствомъ она весьма кстати предупредила объясненіе, которое угрожало принять

слишкомъ серьезный характеръ. Вацлавъ, немножко разгоряченный виномъ, не стѣснялся бы нашимъ присутствіемъ, Адольфъ, по обыкновенію, былъ-бы колокъ и ядовитъ; такимъ образомъ скандалъ былъ очень возможенъ. Но слава Богу, до этого не дошло. Гости разстались между собою въ самомъ веселомъ расположеніи духа и при самыхъ теплыхъ выраженіяхъ взаимнаго уваженія.

Вечеръ, такимъ образомъ, можетъ считаться вполнѣ удавшимся. Матушка въ восторгѣ отъ того, что гости такъ знатно веселились и что ей по кухонной части все удалось.

IV.

27 Іюля.

Я совсѣмъ не ожидала, что сцена въ саду съ Вацлавомъ такъ глубоко засядетъ въ мою голову. Слова: «развѣ панна Софія не такая же полька, какъ ты»? вотъ уже нѣсколько дней не выходятъ изъ моей памяти. Они почему-то меня тревожатъ, настойчиво требуя отъ меня отвѣта. За что ни берусь, вопросъ этотъ тутъ, какъ тутъ. Онъ заслоняетъ собою все, надъ чѣмъ я ни стараюсь сосредоточить мое вниманіе. И надобно же было этому Вацлаву произнести такую фразу, которая, вѣроятно, на долго лишитъ меня душевнаго спокойствія. Зналъ-ли онъ, какую тревогу онъ внесетъ въ мою душу этою, повидимому, невинною фразою?

Что я, въ самомъ дѣлѣ, такое? — Полька? — Воспитаніе получила я преимущественно польское. Обучалась я въ польскомъ пансіонѣ. Мои гувернантки были польки. Люблю польскую литературу, фондъ моей библіотеки составляютъ польскія книги, пишу этотъ дневникъ тоже по-польски. Но я чувствую, что между мною и полькою — цѣлая бездна; я всегда чувствовала, что полька смотритъ на меня, какъ на *жидувку*, а я смотрю на польку съ чувствомъ человѣка презираемаго на человѣка презирающаго, т. е. съ затаенною злобою. Я никогда не отдавала себѣ отчета въ этомъ чувствѣ, но оно тѣмъ не менѣе существовало и существуетъ. Случалось мнѣ иногда забываться въ польскомъ обществѣ, т. е. думать и даже чувствовать, что я и *они* - одно и тоже, тѣмъ болѣе, что я была вся проникнута *ихъ* интеллигенціею и произведенія польской литературы понимала не только не хуже, но даже лучше многихъ родовитыхъ полекъ, но достаточно было одного слова сказаннаго, повидимому, безъ всякаго злаго умысла кѣмъ нибудь изъ *родовитыхъ*, достаточно было одного брошеннаго на меня взгляда, одного лестнаго, но въ сущности безтактнаго комплимента, чтобы я очнулась отъ моего минутнаго забытья, чтобы я почувствовала, конечно, съ болью въ сердцѣ, что я одно, а они — совсѣмъ

другое, что я, какъ евреи выражаются, пляшу на чужой свадьбѣ. Нѣтъ, я не полька, никогда полькою и не буду!

Что же я, — нѣмка? Но это ужь ровно не имѣетъ никакого смысла. Живемъ мы совсѣмъ не на нѣмецкой землѣ, все насъ окружающее не имѣетъ ничего общаго съ нѣмецкимъ. Я знаю нѣмецкій языкъ, нѣмецкую литературу, но это еще не дѣлаетъ меня нѣмкою, точно такъ, какъ если бы я знала китайскій языкъ, я бы отъ этого не стала китаянкою. Мнѣ смѣшны Жюль Перецъ, изучившій французскій языкъ и воображающій себя по этому французомъ, и Джонъ Берковичъ, изучившій англійскій языкъ и корчащій изъ себя кровнаго англичанина. Г. Перецъ и г. Берковичъ, можетъ быть, и хорошіе учителя французскаго и англійскаго языковъ, но какіе же они французы и англичане? Точно также и мнѣ, хоть и знающей нѣмецкій языкъ, трудно воображать себя нѣмкою. Корчить же изъ себя таковую—глупо и смѣшно. Я всегда удивляюсь тѣмъ образованнымъ еврейскимъ семействамъ, которыя всю свою домашнюю жизнь поставили на нѣмецкую ногу. Это бы еще куда ни шло, если-бы они, или ихъ ближайшіе предки, были изъ Германіи, а то вѣдь нѣтъ; они и ихъ пра-прадѣды родились здѣсь. Съ какой же стати они на литовской землѣ образуютъ изъ себя какую то нѣмецкую колонію? Винить ихъ, конечно, нельзя; этому вѣроятно, были и есть причины и, можетъ быть, очень важныя, законныя. Но ихъ положеніе тѣмъ не менѣе фальшиво и подчасъ даже комично.

Стало быть, что же я,—еврейка?—Безъ сомнѣнія. Но смыслъ этого слова съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе съуживается. За-границей, говорятъ, это слово обозначаетъ уже только вѣроисповѣданіе. Тоже самое со временемъ, вѣроятно, будетъ и у насъ. Но вѣдь вѣроисповѣданіе есть только часть жизни, а не вся жизнь. Моя мать, напримѣръ, еврейка, полная, цѣлая еврейка: по вѣрѣ, понятіямъ, привычкамъ, чувствамъ, надеждамъ и стремленіямъ, а я уже только на половину, или даже только на четверть, еврейка. Что же я въ остальныхъ трехъ четвертяхъ моего существа? Этотъ вопросъ задаютъ себѣ, вѣроятно, многія изъ подобныхъ мнѣ еврейскихъ женщинъ. Мы чувствуемъ, что еврейская почва все болѣе и болѣе съуживается подъ нашими ногами, мы чувствуемъ, что намъ становится уже тѣсно и неудобно на этой почвѣ. Дойдетъ, вѣроятно, до того, что намъ уже невозможно будетъ держаться на ней. Къ кому же примкнуть?

И примыкаемъ мы каждый какъ Богъ дастъ: одинъ къ одной народности, другой къ другой. Мэри преимущественно нѣмка, я преимущественно полька, Перецъ французъ, Берковичъ англичанинъ. Дѣти одного племени, одного города распредѣлились по разнымъ народностямъ. И все это произошло случайно. Мэри случайно

попала въ Ригу, и вышла изъ нея нѣмка, я случайно попала въ польскій пансіонъ и вышла изъ меня полька, Перецъ вѣроятно случайно попалъ на хорошій учебникъ французскаго языка и показалось ему, что ему легко сдѣлаться французомъ, а Берковичъ такъ и говоритъ, что Робертсонъ и The Vicar of Wackfield сдѣлалъ его inglishman'омъ.

Положеніе странное, ненормальное, фальшивое и непріятное. Въ сущности—Мэри не нѣмка, я—не полька, Перецъ — не французъ и Берковичъ— не англичанинъ. Въ каждомъ изъ насъ есть только крупица того, что онъ изъ себя корчитъ. Сужу это по себѣ. Анализируя свои чувства, я нахожу, что изъ всего польскаго люблю только польскую литературу, все же прочее мнѣ чуждо. Я равнодушна къ полякамъ, ихъ судьбѣ, ихъ интересамъ и ихъ ойчизнѣ. Кто этому виноватъ,—я ли, что не умѣю любить Польшу, или они, что не умѣли внушить мнѣ этой любви? Довольно того, что мнѣ очень грустно задавать себѣ вопросъ: «что я такое»? и не находить въ сердцѣ своемъ прямаго на него отвѣта.

Какъ счастливы были наши матери, что не задавали себѣ такихъ вопросовъ и не ломали себѣ голову надъ ихъ разрѣшеніемъ. Онѣ знали, что онѣ еврейки, и этого было съ нихъ довольно...

V.

30-го іюля.

Мучимая неотвязчивымъ вопросомъ: «что я такое?» я вчера отправилась къ моей Мэри, чтобы вмѣстѣ съ нею пофилософствовать о противорѣчіяхъ, на которыя я такъ неожиданно наткнулась. Мэри—единственная изъ моихъ подругъ, съ которою можно поговорить серьезно и откровенно. Я расчитывала, что заинтересовавшій меня вопросъ заинтересуетъ и ее.

Я нашла Мэри очень грустною, почти разстроенною. Она мнѣ обрадовалась, но въ тоже время видно было, что мое присутствіе стѣсняетъ ее.

— Что съ тобою, Мэри?—спросила я.

— Ничего, — отвѣтила она, сконфузившись; мы вскорѣ разстанемся.

— Какъ такъ?—спросила я удивленно.

— Уѣзжаю въ Г*, къ теткѣ.

— На долго?

— Можетъ быть, на всегда.

— Почему такъ?

— Такъ нужно.

Я не смѣла больше распрашивать ее о причинѣ ея внезапнаго

отъѣзда. Изъ ея отрывистаго отвѣта я поняла, что тутъ кроется какое нибудь семейное обстоятельство, съ которымъ онѣ не *можетъ* или *не должна* меня познакомить. Мы сидѣли грустныя и долго молчали.

— Адольфъ знаетъ, что ты уѣзжаешь?—рѣшилась я, наконецъ, спросить Мэри.

Разумѣется,—отвѣтила она съ едва слышнымъ вздохомъ.

— Что же онъ?

— Онъ?..... Онъ благородный человѣкъ,—сказала она и горько улыбнулась.

— Что означаетъ твоя улыбка?—спросила я, предчувствуя что-то недоброе.

— Моя улыбка означаетъ,—отвѣтила она спокойно, но съ горечью,—что мы ужасныя дуры, когда мы думаемъ, что въ нашемъ народѣ тоже возможно то, что весь міръ называетъ любовью.

— Что случилось?

— Ничего особеннаго. Адольфъ возвратилъ мнѣ мое слово.

— Это съ какой стати?

— Онъ мнѣ объяснилъ. Онъ мнѣ сказалъ: такъ-какъ ты уѣзжаешь на неопредѣленное время, а я не могу даже приблизительно опредѣлить время, когда мнѣ возможно будетъ устроиться, какъ мнѣ хочется, потому считаю своимъ долгомъ освободить тебя отъ даннаго слова. Если тѣмъ временемъ тебѣ представится хорошая партія, такъ ты... не стѣсняйся. Я въ претензіи не буду.

— Стало быть, онъ...

— Онъ меня не любитъ? перебила меня Мэри. Онъ говоритъ, что онъ всегда любилъ и вѣчно будетъ любить меня. И именно потому, что онъ такъ искренно любитъ меня, онъ не долженъ препятствовать моему счастію. Какъ тебѣ нравятся эти софизмы? Какъ тебѣ нравится эта искренняя любовь съ практическими разсчетами? Нѣтъ, Sophie, говори что хочешь, а мы, евреи, созданы по совершенно другому образцу. Тамъ, гдѣ прочіе люди чувствуютъ, мы только разсуждаемъ, расчитываемъ. Люди любятъ сердцемъ, а мы умомъ. Мѣсто пламеннаго чувства у насъ заступаетъ вѣрно-разсчитанная комбинація. Я до сихъ поръ думала, что съ Адольфомъ меня связываетъ любовь, настоящая любовь, та любовь, которая такъ великолѣпно описывается въ романахъ и которую мы такъ часто встрѣчаемъ въ христіанскомъ обществѣ. Теперь я вижу и вполнѣ убѣждена, что насъ связывалъ только расчетъ, самый холодный, самый коммерческій. Мы другъ друга не любили, мы только вмѣстѣ радовались меркантильной сдѣлкѣ, которая казалась намъ очень выгодною. И какъ это намъ несовѣстно было называть обыкновенную коммерческую сдѣлку такимъ именемъ, съ которымъ человѣчество связываетъ самыя возвышенныя понятія?

— Ты на себя клевещешь, Мэри — возразила я, испугавшись страннаго направленія ея мыслей.

— Нѣтъ, не клевещу, а говорю правду, святую правду,—отвѣтила она, воспламеняясь. — Я тебѣ сейчасъ это докажу логически, фактически, какъ дважды-два. Послушай, ты знаешь Мозырскаго?

— Знаю.

— Хорошо-ли его знаешь?

— Кажется, что хорошо.

— Стало быть тебѣ извѣстно, что онъ, самъ по себѣ, не только не хуже, но даже въ десять разъ лучше Адольфа. Онъ не дуренъ собою, уменъ, образованъ, честенъ, благороденъ, трудолюбивъ, однимъ словомъ, очень достойный молодой человѣкъ. Однакожь я, что называется, влюбилась не въ него, а въ Адольфа. Отчего это такъ случилось, Sophie? Какъ ты думаешь?

Ты странные задаешь вопросы, Мэри—отвѣтила я, пожимая плечами. Развѣ можно отвѣчать на такіе вопросы?

— Можно. Я сейчасъ тебѣ объясню. Дѣло, видишь-ли, въ томъ, что Мозырскій, при всѣхъ своихъ отличныхъ качествахъ, не болѣе какъ бѣдный еврейскій учитель. Карьеры на педагогическомъ поприщѣ не предстоитъ ему никакой. Онъ можетъ трудиться, существовать безбѣдно и только. Но безбѣдное, хоть и честное существованіе насъ не удовлетворяетъ. Намъ нуженъ блескъ, нужна роскошь. И вотъ по моему расчету вышло, т. е. собственно я не расчитывала, но инстинктъ шепнулъ мнѣ, что честный, трудолюбивый, но бѣдный Мозырскій — мнѣ не пара, а потому любить его — не выгодно. Я влюбилась въ Адольфа. Онъ хотя и во многомъ уступаетъ Мозырскому, но за то онъ изъ хорошей фамиліи, богатъ, имѣетъ связи, словомъ партія приличная. Адольфъ же, съ своей стороны, тоже имѣлъ свой расчетъ. Я изъ хорошей фамиліи, имѣю десять тысячъ приданаго, буду, можетъ быть, наслѣдницей моей богатой бездѣтной тетки въ Г*. Какъ же меня не любить? Но мнѣ любопытно было бы знать, какъ Адольфъ отвѣчалъ бы на любовь положимъ... хоть Сары Темкесъ, дѣвушки достойной, прекрасной, но неимѣющей десяти тысячъ приданаго и богатой тетки въ запасѣ. Я, впрочемъ, вполнѣ убѣждена, что Адольфъ не можетъ любить такого *субъекта*!..... Теперь тебѣ уже ясенъ характеръ нашей, такъ называемой, любви?

— Софизмы! Софизмы!—воскликнула я, разсерженная циническимъ резонерствомъ Мэри.—Ты клевещешь на себя, на Адольфа, на всѣхъ насъ. Развѣ у насъ сердца нѣтъ? Развѣ мы не чувствуемъ, какъ всѣ люди чувствуютъ? Ты уже забыла слова Jam a Jew Шейлока, которыми мы всегда восхищались? Что бы ни было при-

чиною вашего разрыва, вы другъ друга любили, какъ слѣдуетъ, какъ всѣ люди любятъ, по всѣмъ правиламъ любви. Не знаю, что между вами произошло...

— Со временемъ узнаешь,—перебила меня Мэри.

— Все равно. Не знаю, что заставило Адольфа возвратить тебѣ твое слово, знаю только, что онъ тебя любилъ, любилъ, можетъ быть, не такъ пламенно, такъ поэтически, какъ Ромео Джульету, а какъ любятъ всѣ молодые люди нашего времени, не хуже какого нибудь поляка, нѣмца, француза. Ты раздражена...

— Нисколько.

— И твое раздраженіе вполнѣ понятно и законно; но зачѣмъ топтать въ грязь себя и чувство, которое само по себѣ священно, возвышенно? Вашу любовь, положимъ, можно называть несчастною, но она была любовью, вы другъ друга любили.

— Ошибаешься, другъ мой, — отвѣтила Мэри спокойно, но твердо — ошибаешься, какъ я сама ошибалась. Если бы мы другъ друга любили, то мы развѣ такъ легко переносили бы нашъ разрывъ? Мнѣ, конечно, досадно, Адольфу, вѣроятно, тоже досадно, но эта досада имѣетъ характеръ досады купцовъ на неудавшееся торговое предпріятіе. Развѣ два любящія сердца только досадуютъ, когда обстоятельства ихъ разлучаютъ? Въ доказательство, что память о моемъ романѣ мнѣ нисколько не дорога...

Она быстро вскочила, подбѣжала къ столу, выдвинула ящикъ и вынула изъ него пачку писемъ. Угадавъ ея намѣреніе, я подскочила къ ней и схватила ее за руки.

— Что ты хочешь сдѣлать, сумасшедшая? — воскликнула я трясясь отъ волненія. -Опомнись! Ты послѣ будешь жалѣть, а будетъ поздно.

Она вырвалась изъ моихъ рукъ, отскочила въ уголъ и стала рвать письма Адольфа на мелкіе клочки. Я упала на кушетку и закрыла лицо руками: мнѣ въ эту минуту страшно было смотрѣть на Мэри, которая казалась мнѣ бездушною фуріею.

— Послушай, Sophie, — начала она по окончаніи своей *работы*,—мы уже не дѣти и не кисейныя барышни, мы—еврейскія женщины, а еврейская женщина тверда и благоразумна, какъ мужчина. Сантиментальничать не наше дѣло. Мы должны смотрѣть на вещи прямо и просто. Это, конечно, не поэтически, но скажи откровенно, много-ли поэзіи во всей еврейской жизни? Не поражаетъ-ли она каждаго европейца своею самою утомительною, самою черствою прозою? Правда, въ нашей молодежи какъ будто замѣтны нѣкоторые поэтическіе порывы, но это не больше, какъ порывы. Европейское образованіе наложило на насъ нѣкоторый внѣшній лоскъ, но въ сердце наше, въ кровь нашу оно еще не проникло и Богъ знаетъ, когда проникнетъ. Мы постигаемъ поэзію умомъ, но не сердцемъ. Христіанскій юноша и христіанская дѣвушка влюбляются, не задавая себѣ вопроса: «что изъ этого выйдетъ?» Они любятъ и знать никого и ничего не хотятъ. Поэтому въ христіанскомъ обществѣ не рѣдко случается, что графъ женится на простой мѣщанкѣ, а княжна выходитъ замужъ за какого нибудь живописца, музыканта и даже бѣднаго чиновника. Наши же юноши и дѣвицы влюбляются только тогда, когда они уже предварительно расчитали, *что́* или, вѣрнѣе, *сколько* изъ этого выйдетъ.

Я пожала плечами, удивляясь ея неумолимой діалектикѣ.

— Ты со мною несогласна, Sophie? — спросила она, — но я тебя опять спрашиваю, отчего я сошлась съ Адольфомъ, а не съ Мозырскимъ, который болѣе его достоинъ уваженія и любви?

— Такъ люби Мозырскаго!—воскликнула я. — Кто тебѣ препятствуетъ?

— Кто мнѣ препятствуетъ?—переспросила Мэри. —Мнѣ препятствовало мое меркантильное чутье, мнѣ препятствовалъ-бы отецъ мой, который, при всемъ своемъ образованіи, хотѣлъ-бы видѣть меня лучше за человѣкомъ уже обезпеченнымъ, нежели за человѣкомъ, котораго только еще нужно вывести въ люди. Конецъ концовъ, мы всѣ люди очень практическіе, очень разсудительные. Я резонерка, ты резонерка, мы всѣ резонируемъ. Одна только Полинька Кранцъ почему-то не похожа на насъ всѣхъ. Въ ней много здоровой жизни, неподдѣльной поэзіи и очень мало разсудительности. Но она — несчастное исключеніе изъ общаго правила. Говорю «несчастное», потому-что такія богатыя поэтическія натуры никогда не поладятъ съ прозою тяжелой еврейской жизни. Такимъ натурамъ плохо живется въ нашей средѣ: она тѣсна и ограничена. Дай Богъ, чтобы я ошиблась, но со страхомъ вижу, что нашей Полинькѣ предстоитъ много страданій въ жизни. Еврей ея не оцѣнитъ, не пойметъ...

Мэри замолчала и тяжко вздохнула. Глаза ея подернулись влагою, она казалась очень разстроенною. Она подсѣла ко мнѣ на кушетку и, взявъ мои руки, опять начала:

— Послушай, Sophie,—ты не знаешь, а можетъ быть и знаешь, какъ дорогъ этотъ милый ребенокъ моему сердцу. Люблю Полину, какъ сестру, больше, чѣмъ сестру, люблю ее, какъ прекрасную мечту, какъ прекрасный идеалъ, къ которому мы стремились, но котораго мы недостигли. Боюсь, чтобы она въ мое отсутствіе не зачахла въ обществѣ своего практическаго брата, практическаго отца и прочихъ практическихъ людей нашей клики, или же, чтобы она своимъ живымъ темпераментомъ не надѣлала бѣдъ себѣ и своимъ. Она требуетъ большаго присмотра. А потому прошу тебя постараться полюбить ее, какъ я ее люблю, она тебя тоже полю-

бить, тогда тебѣ легко будетъ руководить ею. Съ человѣкомъ, къ которому она привязана, она очень ручна. А привязать ее къ себѣ совсѣмъ не трудно: стоитъ только понять ее, а понимать ее еще легче: у нея душа на распашку, въ ея сердцѣ можно читать, какъ по книгѣ. Она еще не знаетъ, что я, можетъ быть, на всегда оставляю Н.

— Я ей сказала, что уѣзжаю только на мѣсяцъ или на два. Потому-что, знай она всю правду, она, или заупрямится и не отпуститъ меня, или же поѣдетъ со мною. И такъ, ты мнѣ обѣщаешь наблюдать за Полиной, быть ей другомъ, сестрою?

— Обѣщаю, — отвѣтила я.

— Благодарю тебя, другъ мой, — сказала Мэри, поцѣловавъ меня три раза.—Теперь я уже, спокойна, зная что Полина будетъ въ надежныхъ рукахъ.

Лицо ея просвѣтлѣло. Неподражаемая улыбка опять заиграла на ея тонкихъ губахъ. Я не могла воздержаться, чтобы не замѣтить ей:

— И ты, послѣ этого, можешь сказать, что мы не умѣемъ чувствовать, любить!......

— Я сама удивляюсь нашему характеру, — отвѣтила Мэри, — чутье у насъ, кажется, хорошее, сердца не каменныя, а все-таки выкидываемъ часто такія штуки, что нужно ахнуть. Кто насъ разберетъ?

Мы расстались.

VI.

4 Августа.

Мэри уѣхала. На бангофъ пришли провожать ее всѣ наши: Адольфъ, Полина, Мозырскій, Берковичъ, Перецъ и всѣ наши подруги. Мы были грустны: мы всѣ сознавали, что уѣзжающая была лучшимъ украшеніемъ нашего кружка. Наше вниманіе очень ее трогало. Она поминутно пожимала намъ руки и благодарила насъ своею неподражаемою улыбкою. Она старалась казаться веселою, но ея блѣдность ясно выражала, что она страдаетъ. Стало быть, она уѣзжаетъ неохотно? Стало быть, она Адольфа все-таки любитъ? Кто ее разберетъ?

Полина не отставала отъ нея ни на шагъ. Она была очень разсѣянна, глаза у нея были заплаканы. Отецъ Мэри и Адольфъ стояли у буфета и разговаривали между собою въ полголоса. Адольфъ былъ очень серьезенъ, а можетъ быть и грустенъ. По временамъ онъ взглядывалъ на Мэри, гулявшую взадъ и впередъ по залу, подъ руку съ Полиной. Замѣчательно, что во взглядахъ этихъ не отражались ни особенная нѣжность, ни особенная грусть. Или мнѣ это такъ только казалось, потому-что я была предупреждена сообщеніемъ Мэри?.. Мозырскій курилъ папироску и съ какимъ-то неестественнымъ упорствомъ смотрѣлъ на приклеенное къ стѣнѣ печатное объявленіе, состоявшее всего изъ какихъ-нибудь пяти строкъ очень крупнаго шрифта. Берковичъ и Перецъ заговаривали съ нимъ, но онъ имъ отвѣчалъ легкимъ киваніемъ головы, не оборачиваясь даже къ нимъ. Понимаю это внимательное чтеніе пятистрочнаго объявленія!....

Первый звонокъ. Пассажиры встрепенулись и хватились своихъ сакъ-вояжей. Нашъ кружокъ соединился въ одну группу. Мэри, выпустивъ руку Полины, подошла ко мнѣ и отвела меня въ сторону.

— Помни-же, Sophie, о чемъ я тебя просила, — сказала она, судорожно сжимая мою руку. Надѣюсь, что Полина найдетъ въ тебѣ самую нѣжную сестру, самаго преданнаго друга. Я уже поговорила съ нею объ этомъ. Полина! кликнула она.

Полина подошла.

— Стало быть, на время моего отсутствія ты должна слушаться Sophie? Да?

— Да,—отвѣтила Полина,—но смотри, скоро вернись, не то— я все брошу и полечу къ тебѣ.

Второй звонокъ. Пассажиры зашевелились и стали высыпать на платформу. Мэри стала прощаться съ нами. Мужчинамъ она крѣпко пожала руку, а съ нами она перецѣловалась. Когда дошла очередь до Полины, послѣдняя повисла Мэри на шею и громко зарыдала. Неужели она предчувствовала, что она прощается съ нею надолго или, можетъ быть, на всегда? Мы на-силу оторвали ихъ другъ отъ дружки. Старый Тидманъ торопилъ Мэри сѣсть въ вагонъ. Она сѣла.

Третій звонокъ, а затѣмъ свистокъ, и поѣздъ тронулся.

Adieu, mes amis! — крикнула Мэри изъ окошка, посылая намъ воздушные поцѣлуи.

— Au revoir, mon ange! — отвѣтила ей Полина, махая платкомъ.

Мы возвращались домой грустные и молча, точно, мы похоронили кого нибудь. Полина шла съ Тидманомъ и всю дорогу не переставала плакать. Тидманъ утѣшалъ ее, но она не унималась, да у него самаго слезы такъ и лились. И не мудрено: какому отцу легко разлучиться съ такою дочерью.

Мнѣ и теперь очень грустно и все хочется плакать. Кто замѣнитъ мнѣ мою добрую, умную Мэри?....

VII.

9 Августа.

Сегодня утромъ я на улицѣ встрѣтилась съ Вацлавомъ.

— Самъ Богъ устроилъ нашу встрѣчу, — началъ онъ послѣ обычныхъ привѣтствій и разспросовъ о здоровьѣ. Идучи, я думалъ о васъ.

— Нельзя-ли узнать причину вашихъ думъ обо мнѣ? — спросила я.

— Мнѣ хотѣлось сообщить вамъ интересную новость, — отвѣтилъ онъ, покручивая свои усики.

— Новость и еще интересную! Это очень интересно. Говорите скорѣе.

— Ага! Такъ вы тоже любопытны!

— Еще-бы! Развѣ я не дочь Евы! Говорите же скорѣе, не мучьте.

— Хорошо, не буду. Но позвольте мнѣ сперва спросить, читаете-ли вы газеты?

— Нѣтъ, — отвѣтила я, — что пользы въ ихъ чтеніи, въ особенности для насъ, женщинъ?

— Знаете по крайней мѣрѣ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ.

— На бѣломъ свѣтѣ дѣлается все безъ насъ, — возразила я.

— Какъ же безъ насъ?—спросилъ Вацлавъ, обидѣвшись,— на свѣтѣ все дѣлается не ангелами, а людьми, такими же существами какъ мы. Стало быть, и мы можемъ что нибудь сдѣлать и сдѣлаемъ. Прошу васъ вѣрить, что сдѣлаемъ и какъ еще сдѣлаемъ! Небу жарко будетъ!

— Ахъ, Іезусъ-Марія! Какіе страхи! — пошутила я, заломавъ руки.

— Вы изволите шутить, панна Софія? замѣтилъ мнѣ Вацлавъ съ упрекомъ.

— Отчего же вы меня мучите? Гдѣ ваша обѣщанная интересная новость?

— Вотъ она! сказалъ онъ, вынувъ изъ своего боковаго кармана сложенный нумеръ польской газеты. Вы здѣсь найдете, помѣченную краснымъ карандашомъ, статью, которую совѣтую вамъ прочесть со вниманіемъ.

— А кто авторъ этой интересной статьи, не панъ ли Вацлавъ Заремба?—спросила я лукаво.

— Не знаю,—отвѣтилъ онъ съ авторскою скромностью, — она не подписана.

— Все равно. Обѣщаюсь вамъ прочитать ее съ большимъ вниманіемъ.

— И если она вамъ понравится, — прибавилъ Вацлавъ, - то прошу васъ прочитать ее вашимъ подругамъ, въ особенности тѣмъ, съ которыми я имѣлъ удовольствіе познакомиться на вашихъ имянинахъ.

— И паннѣ Полинѣ Кранцъ? — спросила я не безъ задней мысли.

— Разумѣется, — отвѣтилъ онъ, зардѣвшись и сталъ откланиваться.

Возвратившись домой, я взялась за газету. Помѣченная карандашомъ статья была длинная корреспонденція изъ нашего города, въ которой,—ну кто бы могъ этого ожидать,—описывается празднованіе моихъ имянинъ со всѣми подробностями и съ какими красками! Имена не выставлены, а обозначены начальными буквами. Даже разговоры, даже шутки не забыты. Хорошая, видно, память у пана Вацлава и наблюдательности тоже довольно. На первомъ планѣ, разумѣется, фигурируетъ панна П. т. е. Полинька. Онъ называетъ ее то «перломъ въ діадемѣ восточной принцессы», то «главнымъ цвѣткомъ въ гирляндѣ». Корреспондентъ съ восторгомъ отзывается о нашемъ чисто-польскомъ произношеніи, чисто-польскомъ dowcipu. Но болѣе, чѣмъ сама корреспонденція, поразила меня слѣдующая *замѣтка* отъ редакціи:

«Въ этой интересной корреспонденціи, которую, надѣемся, каждый добрый полякъ прочтетъ съ удовольствіемъ, непріятно поразило нашъ слухъ негармоническое слово «старозаконные». Неужели нашъ почтенный корреспондентъ еще не знаетъ, что у насъ нѣтъ и не должно быть старозаконныхъ, а есть *поляки Моисеева исповѣданія?* Если не знаетъ, то да будетъ вѣдомо ему и всѣмъ *кому о томъ вѣдать надлежитъ*, что слово «старозаконный» также старо, какъ стары тѣ вредные предразсудки, отъ которыхъ мы разъ на всегда должны отрѣшиться, если хотимъ идти въ уровень съ вѣкомъ, если хотимъ, чтобы образованный міръ былъ съ нами, а не противъ насъ. Понимаете-ли вы, братья наши въ Польшѣ, на Литвѣ, Волыни и Подоліи?.... Преслѣдуйте назойливо честнаго человѣка кличкою «воръ» и онъ сдѣлается воромъ, и сдѣлается онъ не по своей натурѣ, а по вашей милости. Продолжайте называть израелитовъ *жидами, старозаконными* и они никогда не сдѣлаются поляками. Мы не намѣрены входить здѣсь въ разбирательство, кто изъ насъ правъ и кто виноватъ. Можетъ быть, виноваты они, а можетъ быть мы сами еще больше ихъ виноваты. Кассируемъ старые счеты и протягиваемъ имъ руку на zgode, jednocs, braterstwo. Кого мы кормимъ хлѣбомъ нашимъ, тотъ не долженъ и не можетъ быть врагомъ нашимъ. Евреи — народъ историческій, замѣчательно способный, энергическій, не толпа цыганъ, а цивилизованное общество съ извѣстною культурою. Патріотическаго

чувства въ нихъ бездна. Доказательство—ихъ двухтысячелѣтняя привязанность къ своему бывшему отечеству, религіи, обычаямъ. Если съумѣемъ воспользоваться этимъ чувстомъ, мы въ проигрышѣ не будемъ. Если сдѣлаемъ край нашъ второю для нихъ Палестиною, они въ огонь за него полѣзутъ головы свои положатъ, кровь свою прольютъ. Съ какимъ самоотверженіемъ, достойнымъ подражанія, отстаивали они свой священный городъ отъ побѣдоносныхъ римскихъ легіоновъ. Читайте Іосифа Флавія, и вы убѣдитесь, сколько воинской храбрости, мужества и неустрашимости было въ этомъ народѣ. Подавая руку нынѣшнимъ Израелитамъ, мы подаемъ руку не потомкамъ презрѣнныхъ русовъ или измѣнниковъ своему отечеству, а потомкамъ храбрыхъ, но волею Промысла побѣжденныхъ *рыцарей*. Sapienti sat....»

Мнѣ трудно выразить словами то, что я почувствовала, когда я прочла эти огненныя строки. Сердце мое начало сильно биться... Голова закружилась.... Я читала, перечитывала и не вѣрила глазамъ своимъ.... Совершенно новый для меня языкъ.... Онъ волнуетъ мою кровь.... Я вся дрожу.... И это говоритъ полякъ?.... И онъ не шутитъ, не дурачитъ?.... Прочь отъ меня сомнѣнія!.... Хочу вѣрить, хочу любить!.... Развѣ мы не можемъ полюбить нашу родину, какъ наши предки любили Палестину? Можемъ! Тысячу разъ можемъ!.... Мы развѣ изверги? «Мы потомки храбрыхъ, но волею Промысла побѣжденныхъ рыцарей!» Стало быть, мы не всегда были торгашами, скопидомами, скрягами, эгоистами? Дайте намъ возможность любить, и мы не будемъ все холодно расчитывать. Развѣ намъ пріятно ничего не любить, ни къ кому не принадлежать, всегда чувствовать себя какъ бы между чужими? Старикамъ это, можетъ быть, было и пріятно, но намъ, молодымъ, это тягостно, мучительно. Одна наша народность не удовлетворяетъ насъ, мы не находимъ въ ней того, что въ ней находили родители наши. Наши потребности совершенно другія.... Онѣ должны быть удовлетворены. Удовлетворяйте! Не отталкивайте насъ словами, взглядами, потому-что мы до болѣзненности понимаемъ слова и взгляды. Дайте намъ отечество, дайте намъ народность! Намъ самимъ уже претитъ быть нѣмцами на землѣ польской.... Я хочу быть, должна быть и могу быть полькой. Полькой, какъ всѣ мои землячки!.... Слышите, что говоритъ вамъ старшій братъ вашъ!— «Если сдѣлаемъ край нашъ второю для нихъ Палестиною, они въ огонь за него полѣзутъ, головы свои положатъ, кровь свою прольютъ». Да Мы вамъ докажемъ, что еврейка можетъ быть патріоткою не хуже родовитой польки. И будьте вы прокляты, если вы отнимите у насъ возложность любить ойчизну, какъ вы ее любите!.....

Рука дрожитъ.... Не могу больше....

VIII.

10 августа.

Какое великолѣпное утро. Какая свѣжесть! Какой ароматъ отъ еще зеленыхъ деревьевъ! Изъ сада чрезъ отворенное окно долетаетъ веселое чириканье птицъ, перелетающихъ съ вѣтки на вѣтку, съ дерева на дерево. Я встала съ солнцемъ. Вчерашнее волненіе улеглось. Душа ясна, свѣжа. Я уже давно не чувствовала себя такъ хорошо. Сердце не ноетъ, не тоскуетъ. Я довольна, я счастлива. Какъ хорошъ Божій міръ! Люди говорятъ, что жизнь—бремя. Нѣтъ, не бремя она, а прекрасный подарокъ. Развѣ бремя — это величественное солнце, это голубое небо, этотъ ароматическій воздухъ, эта душистая зелень?....... Нужно, однакоже, внести въ дневникъ вчерашнія событія.

Часу въ пятомъ по-полудни, когда я хотѣла сѣсть за фортепіано, ко мнѣ зашелъ Адольфъ.

— Извините, что я вамъ помѣшаю, началъ онъ съ видомъ человѣка, который очень занятъ и куда-то торопится, — я попрошу васъ отложить на послѣ вашъ музыкальный урокъ. Я пришелъ за вами.

— Какъ за мною?—спросила я.

— То есть, чтобы вы сейчасъ потрудились къ намъ, — пояснилъ онъ; не знаемъ, что дѣлать съ Полиной.

— Что такое случилось? — спросила я, испугавшись его разстроеннаго лица.

— Она закапризничала, по-просту сказать,—она бѣснуется. Со вчерашняго дня она не принимаетъ пищи, плачетъ, рыдаетъ, рветъ на себѣ платье, однимъ словомъ, дѣлаетъ разныя глупости.

— Что за причина?

— Причина та, что кто-то изъ нашей прислуги съ-дуру проболтнулась, что Мэри уѣхала на всегда и больше въ Н* не возвратится. Вотъ она и пошла писать. «Отпустите, отпустите меня въ Г*»—и только. Мы провозились съ нею всю ночь. Отецъ внѣ себя. Мы ее урезонивали, урезонивали, — не помогаетъ. Она грозитъ, что, если мы ее по доброй волѣ не отпустимъ, она тайкомъ уйдетъ и пѣшкомъ доберется до Мэри. Отъ такой взбалмошной можно всего ожидать. Вѣдь вы ее знаете: что разъ забьетъ себѣ въ голову, того никакимъ клиномъ изъ нея не выбьешь. Мнѣ только жаль старика: онъ вѣдь души въ ней не чаетъ. Что-же намъ дѣлать? Не возьметесь-ли вы унять ее? Не удастся-ли вамъ прибрать къ рукамъ этого діавола въ образѣ женщины! Мы уже не имѣемъ противъ нея никакихъ средствъ. Мы все испробовали, и

ласки, и угрозы—не помогаетъ. Можетъ быть вы, m-lle Sophie, будете счастливѣе?

— Попробую,—отвѣтила я,—тѣмъ болѣе, что и Мэри, передъ отъѣздомъ, препоручила мнѣ надзоръ за вашею капризницею.

— Ну и хорошо,—сказалъ Адольфъ, обрадовавшись. Поѣдемъ-же сейчасъ.

Я одѣлась и мы отправились укрощать расходившагося звѣрька. На всякій случай я захватила съ собою нумеръ газеты.

Я нашла Полину въ постели растрепанною, заплаканною, блѣдною, сердитою, взбѣшенною и съ лицомъ, обращеннымъ къ стѣнѣ. По ея ускоренному и тяжелому дыханію видно было, что въ ея груди цѣлый адъ. Когда я вошла въ спальню, она обернулась ко мнѣ лицомъ, покраснѣла, подперла рукою свою голову и ничего не сказала. Она даже не поздоровалась со мною. Мы нѣсколько минутъ смотрѣли другъ на дружку и молчали. Потомъ, не будучи въ состояніи воздержаться, я разсмѣялась.

— Ты еще смѣешься? — начала Полина спокойно, — хорошо, смѣйся. Я вижу, что вы всѣ рѣшились уложить меня въ гробъ. Извольте, смерть мнѣ не страшна.

— И такъ, ты уже собираешься на тотъ свѣтъ? — спросила я, продолжая смѣяться.

— Что же мнѣ и дѣлать, когда вы всѣ бѣсите, дурачите меня? И ты, Sophie, тоже съ ними за одно? Вѣдь ты тоже знала, что Мэри уѣзжаетъ на всегда. Отчего же ты мнѣ не сказала?

— Что же бы было, если бы и сказала?

— Знаю, что бы было! — крикнула Полина, оживляясь. О, ты ихъ не знаешь!...

— Кого это?

— А хоть бы моего любезнаго братца. Онъ, должно быть, сказалъ Мэри какую нибудь грубость, — вѣдь онъ мастеръ на это,— она взяла и уѣхала, вотъ я и живи съ этими тиранами.

— Какіе они тираны? что ты бредишь?

— Тираны, тираны, тираны! — кричала Полина запальчиво! — Эгоисты и тираны! Ты мнѣ не говори, я ихъ лучше знаю. Они никого не любятъ, никого не цѣнятъ... Они любятъ только деньги. Ты думаешь, что Адольфъ любилъ Мэри? О, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Если бы онъ любилъ, онъ бы ее не отпустилъ. Но гдѣ ему любить ее? Онъ мизинца ея не стоитъ. О, какъ я рада, что она уѣхала! Она была бы очень несчастна. Онъ измучилъ бы ее своею холодностью, своимъ эгоизмомъ. Адольфу нужна не Мэри, а подобная ему эгоистка. Они вмѣстѣ будутъ считать себѣ барыши и будутъ довольны. Ты знаешь, отчего Адольфъ бьетъ баклуши и не ѣдетъ въ академію? Не знаешь? А я знаю. Онъ находитъ, что медицинская карьера не довольно для него прибыльная. Грошовая практика! Не разбогатѣешь въ три мига, а ему нужно разбогатѣть быстро.

Я ее не прерывала. Парадоксъ слѣдовалъ за парадоксомъ, безсмыслица за безсмыслицей, несправедливость за несправедливостью. Я выслушивала ее спокойно, молча, потому что я знала, что это сердечное изліяніе облегчитъ ее и она успокоится.

Она дѣйствительно успокоилась. Не встрѣчая на пути препятствія, дикій потокъ ея гнѣвнаго краснорѣчія сталъ катить свои воды все спокойнѣе и спокойнѣе, сталъ мельчать, а потомъ и совсѣмъ остановился. Я воспользовалась этою минутою и сказала ей, что я имѣю для нея интересную новость.

— Новость?—воскликнула она, обрадовавшись—хорошо!—Подавай!

— Вчера,—начала я,—я встрѣтилась съ Вацлавомъ.

— Съ Вацлавомъ? Какая счастливица! А вотъ я съ того вечера ни разу съ нимъ еще не встрѣчалась. Фи, не люблю его за то, что онъ никогда не попадается на встрѣчу. Ну, что же Вацлавъ?

— Вацлавъ передалъ мнѣ нумеръ газеты, въ которой я нашла очень интересную для насъ статью.

— Давай, давай!—вскричала она, протянувъ руки за газетою.

— Ты же умирающая,—возразила я,—тебѣ самой трудно будетъ читать. Ты лучше слушай, а я буду читать.

— Пусть такъ,—согласилась Полина,—начинай же скорѣе, потому-что мои минуты, вѣроятно, уже сочтены, — прибавила она, улыбнувшись.

Я начала:

Н, 25 іюля. На-дняхъ, счастливый случай доставилъ намъ возможность присутствовать на семейномъ праздникѣ у одного изъ здѣшнихъ зажиточныхъ старозаконныхъ, пана М. А. Дочь этого почтеннаго старозаконнаго, пана С., дѣвица съ kompletnym wychowaniem, воспитанница одной нашей родственницы, доброй польки, праздновала свои имянины...

— Послушай, Sophie, — перебила меня Полина,—не о тебѣ-ли здѣсь рѣчь!

— Здѣсь будетъ рѣчь о всѣхъ насъ,—отвѣчала я.—Слушай и не прерывай меня.

— Хорошо, хорошо. Читай дальше.

Я продолжала. По мѣрѣ того, какъ я подвигалась въ чтеніи, лицо Полины постепенно прояснялось. Она слушала внимательно, вслушиваясь въ каждое слово. Когда я дошла до того мѣста, въ которомъ говорилось о ней, она подняла голову съ подушекъ и, привставъ немного, воскликнула.

— Я—перлъ въ діадемѣ? О, какъ это поэтично! Это пишетъ Вацлавъ, Вацлавъ и никто другой!...

— Почемъ ты это знаешь?—спросила я,—подъ статьей никто не подписанъ.

— Я чувствую, что это онъ—отвѣчала она, воспламеняясь. Слышишь,—онъ, онъ!... Но читай дальше.

Я читала дальше.

— «Лучшій цвѣтокъ въ гирляндѣ?»—опять прервала она.—Я его за вихорь выдеру за то, что онъ такъ льститъ! Не хочу, чтобы мнѣ льстили, хочу, чтобы меня любили!... Ты уже кончила?—

— Постой, тутъ еще замѣтка отъ редакціи.

— Читай замѣтку отъ редакціи.

Я прочла замѣтку.

Если корреспонденція только привела ее въ восторгъ, то замѣтка чуть совсѣмъ не свела ее съ ума. Она... Но мамаша зоветъ меня къ завтраку.

IX.

11 августа.

Глаза Полины загорѣлись какимъ-то неестественнымъ огнемъ, зрачки расширились и метали такія искры, отъ которыхъ я невольно затрепетала. Потомъ, сдернувъ съ себя одѣяло, она соскочила съ кровати и, бросившись мнѣ на шею, истерически зарыдала. Я остолбенѣла.

— Полина, Полинька, что тебѣ?—спросила я, трясясь отъ испуга.

— Мнѣ—хорошо, очень хорошо, Софія,—проговорила она и опять бросилась на кровать.—Такъ хорошо, что сердце готово выскочить отъ радости. Мы—польки! Понимаешь, Софія, —мы ужъ не жидувки, а польки. Намъ ужъ не нужно будетъ краснѣть; намъ уже можно будетъ каждому смѣло смотрѣть въ глаза и никто уже не смѣетъ бросать на насъ презрительные взгляды.... Мы польки! Поймешь-ли ты, наконецъ, что это значитъ?—крикнула она на меня почти съ гнѣвомъ.—Отчего ты такъ безчувственна?

Она опять соскочила съ кровати, быстро накинула на себя бурнусъ, надѣла туфли, поправила свои локоны и, бросившись на кушетку, опять начала нѣсколько спокойнѣе, но съ возрастающимъ чувствомъ.

— Послушай, Софія,—ты не думай, что я глупая, пустая дѣвушка. Вы всѣ видите только мои капризы, мои сумасбродства, но что дѣлается *здѣсь* (она указала на сердце) этого вы не видите и никогда не увидите.... Я большая скрытница, ужасная скрытница. Я васъ всѣхъ обманываю. Я такъ хорошо умѣю притворяться, что никогда не поймете, что во мнѣ происходитъ въ данную минуту. Я могу плясать, дурачиться, проказничать въ то время, когда

имѣю большую охоту повѣситься.... Но что я хотѣла тебѣ сказать?... Не помнишь?

Нѣтъ.

— Ахъ, да, вотъ что,—сказала она, потеревъ свой лобъ.—Я хотѣла исповѣдываться передъ тобою въ одной вещи. Теперь это можно. Только, смотри, не осуждай меня, точно такъ, какъ не осуждала-бы меня и Мэри. А впрочемъ какъ тебѣ угодно будетъ. Дѣло вотъ въ чемъ: меня всегда мучило сознаніе, что я еврейка.... Ты пожимаешь плечами?... Я сама тоже знаю, какъ это глупо, но я никогда не могла преодолѣвать въ себѣ этого непріятнаго, мучительнаго чувства. Я желала себѣ провалиться сквозь землю каждый разъ, когда до моего слуха долетали простыя, но все-таки ядовитыя слова: «это жидувка»! Если этого не произносили ихъ уста, то громко кричали ихъ взгляды, отчего мнѣ нисколько не было легче, было даже еще тяжелѣе.... Жидувка! Я ни у кого ничего не украла, никого не ограбила, а мнѣ всегда жутко было проходить мимо христіанъ или встрѣчаться съ ними, потому что я, хотя и потупляла глаза, однакожъ хорошо видала ихъ насмѣшливыя улыбки, отъ которыхъ кровь во мнѣ закипала, голова кружилась. Жидувка! Я очень хорошо знаю, что мы во всѣхъ отношеніяхъ не хуже, а можетъ быть и лучше ихъ, однакожъ я всегда завидовала полькамъ ихъ происхожденіе и злилась на судьбу, за то, что я родилась еврейкою.... Ты находишь, что это глупо, очень глупо? Да?

— Да,—отвѣтила я.

— Положимъ, что я съ тобою согласна, но съ сердцемъ ничего не подѣлаешь. Меня возмущаютъ наносимыя намъ обиды, онѣ меня давятъ, онѣ терзаютъ мое сердце, мою душу. О, если бы я умѣла презирать, то я бы столько не страдала. Но я презирать не умѣю; умѣю или любить, или ненавидѣть,—вотъ въ чемъ мое несчастіе! Любить христіанъ я не могу, потому что не заслуживаютъ, повода не даютъ: они постоянно дразнятъ насъ, кровь нашу портятъ; вѣчно же ихъ ненавидѣть—тошно, мучительно и для меня рѣшительно невозможно. О, научи меня презирать обиды и обидчиковъ, какъ ты, какъ всѣ наши презираютъ, и я по гробъ буду благодарна тебѣ. Перестану капризничать, потому, что не буду раздражаться, буду смирна, какъ овечка, послушна, какъ самое послушное дитя, однимъ словомъ буду вести себя умницей, не буду огорчать больше папашу, брата и всѣхъ васъ.... Вѣдь Адольфъ въ сущности правъ, что называетъ меня сумасбродкою. Развѣ я не сумасбродничаю? Я сама это знаю, но не могу иначе: кровь кипитъ, бушуетъ и все отъ того, что какая нибудь глупая шляхтянка считаетъ себя выше меня, выше всѣхъ насъ, единственно потому, что она родилась христіанкою, а мы еврейками.

— Я думаю, что теперь это ужъ будетъ иначе—возразила я.— Ты забываешь, что теперь—мы польки моисеева исповѣданія, стало быть, называть насъ жидувками никто уже не посмѣетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросила она удивленно, какъ будто она теперь только услышала эту новость.—И это правда? И ты не лжешь? И газета не лжетъ? О, какъ это хорошо! какъ я счастлива! Да, мы польки, будемъ польками не хуже родовитыхъ полекъ! Я имъ это докажу!... Послушай, Зося,—сказала она, вскочивъ съ кушетки и протянувъ мнѣ свою правую руку,—дадимъ себѣ клятву—говорить между собою не иначе, какъ по польски, согласна?

— Согласна.

— Ни по-нѣмецки, ни по-французски, на что намъ эти языки,—а только по-польски, языкомъ нашей отчизны, dobrze?

— Dobrze.

— И да будетъ стыдно тому, кто нарушитъ эту клятву! Согласна?

— Согласна.

Она меня обняла и поцѣловала.

— Мнѣ душно здѣсь,—сказала она, подхвативъ меня подъ руку,—пойдемъ въ залъ.

Пройдя со мною нѣсколько разъ по залу, она вдругъ высвободила свою руку, подскочила къ роялю и, взявъ предварительно нѣсколько аккордовъ, забарабанила, и именно забарабанила: Jeszcze Polska nie zginela... Она барабанила съ увлеченіемъ, съ азартомъ. Не довольствуясь этимъ, она обѣими ногами уперлась въ педаль и стала колотить по клавишамъ, что было силъ, отчего звуки превратились въ какой-то неистовый, дикій гулъ. На этотъ гулъ, отъ котораго дрожали стѣны прибѣжали старый Кранцъ и Адольфъ. Увидѣвъ Полину за роялемъ и производящую такую странную музыку, они остолбенѣли отъ ужаса и многозначительно переглянулись между собою, какъ бы говоря: все кончено, она рехнулась! Я поняла ихъ взглядъ, подошла къ нимъ на цыпочкахъ и въ нѣсколькихъ словахъ успокоила ихъ. Старикъ пожалъ плечами, покачалъ головой и вышелъ, за нимъ послѣдовалъ и Адольфъ. Полина, вся погруженная въ свою музыку, не замѣтила ни ихъ прихода, ни ихъ ухода. Она продолжала свое съ возрастающимъ азартомъ.

— Довольно!—сказала она, прервавъ игру на половинѣ колѣна. Пойдемъ гулять.

— Какъ-же ты пойдешь? спросила я—на тебѣ вѣдь лица нѣтъ. Всмотрись въ зеркало, ты такая растрепанная!...

— Ничего,—отвѣтила она,—умоюсь и одѣнусь, такъ будетъ на мнѣ мое всегдашнее лицо.

— Но ты вѣдь со вчерашняго дня ничего не ѣла, — замѣтила я.

— Ахъ, да, — припомнила она, — ну чтожъ, я что нибудь перекушу и будетъ съ меня, мы вѣдь не дрова рубить идемъ.

Она два раза дернула за сонетку. Явилась Михалина.

— Умыться, одѣться и перекусить что нибудь, но живо, moja kochana!

— W moment, pani,—отвѣтила Михалина и живо захлопотала около своей барышни.

Въ полчаса Полина была совсѣмъ готова. Она была той же Полиной, какъ и всегда, только лицо ея было нѣсколько блѣдно.

— Куда же мы пойдемъ?—спросила я.

— Въ городской садъ,—отвѣтила Полина,—тамъ мы вѣрно его встрѣтимъ.

— Кого это?

— Разумѣется, Вацлава. Какая ты, Зося, однакожъ недогадливая,—замѣтила она мнѣ съ упрекомъ.

Мы обошли всѣ большія аллеи. Гуляющихъ было много. Она искала *его* глазами, но онъ не попадался на встрѣчу. Она стала нетерпѣлива.

Какой онъ несносный!—сказала она, начиная уже сердиться,—всѣ гуляютъ, а онъ-то гдѣ теперь торчать изволитъ? Неужели все у панны Изабеллы? Очень интересная особа, не правда-ли?

— Она его кузина,—отвѣтила я.

- Знаемъ мы этихъ кузинъ и кузеновъ!... По справкамъ оказывается, что седьмая вода на киселѣ, вотъ и все кузенство.

Это замѣчаніе мнѣ не понравилось.

— Ты, Полина,—зачѣмъ злословишь? упрекнула я ее.

— А чортъ его побери, — отвѣтила она съ своимъ обычнымъ легкомысліемъ.—Зачѣмъ же онъ прячется отъ людей, которые желаютъ его видѣть?... Пойдемъ сюда,—сказала она вдругъ, увлекши меня въ боковую аллею, на концѣ которой промелькнуло что-то похожее на Вацлава.

Cicho, patrzaj, ktoś nadchodzi,—
Serce mówi, że to-on!...

продекламировала она шутя, и устремилась на встрѣчу къ *нему*. Но, поровнявшись съ *нимъ*, мы увидѣли, что это не онъ, а какой-то другой молодой человѣкъ.

— Не онъ! — воскликнула она довольно громко, такъ что молодой человѣкъ обернулся и окинулъ насъ испытующимъ взглядомъ. Намъ сдѣлалось неловко. Мы поспѣшили выбраться изъ сада.

У воротъ мы встрѣтились съ Мазырскимъ. Онъ съ нами раскланялся.

— Не писала-ли m-lle Тидманъ? спросилъ онъ мимоходомъ.

— Нѣтъ еще!—отвѣтила я.

— На-дняхъ, вѣроятно, напишетъ, прибавила Полина,—заходите къ намъ.

— Постараюсь,—отвѣтилъ Мозырскій и пошелъ въ садъ.

На возвратномъ пути Полина была совершенно спокойна. Я не замѣтила въ ней даже досады на то, что ей неудалось повидаться съ Вацлавомъ.

X.

Мэри Тидманъ къ Софіи Аронсонъ.

Г*, 10-го августа 1861 г.

Тетушка и дядюшка приняли меня съ неподдѣльнымъ радушіемъ, могу сказать даже, съ восторгомъ. Они обнимали, цѣловали меня, смотрѣли мнѣ въ лицо и плакали отъ радости. Я тоже не могла воздержаться отъ слезъ.

— Какъ ты выросла! Какъ похорошѣла! Какая красавица! Вся въ мать твою покойную, царство ей небесное!—Поминутно вскрикивала тетя, и давай душить меня въ своихъ объятіяхъ, а слезы такъ и льются.

— Ну, зачѣмъ же плакать? Слава Богу, что красавица,—увѣщевалъ ее дядя, а самъ, небось, тоже плачетъ.

Добрые старики! какъ хорошо имѣть родныхъ и при томъ такихъ добрыхъ и нѣжныхъ! Почти забываешь о своемъ сиротствѣ... Не знаю, сколько продолжалась эта сцена, но должно быть, что довольно долго, потому что, когда мы сѣли въ ожидавшую насъ коляску, на платформѣ и въ воксалѣ никого, кромѣ служащихъ при желѣзной дорогѣ, уже не было. Коляска вскорѣ подкатила къ большому, довольно изящно отдѣланному, зданію. Это—домъ моихъ родныхъ, и моя новая резиденція. Г*—городъ небольшой и, какъ надо полагать, довольно скучный. Но прежде, чѣмъ говорить о городѣ и моихъ первыхъ впечатлѣніяхъ, я должна разсказать тебѣ, что собственно заставило меня предпринять эту поѣздку. Въ Н я должна была молчать объ этомъ, обстоятельства этого требовали; но теперь могу быть откровенна, а съ тобою, chére Sophie, тѣмъ паче. Слушай же.

Нѣсколько недѣль тому назадъ, въ одно утро, ко мнѣ зашелъ папа, сѣлъ на кушетку и закурилъ сигару. Его умное, всегда спокойное лицо было такъ мрачно, что я невольно испугалась. Я хотѣла было заговорить съ нимъ, но страхъ такъ внезапно овладѣлъ мною, сердце мое начало такъ сильно биться, предчувствуя что-то недоброе, что я не въ состояніи была выговорить ни слова и съ мучительнымъ нетерпѣніемъ ждала его объясненія.

— Садись ко мнѣ, Мэри,—сказалъ онъ наконецъ,—хочу поговорить съ тобою объ одномъ дѣлѣ.

Я сѣла и превратилась вся въ слухъ.

Лице мое, должно быть, выражало въ эту минуту всю тревогу, которою объята была душа мая, потому-что отецъ, бросивъ на меня испытующій взглядъ, поспѣшилъ успокоить меня.

— Да не пугайся же, душа моя, — сказалъ онъ, — ничего особенно важнаго не случилось. Хочу только посовѣтоваться съ тобою на счетъ одного дѣла.

— И только? — могла я наконецъ проговорить, когда у меня нѣсколько отлегло отъ сердца.

— Только.

— Ну, хорошо. Въ чемъ же дѣло?

— Дѣло, видишь-ли, въ томъ,—началъ отецъ какъ-то не рѣшительно; — впрочемъ, о дѣлѣ поговоримъ послѣ... Онъ нѣсколько разъ провелъ рукою по лбу и опять началъ:

— Что дѣла мои въ послѣднее время шли очень плохо, — ты, кажется, знаешь?

— Знаю.

— Но что я разорился...

— Разорился! — воскликнула я, всплеснувъ руками и вставъ съ своего мѣста,—обанкрутился!...

— Нѣтъ, Мэри, не обанкрутился, а разорился. Я никому не долженъ, но и ничего не имѣю. Я бѣденъ, но не обезчещенъ, могу каждому прямо смотрѣть въ глаза.

— Слава Богу и за это, — сказала я, чтобы хоть нѣсколько утѣшить отца,—незапятнанное имя также капиталъ.

— Это такъ,—возразилъ отецъ,—но наше положеніе отъ этого нисколько не улучшается. Мое незапятнанное имя не даетъ мнѣ пока средствъ держать нашъ домъ на прежней ногѣ. Мое незапятнанное имя даетъ мнѣ только возможность и смѣлость начать опять съ начала. Распродавъ наше имущество, въ томъ числѣ и наше столовое серебро, могу выручить тысячи четыре или пять и на эти деньги опять начну торговать, ограничивъ при томъ расходы до самыхъ крайнихъ размѣровъ.

— Чтожь, можете,—отвѣтила я,—я вамъ въ тягость не буду. Буду сама зарабатывать хлѣбъ свой.

— Какъ ты это будешь зарабатывать?—спросилъ отецъ почти иронически.

— Буду трудиться, работать.

— То-есть, уроки давать, рубашки шить?

— Отчего-бы и не такъ?—спросила я,—развѣ воспитаніе, которое вы мнѣ дали не можетъ принести мнѣ никакой пользы? Развѣ мой аттестатъ и мои познанія не даютъ мнѣ никакихъ правъ на трудъ?

— Права на трудъ они, пожалуй, и даютъ, но не даютъ никакой гарантіи, что трудъ твой будетъ вознагражденъ по достоинству, а на грошовые заработки я тебя не пущу: они тебя унизятъ, а меня убьютъ. Видѣть тебя гуверванткою въ какомъ нибудь полудикомъ семействѣ, которое не пойметъ, не оцѣнитъ тебя, которое будетъ смотрѣть на тебя, какъ на нищую, а на отпускаемый тебѣ гонораръ, какъ на милостыню—это выше силъ моихъ. Я могу все сносить, всякія непріятности, всякія лишенія, неудачи, даже свое униженіе, но униженіе моихъ дѣтей... моихъ дѣтей...

Онъ не могъ продолжать. Закрывъ лицо руками, онъ заплакалъ, онъ, отецъ мой, котораго я всегда считала невозмутимымъ!... Изъ этого я могла заключить, какъ сильно онъ страдаетъ, не за себя, а за насъ, которыхъ онъ такъ любитъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ оправился и опять началъ:

— Впрочемъ, не все еще потеряно. Положеніе наше вовсе не такое отчаянное, какъ кажется съ перваго взгляда. Я пользуюсь въ коммерческомъ мірѣ именемъ честнаго и дѣльнаго негоціанта. Поѣду въ Ригу: тамошнее купечество, съ которымъ я всегда имѣлъ дѣла, знаетъ меня съ самой лучшей стороны, не откажетъ мнѣ въ совѣтѣ, поддержкѣ и рекомендаціи. Сердце мнѣ говоритъ, что мои обстоятельства поправятся. Не буду имѣть своихъ дѣлъ, пойду въ бухгалтеры, прикащики, я вѣдь съ этого и началъ. Буду работать день и ночь и надѣюсь, что мое усердіе, труды и умѣнье будутъ вознаграждены по достоинству; нѣмцы вѣдь умѣютъ цѣнить людей, не то, что наши евреи, которые любятъ все подешевле, хоть и погнилѣе. Сашѣ буду высылать его мѣсячное содержаніе сполна, какъ прежде. Онъ долженъ продолжать свой курсъ также успѣшно, какъ началъ. Я не хочу, чтобы онъ отвлекался отъ своихъ прямыхъ студенческихъ занятій уроками или переводами. Что же касается тебя, то ты тѣмъ временемъ, пока обстоятельства наши не поправятся, будешь жить въ Г*, у тети.

— Въ Г*, у тети!—воскликнула я, заломавъ руки;—быть приживалкою въ чужомъ домѣ! Развѣ это почетнѣе, чѣмъ быть гувернанткою, зарабатывающею хлѣбъ свой честнымъ трудомъ?

— Послушай, Мэри, — возразилъ отецъ спокойно, но рѣшительно, ты пойми меня хорошенько. Я противъ званія гувернантки ничего не имѣю: оно почтенно, какъ всякое честное занятіе; но я въ гувернантки тебя не готовилъ, да ты и неспособна быть гувернанткою. Ты нужды никогда не знавала, ты привыкла ко всѣмъ удобствамъ роскошной жизни, ты привыкла повелѣвать, а не слушать приказанія, ты умѣешь обращаться съ людьми, себѣ равными, но ты не съумѣешь обращаться съ дѣтьми, капризы которыхъ будутъ выводить тебя изъ терпѣнія, котораго у тебя не очень много, какъ у всѣхъ, воспитанныхъ въ довольствѣ. Поэтому, ты будешь гувернанткою очень плохою, или тебѣ очень горько будетъ быть гувернанткою. Это во первыхъ. Во вторыхъ, мое родительское сердце, которое тоже должно быть принято во вниманіе, возмущается противъ мысли—пустить тебя въ чужой домъ на заработки, служить, когда есть въ резервѣ болѣе приличный рессурсъ, не унизительный ни для тебя, ни для меня. Рессурсъ этотъ — твоя тетка. Она женщина добрая, богатая, деликатная и бездѣтна. Она будетъ тебѣ рада, какъ дочери, ты въ ней найдешь мать, которой ты такъ рано лишилась. Прочитай, что она пишетъ,—заключилъ онъ, вынимая изъ своего боковаго кармана листокъ исписанной бумаги.

Письмо было подписано дядею и теткою. Оно дышало такою теплотою, такою любовью, что я была сильно растрогана. «Ожидаемъ Мэриньку съ распростертыми объятіями, — сказано было между прочимъ. — Будемъ хранить ее, какъ зѣницу ока, пылинка на нее не сядетъ. Она замѣнитъ намъ дитя, въ которомъ Богъ отказалъ намъ» и т. д.

Дѣлать было нечего, я должна была согласиться.

Я почла долгомъ разсказать обо всемъ этомъ Адольфу. Что же онъ? Онъ нашелъ что отецъ мой правъ, что принятое имъ рѣшеніе весьма *практично* и при этомъ случаѣ онъ возвратилъ мнѣ мое слово... Не знаю, что онъ обо всемъ этомъ думаетъ, но я думаю, что между нами все уже кончено, и слава Богу. Эта практичность въ такомъ молодомъ человѣкѣ меня пугаетъ. Такой молодой человѣкъ плохо понимаетъ движенія сердца, а мы, женщины, только сердцемъ и живемъ, оно—нашъ главный жизненный нервъ. Все въ мірѣ только тогда получаетъ для насъ цѣну, когда оно, такъ или иначе, затрогиваетъ этотъ нервъ нашъ. Мы сердцемъ чувствуемъ, сердцемъ думаемъ. Внѣ этой области, все для насъ безсодержательно, безсмысленно, безжизненно, мертво. Хорошо-ли это или нѣтъ,—но мы уже такъ созданы. Вотъ тебѣ и вся моя исторія. Прошу, никому не говорить о ней. О нашей связи знали только немногіе, пусть немногіе только знаютъ и о нашемъ разрывѣ.

Нашимъ подругамъ и знакомымъ мой искренній привѣтъ. Полинькѣ передашь прилагаемое при семъ письмецо. Пиши мнѣ часто и много. Цѣлую тебя сто разъ.

XI.

14 августа.

Городъ одѣлся въ трауръ. Это, какъ говорятъ, трауръ по ойчизнѣ. Въ костелахъ поютъ какіе-то патріотическіе гимны. Поляки требуютъ, чтобы и евреи надѣли трауръ, значитъ наше дѣло общее. Польша—наша общая ойчизна. На ея защиту призываютъ насъ всѣхъ. Мы всѣ пойдемъ, должны пойти. Мы не должны щадить никакихъ жертвъ. Какъ сладко имѣть ойчизну, любить ее, тревожиться за нее, проливать за нее слезы и кровь. Наши старики не знали этого чувства, но они еще многаго не знали, время было другое. Старики говорятъ, что время было лучшее, но мнѣ кажется, что худшее. Безсмысленное отношеніе къ жизни можетъ быть и здорово, но оно унизительно. Да, такое отношеніе къ жизни вообще невозможно, немыслимо въ наше время. Оно толкаетъ человѣка въ шею и недаетъ ему забываться, или безсмысленно глазѣть по сторонамъ. Слава Богу, что колесо времени зацѣпило, наконецъ, и насъ, евреевъ. Не вѣчно же оставаться намъ позади процессіи, подвигающейся впередъ. Куда поляки, туда и мы. Въ обществѣ живыхъ людей и мы, можетъ быть, воскреснемъ, тѣмъ болѣе, что мы вѣдь не совсѣмъ еще умерли . . . .

. . . .

Я сейчасъ получила записочку отъ Полины. Она пишетъ: «Польша, порабощенная, угнетаемая, простираетъ къ намъ свои материнскія объятія. Поспѣшимъ прижаться къ любве-обильной груди ея. Она плачетъ, осушимъ ея слезы, возрадуемся вмѣстѣ съ нею, кормилицею нашей! Ты читала прокламацію къ намъ? Мы получили сегодня ее по почтѣ. Отецъ, прочитавъ, хотѣлъ разорвать ее; но я не допустила. Она у меня. Завтра принесу ее тебѣ. Завтра же готово будетъ мое платье. Сегодня не буду выходить, нехочу показаться на улицѣ въ пестромъ туалетѣ. Намъ не прилично отставать отъ нашихъ сестеръ католическаго исповѣданія. Кстати, на завтра пригласи къ себѣ всѣхъ нашихъ подругъ и близкихъ знакомыхъ. Мы имъ прочтемъ газету и прокламацію. Мы должны теперь дѣйствовать сообща.

Нашъ лозунгъ: «да здравствуетъ Польша!»

XII.

16 августа.

Я не узнала Полины въ ея новомъ костюмѣ. Когда она вошла, я невольно встрепенулась, полагая, что предо мною какая-то незнакомая особа.

— Ты меня неузнала? — спросила она, замѣтивъ мой вопросительный взглядъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила я.

— Неужели платье такъ перемѣняетъ человѣка?

— Должно быть, что перемѣняетъ. Я рѣшительно не узнала тебя съ перваго взгляда.

— О, если такъ,—сказала она съ своею обычною веселостью,— то я пойду и съиграю сцену съ твоею мамашей. То-то будетъ смѣху! Гдѣ она?

— У себя.

И оставивъ у меня свой зонтикъ, она пошла къ мамашѣ. Черный цвѣтъ къ ней весьма идетъ, онъ дѣлаетъ ее еще интереснѣе. Впрочемъ, какой цвѣтъ не будетъ ей къ лицу? Съ такою счастливою наружностью, что ни одѣнешь, все будетъ красиво.

Одна за другой пришли и наши прочія подруги. Всѣ были въ трау рѣ, но не всѣмъ онъ былъ къ лицу. Нѣкоторымъ онъ прибавилъ нѣсколько лишнихъ лѣтъ. Анна Израельсонъ, напримѣръ, рѣшительно глядитъ матроной въ своемъ новомъ костюмѣ. Она, должно быть, это знаетъ, а потому она проклинаетъ поляковъ и ихъ выдумку на чемъ свѣтъ стоитъ. Мы, по возможности, утѣшали ее, но она—все свое.

— И досада какая,—повторяла она каждую минуту,—я только что сшила себѣ новое платье по послѣдней модѣ, еще не успѣла надѣть его, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, бросай его въ огонь.

— Но, любезная Аннета, — утѣшала ее Ревекка Гецель, — бросать въ огонь нечего. Обождемъ немного, пока дурь у поляковъ пройдетъ, тогда нашъ гардеробъ опять пойдетъ въ ходъ.

— Придется долго ждать,—отвѣтила m-lle Израельсонъ,—эта дурь продлится Богъ знаетъ сколько.

— Почему ты это знаешь?—спросили мы.

— Отецъ говорилъ. Онъ такъ себѣ объясняетъ все это дѣло. Съ тѣхъ поръ, какъ прочли манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, помѣщики стали сводить свои счеты и нашли, что они безъ крестьянъ все равно, что нищіе, потому-что свои наличные капиталы они прокутили, а къ работѣ и коммерціи они не способны. И вотъ они вздумали теперь наверстать растраченныя въ безумномъ мотовствѣ деньги бережливостью, экономіею.

— Чтожъ, бережливость—хорошее дѣло,—замѣтила я.

— Хорошо то оно хорошо,—возразила мнѣ Аннета,—но зачѣмъ насильно навязывать другимъ свои мысли и расчеты? *Имъ* угодно, или они вынуждены скряжничать, пусть себѣ скряжничаютъ. И по дѣломъ, они до сихъ поръ мотали, пусть теперь пріучаются жить съ расчетомъ. Но какое имъ дѣло до насъ? Мы не мотаемъ, мы

живемъ и одѣваемся по нашимъ средствамъ. Съ какой же стати принуждать насъ къ трауру по растраченнымъ ими капиталамъ? Они грѣшили, а мы каяться! Нѣтъ, на зло имъ, я все-таки надѣну свое новое платье.

— Не надѣнешь, Аннета,—сказала Ревекка Гецель.

— А почему такъ думаешь?

— А потому, что не захочешь имѣть непріятностей на каждомъ шагу.

— А полиція? — похрабрилась разсерженная Аннета.

Ревекка собралась что-то отвѣтить, но въ эту минуту вошла Полина и споръ прекратился.

— А что, удалось?—спросила я.

— Еще бы;—отвѣтила Полина,—я съ нею говорила, говорила и она меня не узнавала до тѣхъ поръ, пока я не расхохоталась. По смѣху она и узнала меня. Но—къ дѣлу,—сказала она, вдругъ принявъ серьезною мину. Хорошо, mesdames, что вы пришли. Имѣемъ сообщить вамъ очень интересныя новости. Садитесь, слушайте и не прерывайте.

Всѣ сѣли. Лица нашихъ подругъ изображали любопытство и недоумѣнія.

— Начинай, Зося,—скомандовала мнѣ Полина.

Я прочла *корреспонденцію* и *замѣтку* отъ редакціи.

Онѣ произвели желаемое дѣйствіе. Лица нашихъ подругъ оживились и почти преобразились. Магическія слова газеты задѣли ихъ за живое. Онѣ бросились цѣловать строки, поднимающія насъ въ нашихъ собственныхъ глазахъ. Восторженнымъ восклицаніямъ не было конца. Каждая, по одиночкѣ, стала душить меня въ своихъ объятіяхъ за сообщенную радостную вѣсть.

— Постойте, mesdames, — вскричала Полина среди общей суматохи, — еще не все. Выслушайте еще одинъ голосъ, который сильнѣе и важнѣе голоса просвѣщеннѣйшаго журналиста, а именно—голосъ всей польской націи, которая вотъ какъ къ намъ взываетъ.

Настала глубокая тишина и Полина мастерски, съ свойственнымъ ей глубокимъ чувствомъ, продекламировала «*воззваніе къ нашимъ братьямъ-полякамъ Моисеева закона*».

Это пламенное воззваніе произвело на насъ потрясающее впечатлѣніе. Глубокая скорбь нашей несчастной ойчизны такъ насъ растрогала, что на глазахъ многихъ изъ насъ показались слезы. Даже m-lle Израельсонъ забыла о своемъ новомъ платьѣ и помирилась съ поляками и съ трауромъ. Она теперь поняла его значеніе и находила, что мы ни въ чемъ не должны отставать отъ поляковъ. Она стыдилась своей прежней вспышки и извинялась тѣмъ, что не знала, въ чемъ дѣло.

— Что дѣлать, что дѣлать? — спрашивали мы другъ дружку, ломая руки, какъ будто мы въ самомъ дѣлѣ въ состояніи были что нибудь сдѣлать.

— Первымъ нашимъ дѣломъ, — отвѣтила Полина, — должно быть,—возлюбить нашу ойчизну всѣмъ сердцемъ, всею душою.

— Мы ее любимъ!—воскликнули наши подруги. — Мы польки, стало быть мы не можемъ не любить Польши. Es lebe Polen!

— Если мы польки,—замѣтила Полина, то мы, вмѣсто Es lebe Polen, должны кричать Niech żyje Polska!

— Niech żyje Polska!—подхватили въ одинъ голосъ всѣ наши подруги, хлопая въ ладоши. Восторгъ смѣнилъ грусть, навѣянную на насъ воззваніемъ. Пошли опять объятія, поцѣлуи, восклицанія.

Мы перешли въ залъ. Охватившій насъ патріотическій энтузіазмъ такъ душилъ насъ, что мы почувствовали потребность дать ему какой нибудь исходъ. Не помню, кому изъ насъ пришло въ голову—танцовать мазурку. Эта мысль намъ понравилась и мы бросились осуществить ее. Меня засадили за рояль и подруги, взявшись за руки, стали прыгать, что было мочи. Въ залѣ поднялся такой шумъ и топотъ, что мамаша не могла воздержаться, чтобы не заглянуть къ намъ.

Но едва Полина ее завидѣла, какъ она, бросивъ свою партнерку, подскочила къ дверямъ, подхватила подъ руку мамашу и со всего размаху пустилась съ нею въ галопъ по всему залу. Мать барахталась, хохотала, кричала, но Полина держала ее крѣпко и продолжала свое.

— Не перестанешь, сумасшедшая? — кричала мама, стараясь высвободиться изъ рукъ Полины. Ай, ахъ, голова кружится. Моше! Моше! Спасай! Разбойники!

На этотъ крикъ вбѣжалъ папа и положилъ конецъ нашимъ танцамъ.

— Что это вы сегодня такъ разгулялись?—спросилъ онъ, недоумѣвая.

Мы въ короткихъ словахъ объяснили ему, въ чемъ дѣло.

Покажите-ка мнѣ эти газеты,—сказалъ онъ, вынимая свои очки,—посмотримъ, что тамъ такъ развеселило васъ.

— Это развеселитъ и васъ, ребъ Моше,—сказали подруги самоувѣренно. — Бьемся объ закладъ, что и вы пуститесь въ плясъ.

— Разумѣется, — отвѣтилъ отецъ, — добродушно улыбаясь. — Рахиль, не уходи,—приглашаю тебя на мазурку. Мы танцамъ не учились, но Богъ помилуетъ, надоумитъ. А что, Рахиль, въ молодости ты, вѣроятно, тоже умѣла прыгать, какъ коза.

— Еще бы.

— Стало быть, все ладно. Дайте только мнѣ прочитать, что тамъ въ газетахъ пишутъ.

Мы подали ему газету и воззваніе. Онъ сѣлъ на диванъ, надѣлъ очки и сталъ внимательно читать. Мы его окружили, слѣдя за выраженіемъ его лица. Но оно ничего особеннаго не выражало. Это насъ озадачило.

— А что, ребъ Моше?—спросила его Полина, когда онъ окончилъ чтеніе.

— А то,—отвѣтилъ папа, снимая очки,—что все это пустяки, не стоющіе хорошей луковицы.

Полина вспыхнула, а мы всѣ потупили глаза. Мнѣ досадно было, что газета и воззваніе не произвели на моего отца желаемаго впечатлѣнія.

— Почему вы полагаете, что все это пустяки?—спрасила Полина, чуть не задыхаясь отъ волненія.

— Послушайте, дѣти, — началъ отецъ спокойно и наставительно,—вы умны и образованы, но молоды и неопытны; мы же, положимъ, и глупы, но за то опытны. Изъ этихъ *шпаргаловъ* я вижу, что поляки затѣваютъ бунтъ, какъ въ тридцать первомъ году. Что полякамъ и дѣлать, какъ не бунтовать? Они на то поляки... Не понимаю только, для чего они и насъ хотятъ вовлечь? Что мы можемъ дѣлать? Что мы за воины? Мы бѣдные евреи, намъ совсѣмъ не до войнъ, не до политики. Притомъ, мы поляковъ знаемъ. Не первый годъ съ ними живемъ. Они насъ никогда не любили, ни когда и любить не будутъ. Кого они въ первомъ мятежѣ вѣшали, жгли, грабили. Насъ, бѣдныхъ жидковъ, ничѣмъ неповинныхъ. Они развѣ противъ насъ воевали? Но для своевольной шляхты было забавой видѣть, какъ повѣшенный еврей барахтается на висѣлицѣ и дѣлаетъ такія уморительныя гримасы, отъ которыхъ повстанцы лопали со смѣху. Знайте дѣти, что не защищай насъ царское войско, они не оставили-бы изъ насъ ни одной живой души: всѣхъ-бы перерѣзали или перевѣшали.

— Но теперь,—возразила Полина,—они хотятъ помириться съ нами, любить насъ...

— На словахъ, дѣти, только на словахъ,—отвѣтилъ отецъ,— на умѣ же у нихъ что нибудь другое. О, мы ихъ знаемъ. Но они насъ не перехитрятъ: мы евреи, слава Богу, умнѣе ихъ. Въ нашемъ мизинцѣ больше мозгу, чѣмъ во всѣхъ головахъ ихъ ясневельможнѣйшихъ пановъ. А потому, пусть себѣ дѣлаютъ, что хотятъ, мы имъ не компаньоны. Мы будемъ молиться Богу о нашемъ нынѣшнемъ Царѣ, который милостивъ и къ намъ, а Польша... пусть себѣ бунтуетъ—на свою собственную погибель.

Отъ послѣднихъ словъ насъ всѣхъ сильно покоробило. Мы зашевелились и зашумѣли. Отецъ поднялся съ дивана и собрался уходить.

— Mesdames!—вдругъ воскликнула Полина не своимъ голосомъ. Niech żyje Polska! Jeszcze Polska nie zginla!

— Zginie! отозвался отецъ твердо и рѣшительно.

— Nie zginie!—кричали всѣ.

— Zginie!—повторилъ онъ еще тверже.

— Nie zginie!

— Какъ Богъ святъ, zginie! Помните мое слово, дѣти.

И онъ вышелъ, оставивъ насъ смущенными и взволнованными. Мы вскорѣ разошлись, давъ себѣ обѣщаніе—не предаваться скептицизму стариковъ.

XIII.

Мэри Тидманъ къ Софіи Аронсонъ.

Г., 15-го августа 1861 г.

...«Не смотря на то, что я здѣсь всего только двѣ недѣли, я успѣла однакоже познакомиться почти со всѣмъ здѣшнимъ обществомъ по крайней мѣрѣ, съ цвѣтомъ его. Въ это короткое время у моихъ стариковъ перебывали почти всѣ, кто вообще дѣлаетъ визиты. Я уже, съ своей стороны, тоже сдѣлала съ полдюжины *необходимыхъ* визитовъ и, такимъ образомъ, я могу считать себя уже нѣсколько посвященной въ здѣшнюю жизнь, тѣмъ болѣе, что она, какъ и слѣдовало ожидать, немногосложна и безхитростна. Нравы здѣсь чрезвычайно простые, почти патріархальные. О надутой бонтонности и, такъ называемомъ, утонченномъ обращеніи здѣсь еще и понятія не имѣютъ, и слава Богу! Г—цы просты, откровенны, искренни. Послѣ перваго разговора, сейчасъ знаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Они изъ себя ничего не корчатъ; пускать пыль въ глаза—не ихъ дѣло, да и въ отношеніи къ нимъ тоже трудно это сдѣлать: они сейчасъ выводятъ на чистую воду. Однимъ словомъ, провинція въ лучшемъ значеніи этого слова. Я, впрочемъ, чувствую себя очень хорошо среди этихъ провинціаловъ, въ которыхъ больше правды и ума, чѣмъ въ нашихъ гросштедтерахъ, которые берутъ все лоскомъ, мишурой. Богъ съ ними! Я очень рада, что судьба вырвала меня изъ ихъ благообразной, но испорченной среды.

Если спросишь, что такое вообще г-ское общество, то я могу категорически отвѣчать тебѣ: г-ское общество есть общество необразованное, но образующееся. Не знаю, кто занесъ сюда идею объ образованіи, знаю только, что идея эта пустила здѣсь глубокіе корни. Здѣсь всѣ учатся, отъ мала до велика, въ особенности же женскій полъ. Здѣшніе дѣвичьи пансіоны переполнены ученицами,

здѣшніе учителя заняты съ утра до вечера. Берутъ уроки не только молодежь, но и женщины уже не первой молодости. Все жаждетъ образованія. Какое прилежаніе, какое соревнованіе! Расчетливые во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, г-скіе жители ничего не жалѣютъ для образованія. Я здѣсь нашла самые дорогіе учебники, самыя лучшія книги. За уроки платятъ въ три раза дороже, чѣмъ у насъ, не потому, чтобы здѣсь было мало учителей, а потому, что съ послѣдними совсѣмъ не торгуются; даютъ, сколько запрашиваютъ. Однимъ словомъ: стремленіе къ образованію замѣчательное и невольно бросается въ глаза. Если такъ пойдетъ дальше, то г-ское общество нетолько догонитъ, но и перегонитъ наше хваленое Н-ское общество, передъ которымъ евреи всего края привыкли преклоняться. Въ здѣшней учащейся молодежи я уже подмѣтила такихъ *головокъ*, предъ которыми мы, т. е. ты да я, въ очень скоромъ времени, должны будемъ пасовать, а мы вѣдь чуть не свѣтила въ нашемъ образованномъ міркѣ. Признаться, это немножко непріятно, но нечего дѣлать, необходимо проглотить эту горькую пилюлю съ подобающимъ смиреніемъ.

Отъ Полины я на-дняхъ получила какое-то несвязное письмо, изъ котораго я ровно ничего не поняла. Она кажется мнѣ, очень встревоженною или восторженною. Напиши мнѣ, пожалуйста, что съ нею происходитъ. Отъ нея, я знаю, я толку не добьюсь. Она говоритъ о какихъ-то ожидаемыхъ важныхъ переворотахъ въ ея жизни, которымъ она смѣло идетъ на встрѣчу, и т. д. Въ чемъ дѣло?— Кланяйся г-ну Мозырскому и всѣмъ нашимъ».

«P. S. Что говорятъ въ городѣ объ отъѣздѣ моего отца въ Ригу? Что подѣлываетъ Адольфъ? Довольна-ли ты Полиной? Какъ проводите вы время? Мнѣ здѣсь пока еще не скучно. Чтеніе, музыка и визиты наполняютъ все мое время. Родные предупреждаютъ мои малѣйшія желанія. Саша кланяется тебѣ. Онъ уже на послѣднемъ курсѣ».

XIV.

25-го августа.

Вчера въ городскомъ саду, мы, совершенно для насъ неожиданно, сдѣлались предметомъ почти восторженныхъ овацій со стороны польской молодежи и польской знати. Мы, т. е. я и мои подруги, по обыкновенію, гуляли вмѣстѣ. Не знаю, костюмъ-ли нашъ, или нашъ польскій разговоръ бросался въ глаза, довольно того, что гулявшая публика почему-то обратила на насъ вниманіе. Мы чувствовали, что глаза всѣхъ обращены на насъ. Мало по малу, нѣмое вниманіе стало принимать болѣе краснорѣчивыя формы. Намъ стали кланяться, передъ нами стали снимать шапки такіе люди, съ которыми мы совсѣмъ незнакомы. Сначала мы, по старой памяти, хотѣли было думать, что это насмѣшка и съ безпокойствомъ оглядывались, не встрѣтимъ-ли знакомаго кавалера, который защитилъ-бы насъ отъ приближающагося скандала; но во взорахъ кланявшихся намъ дамъ и мужчинъ было столько добродушія, столько искренности, столько неподдѣльнаго участія, что намъ совѣстно было думать о чемъ нибудь недобромъ. Мы успокоились и стали отвѣчать на поклоны поклонами же, какъ будто кланявшіяся намъ лица наши давнишніе добрые знакомые. Когда мы проходили мимо какой нибудь скамейки, сидѣвшіе на ней кавалеры быстро вставали, предупредительно предлагая намъ свои мѣста. Мы благодарили и продолжали гулять. Къ намъ вскорѣ присоединился Вацлавъ, который, получивъ отъ насъ позволеніе быть нашимъ кавалеромъ, уже не отставалъ отъ насъ. Какъ доброму знакомому, мы выразили ему наше удивленіе вниманію, оказываемому намъ людьми, совершенно незнакомыми.

— Нужды нѣтъ, что вы ихъ не знаете, отвѣтилъ Вацлавъ,—но они васъ знаютъ и горятъ нетерпѣніемъ познакомиться съ вами ближе. Мы были бы плохими поляками, еслибы не знали и неуважали тѣхъ, кто съ нами и за насъ.

— Откуда вы знаете, что мы съ вами и за васъ? спросила Полина, кокетливо качая головой.

— Позвольте мнѣ не сказать вамъ, откуда мы знаемъ. Довольно того, что знаемъ. Мы даже знаемъ, кто противъ насъ,—сказалъ Вацлавъ, многозначительно взглянувъ на меня.

Я покраснѣла, вспомнивъ мнѣніе папаши о полякахъ. Мнѣ было стыдно и непріятно, что отецъ мой не раздѣляетъ тѣхъ примирительныхъ чувствъ, которыми теперь проникнуто каждое польское сердце. Но откуда Вацлаву знать, что думаетъ мой отецъ? Или мнѣ только показалось, что Вацлавъ, произнося послѣднія слова, какъ-то особенно посмотрѣлъ на меня?

Погруженная въ размышленія, я не замѣтила, что кто-то загородилъ намъ дорогу. Я подняла глаза—передъ нами стояла дама въ сопровожденіи двухъ дѣвушекъ. По ихъ туалету и осанкѣ видно было, что это дамы высшаго круга.

— Извините, mesdames, — начала дама съ обворожительною улыбкою на своихъ тонкихъ губахъ,—извините, что я загородила вамъ дорогу. Я себѣ позволила эту невѣжливость, потому что незнала другого способа познакомиться съ вами. Г. Заремба,—обратилась она къ Вацлаву, — не возьмете-ли вы на себя труда отрекомендовать насъ?

— Съ большимъ удовольствіемъ, ясневельможная пани графиня, — отвѣтилъ Вацлавъ, и, поднявъ свою фуражку, торжест-

венно провозгласилъ, сопровождая каждое имя граціознымъ поклономъ:

— Графиня Сташицкая... Княжна Amélie de Millefort... панна Ядвига фонъ-деръ-Гаретъ...

Потомъ онъ представилъ насъ, каждую по одиночкѣ.

— Стало быть, мы теперь между собою знакомы, — сказала графиня, когда церемонія представленія кончилась,— и, какъ знакомые, можемъ продолжать нашу прогулку вмѣстѣ, если это вамъ непротивно.

Послѣднія слова чуть не разсѣяли пріятной иллюзіи, которой я предалась подъ обояніемъ только что сдѣланнаго знатнаго знакомства; они отозвались въ моемъ сердцѣ чѣмъ-то въ родѣ насмѣшки, обиды. Я украдкой бросила взглядъ на графиню, не подмѣчу-ли чего на ея нѣжномъ, выразительномъ лицѣ; но на этомъ почти прозрачномъ лицѣ я, кромѣ сладкой обворожительной улыбки, ничего не замѣтила, и успокоилась.

Графиня пошла съ Полиной, которая непринужденно защебетала, точно съ нею ходитъ кто нибудь изъ насъ, а не-великосвѣтская дама и аристократка. Ея развязность достойна удивленія. Графиня говорила мало: она задавала только вопросы и выслушивала отвѣты. Эти отвѣты, должно быть, удовлетворяли ее, потому-что она очень часто пожимала руку Полины.

Я шла съ княжной Мильфоръ, живой брюнеткой, большой говоруньей, не дававшей мнѣ сказать двухъ словъ, чему я впрочемъ была очень рада, такъ-какъ я обыкновенно стѣсняюсь въ разговорѣ съ человѣкомъ, не вполнѣ мнѣ знакомымъ. Мы, или справедливѣе, княжна говорила о литературѣ, музыкѣ, отчизнѣ, Варшавѣ, Костюшкѣ, Мицкевичѣ, Сырокомлѣ, Станиславѣ Понятовскомъ, освобожденной Польшѣ и другихъ интересныхъ предметахъ, которые мнѣ, болѣе или менѣе, тоже были извѣстны. Княжна говоритъ великолѣпно, въ особенности живо. Она, какъ видно, получила образованіе многостороннее, но поверхностное. Основательнаго знанія въ ней не предполагаю. Впрочемъ... къ чему это резонерство?

Панна Ядвига, стройная блондинка съ нѣсколько гордымъ лицомъ, шла съ m-lle Израельсонъ. Разговоръ у нихъ что-то совсѣмъ не клеился. Скажутъ нѣсколько словъ и —молчаніе. Имъ обѣимъ, должно быть, было скучно ужасно. За то прочія подруги наши уже совсѣмъ не скучали: ихъ занималъ панъ Вацлавъ, который, какъ ловкій кавалеръ, повелъ разговоръ такъ, что каждая могла вставлять свои слова.

Какъ намъ ни лестно было находиться въ такомъ знатномъ обществѣ, намъ однакоже все это время было какъ-то не по себѣ, не ловко. Потому-ли, что гулявшая публика уже слишкомъ безпокоила насъ своими любопытными взглядами, или потому, что при всемъ вниманіи, которое оказывала намъ графиня, мы ни на минуту не забывали глубокой пропасти, лежащей между польской аристократкой и нами, еврейскими дѣвушками, — довольно того, что, когда графиня стала прощаться съ нами, мы внутренно очень тому обрадовались. Мы проводили ее до кареты, потому что она этого просила. Усѣвшись въ каретѣ, она опять пожала намъ руку и просила быть знакомыми. Княжна весело кивала намъ головой, а панна Ядвига какъ-то безсмысленно глядѣла на насъ, на графиню и на фонарный столбъ. Должно быть, она-таки порядочная дура.

Полина въ восторгѣ отъ графини, Вацлава и всего, что теперь происходитъ въ городѣ; я тоже, кажется, довольна, но... ужъ это мнѣ резонерство!... Оно покою мнѣ не даетъ, все чего-то доискивается и вселяетъ въ мою душу робость, недовѣріе, сомнѣніе. Или новость положенія меня такъ смущаетъ, или это во мнѣ свойственная еврейской натурѣ способность—не увлекаться?... А вотъ Полина вся предалась новому положенію и—счастлива. Но она—исключеніе. Мнѣ очень хочется быть настоящей полькой, но я какъ-то еще не могу, не привыкла. Или скептицизмъ стариковъ, которые не совсѣмъ же глупы, не позволяетъ мнѣ стать твердою ногою на новую почву? Что, если поляки, въ самомъ дѣлѣ, только дурачатъ насъ? Но съ другой стороны, какая имъ отъ этого польза?

Нужно когда нибудь поговорить объ этомъ съ Мозырскимъ. Что онъ обо всемъ этомъ думаетъ? Какъ человѣкъ мыслящій, онъ не можетъ безсмысленно относиться ко всему тому, что теперь у насъ происходитъ.

Впрочемъ, чему быть, того не миновать. Подождемъ.........

XV.

Мэри Тидманъ къ Софіи Аронсонъ.

Г., 13-го августа 1861 г.

«Хочу познакомить тебя съ героемъ здѣшняго общества. Его имя—Аркадій Саринъ, его профессія—учительство. Учитель и герой! Немножко странно, не правда ли? Но это такъ. Разскажу по порядку.

Чуть-ли не въ первый день моего пріѣзда въ Г., не помню по какому поводу, услышала я имя Сарина. Потомъ, когда я стала дѣлать визиты и знакомства, это имя стало повторяться все чаще

и чаще. «Саринъ такъ сказалъ», «Саринъ такъ думаетъ», «Саринъ этого не допуститъ», «спросите у Сарина»,—вотъ что мнѣ случалось часто слышать въ домахъ, которые я посѣщала. Однимъ словомъ, имя Сарина здѣсь на языкѣ у всѣхъ и каждаго. Но что больше всего меня поразило—это поклоненіе здѣшнему идолу, какъ со стороны маменекъ, та и со стороны дочерей. Что за Саринъ,—думала я себѣ, — не уѣздный-ли это франтъ, провинціальный Донъ-Жуанъ, кружащій голову простоватымъ барынямъ и барышнямъ здѣшняго маленькаго общества? Оказалось, что я ошиблась въ своемъ предположеніи. Г-жа Липманъ, моя здѣшняя intime, совсѣмъ разувѣрила меня на этотъ счетъ. Отъ нея я узнала, что Аркадій Саринъ – герой совершенно особаго рода; поклоненіе ему не имѣетъ въ себѣ ничего предосудительнаго, ничего компрмотирующаго, однимъ словомъ, ничего такого, что мы привыкли разумѣть подъ словомъ «обожанія».

Надобно тебѣ знать, что здѣшній учительскій персоналъ такъ удачно составленъ, что лучше и желать не надо. Здѣшніе учителя не простые ремесленники, а истинные наставники, воспитатели, смотрящіе на свое дѣло серьезно и занимающіеся имъ съ любовью, съ увлеченіемъ. Они образуютъ между собою кружокъ, ассоціацію съ извѣстными принципами, извѣстнымъ направленіемъ, извѣстною цѣлью. Цѣль эта —сѣять образованіе, просвѣщеніе между всѣми слоями здѣшняго еврейскаго общества, дѣйствовать на мужчинъ и женщинъ, стариковъ и молодыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Стремятся они къ этой цѣли энергически, по зрѣло-обдуманному плану. Молодежь они образуютъ посредствомъ хорошо организованныхъ школъ и частныхъ уроковъ, а на стариковъ они дѣйствуютъ посредствомъ бесѣдъ, диспутовъ, газетныхъ статей, книгъ и т. п. И такъ какъ задача эта весьма обширна и для ея выполненія необходимо множество рукъ и силъ, то они очень благоразумно поступили, привлекши на свою сторону все, что имѣетъ какое либо отношеніе къ народному образованію.

Къ ихъ кружку принадлежатъ. поэтому, всѣ здѣшніе частные преподаватели, не исключая и безграмотныхъ учителей чистописанія, меламеды съ болѣе просвѣщенными взглядами, проповѣдники разныхъ молитвенныхъ домовъ, еврейскіе литераторы, или имѣющіе претензію быть таковыми, книгопродавцы, однимъ словомъ: все, что приходитъ въ столкновеніе съ народомъ по интеллектуальной части. Къ этому кружку принадлежитъ даже, разумѣется тайно, одно изъ здѣшнихъ талмудическихъ свѣтилъ, предъ которымъ преклоняется все здѣшнее общество. Въ этомъ кружкѣ составляются проповѣди для разныхъ синагогъ съ самыми фанатическими прихожанами, статьи для газетъ русскихъ, еврейскихъ и даже иностранныхъ и бумаги къ высшимъ правительственнымъ

учрежденіямъ по предмету образованія евреевъ. Однимъ словомъ, кружокъ этотъ работаетъ неутомимо и систематически.

Во главѣ же этого кружка стоитъ Аркадій Саринъ Онъ—его организаторъ, его регуляторъ. его душа. Безъ него ничто не предпринимается и ничто не исполняется. Онъ распредѣляетъ занятія, зная кто къ чему способенъ, и слѣдитъ за ихъ ходомъ. Члены же кружка тѣмъ охотнѣе ему подчиняются, что они находятъ въ немъ человѣка безкорыстнаго и въ высшей степени безпристрастнаго. Возникающіе въ такомъ разнокалиберномъ кружкѣ споры, ссоры и разногласія онъ улаживаетъ при самомъ ихъ возникновеніи и тѣмъ сохраняетъ кружокъ отъ распаденія. Зная, что самымъ существованіемъ своимъ онъ обязанъ почти одному Сарину, кружокъ преданъ ему тѣломъ и душою. Слово Сарина для него законъ. Вотъ какого рода герой одинъ изъ здѣшнихъ учителей, о которомъ говоритъ здѣсь и старъ, и младъ.

Всѣ эти подробности я узнала отъ г-жи Липманъ, которая, какъ мнѣ кажется, чуть сама не принадлежитъ къ этому кружку, хотя она прямо мнѣ не говоритъ объ этомъ. Она женщина образованная, не первой молодости, вдова съ порядочнымъ состояніемъ и умна—какъ десять дьяволовъ вмѣстѣ. Она живетъ открытымъ домомъ, принимаетъ у себя почти всѣхъ членовъ кружка, въ которомъ она, какъ я догадываюсь, исправляетъ должность кассира и бухгалтера. Она въ здѣшнихъ училищахъ и пансіонахъ имѣетъ своихъ стипендіатовъ и стипендіатокъ и, должно быть, не словомъ, а дѣломъ поддерживаетъ бѣдныхъ еврейскихъ литераторовъ, потому что я у нея нашла нѣсколько еврейскихъ брошюръ, посвященныхъ ея имени. Она знаетъ по еврейски не хуже любого мужчины. Во всемъ нашемъ хваленномъ Н не найдешь подобной женщины. Она дѣлаетъ честь нашему полу.

Само собою разумѣется, что мнѣ сильно захотѣлось познакомиться съ замѣчательнымъ г—скимъ кружкомъ, въ особенности же съ его главою, Аркадіемъ Саринымъ, про котораго мнѣ прожужжали уши.

Я надѣялась встрѣтить его у г-жи Липманъ, у которой онъ бываетъ очень часто, но всегда случалось, что я приходила къ ней или слишкомъ рано, или слишкомъ поздно. То Саринъ только что былъ, то онъ будетъ часа черезъ два или три. Мнѣ было досадно, потому что я была нетерпѣлива....

На-дняхъ я, наконецъ, съ нимъ познакомилась, но.... это письмо уже такъ утомило меня, что я должна отложить описаніе нашей встрѣчи до завтра!...»

24-го августа.

«Третьяго дня, утромъ, когда я только-что окончила туалетъ, ко мнѣ вошла наша горничная и доложила, что какой то молодой человѣкъ желаетъ меня видѣть.

— Гдѣ онъ?—спросила я.

— Ожидаетъ въ гостиной.

Бросивъ взглядъ въ зеркало, я вышла въ гостиную.

Молодой человѣкъ отрекомендовался: Аркадій Саринъ.

Не знаю почему, я немножко сконфузилась и, кажется, покраснѣла. Я молча кивнула головой и, кажется, не совсѣмъ граціозно.

— Съ вашими стариками,—началъ Саринъ,—я очень хорошо знакомъ, бываю у нихъ часто и за-просто. Вашъ дядя старъ лѣтами, но молодъ духомъ, мы превосходно понимаемъ другъ друга. Есть чему у него поучиться.... Но, къ моему сожалѣнію, въ послѣднее время я сталъ рѣже съ нимъ видаться, все дѣла: то одно, то другое, никакъ не соберешься навѣстить кого хочешь. Эти-то дѣла и лишили меня удовольствія раньше познакомиться съ вами.

Я опять ему поклонилась и попросила его сѣсть.

Онъ сѣлъ и мы начали бесѣдовать о городѣ Г. и городѣ Н. Представь себѣ, онъ знаетъ Н, какъ свои пять пальцевъ, имѣетъ тамъ множество знакомыхъ и даже друзей. Мозырскій, напримѣръ, его закадычный другъ, школьный товарищъ, съ которымъ онъ часто переписывается. Удивляюсь только, что Мозырскій ни разу не упомянулъ передъ нами его имени. Пожури его, пожалуйста, за это хорошенько. Видѣть меня уѣзжающею въ Г, и не сказать мнѣ, что онъ тамъ имѣетъ друга! Это ни на что не похоже. Забывчивость-ли это, или что нибудь другое?... Потомъ Саринъ заговорилъ о дѣлѣ, за которымъ онъ собственно и пришелъ. Но прежде скажу слова два о наружности Сарина.

Саринъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати или двадцати двухъ, средняго роста, нѣжнаго сложенія, съ довольно правильнымъ, но серьезнымъ, чуть не строгимъ лицомъ. Еслибъ не его мечтательный, чуть не тоскливый взглядъ, еслибъ не его пріятная, но меланхолическая улыбка, то лицо Сарина принадлежало бы къ наименѣе симпатичнымъ физіономіямъ. Не имѣя въ своихъ линіяхъ и очертаніяхъ ничего привлекательнаго и ничего отталкивающаго, оно принадлежало-бы къ разряду тѣхъ обыденныхъ физіономій, мимо которыхъ проходишь съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Но его взглядъ и улыбка дѣлаютъ изъ Сарина, который далеко не можетъ считаться красавцемъ, личность очень, очень симпатичную. Одѣвается онъ не щегольски и даже не совсѣмъ по модѣ, но со вкусомъ. О манерахъ же его вообще можно сказать, что онъ не изысканныя, не совсѣмъ свѣтскія, но и не угловатыя. Онъ держится просто, безъ аффектаціи, какъ простъ и искрененъ разговоръ его.

— А я къ вамъ, mademoiselle, съ просьбой,—началъ Саринъ, когда разговоръ о нашихъ общихъ знакомыхъ истощился.

— Ко мнѣ съ просьбой?! Чѣмъ же я могу служить вамъ? спросила я.

— Я слышалъ, что вы привезли съ собою порядочную библіотеку.

— Ужь сейчасъ и порядочную—возразила я; имѣю нѣсколько десятковъ книгъ, между которыми, можетъ быть, найдется и нѣсколько порядочныхъ,—вотъ вамъ и вся библіотека.

— Съ насъ довольно и этого,—отвѣтилъ Саринъ,—нѣсколько хорошихъ книгъ здѣсь, нѣсколько тамъ, и выходитъ въ итогѣ порядочное количество хорошихъ книгъ. Надобно вамъ знать, mademoiselle, что нашъ городъ имѣетъ привычку много читать.

— И я даже знаю кто привилъ эту привычку здѣшнему городу,—перебила я, намекая, что я посвящена въ дѣятельность здѣшняго кружка.

— Но публичной библіотеки здѣсь нѣтъ,—продолжалъ Саринъ, не обративъ вниманія на мой намекъ.—Какъ же удовлетворять пробудившейся и возрастающей потребности читать? Мы распорядились вотъ какъ. У каждаго изъ насъ есть по нѣскольку книгъ, не то, такъ другое сочиненіе, не тотъ, такъ другой классикъ. Мы сдѣлали опись всѣмъ здѣшнимъ частнымъ библіотекамъ; изъ этой описи мы составили каталогъ всѣмъ книгамъ, находящимся въ городѣ, съ обозначеніемъ, что у кого есть. Этотъ каталогъ и есть наша публичная библіотека, не требующая ни особаго помѣщенія, ни особаго библіотекаря и никакихъ расходовъ. Копія съ этого каталога есть у каждаго изъ насъ. Понадобилась книга,—мы на карточкѣ пишемъ заглавіе этой книги, подъ заглавіемъ—наше имя и отправляемъ къ владѣльцу книги. Такимъ образомъ, каждый изъ насъ порознь, не владѣя собственной библіотекой, имѣетъ въ своемъ распоряженіи большой выборъ книгъ, число которыхъ доходитъ уже до 1200 томовъ и до 300 названій. Это, конечно, немного, но для нашего города пока довольно, какъ вы полагаете?

— Я полагаю, что ничего лучшаго нельзя было и придумать,—отвѣтила я.

— Съ газетами и журналами мы тоже такъ поступаемъ,—продолжалъ Саринъ,—одинъ выписываетъ одну газету, другой другую и по прочтеніи мѣняемся изданіями; такимъ образомъ, каждый изъ насъ, не тратя много, имѣетъ возможность слѣдить за политическими, литературными и общественными новостями по лучшимъ періодическимъ изданіямъ, отечественнымъ и иностраннымъ.

— Надѣюсь, что вы и мнѣ предоставите эту возможность— сказала я.

— Съ большимъ удовольствіемъ,—отвѣтилъ Саринъ,—присоединяя къ нашему каталогу списокъ вашихъ книгъ, вы дѣлаетесь членомъ нашей оригинальной Leihbibliothek со всѣми правами и преимуществами, сему званію присвоенными.

Но, г. Саринъ,—сказала я,—книги мои въ такомъ безпорядкѣ, что мнѣ невозможно представить вамъ даже простой ихъ перечень. О систематическомъ каталогѣ и говорить нечего: это не по нашей части.

— Ну, ничего,—успокоивалъ меня Саринъ, — мы этому дѣлу поможемъ. Мы пришлемъ вамъ человѣка, который приведетъ ваши книги въ порядокъ, разсортируетъ по отдѣламъ, приклеитъ на корешкахъ номера и составитъ каталогъ. Ваше дѣло только согласиться на нашъ уставъ, который надняхъ будетъ вамъ доставленъ. И такъ, вы согласны?

— Согласна.

— Стало быть, вы теперь мнѣ позволите взглянуть на вашу библіотеку, чтобы хоть нѣсколько познакомиться съ ея характеромъ?

— Съ большимъ удовольствіемъ.

Я провела его въ свою комнату и отворила шкапъ съ книгами. Онъ надѣлъ pince-nez и сталъ ихъ осматривать.

— Библіотека небольшая, но хорошая,—сказалъ онъ, осматривая корешки.—Мишле... Гизо... Веберъ... Шлоссеръ... Гете... Шекспиръ... Мендельсонъ... Кантъ... Фихте... Фейербахъ... Что эти господа у васъ дѣлаютъ,—спросилъ онъ, обернувшись ко мнѣ, неужели вы занимаетесь нѣмецкою философіей?

— Это книги моего отца,—отвѣтила я.

— Хорошая библіотека, повторилъ онъ, осмотрѣвъ всѣ полки Нужно только привести ее въ порядокъ.

Саринъ простился со мною и ушелъ. Онъ произвелъ на меня очень хорошее впечатлѣніе. Благодаря моей библіотекѣ, я нѣкоторымъ образомъ буду принадлежать къ здѣшнему кружку, дѣятельность котораго достойна всякой похвалы. Вашъ городъ такого кружка не имѣетъ и имѣть не можетъ. Не такіе люди! Не обижайся, пожалуйста, ma chère. Цѣлую тебя сто разъ».

XVI.

31-го августа.

Весь городъ не перестаетъ говорить о великой чести, которой мы удостоились въ саду со стороны графини Сташицкой. Знакомые поздравляютъ насъ и разспрашиваютъ о подробностяхъ этой прогулки. Многимъ не вѣрится, чтобы графиня Сташицкая, эта гордая польская аристократка, могла забываться до той степени, чтобы публично гулять почти подъ руку съ еврейскими дѣвушками. Многіе видятъ въ этомъ многознаменательномъ фактѣ большую для насъ, евреевъ, перемѣну къ лучшему. Многіе же относятся къ этому факту скептически. «Обманъ! Притворство! — говорятъ они.—Поляки насъ любить не будутъ; все это братанье съ евреями есть только комедія, политика. Они ищутъ нашей дружбы, потому что имъ такъ приказано изъ Варшавы, изъ Парижа. Въ сердцѣ же они насъ ненавидятъ и презираютъ по прежнему. Поляки очень хитры и умѣютъ ловко притворяться».

На чьей сторонѣ правда? О, Боже. Неужели люди могутъ быть такъ фальшивы? Какая польза полякамъ насъ обманывать? Почему они не могутъ полюбить насъ искренно? Какая польза имъ и намъ ненавидѣть другъ друга?... Нѣтъ, это не обманъ, не притворство!... Прочь отъ меня эта несчастная мысль!

Многія другія изъ нашихъ подругъ, которыя не удостоились чести быть обласканными графинею Сташицкою, намъ завидуютъ и досадуютъ. M-lle Закманъ, напримѣръ, просто внѣ себя и дуется на насъ. Дура какая! Какъ же ей не понять, что въ лицѣ нашемъ графиня обласкала всю еврейскую молодежь, стало быть и ее?

Хорошее во всей этой исторіи есть то, что m-lle Закманъ и многія другія еврейскія дѣвушки поняли, наконецъ, необходимость знанія польскаго языка, за изученіе котораго онѣ теперь серьезно взялись. Слава Богу! Надоумились наконецъ. Быть хоть кой-какими польками имѣетъ въ нашемъ краѣ все-таки больше смысла, чѣмъ корчить изъ себя нѣмокъ. Въ эти дни я отрекомендовала паннѣ Изабеллѣ пять новыхъ учениц. Вчера, встрѣтившись со мною, она мнѣ сообщила, что ея новыя ученицы дѣлаютъ неимовѣрно быстрые успѣхи въ польскомъ языкѣ. Ихъ прилежаніемъ, ихъ понятливостью она не можетъ нахвалиться. Она этому, конечно, очень рада, но я еще больше рада. Если бы отъ меня зависѣло, я бы обязала всѣхъ евреевъ учиться по-польски. Безъ польскаго языка мы никогда не поймемъ и не полюбимъ другъ друга. Языкъ — первая ступень къ сближенію народовъ.

Странно, что евреи этого не понимаютъ или не хотятъ понять. Даже отецъ мой имѣетъ какой-то странный взглядъ на польскій языкъ. Надняхъ онъ такъ прямо и сказалъ мнѣ, что онъ очень жалѣетъ, что меня учили по-польски, что онъ былъ бы очень радъ, если бы я не знала этого языка. Онъ сказалъ мнѣ это по поводу моего разсказа о встрѣчѣ въ городскомъ саду. Я думала, что онъ этому обрадуется, но вышло какъ разъ на-оборотъ. Онъ

нахмурилъ брови и посовѣтовалъ мнѣ, чтобы я по возможности избѣгала знакомства съ поляками, такъ какъ знакомство это, по его мнѣнію, ни къ чему хорошему не поведетъ.

Полинѣ же пришлось по тому же поводу выдержать со стороны ея отца и даже брата болѣе бурную сцену. Тамъ дѣло не обошлось безъ криковъ, угрозъ и даже слезъ. «Ты себя и меня погубить хочешь! кричалъ старый Кранцъ, — я тебя на цѣпь посажу, въ маленькое мѣстечко сошлю, и т. д.».

Странные иногда бываютъ взгляды у стариковъ, даже умныхъ.

. . . .

Я сейчасъ получила отъ Изабеллы записочку, въ которой она приглашаетъ меня и Полину на свои имянины. Я совсѣмъ было забыла, что послѣ завтра ея имянины. Нужно приготовить подарокъ.

XVII.

Аркадій Саринъ къ Морицу Мозырскому.

Г., 2-го сентября 1861 г.

«....Стало быть, все у васъ спитъ мертвецкимъ сномъ и никакому трубному звуку неудается разбудить васъ? Стало быть, все обстоитъ у васъ благополучно? Счастливцы! Вы точно въ Аркадіи живете. А вотъ намъ почему-то совсѣмъ не спится, и какъ теперь спать? Все вокругъ насъ зашевелилось, засуетилось, зашумѣло. По всему пространству Россіи идетъ теперь генеральная ломка, сверху и снизу. Ломка старыхъ идей, заматерѣлыхъ принциповъ, закаменѣлыхъ учрежденій и въѣвшихся въ плоть обычаевъ. Шумъ, трескъ и грохотъ. Все спѣшитъ обновляться, очищаться; все стремится впередъ, на встрѣчу чему-то новому, небывалому, почти неожиданному. Даже наши единовѣрцы — и тѣ поднялись на ноги и готовы идти.... Они только не знаютъ еще куда. Доходятъ-ли до васъ умилительные звуки трубы съ юга? Должно быть, что нѣтъ, потому что изъ вашего города не слышно никакого отклика. Скажите, ради Бога, неужели необычайный шумъ всего теперь происходящаго еще не достигъ вашего слуха? Неужели послѣднія пять лѣтъ пронеслись надъ вашими головами совершенно безслѣдно? Неужели ваша тридцати-тысячная община есть все та же нестройная, безстрастная и лѣнивая масса, какою мы знали ее пять, десять лѣтъ тому назадъ?... Ваши сытые все-ли еще ничего, кромѣ дневнаго моціона, не дѣлаютъ? Ваши голодные все-ли еще ожидаютъ манны небесной, или другаго какого нибудь ветхозавѣтнаго чуда? Ваши грошовые капиталисты все-ли еще считаютъ себя кандидатами въ Ротшильды, а злостные банкроты — умными коммерсантами? Ваши ученые все-ли еще думаютъ, что они непризнанные геніи, а ваши литераторы все-ли еще мечтаютъ о воскресеніи еврейскаго языка посредствомъ своей риѳмованной галиматьи? Ваши женщины все-ли еще воображаютъ себя нѣмками—по происхожденію и маркизами—по манерамъ? Ваши дѣвы все-ли еще мечтаютъ о пламенной любви и выходятъ замужъ по не менѣе пламенному влеченію къ туго-набитымъ карманамъ? Ваша новомодная молельня, обѣщавшая столь много хорошаго при своемъ возникновеніи, все-ли еще богата лишь обѣщаніями? Ваши передовые все-ли еще стоятъ сзади въ ожиданіи, чтобы какая нибудь бомба толкнула ихъ впередъ? Однимъ словомъ: ваша община все-ли еще благодушествуетъ, какъ израильтяне во дни Соломоновы, ни о чемъ не заботясь и ничего не зная?

Но знайте, что приближается время, *горячее время*, въ которое ваши виноградники и смоковницы окажутся не совсѣмъ надежной опорой покоящимся подъ ихъ тѣнью. Приближается время, въ которое съ ножомъ къ горлу будутъ приставать къ намъ, требуя категорическаго отвѣта на вопросъ: кто вы? что вы? за кого вы? съ кѣмъ вы? Въ польскомъ лагерѣ затѣвается что-то серьезное, кровью пахнетъ. Ужъ годъ тому назадъ, въ немъ стала замѣчаться какое-то броженіе. Неизвѣстно было только, чѣмъ она разразится. Теперь это броженіе обозначается все яснѣе и яснѣе. Домашній вѣковой споръ опять выступаетъ на сцену. Неизвѣстно, когда борьба начнется, но извѣстно, что это будетъ борьба не на животъ, а на смерть. Эта борьба, такъ или иначе, задѣнетъ и насъ. Мы получаемъ на этотъ счетъ довольно прозрачные намеки. Поляки стали насъ обнюхивать, ухаживать за нами, авось, не удастся ли соблазнить насъ, благо намъ не особенно вольготно подъ русскими законами. Они въ насъ чуютъ или предполагаютъ враждебный Москвѣ элементъ, а потому мы имъ и на руку. Вѣдь двухмилліонное населеніе съ извѣстнымъ экономическимъ положеніемъ въ самомъ дѣлѣ не шутка. Ихъ губа не дура. Глупо только то, что поздно спохватились. Но извѣстно, что Polak mądry po szkodzie.... Не наша поэтому вина, что умъ только на-дняхъ пожаловалъ къ нимъ. А что дѣлается въ Варшавѣ, вы знаете? Листки, воззванія къ вамъ доходятъ? Съ тридцать-перваго года мы сдѣлались старше тридцатью годами. На насъ уже смотрятъ, какъ на совершеннолѣтнихъ. На насъ расчитываютъ, къ намъ взываютъ. И такъ, подумали-ли вы уже, куда намъ идти, *направо* или *налѣво?* Не забывайте, что отъ этого рѣшенія зависитъ будущность всего нашего племени. Стало быть, сто́итъ, чтобы поломать надъ этимъ рѣшеніемъ голову.

Мы здѣсь подумали и рѣшились—идти на право, пристать къ

Москвѣ. Туда влечетъ насъ инстинктъ, соображенія и, наконецъ, чувство благодарности. Мы никогда не должны забывать, что *варварская* Россія, а *не цивилизованная* Польша впервые стала заботиться о нашемъ образованіи и воспитаніи. Пробужденіемъ въ насъ самосознанія мы обязаны Россіи, а не Польшѣ. Императоръ Николай I былъ для насъ, евреевъ, нѣкоторымъ образомъ, тѣмъ, чѣмъ Петръ I былъ для русскихъ. Что сдѣлалъ для нашего образованія князь Чарторыйскій? Мы для него совсѣмъ не существовали Но мы существовали для графа Уварова; онъ насъ изобрѣлъ для русскаго образованія, онъ много для насъ сдѣлалъ, и еще болѣе *хотѣлъ* сдѣлать. Мы этого не должны забывать и не забудемъ.

Польша не дала намъ ни отечества, ни народности,—что же намъ любить въ ней? Польша, давъ намъ пріютъ, превратила насъ въ орду мелкихъ торгашей, въ которой она сильно нуждалась, пусть и ищетъ теперь въ этой ордѣ патріотическаго чувства. Не найдетъ? — Было-бы странно, если-бы нашла. Чего не посѣялъ, того не пожнешь. Съ Россіей намъ, можетъ быть, болѣе посчастливится. Получивъ отъ нея ключъ къ образованію, мы этимъ ключемъ, дастъ Богъ, — отопремъ для себя русскую народность, русскую гражданственность, русское отечество... Правда, и въ Россіи не больно насъ жалуютъ. Но сердце мнѣ говоритъ, что со временемъ русскіе насъ полюбятъ. Мы ихъ *заставимъ* полюбить насъ! Чѣмъ?—Любовью же. Народъ русскій—народъ здоровый, счастливый, а въ народѣ здоровомъ больше любви, больше великодушія, и, наконецъ, больше ума, чѣмъ въ племени разслабленномъ, несчастномъ, умирающемъ. Поляки не *могутъ* насъ любить:

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидѣть.

Польша-то и дѣлала, что ненавидѣла: аристократія ненавидѣла народъ, народъ—аристократію, они оба ненавидѣли славянъ, русскихъ, шведовъ, нѣмцевъ. Не начинать же ей упражняться въ любви именно на насъ, евреяхъ...

Пути исторіи неисповѣдимы. Очень можетъ быть, что поляки выйдутъ побѣдителями изъ предстоящей борьбы. Тогда—намъ, не примкнувшимъ къ ихъ знамени, придется плохо. Они, пожалуй, не будутъ прочь окончательно истребить насъ. Чтожь, тѣмъ лучше: такъ разомъ покончимъ съ нашимъ невозможнымъ существованіемъ. Я испытываю адскія муки каждый разъ, когда подумаю, что я—точно песъ, не имѣющій хозяина, уныло бродящій по улицамъ, не имѣющій кого любить, кому быть вѣрнымъ, къ кому приласкаться. Такой песъ, замѣтилъ-ли ты, потерялъ даже привычку лаять, потому что ему нечего оберегать, некого защищать. Онъ, молча и равнодушно, проходитъ мимо ночнаго вора, проникающаго въ сномъ объятую избу. «Пусть себѣ крадетъ, мнѣ что за дѣло? А вотъ найду кость, обгложу ее и буду сытъ. Больше мнѣ и не нужно».

Мнѣ тошно быть такимъ безпріютнымъ, вольнопрактикующимъ псомъ, а потому я очень радъ навсегда порѣшить, кто мы и съ кѣмъ мы? Опредѣливъ вѣковыя патянутыя отношенія между поляками и русскими, борьба эта въ то-же время выяснитъ и наше двусмысленное положеніе среди этихъ двухъ народовъ. Отлынивать фразами: «не знаемъ, не вѣдаемъ»—не позволятъ намъ ни поляки, ни русскіе, потому-что мы теперь *должны* знать, *должны* вѣдать.

Знаете-ли вы, вѣдаете-ли вы, мой добрый Морицъ, и вы, мои любезные товарищи по оружію?... Берегитесь, чтобы приближающіяся событія не застигли васъ въ-расплохъ. Стойте на стражѣ, будьте чутки. Полученное нами образованіе и наше званіе народныхъ наставниковъ, стало быть руководителей молодаго поколѣнія, обязываютъ насъ сознательно идти туда, куда слѣдуетъ, а не туда, куда безсмысленная толпа будетъ толкнута повѣявшимъ вѣтромъ. На насъ смотрятъ, какъ на передовыхъ, стало быть, мы должны идти впередъ, къ опредѣленной цѣли, твердо, сознательно, и намъ не простятъ безхарактерныя уклоненія въ сторону».

XIII.

4-го сентября.

Странныя были имянины у панны Изабеллы. Впрочемъ, все, что дѣлается теперь поляками, невольно бросается въ глаза и вызываетъ на размышленіе.

Согласно приглашенію, мы пришли въ 6 часовъ по-полудни. Изабелла приняла насъ съ распростертыми объятіями, лобзаніямъ не было конца. Мы нашли у нея нѣсколько дѣвицъ и нѣсколько кавалеровъ. Дамы были въ глубокомъ траурѣ и съ четками изъ большихъ черныхъ бусъ. Нѣкоторыя, вмѣсто браслетовъ, носили желѣзныя цѣпочки, довольно тяжелыя, въ знакъ того, что ойчизна въ неволѣ. Кавалеры были въ чамаркахъ и ботфортахъ, подъ мышкой они держали конфедератки. Они всѣ имѣли не праздничный, а воинственный видъ, усы лоснились отъ фиксатуара и были закручены въ невѣроятныя колечки. Можно было догадаться, что они долго провозились надъ своимъ туалетомъ.

Пришелъ Вацлавъ и еще нѣсколько молодыхъ людей. Заговорили о политикѣ, о Франціи, Наполеонѣ и проч. Я мало прислушивалась къ этому разговору, потому-что онъ меня не совсѣмъ интересовалъ. Мое вниманіе возбудило только имя Мѣрославскаго, которое не сходило съ языка всѣхъ присутствовавшихъ.

— Онъ теперь въ Познани,—сказалъ Вацлавъ.

— Извини, братъ, — возразилъ какой-то молодой человѣкъ, — онъ теперь во Львовѣ.

— А я знаю навѣрное,—отозвался еще кто-то,—что Мѣрославскій теперь въ Швеціи, вербуетъ матросовъ для флота. Тамъ теперь и Бакунинъ.

Очень можетъ быть, очень можетъ быть,—согласились многіе изъ присутствующихъ.

— Кто этотъ Мѣрославскій?—рѣшилась я спросить въ полголоса у панны Изабеллы.

— Польскій генералиссимусъ, нашъ будущій главнокомандующій,—отвѣтила Изабелла.—Онъ по храбрости и военнымъ талантамъ второй Костюшко. Наполеонъ хотѣлъ сдѣлать его маршаломъ Франціи и военнымъ министромъ, но онъ отказался. «Моя сабля нужна Польшѣ.» сказалъ онъ. Съ Гарибальди онъ за панибрата; они товарищи по оружію, въ одной палаткѣ всегда стояли. Ему стóитъ только сказать слово, такъ Гарибальди со всѣми своими волонтерами придетъ намъ на помощь.

— Приди ко мнѣ завтра, — прибавила потомъ Изабелла, такъ я тебѣ дамъ литографированную брошюру, въ которой ты найдешь біографію нашего генерала и его портретъ.

Я крѣпко пожала ей руку въ знакъ невыразимой благодарности.

Вошелъ какой-то ксендзъ среднихъ лѣтъ и очень пріятной наружности.

— Niech będzie pochwalony Pan Jezus Christus, Zbawiciel nasz i Matka Boska Ostrobramska, Opiekunka nasza,—провозгласилъ онъ скороговоркой, кланяясь на всѣ стороны.

Всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ и почтительно поклонились ему. Осѣнивъ все собраніе крестнымъ знаменіемъ, ксендзъ направился къ дивану и занялъ мѣсто между дамами. Изабелла подвела насъ къ нему и представила.

— Очень пріятно, очень пріятно,—сказалъ онъ, привставъ немного и добродушно улыбаясь.

Мужчины продолжали прерванный разговоръ о политикѣ, а дамы занялись ксендзомъ, который началъ бесѣдовать съ ними въ полголоса. Должно быть, что онъ ихъ смѣшилъ, потому-что онѣ очень часто хихикали. Мы сидѣли поодаль, а потому мы не могли слышать ихъ разговора.

— Вы, сударыни, позволите мнѣ немножко погавендзиць съ моею коханкою?—спросилъ ксендзъ нѣсколько громче и улыбаясь.

— Позволяемъ, позволяемъ,—отвѣтили дамы.

Онъ переглянулся съ Изабеллой, которая, отлучившись на минуту въ боковую комнату, возвратилась оттуда съ набитою трубкою и со спичками.

— Вотъ вамъ и ваша коханка, пане ксендзе,—сказала она.

— Tęga pvzyjaciolka,— отвѣтилъ ксендзъ, — аппетитно раскуривая трубку,—неправда-ли, сударыни?

— И не капризница?—спросила Изабелла.

— Uchowaj Boże!

— И ѣсть не проситъ?—спросила еще кто-то.

— О, этого нельзя сказать,—отвѣтилъ ксендзъ, но она довольствуется малымъ: cwierć zukowego—и довольно съ нея.

Потомъ бесѣда продолжалась опять въ полголоса. Намъ становилось скучно и даже неловко. Полина даже зѣвнула. Вацлавъ это замѣтилъ, а потому онъ подскочилъ къ ней и завелъ съ нею разговоръ.

Изабелла украдкой взглянула на свои часы и пожала плечами, перемигнувшись съ Вацлавомъ. Что означаетъ эта мимика и что это за именины?—спрашивала я себя.

Мое недоумѣніе вскорѣ разрѣшилось.

Около семи часовъ мы услышали грохотъ подъѣзжающихъ экипажей. Всѣ бросились къ окошкамъ. На дворъ въѣзжали двѣ кареты съ опущенными шторами.

— Графиня!—воскликнули присутствующіе.

Все засуетилось. Ксендзъ отставилъ свою трубку въ уголъ и вышелъ на середину комнаты, дамы поправили свои туалеты; кавалеры застегнули свои чамарки на всѣ пуговицы и пріосанились, а Вацлавъ и Изабелла бросились въ сѣни встрѣчать графиню. Всѣ торжественно молчали.

Черезъ нѣсколько минутъ, двери широко распахнулись и въ комнату вошла или, справедливѣе, вплыла поддерживаемая съ одной стороны Изабеллой, а съ другой Вацлавомъ, графиня Сташицкая, въ сопровожденіи большой свиты изъ дамъ и мужчинъ.

Я не узнала ея въ ея странномъ, фантастическомъ костюмѣ. На ней было бѣлое пикейное платье, строченное по краямъ широкими черными лентами; къ груди приколота была большая красная кокарда, имѣвшая изображеніе сердца, изъ которой ниспадали, въ видѣ кровавыхъ струй, длинныя, тоненькія, но красныя же ленточки. На плеча накинута была розовая кофточка, напоминавшая покроемъ мужскую чамарку. На головѣ она имѣла бѣлую конфедератку съ страусовымъ перомъ. Волосы ея были распущены и ниспадали густыми прядями на плеча, спину и грудь. Станъ ея охватывала стальная цѣпь, сообщавшаяся съ цѣпьями, висѣвшими на ея шеѣ и рукахъ. Отъ малѣйшаго движенія цѣпи производили свойственное имъ непріятное бряцанье. Весь этотъ костюмъ въ совокупности былъ нестолько эффектенъ, сколько страненъ и произвелъ на меня не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Онъ показался мнѣ ребяческою декорацiей, недостойною умной и серьезной женщины, ка-

ковою я считала графиню со дня нашего перваго знакомства. Нѣсколько позже я узнала, что графиня своимъ страннымъ костюмомъ имѣла изображать собою невинную Польшу въ цѣпяхъ и истекающую кровью. Но неужели патріотическое чувство въ полякахъ такъ слабо, что нужно будить его аллегоріями, символами и театральными эффектами? Мнѣ эта выходка графини положительно не понравилась.

Съ появленіемъ графини, мужчины отвѣсили ей глубокій поклонъ, а дамы подошли къ ея ручкѣ. Тоже самое сдѣлалъ ксендзъ, тоже самое сдѣлали мы.

— И вы здѣсь? — сказала она, не выпуская нашихъ рукъ, — я очень рада видѣть васъ въ нашей средѣ. Надѣюсь, что отечество всегда найдетъ васъ въ ряду патріотокъ.

— Гдѣ прочія польки, тамъ и мы, смѣло и твердо отвѣтила Полина, окинувъ все собраніе однимъ изъ тѣхъ пламенныхъ взглядовъ, которые ей свойственны были въ минуты экзальтаціи.—Отечество всегда найдетъ насъ польками, будь это при тихомъ домашнемъ очагѣ, будь это на шумномъ полѣ брани. Въ жилахъ нашихъ течетъ благородная кровь Маккавеевъ и многихъ другихъ рыцарей древней Палестины! Не побоимся меча и кинжала, какъ того не побоялись наши прабабушки Дебора и Юдиѳь.....

Взрывъ рукоплесканій былъ отвѣтомъ на эти слова Полины. Восторженнымъ крикамъ «браво» не было конца. Одну минуту она была царицею собранія, затмивъ собою графиню. Послѣдняя заключила Полину въ свои объятія и осыпала ея голову поцѣлуями. Глаза ея покрылись влагою отъ избытка умиленія. Когда графиня выпустила Полину изъ своихъ объятій, къ послѣдней подошелъ ксендзъ и сталъ крѣпко жать ей руку. Не довольствуясь этимъ, онъ осѣнилъ ее крестнымъ знаменіемъ, отъ котораго она невольно отшатнулась назадъ.

— Не пугайся, дитя мое, креста—сказалъ ксендзъ, понявъ движеніе ея сердца,—онъ благословляетъ, а не проклинаетъ. У васъ и у насъ одинъ и тотъ же Богъ, что на небѣ. Только внѣшнія формы у насъ разныя...

— А за внѣшнія формы насъ и отталкиваютъ, — вставила Полина.

— От-тал-ки-ва-ли, дитя мое,—отвѣчалъ ксендзъ,—но не отталкиваютъ. Ты этого не забудь. Люди теперь умнѣе стали.

Меня поразила эта вѣротерпимость въ католическомъ ксендзѣ. Но искренна-ли она?—спросилъ во мнѣ какой-то голосъ.

Графиня заняла мѣсто на диванѣ, усадивъ подлѣ себя съ правой руки княжну Мильфоръ, а съ лѣвой Полину. Прочіе гости разсѣлись гдѣ и какъ кому удобно было. Но глаза всѣхъ обращены были на диванъ, гдѣ сидѣлъ цвѣтъ всего собранія. Разговоръ тоже

шелъ оттуда. Графиня скажетъ фразу, княжна пополнитъ, обработаетъ ее и тогда фраза дѣлается достояніемъ всего собранія. Я замѣтила, что графиня властвовала въ этомъ кружкѣ. Всѣ обращались къ ней съ подобострастіемъ, какъ мужчины, такъ и женщины. Даже ксендзъ видимо ея побаивался и льстилъ ей ужь через-чуръ. Чѣмъ она взяла? Своимъ умомъ? — Но необыкновеннаго ума въ ней не замѣчалось. Своимъ богатствомъ? Можетъ быть: она богатѣйшая помѣщица въ краѣ.

Подали чай. Разговоръ на нѣкоторое время прекратился.

Послѣ перваго стакана, графиня, закуривъ папироску, начала:

— Господа! Всѣ минуты нашей жизни должны быть посвящены ойчизнѣ. Даже наши семейные праздники должны соединять насъ только во имя нашей многострадальной Польши. А потому, любезный г. Зарембо, вы хорошо сдѣлаете, если займете насъ назидательнымъ чтеніемъ о предметѣ, который для насъ дороже жизни.

Вацлавъ поклонился графинѣ въ знакъ согласія.

— Что прикажете читать, — спросилъ онъ,— изъ старыхъ или изъ новыхъ.

— Новыя книги, конечно, для насъ интереснѣе, — отвѣтила графиня,—потому что онѣ трактуютъ о современности, но и въ нашихъ старыхъ книгахъ есть такіе перлы, которые теперь только могутъ быть оцѣнены по достоинству. Такъ вѣдь, г. ксендзъ.

— Совершенно справедливо, ясневельможная пани графиня, — отвѣтилъ ксендзъ съ поклономъ.

— Хорошо,— сказалъ Вацлавъ и вышелъ въ боковую комнату.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился съ старою, переплетенною въ здоровую кожу, книгою и съ портфелемъ.

— Ну, кого вы намъ изъ стариковъ принесли, —спросила графиня.

— Лукаша Горницкаго: Dzieje w koronie Polskiej.

— А что у васъ въ портфелѣ?

— Вновь полученныя комитетомъ брошюры изъ-за границы.

— Это любопытно. Потрудитесь прочесть намъ пока заглавія.

Вацлавъ раскрылъ портфель и, выложивъ на столъ нѣсколько брошюръ, началъ:

— Glos ludu polskiego w tysiącletnię rocznicę zgonu Piasta, przez Karola Balinskiego.

— Хорошо,—сказала графиня, обрадовавшись,—гдѣ брошюра издана?

— Въ Парижѣ.

— Хорошо. Дальше?

— Mowa miana przez Adama Czartoryskiego w towarzystwie lit. hirtorycznem w Paryżu 3-го Maje 1861 г.

— Не очень важно, но любопытно, — былъ отзывъ графини. Дальше.

— Westchnienie pobożne za dynastyię Czartoryskich w Polsce.

— Это брошюра старая и къ дѣлу не идущая. Принципы Ламберова отеля Польши не воскресятъ. Мы съ Лелевелемъ, Мѣрославскимъ, съ демократами. Такъ, господа?

— Безъ сомнѣнія, безъ сомнѣнія,—отвѣтили мужчины.

— Къ чорту всѣхъ Чарторійскихъ съ Замойскими вмѣстѣ,— воскликнулъ, запальчиво топнувъ ногою, одинъ изъ свиты графини, мужчина пожилыхъ лѣтъ съ коротко остриженными волосами, съ лицомъ краснымъ, какъ ракъ, и съ неимовѣрно длинными усами!... Я, положимъ, шляхтичъ шарачковый, но я честный полякъ, а потому водить себя за носъ не позволю никому, никому!

Онъ окинулъ все собраніе почти гнѣвнымъ взглядомъ и сталъ тяжело сопѣть отъ внутренняго волненія.

— Что у васъ еще есть?—спросила графиня.

— Czy Polacy mogą się wybic na niepodleglość.

— Это мнѣ тоже что-то знакомо.

— Брошюра въ самомъ дѣлѣ не новая,—отвѣтилъ Вацлавъ, она издана въ Парижѣ въ 1843 году, но въ нашей народной библіотекѣ ея еще не было, поэтому коммиссіонеръ нашъ прислалъ ее. А вотъ совершенно свѣжая брошюрка: Obrazki caryzmu. Она появилась въ Лейпцигѣ въ началѣ текущаго года.

— Кто авторъ этой брошюры?

— Юзефъ Гордонъ.

— Такого польскаго писателя что-то непомню, — замѣтилъ ксендзъ.—Должно быть, что это полякъ Моисеева исповѣданія.

— A la bonne heure, — сказала княжна Мильфоръ бросивъ на меня и Полину взглядъ, полный нѣжнаго участія.

— Слава Богу,—сказала графиня.

— Слава Богу,—подхватили всѣ гости.

— Уже все?—спросила графиня.

— Еще одна брошюра, — отвѣтилъ Вацлавъ. Оттискъ статьи г. Юльяна Клячко изъ Revue des deux Mondes. Московская цензура не пропустила ее, стало быть она намъ нужна.

— Нужна или нѣтъ, для меня все равно, отозвался усатый шляхтичъ, отославшій прежде Чарторійскихъ и Замойскихъ къ чорту. Я по-французски не читаю. Но для меня важно то, что Московскій Жондъ на своемъ не поставилъ. Ты, подлецъ, не пропускаешь, а мы вотъ имѣемъ. Вотъ тебѣ и твоя цензура!

Послѣднія слова сопровождены были энергическою гримасою и не менѣе энергическимъ кукишемъ.

Гости разсмѣялись.

— Да, господа,—продолжалъ шляхтичъ,—будемъ кормить москалей кукишами до тѣхъ поръ, пока они съ ногъ не свалятся.

Го, го, отъ этого постнаго блюда не поздоровится, даже такимъ юфтяннымъ желудкамъ, какъ у капустняковъ.

Гости опять разсмѣялись.

По мановенію графини, приступлено было наконецъ къ чтенію. Но уже поздно, отложить нужно до завтра.

XIX.

5-го сентября.

Чтеніе длилось около часу. Сперва читалъ ксендзъ—изъ старой книги, потомъ Вацлавъ — выдержки изъ брошюръ. Чтеніе часто прерываемо было рукоплесканіями слушателей и замѣчаніями графини; замѣчанія же послѣдней дополнялись циническими выходками сердитаго шляхтича, которому все прощалось—вѣроятно, изъ уваженія къ его лѣтамъ и къ его пылкому нраву. Даже изящная графиня была снисходительна къ его тривіальному краснорѣчію. Она, бывало поморщится, а потомъ все-таки улыбнется. Должно быть, что этотъ шляхтичъ—очень нужный человѣкъ. Даже Вацлавъ, какъ я замѣтила, въ немъ заискиваетъ. Онъ всячески избѣгалъ ему прекословить, хотя онъ не разъ имѣлъ къ тому причину и основаніе. Этотъ шляхтичъ мнѣ положительно не нравится. Я его пугаюсь: въ его словахъ, манерахъ и взглядахъ столько кровожадности!... Но для спасенія ойчизны, можетъ быть, нужны и такіе люди.

За чтеніемъ послѣдовалъ отдыхъ. Кавалеры подошли къ дамамъ и повели разговоръ въ полголоса. Нѣкоторые стали прохаживаться по залу. Графиня съ своими ассистентками оставалась на диванѣ и о чемъ-то разговаривали, при чемъ графиня часто цѣловала Полину въ лобъ. Рядомъ со мною сидѣлъ какой-то юноша, должно быть гимназистъ, съ которымъ я отъ времени до времени перекидывалась незначительными фразами. Ксендзъ, сердитый шляхтичъ, Вацлавъ и Изабелла удалились въ боковую комнату и долго оттуда не возвращались.

Часу въ девятомъ, въ залъ возвратился сердитый шляхтичъ, который, растопыривъ руки, торжественно провозгласилъ:

— На молитву, господа, на молитву; все уже готово.

Всѣ встали и попарно отправились въ боковую комнату. Впереди всѣхъ шла графиня съ княжною. Бывшія на графинѣ цѣпи какъ-то особенно бренчали, что придавало нашей процессіи характеръ шествія каторжниковъ.

Миновавъ боковую комнату, служившую кабинетомъ, и узкій корридорикъ, мы очутились въ обширномъ залѣ, поразившемъ меня своею странною, почти костельною обстановкою.

Въ немъ, во-первыхъ, не было никакой мебели, за исключе-

ніемъ рояля, стоявшаго по самой срединѣ зала, и табурета при рояли. У противуположной отъ дверей стѣны возвышалась узкая эстрада въ три высокихъ ступени. На верхней ступени находился большой образъ Остробрамской Божіей Матери въ богатой оправѣ. По сторонамъ его водружены были два красныхъ знамени съ какими-то надписями, которыхъ я не могла разобрать. У подножія образа, на низшей ступени, стояли большія, въ человѣческій ростъ, гипсовыя фигуры съ одной стороны—Костюшка въ повстанскомъ костюмѣ и съ другой — Мицкевича въ плащѣ и съ непокрытою головой. На третьей ступени, самой низшей, стояла пирамида изъ винтовокъ, саблей и косъ. Пирамида увѣнчана была большою красною конфедераткою. Вся эта картина освѣщена была нѣсколькими свѣчами и гирляндою изъ черныхъ и красныхъ лампіоновъ.

Во всемъ залѣ царствовалъ полумракъ, такъ какъ на дворѣ уже было темно и шторы были опущены.

Графиня съ своею свитою заняла мѣсто у самой эстрады, прочіе гости разсыпались по всему залу, такъ что каждому пришлось стоять одиноко.

Всѣ торжественно молчали и съ благоговѣніемъ смотрѣли на эстраду.

Раздался звонокъ.

Къ рояли тихо и безмолвно приблизилась Изабелла и сѣла на табуретъ; къ рояли же подошелъ, тяжелымъ шагомъ, сердитый шляхтичь, таща съ собою віолончель, которой я прежде не замѣтила.

Заиграли что-то монотонное, но торжественное, напоминавшее мнѣ костельную музыку. Эта музыка, въ особенности же звуки віолончели, на которой шляхтичь игралъ мастерски, хватала за сердце.

— На колѣни!—скомандовалъ шляхтичь, когда прелюдія кончилась.

Всѣ, за исключеніемъ графини, опустились на колѣни. Графиня сложила руки и наклонила голову. Болѣе театральной позы нельзя было и придумать. Она стояла не шевелясь, не моргая, точно изваянная. Лицо ея покрылось матовою блѣдностью, мысль замерла на немъ. Она, казалось, перестала дышать. Въ этомъ положеніи ее легко можно было принимать за третью гипсовую фигуру въ группѣ.

По данному шляхтичемъ знаку, всѣ колѣнопреклонные запѣли, подъ звуки рояля и віолончели, гимнъ: Boże, coś Polske.

Въ одну минуту вся зала до самаго потолка наполнилась потрясающими звуками. Шляхтичь сильно потѣлъ, извлекая изъ своего инструмента почти человѣческіе вздохи и вопли. Онъ, казалось, тиранилъ свою *жертву* и находилъ въ томъ удовольствіе. Пѣніе становилось все громче и громче. Я перестала слышать фразы, по-

томъ слова. Потомъ пѣніе превратилось въ одинъ общій плачъ, рыданіе съ опредѣленными ритмами и коденціями. Надъ всею же этою музыкою господствовали, точно рыканье разъяреннаго звѣря, страшные звуки страшнаго инструмента въ рукахъ страшнаго шляхтича.

Я была внѣ себя. Я едва удерживалась на колѣняхъ и дрожала всѣмъ тѣломъ. Мнѣ казалось, что полъ качается подо мною. Одно время я пошатнулась и ударилась головою объ стѣну. Этотъ ударъ привелъ меня въ себя и я нѣсколько успокоилась. Я взглянула на графиню,—она стояла статуею по прежнему; я взглянула на Полину,—она пѣла и изъ глазъ ея струились слезы.

Гимнъ пропѣтъ былъ три раза, послѣ чего всѣ встали. Наступила маленькая пауза, во время которой графиня обняла княжну и поцѣловала ее въ лобъ. Отъ этого движенія цѣпи ея какъ-то особенно забренчали среди всеобщаго безмолвія.

Шляхтичь опять далъ знакъ и всѣ, уже стоя, запѣли другой гимнъ:

Z dymem pożarow. Другая музыка, тоже потрясающая, но уже не плачевная, а нѣсколько воинственная. Она подѣйствовала на меня освѣжительно.

Этотъ гимнъ былъ пропѣтъ только разъ, послѣ чего мужчины стали жать другъ другу руки, а дамы цѣловаться. По окончаніи этого обряда, всѣ возвратились въ гостиную. Мнѣ пришлось идти съ Изабеллой.

— Что это такое было?—спросила я ее шепотомъ, желая знать, при какой это церемоніи я присутствовала.

— Это былъ патріотическій вечеръ,—отвѣтила она.

— Вы часто даете такіе вечера?

— Нѣтъ, какъ случится. Мы всѣ теперь такъ празднуемъ наши именины. Танцовать нельзя, играть тоже. Вотъ мы и поемъ патріотическіе гимны. Это назидательно и пріятно.

Стали дѣлать приготовленія къ ужину.

Мы распростились и ушли. Графиня и Изабелла настаивали, чтобы мы остались, но мы сказали, что намъ никакъ нельзя, и насъ отпустили.

— Что ты обо всемъ этомъ думаешь,—спросила я Полину, когда мы возвращались домой.

Я теперь ни о чемъ не думаю, а только чувствую, отвѣтила она,—чувствую, что я полька, что я готова жизнь свою отдать за ойчизну. А ты развѣ этого не чувствуешь? спросила она въ свою очередь.

— Я еще сама не знаю,—отвѣтила я.

— Ну, когда не знаешь, значитъ никогда и знать не будешь.

— Послушай, Зося, начала она нѣсколько минутъ спустя, отчего бы тебѣ не выдти за-мужъ за моего брата?

— Что это тебѣ вдругъ вздумалось?—спросила я, удивленная такимъ страннымъ вопросомъ.

— Мнѣ вздумалось потому, что ты и Адольфъ было бы отличная пара.

— А Мэри?

— Я Мэри до этого брака не допущу. Адольфъ ей не пара.

Я не разсердилась, потому что къ причудамъ Полины я уже довольно привыкла.

XX.

Мэри Тидманъ къ Софіи Аронсонъ.

Г*, 7-го сентября 1861 г.

«Мы всѣ здѣсь глубоко опечалены. Саринъ оставляетъ насъ, его переводятъ къ вамъ. Онъ самъ, кажется, тоже не радъ этой перемѣнѣ, хотя она доставитъ ему больше матеріальныхъ выгодъ. Здѣсь его любили, уважали, оцѣнивали, а у васъ... я увѣрена, что вы его не поймете. Онъ не фатъ, стало быть, онъ вамъ не понравится, да онъ, я думаю, и не постарается даже вамъ понравиться, не такой человѣкъ. Вы, пожалуй, еще подымете его на язычокъ; но предупреждаю васъ: онъ тоже зубастъ, даромъ, что держитъ себя тихо и скромно. Сначала вы подумаете, что онъ и двухъ словъ сказать не умѣетъ. На ваши банальные вопросы онъ, точно, кромѣ да и нѣтъ, ничего вамъ не отвѣтитъ. Но когда вы попробуете быть не банальными, тогда убѣдитесь, что подъ гладкою, почти безцвѣтною поверхностью бьетъ живой родникъ самаго пламеннаго краснорѣчія, самыхъ свѣжихъ мыслей; вы увидите, что человѣкъ не разговариваетъ, а душу свою изливаетъ. Вотъ почему здѣсь его любили, на рукахъ носили. Жаль будетъ, если вы его не поймете; онъ уйдетъ въ себя и не принесетъ вамъ той пользы, какую онъ въ состояніи принести. Надобно тебѣ знать, что онъ бываетъ дѣятеленъ только тогда, когда его вызываютъ къ дѣятельности, а то онъ радъ предаваться созерцательной жизни, къ которой онъ имѣетъ большую склонность. Что это, недостатокъ предпріимчивости, флегматичность характера или эгоизмъ? Еще болѣе жаль будетъ, если онъ опошлѣетъ среди пошлой обстановки вашей жизни... Но надѣюсь, что этого не будетъ, да и не можетъ быть: у него характеръ твердый, желѣзный. Вашей жизни не удастся вовлечь его въ свой мутный водоворотъ. Все, что можетъ быть, это-что вы останетесь чужды другъ другу.

Не думай, chère Sophie, чтобы во мнѣ говорило что нибудь другое, кромѣ чувства уваженія къ Сарину. Я не ослѣплена, потому что не влюблена. Ты сама вскорѣ убѣдишься, что Сарина *любить* нельзя, даромъ, что онъ молодъ и не дуренъ собою. Онъ не то, что отталкиваетъ, а просто не привлекаетъ, и это потому, что *любовь*, какъ мнѣ кажется, совсѣмъ не входитъ въ програму его жизни. Онъ самъ ея избѣгаетъ и не старается возбудить ее въ другихъ. Здѣсь за нимъ не знаютъ ничего, что хоть сколько-нибудь похоже на любовную интригу. Въ здѣшнемъ дамскомъ обществѣ онъ имѣетъ многихъ почитательницъ, но ни одной, которая бы объ немъ *мечтала*, а дѣвушки просто боятся его. Его отношенія къ женщинамъ очень оригинальны. Когда говоришь съ нимъ, то рѣшительно забываешь, что передъ тобой—молодой человѣкъ довольно пріятной наружности, а думаешь, что говоришь съ братомъ, отцомъ, другомъ. Съ нимъ какъ-то совѣстно кокетничать, аффектировать, такъ какъ ты на него рѣшительно не расчитываешь. Почему? Я сама не знаю, но я это чувствую, и это чувствуютъ многія. Ты едва-ли повѣришь, что уже при второй встрѣчѣ съ нимъ въ домѣ г-жи Липманъ, я же была съ нимъ откровеннѣе, фамильярнѣе, естественнѣе, чѣмъ съ Адольфомъ послѣ трехъ лѣтъ знакомства. Ему какъ-то не стараешься понравиться, потому что чувствуешь, что это совершенно лишнее дѣло, и говоришь съ нимъ поэтому просто, безъ обиняковъ, безъ граціознаго кривлянья и нашихъ прочихъ глупыхъ женскихъ замашекъ, не производящихъ на него ни малѣйшаго впечатлѣнія. Точно не для него это дѣлается. Здѣшнія дамы сначала досадовали на него за его равнодушіе къ ихъ граціи, не вызывавшей въ немъ ни малѣйшаго комплимента, но теперь онѣ уже свыклись. Онѣ отъ него выслушиваютъ самыя горькія истины и не сердятся. Другому не простили бы такой *грубости*, но ему прощаютъ, потому-что видишь, что онъ не обижаетъ, а только правду говоритъ. Въ этомъ отношеніи онъ будетъ интереснымъ сюжетомъ для вашихъ кокетокъ. Любопытно знать, кому изъ нихъ удастся вскружить ему голову. Здѣсь это никому не удалось. Знаешь-ли, мнѣ бы даже хотѣлось, чтобы его помучили немножко. Его равнодушіе къ нашему полу иногда просто обидно. Неужели мы, кромѣ равнодушія, ужъ ничего больше не заслуживаемъ? Одно изъ двухъ: или сердце его уже занято, или у него совсѣмъ нѣтъ сердца. Жаль, что онъ уѣзжаетъ, а то я отгадала-бы эту загадку. Неужели наша хваленая хитрость—только миѳъ?

Имѣю еще кое о чемъ съ тобою потолковать, но отлагаю до другаго раза».

XXI.

Та-же къ той-же.

Г., 12-го сентября 1861 г.

«Представь себѣ, chère Sophie, я стала брать уроки русскаго языка. Ты этого не ожидала? Я тоже не ожидала. Да это, въ самомъ дѣлѣ, странно: ношу трауръ по *польской* отчизнѣ и изучаю *русскій* языкъ! Но что-же мнѣ было дѣлать? Саринъ настаивалъ, убѣждалъ, г-жа Липманъ тоже, я не могла отказать и согласилась познакомиться съ русскимъ языкомъ, котораго я, какъ знаешь, до сихъ поръ терпѣть не могла. Саринъ утѣшаетъ меня, что со временемъ я полюблю и русскій языкъ и русскую литературу. Слышишь, *литературу*. Русскіе имѣютъ литературу! Совершенно новое для насъ открытіе, неправда-ли? Мы по переводамъ знаемъ, что существуетъ литература испанская, даже шведская, даже персидская, но чтобы существовала литература русская, — этого мы никогда и не подозрѣвали, по крайней мѣрѣ въ Ригѣ я ничего объ ней не слыхала. Не знай я Сарина за человѣка очень серьезнаго, не позволяющаго себѣ сказать неправду даже въ шутку, я бы подумала, что онъ шутитъ, хочетъ меня мистифицировать. Но такъ какъ Саринъ говоритъ о русской литературѣ, стало быть, такая вещь на свѣтѣ существуетъ и я теперь горю отъ нетерпѣнія поскорѣе познакомиться съ этою вещью. Это нетерпѣніе нѣсколько услаждаетъ скуку первыхъ уроковъ. Боже мой! какія слова! какія буквы! Зубы заболѣваютъ отъ ихъ произношенія, точно булыжники грызешь. Саринъ говоритъ, что это отъ непривычки. Можетъ быть, но мнѣ отъ этого нисколько не легче. Но безъ русскаго языка, какъ говоритъ Саринъ, я не могу быть полезной кружку, къ которому я уже имѣю честь принадлежать, потому что всѣ дѣла, вся переписка кружка производятся на русскомъ языкѣ. Кромѣ того, живя здѣсь, я не могу отставать отъ здѣшнихъ—mit den Wölfen muss man heulen. Всѣ здѣшнія еврейскія дѣвушки знаютъ порусски и охотно разговариваютъ на этомъ языкѣ. Не сидѣть же мнѣ между ними и хлопать глазами.

На дняхъ я имѣла съ Саринымъ слѣдующій разговоръ.

— Кому вы передаете начальство?—спросила я его полусерьёзно, полушутя.

— Въ нашемъ кружкѣ не было и не можетъ быть начальства,—отвѣтилъ онъ,—кромѣ идеи, которой мы всѣ служимъ, мы не признаемъ надъ собою ничьей власти, ничьей личной воли. Мы всѣ — товарищи-рабочіе на одной фабрикѣ: одинъ дѣлаетъ одно, другой другое, изъ нашей же общей работы выходитъ что нибудь цѣлое, болѣе или менѣе соотвѣтствующее плану, нами же составленному. Даже уѣзжая, я не перестаю принадлежать здѣшней артели. Я перемѣняю только мѣсто жительства, но не образа дѣйствія.

— Стало быть, вы не перервете сношеній съ нами?

— Стало быть, вы еще мало знакомы съ духомъ нашего кружка, когда вы задаете мнѣ такой вопросъ. Куда судьба не забросила-бы меня или кого нибудь изъ нашихъ, мы не перестанемъ дѣйствовать, на сколько силъ хватитъ, въ духѣ предначертанной нами программы.

— Въ чемъ она состоитъ?—спросила я.

— Программа наша состоитъ въ томъ, чтобы выдвинуть нашихъ единовѣрцевъ изъ заколдованнаго круга, въ который ихъ втиснули неблагопріятныя обстоятельства, и поставить ихъ на путь къ русскому гражданству. Короче сказать: программа наша состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать евреевъ русскими.

— Почему русскими, а не нѣмцами? — спросила я, нѣсколько испугавшись программы кружка,—вы развѣ не признаете, что германская цивилизація несравненно выше русской?

— Намъ нѣтъ никакого дѣла до того, чья цивилизація выше,— отвѣтилъ онъ, — рѣчь идетъ пока у насъ не о цивилизаціи, а о народности, т. е. о духѣ и языкѣ. Мы живемъ въ Россіи, а потому мы должны быть русскими.

— Что же на то скажутъ поляки?

— Поляки свое слово уже сказали. Всею своею прошлою политикою въ отношеніи къ намъ они доказали, что имъ не желательно, чтобы мы были поляками.

— Но теперь они вѣдь поютъ совсѣмъ другое.

— То, что они поютъ теперь, имъ слѣдовало запѣть, по крайней мѣрѣ, сто лѣтъ тому назадъ. Тогда былъ бы прокъ. Теперь же намъ до ихъ лебединной пѣсни нѣтъ никакого дѣла; она насъ трогаетъ, какъ голосъ умирающаго, но она не обязываетъ насъ лечь въ гробъ вмѣстѣ съ отходящею въ вѣчность Польшей. Судьба предписала намъ жить, а потому мы должны и будемъ жить. Будемъ жить и пѣть: хотимъ быть русскими?

— Но что будетъ, если ваша новая пѣснь не найдетъ отголоска и въ русскихъ?—спросила я.

— Этого не можетъ быть,—отвѣтилъ онъ твердо.

— Почему?

— Потому, что русскій народъ совсѣмъ не глупъ, притомъ ненужно слишкомъ далеко забѣгать впередъ. Сдѣлаемъ попытку, вѣдь спросъ не бѣда.

— Но что, если попытка не удастся, т. е. если она докажетъ, что и русскіе не хотятъ знать насъ? Что же тогда?

— Тогда... началъ Саринъ, нѣсколько задумавшись, тогда знаемъ, что будетъ. Но къ чему этотъ скептицизмъ? Если вы думаете имъ пошатнуть въ насъ разъ принятое намѣреніе, то вы ошибаетесь. Мы въ нашихъ убѣжденіяхъ и надеждахъ очень тверды, тверже, чѣмъ вы думаете, тѣмъ болѣе, что не имѣемъ еще никакого повода усомниться въ нихъ. Мы убѣждены, что мы можемъ сдѣлаться русскими, а потому мы должны къ этому стремиться всѣми зависящими отъ насъ мѣрами. Мы наше дѣло дѣлаемъ, дѣлайте, что и вамъ поручено, учитесь по-русски! Мы пока больше отъ васъ не требуемъ, но за то мы ни за какія блага не освободимъ васъ отъ того немногаго, которое вы намъ уже обѣщали. Учитесь по-русски и—баста!

Какъ тебѣ нравится такой деспотизмъ? Они просто закабалили меня. Дѣлать нечего, я *должна* учиться по-русски, потому что разъ дала слово.

P. S. Саринъ уѣзжаетъ къ вамъ надняхъ. Я ему дала письмо къ тебѣ. Это даетъ тебѣ случай познакомиться съ нимъ. Надѣюсь, что вы поладите другъ съ другомъ.»

XXII.

Полинька Кранцъ къ Мэри Тидманъ.

Н., 17 сентября 1861 г.

«Мэринька, душенька, ангелъ мой! Поздравь меня, обними меня, цѣлуй меня! Я счастлива: я учительница! Да, учительница. Мы завели школу, т. е. панъ Вацлавъ, панна Изабелла (ты ихъ помнишь?) и я (а меня помнишь?). Мы набрали 25 еврейскихъ дѣвочекъ и обучаемъ ихъ польскому языку—и совсѣмъ безплатно, и книги имъ даемъ. Впрочемъ, не мы даемъ, а графиня. Ты знаешь графиню. Ахъ, нѣтъ. Я совсѣмъ забыла, что я ничего тебѣ о ней не писала. Какая я забывчивая!.. Ну все равно, дѣло въ томъ, что здѣсь есть графиня Сташицкая. Какъ она добра, какъ ласкова, какъ образована и какая патріотка! Бываю у нея запросто почти каждый день. У нея домъ—полная чаша. У нея собираются всѣ патріоты. Если-бы ты знала, о чемъ здѣсь говорятъ!... Но я боюсь тебѣ писать, потому что говорятъ, что московскій жондъ распечатываетъ и просматриваетъ даже частныя письма. Графиня и подала намъ мысль о школѣ. «Приготовьте намъ побольше полекъ,—сказала она,—такъ ойчизнѣ легче будетъ справиться съ

врагомъ». Мы и приготовляемъ полекъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаю того времени, когда мнѣ возможно будетъ познакомить моихъ учениць съ «паномъ Тадеушемъ» и «Конрадомъ Валленродомъ»!—я съ ума сойду отъ радости. Нашъ Мицкевичъ—выше Шиллера, выше Гюго. Шиллеръ —напыщенъ и приторно-сладокъ, Гюго—фантастиченъ, но Мицкевичъ—правдивъ, великъ, святъ. А Ходьзко? А Сырокомля?... Кстати о послѣднемъ. Здѣсь слышно, что его Kaspar Karlinski дѣлаетъ фуроръ заграницей. Еще-бы!...

Я чуть было не позабыла сказать тебѣ, что я имѣю и учениковъ, и знаешь кого? — Переца и Берковича. Они тоже начали учиться по польски. Я имъ даю по три урока въ недѣлю. Языкъ они скоро поймутъ, но произношеніе.... Я просто въ отчаяніи отъ ихъ произношенія. Что мнѣ съ ними дѣлать? Не знаешь-ли какого нибудь средства?

Зося въ школѣ не участвуетъ: отецъ ей не позволяетъ. Мнѣ отецъ тоже не позволяетъ, но я его не слушаюсь: ойчизна мнѣ дороже всего. Я теперь и рѣдко бываю дома. То я въ школѣ, то у графини. У нея всегда большое общество, пріятное. Съ княжной живемъ душа въ душу. Ты знаешь княжну? Ну все равно. Княжна Мильфоръ—секретарь графини, а я—ея помощникъ. Если бы ты видѣла какіе циркуляры мы пишемъ!... Графиня — начальникъ отдѣленія главнаго комитета! Она подписывается — желѣзный *вѣеръ*, княжна—*иголка*, а я—*мотылекъ*. Эти псевдонимы нужны въ видахъ предосторожности, чтобы перехваченныя бумаги не скомпрометировали насъ въ глазахъ московскаго жонда, который уже начинаетъ слѣдить за нами.

Есть у насъ человѣкъ, шляхтичь, богатырь. Онъ у насъ называется *молотомъ*. Никому не совѣтую подвернуться подъ его лапу: пришибетъ какъ муху. Ему будетъ порученъ отрядъ косиньеровъ, который формируется въ имѣніяхъ графини. У насъ будетъ посполитное рушенье, какъ во времена Костюшки. Мужики будутъ на нашей сторонѣ, потому что мы имъ обѣщаемъ бо́льшую волю, чѣмъ Царь въ своемъ манифестѣ. Надняхъ отсюда отправлены будутъ эмиссары для приготовленія народа къ возстанію. Имъ энергически будутъ содѣйствовать такъ называемые *мировые посредники* (чиновники такіе изъ дворянъ), въ рукахъ которыхъ вся судьба крестьянъ. Я этихъ эмиссаровъ вижу у графини. Они сшили себѣ мужицкія одежды и упражняются въ мужицкомъ говорѣ. Если бы ты слышала, какъ они разговариваютъ! Умора да и только.

Мэринька, душенька! прошу тебя, не пиши уже ко мнѣ по-нѣмецки. Мнѣ теперь совѣстно переписываться на нѣмецкомъ языкѣ, языкѣ, столь-же намъ ненавистномъ, какъ московскій. Ты же довольно хорошо владѣешь польскимъ языкомъ. Отчего же тебѣ не

писать ко мнѣ по-польски? Побольше читай, упражняйся, переводи и будешь писать по-польски не хуже, чѣмъ по-нѣмецки. Прошу тебя, умоляю тебя,—ради неразрывной дружбы нашей. Мнѣ теперь крайне непріятно все то, что хоть сколько нибудь напоминаетъ мнѣ о моей прошлой жизни. Неужели ты захочешь дѣлать мнѣ непріятности? А твои нѣмецкія письма я буду считать большою для себя непріятностью.

Еще одна просьба. Нельзя-ли тебѣ будетъ устроить въ Г. такую же школу, какую мы устроили здѣсь? Времени у тебя много. Отчего же не посвятить его доброму, великому дѣлу? Мы всѣ должны служить ойчизнѣ, несмотря на полъ и возрастъ. Захоти только, и мы отсюда доставимъ тебѣ всѣ средства и рекомендательныя письма, когда понадобятся. По крайней мѣрѣ, будешь знать, что ты не даромъ ѣшь польскій хлѣбъ. Смотри, какъ хорошо ополячены единовѣрцы наши въ Крулевствѣ! Тамъ уже изданъ польскій молитвенникъ для нашихъ женщинъ, а наши образованныя дамы еще и читать не умѣютъ по-польски! Просто гадко. Но Богъ съ ними, съ бабами! Намъ нужно стараться. чтобы по крайней мѣрѣ подростающая молодежь знала языкъ своей родины. Въ противномъ случаѣ мы не будемъ имѣть никакого права называться поляками... Да здравствуетъ Польша!

Искренно любящій тебя *Мотылекъ*».

Л. Леванда.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЬ

Гитэли.

Спи, малютка мой любимый,
Я стражемъ надъ тобой стою;
Про наше лѣто, наши зимы,
Про небо, звѣзды и зарю
Сто пѣсенекъ тебѣ спою!...
  Спи, малютка мой родимый,
  Рости и крѣпни, и—молю,—
  Ты посвяти, неутомимый,
  Лишь Торѣ свѣтлой жизнь твою;
  Прославься Ей, прославь семью!...
Спи, малютка мой любимый,
Не знай пока что на краю
Нужды и бѣдствія стоимъ мы;
Мечтай, что я на розахъ силю,
Что всѣ мы тутъ въ земномъ раю!...
Спи, малютка мой родимый,
Не знай пока, что слезы лью,
Что, какъ огонь неугасимый,
Печаль снѣдаетъ грудь мою;
Я все снесу, все утаю!...
  Спи, малютка мой любимый,
  Помолится Раввинъ святой,—
  И съ неба снидутъ Херувимы
  Хранить тебя, голубчикъ мой,
  Хранить меня, насъ всѣхъ съ тобой!...
Спи, малютка мой любимый!...

Л. Мандельштамъ.

ЕВРЕЙ О ХРИСТІАНИНѢ.

ГАЗЕЛЬ.

(Съ нѣмецкаго).

Рѣдко, рѣдко забываетъ онъ, что ты еврей,
Рѣдко, — даже если дружбу чувствуетъ къ тебѣ.
Хоть и будетъ въ немъ сознанье, что изъ всей среды
Твоего народа рѣзко выдѣлился ты, —
Но побаиваться станетъ: все-таки еврей!
Для него такъ трудно, трудно не считать тебя
Алчнымъ скрягой... Будь, какъ хочешь, набоженъ и добръ, —
Все его тревожить будетъ мысль, что ты еврей.
О, придетъ-ли вожделѣнный, благодатный день, —
День, когда онъ не захочетъ знать, что ты еврей?...

П. Вейнбергъ.

МЫСЛИ О ХАСИДИЗМѢ.

I.

Русско-еврейскій міръ распадается въ настоящее время на два большихъ лагеря, во многомъ между собой различныхъ, подчасъ даже враждебныхъ—*хасидовъ и не хасидовъ или митнагедовъ*, т. е. противниковъ хасидизма. Отличаются первые отъ послѣднихъ въ нѣкоторыхъ мелочахъ религіозной обрядности, но главнымъ образомъ—*вѣрой въ цадиковъ и ихъ чудодѣйственную силу*. Цадикъ—это идолъ хасида, лицо одаренное сверхъестественной силой и располагающее всей природой по произволу. Цадикъ можетъ все сдѣлать при помощи своей всемогущей молитвы, разумѣется только для того, кто въ него вѣруетъ, ему поклоняется. Его молитвѣ приписывается такая сила, что она можетъ измѣнить божескія опредѣленія. «Богъ опредѣляетъ, а цадикъ отмѣняетъ», говорятъ хасиды словами Талмуда. Цадикъ находится въ постоянномъ общеніи съ сверхчувственнымъ міромъ, и потому для него открыта книга судебъ. Онъ свободно читаетъ въ будущемъ, которое и предсказываетъ вѣрующимъ. Онъ не ограниченъ ни пространствомъ, ни временемъ, ни вообще законами природы, которые такъ могущественно вліяютъ на судьбу обыкновенныхъ смертныхъ. Число такихъ чудодѣевъ въ настоящее время довольно значительно, и это нисколько не должно удивить насъ, ибо для того, чтобы достигнуть такой высокой ступени, вовсе не нужно большихъ или трудныхъ приготовленій. Самый обыкновенный и вовсе не затруднительный способъ попасть въ цадики — это родиться отъ цадика же. А какъ цадики размножаются довольно успѣшно, благодаря благопріятной обстановкѣ жизни, то нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что почти каждый городокъ, каждое мѣстечко имѣетъ своего цадика; въ болѣе населенныхъ мѣстностяхъ еврейскій міръ раздѣляется на нѣсколько партій, по принадлежности къ хасидамъ того или другаго цадика.

Но гораздо болѣе числа самихъ цадиковъ — число чудесъ, ими совершенныхъ. Чуть гдѣ сойдутся два хасида, разговоръ неминуемо сойдетъ на неизсякаемую тему святости цадиковъ и ихъ чудотворной силы, при чемъ каждый изъ собесѣдниковъ раскрываетъ богатый запасъ знаній по этому предмету. Изъ этихъ разсказовъ вы можете узнать, какую громадную роль играетъ цадикъ въ жизни своей паствы. Къ нему обращается хасидъ во всѣхъ своихъ нуждахъ и невзгодахъ. Цадикъ даетъ *парнусу* (средства къ пропитанію) бѣдному хасиду; онъ даетъ дѣтей бездѣтному и т. под. Но, дѣлая такъ много для своихъ поклонниковъ, цадикъ, сознавая всю важность своихъ услугъ, ничего не дѣлаетъ даромъ. Слова Библіи: «Не узрите лица божьяго (т. е. храма) съ пустыми руками» — строго соблюдаются цадиками. Не думайте, однакожъ, чтобъ къ цадику обращались только тогда, когда нуждаются въ его чудотворой помощи; это было бы наглой профанаціей его святости. Хасидъ очень хорошо знаетъ, что лицезрѣніе цадика есть, само по себѣ, въ высшей степени богоугодное дѣло и лучшій путь къ спасенію души. Вотъ почему онъ считаетъ своей непремѣнной обязанностью какъ можно чаще бывать у цадика, пообѣдать за его столомъ, потолкаться въ его передней.

Цадикъ—это не *раввинъ*, не руководитель еврейской общины въ ея обыденномъ религіозномъ быту. Цадикъ очень мало свѣдущъ въ еврейской богословской литературѣ, столь значительной, трудной и запутанной. Онъ вовсе не авторитетъ въ вопросахъ религіозной догматики и обрядности. Большинство нынѣшнихъ цадиковъ—люди малограмотные (по еврейски), въ высшей степени невѣжественные и грязные, чѣмъ они и отличаются рѣзко отъ старо-еврейскихъ раввиновъ, для которыхъ необходимое условіе ихъ званія составляетъ значительное спеціальное образованіе. Доступъ въ цадики, какъ мы уже замѣтили, гораздо легче.

Цадикизмъ, въ томъ видѣ, какъ мы его только что охарактеризовали, очевидно долженъ имѣть, и дѣйствительно имѣетъ, весьма вредное вліяніе на жизнь русскихъ евреевъ. Онъ парализуетъ всякое движеніе свободной мысли въ еврейскомъ мірѣ. Онъ дѣлаетъ невозможнымъ въ своихъ предѣлахъ всякое движеніе впередъ, всякій выходъ изъ того ненормальнаго положенія, въ которомъ находятся евреи. Но, не забѣгая впередъ въ изложеніи того значенія, которое имѣетъ хасидизмъ въ судьбахъ нашихъ единовѣрцевъ, остановимся на вопросѣ, который естественно возбуждается имъ въ нашей мысли: *какъ уничтожить столь вредный элементъ еврейскаго быта*? Вдумываясь глубже въ этотъ вопросъ, мы находимъ, однакожъ, что онъ не можетъ быть разрѣшенъ единственно анализированіемъ хасидизма, какъ факта, въ настоящемъ его положеніи, и вреда имъ приносимаго. Необходимо узнать обстоятельства, вызвавшія его къ жизни, и тѣ народныя потребности, которымъ онъ удовлетворяетъ. Только такимъ путемъ мы можемъ, посредствомъ измѣненія условій, давшихъ хасидизму raison d'être, сдѣлать дальнѣйшее существованіе его излишнимъ или даже невозможнымъ. Но это возможно только въ томъ случаѣ, если мы прослѣдимъ судьбы хасидизма съ самаго его появленія и уловимъ генетическую связь между нимъ и той средой, въ которой онъ зародился. Недостаточно объявить, что хасидизмъ есть явленіе вредное и потому слѣдуетъ съ нимъ бороться всѣми силами; надо узнать, какія мѣры въ этой борьбѣ могутъ оказаться наиболѣе дѣйствительными, а для этого необходимо *понять* хасидизмъ. Не должно думать, что мы все объяснили сказавъ: хасидизмъ есть плодъ невѣжества и суевѣрія. Безспорно, онъ можетъ существовать только при невѣжествѣ и суевѣріи, но дѣйствительно-ли только имъ онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ? Да и суевѣріе въ каждой общественной средѣ принимаетъ другой исходъ, другое направленіе. Если мы желаемъ, поэтому, изучить природу хасидизма основательнѣе, мы не можемъ довольствоваться одними общими разсужденіями изъ области человѣческаго духа, а должны сойти на почву дѣйствительности, на почву тѣхъ частныхъ историческихъ условій, при которыхъ онъ появился въ свѣтъ и продолжаетъ существовать. Словомъ, для того, чтобъ успѣшно бороться съ хасидизмомъ, мы должны понять его; а для того, чтобъ его понять, мы должны узнать тѣ обстоятельства, которыя сопровождали его появленіе и которыя до сихъ поръ поддерживаютъ его и придаютъ ему такую живучесть и силу. Только тогда можно будетъ указать тотъ путь, по которому должны пойти государство и общество для того, чтобъ уничтожить эту язву еврейской жизни, этотъ сильнѣйшій тормазъ нашего прогресса.

Въ послѣдующемъ изложеніи мы постараемся разрѣшить эту задачу, или по крайней мѣрѣ указать способъ, которымъ она, по нашему мнѣнію, можетъ быть разрѣшена.

II.

Хасидизмъ есть явленіе новее въ еврействѣ и не имѣетъ почти никакихъ основаній въ еврейской религіи и ея историческомъ развитіи. Дѣйствительно, хасидизмъ, какъ мы видимъ, въ теоріи построенъ на грубѣйшемъ суевѣріи и полномъ господствѣ элемента чудеснаго, сверхъестественнаго, а въ практикѣ сводится на рѣшительное подчиненіе всей жизни хасидовъ *доброму еврею* (какъ они называютъ цадиковъ) и, слѣдовательно, на такое преобладаніе духовнаго элемента надъ свѣтскимъ, какое встрѣчается развѣ въ

ультра-католической Испаніи, или, правильнѣе, только въ монгольскомъ шаманствѣ. Между тѣмъ въ еврейской религіи элементъ чудеснаго играетъ сравнительно небольшую роль. Іудейство знаетъ чудеса, по крайней мѣрѣ чудеса обязательныя для вѣрующихъ, каноническія, только въ давно прошедшемъ, въ библейскихъ преданіяхъ. Талмудъ и позднѣйшая еврейская богословская литература упоминаетъ только о чудесахъ случайныхъ, рѣдкихъ, которыя являлись на помощь избранникамъ божіимъ въ особенно критическія минуты, и притомъ именно избранникамъ божіимъ, прославившимъ себя чрезвычайной святостью жизни, необыкновенной богословской ученостью и заслугами предъ Израилемъ. Таковы, напр. чудеса, которыя передаются о жизни и смерти еврейскихъ мучениковъ, въ эпохи древнеримскихъ и средневѣковыхъ гоненій на евреевъ. Но чтобъ люди, самые обыкновенные, вполнѣ преданные матеріальнымъ наслажденіямъ, лишенные всякихъ знаній въ дѣлахъ вѣры и ничего не дѣлающіе для націи, могли удостоиться дара пророчества и власти надъ природой, и притомъ не изрѣдка и случайно, а постоянно и, такъ сказать, систематически, — это совершенно противно основнымъ ученіямъ еврейской религіи. Съ другой стороны, евреи никогда не имѣли духовенства, въ строгомъ смыслѣ этого слова, т. е. особое сословіе, болѣе или менѣе замкнутое, которое имѣло бы монополію истолкователя религіознаго закона и пользовалось бы, по самому своему званію, высшимъ и самостоятельнымъ общественнымъ значеніемъ и вліяніемъ на частную и общественную жизнь остальныхъ классовъ общества. Раввинъ всегда разсматривался не какъ лицо, стоящее—въ силу дарованной ему свыше власти *вязать и рѣшать*—надъ обществомъ, а какъ слуга общества, чиновникъ, состоящій у общества на жалованьѣ. Раввинъ — это лицо, которому, ради удобствъ раздѣленія труда, община ввѣрила принадлежащее каждому изъ его членовъ въ отдѣльности и всѣмъ вмѣстѣ право устраивать свои религіозныя, домашнія и общественныя дѣла на основаніи Библіи, Талмуда и позднѣйшихъ авторитетовъ. Раввинъ не можетъ ничего приказывать, только наставлять и совѣтовать. Мысль, высказанная много разъ еще въ Библіи, что «весь народъ Божій священъ и каждый изъ нихъ можетъ удостоиться божественнаго откровенія»—мысль эта проникла въ плоть и кровь евреевъ, это демократическое начало лежитъ въ основаніи всѣхъ общественныхъ учрежденій евреевъ. Если раввинъ и пользуется уваженіемъ и даже послушаніемъ, то это только благодаря своимъ личнымъ качествамъ. Частныя лица (не раввины), которыя пользуются репутаціей хорошихъ богослововъ и особенно набожныхъ людей, могутъ пользоваться бо́льшимъ почетомъ, чѣмъ иные раввины, какъ это мы видимъ нерѣдко и теперь. И это неудивительно, потому что совершеніе религіозныхъ требъ

не составляетъ у евреевъ монополіи раввиновъ. Всякій, свѣдущій въ законахъ, еврей можетъ совершать обрядъ вѣнчанія и развода, можетъ рѣзать животныхъ, совершать богослуженіе и т. под.

Вотъ почему авторитетъ раввиновъ вообще довольно незначителенъ, экономическое ихъ положеніе зависимое и незавидное—и вообще они не имѣютъ почти никакого сходства съ духовенствомъ другихъ исповѣданій. Тѣмъ страннѣе и непонятнѣе долженъ быть для насъ съ перваго взгляда хасидизмъ, съ неограниченнымъ вліяніемъ цадиковъ на умы своихъ поклонниковъ, напоминающимъ времена самаго деспотическаго господства духовнаго элемента. Единственное объясненіе его можно найти въ изученіи обстоятельствъ того времени и мѣста, гдѣ хасидизмъ получилъ свое начало.

Средневѣковое еврейское общество, со всѣхъ сторонъ гонимое, преслѣдуемое и недопускаемое къ участію въ общемъ ходѣ народной жизни, естественно должно было уйти въ себя и образовать особый міръ, во многомъ отличный отъ окружающаго его. Для насъ здѣсь важно особенное направленіе духовной, нравственно-религіозной жизни еврейскаго народа. Такъ какъ еврейская религія не только не была покровительствуема или хоть признаваема государствомъ, но, напротивъ, явно и постоянно преслѣдовалась, то неудивительно, что евреи употребили всю силу своего духа на поддержаніе именно этой стороны своего существованія. Вся энергія еврейскаго народа, вся сила его мысли направилась къ тому, чтобъ удержать за собой завѣщанное отъ предковъ религіозное наслѣдіе. Но единственно возможный путь къ дѣйствительному охраненію религіи отъ грозящей ей внѣшней опасности при такихъ обстоятельствахъ заключается въ *строгомъ соблюданіи внѣшней стороны религіи*, ея обрядовъ, которые, въ то грубое время, были главнымъ выраженіемъ религіозной жизни. Дѣствительно, религіозное чувство есть вещь слишкомъ отвлеченная для неразвитаго ума и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ шаткая, неопредѣленная и произвольная, чтобъ на немъ можно было построить прочное зданіе религіозной жизни народа. Обрядъ есть единственный достовѣрный признакъ, по которому еврей могъ тогда отлвчать *своего* отъ *чужаго*; а это было необходимо, потому что, въ то грубое время народной вражды, всякій, который не былъ съ евреемъ, за него, былъ противъ него. Обрядъ, а не туманное религіозное чувство, недоступное повѣркѣ и подверженное сомнѣніямъ и колебаніямъ, связывалъ неразрывно всѣхъ членовъ еврейской семьи въ одно цѣлое съ круговымъ ручательствомъ. Необходимымъ послѣдствіемъ этого было необыкновенное развитіе религіозной обрядности у евреевъ. Какъ было замѣчено выше, у евреевъ не было и теперь нѣтъ духовенства, которое имѣло бы власть постановить неизмѣнныя правила релізнаго быта, которыхъ авторитетъ, поддерживаемый свѣтской властью,

былъ бы непоколебимъ. У евреевъ каждый свѣдущій въ богословской литературѣ считаетъ себя вправѣ запретить то, что до него было дозволено, и наоборотъ. А какъ раввинъ уважался лишь сообразно своей учености, набожности и заслугамъ, то каждый раввинъ считалъ своей непремѣнной обязанностью написать хоть одну книгу богословскаго содержанія и сдѣлать хоть нѣсколько новыхъ религіозныхъ запретовъ, ограниченій, ввести новую молитву въ еврейское богослуженіе и т. под. Такимъ образомъ, масса религіозныхъ законовъ и правилъ росла неимовѣрно, ложась все большой и большой тяжестью на бѣдный еврейскій людъ, удрученный извнѣ гоненіями законодательства и общества,а извнутри строгостью своихъ книжниковъ—раввиновъ.

Такую же неутѣшительную картину представляетъ умственная жизнь евреевъ того времени. Вся еврейская наука вращалась тогда вокругъ Талмуда и его толкователей. Да и могло ли быть иначе? Вспомнимъ, что вообще въ Европѣ, собственно говоря, положительное знаніе зародилось только въ концѣ прошлаго столѣтія. До этого времени, за немногими исключеніями, европейская мысль не была свободна отъ схоластики и догматическихъ словопреній. Вопросы въ родѣ того: можно ли убить крысу, съѣвшую церковную просфиру, занимали тогда, особенно до реформаціи, большинство мыслящихъ умовъ. Мудрено ли, что евреи, которые, будучи исключены изъ общей народной жизни, имѣли очень мало охоты, интереса и возможности усвоить себѣ даже ту незначительную долю положительнаго знанія, которая тогда существовала,—мудрено ли, что евреи искали удовлетворенія своей умственной жажды въ своей національной литературѣ, въ Талмудѣ? Богатствомъ своего содержанія, обнимающимъ, какъ въ энциклопедіи, всѣ стороны человѣческой жизни и человѣческаго знанія, Талмудъ вполнѣ удовлетворялъ тогда любознательности и пытливости еврея.

Притомъ же Талмудъ разсматривался не только какъ предметъ изученія, но какъ *національное богатство*, какъ оплотъ іудейства противъ его враговъ. Евреи дорожили каждой буквой Талмуда, подобно тому, какъ, въ настоящее время, національности, которыя стремятся завоевать себѣ самостоятельность отъ иноземнаго ига, дорожатъ каждой мелочью, напоминающей старинную жизнь ихъ народности. Такимъ образомъ, каждый еврей считалъ своей священной обязанностью обучать своихъ дѣтей Талмуду, дабы они проникнулись до глубины души сознаніемъ своего еврейства и имѣли бы въ рукахъ оружіе противъ враговъ своей вѣры. Вслѣдствіе этого, число евреевъ-богослововъ возрасло непомѣрно и представило такую пропорцію къ массѣ народа, какой не найдемъ ни въ одномъ другомъ обществѣ въ мірѣ. Конкурренція на раввинскія мѣста была, поэтому, необыкновенно велика и не замедлила привести къ весьма печальнымъ результатамъ. Раввины, необезпеченные въ матеріальномъ отношеніи, какъ духовенство всѣхъ другихъ исповѣданій, и подверженные чрезмѣрной конкурренціи, пали очень низко въ нравственномъ отношеніи. Начиная съ 17-го столѣтія все чаще и чаще раздаются жалобы на *неправосудіе и подкупность раввиновъ и продажность раввинскихъ мѣстъ*. Вошло въ обычай, что раввины покупали свою должность у общинъ, вмѣсто того, чтобъ получать у нихъ жалованье. При этомъ они необходимо должны были уже, правдой—неправдой, вознаграждать себя за расходы на полученіе раввинскаго мѣста. Противъ этого безнравственнаго и противнаго еврейскимъ законамъ обычая возставали лучшіе изъ самихъ раввиновъ, которые въ 1637 г. изрекли даже торжественное проклятіе противъ продажности раввинскихъ мѣстъ. Но они не могли преодолѣть естественнаго хода событій и подкупность раввиновъ усиливалась все болѣе и болѣе.

Это нравственное паденіе раввиновъ, которое естественно должно было уронить ихъ кредитъ въ глазахъ евреевъ, сопровождалось столь же сильнымъ умственнымъ паденіемъ. Раввины удалились всецѣло въ область талмудической литературы и религіозно-обрядовыхъ словопреній, которыя давали имъ хлѣбъ насущный. Но этимъ они потеряли много въ мнѣніи большинства, которое, несмотря на религіозный характеръ своей жизни, все же не могло удовольствоваться одной богословской пищей, мало привлекательной для всякаго простаго человѣка. Вмѣсто того, чтобъ, по примѣру древнихъ раввиновъ, пользоваться Талмудомъ только для руководства обыденнаго религіознаго быта и посвятить свое время, главнымъ образомъ, на веденіе общественныхъ дѣлъ своихъ прихожанъ, творить между ними судъ и расправу, быть ихъ представителями и защитниками предъ правительствами и народами, польскіе раввины послѣднихъ вѣковъ удалились совершенно съ реальной почвы, перестали быть руководителями еврейскаго народа, но за то удивительно усовершенствовали талмудическую казуистику. Они, какъ извѣстно, создали новый родъ богословской литературы—такъ называемый *хилукъ* или *пилкулъ*. Хилукъ—это разсужденіе на религіозно-обрядовую тему, которое представляетъ массу самыхъ тонкихъ хитросплетеній, лишенныхъ твердаго логическаго основанія. Это скорѣе игра воображенія, нежели плодъ мысли. Про творца этого рода литературы, совершенно неизвѣстнаго евреямъ до тѣхъ поръ, разсказываютъ, что, когда изъ его экземпляра Талмуда вырвали нѣсколько листовъ, онъ, не замѣтивъ этого обстоятельства, при изумительной гибкости своего ума, продолжалъ ученіе на прерванномъ мѣстѣ и нашелъ возможнымъ связать между собой два совершенно различныя мѣста Талмуда! При такомъ направленіи умственной дѣятельности раввинизма, ученіе сдѣлалось средствомъ

не для достиженія истины, какъ у древнихъ раввиновъ, а для ея затемненія. Въ софистикѣ хилука тотъ считался корифеемъ учености, который могъ привести доказательства въ пользу разрѣшенія того, что запрещено, и наоборотъ, тотъ который могъ приводить побольше аргументовъ за и противъ одного и того же положенія, а не тотъ, который при помощи пріемовъ разумнаго, логическаго толкованія, добивался истины въ лабиринтѣ Талмуда и талмудической литературы. Противъ хилуковъ, которые имѣли и вредное нравственное вліяніе, возбуждая между талмудистами завистливое соперничество и чрезвычайную гордость, столь свойственную школьному педантизму, тоже боролись лучшіе умы между евреями, но съ такимъ же малымъ успѣхомъ. Эта игра ученостью изъ-за недостойныхъ цѣлей и извращеніе естественныхъ законовъ мышленія въ такой же малой мѣрѣ могли нравиться большей части еврейскаго народа, какъ нравственные недостатки раввинизма могли питать въ массѣ уваженіе къ этому званію. Такой порядокъ вещей не могъ продолжаться долго безъ того, чтобъ не вызвать какихъ нибудь перемѣнъ, ибо онъ въ самомъ себѣ скрывалъ задатки своего разложенія. Къ перемѣнамъ, вслѣдствіе изложенныхъ нами обстоятельствъ, было подготовлено все еврейское населеніе бывшаго Царства Польскаго, которое мы преимущественно имѣли въ виду при характеристикѣ средневѣковаго еврейскаго общества, ибо въ феодальной Польшѣ средневѣковой характеръ еврейской жизни достигъ высшей степени развитія. Но нигдѣ обстоятельства такъ не благопріятствовали возможности реформы въ нравственно-религіозной жизни евреевъ, какъ въ такъ называемой *Украйнѣ* (губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской) и *Малороссіи*.

Начнемъ съ того, что здѣсь экономическій бытъ евреевъ былъ (да и теперь еще оно такъ) гораздо лучше, чѣмъ въ другихъ владѣніяхъ Рѣчи Посполитой. Кардиналъ Комендони, объѣзжавшій два раза польскія земли во 2-й половинѣ XVI вѣка и представляющій совсѣмъ не въ выгодномъ свѣтѣ положеніе евреевъ въ собственной Польшѣ, говоритъ про Украйну: «Здѣсь находится большое число евреевъ, которые тутъ не такъ презираемы, какъ въ другихъ земляхъ. Они тутъ живутъ не отъ низкихъ барышей, лихвы и т. под., а *владѣютъ землями*; занимаются не только торговлей, но и литературой и науками. Они держатъ въ аренду пошлины и *пріобрѣтаютъ большія богатства*. По наружности они ничѣмъ не отличаются отъ христіанъ, имъ даже дозволено носить сабли и они пользуются равными со всѣми правами». Лучшее положеніе украинскихъ евреевъ предъ бѣлорусскими, литовскими и польскими произошло, по нашему мнѣнію, отъ нѣсколькихъ причинъ. Вопервыхъ, Украйна и Малороссія, по естественному богатству своей почвы и вообще природы, давали больше источниковъ дохода промышленной дѣятельности евреевъ, тѣмъ болѣе, что населеніе здѣсь было вообще не такъ значительно, и такимъ образомъ плоды природныхъ богатствъ и человѣческаго труда распредѣлялись между меньшимъ числомъ рукъ. Во вторыхъ, вслѣдствіе большей отдаленности этихъ краевъ отъ центра польской жизни, законы шляхетскихъ сеймовъ, весьма неблагопріятные для евреевъ, имѣли здѣсь меньше силы и дѣйствія, чѣмъ въ другихъ польскихъ владѣніяхъ. Въ третьихъ, самое число евреевъ здѣсь было меньше, чѣмъ въ сѣверозападномъ краѣ и собственной Польшѣ, а потому и промышленная ихъ дѣятельность лучше вознаграждалась.

Но исторія показываетъ, что возвышеніе уровня благосостоянія народа чрезвычайно облегчаетъ возможность всякихъ реформъ. Въ частности, относительно евреевъ, истина эта также не подлежитъ никакому сомнѣнію. Кто знакомъ съ еврейскимъ бытомъ, тотъ знаетъ, что всякая реформа въ общественныхъ дѣлахъ или частномъ быту, въ особенности же реформа въ религіозномъ отношеніи, столь трудная у евреевъ, беретъ начало въ богатомъ классѣ и въ немъ только находитъ поддержку. Бѣдное большинство, связанное по рукамъ и ногамъ общественнымъ мнѣніемъ, всегда консервативнымъ у евреевъ, не осмѣлится вступить въ борьбу съ отживающими порядками, хотя бы и сознавало ихъ несостоятельность. Рѣшается на эту борьбу только богатый, который не зависитъ отъ мнѣній своихъ собратьевъ и находитъ въ себѣ довольно силы, чтобы идти наперекоръ большинству. Тѣмъ болѣе украинскіе евреи, всѣ вмѣстѣ, должны были имѣть довольно смѣлости, чтобы возстать противъ того порядка вещей, который изображенъ выше и вооружилъ противъ себя всѣхъ благомыслящихъ евреевъ.

Во вторыхъ, очень большое вліяніе на возможность реформы между украинскими евреями имѣлъ самый образъ ихъ жизни. Какъ мы видѣли изъ отзыва Комендони, евреи занимались на Украйнѣ больше всего арендами разнаго рода и поссесіоннымъ землевладѣніемъ. Но землевладѣніе, какъ показываетъ исторія, имѣетъ повсюду то свойство, что пробуждаетъ въ человѣкѣ духъ независимости и самостоятельности и сознаніе собственнаго достоинства. Вотъ почему украинскій еврей и теперь, когда судьба его значительно ухудшилась противъ прежняго, выгодно отличается отъ сѣверо-западнаго еврея въ отношеніи прямоты характера, нѣкоторой гордости и сознанія личнаго достоинства, хотя и уступаетъ послѣднему въ умственномъ отношеніи. Это обстоятельство естественно облегчило путь реформы въ іудаизмѣ на Украйнѣ. Но еще въ другомъ, болѣе важномъ отношеніи, особенность экономическаго строя украинскихъ евреевъ подготовила путь къ перемѣнѣ въ нравственно-религіозной жизни еврейства именно здѣсь. Землевладѣніе и аренды разсѣяли здѣсь евреевъ на большія раз-

стоянія, не дали имъ сплотиться въ замкнутыя, тѣсно связанныя общины, какъ въ Литвѣ и Польшѣ, гдѣ евреи, занимаясь исключительно торговлей и ремеслами, слились въ плотныя массы по городамъ и мѣстечкамъ. Между тѣмъ, всякому, знакомому съ еврейскимъ бытомъ, извѣстно, что староеврейскій строй жизни, съ его средневѣкомыми общественными учрежденіями, религіозной обрядностью и фанатизмомъ, держится на силѣ консервативнаго, фанатическаго общественнаго мнѣнія еврейскаго населенія этихъ городовъ и мѣстечекъ. Личная свобода, личная мысль здѣсь совершенно задавлена деспотизмомъ общины, которая слѣдитъ зоркимъ окомъ за тѣмъ, чтобы никто изъ ея членовъ не отступилъ отъ завѣта отцовъ ни на одинъ волосъ; и горе тому, кто будетъ замѣченъ въ измѣнѣ вѣрѣ своихъ предковъ, или хоть малѣйшему обычаю, освященному временемъ! Община, съ которой каждый изъ ея членовъ связанъ во всѣхъ отношеніяхъ—узами родства, дружбы, наконецъ, экономическихъ интересовъ, такъ какъ еврейское общество представляетъ особый міръ, наглухо заколоченный,—община найдетъ тысячу средствъ отравлять жизнь дерзкому вольнодумцу, пока онъ или не убѣжитъ отъ нея на край свѣта, что нерѣдко случалось, или заставитъ его, какъ обыкновенно бывало, склонить непокорную голову и подчиниться тяжелому гнету старины. Можно положительно сказать, что всякое движеніе впередъ въ жизни русскихъ евреевъ, несмотря на то, что находило себѣ вездѣ горячихъ приверженцевъ, встрѣчало сильнѣйшее препятствіе со стороны общественнаго мнѣнія, которое нигдѣ не такъ могущественно, какъ у евреевъ, и парализовало всякое благое начинаніе передовыхъ личностей. Вотъ этого то тормаза на пути ко всякой реформѣ почти не знали украинскіе евреи, благодаря своимъ сельско-хозяйственнымъ промысламъ. Живя вдали отъ городовъ, на своей арендѣ, мельницѣ, корчмѣ и т. под., украинскій еврей мало-по-малу эманципировался изъ-подъ вліянія раввиновъ и общины, которые прежде держали его въ ежевыхъ рукавицахъ, особенно во всемъ, что касалось религіи. Онъ позабывалъ здѣсь многосложное и запутанное богословское ученіе евреевъ до того, что обыкновенно не умѣлъ даже читать по-еврейски («арендарь» и теперь у евреевъ синонимъ невѣжества и грубости); и чѣмъ далѣе онъ шелъ по этому направленію, тѣмъ менѣе онъ уважалъ раввина-талмудиста, проводившаго жизнь надъ непонятной ему, арендарю, мудростью и тѣмъ менѣе раввинъ этотъ удовлетворялъ религіознымъ потребностямъ корчмаря, который нуждался уже не въ ученомъ богословѣ, могущемъ объяснить ему темное мѣсто въ Талмудѣ, а въ религіозномъ руководителѣ и духовникѣ, который управлялъ бы его умомъ и сердцемъ, какъ управлялъ священникъ сосѣдней деревни сердцами и умами крестьянъ, къ умственному и нравственному уровню которыхъ украинскій еврей значительно приблизился. Независимый отъ городскаго еврейскаго общества, съ которымъ рѣдко когда и имѣлъ дѣла, арендарь осмѣливался думать о томъ, что раввинъ не заслуживаетъ большаго уваженія, что онъ уже слишкомъ много обременяетъ его религіозными правилами и обрядами, что многіе изъ этихъ обрядовъ можно и не исполнять, тѣмъ болѣе, что въ деревнѣ за нимъ не слѣдили стоглазые аргусы еврейскаго города и что самый родъ жизни на лонѣ природы дѣлалъ невозможнымъ строгое соблюденіе всѣхъ обрядовъ, опутывающихъ жизнь еврея на каждомъ шагу *).

Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ съ давнихъ поръ умы украинскихъ евреевъ подготовлялись къ перемѣнамъ и преобразованіямъ въ ихъ нравственно-религіозной жизни. Окончательное вліяніе на появленіе этихъ преобразованій имѣли, по нашему мнѣнію, внѣшніе перевороты въ судьбѣ украинскихъ и малорусскихъ евреевъ. Въ половинѣ XVII вѣка евреи на Украйнѣ и въ Малороссіи перенесли страшныя гоненія со стороны казаковъ, возставшихъ противъ польскаго владычества подъ предводительствомъ Хмельницкаго. Мы не будемъ разсказывать здѣсь кàкъ, за чтò и какія именно несчастія обрушились тогда на голову евреевъ; достаточно будетъ сказать, что въ длинномъ спискѣ гоненій, претерпѣнныхъ евреями въ средневѣковую эпоху исторіи Европы, украинскія рѣзни при Хмѣльницкомъ и наѣзды гайдамаковъ занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ по своей жестокости. Понятно, что такія страшныя испытанія не могли пройти безъ того, чтобы не оставить глубокихъ слѣдовъ въ умахъ и душѣ евреевъ. Какъ бываетъ обыкновенно въ подобныхъ случахъ, великія народныя бѣдствія вызвали сильное развитіе религіознаго чувства, но не того религіознаго чувства, которое выразилось въ строго и точно опредѣленныхъ внѣшнихъ формахъ и какъ бы окаменѣло подъ этими неподвижными формами, а внутренной потребности безотчетной, неограниченной вѣры. Удрученный горемъ, религіозный человѣкъ ищетъ утѣшенія въ молитвѣ, въ безпредѣльной вѣрѣ въ провидѣніе, объ немъ пекущееся, и еще больше въ святаго, который можетъ ему помочь въ бѣдѣ. Между тѣмъ іудаизмъ представлялъ тогда своимъ послѣдователямъ не *вѣру*, а *ученіе*, не возможность утѣшенія и успокоенія въ годину бѣдствій, а громадную массу сухихъ, мертвыхъ правилъ и обрядовъ, которые съ точностью опредѣляли и ограничивали каждый шагъ еврея, но ничего не говорили его сердцу.

*) Такъ одинъ раввинъ, писавшій въ 1642 г., цитируемый д-ромъ Іеллинекомъ (въ «Биккуримъ» 1865 г.) жалуется на то, что «корчмари продаютъ водку по субботнимъ и праздничнымъ днямъ». Это, безъ сомнѣнія, введено въ обычай сельскими евреями, ибо городскіе не осмѣлились бы на такое тяжкое еврейскаго нарушеніе закона.

Словомъ, іудаизмъ былъ весь разсчитанъ на *умъ*, но ничего не давалъ *сердцу*. Какъ мы замѣтили уже, элементъ чудеснаго сверхъ-естественнаго, и, слѣдовательно, вообще *вѣра* играетъ незначительную роль въ еврейскомъ міросозерцаніи. Между тѣмъ, то было именно такое время, когда огрубѣвшіе, отвыкнувшіе отъ староеврейской жизни и застигнутые страшными бѣдствіями гайдамачества, украинскіе арендаторы и корчмари нуждались самымъ чувствительнымъ образомъ не въ тонкихъ мудрствованіяхъ софистовъ-раввиновъ, а въ настоящемъ духовенствѣ, которое удовлетворило бы ихъ жаждѣ чудеснаго и слѣпой вѣры и служило бы имъ дѣйствительнымъ руководителемъ въ общихъ нуждахъ всего еврейскаго населенія Украйны и въ частныхъ дѣлахъ каждаго корчмаря и арендатора въ отдѣльности.

Къ этому присоединились колебанія и подчасъ сильныя потрясенія въ благосостояніи литовскихъ и малороссійскихъ евреевъ въ теченіи XVIII вѣка, происходившія отъ неблагопріятнаго отношенія къ евреямъ русскаго правительства вплоть до временъ Екатерины II, которая первая положила основаніе признанію гражданства евреевъ въ Россіи *). Во все это время, евреи то изгонялись изъ того или другаго пункта, то опять въ него допускались; права ихъ то признавались, то отрицались—впрочемъ, чаще отрицались, чѣмъ признавались. Подъ вліяніемъ такихъ колебаній уровень умственнаго развитія евреевъ постоянно понижался. Вмѣстѣ съ этимъ, потребность въ другой формѣ религіозной жизни, чѣмъ раввинизмъ съ обременительной, сухой и неудобоваримой для толпы мудростью, должна была сознаваться все сильнѣе и сильнѣе.

При такихъ обстоятельствахъ зародился на Украйнѣ *хасидизмъ*, котораго начало еврейскій историкъ Іостъ относитъ къ 1730 году.

III.

Изъ всего изложеннаго видно, что потребность реформы ощущалась въ различныхъ сторонахъ еврейской жизни того времени. Во-первыхъ, мыслящая часть еврейскаго народа, утомленная безплодной, сухой и мертвой ученостью раввинизма, не представлявшаго никакого интереса ни для ума, ни для воображенія, искала болѣе занимательной *умственной пищи*. Во-вторыхъ, таже лучшая часть евреевъ въ *нравственномъ отношеніи* была сильно возмущена деморализаціей раввиновъ, ихъ суетностью, превратившей слово Божіе въ предметъ происковъ, зависти, вражды и корысти, и ихъ холодной разсудочностью, доходившей до скептицизма и невѣрія.

---

*) См. историческій очеркъ г. Леонтовича (Сіонъ, № 21).

Она жаждала поэтому болѣе совершеннаго въ нравственно-религіозномъ отношеніи порядка вещей. Въ-третьихъ, всѣ евреи, особенно невѣжественное и грубое большинство, тяготились чрезмѣрнымъ бременемъ возложенныхъ на нихъ *стѣснительныхъ обрядовъ и религіозныхъ правилъ*, которыя съ теченіемъ времени, благодаря набожному рвенію раввиновъ, сдѣлались по истинѣ невыносимыми. Масса съ нетерпѣніемъ ждала избавителя, который хотя бы немного облегчилъ бы ей тяжелую ношу. Наконецъ, она потеряла уваженіе къ раввинамъ, которые углубились въ безплодную пустыню богословской учености и давно перестали быть путеводителями своей паствы въ житейскихъ ея дѣлахъ. А время, какъ мы видѣли, все болѣе усиливало для массы народа нужду въ такихъ путеводителяхъ, которые приспособились бы къ низкому уровню ея пониманія и могли бы, словомъ и дѣломъ, служить ей въ практическихъ нуждахъ.

Всѣмъ этимъ потребностямъ еврейской жизни долженъ былъ удовлетворить хасидизмъ, какъ новая форма религіозной и общественной организаціи, возникшая изъ давно сознанной необходимости коренной реформы во многихъ отношеніяхъ.

Намъ естественно предстоитъ разсмотрѣть теперь, въ какой мѣрѣ хасидизмъ дѣйствительно исполнилъ тѣ надежды, которыя на него возлагались, и какое его значеніе въ современной жизни русскихъ евреевъ. При этомъ, такъ какъ мы не пишемъ здѣсь исторіи хасидизма, а намѣрены только указать на значеніе и смыслъ его, какъ *общественнаго явленія*, мы ограничимся самыми краткими указаніями, насколько они необходимы для достиженія предположенной цѣли.

Начала хасидизма, какъ они изложены въ сочиненіяхъ первыхъ учениковъ основателя его, *Р. Израиля Баалъ-Шемъ-Това*, состоятъ въ слѣдующемъ. По отношенію къ ученію, къ области мышленія, учители хасидизма возстали: во первыхъ, противъ себялюбиваго и суетнаго раввинизма, который превратилъ божественное ученіе въ предметъ человѣческихъ страстей и расчетовъ. «Митнагеды (не-хасиды) говорятъ, что изученіе Торы, даже съ нехорошимъ намѣреніемъ, есть богоугодное дѣло, и такъ оно по большей части у нихъ бываетъ», говорится въ извѣстной книгѣ «*Маирефъ Гіавода*», представляющей катехизисъ хасидизма; — «но хасидъ полагаетъ, что нельзя приступить къ слову Божію *безъ страха и любви* (къ Богу). Притомъ одинъ положительный законъ (догматико-богословская литература) недостаточно уже въ настоящее время, ибо Тора есть духовная пища, подобно тому, какъ хлѣбъ есть пища тѣлесная. И какъ грубая пища можетъ питать только здоровое тѣло, такъ *грубый, матеріальный законъ*, опредѣляющій только физическую жизнь человѣка (т. е. религіозные обряды и правила), былъ достаточенъ только для нашихъ *предковъ*, крѣпкихъ въ вѣрѣ. Нашъ

же слабое время нуждается въ болѣе деликатной духовной пищѣ,» которую хасидизмъ и предлагаетъ вѣрующимъ въ мистическомъ ученіи *каббалы*. Въ этой параболѣ, заимствованной изъ указанной книги «Мацрефъ Гаавода», удивительно ясно высказывается пониманіе хасидизмомъ несостоятельности раввинизма въ то время, хотя это сознаніе и высказывается въ религіозно-мистической формѣ, согласно духу того времени. Наше поколѣніе, говоритъ упомянутая книга, страдаетъ *душевной болью*, которая происходитъ отъ недостатка *вѣры*, отъ сомнѣнія въ существованіи духовнаго міра. Митнагеды погрязли въ *матеріализмѣ*. Они учатъ Тору изъ *гордости*, завѣтная мечта каждаго изъ нихъ, чтобъ его назвали *гаономъ* (ученой знаменитостью). Они углубляются въ священные фоліанты для того только, чтобъ *доказать ошибочность мнѣнія другаго ученаго*. По ихъ мнѣнію толмудисты были такіе же свѣтскіе мудрецы, какъ *греческіе философы*. (Здѣсь хасидизмъ выказываетъ враждебность суевѣрной массы скептицизму и раціонализму раввиновъ). Въ противность этому, хасидизмъ учитъ: необходима безусловная вѣра; всякое мудрствованіе заслуживаетъ порицанія. Весьма характеристиченъ споръ между хасидами и митнагедами относительно *духовнаго элемента въ мірѣ*. По мнѣнію раціоналистовъ-раввиновъ слова Библіи: «Богъ наполняетъ весь міръ»—слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что провидѣніе божіе печется обо всемъ, а не буквально. Противъ этаго хасиды возстали со всей силой. По ихъ ученію, Богъ, или вообще духовный элементъ, наполняетъ вселенную. Только духъ Божій оживляетъ, одухотворяетъ и поддерживаетъ все существующее *). Противное мнѣніе ведетъ къ безвѣрію, мертвой обрядности и матеріализму. Такимъ образомъ, хасидизмъ, въ область религіознаго ученія, вводитъ, взамѣнъ догматическаго богословія, которое впрочемъ имъ не отрицается, а лишь отодвигается на второй планъ, мистическую каббалу, столь привлекательную для ума и воображенія, религіозно настроеннаго. Хасидизмъ поэтому не довольствуется практическимъ соблюденіемъ обрядовъ, а требуетъ отъ вѣрующаго проникновенія ихъ духомъ и смысломъ: «*Вы во всемъ видите только внѣшность*»—упрекаетъ хасидъ своего противника въ приведенной книгѣ. Въ толкованіи Библіи хасидизмъ совершенно удалился отъ раціонально-догматической эксегезы раввиновъ, а стремится найти въ каждой буквѣ сокровенный смыслъ, въ чемъ онъ пошелъ по слѣдамъ александрійскихъ философовъ (Филона) и крайнихъ послѣдователей Маймонида, которые, исходя изъ сознанія несоотвѣтствія между буквальнымъ смысломъ Писанія и

*) Какъ сильно напоминаетъ эта доктрина хасидизма основной догматъ молоканства: буква мертва, духъ животворитъ. (См. Воспоминанія о молоканахъ Н. И. Костомарова въ От. Зап. 1869 г., кн. 3).

требованіями разума, думали согласить это противорѣчіе, принимая, что Писаніе имѣетъ не буквальный, а тайный философскій смыслъ. Особенно рѣзко высказалась противоположность между хасидизмомъ и раввинизмомъ въ вопросѣ *о молитвѣ*. Молитва митнагедовъ, говоритъ «Мацрефъ Гаавода», холодна и безчувственна. Они молятся только потому, что *отцы ихъ тоже дѣлали*, а не по внутренней потребности. Хасиды же молятся съ сознаніемъ, съ воодушевленіемъ. Между тѣмъ какъ у митнагедовъ ученіе выше молитвы, у хасидовъ это наоборотъ. Молитва, по мнѣнію послѣднихъ, очищаетъ, облагораживаетъ и возвышаетъ душу. Такъ какъ она составляетъ главный религіозный актъ въ жизни хасида, онъ къ ней приготовляется омовеніями и очищеніями. Онъ предпочитаетъ молиться въ уединеніи, чѣмъ въ собраніи, хотя еврейскій законъ отдаетъ явное преимущество послѣднему способу молитвы; предпочитаетъ нарушитъ установленныя закономъ правила о времени, мѣстѣ и обстановкѣ молитвы, лишь бы молиться съ чувствомъ, а не машинально и безчувственно, какъ митнагеды.

Таковы главныя догмы хасидизма въ первоначальномъ его видѣ, какъ онъ выработался въ жизни и сочиненіяхъ первыхъ его учителей и послѣдователей. Хасидизмъ воздвигъ противъ себя сильнѣйшія гоненія со стороны главныхъ представителей талмудизма, чуявшихъ въ немъ опаснаго врага всему строю староеврейской жизни. Мы, конечно, не будемъ разсказывать здѣсь подробностей этой борьбы; для нашей цѣли достаточно сказать, что въ настоящее время гоненія эти совершенно утихли и побѣдителемъ изъ этой борьбы вышелъ хасидизмъ. Зародившись на Украйнѣ, онъ быстро распространился по Малороссіи, Бѣлоруссіи, Царству Польскому, и даже заграницей, особенно въ Галиціи, Буковинѣ и Венгріи, гдѣ еврейское населеніе стоитъ на одной ступени развитія съ русскими евреями. И это нисколько не удивительно, такъ какъ хасидизмъ, по мнѣнію даже просвѣщенныхъ людей того времени, заключалъ въ себѣ прогрессивныя начала и стоялъ выше раввинизма. Такъ извѣстный *Соломонъ Маймонъ*, одинъ изъ лучшихъ учениковъ Канта, въ молодости бывшій самъ хасидомъ, говоритъ слѣдующее въ своей автобіографіи *): «Баалъ-Шемъ-Товъ и его ученики нашли много темныхъ сторонъ въ іудаизмѣ и старались исправить ихъ, именно тѣмъ, что возстали противъ безплодной казуистки талмудистовъ—раввиновъ, противъ мертвой, бездушной обрядности, лишенной всякаго смысла, противъ религіознаго лицемѣрія и ханжества.»

Такимъ образомъ замѣчательный мыслитель, одаренный необы-

*) См. замѣчательное сочиненіе г. Цвейфеля о хасидизмѣ «Шаломъ алъ Израель» стр 45.

кновеннымъ критическимъ тактомъ и, благодаря высокой степени умственнаго развитія, способный взглянуть на религіозную жизнь евреевъ безпристрастно, угадалъ на первыхъ порахъ появленія хасидизма его значеніе въ качествѣ религіозной реформы. Но прогрессивный характеръ хасидизма продолжался не долго. Очень скоро наступила пора, когда онъ навлекъ на себя ненависть всѣхъ честныхъ людей между евреями; съ тѣхъ поръ и понынѣ онъ не перестаетъ считаться (и конечно справедливо) язвой еврейской жизни, къ которой нельзя относиться иначе, какъ съ самыми рѣшительными мѣрами исцѣленія. Какимъ образомъ совершилось это превращеніе мы сейчасъ увидимъ.

IV.

Изъ того, что изложено было выше объ ученіи первыхъ сподвижниковъ хасидизма, нетрудно видѣть, что дѣятельность основателей новаго ученія была по преимуществу духовно-нравственная, теоритическая. Они главнымъ образомъ силились разрушить мелочный педантизмъ и черствую рутину раввиновъ и внести въ религіозное ученіе животворящій духъ истинной вѣры и религіознаго чувства, вмѣсто мертвой обрядности. Это направленіе хасидизма удовлетворяло только потребностямъ развитаго меньшинства, которое въ умственномъ отношеніи не могло довольствоваться безплодной и мелочной казуистикой раввинской богословской литературы, а въ нравственномъ отношеніи было глубоко возмущено деморализаціей раввината, дошедшей, какъ мы видѣли, до крайнихъ предѣловъ. Это передовое меньшинство было, конечно, вполнѣ удовлетворено новыми учителями, которые вели безукоризненно честную и глубоко религіозную жизнь, а вмѣсто пустыхъ и запутанныхъ умствованій о мелочахъ религіозныхъ обрядовъ, неимѣющихъ никакого интереса для мыслящаго ума, преподавали своимъ ученикамъ таинственное, фантастическое и потому сильно дѣйствующее на воображеніе ученіе каббалы, которое, по своему, конечно, пыталось разрѣшить важнѣйшіе міровые вопросы и задачи человѣческой жизни, поднимаясь до высоты самой транецендентальной метафизики. Но потребность коренной реформы ощущалась, какъ указано было выше, не только мыслящимъ меньшинствомъ еврейскаго народа, но можетъ быть еще въ большей мѣрѣ невѣжественнымъ большинствомъ. Съ одной стороны въ высшей степени неблагопріятныя условія, въ которыя было поставлено еврейское племя по отношенію къ остальному населенію и къ государству, какъ въ экономическомъ, такъ и въ социально-гражданскомъ отношеніи, наталкивали еврея на необходимость искать утѣшенія въ кругу своей замкнутой и изолированной религіозной жизни, а этого утѣшенія онъ напраспо искалъ у раввиновъ того времени, предлагавшихъ ему сухую, безцвѣтную и безсодержательную схоластику, ничего не говорящую сердцу и воображенію. Съ другой стороны оковы, наложенныя на жизнь еврея усердіемъ раввиновъ въ видѣ религіозныхъ предписаній, расплодившихся въ невѣроятныхъ размѣрахъ, стали уже чрезъ-чуръ тяжки и масса инстинктивно жаждала облегченія отъ деспотическаго гнета неумолимаго закона и обычая, стѣснявшаго ее на каждомъ шагу въ житейской сферѣ. Мы видѣли, что задолго до появленія хасидизма, путемъ жизненной необходимости, вошло въ обыкновеніе такое существенное нарушеніе раввинскаго закона, какъ торговля питьями въ субботу у еврейскихъ корчмарей. Но такое фактическое, случайное освобожденіе отъ тяжести закона не могло удовлетворить сознанію массы, которая нуждалась въ достаточной санкціи религіозной реформы, въ признаніи этой реформы достаточно сильнымъ духовнымъ авторитетомъ, который, облегчая народу ношу унаслѣдованныхъ заповѣдей и законовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ удержалъ бы его (т. е. народъ) въ дорогомъ ему іудействѣ, отъ котораго еврей, несмотря на всю его тяжесть и стѣснительность, ни за что не думалъ отказаться.

Наконецъ, въ сферѣ своихъ гражданскихъ и экономическихъ отношеній, еврейское общество, лишенное при польскомъ владычествѣ защиты общихъ законовъ страны и предоставленное совершенно своимъ собственнымъ средствамъ въ дѣлѣ суда и расправы и въ экономическомъ своемъ быту, это еврейское общество нуждалось въ такой власти, которая бы руководила имъ въ различныхъ столкновеніяхъ гражданской жизни.

Въ маловажныхъ тяжбахъ, напримѣръ, точно также въ незначительныхъ уголовныхъ проступкахъ еврей очень неохотно обращался къ общимъ судамъ, совершенно чуждымъ ему по духу и направленію, гдѣ на него смотрѣли съ глубокимъ презрѣніемъ и гдѣ онъ почти не могъ добиться праваго суда. Онъ нуждался поэтому въ собственной, сподручной юрисдикціи, гдѣ онъ могъ бы свободно объясняться и разрѣшить споръ скоро и легко, по еврейскимъ обычаямъ.

Судъ же раввиновъ-талмудистовъ, по продажности судей и запутанности и отсталости тѣхъ законовъ, которыми они руководствовались, давно потерялъ всякое уваженіе въ глазахъ народа. Далѣе евреи не имѣли тогда никакой прочной промышленной организаціи, такъ какъ они не примыкали къ городскимъ обществамъ, не входили въ составъ цеховъ; слѣдствіемъ этой политики польскаго законодательства, которая впрочемъ составляла логическій

результатъ взгляда Рѣчи Посполитой на евреевъ, было (и до сихъ поръ продолжаетъ быть) *непомѣрное развитіе принципа конкурренціи* въ промышленномъ быту евреевъ. Эта экономическая анархія, при ограниченности еврейскихъ промысловъ и чрезмѣрно большомъ соперничествѣ соискателей на каждый источникъ пропитанія, отзывалась очень вредно на благосостояніи евреевъ. Нужна была сильная власть, которая могла бы удержать еврея, напр. оттого, чтобъ выжить своего собрата изъ аренды, корчмы, лавки, подряда, посредствомъ возвышенія или пониженія цѣны; словомъ нужна была власть, которая хоть сколько-нибудь могла бы исправить зло, неизбѣжное при ненормальной конкурренціи между промышленниками, вслѣдствіе несоотвѣтствія между источниками доходовъ и числомъ людей, которые должны питаться этими доходами. Эта власть не была въ рукахъ раввиновъ, такъ какъ источникомъ ея, при непризнаніи со стороны государства, могло быть только народное довѣріе и уваженіе, а этого довѣрія и уваженія народъ давно ужъ не питалъ къ раввинамъ.

Такія насущныя потребности экономическаго и духовнаго быта народа не могутъ долго оставаться неудовлетворенными; раньше или позже являются лица, которыя берутъ на себя исполненіе тѣхъ обязанностей въ отношеніи къ обществу, безъ коихъ послѣднее не можетъ болѣе обойтись. Въ разсматриваемомъ нами случаѣ, роль реформаторовъ еврейскаго религіознаго быта и руководителей массы въ ея житейскихъ интересахъ естественнымъ образомъ выпала на долю учителей хасидизма. Я говорю, «естественнымъ образомъ», потому что предпринятая этими учителями *теоретическая* реформа еврейской догматики и богословія въ примѣненіи къ *практической* жизни неминуемо влекла за собой то облегченіе обрядовой тяжести, необходимость которой такъ глубоко, хотя безсознательно, инстинктивно, чувствовалась еврейскимъ простонародьемъ. Дѣйствительно, какъ мы видѣли, основной догматъ новаго ученія состоитъ въ томъ, что «буква мертва, духъ животворитъ» и что поэтому въ религіозной практикѣ важно не внѣшнее, формальное соблюденіе обряда, а проникновеніе его смысломъ, религіозное настроеніе духа. При этомъ основатели хасидизма не осмѣливались еще отрицать безусловную обязательность соблюденія всѣхъ обрядовъ,, предписанныхъ раввинами. Но очевидно, что отъ признанія преимущественной важности духа предъ формой религіозной жизни только одинъ шагъ до признанія излишества и даже вредности этой формы, какъ имѣющей вездѣ стремленіе убить духъ или по крайней мѣрѣ задержать его развитіе. Этотъ шагъ сдѣланъ былъ всѣми тѣми религіозными и философскими доктринами, которыя возставали противъ установившихся общественныхъ и религіозныхъ формъ, утратившихъ свое жизненное значеніе, свой

«животворящій духъ». Таковы: ученія александрійскихъ гностиковъ (еврейскій представитель-Филонъ), средневѣковые греческо-арабскіе мыслители (еврейскій представитель–Маймонидъ и особенно его крайніе послѣдователи), и наконецъ ближе къ намъ по времени и мѣсту наши духоборцы, общіе и пр. (соотвѣтствующее еврейское явленіе—хасидизмъ). Всѣ эти религіозно-философскія системы начали съ того, что возставали противъ рутиннаго соблюденія формъ въ области религіи и общественной жизни, признавая однакожъ эти формы, въ которыя онѣ старались только влить новый духъ, и кончили тѣмъ, что совершенно отрицали эти формы, требуя взамѣнъ ихъ *господство духа*—въ религіи въ видѣ набожнаго настроенія духа, въ житейскомъ быту—въ видѣ духа братства и любви вмѣсто эгоистическаго *моего и твоего*. Тоже самое случилось съ хасидизмомъ. Хотя на первыхъ порахъ онъ выступилъ противъ мелочной и бездушной схоластики раввиновъ въ теоріи и ихъ мертвой обрядности и формализма въ практикѣ, требуя только, чтобъ религіозный бытъ не былъ одной пустой формой, а сознательнымъ служеніемъ общественному духу, всеоживляющему въ природѣ и въ жизни людей, не осмѣливаясь ни въ ученіи, ни въ практикѣ отступать ни на шагъ отъ установившагося порядка въ еврейской религіозной жизни, но ужъ очень скоро обнаружилось въ чемъ заключаются конечные результаты новаго ученія и его истинныя основанія. Противники новаго ученія, во главѣ которыхъ стояли величайшіе авторитеты талмудической учености и раввинизма того времени, отлично поняли, съ какимъ врагомъ они имѣютъ дѣло. Для нихъ стало ясно, что отъ обоготворенія мистической каббалы до пренебреженія положительнымъ, матеріалистическимъ и сухимъ догматизмомъ Талмуда, переходъ очень легокъ, а еще легче, потому что заманчивѣе для массы, переходъ отъ принципа «животворящаго духа» въ религіи къ отрицанію всей обрядной, внѣшней, формальной стороны религіозной жизни. Этимъ объясняется жестокое гоненіе, воздвигнутое на послѣдователей новаго ученія со стороны раввинской корпораціи, гоненіе, доходившее до отлученія всѣхъ хасидовъ отъ общины Израиля, до запрещенія не-хасидамъ вступать съ ними во всякаго рода сдѣлки и т. под. Но мѣры эти ни къ чему не привели и даже не могли осуществляться на практикѣ въ сколько нибудь широкихъ размѣрахъ. Хасидская ересь съ каждымъ днемъ пріобрѣтала все болѣе и болѣе приверженцевъ въ лагерѣ своихъ противниковъ, гдѣ лучшіе умы не могли не сознавать всей теоретической и практической несостоятельности раввинизма. Сами же учители хасидизма, выступивъ первоначально единственно въ качествѣ отшельниковъ-проповѣдниковъ, преподававшихъ избраннымъ ученикамъ таинственное ученіе, привлекавшее къ себѣ умы своими грандіозными пред-

ставленіями и глубиной своего цѣлостнаго міросозерцанія, а народу—необходимость искренней молитвы и религіознаго настроенія духа вмѣсто безсознательной рутины,—скоро сошли съ своего пьедестала на болѣе низменную и практическую область дѣятельности. Они были вовлечены въ потокъ дѣйствительной жизни, сколько внутренней логикой своего ученія, которое естественно должно было стремиться къ тому, чтобъ приложить свою доктрину къ практической жизни, столько же требованіями народной массы, которая обращалась къ новымъ учителямъ за удовлетвореніемъ тѣхъ насущныхъ своихъ потребностей, о которыхъ было сказано выше. Къ новому *рабби* постоянно приходили толпами то за разрѣшеніемъ спора, то для огражденія отъ происковъ сосѣда, возвышавшаго арендную плату помѣщику, то просто для совѣта во всякаго рода дѣлахъ. Рабби не имѣлъ достаточно скромности для того, чтобъ отказаться отъ предлагаемой ему власти руководителя и въ нѣкоторомъ смыслѣ главы еврейскаго населенія мѣстности. Онъ тѣмъ охотнѣе принималъ на себя эту роль, что она, какъ оказалось, была сопряжена съ огромнымъ моральнымъ значеніемъ, почти неограниченной властью надъ умами, сердцами и что еще важнѣе—карманами паствы. Съ теченіемъ времени власть эта пріобрѣла абсолютно-теократическій характеръ, и вотъ по какой причинѣ. Выше было замѣчено, что раввинъ, по еврейскимъ понятіямъ, не соотвѣтствуетъ тому, что мы привыкли предполагать подъ именемъ духовнаго лица у христіанъ. Онъ не пользуется *по самому своему званію* религіознымъ авторитетомъ и властью надъ своей паствой. Раввинъ, это лицо служебное, которое въ матеріальныхъ своихъ нуждахъ и моральномъ положеніи ничѣмъ другимъ не гарантировано, кромѣ уваженія и привязанности своихъ духовныхъ дѣтей; которое поэтому должно употребить всѣ старанія для того, чтобъ ни на минуту не потерять ихъ благорасположенія и личными заслугами и достоинствами постоянно поддерживать въ нихъ разъ установившееся хорошее мнѣніе. Такому порядку вещей средневѣковое еврейство обязано тѣмъ величіемъ, до котораго выработался типъ тогдашняго раввина, обыкновенно соединявшаго въ своемъ лицѣ всѣ качества и заслуги достойнаго представителя свѣтской и духовной власти. Извѣстно, что средневѣковой раввинъ, въ одно и тоже время, исполнялъ обязанности судьи, наставника, духовнаго лица и общественно-хозяйственнаго дѣятеля въ своей общинѣ. Мало того, онъ былъ какъбы политическимъ представителемъ обособленнаго еврейскаго міра, на котораго сами христіане смотрѣли не иначе, какъ на отдѣльную политическую единицу, и какъ таковой онъ былъ посредникомъ между своей общиной съ одной стороны и королями, феодалами, духовенствомъ и городами съ другой, велъ переговоры о дозволеніи евреямъ селиться и промышлять въ той или другой мѣстности, испрашивалъ для нихъ новыя права или подтвержденіе старыхъ, старался предотвращать столь обыкновенныя въ то время изгнанія евреевъ и конфискаціи ихъ имуществъ и т. д. При такомъ положеніи дѣлъ, раввинатъ дѣйствительно выдвинулъ на историческую арену многихъ замѣчательныхъ личностей, обезсмертившихъ себя въ исторіи Израиля успѣшными трудами на благо гонимаго и презираемаго племени, уцѣлѣвшаго послѣ страшныхъ многовѣковыхъ страданій, лишь благодаря своей духовной мощи и крѣпкой общинной солидарности.

Но очевидно, что такой порядокъ вещей можетъ успѣшно продолжаться лишь въ такомъ случаѣ, когда община достаточно высоко стоитъ въ своемъ умственномъ и нравственномъ развитіи для того, чтобъ неуклонно держать контроль надъ дѣйствіями своего пастыря, и настолько заинтересована въ общихъ нуждахъ всѣхъ своихъ членовъ, чтобъ постоянно заботиться объ этомъ контролѣ.

Оба эти условія у евреевъ, жившихъ въ польскихъ владѣніяхъ, все болѣе и болѣе исчезали, съ чѣмъ естественно было связано паденіе традиціоннаго раввинита и замѣна его другой формой организаціи духовной власти, болѣе приспособленной къ измѣнившимся обстоятельствамъ. Съ одной стороны уровень моральнаго и умственнаго развитія еврейской массы, подъ вліяніемъ низкаго соціальнаго положенія, значительно понизился, не только въ общечеловѣческомъ отношеніи, но даже относительно спеціально еврейскаго религіознаго образованія. Неизбѣжнымъ результатомъ этого была все сильнѣе чувствовавшаяся неспособность общины стоять надъ своимъ раввиномъ, продолжать прежнія отношенія къ нему, какъ слугѣ общины, дѣятельность котораго считалъ себя въ правѣ и въ состояніи оцѣнивать каждый изъ ея членовъ въ былое время, когда почти каждый еврей былъ глубокимъ знатокомъ религіознаго ученія и компетентнымъ судьей въ самыхъ запутанныхъ вопросахъ религіозной казуистики. Съ другой стороны разбросанность еврейскаго населенія по обширнымъ и малонаселеннымъ пространствамъ Полѣсья, Украйны и Малороссіи, вмѣсто прежней сплоченности ихъ по городамъ, вызвало ослабленіе тѣхъ узъ общинной солидарности, которыя такъ плотно сковывали всѣхъ членовъ городской еврейской общины, и вслѣдствіе этого малое участіе индивидуализировавшихся евреевъ къ прежнему общественному устройству и представителю его—раввинату.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ того какъ оба эти необходимыя условія процвѣтанія раввината на выборныхъ началахъ изглаживались и исчезали изъ еврейскаго быта, существованіе раввинства въ прежней формѣ дѣлалось все болѣе и болѣе затруднительнымъ и несоотвѣтствующимъ истиннымъ потребностямъ еврейской массы. Неудивительно поэтому, что представители новой духовной влас-

ти, основанной на принципахъ радикально противоположныхъ прежнимъ, привлекли къ себѣ симпатіи народной массы. Это тѣмъ болѣе станетъ понятнымъ для насъ, когда въ связи съ только что указанными обстоятельствами поставимъ и нѣкоторыя другія, упомянутыя выше, какъ то: непривлекательность талмудическаго ученія въ теоретическомъ отношеніи и обременительность его въ практическомъ быту, продажность раввинства, какъ слѣдствіе чрезмѣрной распространенности талмудической учености между польскими евреями и вытекавшей изъ этого сильной конкурренціи между соискателями на раввинскія мѣста, вліяніе католицизма и пр. Чѣмъ ближе мы будемъ всматриваться въ условія еврейскаго быта въ бывшихъ польскихъ владѣніяхъ въ прошломъ столѣтіи, тѣмъ яснѣе станетъ для насъ, что возникновеніе хасидизма какъ религіозной доктрины и, затѣмъ, образованіе цадикизма, какъ извѣстнаго церковно-соціальнаго строя, было естественнымъ и неизбѣжнымъ продуктомъ жизненной обстановки польско-еврейскаго міра. Полнѣйшее равнодушіе государственной власти и органовъ законодательства и администраціи—ко внутреннимъ интересамъ еврейскаго населенія, не затрагивавшимъ выгодъ казны и христіанскаго населенія, вынудило евреевъ образовать свое собственное управленіе, свой судъ и свой общинный союзъ, основанные, какъ это иначе и не могло быть, на началахъ религіозныхъ и общинно-демократическихъ. Отталкивающая сухость талмудической казуистики влекла умы къ новому ученію, дававшему обильную пищу не одному только уму, какъ раввинское ученіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и религіозному чувству и воображенію вѣрующихъ. Отяготительность обрядоваго формализма, сковавшаго тяжелыми цѣпями всю жизнь еврея отъ рожденія до смерти, гнала народную массу въ лагерь новыхъ учителей, провозгласившихъ болѣе свободныя начала религіозной жизни. Нравственное и умственное паденіе раввинства, которое, наконецъ, оказалось неспособнымъ управлять и защищать интересы отупѣвшей еврейской массы, сильно содѣйствовало тому же результату. Пониженіе уровня умственнаго развитія въ польско-еврейскомъ мірѣ вообще сдѣлало необходимымъ радикальное измѣненіе въ положеніи еврейской духовной власти. Огрубѣвшій и охладѣвшій къ интересамъ городской общины, еврей-арендаторъ и корчмарь на Украйнѣ не только не хотѣлъ, но и не могъ *выбирать* себѣ духовнаго наставника между корифеями талмудической учености послѣ оцѣнки ихъ знаній, благочестія и прочихъ качествъ. Мало того: самая мысль о такомъ свободномъ, такъ сказать, фривольномъ отношеніи къ представителямъ религіи должна была казаться кощунственной уму грубаго, невѣжественнаго и фанатически преданнаго своей вѣрѣ простолюдина. Протестантское воззрѣніе на отношенія разума къ вѣрѣ и служебный характеръ

духовенства стояли гораздо выше его умственнаго кругозора. Ему гораздо сподручнѣе было хорошо знакомое ему, по ежедневному наблюденію, католическое понятіе о небесной благодати, осѣняющей избранниковъ божіихъ свыше, безъ долговременной ученой подготовки и безъ видимыхъ личныхъ заслугъ, на которыя смотритъ ограниченный человѣческій умъ. Глубокое вліяніе католицизма, или, вѣрнѣе сказать, тѣхъ бытовыхъ условій, которыя вызываютъ къ жизни католицизмъ и ему подобныя религіозныя ученія, на цадикизмъ видно изъ того, что въ основу этого послѣдняго положено чисто католическое начало *искупленія грѣховъ посредствомъ щедрыхъ приношеній духовенству*: хасидскіе *выкупы* (пидьонимъ, приношенія цадику отъ вѣрующихъ) ничѣмъ рѣшительно не отличаются отъ папскихъ индульгенцій, послужившихъ яблокомъ раздора между католическимъ и протестантскимъ міромъ. А при глубоко укоренившемся въ еврейскомъ быту элементѣ семейно-патріархальномъ не удивительно, что въ примѣненіи къ новой формѣ организаціи духовной власти, къ принципу благодати и суперанатурализма, присоединился другой принципъ—наслѣдственности духовнаго сана. Невѣжественной массѣ легитимистическое начало наслѣдственности какъ свѣтской, такъ и церковной власти естественно кажется гораздо болѣе справедливымъ, разумнымъ и удобнымъ, чѣмъ начало выборное, которое вообще сопряжено съ затрудненіями, отвѣтственностью и запросомъ на значительный запасъ моральныхъ силъ въ обществѣ. Вотъ почему грубая, суевѣрная масса съ восторгомъ привѣтствовала представителей новаго религіознаго ученія, откликнувшагося на сокровеннѣйшія ея желанія и выразившаго готовность удовлетворить давно прочувствованнымъ потребностямъ. Масса поспѣшила сложить къ ногамъ новыхъ учителей весь запасъ своихъ богатствъ, какъ матеріальныхъ, которыя, по ея мнѣнію, не могутъ быть употреблены лучше, какъ для прославленія и возвеличенія религіи въ лицѣ земныхъ ея представителей, такъ и духовныхъ (вѣры, любви, благоговѣнія и пр.). Хотя такимъ образомъ на цадиковъ возложены были гораздо болѣе широкія права и обязанности, чѣмъ тѣ, которыми они пользовались съ начала, но они были вскорѣ унесены неудержимымъ потокомъ времени и стали въ то положеніе, въ какомъ мы застаемъ цадикизмъ теперь, на закатѣ дней его. Переходъ этотъ былъ значительно облегченъ тѣмъ обстоятельствомъ, что для цадикизма нашлись вполнѣ готовые и сподручные формы и образцы въ организаціи польскаго шляхетскаго сословія и католическаго духовенства. Какъ цадикъ, такъ и его поклонники, ежедневно видѣли въ своемъ сосѣдствѣ какъ роскошествуетъ панъ-помѣщикъ, представитель свѣтской власти надъ бѣдной, невѣжественной народной массой, и неразлучный спутникъ его панъ-ксендзъ и прелатъ, представитель духовной власти, надъ

той же массой. Первому было выгодно, а послѣднимъ естественно перенести на еврейскую почву эти чужія формы жизни и учрежденія, тѣмъ болѣе, что въ нихъ дѣйствительно чувствовался недостатокъ, какъ указано было выше.

Такимъ образомъ зародилось, окрѣпло и удержалось до сихъ поръ то безпримѣрное въ еврейской исторіи явленіе, которое зовется цадикизмомъ или хасидизмомъ. Предшествовавшее изложеніе, какъ намъ кажется, имѣетъ не только историческій интересъ и теоротическое значеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ практическую пригодность. Дѣйствительно, съ какой стороны мы не подходили бы къ той темной силѣ въ еврейскомъ мірѣ, которая послужила предметомъ настоящаго очерка, главное значеніе имѣетъ для насъ вопросъ: какія мѣры могутъ быть съ успѣхомъ пущены въ ходъ для того, чтобъ исцѣлить русское еврейство отъ вреднаго нароста цадикизма. А для разрѣшенія этого-то вопроса путь значительно прочищается исторической оцѣнкой хасидизма въ связи съ тѣми жизненными явленіями, которыя его вызвали. Какъ ни кратко и блѣдно очерчены нами эти явленія, но и этого вполнѣ достаточно для того, чтобъ читателю стала ясна вѣрность слѣдующихъ соображеній по вопросу о возможныхъ средствахъ къ искорененію, или по крайней мѣрѣ, ослабленію вліянія хасидизма между евреями.

На первый планъ вступаетъ здѣсь то соображеніе, что такъ какъ появленіе хасидизма вызвано не одной, а совокупностью многихъ причинъ, то исчезновеніе его возможно будетъ лишь тогда, когда изъ еврейской почвы вырваны будутъ одинъ за другимъ всѣ корни, которыми онъ держится. Въ самомъ дѣлѣ, очень недостаточно сказать: распространеніе просвѣщенія въ еврейской массѣ сдѣлаетъ невозможнымъ существованіе хасидизма, ибо, во-первыхъ, очень долго ждать, пока образованіе станетъ удѣломъ каждаго бѣднаго еврейскаго мальчика, а во-вторыхъ, образованность народной массы вовсе не исключаетъ еще крѣпости религіознаго элемента и даже суевѣрія, какъ это доказываетъ примѣръ американскихъ штатовъ; притомъ же хасидизмъ, какъ мы видѣли, не есть простое порожденіе невѣжества и фанатизма, какъ понимаютъ его нѣмецкіе историки (включая сюда и Гретца), а продуктъ гораздо болѣе сложныхъ причинъ. Слѣдовательно и устраненіе его возможно лишь по мѣрѣ исчезновенія всѣхъ породившихъ его бытовыхъ условій, въ чемъ не трудно убѣдиться, если разобрать всѣ эти условія поодиночно. Важнѣйшимъ изъ нихъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ считать то условіе, о которомъ меньше всего говорили до сихъ поръ: *необходимость религіозной реформы въ іудействѣ.*

Если хасидизмъ былъ вызванъ, главнымъ образомъ, настоятельной потребностью эманципаціи изъ подъ тяжелаго гнета талмудической обрядности и приковалъ къ себѣ массы народа тѣмъ, что въ значительной степени удовлетворялъ этой потребности, то очевидно, что онъ будетъ вытѣсненъ изъ еврейской жизни лишь другимъ видомъ религіозной реформы. Само собой разумѣется, что реформа эта должна быть построена на началахъ болѣе соотвѣтствующихъ понятіямъ и нуждамъ настоящаго времени и совершенно различныхъ отъ тѣхъ, на которыхъ зиждется обветшалое зданіе хасидизма. Если въ началѣ прошлаго столѣтія польское еврейство не видѣло другого исхода изъ безплодной пустыни мертвящаго раввинскаго крючкотворства и религіознаго формализма — какъ броситься въ противоположную крайность туманнаго мистицизма, каббалистическихъ бредней и католическаго суевѣрія цадикизма, то наше время располагаетъ гораздо болѣе разумными средствами для достиженія той цѣли, къ которой сознательно или инстинктивно стремится съ тѣхъ поръ еврейскій міръ — къ измѣненію условій еврейской религіозной жизни сообразно съ духомъ и требованіями цивилизованнаго быта. Мы говоримъ здѣсь о постепенной и послѣдовательной реформѣ въ іудействѣ, на основаніи историко-критическаго изученія духа и судьбы іудаизма, и имѣемъ въ виду ту точку зрѣнія, на которую стала позитивная школа еврейскихъ ученыхъ въ Германіи. Извѣстно, что школа эта, словомъ и дѣломъ, настойчиво преслѣдуетъ важную задачу реформаціи іудейства: она многое успѣла уже осуществить въ этомъ направленіи и еще больше предвидится плодовъ отъ ея дѣятельности въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Къ этому то внутреннему движенію въ средѣ германскихъ евреевъ необходимо примкнуть еврейскому населенію Россіи, если мы не хотимъ, чтобы еврейство сдѣлалось у насъ жертвой съ одной стороны убійственнаго религіознаго и общественнаго индифферентизма, а съ другой—дикаго суевѣрія и цадикскаго хищничества, этихъ двухъ язвъ, свирѣпствующихъ теперь у насъ: одна въ средѣ, такъ называемаго, образованнаго класса, а другая въ массѣ простонародья. Только разумная реформа можетъ съ успѣхомъ противодѣйствовать этимъ двумъ бѣдствіямъ и пріостановить ихъ дальнѣйшее развитіе. Въ связи съ этимъ находится важный вопросъ объ организаціи духовной власти у евреевъ. До тѣхъ поръ пока раввинъ будетъ или казеннымъ чиновникомъ съ административнымъ кругомъ дѣятельности, правъ и обязанностей (каковы раввины правительственные), или безгласнымъ и безправнымъ разрѣшителемъ религіозныхъ недоумѣній съ низкимъ умственнымъ развитіемъ и жалкимъ, зависимымъ матеріяльнымъ положеніемъ (каковы раввины неоффиціяльные), пока не будетъ создано для еврейскаго духовенства другое положеніе,

болѣе почетное, свободное и вліятельное, до тѣхъ поръ народная масса инстинктивно будетъ стремиться къ тѣмъ, которые сумѣли завоевать себѣ то уваженіе и почитаніе, которое въ понятіяхъ всякой народной массы, особенно же такой религіозной, какъ еврейской, неразрывно связано съ самой идеей духовной власти.

Съ другой стороны хасидизмъ, какъ мы видѣли, обязанъ своимъ существованіемъ своеобразному общественному положенію еврейства въ государствѣ, какъ особеннаго соціальнаго класса, внутреннія интересы и дѣла котораго оставлены внѣ всякаго контроля со стороны государственной власти. Отсюда очевидно, что по мѣрѣ того, какъ евреи все болѣе и болѣе войдутъ въ кругъ русской народной жизни, высвобождаясь изъ подъ гнета исключительныхъ законовъ и учрежденій, спеціально-еврейская духовно-гражданская система управленія вообще, и въ частности одно изъ главныхъ его звеньевъ — цадикизмъ — потеряетъ свой raison d'etre и, какъ отсохшая вѣтвь, отпадетъ само собой. Подобно тому какъ преобразованіе нашей паспортно-податной системы и городского общественнаго управленія сдѣлаетъ невозможнымъ существованіе отдѣльной еврейской общины, такъ повсемѣстное введеніе новаго суда вытѣснитъ судъ раввинскій и цадикскій (что уже замѣчается на практикѣ въ значительныхъ размѣрахъ), а преобразованіе системы управленія духовными дѣлами евреевъ (предпринимаемая теперь, если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ) уничтожитъ значеніе цадиковъ въ сферѣ церковно-административной. Что юридическая обособленность еврейскаго міра дѣйствительно служитъ сильной поддержкой хасидизму, видно изъ слѣдующаго обстоятельства. По закону, кто ради личной выгоды будетъ разглашать подложно о какомъ либо чудѣ, а ровно кто, выдавая себя за лицо, одаренное сверхестественной силой или святостью, будетъ стараться обманнымъ образомъ произвести въ народѣ тревогу, волненіе или уныніе, тотъ подвергается опредѣленнымъ наказаніямъ (Улож. о нак. изд. 1866 г. ст. 933 и 938). Изъ буквальнаго смысла этихъ статей закона видно, что онѣ относятся въ одинаковой мѣрѣ ко всѣмъ терпимымъ въ государствѣ исповѣданіямъ; ибо хотя въ этихъ статьяхъ и не сказано прямо, что дѣйствіе ихъ распространяется на магометанъ, евреевъ и пр., но какъ въ нихъ не сдѣлано изъятія относительно не-христіянъ, а всякій законъ, въ особенности же законъ уголовный, долженъ быть принимаемъ всегда въ буквальномъ смыслѣ, то очевидно, что дѣйствію этихъ статей подлежатъ столько же христіане, сколько и иновѣрцы. А нужно ли прибавить, что дѣятельность цадиковъ и ихъ клевретовъ заключается, главнымъ образомъ, въ томъ «разглашеніи подложно о случившихся чудесахъ и выдаваніи легковѣрнымъ за чудо приготовленныя по ихъ распоряженію дѣйствія», которыя законъ считаетъ безусловно преступными дѣйствіями, влекущими за собой тяжкую кару правосудія? Распространеніе въ народѣ тревоги, волненія или унынія, при помощи обманнаго увѣренія въ своей святости и сверхестественной силѣ, опять таки есть самый обыкновенный маневръ чудодѣевъ-цадиковъ. Отсюда ясно, что еслибъ у насъ, въ прежнее время, дѣйствительно существовалъ судъ нелицепріятный и правдивый, истинный представитель закона и общественной власти, т. е., еслибъ у насъ условія народной жизни были такого рода, что не дали бы возможности раздолья и простора всякаго рода хищничеству и эксплуатаціи бѣдности и невѣжества матеріальной и духовной силой, при полной безнаказанности со стороны суда, то нѣтъ сомнѣнія, что указанные законы сыграли бы немаловажную роль въ исторіи хасидизма.

Замѣчаніе это можетъ показаться невѣрнымъ и даже противорѣчащимъ тому, что было сказано выше о значеніи хасидизма и причинахъ его возникновенія. Какъ, спроситъ читатель, вы доказываете, что хасидизмъ не есть явленіе случайное, или даже просто результатъ народнаго невѣжества и суевѣрія, а необходимый органическій продуктъ бытовыхъ условій еврейскаго населенія въ польскихъ владѣніяхъ, и что задачей его было удовлетвореніе нужды въ прочной духовной и свѣтской организаціи еврейскаго быта; изъ этого вы выводите, что исчезновеніе его возможно будетъ только тогда, когда вся соціальная, юридическая и нравственно-религіозная обстановка евреевъ подвергнется радикальному преобразованію; а между тѣмъ вы утверждаете, что судебное преслѣдованіе цадиковъ могло бы быть полѣзнымъ еврейскому міру орудіемъ для борьбы съ хасидизмомъ? Какъ согласить такое противорѣчіе во взглядѣ на средства искоренить цадикизмъ? Возраженія эти однакожъ не такъ сильны, какъ кажется. Опытъ убѣдилъ наконецъ всѣхъ мыслящихъ людей, что теорія: laisser faire, laisser passer, въ примѣненіи къ дѣятельности государства, не выдерживаетъ строгой критики. Даже въ Англіи, этой родинѣ всѣхъ ученій о selfgovernement, selfhelp, подарившей наукѣ самыхъ талантливыхъ противниковъ системы опеки и контроля, начинаютъ, наконецъ, практически осуществлять противоположный взглядъ, основанный на вѣрѣ въ силы государственной власти и обязанность ея помогать развитію полѣзныхъ силъ общества и подавленію дурныхъ. Нѣтъ надобности распространяться о томъ, что у насъ въ Россіи самодѣятельности общества до сихъ поръ отмежеваны самыя тѣсныя границы, а государству и его органамъ—самыя широкія.

Это вѣрно не только вообще, но и въ частности, въ примѣненіи къ цадикизму и религіозному быту евреевъ. Еще въ 1864 г. до

свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ дошло о распряхъ между хасидами и ихъ противниками и оно сочло нужнымъ предписать, чтобы всѣ хасидскія книги печатались не иначе, какъ по предварительной цензурѣ, и чтобы типографіи еврейскія, существующія безъ разрѣшенія правительства, были закрыты *). Въ настоящее время, какъ сами цадики въ своихъ спорахъ между собой, такъ и образованные евреи, стремящіеся къ тому, чтобъ парализовать ихъ вліяніе на народъ, обращаются къ содѣйствію общественной власти, но не судебной, а административной. Извѣстно, напр., что административнымъ порядкомъ воспрещено теперь цадикамъ отлучаться изъ мѣстъ постояннаго жительства. Мѣра эта, хотя и частная, но имѣетъ большое практическое вліяніе на степень власти и вредности цадиковъ. А всякій согласится съ тѣмъ, что судебное преслѣдованіе, если оно обставлено всѣми гарантіями справедливаго, безпристрастнаго и гласнаго суда, гораздо желательнѣе административнаго вмѣшательства; ибо административныя мѣры, какъ бы онѣ ни были благотворны сами по себѣ, имѣютъ тотъ огромный недостатокъ, что онѣ носятъ характеръ случайный, временной, произвольный, и потому не всегда достигаютъ своей цѣли, да и не внушаютъ къ себѣ того уваженія, какъ судебныя рѣшенія, основанныя на положительномъ и общемъ для всѣхъ гражданъ законѣ. Но это не все. Еслибъ хасидизмъ и теперь былъ такимъ же органическимъ продуктомъ и необходимой принадлежностью еврейскаго быта, какъ въ прошломъ столѣтіи, мы охотно согласились бы съ тѣмъ, что мѣры репрессивныя противъ него будутъ безсильны. Но времена измѣнились и продолжаютъ измѣняться весьма быстро и круто; цадикизмъ потерялъ ужъ очень много основъ въ еврейской жизни; онъ находится теперь въ положеніи всѣхъ отживающихъ вѣрованій и учрежденій: масса, съ свойственнымъ ей благоговѣніемъ предъ всѣмъ существующимъ, продолжаетъ преклоняться предъ нимъ фактически, но ужъ болѣе въ силу рутины, чѣмъ по дѣйствительной внутренней необходимости. Зданіе обветшало, надломано, хотя съ виду кажется еще прочнымъ; довольно одного или двухъ ударовъ, чтобъ разрушить его совершенно. Эти удары, не раньше, такъ позже, будутъ нанесены всесокрушающимъ духомъ времени, но не надобно себя обманывать, возлагая слишкомъ большія надеж-

*) См. Варадиновъ, исторія министерства внутреннихъ дѣлъ, т. III., ч. I, стр. 665.

Кстати будетъ замѣтить, что эта мѣра, т. е. закрытіе типографій, вмѣсто пользы, которую ожидали отъ нея, принесла громадный вредъ: она задержала на цѣлыя десятилѣтія прогрессивное развитіе еврейскаго населенія Россіи.

Изд.

ды на этотъ духъ времени. Ex nihilo nihil fit, и наша обязанность заключается въ томъ, чтобы, по мѣрѣ силъ и возможности, приблизить то блаженное время, когда еврейство освободится отъ вреднаго и безобразнаго нароста цадикизма. А кому же приличнѣе всего наложить первому руки на отжившія и вредныя явленія общественной жизни, какъ не государству, которое и больше другихъ къ тому обязано и располагаетъ бо̀льшими средствами для достиженія этой цѣли, чѣмъ каждое отдѣльное лицо, или даже чѣмъ все общество? *)

Ил. Оршанскій.

---

*) Едва-ли однако репрессивныя мѣры, предлагаемыя авторомъ, поведутъ скоро къ желанной цѣли. Хасидизмъ, правда, уже значительно ослабъ въ своей силѣ, однако же не на столько, чтобъ его приверженцы равнодушно смотрѣли на преслѣдованіе цадиковъ. Скорѣе такое преслѣдованіе въ глазахъ хасидовъ способно окружить цадиковъ новымъ ореоломъ. Невѣжественная масса увидитъ въ нихъ мучениковъ вѣры и обожаніе ихъ приметъ еще болѣе широкіе размѣры. Если насильственное вмѣшательство государства гдѣ либо и желательно, то уже ни въ какомъ случаѣ не въ религіозной сферѣ. Доказателвства тутъ совершенно излишни. Ими полна исторія всякой религіозной секты. Если государство своимъ вмѣшательствомъ можетъ содѣйствовать ослабленію и уничтоженію хасидизма и вообще всякаго религіознаго фанатизма и суевѣрія между евреями, то вмѣшательство это должно состоять вотъ въ чемъ: оно должно, уничтоженіемъ исключительныхъ законовъ и ограниченій, тяготѣющихъ надъ евреями, улучшить ихъ экономическое положеніе и, давъ имъ возможность разселиться по всей Россіи и раздѣлиться на мелкія группы, тѣмъ самымъ ослабить силу общественнаго мнѣнія, которому авторъ придаетъ такое значеніе въ жизни евреевъ. Мѣра эта, въ связи съ обязательнымъ обученіемъ и размноженіемъ еврейскихъ училищъ, скорѣе повела бы къ распаденію зданія хасидизма, чѣмъ всякія полицейскія и судебныя преслѣдованія.

Изд.

БИБЛЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО *)

На еврейскія древности, — насколько намъ извѣстно, — въ нашемъ отечествѣ еще не обращено надлежащаго вниманія; онѣ еще не удостоились историческаго изученія, въ смыслѣ науки. Можетъ быть, этому были причиною; 1) мнимый недостатокъ въ матеріалахъ; 2) мнимая маловажность ихъ въ отношеніи общаго развитія древняго міра, и 3) мнимое всегдашнее отчужденіе этого народа отъ всѣхъ своихъ сосѣдей. Но если взглянемъ на массу историческаго матеріала, разбросаннаго въ одномъ уже Ветхомъ Завѣтѣ, то мы должны будемъ сознаваться, что предметъ этотъ образуетъ собою широкое и не безплодное поле для критическихъ изслѣдованій. Извѣстно также, какъ часто изъ немногочисленныхъ и кажущихся незначительными фактовъ, проявлявшихся у отдѣльныхъ народностей, фактовъ, которыми пренебрегали въ теченіе тысячелѣтій, выводятся, въ наше время, при сопоставленіи ихъ съ подобными же явленіями у другихъ народовъ, важнѣйшія заключенія о системѣ общежитія въ древнемъ мірѣ. Что же касается отчужденности евреевъ отъ другихъ народовъ, то она ограничивается однимъ обособленіемъ ихъ, какъ научное juste milieu между крайностями, посредствомъ яснаго, раціональнаго законодательства, въ противоположность темнымъ понятіямъ древнихъ языческихъ народовъ о природѣ и человѣкѣ, а это именно и представляетъ моментъ первостепенной важности въ исторіи развитія человѣчества, не только относительно вѣры (со времени Гердера, ученые, какъ бы въ снисхожденіе къ евреямъ, уже соглашаются, что Израиль впервые внесъ

*) Предлагаемая статья составляетъ извлеченіе изъ перваго отдѣла обширнаго труда подъ названіемъ: «Исторія еврейскаго законодательства» (см. отчетъ Министра Нар. Просвѣщенія за 1854 годъ). Второй отдѣлъ разсматриваетъ государство талмудическое, съ которымъ мы надѣемся познакомить читателей во второмъ томѣ нашего сборника. *Изд.*

въ исторію человѣчества идею чистой религіи), но и въ отношеніи политической жизни, — какъ историческій антитезъ къ сосѣднимъ и современнымъ Израилю народамъ, какъ, напримѣръ, къ филистимлянамъ, египтянамъ, кенаанійцамъ, а также къ отдаленнѣйшимъ и позднѣйшимъ культурнымъ племенамъ, до самыхъ нашихъ временъ.

Въ то время, какъ попытки къ примиренію индивидуальности и государственнаго единства, свободы — и закона, гражданственности — и правительственной власти, въ теченіи цѣлыхъ тысячалѣтій служили причиной безпрерывныхъ кровавыхъ распрей, и получили полное разрѣшеніе только у мыслителей новѣйшаго времени, — подобное сознательное стремленіе было коренною мыслью, лежавшею въ основѣ всѣхъ политическихъ учрежденій Моисея, хотя и безъ явнаго указанія принциповъ. При соблюденіи «лѣта оставленія» и юбилея, немыслимы были кровопролитія изъ-за аграрныхъ законовъ, какъ мы это видимъ въ Римѣ; немыслимо было также возникновеніе сословнаго крѣпостничества и торга невольниками. Равнымъ образомъ, при соблюденіи библейскихъ предписаній, обезпечивающихъ права личности, патры, фратеріи и филы, и при мѣстныхъ и общихъ собраніяхъ старѣйшинъ, т. е. при централизаціи въ государственныхъ дѣлахъ и децентрализаціи въ дѣлахъ судебныхъ, народу нечего было опасаться ужасовъ азіатской деспотіи, а государямъ — тяжкой отвѣтственности за подкупность администраціи и за упадокъ народа, ниже чрезмѣрнаго отягощенія для себя.

Къ познаніямъ и дѣяніямъ Моисея въ области природы и ея законовъ одни относяття съ удивленіемъ, а другіе съ недовѣріемъ: въ безчисленномъ множествѣ фоліантовъ спорятъ о томъ, зналъ-ли Моисей законы галванизма, магнетизма и электричества:

Никто, однакожъ, никогда не отрицалъ, но и не оцѣнивалъ надлежащимъ образомъ, политико-экономической стороны его законодательства, его великихъ дѣяній въ области права, его удивительнаго знанія человѣческой жизни и основанныхъ на немъ житейскихъ правилъ, которыя, при надлежащей оцѣнкѣ содержащихся въ нихъ идей, избавили бы человѣчество въ прошедшемъ, а быть можетъ, могли бы избавлять его и въ будущемъ, отъ многихъ тысячъ войнъ и революцій. Моисей совершенно основательно обѣщалъ себѣ отъ благоустроеннаго государства спасительное вліяніе на все человѣчество. Можно игнорировать и даже исказить, изолированный, хотя и рѣзко выдающійся фактъ; но нѣтъ ничего

труднѣе, какъ устоять противъ вліянія благоустроеннаго народа, загородить путь его наукѣ и отказаться отъ подражанія его учрежденіямъ. Никакая китайская стѣна не удержитъ полета мысли, не остановитъ человѣческаго общенія въ словѣ и письмѣ. Да и отъ кого можно было бы опасаться въ то время противодѣйствія государственнымъ учрежденіямъ Моисея? Вѣдь еще цѣлыя тысячелѣтія спустя, изъ Малой Азіи, Греціи и Италіи, Солонъ, Пиѳагоръ и Платонъ посланы были на югъ для изученія тамошнихъ государственныхъ учрежденій съ тѣмъ, чтобы на основаніи собранныхъ опытовъ и познаній написать философскія сочиненія о наилучшихъ формахъ правленія. Ни одно государство и не думало изолировать себя. Правда, язычество, по крайней мѣрѣ, каста жрецовъ, имѣла причину противодѣйствовать моисеевому единобожію; но что касается политики, то она, какъ наука, въ древности была вопросомъ общимъ. Еще не были окончательно установлены формы правленія; даже въ сосѣднихъ съ Израилемъ государствахъ монархія и республика, олигархія и демократія, безпрестанно смѣняли другъ друга. Такимъ образомъ, можно было ожидать, что если израильскій народъ сохранитъ *Моисеевы государственныя учрежденія*, то онъ этимъ сдѣлаетъ первый и величайшій шагъ къ развитію человѣчества. Вотъ почему Моисей столь сильно и неоднократно напираетъ на подробности государственныхъ законахъ.

Въ предлагаемомъ очеркѣ мы постараемся изложить государственныя учрежденія древне-еврейскаго міра въ томъ видѣ, въ какомъ они находились въ библейскій періодъ, по тѣмъ даннымъ, которыя представляетъ намъ Ветхій Завѣтъ.

I.

Свобода земли и лица.

Въ развитіи древняго еврейскаго народа, двѣ главныя черты заслуживаютъ наиболѣе вниманія. Это именно: свобода земли и свобода лица.

Вся земля израильская принадлежитъ, какъ собственность, единственному владѣльцу, Богу, который, посредствомъ жребія (Уримъ и Тумимъ), отдалъ ее въ пользованіе юридическимъ лицамъ, колѣнамъ израильскимъ; колѣна, раздѣляя свои части на участки, отдали ихъ въ вѣчное управленіе отцамъ семействъ: поэтому никто не имѣлъ права продавать свои участки, а могъ только отдавать ихъ въ наемъ и то не болѣе, какъ на 49 лѣтъ, т. е. до «лѣта оставленія», или «*іовеля*» (юбилея), когда проданная земля необходимо возвращалась безъ выкупа, къ прежнему владѣльцу. Левитъ, XXV, 23—28. «И земля да не продастся во утвержденіе: моя бо есть земля, яко пришельцы и приселенцы вы есте предо мною. И по всей земли одержанія вашего, искупъ дадите земли. Аще же нищенствуетъ братъ твой, иже съ тобою, и продастъ отъ одержанія своего, да пріидетъ ужикъ ближній ему, и искупитъ проданіе брата своего. Аще же не будетъ кому ужика и возможетъ рука его обрѣсти доволенъ искупъ его, — и исчислитъ лѣта проданія его и воздастъ еже излише имать, человѣку, ему же продано бѣ оное, и возвратится во одержаніе свое. Аще же не обрящетъ рука его довольное, еже отдати ему, да будетъ проданое купившему егдажъ (до шестаго) лѣта оставленія, и изыдетъ во оставленіе и возвратится во одержаніе свое.»

Что касается личности, то всѣ израильтяне вообще и каждый въ особенности состояли подъ властію единаго Владыки, Бога, такъ что не говоря уже о строжайшемъ запрещеніи, подъ страхомъ смертной казни, лишить кого бы то ни было изъ ближнихъ личной его свободы,—никто не имѣлъ права посягнуть даже на собственную свою свободу; въ случаѣ крайней нужды позволялось еврею дѣлаться, временно только, наемникомъ; но къ лѣту оставленія онъ освобождался безъ выкупа; даже въ случаѣ войны одного колѣна съ другимъ, взятыя въ плѣнъ женщины и дѣти безъ выкупа возвращались домой. Исходъ, XXI, 16. «Аще кто кого украдетъ *) и продастъ его и обрящется у него, смертію да скончается. Левитъ, XXV, 39—43. «Аще же оубожаетъ братъ твой у тебя и продастся тебѣ, да не поработаетъ тебѣ работы рабскія: Аки наемникъ или пришлецъ да будетъ тебѣ, даже до лѣта оставленія дѣлати будетъ у тебѣ. И да изыдетъ отъ тебѣ, и дѣти его съ нимъ, въ лѣто оставленія, и да отыдетъ въ родъ свой, и во одержаніе отчее свое возвратится. Понеже рабы мои суть сіи, ихъ же изведохъ изъ земли Еги-

*) Въ славянскомъ переводѣ здѣсь прибавлено нѣсколько словъ, которыхъ въ еврейскомъ подлинникѣ нѣтъ въ этомъ мѣстѣ; также стихи здѣсь перемѣщены противъ порядка въ подлинникѣ.

петскія, да не продастся проданіемъ рабіимъ.» Паралипоменонъ, кн. II, гл. XXVIII, 8 и 13—15, «Плѣниша же сынове Израилевы отъ братій своихъ триста *) тысящъ, женъ, сыновъ и дщерей; и плѣнъ многъ плѣниша отъ нихъ и принесоша корысти въ Самарію. И рѣкоша имъ не введите плѣна сѣмо къ намъ, зане согрѣшимъ Господу. И оставиша воины плѣнъ и корысти предъ начальники и предъ всѣмъ множествомъ. И возсташа мужіе рѣченніи по имени и взяша плѣненныхъ, и всѣхъ нагихъ облекоша отъ корыстей и одѣяша ихъ и обуша ихъ, и даша ясти и пити имъ и помазатися, и всадиша на подъяремника всякаго немощнаго, и отвезоша ихъ въ Іерихонъ, градъ Фінікійскій къ братіи ихъ и возвратишася въ Самарію.» Главнымъ моментомъ народной жизни, вытекающимъ изъ этихъ двухъ принциповъ, было раздѣленіе между правами народа и правами личности.

Древніе *политики* полагали, что благосостояніе государства растетъ по мѣрѣ завоеваній и присоединія къ нему иноплеменныхъ народностей. Однакоже, вся древняя исторія свидѣтельствуетъ о противномъ, доказывая, что подобное возрастаніе государствъ было причиною ихъ упадка. Съ одной стороны, народы чрезъ завоеванія лишались своего прежняго органическаго единства, а сліяніе ихъ съ чуждыми или еще враждебными элементами весьма невыгодно отзывалось на ихъ образѣ жизни и характерѣ; неизбѣжныя притомъ измѣненія въ государственномъ устройствѣ и разложеніе ихъ собственныхъ здоровыхъ элементовъ производили все большее разрушеніе въ цѣломъ организмѣ. Съ другой же стороны, участь покоренныхъ народовъ была столь жестока, что вмѣстѣ съ національною погибелью государства, уничтожались и частныя блага всѣхъ его гражданъ: свободный гражданинъ дѣлался рабомъ! Поэтому библія отвергла всѣ завоевательныя планы, выходящіе за предѣлы коренной земли, и такимъ образомъ оградила національность отъ возможности порчи.

Древніе *администраторы* полагали, что единство государственное должно видать исключительно въ столицѣ, откуда исходила всякая власть и произвольно назначались судьи во всѣ области, независимо отъ вопроса объ ихъ личныхъ достоинствахъ. Администраторы

*) Въ подлинникѣ еврейскомъ: двѣсти.

въ родѣ римскихъ префектовъ преспокойно давали столицѣ высасывать кровь у провинцій, совершенно забывая, что, какъ человѣческій организмъ нуждается въ правильномъ кровообращеніи, такъ и организму государственному необходимы подобныя же правильныя функціи. Въ такомъ именно ненормальномъ свѣтѣ выставляетъ намъ пророкъ Наумъ городъ Ниневію, а гигантскіе пирамиды и лабиринты близь фараоновыхъ столицъ, равно какъ и крайняя испорченность нравовъ въ Римѣ и Византіи, доказываютъ, что подобныя же ненормальныя отношенія существовали и въ Египтѣ, Италіи и позднѣйшей Греціи. Вотъ почему въ этихъ странахъ нравственный упадокъ далеко предшествовалъ ихъ матеріальному паденію:

Требуя единства въ *законодательствѣ*, библія въ дѣлѣ *исполненія* законовъ признаетъ самостоятельность всѣхъ колѣнъ.

Древніе *полководцы* полагали, что сила государства заключается въ большихъ постоянныхъ арміяхъ, которыя обезпечивали бы побѣду на случай войны съ сосѣдними народами; при этомъ однакожъ они упускали изъ виду, что подобныя арміи задерживали свободное развитіе народной жизни, потребляя трудныя заработки бѣднаго гражданина и отнимая у послѣдняго больше, чѣмъ когда-либо могли бы доставить самыя удачныя войны съ непріятелемъ. Моисей впервые, въ противоположность постояннымъ арміямъ, ввелъ систему общей военной повинности, научивъ гражданъ военному искуству и призывая ихъ къ оружію лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требовали интересы государства.

Древніе *жрецы* полагали, что сохраненіе религіи обусловливается вѣчнымъ застоемъ; по ихъ понятіямъ, всѣ религіозныя предписанія должны были оставаться неизмѣнными, въ особенности же форма богослуженія, поддерживавшаяся въ народѣ множествомъ капищъ и торжественныхъ обрядностей:

Священное Писаніе впервые высказало то положеніе, что религія должна идти рука объ руку съ наукой, не должна отставать отъ успѣховъ развитія послѣдней и что сила богослуженія заключается не во внѣшнихъ формахъ, а въ благочестивомъ настроеніи. Поэтому предписано во всей странѣ имѣть *одинъ* только храмъ и *одинъ* только день поста въ годъ, но за то этотъ храмъ и этотъ день проникнуты были такою святостью, какая придана лишь величайшимъ благамъ народа,—его свободѣ, исторіи и будущности.

Древніе *государи* полагали, что существованіе ихъ власти обусловливается деспотическимъ произволомъ, которому подданные должны рабски подчиняться, и возможностью распоряжаться, какъ своею собственностью, жизнью и имуществомъ частныхъ лицъ. Моисей впервые поставилъ во главѣ своего государства *право,* указывая потомству, что какъ отдѣльная личность должна уважать государство, такъ и послѣднее должно уважать отдѣльную личность. Кромѣ того, онъ замѣчаетъ, что индивидуальная независимость гражданъ представляетъ самую лучшую гарантію для сохраненія правительственной власти; ибо свобода и право суть величайшія блага человѣка, и всякій будетъ стоять жизнью и имуществомъ за того государя, который ему охраняетъ первую и сохраняетъ послѣднее. Любовь вызываетъ человѣка на величайшія жертвы, приносимыя имъ съ радостью, между тѣмъ какъ насилія и неправда, даже если мы испытываемъ ихъ въ мельчайшихъ дѣлахъ, отвращаетъ сердца наши отъ ихъ виновника.

Наконецъ, древніе *ученые* полагали, что наука должна составлять прерогативу и тайну избранной касты, которая, въ качествѣ тѣсно замкнутой корпораціи, члены которой связаны между собою общею присягою, могла бы съ достоинствомъ поддерживать свою власть по отношенію къ народу, а отчасти и къ самому правительству. Вслѣдствіе этого отъ науки нерѣдко удалялись самые даровитые люди, умственныя силы которыхъ либо посвящались другимъ отраслямъ дѣятельности, либо вовсе погибали, что̀, понятнымъ образомъ, невыгодно отзывалось на интересахъ самой науки. Поэтому Моисей предписываетъ сдѣлать ученіе *всенароднымъ*, «не исключая женщинъ и дѣтей, отъ дровосѣка до водовоза...» — всѣ должны учиться, чтобы знать, чего отъ нихъ требуетъ Богъ и человѣчество; отецъ долженъ учить своихъ дѣтей, судьи—свои общины, пророки—весь народъ. *)

*) Изъ всего вышеизложеннаго явствуетъ, что прогресивныя мѣры къ освобожденію крестьянъ, къ надѣленію ихъ отчинною землею, къ введенію публичнаго суда, посредствомъ присяжныхъ и мировыхъ судей,—и къ введенію общей военной повинности, принятыя нынѣ въ Россіи, вполнѣ соотвѣтствуютъ закону Божію, издревле въ Израилѣ служившему главною основою общественнаго строя. Остается еще пожелать, чтобы сельскимъ священникамъ вмѣнено было въ обязанность обучать крестьянскихъ дѣтей грамотѣ и первымъ правиламъ общиннаго благоустройства.

II.

Первоначальное общество.

Одновременно съ понятіемъ о цѣлости народа возникло у евреевъ раздѣленіе его на патры, фратеріи и филы, для которыхъ греческихъ названій (см. соч. проф. М. С. Куторги объ аѳинянахъ), находимъ въ Библіи тождественныя слова: Беѳъ-Авъ, Мишпага, Шеветъ; но это раздѣленіе не было аналитическимъ результатомъ идеи о націи, а напротивъ, отсюда уже синтетически составилась нація. Двѣнадцать сыновей Іакова, съ ихъ родомъ (по крайней мѣрѣ до четвертой степени) образовали патры; впослѣдствіи же, когда мѣсто этихъ патріарховъ заступили ихъ наслѣдники, имена двѣнадцати израилевыхъ сыновей распространялись на фратеріи, а потомъ на филы (Шеватимъ); всѣ же колѣна вмѣстѣ сохраняли названіе дѣтей израилевыхъ, или народа израилева, такъ какъ Израиль, или Іаковъ, былъ родоначальникомъ всѣхъ евреевъ. Въ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдующихъ мѣстъ Св. Писанія. Въ книгѣ І. Навинъ (Іегошуа), гдѣ дѣло идетъ о томъ, чтобы открыть ослушника закона посредствомъ жребія, говорится: «И соберитеся вси заутра по *племеномъ* (вашимъ), и будетъ *племя*, еже покажетъ Господь, да приведете по *сонмомъ*: и *сонмъ*, его же покажетъ Господь, да приведете по *домомъ:* и *домъ*, его же покажетъ Господь, да приведете по *мужемъ.*» І. Нав. VII, 14.

Изъ слѣдующаго за этимъ описанія (І. Навинъ, VII, 16—18) видно, что патра простиралась до правнуковъ, т. е. по четвертое колѣно; потому, что Шеветъ Іудинъ былъ раздѣленъ на Мишпаги и показанная Мишпага Зараина дѣлилась на Батимъ, а изъ дома Замвріина указано было на Ахана, сына Харміина, сына Замвріина; въ той же главѣ, ст. 24, сказано, что у Ахана были сыновья и дочери, которыхъ казнили вмѣстѣ съ нимъ; слѣдовательно домъ Замвріина имѣлъ 4 поколѣнія. *)

Въ книгѣ: Бытіе, XIII, 8. говорится: «Рече же Аврамъ Лоту:

*) По объясненію Талмуда, вошедшему и въ сводъ законовъ, составленный Маимонидомъ, Ахановыхъ дѣтей не казнили, а только вели ихъ, вмѣстѣ со всѣмъ народомъ, на мѣсто казни. Но объ этомъ поговоримъ въ отдѣлѣ о правѣ военачальниковъ по отношенію къ херему, особенно въ отдѣлѣ о талмудическомъ уголовномъ правѣ, во многомъ смягчающемъ уголовный законъ Моисея.

«да не будетъ распря между мною и тобою и между пастухи твоими и между пастухи моими; яко человѣцы братія мы есмы»; а какъ видно изъ главы XI, 27, Лотъ былъ племянникъ Авраама, а не братъ.

Въ книгѣ: Числа, мы находимъ разсказъ о томъ, какъ главы патръ (Рошъ-Авъ) изъ фратеріи дѣтей Гилеада, по колѣну Менашэ, представляютъ Моисею опасеніе, чтобъ участокъ, унаслѣдованный дочерьми Салфаада, не оставившаго наслѣдниковъ мужескаго пола, не перешелъ, въ случаѣ замужества ихъ, къ другому колѣну. «И будутъ единому отъ племенъ сыновъ Израилевыхъ въ жены, и отлучится жребій ихъ отъ одержанія отцевъ нашихъ и приложится къ наслѣдію племени, имъ же будутъ въ жены, и отъ жребія наслѣдія нашего отлучится.» Числа, XXXVI.

Изъ этого ясно видно, какъ было важно семейное раздѣленіе народа уже при самомъ началѣ его организаціи, еще во время пребыванія въ пустынѣ; но мы еще возвратимся, впослѣдствіи, къ этому предмету и еще яснѣе докажемъ несомнѣнность сходства евреевъ съ греками, въ этомъ отношеніи.

Впрочемъ, собственно слово: патра, (Беѳъ-Авъ, Ава) возникло только тогда, когда образовались фратеріи и колѣна; прежде мѣсто его занимало названіе: родъ, ѳоледа. См. Бытіе IX, 18; X. 1 и 2; XI. 10. 11 и 27; XXXVI 1. 9 и 10.

III.

Права Патры.—Право защиты и мести.

Отношенія патръ между собою были основаны на пяти главныхъ правахъ, которыми пользовались патріархи (Роше Авоѳъ), именно; право защиты, право суда, право богослуженія, право выбора и совѣта, право независимости и наслѣдства.

Относительно права защиты и мести, мы должны зимѣтить, что собственно по закону не должно было существовать самоуправству, а всѣ дѣла рѣшались судомъ. Второзаконіе, XVI, 18 и 19. «Судіи и книгочіи поставиши себѣ во всѣхъ градѣхъ твоихъ, яже Господь Богъ твой дастъ тебѣ, по племенамъ, и да судятъ людемъ судъ праведный. Да не уклонятъ суда, ниже познаютъ лице, ниже да возмутъ даровъ.» Гл. XVII, 6, 9. «При двою свидѣтелехъ или при трехъ да умретъ: умираяй да не умретъ при единомъ свидѣтелѣ... Аще же неудоборѣшимо слово у тебя въ судѣ, между кровію и

кровію, между судомъ и судомъ, и между язвою и язвою..... и возставъ взыдеши на мѣсто, еже изберетъ Господь Богъ твой призвати имя его тамо. И пріидеши къ жрецемъ Левитамъ... По закону и по суду, его же рекутъ тебѣ, сотвориши...» XXV, 1. «Аще же будетъ пря между человѣки, и придутъ на судъ...»

Но исполнителями закона были всегда родственники, по крайней мѣрѣ они начинали наказаніе, а народъ довершалъ ихъ дѣло; они назначали *окупъ* въ случаѣ ненамѣреннаго убійства. Второзаконіе, XIX, 11. 12. «Аще же будетъ у тебѣ человѣкъ ненавидяй ближняго своего, и навѣтъ сотворитъ нань и возстанетъ нань и поразитъ душу его, и умретъ, и — вбѣгнетъ во единъ отъ градовъ сихъ (пріютныхъ). Да пошлютъ старѣйшины града того и возмутъ его оттуду и да предадятъ его въ руцѣ ужиковъ крове и да умретъ.» Исходъ, XXI, 29, 30. «Аще же волъ бодливъ будетъ прежде вчерашняго и третьяго дне и возвѣстятъ господину его и не заключитъ его, и убіетъ мужа или жену, — волъ каменіемъ да побіется и господинъ его купно да умретъ. Аще же окупъ положится ему, да дастъ окупъ за душу свою, елико наложатъ ему.» См. тамъ же 22. Царствъ 2, Гл. XIV, 5. «Издавна вдова жена азъ есмь и умре мужъ мой, и рабѣ твоей два сына, и быстеся оба на селѣ и не бысть кто бы ихъ разлучилъ, и нападе единъ на брата своего и умертви его; и се возста все *отчество* *) на рабу твою, и рѣша: дай убившаго брата своего и умертвимъ его, вмѣсто души брата, его же уби.»

Но не всегда держались предписанія Моисеева на счетъ судебнаго порядка и очень часто право родовой мести было употребляемо во зло.

См. Царствъ, кн. 2, гл. III, 27, 30. «И возврати Авенира въ Хевронъ, и соврати его Іоавъ на страну отъ вратъ, глаголати къ нему лукаво; и удари его въ лядвія и умре въ крови Асаила, брата Іоавля... Іоавъ же и Авеса, братъ его, наблюдаху Авенира, понеже уби Асаила, брата ихъ, въ Гиваонѣ на брани.» Особенно см. дѣло Авесалома, гл. XIII, 32.

Слѣдствіемъ права защиты было право вооруженія. Каждый гражданинъ, достигшій двадцатилѣтняго возраста, причислялся къ ратному сословію и, смотря по заслугамъ и способностямъ, достигалъ высшаго званія въ войскѣ. Женщинамъ, недорослямъ и рабамъ вооруженіе запрещалось. Кто не могъ представить родословнаго списка,

---

*) Въ еврейскомъ подлинникѣ: Мишпага, т. е. фратерія.

тотъ исключался изъ числа гражданъ, что случалось даже съ цѣлыми патрами и фратеріями (отчествами). Паралипоменонъ, кн. 1, гл. VII, 40.*). Неемія, VII, 65. «Сіи искаша писанія своего родословія и не обрѣтоша и извержени суть отъ священства.» Числа I, 3. «Всякъ мужескъ полъ отъ двадесяти лѣтъ и выше, всякъ исходяй съ силою (войскомъ) Израилевою, соглядайте ихъ съ силою ихъ.»

Поэтому и считалось большимъ стыдомъ, не быть приглашеннымъ къ участію въ войнѣ, или не носить оружія: это было бы знакомъ покорства или рабства. Судьи, VIII, 1. «И рекоша къ Гедеону мужіе Ефремли: что сіе сотворилъ еси намъ, яко не позвалъ еси насъ, егда ходилъ воевати на Мадіама; и пряхуся съ нимъ сильно.» Тамъ же XII, 1. «И собрашася мужи Ефремли, и пріидоша въ Сефіну (на сѣверъ) и рѣша Іеффаю: почто ходилъ еси ополчитися на сыны Аммоны и насъ не позвалъ еси итти съ тобою; домъ твой съ тобою сожжемъ огнемъ.»

Каждый разъ, когда евреи были покорены сосѣдями, у нихъ въ знакъ рабства, отнималось оружіе. I кн. Царствъ, XIII, 19, 22. «И ковачь желѣза не обрѣтамося во всей земли Израилевѣ, яко рѣша иноплеменницы, да не сотворятъ евреи меча и копія..... И бысть во дни брани Махмасскія, и не обрѣтеся меча и копія въ рукахъ всѣхъ людей, иже съ Сауломъ и со Іонаѳаномъ: точію у Саула и Іонаѳана, сына его». Судьи, V. 8. «Избраша боги новы, яко хлѣбъ ячень, **) тогда воеваша грады князей, щитъ не явися, ниже копіе въ четыредесяти тысящахъ во Ісраили.» Судьи, III, 31. «И по немъ возста Самегаръ, сынъ Анаѳовъ: и изби иноплеменниковъ шесть сотъ мужей, раломъ воловымъ.» Тамъ же, 16. «И сотвори себѣ Аодъ ножъ обоюду остръ, на пядь едину долгота его: и припояса его подъ ризу по бедрѣ десной своей.» Судьи, XIV, 5, 6. «И се львичищъ рыкающъ во срѣтеніе ему... и разтерза его, яко козлища отъ козъ, и ничто же бяше въ руку его.» Тамъ же, XV, 15. «И обрѣте челюсть ослю повержену, и простре руку свою и взя ю, и изби ею тысящу мужей».

Съ правомъ носить оружіе сопряжено было право строить города

*) См. евр. подлинникъ.

**) Эти три слова лишни въ славян. переводѣ, но тѣмъ не менѣе служатъ доказательствомъ добросовѣстности переводчиковъ, не знавшихъ какое чтеніе предпочесть въ еврейскомъ подлинникѣ: ,,Лѣхемъ Ссорымъ'' или ,,Лахѣмъ Шеарымъ''.

и окружать ихъ стѣнами для лучшей защиты. Такія крѣпости были совершенно независимы отъ правительства и состояли единственно подъ вѣденіемъ своихъ владѣльцевъ. Такъ въ 1-ой книгѣ Царствъ, XXIII, 32, мы находимъ разсказъ о томъ, что Давидъ, спасши владѣльцевъ Кеилы отъ филистимлянъ, испрашиваетъ у Бога, посредствомъ Уримъ и Тумимъ, «предадутъ ли владѣльцы Кеилы мя и мужи моя въ руки Саула?» Очевидно, что крѣпость Кеила, не смотря на царскую власть Саула, могла, еслибъ хотѣла, не выдавать мнимаго мятежника. См. тоже 2 кн. Царствъ, XX. 15—22.

Изъ многихъ мѣстъ видно, что патріархи строили города и окружали ихъ стѣнами и что владѣльцы, подобно князьямъ среднихъ вѣковъ, называли себя по имени своихъ отчинъ; въ такихъ городахъ были и фамильныя гробницы, въ которыхъ находилъ мѣсто только достойнѣйшій изъ семейства. 2 кн. Царствъ, XIX, 38. «Да возвратится нынѣ рабъ твой и умру въ градѣ моемъ, у гроба отца моего и матери моея». Тамъ же, XVII, 23. «И Ахитофелъ видѣ, яко не сбыстся совѣтъ его, и осѣдла осла своего и воста и отъиде въ ... градъ свой: и заповѣда дому своему и удавися и умре и погребенъ бысть въ гробѣ отца своего». Тамъ же, XV, 12. «И посла Авессаломъ и призва Ахитофела Гиламонійскаго, отъ града его Голами...» Тамъ же, XXIII, 26, 37. «Хеллисъ Колофійскій...» Судьи, VIII, 32. Ави-Гаэзерійскій.

Свободный членъ патры, который пользавался этими правами и имѣлъ родословную, назывался «мужемъ», *ишъ*, въ противоположность юношѣ, женщинѣ, слугѣ, поселенцу и рабу (объ этихъ званіяхъ будемъ говорить ниже). Слово «ишъ» означаеть также человѣка вообще и супруга; но въ показанномъ выше смыслѣ мы встрѣчаемъ его какъ синонимъ слову *саръ*, господинъ, или *закенъ*—старѣйшина. Судьи, X, 18 и XI, 48; 2-я кн. Царствъ, XVII, 25. «Амасай же сынъ мужа». Судьи, XVII, 5. «И *мужъ* Миха, ему бѣ домъ Божій». 2-я кн. Царствъ, XXIII, 20. «Венаіау, сынъ Іодаевъ, сынъ *мужа* ратнаго».

IV.

Право суда.

Мы уже выше видѣли, что собственно судъ и расправа производились посредствомъ мѣстныхъ судей и высшихъ судебныхъ мѣстъ,

гдѣ дѣйствовали книгочіи и левиты; но это касалось только распрей между разными патрами; распри же, возникшія въ одной и той же патрѣ, между ея членами, всегда рѣшались закенами, т. е. старѣйшинами патръ. Судьи, VI, 31. Іоасъ, патріархъ Эзры, (тамъ же, ст. 11), рѣшаетъ споръ за Вааловъ кумиръ въ пользу Гидеона. Судьи, XV, 12. Отецъ жены Самсона разрѣшаетъ свою дочь отъ обязанностей супружества; такъ точно дѣлаетъ Саулъ противъ Давида (1-я кн. Царствъ, XXV, 44).

Поэтому и нѣтъ почти никакого постановленія у Моисея на счетъ несогласія между отцемъ и дѣтьми; напротивъ, строго наказывается ослушаніе или дерзость сына противъ отца. Второзаконіе, XXI, 18, 20. «Аще же кому будетъ сынъ непокорливъ и грубитель, не послушаяй гласа отца своего и гласа матери своея и накажутъ его... да изведутъ его предъ старѣйшины града своего и предъ врата мѣста своего. И да побіютъ его мужи града того каменіемъ и да умретъ...» 2 кн. Царствъ, XIV, 7. «И се возста все отчество на рабу твою и рѣша: дай убившаго брата своего и умертвимъ его, вмѣсто души брата, его же уби».

Самуилъ, хотя перенесъ мѣсто высшаго суда въ свою отчину Раму, однакожъ ежегодно объѣзжалъ всю землю Израильскую для того, чтобы творить судъ и расправу. 1 кн. Царствъ, VII, 16, 17. «И хождаше отъ года до года и окрестъ Веѳиля и Галгалы и Массафады и суждаше Ісраиля во всѣхъ священныхъ сихъ» (мѣстахъ сихъ). «Бяше же ему возвращеніе въ Армоѳемъ (въ Раму), яко тамо бяше домъ его, и судяше тамо Ісраиля и созда тамо олтарь Господеви».

Но еще при жизни его обнаружилось неудовольствіе народа противъ правленія священниковъ, и старѣйшины Израилевы жаловались Самуилу на собственныхъ его дѣтей, такъ точно, какъ прежде они не были довольны дѣтьми первосвященника Эли. Они просили у пророка, чтобы онъ выбралъ имъ, по примѣру всѣхъ сосѣднихъ народовъ, царя, «который бы судилъ ихъ и предводительствовалъ ими въ войнѣ». Не смотря на сильную рѣчь Самуила, въ которой онъ рѣзкими чертами описываетъ деспотизмъ, они настаиваютъ на своемъ, вслѣдствіе чего выбирается Саулъ, съ властію, впрочемъ, весьма ограниченною. См. 1 кн. Царствъ, гл. VII; а также X, 25, 26, 27. «И рече Самуилъ къ людямъ оправданія царствія и написа въ книзѣ и положи предъ Господемъ.... сынове же погибленія рѣша: кто спасетъ насъ, сей ли? И безчествоваша его и не принесоша ему даровъ».

Съ появленіемъ царской власти, это самоуправство патръ немного измѣнилось; но, народу привыкнуть къ новому порядку вещей, въ этомъ отношеніи—было не такъ трудно, какъ отказываться отъ права защиты, богослуженія и независимости каждаго въ своей наслѣдственной землѣ, о чемъ подробнѣе будемъ говорить ниже.

V.

Право жертвоприношенія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что каждый патріархъ имѣлъ право соорудить для своего дома частный жертвенникъ и домъ Божій: даже были Лары и Пенаты, т. е. домашнія и мѣстныя святыни. И — не смотря ни на предписанія Моисеевы, ни на всѣ старанія царей и священниковъ изъ потомковъ Аарона — первый Іерусалимскій храмъ никогда не сдѣлался единственнымъ мѣстомъ жертвоприношеній. Судьи, VI, 24. «И созда тамо Гедеонъ жертвенникъ Господу и назва его миръ Господенъ, даже до дня сего, еще сущу ему во Ефраѳѣ, отца *) Эздры» (патрѣ Эзры). Тамъ же, 5, 10, 12, 13. и гл. XVIII: «И домъ (и мужъ Миха) Миханъ, ему домъ Божій и сотвори Ефодъ и Ѳерафимъ и наполни руку единому отъ сыновъ своихъ и бысть ему жрецъ. И наполни Миха руку Левитину и бысть ему юноша жрецъ и бяше въ дому Михи, и рече Миха: нынѣ увидѣхъ яко благо сотворитъ мнѣ Господь, яко бысть мнѣ Левитинъ жрецъ....»

Изъ этихъ двухъ мѣстъ, равно какъ и изъ слѣдующихъ, видно, что жертвоприношенія въ частныхъ домахъ были введены изъ благочестія, а не для того, чтобы «разгнѣвать Бога живаго» по образу идолопоклонниковъ. Судьи, XIII, 19. «И взя Маное козлища отъ козъ и жертву, и вознесе на камень Господеви чудная творящему». XVIII, 19. Фратерія изъ колѣна Данъ уговариваетъ Левита, чтобы онъ ушелъ отъ Михи, и сдѣлался у нихъ священникомъ, «еда уне есть тебѣ быти жрецу *племени и дому и сонму* Ісраилева».

---

*) Въ еврейскомъ подлинникѣ: отчество—патра.

Впервые замѣчаемъ перемѣну въ этомъ отношеніи при первосвященникѣ Эли, когда храмъ Силомской пріобрѣлъ общую святость и славу, потому что тамъ находился кивотъ со скрижалями. I кн. Царствъ, I, 3; II, 13; III, 21; IV, 4: «И восходяше человѣкъ отъ дня до дне изъ града своего Ормаѳема поклонятися и жрети Господу Богу Саваоѳу въ Силомѣ, и тамо бѣ Иліи и два сына его.... жрецы Господни».

Тутъ начинается борьба царской власти съ властію пророческой. Саулъ пользуется первымъ случаемъ, чтобы присвоить себѣ право жертвоприношенія. 1. Кн. Царствъ, XIII, 8, 9, 14. «И ждаше седмь дней по свидѣтельству (по сроку) яко же рече Самуилъ въ Галгалы: и разсѣяшася людіе его отъ него. И рече Саулъ: приведите яко да сотворю всесожженіе и мирная, и вознесъ всесожженіе. И се Самуилъ пріиде, и Саулъ изыде на срѣтеніе ему... И рече Самуилъ къ Саулу, безуміе бысть тебѣ, понеже не сохранилъ еси заповѣди... И нынѣ царство твое не станетъ тебѣ и изыщетъ Господь себѣ человѣка по сердцу Своему...»

Но слова Самуила, можетъ быть, слишкомъ строгія и въ военное время неумѣстныя, остались безъ дѣйствія, и послѣ счастливой битвы Саулъ строитъ алтарь безъ всякаго участія пророка-священника. 1. кн. Царствъ, XIV, 25 «И созда Саулъ тамо олтарь Господу: сей нача Саулъ создати олтарь Господу.»

При первомъ же случаѣ, и Самуилъ съ своей стороны даетъ Саулу чувствовать всю важность своего званія, отвергаетъ его смиреніе и, предвѣщая ужаснѣйшія бѣдствія, удаляется отъ него, но удерживаетъ за собою право жертвоприношенія. 1-я кн. Царствъ, XV, 10 до конца; XVI, 2, 5. «И рече: миръ, пожрети Господу пріидохъ освятитеся и возвеселитеся днесь *) со мною...»

Саулъ воспользовался было тѣмъ счастливымъ случаемъ, что Самуилъ не былъ изъ потомковъ Аароновыхъ, которымъ, по закону Моисееву, принадлежало право жертвоприношенія; и такъ какъ существовалъ еще домъ первосвященника Эли, предшественника Самуила, то Саулъ его употреблялъ какъ орудіе своей власти противъ Самуила. 1 кн. Царствъ, XIV, 3, 18, 36, 37. «И Ахіа, сынъ Ахитовъ, брата

*) См. евр. подлинникъ.

Іохаведова *), сына Финессова, сына Иліи (Эли), іерей Божій въ Силомѣ, нося Ефудъ. И рече Саулъ ко Ахіи, принеси Ефудъ, — яко бѣ кивотъ Божій въ той день съ сынами Израилевыми.»

Но впослѣдствіи, когда Саулъ, подозрѣвая первосвященника Ахимелеха въ участіи въ мятежѣ Давидовомъ, убилъ всѣхъ священниковъ, потомковъ Эли, кромѣ одного, спасшагося къ Давиду, право общаго жертвоприношенія Ааронидами рушилось и, безъ сомнѣнія, кновь признанное патрами и колѣнами достоинство Ааронидовъ воскресло только по восшествіи Давида на общій престолъ Іуды и Израиля, когда былъ перенесенъ кивотъ скрижалей въ градъ Давидовъ съ большимъ торжествомъ. См. 2 кн Царствъ, VI.

Тогда-то Давидъ и положилъ основную идею, составилъ планъ и приготовилъ матеріалы для сооруженія храма, пышнаго, великаго, царскаго,—съ тѣмъ, чтобы нигдѣ, кромѣ Іерусалима, т. е. столицы царской, никто не совершалъ богослуженія священническаго. См. 2. кн. Царствъ, VI. 12, и VII, до конца, 1. кн. Паралипоменонъ XV, 2. «И уготови мѣсто кивоту Божію и сотвори ему скинію; тогда рече Давидъ: не лѣть есть да отъ всякаго носится кивотъ Божій, но только отъ Левитъ...» См. *XXII*.

Все это тѣмъ яснѣе проявляется въ рѣчи, которую произнесъ царь Соломонъ при торжественномъ освященіи храма. Паралипоменонъ 2 кн. VI, 4, 6: «Благословенъ Господь... якоже глагола... къ Давиду... глаголя: отъ дне въ онь же изведохъ люди моя отъ земли Египетскія, не избрахъ града отъ всѣхъ колѣнъ Ісраилевыхъ, да созиждется въ немъ домъ имени моему ту, ниже избрахъ мужа быти вождемъ надъ людьми моими въ Ісраили. Но избрахъ Іерусалима, да будетъ имя мое въ немъ и избрахъ Давида быти надъ людьми моими, Ісраилемъ...» 21. «И послушати мольбу раба твоего и людей твоихъ Ісраиля, елика еще молятся на *мѣстѣ семъ* и ты услышиши на мѣстѣ жилища твоего съ небесе... аще огрѣшитъ мужъ... и пріидетъ и преклонится *предъ олтаремъ въ дому семъ*, и ты услыши съ небеси, и аще одолѣны будутъ людіе твои Ісраиль отъ врагъ... и помолятся предъ тобою *въ храмѣ семъ*: и ты услыши съ небеси...Егда заключиши небо и не будетъ дождя, и помолятся *на мѣстѣ семъ*... и ты услыши съ небесе... гладъ аще будетъ на земли... вся-

*) Въ евр. подлинникѣ: Икаводова; см. IV, 20, 21 и 22.

кою язвою и всякою болѣзнію, и простретъ руцѣ свои *въ дому семъ* и ты услыши съ небесе... и всякъ чуждый, иже нѣсть отъ людей твоихъ Ісраиля... и пріидетъ и положится *на мѣстѣ семъ*, и ты услыши съ небесе... Аще же изыдутъ людіе твои на брань противъ супостатъ... и помолятся тебѣ по пути града сего, его же избралъ еси себѣ и дому, его же создахъ имени твоему, да услышиши съ небесе...» Ср. 3. кн. Царствъ, VIII.

Однакожъ, какъ бы ни было торжественно и разумно это соединеніе богослуженія съ судейскою властію и сосредоточиваніе ихъ въ столицѣ царской: мы видимъ, что скоро, послѣ этого общаго порыва, всѣ сердца охладѣли къ храму; 10 колѣнъ Израильскихъ отдѣляются какъ въ политическомъ отношеніи, такъ и въ богослужебномъ, отъ дома Давидова; но и колѣна Іуда, Веньяминъ и Левитъ, оставшіяся вѣрными ему до самаго разоренія Іерусалима, не перестаютъ приносить жертвы на частныхъ и мѣстныхъ алтаряхъ, не смотря ни на всѣ мѣры принятыя царями, ни на увѣщеванія пророковъ, безпрерывно проповѣдывавшихъ противъ этого зла, приводившаго къ самому тяжкому грѣху, идолопоклонству. Царствъ, книга 3. XII, 26, 27—33, XIV, 22—24, XV, 14... Объ этомъ свидѣтельствуетъ вся политика не только Іеровеама I, но и потомковъ Іегу до Іеровеама II, о которомъ сама лѣтопись пророковъ говоритъ, что посредствомъ его Богъ снова возстановилъ силу Израиля, давъ народу въ немъ «спасителя и поборника». 4. кн. Царствъ XIV, 24—28.

VI.

Право выбора и совѣта.

Каждый патріархъ, Закенъ или Рошъ-Авъ, имѣлъ право подавать свой голосъ при выборахъ военачальника и царя. Судьи, XI, 5, 6. «И пойдоша старѣйшины Галаадовы пояти Іеоѳая отъ земли Товъ, и рекоша ко Іеѳаю: пріиди и буди намъ начальникъ и ополчимся на сыны Аммона.» VIII, 22. «И рекоша *мужи* Ісраильскіе къ Гедеону: владѣй нами и ты и сыны твои:» 1 кн. Царствъ VIII, 4, 5. «И *мужи* Ісраилевы собрашася и пріидоша къ Самуилу въ Армаѳемъ и реча ему: се ты состарѣлся еси, сынове же твои не ходятъ по пути твоему; и нынѣ постави надъ нами царя, да судятъ ны яко же

и прочіе языки...» X, 26, 27. «И отпусти Самуилъ вся люди и идоша каждый во свояси и Саулъ иде въ домъ свой въ Гиваи... сынове же погибленія рѣша, кто спасетъ насъ, сей ли, и безчествоваша его *и не принесоша ему даровъ*». Только послѣ счастливой войны говоритъ Самуилъ, XI, 14. «Пріидите и идемъ въ Галгалы и обновимъ тамъ царство». 2-я книга Царствъ, 11, 4. «И пріидоша мужи отъ Іудеи и помазаша тамо Давида, да царствуетъ надъ домомъ Іудинымъ.» III. 12, 17, 79. «И посла Авениръ къ Давиду послы... глаголя: положи завѣтъ твой со мною... и рече Авениръ къ старѣйшинамъ Ісраилевымъ... и глагола Авениръ въ уши Веніамину... V, 3. «И пріидоша вси старѣйшины Ісраилевы къ царю... завѣтъ предъ Господомъ, и помазаса Давида на царство...» 3 кн. Царствъ XII, 7, 6, 20. «И видя весь Ісраиль, яко не слуша царь, глаголюще: кая намъ часть въ Давидѣ и нѣсть намъ наслѣдіе въ сынѣ Іессевѣ...»

Изъ всѣхъ приведенныхъ нами мѣстъ видно, что каждое колѣно имѣло полное право согласиться или не соглашаться съ выборомъ прочихъ колѣнъ; поэтому главная политика Давида устремилась на пріобрѣтеніе голоса и благосклонности колѣна Веніаминова, изъ котораго происходилъ предшественникъ его Саулъ; онъ былъ увѣренъ въ благосклонности своего колѣна Іуды и не безъ основанія, потому что всѣ члены колѣна состояли въ родственной связи между собою, во всѣхъ упомянутыхъ выше отношеніяхъ, и слѣдовательно, земли, пріобрѣтенныя царемъ, уже не могли перейти въ другое колѣно; за устраненіемъ несогласія Веніамина, ему казалось, нечего было опасаться другихъ колѣнъ, и въ самомъ дѣлѣ, особенное вниманіе было обращено на колѣно Веніаминово, при посредничествѣ Авенира. 2. кн. Царствъ, III, 19. Съ этою же цѣлію Іерусалимъ, лежавшій въ землѣ Веніамина—см. I. Навинъ (Іегошуа) XVIII, 8—сдѣланъ столицею и мѣстомъ высшаго суда и богослуженія, и т. д. Между тѣмъ забыли польстить или угодить колѣну Эфраимъ, и эта политическая ошибка стоила дому Давидову 10 колѣнъ, а всему народу причинила раздробленіе, замѣшательства и безпорядки.

Это колѣно Эфраимъ, особенно вмѣстѣ съ братьями Менаши, было сильнѣйшее и богатѣйшее въ народѣ; сверхъ того частые выборы военачальниковъ и судей изъ этого колѣна, внушили его патрамъ нѣкоторое чувство гордости предъ всѣми прочими колѣнами. Іаковъ перенесъ право первородства на дѣтей Іосифа, и они въ самомъ дѣлѣ получили двойную долю земли при раздѣлѣ. Іегошуа

(I. Навинъ), первый вождь, храбрый и славный преемникъ Моисея, былъ изъ дѣтей Іосифа; Эгудъ, убивши Эглона, гласитъ трубою «по горѣ Эфраимъ» (Судьи, III, 27) и освобождаетъ народъ отъ ига Моава. Гидеонъ также былъ изъ дѣтей Іосифа, колѣна Менаши. Судьи, VI, 15; и когда Эфраимъ считалъ за обиду, что Гидеонъ не пригласилъ его въ самомъ началѣ войны съ Мидіаномъ,— самъ Гидеонъ говоритъ, VIII, 2: «не лучше ли гроздецъ Ефремль, нежели обраніе винограда Авіэзерова?» Особенно видно вліяніе города Сихемъ, гдѣ лежали кости Іосифа. I. Навинъ, XXIV, 29. Авимелехъ, побочный сынъ Гидеона, вѣнчается, помощію Сихема, на царство на весь народъ Израилевъ и властвуетъ 3 года надъ Израилемъ (Судьи, IX, 6, 22). Судья Ѳола, сынъ Ѳуа, мужъ колѣна Іссахара, судитъ народъ не въ землѣ своего колѣна, а на горѣ Эфраимъ» (X, 1). Іеѳѳай также былъ изъ Галаада, изъ дѣтей Іосифа, но Эфраимъ обидѣлся тѣмъ, что онъ не пригласилъ ихъ къ участію въ войнѣ съ Аммономъ и началась ужаснѣйшая рѣзня, въ которой погибло 42,000 мужей Ефремліихъ. (Судьи, XII, 3, 6). Судья Авдонъ сынъ Гилела, изъ Пираѳонъ, также принадлежалъ Эфраиму (Судьи, XII, 33, 35). Отецъ Самуила-пророка также былъ изъ горы Эфраимъ. Итакъ мы видимъ, что колѣно Эфраимъ, съ горнымъ хребтомъ, носившимъ его имя, съ городомъ своимъ Сихемомъ, составляло нѣкоторое старшинство въ народѣ, и въ особенности сохранили они мужескую (ишъ) свободу и храбрость. Давидъ хотѣлъ покорить ихъ упорную гордость, отстранилъ городъ Сихемъ отъ участія въ богослуженіи и правленіи и возвысилъ колѣно Іудино надъ прочими (Паралипоменонъ, кн. 1,V,3; 2 кн. Царствъ,II—XIX), но не успѣлъ сломить ихъ силою, и при первомъ случаѣ вспыхнулъ мятежъ (XX, 1—23); а когда скончался Соломонъ. то первымъ признакомъ мятежа было то, что старѣйшины Израилевы собрались въ Сихемѣ для помазанія Регабеама, сына Соломонова, на царство, и кончилось тѣмъ, что избранъ былъ Іеровеамъ, мужъ Ефремлъ (Царствъ кн. 4, XII, всю главу), и что Сихемъ выстроился и сдѣлался столицею (тамъ же, 35) см. Іошуа (I. Навинъ) XXIII, 3, XXIV, 1,—а для сравненія — и стихи 25, 29, 32 и 33. тамъ же.

Право совѣщанія существовало не только въ періодѣ Судей (Іошуа, (I. Навинъ) XXIII, 3; XXIV, 3; Судьи XIX, 30; XX, 7), но и при царяхъ всѣ упорно стояли за это право и оно было, по видимому, главнымъ условіемъ въ присягѣ, данной царями при помазаніи

на царство (1 кн. Царствъ, X, 36; 2 кн. V, 3. XXIII 34) Стѣсненіе этого права служило не послѣднимъ поводомъ къ мятежамъ.

VII.

Независимость при наслѣдованіи земли.

Изученіе народной статистики вообще, при дальнѣйшемъ развитіи народовъ, сливается съ ихъ исторіею, даетъ ея фактамъ высшее значеніе, удерживаетъ мимолѣтные моменты незначительныхъ приключеній, случаи, слова, намѣренія, часто и самыя скрытныя мысли какого нибудь дѣйствующаго лица, и переработываетъ все это въ живыя картины вѣка, въ основу общественнаго устройства, въ священныя преданія о бытѣ, отношеніяхъ, связяхъ, жизни и стремленіяхъ милліоновъ людей.

Въ этомъ то отношеніи обратимъ вниманіе на посторонніе разсказы Св. Писанія о такихъ событіяхъ, которыя, повидимому хотя и не имѣли вліянія на ходъ образованія еврейскаго народа, но чрезъ нихъ намъ откроется цѣлый рядъ причинъ и слѣдствій въ происхожденіи библейскаго государства.

Моисей разсказываетъ, (Бытіе, XLVII, 14, 18, 19, 20, 21 и 22), что когда сдѣлался въ Египтѣ голодъ и Іосифу было поручено или ввѣрено управленіе всею землею, а въ особенности хлѣбными складами «Фараоновыми», наполненными по его же предсказанію, въ теченіи семи лѣтняго хорошаго урожая, то «собра же Іосифъ все сребро «обрѣтшееся въ земли Египетской и въ земли Ханаанской за пшеницу, ю же куповаху, и размѣряше имъ пшеницу и внесе Іосифъ «все сребро въ домъ Фараоновъ. Но оскудѣ все сребро... рѣче же «имъ Іосифъ: пригоните скоты ваша... Прейде же то лѣто и рекоша «ему аще бо скончая сребро наше и имѣніе и скотъ предъ тобою, «господине, и не остася намъ... точію едино тѣло и земля наша. «Да не умремъ убо предъ тобою, и земля опустѣетъ, купи насъ и «землю нашу хлѣбами, и будемъ мы и земля наша рабы Фараону... «И купи Іосифъ всю землю Египетскую Фараону, продаша бо «Египтяне землю свою Фараону: ибо одолѣ ихъ гладъ и бысть земля Фараону. И люди поработи ему въ рабы (по евр. и людей «перевелъ онъ, по городамъ) отъ края предѣлъ Египетскихъ, даже

«до краевъ. Кромѣ земли жреческія токмо: тоя бо не купи Іосифъ: «даяньемъ бо даде въ даръ жрецамъ Фараонъ, и ядаху даяніе, еже «даде имъ Фараонъ: сего ради не продаша земли своея. Рече же «Іосифъ: возмите себѣ семена... и да дасте пятую часть (плодовъ) «Фараону.»

Если сообразимъ, что въ то время Египетъ составлялъ уже довольно организированное государство, разумѣется деспотическое, съ рабами и евнухами, съ темницами и кастами, — высшими и низшими, и при этомъ все еще сохранялась въ народѣ свобода личности и свобода земли, то образъ первобытнаго поселенія народовъ, въ какой бы то ни было землѣ, невольно намъ представится похожимъ больше на братское дѣленіе всего найденнаго ими, или завоеваннаго, чѣмъ на рабское водвореніе высшею господскою силою.

Если этотъ способъ первобытнаго поселенія людей во всякомъ древнемъ краю вѣренъ, то очевидно, что только два главные обстоятельства могли впослѣдствіи приводить братьевъ въ рабство своимъ братьямъ: 1) добровольное, бѣдностію вынужденное подданство, какъ послѣднее средство къ пропитанію и 2) насильственное порабощеніе, какъ, напримѣръ, иго, лежавшее долго на сыновъ Израилевыхъ. Чтобъ предупредить и то и другое зло, Моисей, какъ мы упомянули выше, положилъ основаніемъ новаго Израильскаго государства два закона (Левитъ, XXV), помощію которыхъ навсегда были обезпечены и свобода лица и свобода земли. Человѣкъ, въ случаѣ бѣдности, могъ заложить свое поле, могъ отдаться въ наемные работники, но въ лѣто оставленія и человѣкъ и земля, безъ выкупа, освобождались отъ своихъ новыхъ владѣльцевъ; никакъ же ни человѣкъ, ни земля не могли продаваться какъ вещь; для лучшей безопасности связана была польза всего колѣна съ интересами каждаго его члена; *ужики*, или родственники, имѣли полное право дать искупъ землѣ и человѣку, заложившемуся кому бы то ни было, а въ случаѣ смерти одного изъ родства, ближній ужикъ наслѣдовалъ всѣ права умершаго. Даже цари, употреблявшіе часто свою власть во зло, не смѣли касаться этого наслѣдственнаго права земли, — и намъ оставленъ примѣръ такого дѣла отъ временъ Иліи пророка. См. 3 кн. Царствъ, XXI. «И бысть по глаголѣхъ сихъ и виноградъ бѣ Навоѳу Израильскому, иже во Израилѣ (Езреэльскому, что̀ въ Езреэлѣ) при чертогѣ Ахаава, царя Самарійскаго; и рече Ахаавъ въ Навоѳу, глаголя: даждь ми виноградъ твой и будетъ во вертоградъ зелій ми, яко близь есть сей дому моему, и дамъ ти вмѣсто сего виноградъ инъ, добръ паче сего: аще же угодно предъ тобою, дамъ ти сребро измѣну винограда сего, и будетъ ми во вертоградъ зелій. «И рече Навоѳъ ко Ахааву: да не будетъ мнѣ отъ Господа Бога моего дати наслѣдіе отцовъ моихъ тебѣ.» И пріиде Ахаавъ въ домъ свой смущенъ и оскорбленъ о словеси, еже глагола къ нему Навоѳъ... и бысть духъ Ахаавль спущенъ и усѣ на одрѣ своемъ и покры лице свое и не яде хлѣба.»

Тутъ жена его Іезавель, узнавъ о причинѣ грусти, пишетъ старѣйшинамъ города Езреэля, чтобы посредствомъ ложныхъ свидѣтелей обвинили Навоѳа въ поношеніи боговъ и царя, судили, казнили и въ самое скорое время дали ей знать объ исходѣ дѣла; это удалось, и тогда только Ахаавъ хотѣлъ завладѣть виноградомъ, какъ наслѣдствомъ; но тутъ внезапно явился Илія пророкъ съ громовою рѣчью, приведшею Ахаава въ совершенное замѣшательство.

Законъ о юбилеѣ, съ лѣтомъ освобожденія простиравшемся на 50 лѣтъ, какъ и другія постановленія, относительно господской власти, довольно ясно доказываетъ, что приняты были мѣры предосторожности, чтобы подчиненность отца не переходила на дѣтей и потомковъ. Каждый человѣкъ можетъ сдѣлаться, или по несчастію, или по безпорядочной жизни своей, бѣднымъ, невольникомъ, слугою другого: но дѣти его безъ всякой вины; поэтому отецъ не имѣлъ права дѣлаться рабомъ, дабы потомки его не считались, какъ дѣти рабскія, имуществомъ господина; поэтому отецъ не могъ продавать и земли наслѣдственной чужому на вѣчныя времена, дабы дѣти его не были принуждены искать хлѣба у чужаго.

Именно съ этой цѣлью царская власть была ограничена, по закону, въ отношеніи къ землѣ наслѣдственной, хотя во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ царь имѣлъ почти деспотическую власть надъ всѣмъ народомъ; съ независимостію наслѣдственной земли тѣсно сопряжена была неприкосновенность наслѣдственной свободы лицъ. См. Пр. Іезекіилъ, XXXXVI, 16—18.

Поэтому и пророки въ своихъ увѣщаніяхъ, не зная ничего страшнѣе рабскаго покоренія иноплеменнымъ, никогда не отнимаютъ у народа надежды на возвращеніе въ свою отцовскую наслѣдственную землю; изгнаніе, какъ бы тягостно и какъ бы долго оно ни было, все таки считается только временнымъ несчастіемъ, а не совершеннымъ рабствомъ; и здѣсь-то именно можно было бы искать причину

мнимаго отвращенія евреевъ отъ земледѣлія. Не къ земледѣлію, а только къ сопряженному съ нимъ до нашихъ временъ крѣпостному состоянію, евреи питали отвращеніе, такъ какъ величайшій грѣхъ для еврея наложить на свое потомство наслѣдственное рабство. Точно также величайшее благо, полученное имъ отъ Бога, есть освобожденіе отъ ига египетскаго, изъ дому рабства (см. 1 изъ заповѣдей: «Азъ есмь Господь Богъ твой, изведяй тя отъ земли египетскія, отъ дому работы»,—и вообще всю книгу Второзаконія. Если бы представляли и теперь евреямъ земледѣліе, какъ наемную работу, а не какъ наслѣдственное крѣпостное состояніе, то, безъ всякаго замедленія они бы бросились на это природное занятіе. Но объ этомъ надобно говорить подробнѣе, при изложеніи исторіи евреевъ новѣйшихъ временъ.

VIII.

Женщины.

Женщина пользовалась всѣми правами мужчинъ, кромѣ врожденнаго мужчинѣ права защиты; въ этомъ отношеніи она состояла какъ бы подъ опекою, сперва отца, потомъ мужа, а въ иномъ случаѣ и патры, фратеріи или колѣна. Объяснимъ эти слова примѣрами изъ Библіи:

а) Право суда.

Судьи, IV, 4. «И Девора, жена пророчица, жена Лафидовова, сія судяше Іраилю въ то время и сія живяше... въ горѣ Ефремли, и восхождаху сынове Іраилевы къ ней на судъ.» 4 кн. Царствъ, XXII 14.» И иде Хелкія жрецъ и Ахикамъ и Аховоръ и Сафанъ и Асаіасъ ко Олданѣ (Гульдѣ) пророчицѣ».

б) Право жертвоприношенія.

Левитъ, I, 2: При постановленіяхъ о жертвоприношеніи сказано: «Человѣкъ (а не мужъ) отъ васъ аще принесетъ дары Господу «Такъ-же II, 1. «Аще же *душа* принесетъ даръ жертву Господу», а «не сказано *мужъ*, *ишъ*. Въ главѣ *же XII,6*, ясно сказано: «И егда исполнятся дніе очищенія ея... да принесетъ агнца непрочна, единолѣтна, во всесожженіе, и птенца голубина...»

1 кн. *Царствъ I, 24.* «И изыде съ нимъ (Анна съ сыномъ своимъ Самуиломъ, въ Сило, мѣстопребываніе первосвященника Эли) егда отдаяй его, съ тремя телцы.. и внидоша въ домъ Господенъ». 3 кн. *Царствъ, XI, 8.* «Тако сотвори в ѣмъ женамъ своимъ, чуждымъ же кадяху и жряху идоломъ своимъ».

в) Право совѣта.

2 кн. *Царствъ, XX, 16, 22.* «И возопи жена мудрая со стѣны рече: слышите, рците нынѣ Іоаву, да приблизится дозде и возглаголю къ нему... и отвѣща Іоавъ... и вниде жена ко всемъ людемъ и глагола ко всему граду мудростію своею отъяты главу Савея, сына Бохора, и отсѣкоша главу Савея...» *Судьи, IV, V.* Дѣяніе Деворы. 2 кн. *Царствъ, XIV.* Іоавъ не смѣя сказать Давиду добраго слова объ Аввесаломѣ, посылаетъ въ Ѳекою:» И взя оттуда жену мудрую», чтобы чрезъ ея слова дѣйствовать на царя Давыда, что ему и удалось.

Изъ этихъ немногихъ примѣровъ уже видно, что женщины имѣли право суда, право жертвоприношенія, право совѣщанія народнаго, не говоря уже о семейственныхъ своихъ отношеніяхъ, въ которыхъ, какъ мы скоро увидимъ, онѣ не всегда уступали мужчинамъ. Остается намъ еще говорить о независимости и наслѣдствѣ, но тутъ-то намъ надобно обратиться къ правамъ патръ и колѣнъ, чтобъ имѣть вѣрное понятіе о столкновеніи женскихъ и мужскихъ правъ въ этомъ отношеніи.

Мы видѣли выше, что наслѣдственная земля принадлежала нравственному лицу, колѣну; дѣти же считались по отцу. Слѣдственно, если бы женщина могла пользоваться полнымъ правомъ наслѣдства и независимости, то очень часто могло бы случиться, что земля одного колѣна перешла бы къ другому, т. е. въ случаѣ, когда женщина-наслѣдница вышла бы замужъ за члена другаго колѣна и дѣти ея, принадлежащія уже колѣну отца своего, наслѣдовали удѣлъ земли своей матери.

Поэтому положено было, чтобы въ случаѣ поземельнаго наслѣдства, наслѣдница зависѣла, въ отношеніи къ замужеству, отъ своихъ родныхъ, т. е. должна была выдти за мужъ за роднаго. См.

кн. Числа, XXXVI. «И пріидоша патріархи изъ фратеріи сыновей Галоадовыхъ... и рекоша...» и господину нашему (Моисею) заповѣда Господь дати наслѣдіе Салпаада, брата нашего, дщеремъ его, и будутъ единому отъ племени сыновъ Іераилевыхъ въ жены, и отлучится жребій ихъ отъ одержанія отцевъ нашихъ и приложится къ наслѣдію племени, имъ же будутъ въ жены; аще же будетъ оставленіе (годъ ювилея).. и отъ наслѣдія отчества нашего отымется навлѣдіе ихъ... И заповѣда Моисей... идѣ же угодно имъ да будутъ въ жены, токмо отъ сонма отчества своего да будутъ въ жены.... и не превратится наслѣдіе.... отъ племене въ племя ино (отъ колѣна въ колѣно).»

Есть еще одно узаконеніе по праву родства, которое также имѣетъ вліяніе на независимость женщины; мы разумѣемъ долгъ возстановленія имени брата, о коемъ Моисей говоритъ слѣдующими словами:

Второзаконіе, XXV, 5, 10. «Аще же живутъ братія вкупе и умретъ единъ отъ нихъ, семене же не будетъ ему,—да не будетъ жена умершаго иному мужу не сродну: братъ мужа ея да войдетъ къ ней, и поиметъ ю къ себѣ въ жену и да поживетъ съ нею, и будетъ отроча, еже аще родится, да поставится во имя умершаго и не погибнетъ имя его отъ Іераиля; аще же не восхощетъ человѣкъ пояти жены брата своего... и приступивши жена брата его къ нему предъ старѣйшины,....и изуетъ сапогъ его единъ отъ ноги его и да плюнетъ на лице его (предъ лицемъ его, т.е. предъ нимъ) и отвѣщавши речетъ: сице да сотворять человѣку, иже не созиждетъ дому брата своего во Іераили, и призовется имя его въ Іераили: домъ изутаго сапога».

Мы находимъ исполненіе этого закона, котораго слѣдствія не исчислимы, въ книгѣ Руѳь, откуда увидимъ во всей исторической ясности значеніе родства или фратеріи у евреевъ. Дѣло было слѣдующее: Элимелехъ, съ женою Ноеминь и съ дѣтьми Маалономъ и Хелеономъ уходитъ, по причинѣ голода, изъ Іудеи, въ землю Моавію; Элимелехъ умираетъ; сыновья женятся на Моавіянкахъ, но умираютъ оба безъ дѣтей; Руѳь, вдова Маалона, не оставляетъ своей свекрови на возвратномъ ея пути въ Іудею, гдѣ она случайно и сближается съ мужемъ ратнымъ «Боазомъ», о которомъ Ноаминь говоритъ (11, 20) «ужикъ есть намъ мужъ сей и есть отъ искупителей нашихъ». Боазъ, однакожъ, говоритъ ей впослѣдствіи: «но есть еще ужикъ близшій мене, аще же не восхощетъ пояти тебе, то пойму тя азъ». (Ш. 12, 13). Тотъ не согласился, передалъ всѣ права свои на наслѣдство земли Элимелеха Боазу; «и рече Боазъ старейшинамъ и всѣмъ людемъ: свидѣтели вы днесь, яко пристяжалъ днесь вся, яже Елемелехова... отъ руки Ноемини; къ семужъ Руѳь... поемла себѣ въ жену, возставити имя умершаго въ наслѣдіе его, да не погибнетъ имя умершаго отъ братіи его и отъ племени людей его...»

Изъ этого слѣдуетъ 1), что родственники имѣли неотъемлемое право на присвоеніе земли по братству, 2), что братство, упоминаемое Моисеемъ, состояло изъ нѣсколькихъ патръ, потому что здѣсь оба сына Элимелеха умерли и 3), что зависимость женщины, въ этомъ отношеніи, отъ братьевъ своего мужа, склонялось къ ея пользѣ и спасала бѣдную вдову отъ совершенной осиротѣлости, по тогдашнимъ понятіямъ. Вообще же подобныя постановленія должны были тѣмъ тѣснѣе связать членовъ братства между собою.

Но, по неимѣнію права защиты, женщина оставалась до замужства подъ опекою отца, потомъ подъ опекою мужа: эта опека была двоякая: съ одной стороны—защита, воспитаніе и содержаніе; съ другой стороны власть начальническая, которая однакожъ не простиралась, ни на жизнь или смерть, ни до жестокаго съ нею обхожденія. Родители не отдавали своихъ дочерей замужъ безъ собственнаго ихъ согласія (Бытіе, XXIV, 5. 57. 58; 1 кн. Царствъ, XVIII 17. 20), но могли отдать ихъ на службу, разумѣется, не рабскую (Исходъ, XXI, 7. 12). Если кто нибудь ихъ обидѣлъ, то родство мстило или судилось за нихъ (Бытіе, XXXIV, 2. 25; Судьи XXII, 21 22; 2 кн. Царствъ, XIII; Второзаконіе, XXII, 13. 19. 28. 29).

Бракъ передавалъ мужу родительскія права (Числа, XXX, 7.17), вдова бездѣтная зависѣла отъ родства мужа, покуда или ближайшій «ужикъ-искупитель» не женился на ней, или же не разрѣшилъ ее, и тогда она дѣлалась совершенно свободною и получала доходы наслѣдственной земли своего мужа, до лѣта оставленія [Руѳь, IV, 3. 4.); совершенно свободною дѣлалась вдова мать и разведшаяся съ мужемъ (Числа, XXX, 10; Второзаконіе, XXIV, 3. Исходъ XXI, 11). Движимое имущество, рабы и дома, принадлежали ей на равныхъ правахъ съ мужчинами. [Левитъ, XXII, 10—14 и наши объясненія къ этому мѣсту. Бытіе XVI, 1—3, 5—6, и наши объясненія, XXIV, 61]. Ради молодой жены (по еврейскому подлин-

нику: новой жены) мужъ освобождался на цѣлый годъ отъ военной и всякой другой государственной службы. Второзаконіе, XXIV, 5.

Вообще вдова, наравнѣ съ сиротою и пришельцемъ, была поставлена множествомъ попечительныхъ законовъ подъ особое покровительство израильской общины. Второзаконіе, XXIV, 17, XIV, 28, 29; XVI, 11; 14. Итакъ, женщина была ограждена строжайшими законами отъ всякой обиды со стороны мужчины, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ. Второз. XXII, 13—29. Исходъ, XXI, 7—11. XXII. 15, 16; 20—23; за то съ другой стороны она строго наказывалась за нарушеніе цѣломудрія, какъ въ дѣвичьемъ, такъ и во замужнемъ состояніи, а мужъ имѣлъ не только *право*, но и *обязанность* ревновать жену въ извѣстныхъ случаяхъ, въ слѣдствіе чего она не могла оставаться на единѣ съ мужчиной, къ которому ее ревновали. Исходъ, XXI, Левитъ, XXI, 9. Второзак. XXII, 20—24. кн. Числа, V. 11—до конца главы.

Мужъ имѣлъ право развестись съ женою только вслѣдствіе важной причины, и то не позволено было ему никакого самоуправства, а все должно было рѣшиться судебнымъ порядкомъ (Второзаконіе, XXIV, 1. 2. 3. 4; XXII, 13. 14. 19. 28. 29, Числа, V. 11—31). Если она иноплеменная плѣнница, то мужъ можетъ развестись съ нею и просто, по своей прихоти, но тогда она дѣлается совершенно свободною. (Второзаконіе, XXI, 10. 14).

Если женщина не была довольна своимъ мужемъ, то могла его оставить и возвратиться подъ защиту своего отца; но прежде формальнаго развода ей не позволялось выдти за другаго замужъ. (Судьи, XIX, 1. 3.). Были разрѣшенія отцовскія или разводы de facto. (Судьи, XIV, 27; XV. 12. Царствъ 1. кн, XXV. 44);, это считалось однакожъ незаконнымъ поступкомъ (Судьи, XV, 6; 2. кн. Царствъ III, 14. 15. 16.).

Но носить оружіе женщинѣ рѣшительно запрещалось (Второзаконіе, XXII, 5.), и стыдно было мужу ратному получить смерть отъ руки женщины (Судьи, IX, 53—54) «И сверже жена едина уломокъ жерновый на главу Авимелеха и сокруши ему темя, и возопи скоро Авимелехъ ко отроку-оруженосцу своему и рече ему: извлецы мечь свой и убій мя, да не рекутъ: яко жена уби его; и прободе его отрокъ и умре...» Тамъ же, IV, 9. «Обаче вождь яко

не будетъ тебѣ слава, понеже въ руку женску предастъ Господь Сисару.»

Вообще состояніе женщины у евреевъ, хотя и не было самое завидное, все таки не уступало нынѣшнему состоянію въ Европѣ, съ тою развѣ разницею, что тогда было de jure то, что нынѣ de facto, не исключая и многоженства, которое было очень рѣдко и то только у царей и вельможъ. (Судьи, XI, 34; XIII, 2; XIX, 2; 1. кн. Царствъ XIV, 50), такъ что Авраамъ, Исаакъ, Моисей, Ааронъ, Іефѳай, Маноа и даже Саулъ, не имѣли больше одной жены.

Родители, правда, употребляли часто свою власть во зло, но тоже самое они дѣлали и съ сыновьями своими. Іефѳай жертвуетъ своею дочерью по обѣту (Судьи, XI, 34, 40); но Авраамъ и царь Саулъ намѣрены тоже самое дѣлать съ своими сыновьями (Бытіе, XXII; 1. кн. Царствъ, XIV) и король Моавіи поступаетъ также съ своимъ наслѣднымъ принцемъ (4 кн. Царствъ, II, 27).

Вообще эти мѣста требуютъ подробнаго объясненія, потому что человѣческое жертвоприношеніе противно духу Моисеевыхъ законовъ. [См. наше введеніе къ пятокнижію].

Пѣснями, музыкою и плясками женщины прославляли имена побѣдоносныхъ воиновъ (Исходъ, XV, 20, 21; 1 кн. Царствъ, XVIII, 6, 7.) и особенные праздники установлены были для дѣвичьихъ плясокъ (Судьи, XXI. 21); но касательно женщинъ сдѣлался большой переворотъ съ воцареніемъ дома Давидова на престолѣ Израильскомъ.

IX.

Юноша.

«Юношею» назывался у евреевъ каждый израильтянинъ, недостигшій еще 20 лѣтняго возраста; онъ не считался членомъ патры и слѣдственно не пользовался ни однимъ изъ правъ ратнаго мужа, а состоялъ подъ опекою отца и матери. Исходъ, XXX, 14. «И всякъ входяй въ просмотреніе, отъ 20 л. и выше, да дадутъ дань Господу». Числа, I, 3. «И всякъ мужескъ полъ отъ двадесяти лѣтъ и выше, всякъ исходяй съ силою (военною) Ісраилевою... ты и Ааронъ озирайте ихъ (сосчитайте)».

Стыдно было получить смерть, какъ отъ женщины, такъ и отъ юноши. Судьи, XIII, 20, 21.» И рече Гедеонъ Іеѳару, первенцу сво-

ему, возстань, убій ихъ; и не извлече отрочищъ меча своего, зане убояся, яко младъ бяше; и рече Зевей и Салманъ; возстани убо ты и сопротивися намъ; зане яко мужъ — сила его. И возста Гедеонъ и уби Зевеа и Салмана.» 1 кн. Царствъ, XVII, 43 «И видѣ Голіаѳъ.... Давида и безчествова его, зане той дѣтищъ бѣ...»

За то находимъ, что подобные «юноши» служили въ качествѣ оруженосцевъ у знатнѣйшихъ воиновъ, а впослѣдствіи пажами при дворѣ. Судьи, IX, 54. «И возопи скоро Авимелехъ, ко отроку носящему сосуды его»... 1 кн. Царствъ, XIV. «И рече Іонаѳанъ ... отроку, носящему оружіе»... Тамъ же, XX, 35, 40. «И изыде Іонаѳанъ на поле... и отрокъ малъ съ нимъ... и отда оружіе свое отроку своему»...

Когда юноша достигалъ совершеннолѣтія, то его торжественно опоясывали новымъ набедрникомъ и, по обыкновенію, онъ долженъ былъ ознаменовать свое новое состояніе какимъ нибудь славнымъ подвигомъ. 1 кн. Царствъ, XXI, 16. «И той бѣ препоясанъ оружіемъ (новымъ) и хотяше поразити Давида»... 1 кн. Царствъ, XVIII. «И отвлече Іонаѳанъ ризу свою верхнюю и даде ю Давиду и ины одежды своя, даже до меча своего, и до лука своего и до пояса своего»... Тамъ-же, XVII, 39. «И припояса Давида оружіемъ своимъ верху одежды его».

Впослѣдствіи получили званіе и званіе «юноши», *Наарь*, всѣ тѣ люди, которые находились въ службѣ при царѣ или ратномъ мужѣ; они, вслѣдствіе своей подчиненности, называли себя и рабами въ присутствіи патрона: но никогда не должно смѣшивать настоящихъ рабовъ съ людьми служащими. 2 кн. Царствъ, XXV, 4, 8, 24, 27; XXIX, 8; VIII, 11, 14; XXIII, 3, 8, 12, 13; 1 кн. Царствъ, XVIII, 15; II. 14, 15; I, 5, 6, 15.

X.

Иноплеменный поселенецъ.

Строго и неоднократно въ законѣ Моисеевомъ предписывается еврею правосудіе, милосердіе и любовь къ поселенцу, напоминая ему, что и онъ былъ поселенцемъ въ Египтѣ. Исходъ, XXII, 20. «И пришельца не озлобите, ниже оскорбите его: пришельцы бо

бѣсте въ землѣ Египетстей». Левитъ, XIX, 33, 34. «Аще же кто придетъ къ вамъ пришелецъ въ землю вашу, не стужите ему. Яко же туземецъ будетъ въ васъ пришлецъ, иже придетъ къ вамъ, и возлюбиша его яко самъ себя, яко и вы пришельцы бѣсте въ землѣ Египетстей; Азъ, Господь Богъ вашъ». Тамъ же, 10. «И винограда твоего вторицею да не обереши... нищему и пришельцу да оставиши я, азъ есмь Господь Богъ вашъ»... (XXV, 6, 48. Второзаконіе, XIV, 28, 29; XXIV, 17, 18, 22).

Изъ этихъ мѣстъ видно, что пришельцы имѣли право взять къ себѣ на службу родословнаго израильтянина, имѣть недвижимое имѣніе въ городахъ, и вообще, кромѣ главныхъ правъ мужа ратнаго, онъ стоялъ на ряду съ каждымъ родословнымъ евреемъ и еще пользовался защитою и покровительствомъ, предписаннымъ въ особенности только для вдовъ, сиротъ и священниковъ, тоже не имѣвшихъ участія въ поземельномъ наслѣдованіи. Однако, они могли перейти въ состояніе рабское, если продавали себя (Левитъ, XXV 45).

XI.

Рабъ.

Рабъ не считался, какъ въ Греціи, вещью, а только присвоеннымъ человѣкомъ, т. е. жизнь и смерть раба не зависѣла отъ воли господина; рабъ дѣлался даже свободнымъ, въ случаѣ, если господинъ причинилъ ему тѣлесное повреждeніе, какъ напр. «избіеніе зуба». Исходъ, XXI, 27. «Аще же зубъ рабу своему, или зубъ рабѣ своей избіетъ, свободны да отпуститъ я за зубъ ихъ».

Если рабъ бѣжалъ отъ господина, то запрещено было выдавать его. Второзаконіе, XXIII, 15, 16. «Да не предаси раба господину его, иже пріиде (спасется) къ тебѣ отъ господина своего».

Если освободили его, то могли его принимать въ общество Божіе, т. е. ставили его на равнѣ съ израильтянами родословными. Паралипоменонъ А, II, 34, 35. «Сасонъ же не имѣ сыновъ, но точію дщерей, и имѣша Сасонъ раба Египтянина, именемъ Іерая. И даде Сасонъ дщерь свою Іераю, рабу своему, въ жену и роди ему Еѳѳея...»

XII.

Левиты и священники.

Все колѣно Леви лишено было земельнаго наслѣдія и слѣдственно состояло въ зависимости отъ прочихъ колѣнъ; но за то установлены были для нихъ разныя подаянія, какъ напр. десятины, и нѣсколько городовъ, съ полосою въ 2,000 локтей кругомъ ихъ, назначено было для ихъ обитанія (Левитъ, XXV, 32, 33, 34; Числа, XXXVI, 1, 8). Обязанность письмоводства и судебнаго дѣлопроизводства во всѣхъ городахъ израильскихъ, равно какъ и обученіе дѣтей израильскихъ законамъ Торы, безъ сомнѣнія было дѣломъ Левитовъ. Неемія, VIII; Второзак. VI, 6, 7; XXVII, 14; XXXI, 10—13. Тоже XVII, 8—12; XVIII, 1, 2; 6, 7. XXI, 5. XVI, 18; XXIV, 1, 2. «Письмо разводное». XXVII, 3, 8. и наконецъ XXXIII, 10. «Пусть учатъ Яакова законамъ Твоимъ, Израиля—наукѣ Твоей!». Въ замѣнъ этихъ важныхъ услугъ имъ назначались десятины со всѣхъ доходовъ сельскаго хозяйства, *Маасеръ*, а на этомъ основаніи законъ о десятинахъ удержался и послѣ разрушенія втораго храма, въ пользу училищъ, подъ вѣдѣніемъ авторовъ Мишны. Ср. 2. кн. Паралипоменонъ, XVII, 8—9; XIX, 5—11.

Дѣти Аароновы имѣли доходъ и пропитаніе отъ жертвоприношеній и частныхъ подаяній народа, и также имѣли свои города для постояннаго жительства; но уже по первымъ условіямъ своего состоянія, все это колѣно зависѣло отъ храма, царей и народа, и поэтому его участь была самая не постоянная, не смотря на то, что оно заключало въ себѣ почти все интелектуальное богатство народа. Особенно же впослѣдствіи, когда цари начали ихъ употреблять противъ пророковъ и слѣдственно противъ нравственной свободы народа, то они пришли совершенно въ упадокъ, а Іеровеамъ, своею антидавидовскою политикою, нанесъ имъ послѣдній ударъ.

XIII.

Общинный строй.

Старѣйшины каждой общины, числомъ не менѣе десяти, въ присутствіи публики, составляли собраніе присяжныхъ, *элогимъ*, *эда*, *эдаѳъ-элъ*, *асара зекэнымъ*. Присутственное мѣсто называлось *Моадъ-*

элъ, (Псаломъ LXXIV, 5, 8), а по большей части: *шааръ*. Это слово обыкновенно переводится словомъ «ворота», «врата», но можетъ быть оно означаетъ «рынокъ, биржа, city, какъ по персидски شهر городъ; или же оно согласно съ арабскимъ شهر, обнародовать, въ смыслѣ res publica; но скорѣе всего оно совпадаетъ съ арабскимъ شعر, наука, и соотвѣтствуетъ нашей «*думѣ*», *Беѳ-Гамидрашу* или *судебной палатѣ*». Впослѣдствіи старѣйшины были переименованы въ мудрецы, хахамимъ, письмоводы, соферимъ, учители закона; но у Моисея они тоже называются и судьями и письмовѣдами, *Шофетимъ* и *Шотеримъ* (отъ слова *шатаръ*, писать, откуда и *Штаръ*, письменный документъ). Эти послѣдніе представляли и *общинную* полицію. См. Руѳь, IV, 1, особенно слова: «взошелъ на Шааръ»; 2, «десять мужей, изъ старѣйшинъ города»; 11, «и говорилъ весь народъ, и старѣйшины (старѣйшины здѣсь высказываются послѣ народа, потому что они затруднялись относительно законности брака съ Моавитянкой). Второз. XXV, 7. «Тогда пусть взойдетъ своясченица его на Шааръ, къ старѣйшинамъ». Но можетъ быть и то, что городская дума, или судилище, училище, была устроена надъ городскими воротами; во всякомъ случаѣ эти присутственныя мѣста имѣли верхній этажъ, *Алія*, или *Гагъ* — по еврейски, куда судьи собирались для совѣщанія. 1, кн. Царствъ, IX, 24, 25; 2 кн. Царствъ, XVIII, 24; XIX, 1, 6, 9. Имѣть такой присяжный публичный судъ было обязательно для каждой общины; Второз. XVI, 18, 19; и 20; XXI, 19; XXII, 15, 18, 19; и 24; XXIV, 1, 7—8. Но для разбора дѣлъ между членами разныхъ общинъ и для случаевъ болѣе сложныхъ, въ разрѣшеніи которыхъ мѣстные судьи и старѣйшины затруднялись, по неимѣнію ясныхъ на то указаній въ обнародованныхъ законахъ, имѣлось общее собраніе судей-законовѣдовъ, князей колѣнъ и старѣйшинъ израильскихъ, подъ предсѣдательствомъ первосвященника, или *шофета* (главы народа, до водворенія царей), а впослѣдствіи и царя, куда всѣ должны были обращаться для выслушанія высшаго рѣшенія *шофета*, а тѣмъ болѣе царя, который имѣлъ, какъ верховную юридическую, такъ и военную власть надъ всѣмъ народомъ. Второз. XVII, 8—14; 14—20; Іошуа (І. Навинъ) IX, 6, 7, 8—9, 14—15; 18—19; 21, 26—27. Ср. съ этимъ Числа, XXXV; 24—25. Судьи, II, 16—19; III, 10; IV, 4, 5 и 6; X, 2, 3; XII, 7, 8, 9, 11, 13 и 14. XVI, 31; 1 кн. Царствъ VII, 15—17; VIII, 1, 2;

4, 5; 19, 20; XI; 5—7; XII, 1—5; XXII, 6—8; 11—15; 16—17. 2 кн. Царствъ V, 1, 4.

Слово *эда* означаетъ «собраніе, община», какъ и нынѣ болѣе употребительное слово, *кагалъ*; слово греческое *синагога* и позднѣйшее ecclesia имѣютъ тоже значеніе, какъ равно и талмудическое *кенесеѳъ*; слова же: *моедъ*, *беѳ-моедъ*, означ. домъ собранія, въ талмудѣ *Беѳъ-Гакнесеѳъ*. Выраженіе *элогимъ* вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему «присяжному суду», потому что судьи—подъ Богомъ, «Мушба веомедъ», по позднѣйшему выраженію о завѣтѣ Господнемъ, и Второзак. XXIX, 13, 18—20; по Второзак. (I, 15, 16, а въ особенности 17), тяжущіяся стороны тоже тамъ состояли «подъ Богомъ» (Исходъ, XXII, 7, 8, 10),—какъ вообще и законъ считается Божіимъ, подъ клятвой и присягой народнаго союза принятымъ и признанымъ за обще-обязательный. Ср. Исходъ, XXI, 1; XXXIV, 27; 2 кн. Паралипоменонъ, XIX, 5—11, особенно слова: «ибо не за человѣка вы судите, а за Господа,..... поэтому да будетъ страхъ Господень на васъ.... Итакъ поступать вамъ въ страхѣ Господнемъ съ вѣрою и съ цѣльнымъ сердцемъ..... а Господь да будетъ съ добрымъ!»...

Л. I. Мандельштамъ.

КЪ ИСТОРІИ ОБРАЗОВАНІЯ РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ *).

Періодъ I.

Начало образованія русскихъ евреевъ относится къ сороковымъ годамъ настоящаго столѣтія, т. е. къ тому времени, въ которое правительство взяло на себя иниціативу по устройству правильныхъ учебныхъ заведеній для евреевъ. Этимъ рѣшительнымъ шагомъ правительство произвело сильный переворотъ въ жизни русскихъ евреевъ, который нѣсколько напоминаетъ собою освобожденіе крестьянъ нашего отечества: все городское населеніе западнаго края, преимущественно состоявшее изъ евреевъ, пришло въ какое-то броженіе, почуявъ о томъ, что предпринимается свыше для преобразованія его умственнаго и нравственнаго быта; всѣ евреи какъ-то смутно понимали ту свободу, которой ревнители реформы ожидали съ такимъ томительнымъ чувствомъ и которую они встрѣтили съ рѣдкимъ воодушевленіемъ. Ставъ ближе къ матеріалу, относящемуся къ предмету первоначальнаго преобразованія евреевъ, мы, признаться, сами невольно поддались всеобщему увлеченію и экзальтированному настроенію умовъ того времени, которыя были вызваны серьезною и настойчивою дѣятельностью министра народнаго просвѣщенія Уварова, человѣка гуманнаго и энергичнаго, не ограничивавшагося притомъ одними только словами, а умѣвшаго заинтересовать къ этому великому дѣлу другихъ министровъ и самаго Государя. Конечно, современные намъ результаты образованія евреевъ въ русскомъ духѣ, которые составляютъ слѣдствіе уклоненій отъ первоначальнаго плана, выработаннаго Уваровымъ, но не исполненнаго, по недостатку силъ и энергіи, со стороны его преемниковъ, нѣсколько охлаждаютъ въ насъ теплое чувство, возбужденное живыми впечатлѣніями эпохи возрожденія русскихъ

---

*) Къ этому въ высшей степени интересному очерку, мы въ слѣдующемъ томѣ надѣемся прибавить болѣе подробный отчетъ о внутреннемъ броженіи среди евреевъ, начавшемся съ появленіемъ въ свѣтъ сочиненій И. Б. Левинсона, М. А. Гинцбурга и возникновеніемъ въ Варшавѣ раввинскаго училища и училищнаго совѣта (дозоръ школъ) подъ предсѣдательствомъ Матіаса Розена. На этотъ же разъ, мы ограничимся нѣкоторыми краткими замѣчаніями въ концѣ статьи о явленіяхъ, не упоминаемыхъ авторомъ. *Изд.*

евреевъ. Мы можемъ, поэтому, хладнокровнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ безпристрастнѣе оцѣнить все то, что совершилось въ это время съ цѣлію поднять умственный и нравственный уровень русскихъ евреевъ.

Для болѣе полнаго уясненія тогдашняго движенія въ еврейской жизни, вызваннаго стремленіями къ реформѣ, мы должны бросить взглядъ на положеніе евреевъ Россіи въ сороковыхъ годахъ. Надобно знать, что еще до вмѣшательства правительства въ дѣло образованія евреевъ, уже были такіе уголки въ нашемъ отечествѣ, въ которыхъ, благодаря иностранному вліянію, существовали уже правильно устроенныя учебныя заведенія, учрежденныя по инціативѣ самихъ евреевъ. Въ центрѣ Новороссійскаго края — въ Одессѣ, которая, по коммерческому своему значенію, привлекла къ себѣ многихъ иностранныхъ евреевъ, очень рано образовались правильныя школы, которыя возникли по инціативѣ самихъ евреевъ и содержались на ихъ собственныя средства. Еще до сороковыхъ годовъ еврейскія училища Одессы процвѣтали подъ управленіемъ извѣстнаго своею ученостью и всестороннимъ образованіемъ директора Штерна. Подъ вліяніемъ и по образцу одесскихъ училищъ образовалось также училище въ Кишиневѣ, подъ управленіемъ директора, почтеннаго и всѣми уважаемаго доктора Гольденталя *), а за тѣмъ, если не ошибаемся, подъ управленіемъ бывшаго инспектора Житомірскаго раввинскаго училища, покойнаго Эйхенбаума. Но еще замѣчательнѣе училище, возникшее въ Ригѣ въ 1838 году, по ходатайству шлокскаго еврейскаго кагала и процвѣтавшее подъ управленіемъ доктора Лиліенталя, человѣка пріобрѣвшаго себѣ громкую извѣстность между русскими евреями по своей дѣятельности относительно учрежденія еврейскихъ школъ въ Россіи, которой мы ниже удѣлимъ особое мѣсто. Прошеніе, поданное Шлокскимъ еврейскимъ кагаломъ, заключаетъ въ себѣ много интересныхъ данныхъ, которыя могутъ удостовѣрить на сколько кагалъ, даже въ періодъ признанія его закономъ и полнаго процвѣтанія, составлялъ подпольную корпорацію съ талмудически-республиканскими стремленіями. Въ прошеніи между предметами преподаванія указываются: чтеніе и чистописаніе русское, русская грамматика и въ особенности отечественная исторія. Далѣе говорится въ немъ, что главный учитель долженъ быть иностранецъ еврейскаго исповѣданія, который былъ бы «образованъ въ духѣ чистаго просвѣщенія», и, кромѣ того, долженъ быть «одинъ *русскій* учитель, имѣющій училищный аттестатъ въ основательномъ

*) См. Neuere Geschichte der Israeliten von 1815 bis 1845 von D-r I. M. Iost. Berlin 1846.

знаніи русскаго языка». Относительно учебныхъ книгъ, кагалъ постановляетъ, что онѣ должны быть такія-же, какія употребляются «во всѣхъ христіанскихъ школахъ», а порядокъ преподаванія предметовъ долженъ, по предположенію кагала, соотвѣтствовать «общимъ постановленіямъ, сдѣланнымъ для училищъ въ государствѣ»; экзаменъ же долженъ производиться «подобно какъ въ христіанскихъ школахъ». Школа эта возникла по инціативѣ самаго кагала, но обращеніе къ содѣйствію правительства объясняется тѣмъ, что Шлокскій кагалъ хотѣлъ установить для содержанія школы особый сборъ, утвержденіе котораго встрѣчало затрудненія въ министерствѣ финансовъ, въ виду того, что въ немъ выработывались тогда общія правила объ устройствѣ коробочныхъ сборовъ для евреевъ, и нельзя было, такимъ образомъ допустить устройство особаго сбора съ отступленіемъ отъ общихъ правилъ. Но какъ бы то ни было, по представленію министра Уварова, Государь Императоръ, признавъ прошеніе Шлокскаго кагала «заслуживающимъ вниманія», повелѣлъ министру народнаго просвѣшенія войти по этому предмету въ сношеніе съ министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ *). Изъ этого видно, что еще до правительственнаго вмѣшательства школы учреждались уже самими еврейскими обществами и кагалами. Результаты этой школы были не менѣе блистательны Одесскихъ и Кишиневской. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ Уварова, въ которомъ излагаются главныя основанія относительно образованія евреевъ, говорится, что приглашенный изъ Германіи докторъ Лиліенталь изъ евреевъ, по засвидѣтельствованію начальства, оказалъ «превосходныя способности и пламенное усердіе при учрежденіи Рижскаго училища», при чемъ приводится донесеніе ординарнаго профессора Дерптскаго университета Розберга, отъ 18 іюля 1840 года, слѣдующаго содержанія: «Еврейская школа въ Ригѣ, такъ недавно возникшая подъ управленіемъ опытнаго, благонамѣреннаго и основательнаго ученаго директора Лиліенталя, уже успѣла развиться и находится въ цвѣтущемъ состояніи. Удовольствіемъ считаю свидѣтельствовать объ изумительныхъ тамъ успѣхахъ въ географіи, исторіи, грамматикѣ нѣмецкой, ариѳметикѣ и даже русскомъ языкѣ. Настоящее положеніе этого свѣжаго разсадника просвѣщенія, превосходящее самыя смѣлыя ожиданія, обѣщаетъ оному радостную, блестящую будущность» **).

*) Сборникъ постановленій по инистерству мнароднаго просвѣщенія. Томъ второй 1825—1855. С.-Петербургъ, 1864 г. стр. 1173—1179.

**) См. всеподданнѣйшій докладъ Уварова въ дополненіи къ сборнику постановленій по министерству народнаго просвѣщенія 1803—1864 г. С.-Петербургъ, 1867 г.

За этими немногими исключеніями, которыя должно считать неминуемымъ слѣдствіемъ иностраннаго вліянія, обнаружившагося съ особою силою на южной и сѣверо-западной окраинахъ Россіи, все прочее русское еврейство было чуждо европейскаго образованія *). Евреи западныхъ губерній, въ которыхъ главнымъ образомъ скучевывалось еврейское населеніе, привлеченное туда разными льготами и привилегіями польскихъ королей для заселенія края и оживленія его въ промышленномъ отношеніи, должны были вести борьбу за существованіе не только между собою, но и съ окружавшимъ ихъ населеніемъ, — борьбу, напоминавшую доброе старое время, когда польскіе короли должны были, въ огражденіе евреевъ отъ раззоренія ихъ другими народностями, подтверждать каждый разъ ихъ права новыми привилегіями. Еще при Екатеринѣ и позднѣе, въ началѣ XIX ст , евреи ходатайствовали предъ правительствомъ объ огражденіи ихъ правъ, и сами по себѣ общія мѣры, вызванныя законами того времени, носили характеръ огражденія правъ евреевъ отъ окружающаго ихъ населенія. Въ западномъ краѣ еще въ началѣ XIX столѣтія не могла утихнуть борьба населявшихъ его народностей, которыя не могли забыть свое корпоративное устройство на началахъ магдебургскаго права. И не удивительно, ибо народности эти въ теченіе столѣтій развивались подъ вліяніемъ своего особаго народнаго права. При такомъ порядкѣ вещей, совершенно естественно, что евреи этого края должны были вполнѣ сохранить остатки своего древняго быта — свой самосудъ, свои общественныя формы, свое національное право. Съ присоединеніемъ западныхъ губерній къ Россіи, сохранился старый патримоніальный взглядъ, подъ вліяніемъ котораго евреи разсматривались лишь, какъ доходная государственная статья, а потому мало заботились объ улучшеніи ихъ быта, а предоставляли ихъ самимъ себѣ, оставивъ въ силѣ кагалъ, какъ административно-хозяйственный органъ евреевъ, на которомъ

*) Существовалъ еще заброшенный уголокъ на Жмуди, именно уѣздный городъ Россіены, гдѣ стремленіе къ европейскому образованію началось среди евреевъ также гораздо раньше сороковыхъ годовъ. Тамъ, правда, не было правильно-организованнихъ еврейскихъ школъ, но за то были превосходные частные учителя. Языки нѣмецкій и польскій изучались молодыми людьми не только мужскаго, но и женскаго пола. Умственное движеніе евреевъ сѣверозападнаго края во всякомъ случаѣ весьма много обязано городу Россіенамъ. Уроженцы этого города первые кончили курсъ въ высшихъ заведеніяхъ и притомъ въ весьма значительномъ колитествѣ. Откуда къ нимъ заброшено было зерно образованія — намъ неизвѣстно. Объ этоиъ болѣе точныя свѣдѣнія могъ бы сообщитъ д.ръ Е. М. Соловейчикъ, бывшій редакторъ «Сіона», также уроженецъ Россіенъ. *Изд.*

лежала одна изъ труднѣйшихъ обязанностей — отвѣчать предъ правительствомъ въ точномъ отправленіи евреями податей и повинностей. Эта строгая отвѣтственность кагала предъ правительствомъ и круговая порука еврейскихъ обществъ предъ кагаломъ, сплотили еврейскія общины въ такія замкнутыя корпораціи, въ которыхъ трудно было отличить, кто съ кѣмъ ведетъ борьбу—кагалъ ли съ народомъ, или народъ съ правительствомъ. Но надобно отдать справедливость мнѣнію одного изъ лучшихъ авторитетовъ науки г. Франкеля, который утверждаетъ, что въ борьбѣ съ другими корпораціями кагальное устройство евреевъ оказало спасительное вліяніе для послѣднихъ. Дѣйствительно, если безпристрастно обсудить дѣйствія кагала, то должны будемъ сознаться, что мѣры его относительно охраненія матеріальныхъ интересовъ евреевъ, были ли онѣ ошибочны или нѣтъ, во всякомъ случаѣ доказываютъ заботливость кагала о дѣйствительныхъ нуждахъ евреевъ. Въ еврейскомъ кодексѣ встрѣчаются нѣкоторыя относящіяся къ тому времени мѣры, которыя могутъ свидѣтельствовать, что еврейскія общины прилагали строгость кагальныхъ постановленій къ самимъ евреямъ. Это видно изъ постановленій, касающихся поселенія въ новой общинѣ, въ которыхъ высказываются мотивы, заслуживающіе вниманія: въ виду недостатка въ средствахъ къ существованію и тяжелыхъ государственныхъ обязанностей, лежащихъ на общинахъ, поселеніе новыхъ членовъ изъ евреевъ допускается съ рѣдкими исключеніями. Такимъ образомъ кагальное устройство — первоначальное созданіе магдебургскаго права и затѣмъ признанное русскимъ правительствомъ въ видахъ обезпеченія фискальныхъ своихъ интересовъ — сохранилось до начала сороковыхъ годовъ, къ которому времени относятся и первоначальныя мѣры правительства къ образованію евреевъ. Это кагальное устройство сохранило вмѣстѣ съ тѣмъ приверженность къ старинѣ, устарѣлыя понятія о вѣрѣ и народности, а къ этому присоединалась еще народная бѣдность и предразсудки извнѣ. Разумѣется, что необходимы были сильныя, энергическія мѣры для того, чтобы вызвать къ жизни прозябавшую массу евреевъ. Но вмѣсто этого, правительство рѣшилось привлечь евреевъ къ общему образованію, предполагая, что одно открытіе доступа евреямъ въ общія заведенія уже достаточно для того, чтобы вырвать ихъ изъ удушливой атмосферы, въ которой они задыхались. Изъ положенія 1804 года о евреяхъ видно, что правительство само не придавало серьезнаго значенія сказанной мѣрѣ, потому что оно смотрѣло на нее какъ на опытъ, который, въ случаѣ неудачи, долженъ повести правительство къ необходимости «установить на счетъ ихъ (евреевъ) особенныя школы, опредѣливъ на сіе по

усмотрѣнію правительства нужную подать» *). Мало знакомое съ бытомъ евреевъ, правительство шло въ этомъ дѣлѣ ощупью и дѣйствовало на угадъ. Тѣмъ не менѣе, однако, еслибы правительство строго и послѣдовательно провело свои мѣры относительно общаго образованія евреевъ, оно, по крайней мѣрѣ, могло бы привлечь въ общія учебныя заведенія то незначительное меньшинство, которое уже стояло тогда выше общаго уровня, а это меньшинство могло бы мало по малу благотворно дѣйствовать на среду своихъ единоверцевъ. Но къ сожалѣнію, когда это меньшинство рѣшилось на самомъ дѣлѣ воспользоваться предоставленными ему правами, то оно очень скоро убѣдилось въ томъ, что законы оставались для нихъ одною только мертвою буквою. Какъ извѣстно, положеніе 1804 года открываетъ евреямъ совершенно свободный доступъ въ общія заведенія русской имперіи. Правила объ образованіи евреевъ, выраженныя въ этомъ положеніи, проникнуты духомъ гуманности и высокой вѣротерпимости. Въ этихъ правилахъ говорится, что «никто изъ дѣтей еврейскихъ, бывъ въ училищѣ во время его воспитанія, не долженъ быть ни подъ *какимъ видомъ* отвлекаемъ отъ своей религіи», и что «тѣ изъ евреевъ, кои способностями своими достигнутъ въ университетахъ извѣстныхъ степеней отличія въ медицинѣ, хирургіи, физикѣ, математикѣ *и другихъ знаніяхъ*, будутъ въ оныхъ признаваемы и производимы въ университетскія степени наравнѣ съ прочими россійскими подданными» **). Указомъ же 10 ноября 1811 года студентамъ предоставлено было право исключенія изъ подушнаго оклада по окончаніи полнаго курса наукъ въ одномъ изъ университетовъ. Къ чести евреевъ надобно сказать, что, не смотря на то, что въ то время едва ли можно было разсчитывать на осуществленіе закона на практикѣ, они стали посѣщать общія заведенія. Въ 1819 году правленіемъ виленскаго университета сдѣлано было представленіе объ исключеніи изъ подушнаго оклада оканчивающихъ въ немъ курсъ наукъ студентовъ-евреевъ, и въ предложеніи на имя этого правленія, въ которомъ признается за евреями право на исключеніе изъ оклада только по окончаніи полнаго курса наукъ, насъ поражаетъ, между прочимъ, одно мѣсто, прямо противорѣчащее началу вѣротерпимости, высказанному въ положеніи 1804 года. Предложеніе начинается слѣдующимъ образомъ: «На представленіе университетскаго правленія, касательно обучающихся въ

*) Дополн. къ Сборнику постановленій по министерству народнаго просвѣщенія 1803—1864. С.-Петербургъ, 1867 г. стр. 29.
**) Тамъ же, стр. 28.

виленскомъ университетѣ студентовъ изъ евреевъ, состоящихъ въ подушномъ окладѣ, отвѣтствую, что желающимъ изъ нихъ *нынѣ же принять христіанство* ничто не препятствуетъ привести въ дѣйство таковое благое и душеспасительное намѣреніе ихъ.» *) Эти слова приводятъ насъ къ одному изъ двухъ заключеній: или что студенты-евреи для того, чтобы можно было имъ безъ затрудненій воспользоваться указомъ 10 ноября 1811 года, сами предложили принять христіанство, о чемъ умалчиваетъ, однако, извлеченіе изъ дѣла департамента народнаго просвѣщенія за № 7879; или же, что этимъ студентамъ предложено было принять христіанство на тотъ случай, если они желаютъ воспользоваться правомъ исключенія изъ оклада. Въ обоихъ случаяхъ ясно сказывается то, что правительство далеко было отъ мысли уровнить евреевъ, получившихъ университетское образованіе, съ другими подданными, по крайней мѣрѣ по отношенію исключенія изъ оклада. Какимъ же образомъ возможно было думать о томъ, чтобы евреи пріохотились къ общему образованію, когда, по окончаніи полнаго курса наукъ въ университетѣ съ ученою степенью, они должны отправлять всѣ повинности наравнѣ съ евреями, не получившими никакого образованія, и могутъ достигать предоставленнаго другимъ студентамъ права только по принятіи христіанства? Едва ли подобныя мѣры можно считать поощреніемъ къ образованію евреевъ. Но еще раньше этого, въ 1816 году, студентъ изъ евреевъ Симонъ Левинъ Вульфъ, окончивъ въ Дерптскомъ университетѣ полный курсъ ученія, просилъ о допущеніи его къ испытанію на степень доктора юриспруденціи. Юридическій факультетъ далъ мнѣніе, по которому «еврей, доколѣ остается при своемъ исповѣданіи, не можетъ быть допущенъ къ полученію степеней университетскихъ по части юриспруденціи». Совѣтъ университета испрашивалъ на это разрѣшенія министерства, которое, «признавая съ своей стороны основательнымъ причины, изложенныя по сему предмету въ донесеніи юридическаго факультета», испрашивало на это разрѣшеніе комитета гг. министровъ. Комитетъ министровъ, «по выслушаніи прилагаемой при семъ записки министра народнаго просвѣщенія о томъ, чтобы евреи не были допускаемы къ полученію университетскихъ степеней по части юриспруденціи, призвавъ основательнымъ разсужденіе юридическаго факультета университета Дерптскаго, положилъ: оное утвердить» **). На-

*) Сборникъ распоряженій по министерству народнаго просвѣщ., томъ первый 1802—1834. С.-Петербургъ, 1866 г., стр. 396.
**) Сборникъ постановленій по М. Н. П. т. I, 1802—1825. С.-Петербургъ, 1864, стр. 802—803.

сколько подобное утвержденіе согласно съ приведеннымъ выше мѣстомъ изъ положенія 1804 года, по которому евреи наравнѣ съ другими подданными имперіи допускаются къ испытанію на ученыя степени по физикѣ, математикѣ, хирургіи и *другихъ знаній*, предоставляемъ судить читателю. Во всякомъ случаѣ видно, что соображенія юридическаго факультета, которыя могли быть основательными съ извѣстной точки зрѣнія, не только не коренились въ законѣ объ образованіи евреевъ, который имѣлъ въ виду улучшеніе ихъ быта, но прямо ему противорѣчили. Въ 1836 году опять вольнопрактикующій лекарь изъ евреевъ, Іосифъ Бертензонъ, обращался въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ просьбою объ опредѣленіи его на службу по медицинской части. На основаніи § 3 Высочайше утвержденнаго 14 апрѣля 1835 г. положенія о евреяхъ, министръ внутреннихъ дѣлъ входилъ о семъ съ представленіемъ въ комитетъ министровъ и на положеніе комитета о порядкѣ пріема на службу евреевъ, получившихъ ученыя степени по части медицинской, послѣдовало собственноручное Его Императорскаго Величества повелѣніе: «*не иначе, какъ въ однѣхъ западныхъ губерніяхъ*». *) Даже въ 1840 году, когда существовалъ уже положителоный законъ о выдачѣ евреямъ, по удостоеніи ихъ ученыхъ степеней, дипломовъ и представленія ихъ, если принадлежатъ къ податному состоянію, къ исключенію изъ подушнаго оклада (статьи 191 и 192 V т. св. закон. уст. о подат., 79, 80 и 85 пункты приложенія къ 833 ст. IX т. св. зак. о состояніяхъ людей въ государствѣ), чрезъ министра народнаго просвѣщенія восходилъ до Правительствующаго Сената на разсмотрѣніе возбужденный правленіемъ Дерптскаго университета вопросъ—«слѣдуетъ ли евреямъ, по удостоеніи ихъ ученыхъ степеней, выдавать имъ въ томъ дипломы и могутъ ли евреи податнаго состоянія быть представляемы въ такомъ случаѣ къ исключенію изъ подушнаго оклада», а исправляющій должность Новороссійскаго генералъ-губернатора представлялъ объ исключеніи изъ купеческаго званія доктора медицины и акушера изъ евреевъ Артюра Рафаловича **). Собственно говоря, вопросъ, возбужденный правленіемъ дерптскаго университета, въ виду явнаго закона, равносиленъ другому: слѣдуетъ ли примѣнять къ евреямъ существующіе о нихъ законы? Слѣдуетъ прибавить, что Правительствующій Сенатъ указалъ на положительный законъ, разрѣшающій сомнѣніе дерптскаго университета. Изъ

*) Сборн. Постан., т. II 1825—1855. Отд. пер. 1825 — 1849. С.-Петербургъ, 1864 г., стр. 935—936. 1195

**) Тамъ же. Отд. второй 1840—1855. С.-Петербургъ, 1864 г.

приведенныхъ нами примѣровъ читателю возможно будетъ составить ясное понятіе о томъ, съ какими трудностями соединено было для евреевъ полученіе общаго образованія и какіе оно дало имъ результаты на практикѣ, когда съ одной стороны еврейская среда относилась съ предубѣжденіемъ къ образованнымъ своимъ единовѣрцамъ, а въ высшемъ слоѣ христіанскаго общества — въ факультетахъ, правленіяхъ и совѣтахъ университетовъ — они встрѣчались съ грубыми предразсудками, которые до того были вкоренены съ кровью матери, что сомнѣвались въ возможности примѣненія къ евреямъ существующихъ для нихъ же законовъ, если эти послѣдніе проникнуты были духомъ терпимости.

Охарактеризовавъ въ существенныхъ чертахъ положеніе евреевъ до начала сороковыхъ годовъ и неудачныя попытки правительства къ улучшенію быта евреевъ, мы перейдемъ къ періоду учрежденія въ Россіи еврейскихъ училищъ, которыя сразу подняли умственный уровень евреевъ. Но этому періоду мы, для большей ясности и полноты, считаемъ необходимымъ предпослать краткій очеркъ умственнаго состоянія евреевъ того времени въ Россіи.

Евреи всегда чувствуютъ потребность въ умственной пищѣ, которой они удовлетворяютъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Тѣснимые сверху, преслѣдуемые снизу, въ особенности со стороны польскаго чиновничества, евреи западныхъ губерній находили единственное утѣшеніе въ изученіи источниковъ своей вѣры. При этомъ евреи сѣверо-западныхъ губерній приняли въ этомъ отношеніи направленіе совершенно противоположное тому, какое приняли евреи юго-западной Россіи. Первые сдѣлались строгими послѣдователями буквы талмуда, оберегателями религіозной догмы и правовѣрнаго юдейства, а вторые начали въ концѣ XVIII вѣка развивать новое ученіе, которое шло противъ строгой обрядности. И тѣ, и другіе, разобщенные съ остальнымъ міромъ, видѣли въ своихъ стремленіяхъ необходимость въ удовлетвореніи своимъ духовнымъ потребностямъ тѣмъ или другимъ путемъ. Между этими двумя партіями, которыя стремились къ обновленію своей духовной жизни на почвѣ національной, стояла еще третья, самая малочисленная, которая жаждала европейскаго образованія. Разумѣется, что въ такую пору, въ которую евреи составляли замкнутую, предоставленную самой себѣ корпорацію, образованіе считалось запретнымъ плодомъ, который надо было вкушать осторожно и тайно. Тѣ евреи, къ которымъ случайно заронился лучъ свободы и просвѣщенія, открывавшій имъ путь къ новой жизни, вынуждены были изучать языки и всѣ предметы европейскаго образованія на чердакахъ, въ погребахъ, въ отхожихъ мѣстахъ, гдѣ они болѣе или

менѣе считали себя безопасными: эти люди были истинными мучениками своего времени, они составляли своего рода массонства, о которыхъ не знали ни евреи, ни остальное человѣчество; они сходились какъ заговорщики, постоянно мечтавшіе о томъ, какъ бы найти бы найти гдѣ нибудь опору своимъ стремленіямъ, средства къ тому, чтобы можно было открыть глаза своимъ единовѣрцамъ и указать имъ на новый источникъ жизни, къ которому они случайно подошли и изъ котораго тайно черпали свѣжія силы; они сочувствовали всему новому, были между ними и такіе, которые знали объ умственномъ возрожденіи заграничныхъ евреевъ и о движеніи времени—и все это должно было прятаться въ закоулки и глохнуть. Люди этой партіи должны были играть двусмысленную роль, притворяться, потворствовать своимъ невѣжественнымъ единовѣрцамъ, лишь бы имѣть возможность вербовать новыхъ людей, увеличивать своей кругъ и купно дѣйствовать противъ невѣжества. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовались, такъ называемые, «друзья новаго просвѣщенія», — цѣлыя общества новыхъ людей, имѣвшія своихъ членовъ въ разныхъ городахъ, которые дѣйствовали до того осмотрительно, до того были преданы своему дѣлу, что ихъ собственные единовѣрцы, въ средѣ которыхъ они образовали особое государство, не открывали ихъ, а тѣ члены этого общества, которые попадались въ руки своимъ родителямъ, случайно нашедшимъ у нихъ книжку не стараго покроя, должны были отставать, не выдавая, однако, своихъ друзей. Такихъ господъ родители обыкновенно женили и наложили на нихъ ярмо семейной жизни, изъ-подъ котораго не такъ легко было высвободиться. Но эти отпавшіе члены, которымъ общество соболѣзновало, честно хранили тайну: они очень хорошо знали, что съ открытіемъ ея, все должно будетъ погибнуть, между тѣмъ какъ въ этихъ обществахъ молодыхъ людей лежалъ зародышъ будущаго возрожденія русскихъ евреевъ. Во главѣ одного изъ такихъ обществъ, развѣтвлявшагося во многихъ городахъ юго-западнаго края стоялъ одинъ иностранный еврей, докторъ Роттенбергъ, который настойчиво и энергично преслѣдовалъ свою цѣль, создавъ цѣлый кружокъ молодыхъ людей, изъ среды которыхъ вышли впослѣдствіи люди, призванные правительствомъ въ учители еврейскихъ школъ. Этотъ же Роттенбергъ, еще и теперь не перестающій работать на поприщѣ русскаго образованія, въ это далекое время мрака и невѣжества безвозмездно преподавалъ молодымъ людямъ разные предметы, поощрялъ многихъ молодыхъ людей къ образованію и давалъ имъ возможность сдѣлатьси полезными своему народу. Этому же полезному труженику на поприщѣ образованія русскихъ евреевъ, мы главнымъ образомъ обязаны тѣмъ, что докторъ Лиліенталь,

охладѣвшій сначала къ дѣлу преобразованія русскихъ евреевъ, взялся снова за осуществленіе своего плана, указавъ министерству на сдѣлавшееся ему извѣстнымъ движеніе, происходящее внутри евреевъ и согласное съ духомъ и направленіемъ самого правительства. Но объ этомъ будемъ говорить послѣ; мы только хотѣли указать, что не смотря на всѣ неблагопріятныя для евреевъ условія того времени, среди всеобщей ненависти и герметическаго закрытія всѣхъ дверей къ выходу, между евреями находились люди съ возвышенными стремленіями, которые дѣлали свое дѣло втихомолку, надѣясь на успѣхъ, если не въ настоящемъ, то въ будущемъ. Русское общество, которое еще теперь мало интересуется внутреннею жизнію евреевъ, конечно, ничего не знало о томъ, что происходило тогда между евреями, и относилось къ нимъ враждебно, чѣмъ и объясняется тотъ замѣчательный фактъ, что лучшіе русскіе евреи тогдашняго времени воспитывались въ нѣмецкомъ духѣ, знакомились съ нѣмецкою литературою и нѣмецкою наукою; все-же русское было имъ какъ-будто чуждо: въ практической жизни они имѣли постоянно дѣло съ поляками, къ правительству они не стояли въ непосредственныхъ отношеніяхъ; въ отправленіи податей и повинностей ихъ заступалъ кагалъ. Русская литература глумилась надъ ними, само русское общество было гдѣ-то далеко отъ евреевъ, а потому неудивительно, что евреи должны были пристраститься къ нѣмецкому просвѣщенію. Такимъ образомъ въ началѣ сороковыхъ годовъ большая часть евреевъ жила исключительною народною жизнію, а незначительное меньшинство рвалось всею мощью на новый путь свободы и просвѣщенія, и въ такомъ положеніи застали русскихъ евреевъ первыя серьезныя мѣры къ улучшенію ихъ быта, предпринятыя подъ вліяніемъ русскаго человѣка, о которомъ евреи всегда сохранятъ доброе вспоминаніе, какъ о честномъ дѣятелѣ, посмотрѣвшемъ на дѣло практически-вѣрно и искренне стремившемся сдѣлать евреевъ полезными гражданами. Гуманность и серьезный взглядъ на дѣло образованія русскихъ евреевъ министра Уварова заграничные евреи давно уже оцѣнили, и мы постараемся познакомить читателей съ этою свѣтлою личностью, изъ дѣятельности которой возможно будетъ убѣдиться въ томъ, что создавать гораздо труднѣе, чѣмъ разрушать, и что для достиженія дѣйствительныхъ цѣлей недостаточно одного только созданія законовъ, но необходимо еще энергически настаивать, чтобы ихъ исполняли.

Мы не знаемъ, будемъ-ли мы имѣть полную возможность воспроизвести многознаменательную эпоху умственнаго возрожденія русскихъ евреевъ, къ которой относятся первоначальныя мѣры правительства по дѣлу объ учрежденіи еврейскихъ школъ: для

этого намъ не достаетъ еще нѣкоторыхъ оффиціальныхъ матеріаловъ. При всемъ томъ мы надѣемся, однако передать по возможности вполнѣ тѣ данныя, касающіяся этого періода, которыя находятся въ нашихъ рукахъ и собираніе которыхъ намъ стоило неимовѣрныхъ усилій. Сверхъ обнародованныхъ матеріаловъ, помѣщенныхъ отчасти въ «Сборникѣ постановленій и распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія», отчасти же въ заграничныхъ органахъ печати, живо интересовавшихся учрежденіемъ школъ для русскихъ евреевъ, мы пользовались также записками и письмами доктора Лиліенталя отчасти напечатанными уже въ нѣкоторыхъ иностранныхъ изданіяхъ, отчасти-же неизданными, а доставленными намъ въ подлинникахъ друзьями Лиліенталя, съ которымъ онъ состоялъ въ перепискѣ по интересующему насъ предмету. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи мы преимущественно обязаны доктору Ротенбергу, къ которому обратились какъ къ человѣку, который доставлялъ Лиліенталю всѣ необходимыя статистическія свѣдѣнія, вошедшія цѣликомъ въ отчетахъ послѣдняго министру народнаго просвѣщенія. Доставленіе другихъ матеріаловъ, какъ оффиціальныхъ, такъ и помѣщенныхъ въ иностранныхъ изданіяхъ, мы обязаны смотрителю одесскихъ еврейскихъ училищъ г. Гуровичу, который открылъ намъ свою училищную, богатую хорошими и рѣдкими произведеніями, библіотеку. Кромѣ того многое позаимствовано нами у лицъ, близко знавшихъ Лиліенталя и переписывавшихся съ нимъ по предмету образованія русскихъ евреевъ, каковы напр. гг. Левенсонъ, (медикъ въ Одессѣ) и Ратгаузъ (А. М.), о которомъ Лиліенталь часто упоминаетъ въ своихъ письмахъ къ г. Ротенбергу. Изъ всѣхъ этихъ матеріаловъ и свѣдѣній постараемся составить планъ дѣйствій правительства относительно образованія евреевъ и отношеніе къ этому дѣлу образованныхъ и необразованныхъ евреевъ.

По мнѣнію доктора Лиліенталя, стоявшаго въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ министру Уварову и ежедневно работавшаго въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, мысль объ улучшеніи быта евреевъ посредствомъ образованія въ новомъ духѣ принадлежитъ самому государю, а добрасовѣстное, энергичное и разумное исполненіе—министру Уварову. Какъ видно само правительство пришло къ убѣжденію, что способъ образованія евреевъ, указанный въ положеніи 1804 г., оказался безъ всякихъ практическихъ послѣдствій, что необходимо, поэтому, обратиться къ другой, указанной тамъ-же системѣ образованія евреевъ въ особо учрежденныхъ для нихъ школахъ. Государь поручилъ подлежащимъ министерствамъ ознакомиться

съ настоящемъ положеніемъ евреевъ и, по зрѣломъ обсужденіи, представить ему свои предположенія о мѣрахъ къ улучшенію быта евреевъ. Первою мѣрою министерствъ было учрежденіе особыхъ комитетовъ при каждомъ генералъ-губернаторствѣ тѣхъ губерній, въ которыхъ евреямъ жить дозволялось. Такихъ комитетовъ учреждено было 6—въ Остезейскомъ краѣ, въ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, въ Новороссійскомъ краѣ, въ Малороссіи и Бѣлоруссіи. Составъ комитетовъ образовался изъ чиновниковъ и нѣкоторыхъ прикомандированныхъ къ нимъ евреевъ. Цѣль ихъ главнымъ образомъ состояла въ изысканіи мѣръ къ учрежденію должностныхъ губернскихъ равиновъ, но при этомъ имъ поручено было также высказать свое мнѣніе о современномъ положеніи евреевъ и представить свои соображенія о мѣрахъ, необходимыхъ къ его улучшенію. Комитеты должны были окончить къ январю 1841 г. свои работы, которыя послужили основаніемъ для дальнѣйшихъ дѣйствій правительства по тому же предмету. Вслѣдъ за полученіемъ всѣхъ работъ мѣстныхъ комитетовъ, былъ приглашенъ въ министерство народнаго просвѣщенія директоръ рижскаго училища докторъ Лиліенталь, который имѣлъ совѣщаніе съ министромъ Уваровымъ. Лиліенталь говоритъ, что министръ съ искреннимъ прискорбіемъ рисовалъ ему бѣдственное и унизительное положеніе русскихъ евреевъ и въ каждой мысли обнаруживалъ глубокое знаніе и изученіе характера этой націи; что министръ въ увлекательной рѣчи отдавалъ честь великой мысли своего монарха и съ свойственнымъ ему жаромъ говорилъ о благотворныхъ послѣдствіяхъ ея осуществленія, что искреннею радостію сверкало лицо его, когда онъ раскрывалъ предъ нимъ планъ преобразованія быта евреевъ посредствомъ учрежденія еврейскихъ школъ. На Лиліенталя возложено было вступить въ переписку съ знаменитѣйшими германскими учеными евреями съ цѣлію опредѣлить, сколько иностранныхъ евреевъ можно будетъ привлечь въ качествѣ учителей имѣющихъ учредиться школъ, и кромѣ того приступить къ предварительнымъ трудамъ по выроботкѣ проектовъ, плановъ и предположеній подъ личнымъ руководствомъ министра *). Германскіе евреи къ этнузіамомъ встрѣтили мѣру русскаго правительства объ учрежденіи школъ: многія еврейскія общины присылали на имя русскаго государя восторженные адресы, въ которыхъ они съ благоговѣніемъ выражали свое сочувствіе великой его мысли; извѣстные еврейскіе ученые и литераторы,

*) См. «Zeitung des Judenthums» 1842 г. № 41.

каковы: Іостъ, Гейгеръ, Филипссонъ, Леви, Мангеймеръ, Ауэрбахъ и другіе спѣшили выразить министру Уварову свою глубокую признательность за его высокія стремленія къ устроенію быта евреевъ. Во всеподданѣйшемъ докладѣ министра говорится по этому поводу слѣдующее: «Вообще едва можно себѣ представить восторгъ иностранныхъ ученыхъ евреевъ и впечатлѣніе, произведенное на нихъ величественною мыслію преобразованія въ Россіи евреевъ путемъ просвѣщенія. Позвольте, Всемилостивѣйшій государь, помѣстить здѣсь нѣкоторыя выписки изъ сообщенныхъ мнѣ по сему предмету писемъ». Затѣмъ приводятся выписки изъ писемъ доктора Ауэрбаха (берлинскаго проповѣдника), доктора Филиппсона (редактора «Zeit. des Iudenthums») и баварскаго ученаго доктора Леви. «Воля Великаго Государя, пишетъ Ауэрбахъ, преобразовать нашихъ единоверцевъ мѣрами столь рѣшительными и несомнѣнными является намъ всѣмъ, какъ посланіе Божіе, неожиданное, благодѣтельное. Исполненіе сего высокаго намѣренія положитъ начало новой эрѣ исторіи Израиля; и самая надежда на пожалованіе впослѣдствіи правъ гражданскихъ нашимъ одноплеменникамъ ничего не значитъ въ сравненіи съ нравственнымъ благодѣяніемъ, которое изливаетъ на нихъ учрежденіе училищъ. Какія бы ни были причины бѣдственнаго состоянія евреевъ въ Россіи, самое величайшее для нихъ несчастіе состоитъ въ грубомъ невѣжествѣ, въ отчужденіи отъ европейскаго образованія. И такъ, не есть-ли мысль выспренняя, божественная, достойная Великаго Монарха, совершить, такъ сказать, однимъ ударомъ нравственное преобразованіе народа, погрязавшаго многія столѣтія въ самомъ унизительномъ состояніи и замѣнить въ радость и надежду глубокое бѣдствіе милліона людей. Въ совершеніи воли Великаго Государя я вижу исполненіе мессіаническихъ обѣщаній: познанія покроютъ земли, какъ вода морскія бездны. Училища произведутъ лучшія дѣйствія, нежели всякія другія распоряженія, упрочивъ духовное перерожденіе на началахъ нравственности, безъ которыхъ, въ самомъ свободномъ гражданскомъ быту, не можетъ созрѣвать просвѣщенный образъ мыслей.» Филипсонъ писалъ: «Какая царская мысль, какая величественная мѣра, единственная и въ преданіяхъ нашей вѣры и въ исторіи народовъ! Она, конечно, встрѣтитъ нѣкоторыя затрудненіи, но зато доставитъ Великому Монарху милліонъ вѣрныхъ и разсудительныхъ подданныхъ. Исторія германскихъ евреевъ показываетъ, сколь быстры бываютъ ихъ успѣхи, если они взойдутъ одинъ разъ на поприще образованія; чего же не ожидать отъ нихъ, если путь къ тому будетъ указанъ десницею Царя и безпримѣрнымъ его снисхожденіемъ!» Докторъ

Леви писалъ: «Да благословитъ Богъ предпріятіе, которое прославитъ, если возможно, еще болѣе имя Могущественнаго Монарха въ исторіи человѣчества и сдѣлаетъ его предметомъ благодарнаго уваженія всего Израиля. Взоры всѣхъ просвѣщенныхъ евреевъ издавна обращены къ сѣверу, и мы принимаемъ съ удивленіемъ и благоговѣніемъ все, что съ нѣкотораго времени дѣлаетси въ Россіи къ спасенію Израиля *).» Это всеобщее воодушевленіе иностранныхъ евреевъ доказываетъ, что они поняли высокую задачу еврейскихъ училищъ. Русское правительство, какъ видно изъ всеподданнѣйшаго доклада Уварова, думало сначала пригласить въ учителя новыхъ школъ иностранцевъ, которые были уже отрекомендованы частнымъ образомъ въ числѣ 200 человѣкъ и о благонадежности которыхъ правительство наше даже собирало оффиціальныя свѣдѣнія. Но почему правительство послѣ отказалось отъ этой мысли, потому-ли, что оно впослѣдствіи убѣдилось, что и въ средѣ русскихъ евреевъ есть люди съ достаточнымъ образованіемъ для занятія учительскихъ должностей, потому-ли, что оно считало онѣмеченіе евреевъ противнымъ образованію ихъ въ русскомъ духѣ, потому-ли, наконецъ, что Лиліенталь впослѣдствіи оставилъ Россію—мы до сихъ поръ не знаемъ. Вѣроятнѣе намъ кажется первая причина, потому что правительство, при первоначальныхъ своихъ намѣреніяхъ, такъ же мало знало евреевъ, какъ и русское общество, и вовсе не подозрѣвало о существованіи между евреями цѣлой партіи людей, познакомившихся съ общечеловѣческимъ образованіемъ, и лишь впослѣдствіи, поручивъ Лиліенталю, во время его поѣздкѣ, освѣдомиться о евреяхъ, отличающихся знаніемъ въ наукахъ, и получивъ его сообщенія объ этомъ, оно, вѣроятно, убѣдилось, что незачѣмъ тратить особыя деньги (отъ 15,000 до 20,000 р. **) *на путевыя издержки и пособія заграничнымъ учителямъ*. Первая попытка къ учрежденію еврейскаго училища, еще до приведенія въ дѣйствія общихъ мѣръ, начинается съ ходатайства почетнаго гражданина Ниссена Розенталя, вслѣдствіе котораго Лиліенталю было поручено отправиться для этой цѣли вмѣстѣ съ Розенталемъ въ Вильно для основанія тамъ еврейскаго училища. Вмѣстѣ съ этимъ возложено было на Лиліенталя изу-

---

*) Дополненіе къ сборнику постановленій по министерству народнаго просвѣщенія 1803—1864 г. С.-Петербургъ, 1867 г. О преобразованіи евреевъ и о мнѣніи по сему предмету за границею-изъ дѣла департам. народ. просв. за № 80037 а. стр. 698, 699, 670.

**) Тамъ-же, стр. 698.

чить направленіе и образъ мыслей виленскаго еврейскаго общества и сообразно съ этимъ обсудить — въ какомъ духѣ и на какія средства слѣдуетъ учреждать еврейскія училища, можно-ли будетъ послѣ того оставить въ томъ-же видѣ выработанныя по этому предмету предположенія, или же нужно будетъ ихъ подвергать измѣненіямъ, принаравливаясь къ даннымъ потребностямъ еврейскихъ обществъ. Получивъ предписаніе директора департамента народнаго просвѣщенія Ширинскаго-Шахматова, Лиліенталь отправился въ Вильно. Здѣсь онъ впервые встрѣтился съ людьми, о которыхъ онъ зналъ только по наслышкѣ. За исключеніемъ нѣсколькихъ семействъ, воспитанныхъ въ духѣ мендельсонской школы и прозванныхъ потому «берлинцами», всѣ прочіе евреи своимъ внѣшнимъ видомъ и образомъ мыслей поразили Лиліенталя. Тутъ то онъ убѣдился, что ему придется не мало бороться съ этою массою, пока ему удастся убѣдить ее въ благонамѣренныхъ видахъ правительства. Лиліенталь отзывается о виленскихъ евреяхъ того времени въ слѣдующихъ выроженіяхъ: «Большіе знатоки талмуда и раввинической литературы, они все таки вполнѣ невѣжественны во всѣхъ прочихъ наукахъ и свѣтскихъ предметахъ знанія, исполнены предразсудковъ и суевѣрія и погружены въ пучину дикаго, непонятнаго и почти невѣроятнаго хасидизма». Сто выборныхъ еврейскаго общества собралось вмѣстѣ, чтобы выслушать предположенія правительства о новыхъ преобразованіяхъ. Когда онъ вошедъ въ залъ засѣданія, Лиліенталь почувствовалъ себя одинокимъ среди всѣхъ этихъ странныхъ фигуръ; онъ былъ, говоря его собственнымъ языкомъ, единственный «Deitschel» *) между исключительно польскими евреями. Предсѣдатель собранія, богатый человѣкъ, но весьма неблаговидной наружности, великій талмудистъ, но безъ всякаго образованія, имѣвшій огромное вліяніе на массу, какъ своимъ богатствомъ, такъ и своимъ ортодоксальнымъ направленіемъ, привѣтствовалъ Лиліенталя именемъ всего общества. Лиліенталь передалъ собранію въ краткихъ словахъ намѣреніе правительства къ улучшенію быта евреевъ посредствомъ образованія. «Министръ Уваровъ, другъ евреевъ», сказалъ Лиліенталь, «поручилъ мнѣ сказать вамъ, чтобы вы не выпустили изъ рукъ настоящаго случая, какъ во время покойнаго государя Александра, когда призванные въ столицу еврейскіе депутаты отпущены были съ величайшею немилостью. Это желаніе министра, чтобы евреи учреждали училища сообразно съ духомъ и потребностями времени, прежде чѣмъ правительство вынуждено будетъ заставить ихъ это сдѣлать». При этомъ Лиліенталь высказалъ надежду, что виленское общество, оказывающее такое громадное вліяніе на всѣ еврейскія общества Россіи, покажетъ имъ первый примѣръ и такимъ образомъ сдѣлается благодѣтелемъ своего племени. Молодое поколѣніе, проникнутое прогрессивнымъ направленіемъ, хорошо знавшее еврейскій, русскій польскій, нѣмецкій и даже французскій языки, втихомолку торжествовало при открытомъ и смѣломъ заявленіи Лиліенталя. Старики-же сидѣли погруженные въ глубокую думу: опершись на свои палки съ серебрянными набалдашниками, поглаживая свои длинныя бороды, они видимо поражены были новымъ извѣстіемъ и не знали, какъ отнестись къ дѣлу; пока, наконецъ председатель поставилъ слѣдующій вопросъ: «Докторъ, знакомы-ли вы съ побужденіями нашего правительства? Обхожденіе со всѣми христіанами, за исключеніемъ греческихъ, явно показываетъ, что правительство имѣетъ въ виду установить одну только церковь въ государствѣ, одно только свое могущество, но не наше будущее благосостояніе; къ сожалѣнію, мы должны признать, что мы мало питаемъ довѣрія къ новымъ мѣропріятіямъ министра и съ какимъ-то мрачнымъ предчувствіемъ заглядываемъ въ будущее» *). Лиліенталь говорилъ собранію, что теперь не время сопротивляться правительству, что дѣло объ основаніи школъ находится въ рукахъ такого человѣка, который непремѣнно дастъ ему ходъ, и что всякое сопротивленіе можетъ только навлечь на евреевъ негодованіе правительства. Послѣ этого одинъ изъ членовъ собранія потребовалъ отъ Лиліенталя гарантіи въ томъ, что правительство не будетъ посягать на религію евреевъ. На это Лиліенталь отвѣтилъ слѣдующими словами: «Родившись въ Россіи, вы, конечно, лучше меня знаете, что мнѣ невозможно представить вамъ въ чемъ-либо гарантію отъ правительства. Воля Государя неограничена и стоитъ выше всего, онъ можетъ сегодня взять назадъ то, что вчера обѣщалъ, онъ каждый разъ мѣняетъ чиновниковъ и ихъ системы, — какъ же мнѣ, бѣдному чужестранцу, быть въ состояніи дать вамъ какую-либо гарантію. Я на это не уполномоченъ. Все, что я, какъ единовѣрецъ вашъ, могу вамъ обѣщать, это то, что я не сдѣлаю шага къ осуществленію правительственнаго плана до тѣхъ поръ, пока не буду имѣть полнѣйшаее ручательство въ томъ, что ничего не будетъ предпринимаемо противъ нашей свя-

*) Нѣмчикъ.

*) Лиліенталь: Meine Reisen in Russland. «Jüdisches Volksblatt» 1856 № 36.

щенной рилигіи, и пока мнѣ не дозволено будетъ оставлять свою службу во всякое время, какъ только убѣждусь въ противномъ, и что я не буду отказываться ни отъ какихъ оскорбленій со стороны моихъ собратьевъ въ томъ случаѣ, если я нарушу обѣтъ, данный мною въ эту священную минуту» *). Но этимъ дѣло еще не кончилось: одинъ изъ членовъ собранія возбудилъ еще другой вопросъ. Если правительство даже вполнѣ будетъ гарантировать намъ неприкосновенность религіи нашей, то гдѣ же ручательство въ томъ, что она не будетъ подорвана новыми идеями просвѣщенія, какъ это было за границей. Но и это недоразумѣніе разъяснено было Лиліенталемъ въ томъ смыслѣ, что требованія религіи могутъ быть приводимы въ согласіе съ требованіями образованія. Кромѣ того, Лиліенталю пришлось еще выдержать сильную борьбу съ упорною оппозиціею, появившейся совсѣмъ съ другой стороны, именно со стороны меламедовъ, которые смотрѣли на новыя мѣры, какъ на посягательство на ихъ матеріальное благосостояніе, на отнятіе у нихъ всякихъ средствъ къ существованію. Но не смотря на все это, Лиліенталь все таки успѣлъ, при содѣйствіи лучшихъ представителей общества — раввина Гордона, магида Вольфа, Розенталя, Каценелленбогена и Боруха Рындзунскаго, побудить виленское общество согласиться на образованіе ежегоднаго фонда въ 5100 р. для учрежденія училища. Рѣшеніе общества пошло на утвержденіе виленскаго генералъ-губернатора Мирковича, такъ какъ въ немъ указано было на суммы коробочнаго сбора, какъ на одинъ изъ источниковъ для основанія учебнаго заведенія. Но вслѣдствіе необходимости въ разъясненіи дѣла, утвержденіе генералъ-губернатора не могло такъ скоро послѣдовать, а между тѣмъ Лиліенталь былъ приглашенъ въ Минскъ еврейскими раввинами и кагаломъ для переговоровъ о томъ же предметѣ. По свидѣтельству Лиліенталя въ этомъ приглашеніи сказывается здравый смыслъ тѣхъ евреевъ, которые были убѣждены въ томъ, что правильное образованіе будетъ въ состояніи уничтожить вмѣстѣ съ позоромъ и презрѣніемъ, тяготѣвшими надъ евреями, и ихъ матеріальное бѣдствіе. Но въ Минскѣ Лиліенталь наткнулся на такую оппозиціонную партію, которую ничѣмъ нельзя было убѣдить. На всѣ основанія, указанныя Лиліенталемъ и незначительнымъ меньшинствомъ, воодушевлявшимся мыслію о просвѣщеніи въ новомъ духѣ, партія эта давала одинъ отвѣтъ. Она говорила: «До тѣхъ поръ, пока государство не представитъ евреямъ гражданскихъ правъ, образованіе было

*) Тамъ-же, стр. 142.

бы для нихъ однимъ только несчастіемъ. Будучи необразованъ и невѣжественъ, еврей не пренебрегаетъ унизительнымъ хлѣбомъ фактора и ростовщика, и, находя свое утѣшеніе и радость въ религіи, онъ и безчисленное семейство его, довѣряясь божественному промыслу, довольствуются скуднымъ своимъ достаткомъ; но будучи, при образованіи и просвѣщеніи въ новомъ духѣ, исключеннымъ отъ всякаго участія въ гражданско-политическихъ правахъ государства, еврей неминуемо, подъ вліяніемъ горькаго чувства неудовольствія, долженъ оставлять свою вѣру,—а между тѣмъ честный еврейскій отецъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ согласиться на приготовленіе своего сына къ такому поприщу *)». Три недѣли проведены были Лиліенталемъ въ Минскѣ въ самомъ мучительномъ положеніи; онъ сдѣлался предметомъ печальныхъ интригъ, тяжелыхъ оскорбленій и гнусной клеветы, — однимъ словомъ, всѣ средства пущены были въ ходъ, лишь бы унизить въ лицѣ Лиліенталя само дѣло, интересы котораго онъ пріѣхалъ защищать. Мало того, возвратившись въ Вильно, Лиліенталь увидѣлъ, что виленская оппозиціонная партія была наэлектризована мужественнымъ отпоромъ минскихъ его противниковъ. Все перевернулось вверхъ дномъ: общество отказалось отъ своего обѣщанія и употребляло всѣ средства для того, чтобы препятствовать осуществленію начертаннаго Лиліенталемъ плана. Прогрессивное меньшинство впало въ уныніе, видя что всѣ благородныя усилія, которыя имѣли право расчитывать на успѣхъ, должны погибнуть и, кажется, безвозвратно. Для того, чтобы показать до какой степени противоположны были чувства и убѣжденія этого меньшинства со взглядами и опасеніями стариковъ, мы должны привести прокламацію виленскихъ и брестскихъ (Грод. губ.) евреевъ, которою они хотѣли подготовить и воодушевить прочихъ своихъ единовѣрцевъ къ дѣлу образованія. Эта прокламація вмѣстѣ съ тѣмъ и докажетъ, что между русскими евреями уже въ то время существовала довольно сильная и смѣлая партія, которая ждала только поощренія свыше, чтобы взяться за трудное дѣло. Читателямъ уже извѣстно, что по вопросу о преобразованіи быта евреевъ предварительно учреждались комитеты при генералъ-губернаторѣ, въ которые приглашались еврейскіе депутаты. Виленскіе «друзья новаго просвѣщенія» разослали поэтому, на древнееврейскомъ языкѣ, ко всѣмъ еврейскимъ общинамъ циркуляры слѣдующаго содержанія: «Любезные собратья! Заботливый духъ, обнаруживаемый нашимъ правительствомъ въ учрежденіи комитетовъ съ цѣлію улучшенія нашего матеріальнаго и духовнаго

*) «Zeitung des Judenthums» 1842 г. № 41.

благосостоянія, пробудилъ въ насъ и въ сердцахъ всѣхъ разумныхъ людей ревность быть дѣятельными на благо нашихъ единовѣрцевъ, а желаніе содѣйствовать ихъ нравственному возрожденію воодушевляетъ также каждаго благомыслящаго человѣка, горячо любящаго своихъ единовѣрцевъ, благодарить за то Всевышняго и отъ души благословлять нашего высокаго монарха, который обратилъ свои отеческіе взоры, милостиво взирающіе на каждаго изъ его подданныхъ, и на бѣдственное положеніе евреевъ, и желаетъ споспѣшествовать ихъ благу учрежденіемъ школъ, долженствующихъ вести ихъ по пути мудрости и благоденствія. И такъ, наступило, наконецъ, время врачеванія тяжелыхъ и кровавыхъ ранъ, раздался, наконецъ, голосъ мира, который взываетъ и къ намъ, повелѣвая стряхнуть съ себя всякаго рода фанатизмъ и антирелигіозныя мечты и стрѣмиться къ ученію и усовершенствованію. Кто можетъ не восхищаться этимъ? Кто можетъ не согрѣваться лучами восходящаго солнца? Кто, занимавшійся до сихъ поръ втайнѣ наукою, можетъ не выступать открыто и, опираясь на милость нашего монарха, не стараться отстаивать ея достоинство и права? Кто, умѣющій только вести перомъ и *прямо стоять въ храмѣ мудрости*, кто, всей душою своею преданный своему Богу, своему царю и своему народу, кому святъ законъ и дорого благо своихъ единовѣрцевъ,—кто изъ этихъ людей, спрашиваемъ мы, въ состояніи будетъ молча взирать на совершающееся дѣло, не принимая въ немъ дѣятельнаго участія? Эти священныя чувства, возбуждающія каждое сердце къ дѣятельности, оживили и насъ, членовъ виленскаго общества, и, какъ только обнародована была инструкція, мысль о томъ, что это единственный путь, по которому русскіе евреи должны достигнуть высшаго развитія, вызвала въ насъ глубочайшую радость. Сознавая всю важность настоящей минуты, мы собираемся для совѣщаній и, простирая мольбы наши къ Богу за благо нашего царя Николая I, его министра и всего нашего отечества, заклинаясь любовію къ нашей вѣрѣ и священнымъ именемъ Бога никогда не отступать отъ стремленій нашихъ къ возвышенію чести евреевъ и устраненію всѣхъ ихъ недостатковъ, мы соединяемъ наши общія усилія для изслѣдованія источниковъ зла и для изысканія средствъ, которыя соотвѣтствовали бы нашему желанію, духу времени и нашего правительства и были бы въ состояніи водворить и въ нашей средѣ просвѣщеніе и науку, прогоняя мракъ невѣжества». Затѣмъ друзья просвѣщенія указываютъ на самые источники зла. *Первый* источникъ, по ихъ мнѣнію, отсутствіе достойныхъ народныхъ представителей. На мѣсто древнихъ законоучителей, которые, отличаясь глубокою,

всестороннею ученостію, были вмѣстѣ съ тѣмъ достойными заступниками евреевъ предъ правительствами и народами, нынѣшніе раввины, не обладая никакими свѣтскими познаніями, преданные только одной религіозной обрядности и казуистикѣ, весьма мало заботятся о всѣхъ другихъ интересахъ своего народа. Для устраненія этого зла, друзья просвѣщенія предлагаютъ учрежденіе, по образцу падуанской раввинской коллегіи или голландскихъ и германскихъ семинарій, еврейско-богословскаго факультета для образованія новаго сословія народныхъ представителей, которые, изучая, кромѣ богословскихъ, и свѣтскія науки, болѣе соотвѣтствовали-бы требованіямъ времени. До того же они совѣтуютъ, въ видѣ временной мѣры, пригласить иностранныхъ раввиновъ, которые должны образовать консисторію, имѣющую своею задачею надзоръ и правильное веденіе религіозныхъ и общинныхъ интересовъ русскихъ евреевъ. *Второй* источникъ зла заключается въ дурной системѣ воспитанія еврейской молодежи, которое вручается невѣжественнымъ учителямъ, ограничивающимся однимъ преподаваніемъ талмуда на испорченномъ жаргонѣ, не знающимъ даже библіи и распространяющимъ мракъ, вмѣсто свѣта. Для устраненія этого зла, друзья просвѣщенія предлагаютъ немедленное учрежденіе правильно устроенныхъ школъ въ каждомъ уѣздѣ, по образцу одесской и рижской, и ввести въ нихъ болѣе усовершенствованный методъ обученія. Эти школы должны служить переходными заведеніями, или для раввинскихъ училищъ, или для *промышленныхъ* школъ, въ которыхъ обучали-бы разнаго рода ремесламъ. *Третій* источникъ зла составляетъ хассидизмъ, оказывающій вредное вліяніе на еврейскую массу поддержаніемъ въ ней суевѣрія и преданіемъ анафемѣ всего, что только можетъ содѣйствовать нравственному преуспѣянію евреевъ. Для уничтоженія этого зла, они совѣтуютъ рѣшительное противодѣйствіе хассидизму, которое должно состоять въ совершенномъ подчиненіи его консисторіи и преслѣдованія его ученія. Эти мѣры «друзья новаго просвѣщенія» признаны наиболѣе цѣлесообразными не только въ ихъ собраніи (45 человѣкъ), но и докторомъ Лиліенталемъ и цензоромъ Тугендгольдомъ въ Вильно. Изложивъ такимъ образомъ свои мысли относительно преобразованія внутренняго быта евреевъ, «друзья новаго просвѣщенія» взываютъ ко всѣмъ своимъ образованнымъ единовѣрцамъ, чтобы они поддерживали ихъ въ борьбѣ съ невѣжествомъ. Они оканчиваютъ прокламацію слѣдующими словами: «Не мѣшкайте! соберите образованныхъ людей вашего города, пусть они выступятъ изъ замкнутыхъ кружковъ своихъ и да не отстанутъ они изъ пустой боязни, а, напротивъ, пусть они смѣло заявятъ свое желаніе духовной эманципаціи евреевъ». Брестское общество предста-

вило свои мѣры, состоящія въ слѣдующемъ: распространить на евреевъ обязанность носить европейскій костюмъ, препятствовать заключенію раннихъ браковъ до представленія гарантіи въ средствахъ къ существованію съ семействомъ, обученіе юношества по учебникамъ, одобреннымъ консисторіею, запрещеніе обученія талмуду въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ раввинскихъ училищъ и, наконецъ, подорваніе въ корнѣ хассидизма уничтоженіемъ печей въ бетъ-мидрашахъ, которыя привлекаютъ въ длинныя зимнія ночи ватаги хассидовъ, вербующихъ тамъ приверженцевъ своей партіи и распространяющихъ оттуда, какъ изъ удобнаго центра, всѣ свои лжеученія.

Мы представили, такимъ образомъ, вкратцѣ мысли и чувства, волновавшія обѣ партіи тогдашняго еврейства. Мы видѣли, что староверы боялись одного посягательства на ихъ религію, даже вопросъ о равноправности евреевъ они поставили въ тѣсную связь съ своей религіею, въ томъ именно смыслѣ, что образованіе безъ равноправности ведетъ къ ренегатству. Нельзя не сознаться, что есть значительная доля правды въ этихъ опасеніяхъ старой партіи. Она не могла видѣть въ стремленіи къ образованію дѣйствительное желаніе улучшить ихъ матеріальное благосостояніе, потому что образованіе само по себѣ едвали было бы въ состояніи дѣйствовать въ этомъ духѣ на массу евреевъ, когда всѣ ограничительные законы, бывшіе главною причиною матеріальнаго бѣдствія евреевъ. оставались въ полной силѣ. Какъ народъ въ высшей степени практичный, евреи сразу поняли, что народная масса, нуждаясь въ средствахъ къ существованію, не будетъ имѣть возможности отсылать въ школы свои рабочія силы, необходимыя для обезпеченія ближайшаго настоящаго, которымъ нельзя было пожертвовать въ пользу далекаго и безвѣстнаго будущаго. Въ пользу ихъ опасеній говорило и то, что права, предоставленныя евреямъ по образованію, не такъ легко осуществлялись и прежде, не смотря на то, что они довольно ясно опредѣлялись въ положительномъ законодательствѣ. Кромѣ того, въ то самое время, когда правительство принимало такія энергичныя мѣры къ устроенію быта евреевъ путемъ образованія, оно, по ходатайству министра финансовъ графа Канкрина, думало-было устроить земледельческія колоніи евреевъ въ Сибири и уже издало было объ этомъ указъ; но когда поступило слишкомъ много заявленій со стороны евреевъ, желавшихъ воспользоваться этимъ правомъ и приготовившихся уже къ переселенію, имъ было всѣмъ отказано неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, и только когда одной бѣдной еврейкѣ, принадлежавшей къ долженствовавшимъ переселится въ Сибирь еврейскимъ семействамъ, удалось лично подать государю просьбу о

бѣдственномъ положеніи ея семейства, раззореннаго надеждами и приготовленіями къ переселенію, послѣдовало распоряженіе о переселеніи всѣхъ этихъ семействъ въ Херсонскую губернію. *). Въ то же время, когда открывались разные комитеты и коммиссіи, когда правительство только что, какъ увидимъ послѣ, послало Лиліенталя по городамъ, лежащимъ въ чертѣ осѣдлости евреевъ, для успокоенія умовъ и убѣжденія евреевъ въ томъ, что правительство имѣетъ серьозно въ виду улучшеніе ихъ быта, въ то же время издается законъ 1843 года объ удаленіи евреевъ изъ 50 верстной пограничной полосы, который повергъ въ бѣдственное положеніе многочисленное еврейское населеніе. Это было именно въ то время, когда заграничныя еврейскія общины, для выраженія празнательности русскому государю за его заботливость объ улучшеніи быта евреевъ посредствомъ образованія, приготовлялись поднести ему большую историческую картину, заказанную у профессора Оппенгейма въ Франкфуртѣ на Майнѣ и представлявшую возсіяніе новаго дня для русскихъ евреевъ. Одинъ изъ уважаемыхъ историковъ вотъ какъ говоритъ объ этомъ противорѣчіи въ направленіи дѣятельности правительства къ улучшенію быта евреевъ: «Но всѣ эти свѣтлыя надежды и блистательные виды (относительно учрежденія еврейскихъ школъ) помрачились вдругъ, когда указъ, изданный въ маѣ 1843 года, излилъ безконечное горе на жителей западной границы и опять показалъ русскимъ евреямъ, что они не могутъ еще расчитывать на человѣческія права. Взоры всѣхъ обращались со слезами сожалѣнія туда, гдѣ сотни тысячъ людей оставляли свои жилища и могилы своихъ предковъ, чтобы перейти въ другія русскія степи, гдѣ нельзя будетъ обезпечить себѣ скудное существованіе. Еврейскіе пограничные жители выказали больше энергіи, чѣмъ можно было ожидать отъ нихъ, они объявили, что они не оставятъ своего мѣстожительства, пока не будутъ принуждены къ тому силою. Вся Европа въ одинъ голосъ вооружилась противъ этого, многія общины Германіи, даже нѣкоторые монархи заступились за несчастныхъ, и англійская аристократія сдѣлала объ этомъ государю, во время его пребыванія тамъ свои представленія **).» При такихъ условіяхъ евреи, конечно, имѣли основаніе недовѣрять всѣмъ обѣщаніямъ Лиліенталя, тѣмъ болѣе, что въ то же время сложилось за границей убѣжденіе, которое не могло

*) См. Лиліенталя. Meine Reisen in Russland. «Jüdisches Volksblatt» 1856 г. № 32. «Zeitung des Judenthums» 1842 г. № 18.

**) Neuere Geschichte der Israeliten von Dr. J. M. Jost. Berlin 1847 г. стр. 511.

быть неизвѣстно и русскимъ евреямъ, всегда полагавшимъ, что за далекими горами гораздо лучше знаютъ о происходящемъ въ Россіи, чѣмъ въ ней самой, убѣжденіе въ томъ, что учрежденіе училищъ имѣло цѣлію обратить евреевъ въ христіанство. Разумѣется, что послѣдствія указали на всю ложность этого убѣжденія, но до учрежденія училищъ, евреи, напуганные новыми мѣрами, естественно склонны были видѣть въ этомъ убѣжденіи заграничныхъ евреевъ подтвержденіе своихъ собственныхъ опасеній. Этимъ объясняется и то, что вездѣ у евреевъ мысль объ обращеніи ихъ въ христіанство путемъ просвѣщенія была преобладающею, и министръ Уваровъ долженъ былъ всегда разувѣрять ихъ въ этомъ. Будучи въ Варшавѣ въ 1843 году, министръ Уваровъ старался ободрять евреевъ, увѣряя ихъ въ томъ, что намѣренія государя исключительно направлены на сообщеніе имъ соотвѣтственнаго религіи ихъ развитія, но ни сколько не имѣютъ въ виду прозелитизма *). Но заграничные евреи и послѣ этого, однако, убѣждены были въ томъ, что Уваровъ высказываетъ свои собственные взляды, и, говоря въ исторіи евреевъ о періодѣ учрежденія школъ въ Россіи, они прямо указываютъ, что эти послѣднія имѣли цѣлію обращеніе русскихъ евреевъ въ христіанство. Если же заграничные евреи такъ твердо были убѣждены въ этомъ, то очень простительно было думать такъ старой партіи евреевъ, которые, вслѣдствіе новыхъ мѣръ, встрепенулись какъ бы отъ летаргическаго сна и впервые, быть можетъ, подумали о своемъ будущемъ. Впрочемъ, можетъ быть евреи имѣли еще одно основаніе для своихъ опасеній, если имъ былъ извѣстенъ приведенный ниже докладъ Уварова, который они истолковали въ приведенномъ выше смыслѣ.

Съ другой стороны нельзя не замѣтить, что и друзья новаго просвѣщенія дѣйствовали слишкомъ рѣзко. Правда, что послѣ долгой затаенной внутренней борьбы необходимо было этой партіи высказаться открыто и заявить предъ правительствомъ о своемъ существованіи, и это было необходимо въ виду того, что правительство интересовалось знать, есть ли хоть какая нибудь потребность у евреевъ въ образованіи. Но надобно признаться, что, предлагая открыто уничтоженіе всего того, что такъ дорого было евреямъ, выступивъ явно противъ всѣхъ единовѣрцевъ и громогласно заявивъ, что они, подъ правительственной этидой, надѣятся разрушить все то, съ чѣмъ нельзя было распроститься прочимъ евреямъ, они этимъ самымъ оттолкнули отъ себя и своихъ убѣжденій всю массу евреевъ, которые думали, что эти тайные заговорщики хотятъ ихъ выдать цѣликомъ правительству. Открытыя заявленія друзей новаго просвѣщенія объясняются совершенно вѣрно съ психологической точки зрѣнія: они долго должны были прятаться въ закоулки съ своимъ просвѣщеніемъ, они не смѣли даже заявлять о своемъ существованіи, а потому теперь, когда они могли расчитывать на поддержку, они должны были выпрямиться и показать, что и они что нибудь значатъ, что они тоже составляютъ силу. Все это такъ. Но гораздо благоразумнѣе поступили «друзья новаго просвѣщенія» въ юго-западномъ краѣ: они знали, что правительство желаетъ знать, есть-ли между евреями люди, которые сочувствуютъ его намѣреніямъ, потому они соединились воедино и заявили объ этомъ Лиліенталю, къ старой же партіи, напротивъ, они стали ближе, и, пользуясь своимъ положеніемъ, успѣли распространить въ ней благопріятные слухи о Лиліенталѣ и намѣреніяхъ правительства. Можно сказать, что юго-западные «друзья новаго просвѣщенія» разумно не взбудоражили массы и тѣмъ самымъ скорѣе приблизили дѣло къ концу. Они стремились прямо къ цѣли: то, что сѣверозападные друзья ихъ заявили еврейскимъ общинамъ, они заявляли чрезъ Лиліенталя правительству: мы имѣли случай читать весьма дѣльныя записки объ улучшеніи быта русскихъ евреевъ, которыя писались югозападными друзьями новаго просвѣщенія, и надобно отдать имъ справедливость, что они избрали лучшій путь къ достиженію цѣли и дѣлали свое дѣло тихо и безъ шуму. Это, впрочемъ, объясняется и особенностями въ характерѣ волынцевъ и литовцевъ: послѣдніе всегда способны болѣе сосредоточиваться, но за то, когда дѣлаютъ шагъ въ противоположномъ направленіи, то уже не иначе, какъ переходя въ совершенную крайность, тогда какъ волынцы ровнѣе и умѣреннѣе во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Можетъ быть, впрочемъ, что сѣверо-западные друзья новаго просвѣщенія имѣли дѣло съ своими-же собратьями литовцами, которыхъ можно подчинить своему вліянію болѣе рѣзкими мѣрами и избрали, поэтому, болѣе пригодныя средства. Если это такъ, то можно дѣйствительно нѣкоторымъ образомъ оправдать ихъ образъ дѣйствія, хотя нельзя согласиться съ тѣмъ чтобы можно было устрашить кого-либо преслѣдованіемъ того ученія, которому онъ преданъ тѣломъ и душою, какъ это дѣлали виленскіе «друзья новаго просвѣщенія».

Но какъ бы то ни было, Лиліенталь долженъ былъ оставить Вильно съ тѣмъ же горестнымъ чувствомъ, съ которымъ онъ выѣхалъ изъ Минска. Оставленный и презрѣнный всѣми, какъ

*) Тамъ-же, стр. 312.

человѣкъ, желавшій будто провести народъ свой *), Лиліенталь отправился въ Петербургъ, и скрѣпя сердце, рѣшился просить у правительства поддержки, «друзей новаго просвѣщенія», которые, какъ значительные уже числомъ, нуждаются въ правильно устроенныхъ заведеніяхъ. Лиліенталь, на первой аудіенціи у министра Уварова, въ присутствіи попечителя петербургскаго учебнаго округа, князя Дондукова-Корсакова, передавалъ всѣ свои впечатлѣнія и взгляды разныхъ партій евреевъ на правительственное дѣло, при чемъ онъ указалъ на то, что евреи, вѣроятно, не питаютъ довѣрія къ нему, какъ къ чужестранцу, тѣмъ болѣе, что нѣтъ ни одного оффиціальнаго шага со стороны правительства **), не скрывалъ также о недовѣріи старой партіи евреевъ къ правительству и съ воодушевленіемъ заявилъ объ энтузіазмѣ «друзей новаго просвѣщенія». По выслушаніи разсказа Лиліенталя, князь Дондуковъ-Корсаковъ вскричалъ: «Il faut soutenir les bienveillans», а министръ обѣщалъ Лиліенталю составить въ духѣ его отчета докладъ государю.

Но предже, чѣмъ приведемъ докладъ Уварова, вызвавшій болѣе рѣшительныя мѣры со стороны правительства, мы должны познокомить читателей съ другимъ докладомъ его же, который излагаетъ однѣ только основныя начала для устройства образованія евреевъ, но обнаруживаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательно глубокій и гуманный взглядъ на дѣло, которое онъ изучилъ, хотя не совсѣмъ точно, но во всякомъ случаѣ серьезно и съ полною преданностію.

Первая и главная мысль, которою проникнутъ весь докладъ и которая упускается изъ виду многими государственными дѣятелями, сама по себѣ уже характеризуетъ глубокій умъ Уварова, постигшій ту близкую связь, которая находится между вопросомъ объ образованіи евреевъ, «съ большимъ вопросомъ о евреяхъ вообще». Уваровъ говоритъ въ своемъ докладѣ, что въ теченіе многихъ столѣтій европейскія правительства старались разрѣшить еврейскій вопросъ «гоненіемъ и насильствами всякаго рода». Но этотъ путь ими уже оставленъ, и они обратились къ мѣрамъ кротости и къ «внушеніямъ здравой логики». Затѣмъ министръ продолжаетъ: «Кажется, этотъ послѣдній періодъ насталъ и для насъ; народы не истребляются, особенно тотъ народъ, коего новѣйшая исторія начинается у подошвы

*) Сеферъ Михтеве Иврımъ (книга еврейскихъ писемъ). Вѣна. Магидъ Іешуа (предвозвѣстникъ спасенія) посланіе Лиліенталя къ виленскимъ евреямъ, на древне-еврейскомъ языкѣ, стр. 154.

**) Тамъ-же, стр. 155.

Голгофы, но народы могутъ быть доведены до самой послѣдней степени моральнаго униженія, и на этой степени настигаютъ нынѣ евреевъ мѣры, благодѣтельнымъ правительствомъ принимаемыя». Здѣсь министръ задаетъ себѣ вопросъ — возможно-ли будетъ достигнуть облагороженія евреевъ, посредствомъ ихъ самихъ, и такимъ образомъ уменьшить, по крайней мѣрѣ, пропасть, отдѣляющую ихъ отъ всего міра. Отвѣчая на эти вопросы утвердительно, министръ полагаетъ, что могущественнымъ орудіемъ для достиженія цѣли правительства можетъ служить общественное воспитаніе новаго поколенія евреевъ, и отсюда онъ выводитъ необходимость учрежденія еврейскихъ школъ. Далѣе, министръ указываетъ на то, что, не смотря на упадокъ евреевъ, между ними замѣчается «большое рвеніе къ собственному преобразованію», но что рвеніе это *чисто-религіознаго* характера, такъ какъ умственный и религіозный элементъ евреевъ тѣсно слиты между собою. «Лучшіе изъ евреевъ, говоритъ министръ, чувствуютъ, что одна изъ главныхъ прчинъ ихъ униженія лежитъ въ превратномъ толкованіи ихъ религіозныхъ преданій, они знаютъ, что, въ совокупности съ многими другими источниками зла, *Талмудъ* развращалъ и развращаетъ ихъ соотечественниковъ, но нигдѣ вліяніе Талмуда не столь сильно, сколько у насъ и въ Царствѣ Польскомъ, ибо нигдѣ не господствуетъ въ евреяхъ такое невѣжество. Это вліяніе можно единственно устранить просвѣщеніемъ, и *правительству остается дѣйствовать тутъ въ духѣ этой горсти лучшихъ между евреями, давши имъ своими мѣрами покровительства надлежащій перевѣсъ.* Слѣдовательно, преобразованіе учебной части между евреями въ то же время составляетъ и очищеніе ихъ религіозныхъ понятій, и на оборотъ». Изъ этой мысли, о взаимномъ вліяніи образованія и религіи, министръ выводитъ опять необходимость соглашенія дѣйствій министерства народнаго просвѣщенія съ дѣйствіями министерства внутреннихъ дѣлъ по части духовно-административнаго управленія евреевъ и постановленія правилъ для совокупнаго руководства и взаимныхъ отношеній. И не только въ этомъ одномъ отношеніи министръ предусматривалъ связь, но и во многихъ другихъ: онъ не забываетъ въ докладѣ объ отношеніи къ новымъ преобразованіямъ устава 1835 г. и останавливается также на вопросѣ — должно-ли предварительное опредѣленіе финансовыхъ средствъ на образованіе евреевъ, министерству предоставляемыхъ, и *соглашеніе прочихъ частей, какъ религіознаго быта, такъ и гражданскихъ улучшеній*, предшествовать учрежденію школъ, или, развиваясь въ одно время, «содѣйствовать оному». Кромѣ того, министръ предвидѣлъ также послѣдствія неудовлетворительнаго исполненія начертанныхъ

имъ правилъ, какъ видно изъ осторожнаго его добавленія: «если только мѣстныя губернскія начальства, постигнувъ совершенную волю Августѣйшаго Монарха, окажутъ въ семъ затруднительномъ дѣлѣ прямое и дѣятельное содѣйствіе». Еще болѣе положительно и болѣе ясно высказывается министръ въ другомъ мѣстѣ доклада: «Можно утвердительно сказать, что объемъ дѣла и вѣрность заключеній возрастутъ по мѣрѣ того, какъ учавствующіе въ сихъ трудахъ будутъ углубляться во *всѣ эти вопросы, имѣющіе, впрочемъ, неразрывную связь съ остальными распоряженіями правительства* *)». Однимъ словомъ, во всемъ докладѣ проглядываетъ заботливость о необходимости соглашенія дѣйствій по образованію евреевъ со всѣми остальными дѣйствіями правительства по отношенію къ евреямъ, а такая заботливость возможна только тогда, когда дѣло, созданное нами, является плодомъ глубоко обдуманныхъ мыслей и долгаго опыта и наблюденій, когда мы, слѣдовательно, убѣждены въ прочности воздвигнутаго нами зданія и опасаемся только одного, чтобы оно не поколебалось вслѣдствіе постороннихъ, внѣшнихъ вліяній. Такимъ творцомъ былъ Уваровъ, который потратилъ много усилій на долговременную переписку съ заграничными учеными и на личное собираніе свѣдѣній, касающихся внутренней жизни евреевъ, который углублялся во всѣ вопросы, возникавшіе при обсужденіи такого многотруднаго дѣла, какъ преобразованіе внутренняго быта милліоннаго народа,—а поэтому весьма естественно, что онъ хотѣлъ упрочить свои труды и оградить свое твореніе отъ разрушительныхъ вліяній.

Первое зло, на которое натолкнулся Уваровъ при близкомъ изученіи еврейскаго вопроса, это раввины, которые, по его мнѣнію, въ нашемъ отечествѣ, изъ корыстолюбія, изъ желанія удержать въ своихъ рукахъ доходы, получаемые ими за совершеніе требъ *) и толкованіе закона, поддерживаютъ въ народѣ мысль о необходимости изученія одного Талмуда и «сопротивляются всѣми силами введенію просвѣщенія». Сообразно съ этимъ, онъ предлагаетъ пригласить иностранныхъ евреевъ для занятія мѣста губернскихъ раввиновъ, совершенно въ томъ духѣ, какъ это было высказано виленскими «друзьями новаго просвѣщенія», и совѣтуетъ устраненіе Талмуда, какъ предмета

---

*) Дополненіе къ сборнику постановленій по министерству народнаго просвѣщенія 1803—1846 г. С.-Петербургъ, 1867 г. Докладъ, стр. 700, 701, 702 и 711.

*) Это конечно невѣрно: раввины не совершаютъ религіозныхъ требъ и за толкованіе законовъ не получаютъ никакого вознагражденія. *Изд.*

преподаванія, во всѣхъ заведеніяхъ, за исключеніемъ только тѣхъ, въ которыхъ молодые евреи будутъ посвящать себя раввинскому званію. Училища, по плану Уварова, раздѣляются на высшія и низшія. Высшія учреждаются во всѣхъ губернскихъ городахъ и состоятъ изъ 4—5 классовъ, которые, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ въ предметахъ ученія, равняются 4—5 классамъ гимназій. По мѣрѣ надобности, училища эти подвергаются преобразованіямъ, такъ чтобы они могли служить переходными заведеніями въ среднія и высшія учебныя заведенія имперіи. Начальныя училища открываются постепенно въ уѣздныхъ городахъ, судя по степени довѣрія евреевъ къ намѣреніямъ правительства и денежнымъ средствамъ министерства. Училища эти должны со временемъ замѣнить частныя еврейскія школы. Въ преподователи предполагается пригласить или заграничныхъ раввиновъ, или русскихъ евреевъ, извѣстныхъ своимъ образованіемъ. Въ докладѣ обращается также вниманіе на необходимость образованія и женскаго пола, которое, однако, откладывается до поры до времени.

Но главное вниманіе обращаютъ на себя тѣ мѣста въ докладѣ, въ которыхъ указывается на мѣры противодѣйствія Талмуду и надежды, возлагаемыя на училища относительно пріобщенія евреевъ къ *общему началу* гражданственности. Для пораженія Талмуда министръ предлагаетъ введеніе въ кругъ предметовъ преподаванія древнееврейскаго языка по слѣдующимъ соображеніямъ. Талмудъ, по мнѣнію министра, есть собраніе изустныхъ преданій, искажающихъ смыслъ Ветхаго Завѣта, и имѣя самъ основаніе въ этомъ послѣднемъ и утверждаясь ссылками на него, Талмудъ указываетъ очень часто на небывалыя совсѣмъ въ Библіи мѣста. Вслѣдствіе этого, изученіе Библіи, помощію древнееврейскаго языка, чрезвычайно важно для повѣрки суевѣрія Талмуда. Основная мысль министра заключается въ томъ, что Талмудъ, удалившись отъ почвы Вѣтхаго Завѣта, вводитъ въ заблужденіе евреевъ, подтверждая свои суевѣрія ссылками на такія мѣста въ Библіи, которыхъ тамъ вовсе нѣтъ. Но изъ этого заключенія мы видимъ, что министръ не понялъ того, что ему передано было «друзьями новаго просвѣщенія». Все дѣло здѣсь въ томъ, что не Талмудъ источникъ разныхъ суевѣрій, а установившійся взглядъ на него, какъ на законченный кодексъ, заключающій въ себѣ вѣчныя истины, неподлежащія перемѣнѣ, сдѣлалъ его необходимымъ предметомъ изученія для евреевъ, а все безъ разбора содержаніе его—руководящимъ правиломъ жизни. Необходимо, поэтому, дѣйствовать на искорененіе такаго пагубнаго взгляда на Талмудъ раціональными средствами, однимъ изъ которыхъ «друзья новаго просвѣщенія» считаютъ древнееврейскій языкъ, открывающій путь къ чте-

нію тѣхъ философскихъ сочиненій на древнееврейскомъ языкѣ, которыя именно устанавливаютъ правильный взглядъ на Талмудъ, какъ на религіозно-юридически-бытовой кодексъ, не всѣ постановленія котораго обязательны, а обязательныя не вѣчны. Подтвержденіе же этого взгляда находится во многихъ мѣстахъ Библіи, близкое изученіе которой уясняетъ мысль о постепенномъ развитіи законовъ подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни. Эта мысль не усвоена вполнѣ министромъ и передана въ другомъ смыслѣ, хотя изъ другихъ мѣстъ доклада видно, что онъ отчасти уловилъ ея сущность: такъ, министръ, какъ показано выше, говоритъ, что причина моральнаго униженія евреевъ лежитъ въ *превратномъ толкованіи ихъ религіозныхъ преданій*; это совершенно вѣрно, но нельзя согласиться съ тѣмъ, что самыя эти изустныя преданія, выраженіемъ которыхъ является Талмудъ, составляютъ источникъ суевѣрія. Равнымъ образомъ нельзя согласиться съ тѣмъ, что Талмудъ ссылается на небывалыя мѣста въ Библіи: правильнѣе то, что Талмудъ отрицаетъ дѣйствительность фактовъ, явно упоминаемыхъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, но это дѣлается съ прогрессивною цѣлію — устранить изъ жизни жестокихъ и противныхъ духу новаго времени законовъ. Однимъ словомъ, неправильность взгляда Уварова на Талмудъ объясняется не точнымъ усвоеніемъ мысли о дѣйствительномъ отношеніи Талмуда къ Ветхому Завѣту. Въ связи съ мнѣніемъ Уварова о Талмудѣ стоитъ еще и другой вопросъ, который онъ хотѣлъ разрѣшить себѣ, именно тотъ, слѣдуетъ ли, направляя дѣйствія училищъ противъ дѣйствія Талмуда, гласно объ этомъ заявить. Отвѣчая отрицательно на этотъ вопросъ и приводя свои къ тому основанія, Уваровъ говоритъ слѣдующее: «Слѣдуя этой мысли, въ училищахъ Одесскомъ, Кишиневскомъ, Рижскомъ оставлено *для виду* преподаваніе нѣкоторой части Талмуда, тогда какъ поистинѣ ученье вовсе удалено отъ духа талмудистовъ, такъ что старѣйшіе евреи говорятъ· «эти училища прекрасны, духъ въ нихъ чисто еврейскій, а ученье ведетъ «къ христіанству»; нъ смыслѣ закоренѣлыхъ приверженцевъ еврейскихъ предразсудковъ и суевѣрія, эти слова значатъ: «ученье во вновь учреждаемыхъ училищахъ должно мало по малу уничтожить въ евреяхъ *фанатизмъ разъединенія* (курсивъ въ подлинникѣ) и пріобщить ихъ къ *общему началу* (курсивъ въ подлинникѣ) гражданственности». Въ этомъ отношеніи, продолжаетъ министръ, они не ошибаются, *ибо религія Креста не есть-ли чистѣйшій символъ гражданственности всемірной?*» Государь утвердилъ докладъ, подписавъ на подлинномъ: «основанія справедливы» *).

*) Дополненіе къ сборнику постанавленій по министерству народнаго просвѣщенія 1803—1864. С.-Петербургъ, 1867 г. стр. 703 и слѣд.

Такимъ образомъ, общая основная мысль доклада доказываетъ, что Уваровъ глубоко преданъ былъ дѣлу улучшенія быта евреевъ посредствомъ устройства на другихъ началахъ ихъ общественнаго воспитанія, что онъ вполнѣ искренно, и всесторонно изучивъ предметъ, взялся вывести евреевъ изъ того моральнаго униженія, въ которое ихъ поставили историческія событія; но въ частностяхъ, нельзя не признать, что онъ не могъ вполнѣ стать выше предразсудковъ своего времени, считая причиною моральнаго униженія евреевъ суевѣріе Талмуда и полагая, что просвѣщеніе должно вести евреевъ къ религіи Креста, или, другими словами, что начало юдаизма и даже, какъ говоритъ министръ, «новоюдейской школы» противорѣчатъ основаніямъ всемірной гражданственности. Мы, впрочемъ, скорѣе склонны думать, что выраженною въ докладѣ мыслію о приведеніи евреевъ путемъ образованія къ общему символу гражданственности Уваровъ хотѣлъ сдѣлать уступку своему времени, но самъ онъ въ нее не вѣрилъ. Во всякомъ случаѣ, однако, зная о докладѣ и о выраженныхъ въ немъ надеждахъ, евреи-старовѣры имѣли основаніе требовать гарантіи въ томъ, что правительство не имѣетъ намѣренія обратить ихъ въ христіанство, иностранные историки имѣли право составить себѣ о томъ же предметѣ такое же убѣжденіе, какъ русскіе евреи. Послѣдствія учрежденія училищъ, конечно, указали на всю несбыточность подобныхъ надеждъ, точно такъ же какъ и историческій опытъ иностранныхъ евреевъ. Но русскіе евреи-старовѣры не могли знать объ этихъ послѣдствіяхъ до учрежденія училищъ, а съ историческимъ опытомъ они весьма мало были знакомы.

Этотъ докладъ получилъ утвержденіе еще до отъѣзда Лиліенталя въ Вильно, послѣ того, какъ иностранные ученые евреи сообщили министру свои мнѣнія о новомъ планѣ правительства. Это было первое основаніе для дальнѣйшихъ дѣйствій. Но послѣ пріѣзда Лиліенталя и заявленія его о томъ, что необходимо приступить къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ, министръ представилъ докладъ, существенное содержаніе котораго заключается въ слѣдующемъ. Министръ прежде всего указываетъ на необходимость распространенія на всѣ еврейскія учебныя заведенія общихъ правилъ надзора, установленныхъ Высочайшимъ рескриптомъ 19 августа 1827 г. Затѣмъ, для ближайшаго содѣйствія видамъ правительства, министръ предлагаетъ учредить раввинскую коммисію изъ раввиновъ и ученыхъ евреевъ, по назначенію отъ правительства и соглашенію съ мѣстными генералъ-губернаторами, которая должна именоваться коммисіею, Высочайше утвержденною для образованія евреевъ въ Россіи. Она имѣетъ цѣлію положить главныя основанія дѣйствіямъ по устройству образованія евреевъ и начертать правила для домашняго

обученія евреевъ. Въ заключеніе доклада, министръ говоритъ: «Смѣю надѣяться, что это несомнѣнное доказательство великодушнаго попеченія Вашего Императорскаго Величества объ умственномъ образованіи евреевъ, въ Имперіи обитающихъ, послужитъ къ усугубленію *того рвенія къ исполненію Высочайшей воли, которое начинаетъ уже проявляться въ благонамѣреннѣйшихъ изъ нихъ, и которое уповательно въ сердцахъ многихъ ожидало только гласнаго изрѣченія священной воли Вашего Императорскаго Величества*». На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: «Согласенъ, но съ тѣмъ, чтобъ коммисія состояла не болѣе какъ изъ 4-хъ раввиновъ, т. е. по одному изъ каждаго генералъ-губернаторства, въ которыхъ проживаютъ евреи *).

Изъ этого доклада видно, что министръ хотѣлъ вселить евреямъ довѣріе къ новому дѣлу, призвавъ къ участію въ немъ депутатовъ изъ ихъ собственной среды, а съ другой поощрять друзей новаго просвѣщенія, которые ожидали рѣшительнаго шага со стороны правительства. Но этимъ дѣйствія министра не ограничились: онъ хотѣлъ еще имѣть точныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ состояніи евреевъ въ чертѣ ихъ постоянной осѣдлости и объ ихъ дѣйствительныхъ нуждахъ и потребностяхъ, а потому онъ представилъ государю о необходимости еще разъ разрѣшить Лиліенталю поѣздку для ознакомленія съ бытомъ евреевъ и ихъ успокоенія относительно предпринимаемыхъ правительствомъ мѣръ. На ускореніе этого дѣла имѣло еще вліяніе слѣдующее обстоятельство. Вслѣдствіе затруднительности сообщеній того времени и положительной невозможности получать свѣдѣнія о событіяхъ внутренней жизни евреевъ разныхъ частей Россіи, юго-западные евреи вовсе не знали о томъ, что происходило на Литвѣ, не знали того, что Лиліенталь разъѣзжалъ съ порученіями отъ правительства и что онъ такъ злополучно окончилъ свою первую поѣздку. Но случайно прибылъ въ Бердичевъ бѣлостокскій купецъ Мееръ-Коганъ, который, заболѣвъ тамъ, имѣлъ довольно досужаго времени передавать гг. Ротенбергу и Ратгаузу обо всемъ случившемся. Бердичевскіе «друзья новаго просвѣщенія» пришли въ экстазъ и начали бомбандировать письмами Лиліенталя, чтобы онъ предпринялъ вторую поѣздку, обѣщая ему хорошій пріемъ и подготовленіе массы для поддержанія его авторитета. Они устроили манифестацію отцу Лиліенталя, получившему адресъ отъ представителей Бердичева, въ которомъ они заявили старику о сочувствіи къ дѣятельности его сына на пользу русскихъ евреевъ. Переводъ краснорѣчиваго еврейскаго адреса переданъ въ Мюнхенской *) корреспонденціи «Zeitung des Judenthums» за 1842 г. № 49. Цѣль этой манифестаціи, какъ передано намъ «друзьями новаго просвѣщенія», состояло именно въ томъ, чтобы доказать отцу Лиліенталя, на котораго дурной пріемъ сына на Литвѣ оказалъ непріятное впечатлѣніе, еще болѣе усилившееся отъ распространившихся слуховъ, что русскіе евреи называютъ его сына народопродавцемъ, — чтобъ доказать, говоримъ мы, что русскіе евреи, напротивъ, умѣютъ цѣнить заслуги молодаго человѣка, посвящающаго свои силы нравственному усовершенствованію своихъ единовѣрцевъ. Серьезное отношеніе къ дѣлу со стороны юго-западныхъ друзей новаго просвѣщенія нѣсколько ободрило упавшаго было духомъ Лиліенталя. Изъ письма Лиліенталя къ г. Ротенбергу, отъ 5 Января 1843 года, видно, что одно изъ писемъ этого послѣдняго передано на разсмотрѣніе министру. Однимъ словомъ, можно положительно сказать, что бердичевскіе «друзья новаго просвѣщенія» вызвали вторую поѣздку Лиліенталя, или, по крайней мѣрѣ, содѣйствовали ея ускоренію. Между тѣмъ эта вторая поѣздка была довольно благотворна для дѣла образованія русскихъ евреевъ и еще до сихъ поръ она окружена какимъ-то ореоломъ величія и сохранена въ памяти многихъ и многихъ людей, которые не могутъ не говорить объ этой эпохѣ безъ особаго увлеченія...

Получивъ разрѣшеніе государя на поѣздку Лиліенталя, Уваровъ разослалъ инструкціи всѣмъ генералъ губернаторамъ, въ которыхъ, основываясь на сообщенномъ ему къ исполненію указѣ Правительствующаго Сената, онъ указываетъ на признанную правительствомъ необходимость подчинить общему надзору министерства народнаго просвѣщенія всѣхъ еврейскихъ учебныхъ заведеній и избрать еврейскихъ депутатовъ для раввинской коммисіи. Объ условіяхъ, которыя эти кандидаты должны соединять въ себѣ для того, чтобы они могли вполнѣ удовлетворять своему назначенію, министръ говоритъ, что, кромѣ всеобщаго уваженія у евреевъ, они должны еще отличаться такими качествами, которыя бы соотвѣтствовали духу правительства. Въ заключеніе министръ ставитъ въ извѣстность генералъ-губернаторовъ, что, находя нужнымъ, еще до открытія коммисіи, изучить настроеніе умовъ у евреевъ и успокоить ихъ относительно намѣреній правительства, онъ откомандировываетъ лично извѣстнаго ему съ

*) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, томъ второй 1825 — 1855, отдѣленіе 2-е 1840 — 1855. С.-Петербургъ, 1864 г. стр. 242—244.

*) Отецъ Лиліенталя жилъ въ Мюнхенѣ.

лучшей стороны директора Рижскихъ еврейскихъ училищъ, раввина и доктора Лиліенталя, въ обитаемыя евреями губерніи, для объѣзда ихъ съ указанною выше цѣлію и доставленія ему подробнаго отчета о результатахъ своей поѣздки. При этомъ министръ проситъ генералъ-губернаторовъ оказывать Лиліенталю всякаго рода покровительство и внушить подчиненному имъ начальству не препятствовать Лиліенталю имѣть совѣщанія съ еврейскими обществами, и оканчиваетъ инструкцію тѣмъ, что онъ о командировкѣ Лиліенталя въ тоже время довелъ до свѣдѣнія государя *).

Другая инструкція дана была Лиліенталю. Она до того замѣчательна и до того характеризуетъ серьезное отношеніе къ дѣлу Уварова, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи передать ее цѣликомъ.

«Министерство народнаго просвѣщенія. Департаментъ. Отдѣленіе III. Столъ I. 22 Іюля 1842 г. № 7206. Старшему учителю еврейскихъ училищъ въ Ригѣ, раввину доктору Лиліенталю. При объѣздѣ вашемъ, по порученію министерства, обитаемыхъ евреями губерній, прошу Васъ обратить вниманіе на слѣдующее: 1) Ваша дорога идетъ чрезъ Ригу, Митаву, Ковно, Вильно, Минскъ, Гродно, Бѣлостокъ, Житоміръ, Бердичевъ, Каменецъ-Подольскъ, Кишиневъ, Одессу, Херсонъ, а оттуда—къ Кіевскую губернію—чрезъ Умань въ Кіевъ, а затѣмъ чрезъ Черниговъ, Могилевъ и Витебскъ въ Петербургъ. Здѣсь, впрочемъ, указываются только главные пункты, чрезъ которые вы должны проѣзжать; и Вамъ предоставляется, если найдете нужнымъ, останавливаться и въ другихъ городахъ, но не отступая, однако, отъ означеннаго выше направленія. 2) Вы получаете подорожную и 600 рублей на дорожныя издержки. 3) Вы не замедлите въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ будете имѣть пребываніе, немедленно являться къ гражданскому и учебному начальству, которымъ уже дано знать о вашей поѣздкѣ, равно и тотчасъ завязывать сношенія съ живущими тамъ евреями и вступать въ переговоры съ еврейскими обществами. 4) Вы объясните евреямъ, что цѣль Высочайшей воли, въ силу которой еврейскія учебныя и ученыя заведенія поставлены подъ надзоръ министерства народнито просвѣщенія и предпринимается учрежденіе насчетъ правительства еврейскихъ школъ, состоитъ въ томъ, чтобы приблизить ихъ, безъ всякаго посягательства на ихъ религію, къ истинно гражданской и нравственной жизни, которая можетъ быть достигнута только путемъ общечеловѣческаго образованія. Въ этихъ видахъ вы поговорите съ раввинами и еврейскими обществами и укрѣпите ихъ проповѣдями и чтеніями въ готовности исполнить волю Его Величества. 5) Вы возмете на себя трудъ изслѣдовать настроеніе умовъ касательно предстоящихъ нововведеній, равно и узнать, въ какихъ мѣстностяхъ и на кого правительство можетъ расчитывать на поддержку, и гдѣ гнѣздится духъ противодѣйствія. Между раввинами и почетнѣйшими евреями замѣчайте себѣ тѣхъ, которые въ особенности заслуживаютъ довѣрія правительства и представите мнѣ о нихъ списокъ. 6) Вы не преминете посѣщать тѣхъ евреевъ, которыя пользуются особымъ почетомъ въ своихъ обществахъ, и объясните имъ обстоятельно, какое вліяніе можетъ имѣть на благо ихъ единовѣрцевъ исполненіе гумманныхъ намѣреній Его Величества. 7) Вы возьмете на себя трудъ обозрѣвать, на сколько возможно будетъ, важнѣйшія учебныя и ученыя заведенія евреевъ, въ нравственномъ и педогогическомъ отношеніяхъ, равно и будете собирать свѣдѣнія о числѣ посѣщающихъ ихъ учениковъ, о числѣ и способностяхъ учителей, о внутренемъ устройствѣ школъ и о средствахъ ихъ существованія. *) 8) Вы потрудитесь вникнуть по возможности въ домашнее воспитаніе евреевъ, освѣдомитесь о числѣ, образѣ мыслей, способностяхъ и современномъ положеніи меламедовъ и замѣтите себѣ тѣхъ изъ нихъ, которые особенно выдаются своими познаніями и нравственными качествами. 9) Обратите особое вниманіе на тѣхъ молодыхъ людей, которые похвальнымъ своимъ трудолюбіемъ пріобрѣли уже себѣ нѣкоторыя познанія въ наукахъ и могутъ, своимъ благороднымъ рвеніемъ въ пользу блага своихъ единовѣрцевъ, содѣйствовать исполненію намѣреній правительства, или назначеніемъ ихъ на должность учителей, или же приготовленіемъ ихъ къ педагогическому поприщу въ общихъ зеведеніяхъ имперіи **) 10). Обо всѣхъ вышеприведенныхъ предметахъ вы

---

*) «Zeitung des Judenthums» 1842 г. 608, 609.

---

*) Въ этомъ отношеніи Лиліенталю весьма дружно содѣйствовали гг. Роттенбергъ, Ратгаузъ и Шперлингъ, какъ видно изъ письма Лиліенталя къ Реттенбергу, въ которомъ онъ пишетъ, что онъ въ своемъ отчетѣ всесторонне пользовался «волынскою статистикою».

**) Въ этомъ отношеніи волынскіе друзья новаго просвѣщенія указывали Лиліенталю на многихъ людей, которые впослѣдствіи сдѣлались учителями въ казенныхъ училищахъ. Изъ ряда этихъ учителей выдвигается въ особенности г. Поличинецкій (нынѣ учитель житомірскаго раввинскаго училища), который жилъ въ Бердичевѣ и въ то время уже былъ извѣстенъ своею солидною ученостью. Въ своемъ письмѣ къ намъ Роттенбергъ пишетъ, что въ то время, когда онъ прибылъ въ Бердичевъ, въ 1834 г., никто не осмѣливался говорить даже объ образованіи: и одно только единственное лицо, г. Поличинецкій, молчаливо бродилъ здѣсь какъ мрачная тѣнь, и все ука-

мнѣ доставите, по возвращеніи въ Петербургъ, надлежащій отчетъ. Впрочемъ, не оставьте также и въ продолженіе вашего путешествія время отъ времени извѣщать департаментъ народнаго просвѣщенія о ходѣ вашего порученія. 11) Разнообразіе вашего порученія не допускаетъ опредѣлить въ точности продолжительность вашего путешествія, но я надѣюсь, что вы постараетесь возвратиться сюда, по крайней мѣрѣ, къ 15 октября сего года. 12) При исполненіи возложеннаго на Васъ порученія, вы, безъ сомнѣнія, не упустите изъ виду его важность и постараетесь оправдать довѣріе министерства, какъ осторожною и обдуманною своею дѣятельностью, такъ и основательностью Вашихъ отчетовъ». Подписаны: Уваровъ и директоръ департамента, товарищъ министра князь Ширинскій-Шахматовъ. *). Изъ этой инструкціи видно, что министръ горячо преданъ былъ своему дѣлу, что онъ съ отеческою заботливостью помнилъ обо всемъ, начиная отъ ученыхъ заведеній до домашнего обученія, отъ гнѣзда противниковъ просвѣщенія до молодыхъ людей, преданныхъ мысли правительства, отъ почетнѣйшихъ евреевъ и до меламедовъ, и что онъ, какъ видно, имѣлъ намѣреніе открыть педагогическіе институты при общихъ заведеніяхъ, для подготовленія въ нихъ педагоговъ для еврейскихъ школъ. Это доказываетъ самое строгое пониманіе обязанностей, которыя Уваровъ исполнялъ съ особою любовью къ дѣлу, а не ради одной только формальности исполненія. Вотъ почему имя Уварова такъ свято чтимо всѣми «друзьями новаго просвѣщенія», которые не напрасно кричатъ, что вопросъ объ образованіи евреевъ не подвергался бы столькимъ колебаніямъ, если-бы преемники Уварова только строго и послѣдовательно проводили его первоначальныя предначертанія.

Вторая поѣздка Лиліенталя увѣнчалась уже полнымъ успѣхомъ. Въ остзейскомъ краѣ ему не предстояло никакихъ особенныхъ трудностей, такъ какъ тамъ и прежде уже встрѣчались училища съ новымъ направленіямъ.

Главная забота его относилась къ западнымъ губерніямъ, изъ

зывало на него пальцамя какъ только онъ показывался на улицѣ. Когда я вступилъ въ Бердичевское казенное училище, только что открывшееся, гдѣ г. Поличинецкій назначенъ былъ учителемъ, я съ нѣкоторымъ страхомъ взиралъ на него въ первое время, но потомъ я и другія дѣти убѣдились, что это былъ лучшій учитель, магически дѣйствовавшій на насъ своимъ благороднымъ словомъ и ревностью къ дѣлу. Если же мы въ 1852 г. еще боялись г. Поличинескаго, то что могло быть въ 1834 г. и прежде въ такомъ фанатическомъ городѣ, какъ Бердичевъ.

*) «Zeitung des Judenthums» 1842 г. стр. 609—610.

которыхъ онъ въ особенности боялся сѣверо западнаго края. Поэтому онъ рѣшился написать посланіе къ Виленскому еврейскому обществу, подъ названіемъ «Магидъ іешуа» (предвозвѣстникъ спасенія). Это посланіе, писанное на древне-еврейскомъ языкѣ, считается еще теперь образцовымъ въ изящной еврейской литературѣ и помѣщено въ сборникѣ «еврейскихъ писемъ», изданномъ въ Вѣнѣ Леттерисомъ. Въ посланіи этомъ Лиліенталь говоритъ евреямъ, что мысль объ улучшеніи быта евреевъ путемъ образованія принадлежитъ самому государю, что не министры ему, а онъ имъ предложилъ изыскать надлежащія къ тому мѣры. Затѣмъ онъ съ горечью передаетъ тѣ грустныя воспоминанія, которыя остались въ немъ послѣ перваго посѣщенія Минска и Вильно, гдѣ единовѣрцы прокричали его «народопродавцемъ». Указывая евреямъ на происходившую тогда въ немъ борьбу между личными чувствами его, какъ человѣка, всѣми оставленнаго и опозореннаго, и исполненіемъ возложенной на него миссіи, Лиліенталь говоритъ, что онъ старался смягчить предъ гг. министрами упорство своихъ единовѣрцевъ тѣмъ, что они не повинуются не волѣ монарха, отъ котораго къ нимъ не дошло по этому предмету никакого указа, а его собственной волѣ, какъ иностранца, и что евреи, воспитанные въ духѣ религіозномъ, пугаются всякаго нововведенія, которое, при ограниченіи въ правахъ, можетъ, по ихъ мнѣнію, совратить евреевъ отъ вѣры ихъ праотцевъ. Далѣе, Лиліенталь представляетъ евреямъ, что, во вниманіе къ сдѣланному имъ заявленію, правительство пришло къ мысли о необходимости учредить коммисію изъ еврейскихъ выборныхъ для обстоятельнаго разрѣшенія вопроса объ образованіи евреевъ и что министръ Уваровъ высказался ему, по этому поводу, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Теперь, я надѣюсь, народъ вашъ пойметъ изливаемую на него милость и что надобно воспользоваться удобною минутою для своего же собственнаго блага, ибо если онъ и теперь не вразумится, то уже не такъ легко возвратится время благоволенія, и недоброжелатели евреевъ будутъ совершенно правы, если станутъ приписывать бѣдственное ихъ положеніе ихъ суевѣрію и невѣжеству.» И, въ самомъ дѣлѣ, за евреевъ въ то время были Уваровъ и министръ государственныхъ имуществъ графъ Киселевъ; другіе же думали совершенно иными способами на нихъ дѣйствовать. Въ то время распространены были между евреями слухи, что въ министерствахъ существуютъ два мнѣнія относительно евреевъ—Уварова и Киселева о необходимости дѣйствовать на евреевъ не мѣрами «всякаго рода насильства», какъ говоритъ первый въ своемъ докладѣ, о просвѣщеніи; въ противоположность этому мнѣнію существовало другое объ образова-

нія изъ евреевъ казенныхъ колоній для заселенія русскихъ степей или сибирскихъ отдаленныхъ земель. Это мнѣніе, вѣроятно, имѣлъ въ виду Уваровъ въ словахъ своихъ къ Лиліенталю, который въ особенности ударялъ на нихъ въ своемъ посланіи, чтобы убѣдительнѣе дѣйствовать на своихъ единовѣрцевъ. Въ заключеніе Лиліенталь раскрываетъ грустную картину печальнаго положенія тогдашнихъ евреевъ, которымъ не достаетъ достойныхъ защитниковъ народныхъ интересовъ предъ правительствомъ, и, высказываясь въ духѣ Уварова, что содѣйствовать улучшенію ихъ быта возможно только путемъ просвѣщенія, Лиліенталь краснорѣчиво увѣщеваетъ евреевъ, чтобы они болѣе не упорствовали, а пошли-бы на встрѣчу желаніямъ правительства, избирая депутатовъ и заявляя министерству о своемъ твердомъ намѣреніи выйти изъ закоснѣлаго своего положенія Посланіе это оказало свое вліяніе, и евреи сѣверо-западнаго края, въ которомъ оно циркулировало отъ общества къ обществу, должны были уступить силѣ убѣжденія и согласиться на мѣры правительства. Впрочемъ, въ Вильно еще прежде, въ 1841 г. торжественно открыто было Гинцбургомъ и Залькиндомъ двухкласное училище, которое поручено было надзору Клячко и гдѣ учителемъ русскаго языка былъ Л. Леванда. Предметы преподованія были: Библія съ нѣмецкимъ переводомъ, законъ божій, Талмудъ, русскій языкъ, нѣмецкій языкъ и чистописаніе *) Виленскіе, евреи такимъ образомъ, имѣли уже предъ глазами одно училище въ новомъ духѣ, и могли, сколько возможно, убѣдиться въ томъ, что оно не стремится къ подорванію народной вѣры, и очень можетъ быть, что это обстоятельство тоже имѣло вліяніе на уступки, сдѣланныя тѣми-же самыми, которые въ первый разъ рѣшились на отрѣзъ отказать Лиліенталю во всѣхъ требованіяхъ.

Но въ то время, какъ Лиліенталь съ нѣкоторымъ страхомъ дѣйствовалъ въ сѣверозападномъ краѣ посланіями, въ юго-западномъ почва уже была подготовлена: въ центрѣ еврейства этого края—въ Бердичевѣ, откуда слѣдовало бы ожидать сильнаго отпора, все населеніе ожидало его съ какимъ-то лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. «И когда онъ пріѣдетъ, наконецъ; почему онъ такъ медлитъ, гдѣ онъ теперь?»—вотъ вопросы, которые раздавались въ Бердичевѣ въ то время, когда Лиліенталь объѣзжалъ сѣверо-западныя губерніи. 2-го октября, въ четвергъ, докторъ Ротенбергъ получилъ извѣстіе о предстоящемъ скоромъ прибытіи Лиліенталя; ненастная погода благопріят-

*) «Der Orient» 1841 г. № 41, стр. 266.

ствовала тому, чтобы Лиліенталь въѣхалъ ночью въ городъ и до двухъ часовъ имѣлъ личное совѣщаніе съ «друзьями новаго просвѣщенія», которыхъ онъ зналъ по одной перепискѣ. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи сдѣлать нѣкоторыя выписки изъ корреспонденціи доктора Ротенберга въ «Zeitung des Judenthums» (за 1842г. № 48), въ которой вѣрно отражается духъ и настроеніе умовъ евреевъ того времени: «На слѣдующій день, въ пятницу, 3-го октября, пищетъ докторъ Ротенбергъ, съ быстротою молніи еще съ разсвѣтомъ распространилась молва о прибытіи Лиліенталя, и глухимъ гуломъ, будто предъ изверженіемъ Везувія, исполнился весь городъ; какъ предъ грозною бурею черныя тучи, нерасположеніе и тоска проглядывали на лицахъ многихъ изъ здѣшнихъ жителей. Въ 10 часовъ почетнѣйшіе евреи собрались и грустно и медленно отправились привѣтствовать доктора Лиліенталя. Послѣ часовой бесѣды всѣ возвращались веселые и успокоенные, и весь городъ ликовалъ, ибо всѣ партіи увидѣли въ немъ своего спасителя отъ долгихъ страданій, всѣ смотрѣли на его миссію, какъ на радостное пророчество лучшихъ дней. Цѣлое послѣ-обѣда не переставали посѣщать Лиліенталя болѣе почетные бердичевскіе евреи». На слѣдующій день, въ субботу, Лиліенталь отправился въ синагогу, гдѣ имѣлъ намѣреніе въ проповѣди изложить евреямъ цѣли и виды правительства относительно преобразованія ихъ быта; но, не смотря на громкій голосъ Лиліенталя, проповѣдь его заглушалась шумомъ, который ежеминутно производился движеніями массы въ 5000 человѣкъ. Поэтому Лиліенталь рѣшился лучше объяснить задачу правительства 300 выборнымъ изъ евреевъ, предъ которыми онъ въ воскресенье произнесъ рѣчь. Онъ указывалъ евреямъ на ихъ долголѣтнія бѣдствія, на источники ихъ и на средства къ улучшенію ихъ быта, которыя предлагаются имъ монархомъ, министрами народнаго просвѣщенія и государственныхъ имуществъ. Въ концѣ рѣчи Лиліенталь замолчалъ, ожидая возраженій или просьбы о разъясненіи нѣкоторыхъ недоразумѣній; «но, пишетъ докторъ Ротенбергъ, и собраніе оставалось въ глубокомъ молчаніи, многіе были тронуты до слезъ; у самыхъ упорныхъ ортодоксовъ, у отъявленнѣйшихъ фанатиковъ какъ будто спала повязка съ глазъ. А чтобъ описать то, что происходило на душѣ у болѣе благонамѣренныхъ, мое перо слишкомъ слабо: съ глазами, наполненными слезъ, радостно и въ тихомъ благоговѣніи сидѣли они, и, окрыляя быстрый полетъ времени, они заглядывали въ будущее, воодушевленные мыслію о томъ, какъ царское слово можетъ поднять двухъ-милліонное населеніе на болѣе высокую ступень гражданственности». Торжественная тишина была прервана, наконецъ, вопросомъ Лиліенталя: «не имѣете-ли вы, любезные мои едино-

вѣрцы, какихъ нибудь вопросовъ, сомнѣній, возраженій? Высказывайтесь теперь-же, я на все буду отвѣчать вамъ». Все собраніе въ одинъ голосъ откликнулось словами, которыя евреи сказали Моисею при полученіи закона: «Мы исполнимъ и будемъ послушны, мы постараемся быть достойными сынами нашего великаго и возвышеннаго царя, мы выразимъ наши чувства въ благодарственныхъ адресахъ нашему государю и министру, мы изберемъ между собою раввиновъ, которыхъ пошлемъ въ Петербургъ, согласно волѣ нашего монарха, мы обратимся съ просьбою къ г. Монтефьоре, чтобы онъ пріѣхалъ въ Петербургъ для защиты нашего дѣла» *). Въ Бердичевѣ Лиліенталь произвелъ сильное впечатлѣніе на массу: благочестивые евреи приглашали его къ себѣ на обѣды, на которыхъ присутствовало всегда по нѣскольку почетныхъ лицъ, продолжавшихъ все бесѣдовать о предстоящемъ преобразованіи; многіе приходили къ нему на домъ, какъ къ цадику, изливать предъ нимъ свое горе и выслушивать слово утѣшенія; сосѣдніе колонисты-евреи приглашали его лично убѣдиться въ ихъ ревности къ земледѣльческимъ занятіямъ; при выѣздѣ изъ города ему оказывали чуть-ли не царскія почести: съ громкими благословеніями провожала его масса въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, общество подарило ему въ память большой позолоченный кубокъ,—однимъ словомъ, всѣ ждали отъ него разрѣшенія великаго вопроса о своей будущности. Подобнымъ-же образомъ встрѣчали Лиліенталя во всѣхъ прочихъ городахъ юго-западнаго края, изъ главныхъ пунктовъ котораго посылались благодарственные адресы государю и двумъ министрамъ—Уварову и Киселеву. Въ этомъ краѣ Лиліенталь встрѣчалъ сильную поддержку въ обществѣ «друзей новаго просвѣщенія», съ которыми онъ продолжалъ переписываться уже послѣ пріѣзда своего въ Петербургъ и которыхъ онъ хотѣлъ употребить для перевода на древне-еврейскій языкъ исторіи евреевъ, приготовлявшейся имъ тогда во время отдохновенія отъ работъ по министерству, гдѣ онъ занимался ежедневно отъ 10-ти до 3-хъ часовъ.

Если энтузіазмъ евреевъ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерній можно было отчасти приписать и оффиціальному положенію Лиліенталя, то этого никакъ нельзя сказать о евреяхъ Новороссійскаго края, которые уже въ то время стояли на из-

*) Мы должны прибавить, что, по порученію Уварова, Лиліенталь письменно пригласилъ для засѣданія въ имѣвшей открыться раввинской коммиссіи гг. Монтефьоре и Кремье, какъ людей, которые пользовались высокимъ уваженіемъ у русскихъ евреевъ.

вѣстной степени образованности и имѣли уже училища, которыя процвѣтали подъ управленіемъ ученаго директора Штерна, еще до возникновенія мысли объ улучшеніи быта евреевъ посредствомъ образованія. Между тѣмъ еврейское населеніе Одессы, главнаго центра Новороссійскаго края, встрѣтило Лиліенталя еще съ бо̀льшимъ восторгомъ, чѣмъ бердичевскіе евреи. Но въ Одессѣ Лиліенталь шелъ обратнымъ путемъ въ исполненіи возложеннаго на него порученія: въ то время, какъ въ главномъ центрѣ сѣверо-запада Россіи, въ Вильно, онъ опасался даже явиться, не предпославъ прежде своего циркуляра, въ которомъ онъ кратко увѣщевалъ литовскихъ евреевъ идти по новому, указанному имъ, пути; въ то время, какъ первымъ дѣломъ его въ другомъ еврейскомъ центрѣ юго-запада—Бердичевѣ было обратиться съ рѣчью къ своимъ единовѣрцамъ для возбужденія ихъ сочувствія къ новому дѣлу—въ то же самое время, говоримъ мы, Лиліенталь въ Одессѣ прежде всего старался ознакомиться съ религіозными, общественными и учебными учрежденіями, а потомъ уже высказался относительно главной своей задачи. Въ особенности онъ посвятилъ много времени для изученія духа учебныхъ заведеній. Въ теченіе трехъ дней Лиліенталь производилъ въ нихъ испытанія, результаты которыхъ его изумили. Въ это далекое время всеобщаго мрака и невѣжества между евреями, въ Одессѣ довольно значительное число евреевъ обоего пола обучалось уже языкамъ: русскому, нѣмецкому и французскому, географіи, исторіи всеобщей и русской, ариѳметикѣ, бухгалтеріи, реторикѣ и исторіи литературы. Въ памятной книгѣ этихъ училищъ Лиліенталь записалъ слѣдующее: «Объѣзжая по порученію министра народнаго просвѣщенія губерніи, обитаемыя евреями, для подготовленія умовъ къ учрежденію современныхъ еврейскихъ училищъ, я стремился къ осуществившемуся уже идеалу надеждъ нашихъ будущихъ поколѣній и думалъ найти его въ Одессѣ; но существующія здѣсь учебныя заведенія для мальчиковъ и дѣвочекъ превзошли всѣ мои смѣлыя ожиданія. Подъ руководствомъ такого человѣка, какъ директоръ Штернъ, подъ вліяніемъ преподаванія такихъ дѣльныхъ учителей, какъ Финкель, Горовицъ и Пинскеръ, подъ неутомимымъ надзоромъ воодушевленной для блага своихъ единовѣрцевъ училищной коммиссіи, процвѣтаютъ здѣсь заведенія, которыя могутъ служить образцомъ для будущихъ училищъ. Всѣ преподаваемые здѣсь предметы ясны для воспитанниковъ: они отвѣчаютъ опредѣленно на всѣ вопросы, а это свидѣтельствуетъ о томъ, что въ нихъ возбуждена мысль и все, что говорится ими, нисколько не зазубрено. Это придаетъ мнѣ бодрость съ бо̀льшимъ воодушевленіемъ и охотою продолжать мою трудную

миссію, ибо я вижу, какіе дѣльные люди, какія прекрасныя матери выйдутъ изъ еврейскихъ училищъ, и если непоколебимая твердость поведетъ насъ къ достиженію трудной задачи нашей, то тѣмъ, которыя здѣсь такъ прекрасно дѣйствуютъ общими усиліями, будетъ принадлежать значительное участіе въ успѣхѣ, ибо ихъ заслуги внушаютъ мнѣ бодрую настойчивость въ достиженіи цѣли». Очевидно, такимъ образомъ, что Лиліенталю не предстояло особыхъ трудностей къ подготовленію умовъ одесскихъ евреевъ къ будущей дѣятельности правительства. Объ этомъ онъ высказался собранію въ 400 человѣкъ общинныхъ представителей, которымъ онъ указалъ на гуманную дѣятельность въ пользу евреевъ Уварова и Киселева, на необходимость выразить имъ благодарность въ особыхъ адресахъ и просить Монтефьоре и Кремье пріѣхать, согласно предложенію, сдѣланному имъ министромъ, въ Петербургъ, для участія въ раввинской коммиссіи. Въ одесской корреспонденціи «Zeitung des Judenthums» (1843 г. № 1) говорится, что къ Лиліенталю, во время его пребыванія въ Одессѣ, ходили цѣлыя толпы людей, «чтобы видѣть и слушать чудодѣя», всѣхъ очаровывавшаго своею рѣчью». Съ рѣдкимъ знаніемъ человѣческой природы онъ постигалъ характеръ и степень образованія окружавшей его толпы, приноравливаясь къ каждому сообразно степени его пониманія». Изъ всеобщихъ отзывовъ видно, что Лиліенталь оказывалъ вездѣ какое-то магическое дѣйствіе: онъ былъ первый, который огласилъ одесскую синагогу*) проповѣдью въ нѣмецкомъ духѣ, съ которой примирились всѣ партіи, даже крайне-ортодоксальная, такъ что въ Одессѣ рѣшили пригласить его къ себѣ въ качествѣ раввина и проповѣдника. Отъѣздъ Лиліенталя, пишетъ тотъ-же корреспондентъ, производилъ на всѣхъ поражающее впечатлѣніе и «носилъ на себѣ отпечатокъ какого-то религіознаго торжества». Вся одесская аристократія, въ сопровожденіи безчисленнаго множества людей, окружали его квартиру, гдѣ ему поднесенъ былъ адресъ отъ одесскаго еврейскаго общества, которое выразило ему свое теплое сочувствіе и просило еще разъ остановиться въ Одессѣ на возвратномъ пути изъ Крыма.

Говоря о пребываніи Лиліенталя въ Одессѣ, мы не можемъ не остановиться на нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, которыя имѣютъ особый интересъ не только въ дѣлѣ образованія русскихъ евреевъ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ. Читателямъ

*) Насколько намъ извѣстно, Лиліенталь проповѣдывалъ не въ синагогѣ, а въ большой залѣ въ домѣ Рафаловича (нынѣ Рехтзамера) на Еврейской улицѣ. *Изд.*

уже извѣстно, что директора Штерна не было въ Одессѣ въ то время, когда Лиліенталь тамъ стяжалъ лавры. Хотя Штернъ испросилъ себѣ отпускъ въ Крымъ для изученія древнихъ памятниковъ, но можно полагать, что отпускъ этотъ не былъ случайный, потому что изъ собранныхъ нами свѣдѣній видно, что отношенія между ними были неровныя и что между ними и послѣ, во время засѣданія въ раввинской коммисіи, происходили столкновенія, принимавшія подчасъ личный характеръ. Желая безпристрастно уяснить себѣ взаимныя отношенія обоихъ дѣятелей на поприщѣ образованія евреевъ, мы долго оставались въ недоумѣніи относительно этого предмета, между тѣмъ, какъ разъясненіе его было бы очень важно для раскрытія истиннаго значенія этой вражды: имѣла ли она характеръ личный, или, напротивъ, болѣе внутренній смыслъ. Мнѣнія относительно этого предмета различны. Одни полагаютъ, что директоръ Штернъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ оскорбленнаго самолюбія, подъ вліяніемъ того именно, что правительство, въ великомъ починѣ преобразованія русскихъ евреевъ, отдало предпочтеніе Лиліенталю, тогда какъ онъ пользовался болѣе громкою славою какъ педагогъ и въ особенности ученый. Это мнѣніе объясняетъ тѣмъ-же путемъ то обстоятельство, что Лиліенталь, во время отсутствія Штерна, былъ, безъ всякой почти оппозиціи, избранъ раввиномъ и проповѣдникомъ города Одессы, а потомъ это дѣло замялось, не смотря на весь энтузіазмъ, который вызванъ былъ Лиліенталемъ въ одесскомъ обществѣ *). Но мы не рѣшаемся дать вѣры этому мнѣнію, **) и скорѣе склонны согласиться съ другимъ болѣе серьезнымъ мнѣніемъ. Другіе именно утверждаютъ, что въ этой борьбѣ между Штерномъ и Лиліенталемъ шла рѣчь объ убѣжденіяхъ, о принципѣ. Штернъ возставалъ противъ всякихъ цивилизаторскихъ стремленій въ насильственномъ духѣ, онъ былъ убѣжденъ, что польза училищъ и ихъ процвѣтаніе обусловливаются вызванною въ нихъ потребностью, а потому онъ полагалъ, что учрежденіе училищъ правительствомъ, а не по иниціативѣ самихъ еврейскихъ обществъ, не можетъ увѣнчаться успѣхомъ. Онъ смотрѣлъ, слѣдовательно, на все предпріятіе Лиліенталя, на весь возбужденный имъ повсюду энтузіазмъ,

*) По поводу этихъ отношеній Штерна и Лиліенталя распространенъ анекдотъ такого рода: разсказываютъ, что при обсужденіи въ петербургской раввинской коммисіи одного вопроса, Штернъ сказалъ Лиліенталю: «Вы ничего не знаете», на что Лиліенталь хладнокровно и съ спокойствіемъ духа отвѣтилъ: «Одно только я знаю лучше васъ, г. директоръ».—«А, что такое?» вскричалъ Штернъ.—«Молчать», былъ тихій отвѣтъ Лиліенталя.

**) Оно, однако, имѣетъ, какъ намъ сообщаютъ изъ вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ, достаточное основаніе. *Изд.*

какъ на идеальную мечту, не имѣющую подъ собою никакой почвы, какъ на утопію, которая не можетъ осуществиться. Лиліенталь, напротивъ, былъ убѣжденъ въ томъ, что пока правительство не расшатаетъ, не расшевелитъ русскихъ евреевъ, эти послѣдніе еще долго будутъ прозябать во мракѣ, и что есть моменты въ народной жизни, когда на помощь ей должна спѣшить какая-нибудь внѣшняя сила съ авторитетомъ власти. Нельзя не усмотрѣть, что у обоихъ дѣятелей различныя убѣжденія выработались подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ. Директоръ Штернъ зналъ однихъ евреевъ Новороссійскаго края,—евреевъ, которые подъ вліяніемъ иностранныхъ элементовъ, ранѣе евреевъ другихъ окраинъ нашего отечества, почувствовали въ общей массѣ потребность въ образованіи, которая притомъ не задерживалась никакими другими внѣшними или внутренними препятствіями. Училища, возникшія въ этомъ краѣ по иниціативѣ самихъ обществъ, содержались на ихъ же счетъ и процвѣтали подъ руководствомъ опытныхъ педагоговъ. Съ этой точки зрѣнія, взглядъ Штерна былъ совершенно вѣренъ. Но Лиліенталь познакомился близко съ бытомъ евреевъ совсѣмъ другихъ мѣстностей, въ которыхъ возникавшая потребность въ образованіи заглушалась, съ одной стороны, внѣшнимъ гнетомъ шляхетства и бюракратіи, враждебно относившихся къ образованію евреевъ и видѣвшихъ въ немъ подготовленіе грозы своимъ собственнымъ интересамъ, а съ другой—внутренними врагами, какими должно считать невѣжество хассидизма и консерватизмъ ортодоксальной партіи. Кромѣ того, Лиліенталь успѣлъ убѣдиться въ томъ, что борьба съ этими внѣшними и внутренними препятствіями образовала цѣлую партію людей, такъ называемыхъ «друзей новаго просвѣщенія», которые тайно вкушали запретный плодъ науки и громко вопіяли объ уничтоженіи преградъ, лежавшихъ на пути къ усовершенствованію. Лиліенталь, поэтому, имѣлъ право и основаніе думать, что рѣшительный шагъ въ этомъ отношеніи можетъ и должно сдѣлать одно правительство, что оно одно можетъ подать руку помощи прогрессивной партіи евреевъ и вызвать ее къ новой жизни. Съ этой точки зрѣнія и взглядъ Лиліенталя оправдывается силою вещей. Вообще объ этомъ періодѣ преобразованія русскихъ евреевъ можно сказать то же самое, что говорятъ о преобразованіи Россіи въ Петровскій періодъ: или то, что рѣзкій переломъ необходимъ былъ въ интересахъ возобновленія духа русской жизни, или же, что этотъ переломъ не могъ-бы совершиться даже геніемъ Петра, если-бы не было уже подготовлено почвы для реформы и если-бы эта послѣдняя не находила въ самой жизни элементовъ для своего развитія. Такъ или иначе, Лиліенталь нисколько

не ошибся въ томъ, что стремился осуществить благородныя намѣренія Уварова относительно улучшенія быта евреевъ путемъ образованія.

Не менѣе важно и другое обстоятельство, тѣсно связанное съ пребываніемъ Лиліенталя въ Одессѣ. Положеніе одесскихъ евреевъ и подраставшая въ ней образованная молодежь навели Лиліенталя на совершенно вѣрную мысль, что одно образованіе, безъ возможности практическаго его приложенія, должно неминуемо вызвать справедливый ропотъ на просвѣтителей, которыхъ можно было упрекнуть въ томъ, что они своими благородными стремленіями обнаруживаютъ только «благія *намѣренія*», но упускаютъ изъ виду «благія *дѣла*». Сознавая практическое значеніе своей мысли, Лиліенталь убѣдилъ одесское общество составить записку на имя генералъ-губернатора Воронцова, въ которой указывалось-бы на необходимость привести въ болѣе правильное соотвѣтствіе гражданско-политическое положеніе евреевъ съ ихъ нравственнымъ усовершенствованіемъ путемъ образованія. Записка эта была передана Лиліенталемъ генералъ-губернатору, который написалъ одесскому еврейскому обществу письмо слѣдующаго содержанія: «Г. докторъ Лиліенталь передалъ мнѣ вмѣстѣ съ бумагою министра народнаго просвѣщенія записку весьма почтеннаго одесскаго еврейскаго общества, которую я прочелъ съ большимъ вниманіемъ. Большое удовольствіе доставило мнѣ знакомство съ господиномъ докторомъ Лиліенталемъ, который былъ мнѣ рекомендованъ съ хорошей стороны дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Уваровымъ и о которомъ я со всѣхъ сторонъ слышалъ весьма много лестныхъ отзывовъ. При двадцатилѣтнемъ почти знакомствѣ со мною, одесское еврейское общество, вѣроятно, уже успѣло убѣдиться въ томъ, что я всегда былъ готовъ и въ будущемъ готовъ буду содѣйствовать евреямъ здѣшнихъ губерній во всемъ, что только отъ меня зависитъ, и что я, въ особенности, считаю своимъ пріятнымъ долгомъ содѣйствовать всѣми зависящими отъ меня средствами процвѣтанію уже существующихъ въ Одессѣ и Кишиневѣ еврейскихъ училищъ и распространять кругъ дѣятельности этихъ полезныхъ заведеній и на другія мѣстности Новороссійскаго края и Бессарабской области. Г. Лиліенталь можетъ засвидѣтельствовать своимъ одесскимъ единовѣрцамъ, что я вполнѣ раздѣляю мнѣніе просителей относительно тѣхъ препятствій, которыя, подъ вліяніемъ господствующихъ обстоятельствъ, заграждаютъ образованной еврейской молодежи путь къ полезному приложенію въ жизни пріобрѣтенныхъ ею въ школѣ познаній, и что я также того убѣжденія, что еврейскія заведенія тогда только могли бы сдѣлаться на самомъ дѣлѣ полезными, если бы оканчивающимъ въ нихъ курсъ

наукъ открыто было болѣе широкое поприще. Наше правительство, которое такъ дѣятельно заботится объ улучшеніи положенія русскихъ евреевъ, прибѣгнетъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, къ такимъ мѣрамъ, которыя были бы въ состояніи поощрять еврейскую молодежь къ изученію полезныхъ наукъ, сообразно съ которыми она могла бы ожидать больше пользы отъ своихъ успѣховъ. Мѣстныя учрежденія, къ которымъ министръ народнаго просвѣщенія обратился по этому дѣлу, имѣютъ право и обязанность сообщить правительству и свое мнѣніе объ этомъ предметѣ. Вслѣдствіе этого я въ скоромъ времени позаймусь этимъ дѣломъ и съ возвращеніемъ моимъ въ Одессу (Лиліенталь передалъ Воронцову записку одесскихъ евреевъ въ Крыму) буду имѣть совѣщаніе съ тамошнимъ еврейскимъ обществомъ, чтобы согласиться въ томъ, о чемъ должно быть сдѣлано представленіе въ Петербургъ *).»

Изъ этого можно убѣдиться въ томъ, что Лиліенталь считалъ несовмѣстнымъ возвышеніе умственнаго уровня евреевъ съ ограниченіемъ ихъ въ гражданско-политическихъ правахъ. Тоже самое видно изъ того, что Лиліенталь ходатайствовалъ чрезъ Уварова объ уничтоженіи черты постоянной осѣдлости евреевъ, по крайней мѣрѣ, для болѣе образованныхъ изъ нихъ и для иностранныхъ евреевъ-медиковъ, которые по дипломамъ своимъ имѣли право практиковать въ Россіи, но ходатайство это встрѣтило тогда оппозицію, не смотря даже на то, что Уваровъ принялъ на себя защиту этого дѣла предъ комитетомъ министровъ (письмо Лиліенталя къ Роттенбергу отъ 20 октября 1843 г.); но мы къ этому предмету еще возвратимся въ концѣ этой статьи.

Кромѣ того интересно также отношеніе Кремье къ дѣлу преобразованія русскихъ евреевъ. Читателямъ уже извѣстно, что Лиліенталь и Уваровъ желали, чтобы Кремье и Монтефьоре присутствовали при открытіи раввинской коммиссіи въ Петербургѣ, такъ какъ эти двѣ личности пользовались громаднѣйшимъ авторитетомъ у русскимъ евреевъ. Но Кремье, какъ видно изъ письма его къ Лиліенталю, желалъ имѣть приглашеніе на пріѣздъ отъ самого государя, чтобы этимъ, какъ говоритъ онъ, гарантировать себѣ оффиціальную достовѣрность желанія его пріѣзда въ Россію. По всѣмъ вѣроятностямъ трудно было тогда выполнить такое щекотливое требованіе французскаго депутата; а потому Лиліенталь предложилъ одесскому еврейскому обществу послать Кремье особый адресъ и просить его о пріѣздѣ. На этотъ адресъ

*) «Zeitung des Judenthnms» 1843 г., стр. 101.

Кремье отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ: «Изъ палаты депутатовъ. Парижъ, 10 февраля 1843 года. Милостивые государи и дорогіе мои единовѣрцы! Мнѣ было бы очень трудно выразить вамъ все то волненіе, которое я чувствовалъ при чтеніи вашего адреса. Надежда, которую евреи всего земнаго шара возлагаютъ на мое содѣйствіе во всѣхъ дѣлахъ, касающихся возвышенія ихъ соціальнаго положенія, составляетъ самую лестную награду за постоянныя усилія мои въ пользу улучшенія ихъ судьбы, ихъ гражданской и политической эманципаціи... Я отъ всей души привѣтствую великую идею русскаго государя и я готовъ всѣми силами содѣйствовать этому прекрасному дѣлу, которое чрезъ нѣсколько лѣтъ можетъ повести къ весьма важнымъ результатамъ... Я получилъ, правда, письмо отъ г. Лиліенталя, въ которомъ онъ сообщаетъ мнѣ подробности проекта учрежденія училищъ, я узналъ также изъ этого письма, что министръ Уваровъ, имя котораго въ будущемъ будетъ тѣсно связано съ будущностью дѣтей вашихъ, желаетъ моего присутствія и что государь съ удовольствіемъ узнаетъ о моемъ пріѣздѣ въ Россію» *). Затѣмъ онъ опять повторяетъ то, что онъ писалъ уже Лиліенталю. Но для насъ важно не то, что Кремье настаивалъ на полученіи приглашенія отъ самого государя, а то, что онъ во взглядѣ своемъ на дѣло образованія русскихъ евреевъ сошелся съ другими иностранными евреями и понялъ всю важность его, хотя нельзя считать вѣрнымъ мнѣніе его о томъ, что эманципація евреевъ, главнымъ образомъ обусловливается ихъ воспитаніемъ. Мы не можемъ положительно сказать, были-ли Кремье и Монтефьоре въ Петербургѣ, или нѣтъ: о Монтефьоре, по крайней мѣрѣ, сообщалось въ «Zeitung des Judenthums», что ожидаютъ его прибытія въ Петербургъ **).

Въ другихъ городахъ Новороссійскаго края Лиліенталя встрѣчали съ тѣмъ же восторгомъ, въ особенности въ Херсонѣ, гдѣ ему отдавали особый почетъ. Встрѣченный городскою депутаціею и раввиномъ, Лиліенталь, въ самый день пріѣзда, читалъ рѣчь многочисленному собранію, которому объяснялъ цѣль своего путешествія и подготовлялъ его къ исполненію намѣреній правительства. Затѣмъ лучшіе представители общества провожали его на особо нанятомъ пароходѣ въ Алешко. Проводы эти отличались многими особенностями, которыя мы оставляемъ, объяс-

*) Тамъ же, стр. 190.

**) Кремье вовсе не былъ въ Петербургѣ, а Монтефьоре пріѣхалъ уже позже, въ 1845 г., и представилъ разные проекты, изъ которыхъ ни одинъ, однако, не имѣлъ успѣха. *Изд.*

няя себѣ толькoнеимовѣрный восторгъ херсонцевъ тѣмъ, что въ числѣ ихъ было много колонистовъ, которые, при содѣйствіи Лиліенталя, получили возможность переселиться въ Новороссійскій край и встрѣтили его, поэтому, какъ добраго знакомаго и стараго благодѣтеля. Въ главномъ городѣ Бессарабской области, въ Кишиневѣ, Лиліенталь тоже выполнилъ какъ слѣдуетъ свою миссію. Кишиневскій корреспордентъ «Zeitung des Judenthums» *) говоритъ, что набожная масса встрѣчаетъ предстоящую реформу въ дѣлѣ воспитанія и культа съ неподдѣльнымъ энтузіазмомъ, тогда какъ она обыкновенно возстаетъ противъ всякихъ нововведеній, предпринимаемыхъ извнѣ и старается подавлять ихъ въ самомъ зародышѣ. Успѣхъ выполненія Лиліентелемъ возложенной на него обязанности приписывается въ этой корреспонденціи его необыкновенному и увлекательному дару слова, его умѣнью обращаться съ народною массою. Такимъ образомъ Лиліенталь окончилъ трудное дѣло приготовленія народа и убѣжденія его въ благотворныхъ результатахъ образованія и, возвратившись въ Петербургъ, засѣдалъ въ раввинской коммисіи, какъ депутатъ отъ правительства. Раввинская коммисія состояла изъ предсѣдателя, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Вронченки, докладчика—Дукста-Дукшинскаго, депутата отъ правительства—Лиліенталя, секретаря — Кузнецова и членовъ: воложенскаго раввина Ицхака Ицхаки, любавичскаго раввина Менделя Шнеергона, директора одесскаго еврейскаго училища Бецалеля Штерна и бердичевскаго банкира Израиля Гальперина **). Нѣкоторые отнеслись подозрительно къ консервативному составу этой коммисіи въ большинствѣ ея членовъ и высказали серьезныя опасенія на счетъ благопріятнаго исхода ея работъ ***); но работы эти разсматривались, по окончаніи ихъ, въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ и о нихъ мы будемъ говорить во второмъ періодѣ исторіи образованія русскихъ евреевъ. Теперь же мы должны высказать наши общія замѣчанія относительно законченнаго нами перваго періода.

Изъ представленнаго нами очерка перваго періода образованія русскихъ евреевъ, читатель можетъ извлечь нѣкоторые выводы, весьма важные, какъ для установленія правильнаго взгляда на любопытныя стороны національнаго характера евреевъ, такъ и для опредѣленія тѣхъ средствъ и цѣлей, которыя слѣдуетъ избирать и ставить при серьезномъ желаніи преобразовать ихъ

*) Тамъ же, стр. 22.
**) Тамъ же, стр. 310.
***) Тамъ же, стр. 476.

внутренній бытъ. Прежде всего нельзя не указать на то отрадное явленіе, что въ первой четверти настоящаго вѣка и, нѣсколько спустя, когда русскіе евреи, подвергаясь разнаго рода ограниченіямъ въ правахъ, испытывали еще сверхъ того тяжелое чувство униженія подъ вліяніемъ болѣе чѣмъ грубаго отношенія къ нему населенія западныхъ губерній, въ средѣ ихъ находилась цѣлая партія людей, слѣдившая за литературнымъ и научнымъ движеніемъ иностранныхъ своихъ единовѣрцевъ и ознакомившаяся даже съ состояніемъ ихъ учебныхъ заведеній. Мало того, эта партія отдавала себѣ ясный отчетъ въ причинахъ, задерживающихъ нравственное усовершенствованіе народа, и не разъ задумывалась надъ средствами къ уничтоженію всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ преградъ. Прибавьте къ тому, что эта партія дѣйствовала осторожно и тайно, но солидарно, и при томъ въ такихъ захалустьяхъ, какъ Бердичевъ, Дубно и другія города того времени, и вы получите наглядное представленіе о силѣ характера этого племени, о его настойчивости и живучести, о его стремленіяхъ вырваться изъ обособленности и присоединиться къ живому потоку общечеловѣческой жизни, которая рисовалось ему въ очаровательной дали вѣчно-недостижимымъ идеаломъ. И въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ не сочувствовать «друзьямъ новаго просвѣщенія», которые, не ожидая никакой рѣшительной пользы отъ изученія разныхъ отраслей знанія, презираемые извнѣ и преслѣдуемые внутри, все таки остаются вѣрны своему знамени, которое они продолжаютъ носить какъ тяжелый крестъ своей жизни? Кто можетъ имъ не сочувствовать въ то время, когда они вдругъ узнаютъ о движеніи въ правительственной сферѣ, направленномъ къ осуществленію столь долго лелѣянной ими мечты, когда они на самомъ дѣлѣ видятъ предъ собою посланнаго къ нимъ Лиліенталя, который на живомъ языкѣ заговариваетъ съ ними совершенно открыто о томъ, что такъ долго должно было глохнуть у нихъ въ душѣ? Какъ ни будетъ это идиллически, но мы не можемъ удержаться отъ сравненія положенія этихъ «друзей новаго просвѣщенія» съ положеніемъ мореплавателей, которые, впервые пустившись для открытій въ широкое море и, долго и безнадежно продолжая плыть на кораблѣ съ ломающимися мачтами и рвущимися снастями, вдругъ съ замираніемъ сердца замѣчаютъ летающихъ птицъ, предвозвѣстниковъ недалекого берега. Вотъ то положеніе, въ которомъ, быть можетъ, еще и теперь находятся очень многіе изъ евреевъ, чутко прислушивающихся ко всему, что предпринимается на ихъ счетъ тѣми, отъ которыхъ зависитъ—или открыть широкое поприще молодымъ силамъ, ищущимъ соотвѣт-

ственныхъ ихъ воспитанію и образованію занятій, или же оттиснуть ихъ въ такую сферу дѣятельности, къ которой они не чувствуютъ никакого призванія. Но вѣрно ли, или нѣтъ, обрисованное нами положеніе, приведенный выше фактъ, заимствованный нами изъ перваго періода образованія русскихъ евреевъ, самъ по себѣ замѣчателенъ и совершенно опровергаетъ нелѣпое мнѣніе, что между евреями не обнаруживается искренняго желанія уничтожить замкнутость и изолированность своего положенія.

Чрезвычайно важно также уяснить себѣ то странное явленіе, почему евреи въ первый разъ давали такой сильный отпоръ Лиліенталю, а во второй—повсюду встрѣчали его съ такимъ восторгомъ. Кромѣ тѣхъ разбросанныхъ въ нашемъ очеркѣ данныхъ, которыя отрывочно объясняютъ это явленіе, главная причина его заключается въ слѣдующемъ. Въ началѣ думали, что возможно будетъ вести это новое и важное дѣло келейнымъ образомъ, и весь ходъ его покрылся мракомъ канцелярской тайны: евреи узнали, что правительство заготовляетъ имъ что то новое, невѣдомое. Это невѣдѣніе того, что касалось самыхъ священныхъ интересовъ еврейства, воспламеняло и безъ того разгоряченное воображеніе евреевъ и подорвало въ нихъ довѣріе къ правительству. Этимъ объясняется тотъ страхъ, который евреи обнаружили въ первый разъ предъ Лиліенталемъ, косвенно высказывая ту мысль, что ему самому неизвѣстны намѣренія правительства. Мы уже прежде сказали, что евреи могли узнать о тѣхъ выраженіяхъ въ докладахъ Уварова, которыя онъ употреблялъ какъ необходимую уступку своему времени, но въ которыхъ очень ясно содержался намекъ на возможность сближенія евреевъ съ крестомъ Евангелія, и потому секретность въ первоначальномъ введеніи дѣла могла только укрѣпить евреевъ въ ихъ догадкахъ и заставить ихъ рѣзко выступить противъ намѣреній правительства. Но надобно благодарить Уварова, который былъ настолько прозорливъ, что предвидѣлъ всю невозможность дальнѣйшаго веденія дѣла въ томъ же порядкѣ и тотчасъ-же направилъ его искреннимъ оглашеніемъ всего, что касалось предпріятія правительства, и привлеченіемъ къ обсужденію вопроса о преобразованіи быта евревъ выборныхъ съ ихъ стороны. Только послѣ этого правительство имѣло возможность правильно и скоро разрѣшить сложное дѣло, при содѣйствіи самихъ евреевъ, которые платили откровенностью за откровенность. Этимъ опытомъ не слѣдовало-бы пренебрегать и въ настояшее время, когда рѣчь заходитъ о преобразованіи существующихъ учебныхъ заведеній, и нужно было бы, для успѣха самого дѣла, выслушивать съ полною откровенностью разнообразныя сужденія объ этомъ предметѣ со стороны людей, близко знающихъ состояніе настоящихъ учебныхъ заведеній, ихъ дѣйствительные недостатки, причины препятствующія ихъ процвѣтанію, и средства, къ которымъ слѣдуетъ прибѣгнуть, для возобновленія ихъ духа и устройства ихъ на началахъ, болѣе раціональныхъ, болѣе соотвѣтствующихъ условіямъ общественной жизни евреевъ, характеру и цѣли самихъ заведеній. Но, къ сожалѣнію, не смотря на всѣ заявленія, сдѣланныя въ литературѣ по этому предмету, учрежденія, занимающіяся обсужденіемъ вопроса о преобразованіи еврейскихъ училищъ, не считаютъ нужнымъ выйти изъ предѣловъ одностороннягo обсужденія одной изъ важнѣйшихъ частей еврейскаго вопроса и берутъ, такимъ образомъ, на себя всю отвѣтственность за возможно неудовлетворительное исполненіе возложенной на нихъ обязанности.

Но самое главное, на что слѣдуетъ обратить особое вниманіе, это—необходимость въ установленіи строгой системы для приведенія разъ принятыхъ въ руководство началъ. Мы видѣли, что министръ Уваровъ старался привести разныя правила, касающіяся образованія евреевъ, не только въ связь между собою, но съ другими частями законодательства, съ которыми они приходятъ въ тѣсную связь. Онъ зналъ, что благоденствіе вызваннаго къ жизни учрежденія во многомъ зависитъ отъ поддержанія въ немъ органической связи съ цѣлымъ тѣломъ, среди котораго оно призвано дѣйствовать и часть котораго оно составляетъ, и что всякій перерывъ въ этомъ отношеніи есть посягательство на самую жизнь учрежденія. Въ строгомъ проведеніи этой системы Уварова, просвѣчивающейся во многихъ мѣстахъ его доклада и въ выработанныхъ за тѣмъ правилахъ, заключался залогъ процвѣтанія въ будущемъ еврейскихъ учебныхъ заведеній. Совершенно вѣрно построивъ основное начало своей системы, которую мы назовемъ системою органической связи частей съ цѣлымъ, Уваровъ считалъ даже излишнимъ предрѣшать въ самомъ началѣ всѣ отдѣльные случаи, а полагалъ возможнымъ осуществлять свой принципъ не по установившимся разъ навсегда нормамъ, а принаравливаясь всегда къ измѣняющимся условіямъ жизни. Но для того, чтобы довести до конца начертанный Уваровымъ планъ и уловить всѣ тѣ перемѣны, которыя произошли въ общественномъ строѣ русской и внутренней жизни самихъ евреевъ послѣ учрежденія училищъ, необходимо было прежде всего усвоить себѣ основный взглядъ Уварова на это дѣло,—а между тѣмъ преемники его не только не руководствовались имъ въ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ, но дозволяли себѣ явныя отступленія отъ него, изъ которыхъ многія находились

въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ жизнію, что появились въ свѣтъ мертворожденными. Еще болѣе замѣчательно то, что все не хорошее, не цѣлесообразное въ основныхъ правилахъ объ учрежденіи училищъ удерживается, напротивъ, съ рѣдкою систематичностью еще по нынѣ, въ теченіе 30 лѣтъ, между тѣмъ, какъ при жизни Уварова оно могло-бы подвергаться измѣненіямъ, въ силу его основнаго взгляда о необходимости идти въ уровень съ требованіями общества и времени.

Въ связи съ основнымъ взглядомъ Уварова находится также и мысль о необходимости расширенія правъ евреевъ, по мѣрѣ обнаруженія въ нихъ влеченія къ образованію. Въ этихъ видахъ Уваровъ еще вначалѣ считалъ необходимымъ даровать воспитанникамъ еврейскихъ заведеній особыя права и не преграждать имъ, а напротивъ, поощрять переходъ въ общія заведенія имперіи, для котораго еврейскія служили, по мысли Уварова, только посредствующимъ звеномъ, только подмостками, по которымъ еврею возможно было взбираться на лучшій путь. Между тѣмъ, послѣ Уварова, начали идти въ этомъ отношеніи черепашьимъ шагомъ и даже по совершенно противоположному направленію: права воспитанниковъ все болѣе и болѣе ограничивались; уравненіе раввинскихъ училищъ съ общими средними заведеніями имперіи, съ которыми они давно уже были сравнены самимъ закономъ, и распространеніе на ихъ воспитанниковъ правъ воспитанниковъ общихъ заведеній, нуждалось, по истеченіи 20 лѣтъ, въ подтвержденіи новымъ указомъ; казеннокоштнымъ воспитанникамъ, и надобно прибавить, наиболѣе даровитымъ, оффиціально воспрещенъ переходъ въ университеты,—однимъ словомъ, основныя правила, до сихъ поръ ничѣмъ не отмѣненныя, какъ будто не существуютъ, и еврейскія заведенія, остановившись въ недоконченномъ видѣ, совершенно не въ томъ, какой они должны были принять по плану Уварова, каждый разъ все болѣе и болѣе разобщаются съ тѣми дѣйствительными интересами, которымъ они призваны были служить. Кромѣ того, повышеніе евреевъ, получившихъ высшее образованіе, всегда было стремленіемъ нашего правительства съ начала XIX столѣтія и особенно поддерживалось Уваровымъ, — и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ сдѣлано было въ этомъ отношеніи весьма важный шагъ, который могъ-бы привлечь множество евреевъ къ полезной дѣятельности и этимъ самымъ совершенно слить ихъ интересы съ интересами общаго ихъ отечества, съ интересами общечеловѣческой, а не спеціально-еврейской жизни. Мы говоримъ о законѣ, открывшемъ всѣмъ евреямъ, окончившимъ одно изъ высшихъ заведеній съ ученою степенью, доступъ къ профессурѣ. На этотъ законъ многіе евреи дѣйствительно расчитывали, на него расчитывало даже само правительство, отправлявшее ученыхъ юристовъ изъ евреевъ за границу для подготовленія ихъ къ занятію каѳедры по юридическимъ наукамъ, — а между тѣмъ, не смотря на это обоюдное и согласное стремленіе къ одной и той же цѣли, законъ этотъ, по отношенію къ политическимъ и нравственнымъ наукамъ, потерялъ всякую практическую силу. Нельзя сказать, чтобъ наши университеты не нуждались въ профессорахъ по этимъ наукамъ: напротивъ, многія каѳедры свободны и ищутъ конкурентовъ; нельзя сказать, чтобы не было способныхъ евреевъ къ занятію такихъ каѳедръ; нельзя сказать также, чтобы евреи не желали ихъ занять. Что-же могло остановить силу этого единственно важнаго для евреевъ закона, который указываетъ на несомнѣнное желаніе правительства воспользоваться молодыми силами евреевъ и не дѣлать различія между евреемъ и не-евреемъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о наукѣ, ея распространеніи и развитіи? Неужели какое-нибудь административное распоряженіе? Но это было-бы несогласно съ законами и противно ихъ сущности и духу. Но какъ-бы то ни было, фактъ существуетъ, и это весьма важное недоразумѣніе можетъ неблагопріятно подѣйствовать на желаніе евреевъ образоваться и достигнуть какого нибудь достойнаго человѣка положенія въ жизни. Минскіе евреи, еще въ началѣ сороковыхъ годовъ, высказали Лиліенталю весьма вѣрную мысль, что образованіе безъ соотвѣтственныхъ ему правъ можетъ убить въ евреѣ чувство національнаго достоинства и морально унизить его какъ человѣка. Что же должны сказать нынѣшніе евреи, на самомъ дѣлѣ испытывающіе на себѣ зловѣщее пророчество минскихъ евреевъ?

Заканчивая первый періодъ образованія русскихъ евреевъ, въ которомъ игралъ такую дѣятельную роль д-ръ Лиліенталь, мы не можемъ не остановиться надъ вопросомъ, почему онъ, такъ усердно занимавшійся осуществленіемъ въ высшей степени важнаго дѣла, оставляетъ его какъ разъ въ то время, когда оно благополучно разрѣшилось и когда именно необходимо было оставить при вновь учрежденныхъ училищахъ хоть одного человѣка, который близко знакомъ былъ съ основаніемъ и цѣлью ихъ учрежденія и могъ-бы, слѣдовательно, больше другихъ радѣть объ интересахъ этихъ заведеній, имъ самимъ вызванныхъ къ жизни? Сколько мы ни старались узнавать объ этомъ загадочномъ событіи, мы все-таки ни отъ кого не получили не только удовлетворительнаго, но хотя сколько-нибудь сноснаго отвѣта. Г. Ротенбергу Лиліенталь объясняетъ причину своего отъѣзда въ Америку слѣдующими словами: «Я оставляю своихъ бѣдныхъ, угнетаемыхъ единовѣрцевъ Европы, которымъ помочь я не въ состояніи, чтобъ поселиться въ свободной странѣ, среди свободныхъ собратій». Дѣй-

ствительно, Лиліенталь еще и теперь находится въ Америкѣ и принадлежитъ къ крайне-реформатской партіи раввиновъ. Онъ именно и есть тотъ самый американскій раввинъ, о которомъ мы въ одномъ изъ нашихъ иностранныхъ обозрѣній за прошлый годъ въ газетѣ «День» сказали, что онъ одинаково увлекаетъ своею человѣчною проповѣдью и христіанъ въ церкви и евреевъ въ синагогѣ. Но въ словахъ его къ Ротенбергу скрывается замѣтная грусть и какое то чувство сожалѣнія, какъ о Европѣ, такъ и о своихъ единовѣрцахъ. Извѣстно также, что Лиліенталь вдругъ оставилъ Россію и при самыхъ неблагопріятныхъ матеріальныхъ условіяхъ: у него было всего около 300 р. и серебрянный кубокъ Бердичевцевъ, которымъ онъ, впрочемъ, гордился при отъѣздѣ. Однимъ словомъ, отъѣздъ его сопровождается какою-то непроницаемою тайною, о которой онъ не хотѣлъ сообщить даже г. Ротенбергу, между тѣмъ, какъ онъ состоялъ съ нимъ въ постоянной перепискѣ и довѣрялъ ему очень многое, съ обыкновенною добавкою—держать втайнѣ между друзьями. Гадательно мы можемъ себѣ объяснить этотъ внезапный выѣздъ одною изъ слѣдующихъ причинъ. Лиліенталь могъ остаться недовольнымъ тѣмъ именно, что съ выработкою правилъ объ учрежденіи училищъ, правительство отказалось отъ первоначальной мысли пригласить изъ-за границы учителей, тогда какъ онъ, по порученію Уварова, вступилъ о томъ въ переписку съ заграничными учеными, а Уваровъ въ докладѣ государю даже указалъ на цифру расходовъ, которые окажутся необходимыми для снабженія училищъ учителями изъ иностранныхъ евреевъ. Лиліенталь взбудоражилъ всю Германію, гдѣ болѣе 200 человѣкъ ждали уже разрѣшенія въ Россіи вопроса о еврейскихъ училищахъ, ждали до того, что иностранные органы каждый разъ дѣлали Лиліенталю упреки за медлительность въ приглашеніи, на которые онъ отвѣчалъ торжественнымъ обѣщаніемъ и увѣрялъ, что къ этому будетъ приступлено немедленно съ учрежденіемъ училищъ; онъ даже оправдывалъ Россію, указывая на ея обширную пространственность, которая препятствуетъ быстрому сношенію съ мѣстными властями объ этомъ предметѣ и скорому поступленію отвѣтовъ отъ мѣстныхъ комитетовъ; но, представьте себѣ положеніе Лиліенталя, поддерживавшаго надежду иностранцевъ въ теченіи двухъ лѣтъ, имѣя къ тому полное основаніе и дѣйствуя отъ имени правительства, — представьте себѣ его положеніе, когда правительство вдругъ отказывается отъ прежней своей мысли и замѣщаетъ всѣ мѣста русскими евреями? Иностранные евреи имѣли достаточное основаніе думать, что Лиліенталь вводилъ ихъ только въ заблужденіе и хотѣлъ воспользоваться ихъ мнѣніями о пользѣ еврейскихъ училищъ, чтобы поставить себя выше въ

глазахъ русскаго правительства. Мы бы тоже такъ думали, если-бъ не имѣли подъ руками обнародованнаго доклада Уварова, изъ котораго видно, что Лиліенталь дѣйствовалъ искренно, что онъ приглашалъ иностранныхъ евреевъ именемъ правительства, а мнѣнія ихъ передавались Уварову отъ имени ихъ составителей. Но иностранные евреи оффиціально въ этомъ не могли убѣдиться; докладъ Уварова имъ былъ неизвѣстенъ: онъ появился недавно и въ спеціальномъ изданіи министерства, — а потому Лиліенталь не могъ имѣть предъ ними никакаго оправданія, и они имѣли полное право заподозрить его въ недобросовѣстности, и Лиліенталь очень хорошо понималъ неловкость своего положенія. Какъ человѣкъ молодой, пылкій и впечатлительный, онъ не могъ перенести этого чувства и долженъ былъ доказать наглядно, что онъ не хочетъ пользоваться своимъ положеніемъ въ Россіи. Другая догадка та, что Лиліенталь самъ тоже разочаровался. Какъ видно и онъ не получилъ никакаго мѣста, потому что былъ иностранецъ; инспекторскія мѣста раввинскихъ училищъ замѣщены были другими—русскими евреями, а въ Ригѣ, гдѣ онъ занималъ прежде должность раввина и проповѣдника, которую онъ добровольно оставилъ, при глубокомъ сожалѣніи о томъ рижскаго общества, вслѣдствіе занятій по вопросу о еврейскихъ училищахъ, требовавшихъ постояннаго его присутствія при министерствѣ, избрали, между тѣмъ, по его же совѣту, нынѣшняго петербургскаго раввина г. Неймана,—и онъ остался безъ всякаго мѣста. Одесситы-же, которые встрѣчали его съ такимъ энтузіазмомъ и подали ему благодарственный адресъ, выразивъ въ немъ горячее желаніе имѣть его своимъ раввиномъ-проповѣдникомъ, тоже какъ-то притихли, по указаннымъ нами выше причинамъ. Кромѣ всѣхъ этихъ причинъ, мы должны вспомнить еще одно очень важное обстоятельство, которое можетъ пролить свѣтъ на загадочный выѣздъ Лиліенталя. Читатели знаютъ, что Лиліенталь далъ торжественную клятву евреямъ, что онъ оставитъ свое дѣло, если онъ хоть сколько-нибудь убѣдится въ справедливости ихъ опасеній. Можетъ быть всѣ эти причины дѣйствовали вмѣстѣ. Но какъ бы то ни было, чрезвычайно странно то, что человѣкъ, надѣлавшій столько шуму въ Россіи, усердно работавшій по такому важному дѣлу, какъ улучшеніе быта евреевъ путемъ образованія, — человѣкъ, проведшій до конца мысль Уварова, долженъ былъ не только безъ шуму, но, какъ говорятъ, украдкою оставить Россію. Не смотря на всѣ наши соображенія, загадка остается загадкою.

Одесса.

М. Моргулисъ.

Принося искреннюю благодарность автору за его прекрасную статью, мы однако считаемъ своимъ долгомъ указать здѣсь вкратцѣ на нѣкоторыя явленія, имъ пропущенныя. Явленія эти суть: 1) Еврейская литература, которая имѣла весьма важное вліяніе на подготовленіе евреевъ къ образованію и которая и вызвала къ жизни «друзей новаго просвѣщенія», которымъ авторъ, придаетъ такое важное значеніе. 2) Виленскій университетъ, въ которомъ воспитывались многіе евреи, имѣлъ также большое вліяніе на образованіи въ Вильно партіи приверженцевъ просвѣщенія. 3) Вліяніе дерптскаго универстета, въ которомъ также уже очень рано было еврейскихъ слушателей. 4) Городъ Митава, который также имѣлъ большое вліяніе на сосѣднія мѣстности въ сѣверо-западномъ краѣ, въ особенности на мѣстечко Жагоры, которое славилось въ прежнее время своимъ прогрессивнымъ духомъ и изъ котораго вышелъ Л. I. Мандельштамъ, заниввшій при министерствѣ народнаго просвѣщенія мѣсто Лиліенталя. Кромѣ того, автору, какъ видно, неизвѣстны были семейныя отношенія Лиліенталя, которыя вѣроятно, также во многомъ разъяснили бы, почему Лиліенталь такъ внезапно оставилъ Россію. *Изд.*

ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ СОЛОМОНА МАЙМОНА *).

Очерки быта польско-русскихъ евреевъ во второй половинѣ XVIII столѣтія.

Введеніе.

Жители Польши приблизительно могутъ быть раздѣлены на шесть классовъ или сословій: высшее дворянство, нисшее дворянство, полудворяне, мѣщане, крестьяне и евреи.

Высшее дворянство состоитъ изъ крупныхъ помѣщиковъ и лицъ, занимающихъ высшія государственныя должности. *Нисшее* дворянство, хотя тоже можетъ владѣть собственными имѣніями и занимать всѣ государственныя должности, но вслѣдствіе своей бѣдности не въ состояніи добиться этого. *Полудворяне* не имѣютъ права, ни владѣть собственными имѣніями, ни занимать высшія должности въ государствѣ, чѣмъ они и отличаются отъ настоящихъ дворянъ. Они хотя тамъ и сямъ владѣютъ имѣніями, но находятся въ нѣкоторой зависимости отъ помѣщиковъ, во владѣніяхъ котораго лежатъ ихъ имѣнія, такъ какъ они должны платить имъ ежегодный оброкъ.

Мѣщанское сословіе занимаетъ самое бѣдственное положеніе между всѣми остальными. Мѣщане, хотя и не считаются крѣпостными и пользуются нѣкоторыми правами и имѣютъ даже свой собственный судъ; но такъ какъ они не имѣютъ никакихъ доходныхъ имѣній и не занимаются, какъ слѣдуетъ, никакой профессіей, то и остаются всегда въ презрѣнномъ и бѣдственномъ положеніи.

Послѣднія два сословія, *крестьяне* и *евреи*, суть самыя полезныя въ странѣ. Крестьяне занимаются хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, пчеловодствомъ и т. д., словомъ всѣмъ тѣмъ, что земля производитъ. Евреи занимаются торговлею и промыслами: они реме-

---

*) Соломонъ Маймонъ бѣдный литовскій еврей, сдѣлавшійся впослѣдствіи извѣстнымъ ученымъ и философомъ, родился около 1754 года въ Несвижѣ. Подробности его жизни, равно какъ и вѣрную картину тогдашняго положенія польско-русскихъ евреевъ, читатели найдутъ въ самой статьѣ. Автобіографія его издана въ Берлинѣ въ 1792 г. *Изд.*

сленники, булочники, винокуры и шинкари. Они также единственные арендаторы въ городахъ и деревняхъ, за исключенiемъ монастырскихъ имѣнiй, гдѣ святые отцы считаютъ грѣхомъ дать еврею возможность пропитаться и потому арендныя статьи передаютъ лучше крестьянамъ; и хотя они сильно страдаютъ при этомъ, а арендныя статьи ихъ приходятъ въ совершенный упадокъ, такъ какъ крестьяне къ тому неспособны, тѣмъ не менѣе, святые отцы охотно переносятъ это съ христiанскимъ смиренiемъ.

Въ концѣ прошлаго столѣтiя арендныя статьи въ Польшѣ, вслѣдствiе невѣжества большей части польскихъ помѣщиковъ, притѣсненiя крѣпостныхъ и совершеннаго недостатка экономiи, пришли въ такой упадокъ, что аренда, которая теперь приноситъ тысячу польскихъ злотыхъ, предлагалась тогда евреямъ за десять злотыхъ, но послѣднiе, вслѣдствiе еще бо́льшаго невѣжества и лѣни, все-таки не могли этимъ пропитаться. Одно обстоятельство, однако, дало этому дѣлу совершенно другой оборотъ. Два брата, прибывшiе изъ Галицiи, гдѣ евреи вообще гораздо умнѣе, чѣмъ въ Литвѣ, подъ именемъ *державцевъ* или генеральныхъ арендаторовъ, сняли всѣ имѣнiя князя Радзивила и, необыкновенной дѣятельностью и лучшею экономiей, не только привели имѣнiя въ лучшее положенiе, но и сами обогатились въ самое короткое время. Они возвысили арендную плату, не обращая вниманiя на вопли своихъ собратовъ, и взыскивали арендныя деньги съ второстепенныхъ арендаторовъ съ неумолимою строгостью. Подчиненныя имъ арендныя статьи они сами осматривали, и если находили арендатора, который, вмѣсто того, чтобы прилежанiемъ и экономiей улучшить свою аренду, въ свою собственную выгоду и въ пользу помѣщика, праздноствовалъ или лежалъ на печи, то приказывали снять его и нагайкой пробудить отъ летаргическаго сна. Такое обращенiе генеральныхъ арендаторовъ прiобрѣло имъ среди ихъ единовѣрцевъ имя тирановъ.

Но это имѣло свои благодѣтельныя послѣдствiя. Арендаторъ, который въ прежнее время не былъ въ состоянiи уплатить свои десять злотыхъ аренды, не попавъ предварительно въ цѣпи, теперь сталъ обнаруживать такую дѣятельность, что не только въ состоянiи былъ пропитать свою семью съ доходовъ арендованнаго имѣнiя, но кромѣ того, вмѣсто десяти злотыхъ, былъ въ состоянiи платить четыреста, пятьсотъ, а иногда и тысячу злотыхъ.

Евреи, въ свою очередь, тоже могутъ быть раздѣлены на три класса: на трудящихся неученыхъ, на ученыхъ, которые дѣлаютъ свою ученость промысломъ, и на ученыхъ, которые посвящаютъ себя наукѣ, не занимаясь никакой профессiей и живя на счетъ промышленнаго класса. Второй классъ доставляетъ раввиновъ, проповѣдниковъ, судей, учителей и т. п. Третiй классъ состоитъ изъ

тѣхъ ученыхъ, которые своими превосходными талантами и ученостью обращаютъ на себя вниманiе неученыхъ; послѣднiе берутъ ихъ къ себѣ въ домъ, выдаютъ за нихъ своихъ дочерей и держатъ ихъ на всемъ готовомъ съ женою и дѣтьми въ теченiи нѣсколькихъ лѣтъ. Но послѣ этого жена должна заботиться о пропитанiи ея святаго лѣнтяя и нажитыхъ отъ него дѣтей,—которыхъ въ этомъ классѣ обыкновенно рождается очень много, — чему она, и совершенно справедливо, придаетъ не мало значенiя.

Нѣтъ, можетъ быть, еще такой страны, гдѣ религiозная свобода и религiозная ненависть встрѣчаются въ такой равной степени, какъ въ Польшѣ. Евреи здѣсь пользуются полною религiозною свободою и всѣми другими гражданскими правами и имѣютъ даже свои собственные суды. Но съ другой стороны религiозная ненависть до того сильна, что названiе *еврей* всѣми презирается, и это наслѣдiе варварства еще имѣло мѣсто въ мое время, т. е. около тридцати лѣтъ тому назадъ. Это кажущееся противорѣчiе объясняется, однакоже, весьма легко тѣмъ обстоятельствомъ, что представленная евреямъ въ Польшѣ религiозная и гражданская свобода не есть плодъ *уваженiя къ общимъ правамъ человѣчества*, точно также, какъ и религiозная ненависть и преслѣдованiе не суть слѣдствiе разумной политики, стремящейся удалить изъ государства все, что можетъ вредить его нравственности и благосостоянiю. Какъ одно, такъ и другое есть лишь слѣдствiе господствующаго въ странѣ политическаго невѣжества и лѣни. Такъ какъ евреи, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, все-таки въ этой странѣ почти единственные на что нибудь годные люди, то польская нацiя хотя и вынуждена была, для удовлетворенiя своихъ собственныхъ потребностей, даровать евреямъ всевозможныя права, однако умственное невѣжество и лѣнь неминуемо должны были вызвать религiозную ненависть и преслѣдованiя.

ГЛАВА I.

Хозяйство моего дѣда.

Дѣдъ мой *Гейманъ Iосифъ* былъ арендаторомъ нѣсколькихъ деревень во владѣнiяхъ князя Радзивила близь города Мирца. Мѣстопребыванiемъ своимъ онъ избралъ деревню *Суковыборгъ*, лежавшую на берегу рѣки Нѣмана. Въ ней кромѣ нѣсколькихъ дворовъ, была еще водяная мельница, маленькая пристань и склады товаровъ для судовъ, приходившихъ изъ прусскаго города Кенигсберга. Все это, равно какъ и мостъ за деревней и паромъ чрезъ Нѣманъ,

принадлежало къ арендѣ моего дѣда, которая оплачивалась тогда приблизительно въ тысячу злотыхъ и была *хазакой* *) послѣдняго. Аренда эта, вслѣдствіе своего благопріятнаго положенія на большой дорогѣ и находившагося тамъ складочнаго мѣста товаровъ, была весьма доходна. При энергической дѣятельности и знаніи хозяйства, дѣдъ мой (fi mens non leva fuiffet) не только могъ бы пропитать свою семью, но и накопить богатства. Но скверное устройство страны и совершенный недостатокъ познаній, необходимыхъ для пользованія землею, сильно тому препятствовали.

Дѣдъ мой сдѣлалъ своихъ братьевъ второстепенными арендаторами въ принадлежащихъ къ его арендѣ деревняхъ. Они не только постоянно жили у моего дѣда (подъ предлогомъ, что они будто бы помогаютъ ему въ дѣлахъ), но въ концѣ года не хотѣли еще уплачивать приходящихся съ нихъ арендныхъ денегъ.

Строенія, находившіяся въ арендѣ моего дѣда, вслѣдствіе своей ветхости, были въ весьма плохомъ состояніи и необходимо было ихъ поправить. Пристань и мостъ также сильно нуждались уже въ починкѣ. По условіямъ аренднаго договора помѣщикъ обязанъ былъ исправить все это и привести въ надлежащее положеніе. Помѣщикъ этотъ, подобно всѣмъ польскимъ магнатамъ, находился постоянно въ Варшавѣ и на улучшеніе своихъ имѣній не могъ слѣдовательно обращать должнаго вниманія. Управляющіе же его имѣли главнымъ образомъ въ виду улучшеніе своего собственнаго положенія, а не улучшеніе господскихъ имѣній. Они притѣсняли подчиненныхъ имъ жителей всевозможными денежными поборами, не обращали никакого вниманія на приказы объ улучшеніи имѣній, а назначенныя для того суммы употребляли въ свою собственную пользу. Мой дѣдъ хотя ежедневно докладывалъ объ этомъ управляющимъ и увѣрялъ, что не въ состояніи уплачивать аренду, пока, согласно договору, все не приведено въ надлежащее положеніе, но это нисколько не помогало. Они хотя всякій разъ и давали обѣщанія, но никогда ихъ не исполняли. Это имѣло своимъ послѣдствіемъ какъ упадокъ аренднаго имѣнія, такъ и множество другихъ золъ.

Такъ какъ въ имѣніи этомъ было много ѣзды, а мосты находились въ плохомъ состояніи, то не рѣдко случалось что мосты эти ломались именно тогда, когда проѣзжалъ какой нибудь польскій панъ съ своей многочисленной свитой, вслѣдствіе чего конь съ ѣздокомъ попадали въ болото. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно требовали несчастнаго арендатора и чесали его до тѣхъ поръ, пока почувствовали себя отомщенными.

---

*) См. ниже.

Дѣдъ мой сдѣлалъ, поэтому, все отъ него зависящее, чтобы на будущее время избѣгать подобныхъ золъ. Онъ приставилъ къ мосту сторожа, который обязанъ былъ извѣщать его каждый разъ, когда проѣзжалъ польскій панъ и случалось несчастіе, для того, чтобы онъ со всѣмъ семействомъ могъ спрятаться въ ближайшую рощу. Въ страшномъ испугѣ всѣ тогда убѣгали изъ дому и нерѣдко приходилось провести цѣлыя ночи подъ открытымъ небомъ, пока, наконецъ, рѣшались, одинъ за другимъ, приблизиться къ дому.

Такой образъ жизни продолжался нѣсколько поколѣній. Отецъ мой часто разсказывалъ о такомъ происшествіи, случившемся, когда онъ былъ еще восьмилѣтнимъ мальчикомъ. Вся семья спряталась въ свое обыкновенное убѣжище. Отецъ мой, который ничего не зналъ объ этомъ и игралъ за печкой, одинъ остался дома. Прибывши въ шинокъ и не найдя никого, на которего онъ могъ бы выместить свой гнѣвъ, разсерженный панъ велѣлъ перешарить всѣ углы, пока за печкой не нашли отца моего. Панъ предложилъ отцу моему пить водку и когда послѣдній отказался, онъ закричалъ: *если не хочешь пить водку, то долженъ пить воду*. Затѣмъ онъ немедленно приказалъ принести полное ведро воды и ударами кнута заставилъ отца выпить всю воду. Само собою разумѣется, что отецъ мой, вслѣдствіе этого, получилъ лихорадку, которая продолжалась почти цѣлый годъ и совершенно разрушила его здоровье.

Подобное же происшествіе случилось, когда мнѣ было три года. Всѣ убѣжали изъ дому и служанка, которая носила меня и за которою погнались слуги прибывшаго пана, въ торопяхъ бросила меня изъ рукъ. Я лежалъ у рощи и горько плакалъ, пока, къ счастію моему, не прошелъ мимо крестьянинъ и не взялъ меня къ себѣ въ домъ. Когда гроза прошла и родители мои возвратились въ свой домъ, тогда вспомнили обо мнѣ; служанка ломала руки, но меня нигдѣ не могли найти, пока крестьянинъ самъ не возвратилъ меня моимъ родителямъ.

При такихъ случаяхъ обыкновенно страдали не отъ одного испуга и страха, но и отъ разграбленія, которому подвергался оставленный своими хозяевами домъ. Водки, пива и меду выпивалось сколько угодно, но иногда месть доходила до того, что оставляли всѣ сосуды открытыми и выпускали все содержимое; хлѣбъ и домашнихъ животныхъ брали съ собою и т. п.

Еслибъ дѣдъ мой, вмѣсто того, чтобъ тягаться съ болѣе сильнымъ противникомъ, стерпѣлъ бы эту несправедливость и на свой счетъ исправилъ бы упомянутый мостъ, то онъ избѣгнулъ бы всѣхъ этихъ золъ. Но онъ постоянно ссылался на свой контрактъ, а управляющій издѣвался надъ его бѣдствіемъ.

Теперь нѣсколько словъ о внутреннемъ хозяйствѣ моего дѣда. Образъ жизни, который онъ велъ въ своемъ домѣ, былъ очень про-

стой. Ежегодный доходъ съ принадлежавшихъ къ его арендѣ полей, луговъ и огородовъ, покрывалъ не только всѣ потребности семьи, но его хватило и на куреніе водки и пива: онъ даже ежегодно могъ еще продавать значительное количество хлѣба и сѣна. Его пчеловодства хватило для куренія меду; кромѣ того, онъ имѣлъ еще много скота. Главная пища состояла въ смѣшанномъ съ отрубями ржаномъ хлѣбѣ, въ мучной и молочной пищѣ и огородной овощи; мясо было очень рѣдко. Одежда состояла изъ худаго халата и грубаго сукна. Только женскій полъ составлялъ въ этомъ отношеніи нѣкоторое исключеніе, а также и отецъ мой, который былъ ученымъ и потому долженъ былъ вести другой образъ жизни.

Гостепріимство господствовало здѣсь въ широкихъ размѣрахъ. Если только чрезъ деревню проѣзжалъ еврей, (а это, при оживленности сношеній случалось очень часто, такъ какъ евреи въ этой мѣстности очень много ѣздятъ на своихъ собственныхъ лошадяхъ) то онъ непремѣнно долженъ былъ завернуть въ корчму. Его тотчасъ же встрѣчали рюмкой: одной рукой ему *подавали шалемъ* *) въ другой—стаканчикъ водки. Послѣ этого онъ долженъ былъ умыть руки и сѣсть за столъ, всегда накрытый для гостей.

Содержаніе многочисленнаго семейства и такое широкое гостепріимство не имѣли бы, однако, особеннаго вліянія на ухудшеніе дѣлъ моего дѣда, еслибъ онъ только при этомъ велъ бы въ домѣ болѣе толковое хозяйство. Но это послѣднее было источникомъ его несчастія.

Дѣдъ мой въ мелочахъ былъ почти слишкомъ экономенъ и упускалъ, поэтому, изъ виду болѣе важныя вещи. Онъ, напримѣръ, считалъ излишнею роскошью употреблять въ домѣ восковыя или сальныя свѣчи; мѣсто ихъ заступали узенькія лучинки, одинъ конецъ которыхъ втыкали въ стѣну, а другой зажигали. Нерѣдко отъ этого происходили пожары и многіе убытки, противъ которыхъ издержки на свѣчи нельзя даже и принять въ разсчетъ.

Комната, въ которой находились пиво, вино, медъ, сельди, соль и другіе предметы, ежедневно употребляемые въ корчмѣ, не имѣла оконъ, а только открытыя отверстія, чрезъ которыя проникалъ свѣтъ. Это нерѣдко привлекало матросовъ и извощиковъ тайкомъ забраться въ эту комнатку и безвозмездно насытиться виномъ и медомъ. Случалось иногда еще хуже: эти пьяные герои, боясь быть застигнутыми на мѣстѣ преступленія, при малѣйшемъ шорохѣ, не закрывая бочекъ, выскакивали чрезъ отверстія, а напитки между тѣмъ выливались на полъ. Нерѣдко, такимъ образомъ, пропадали полныя бочки вина и меду.

---

*) Подать шалемъ (миръ)—значитъ привѣтствовать, поздороваться.

Амбары не имѣли порядочныхъ замковъ, а запирались деревянными задвижками. Всякій, поэтому, могъ брать изъ нихъ, въ особенности при нѣкоторомъ разстояніи ихъ отъ жилья, все что ему было угодно, и даже увозить цѣлыя фуры. Бараньи хлѣва повсюду имѣли отверстія, чрезъ которыя, при близости рощи, могли проникать волки и истреблять овецъ по произволу. Коровы очень часто возвращались съ пастбища съ пустыми выменами. Вслѣдствіе господствующаго тамъ суевѣрія, въ такихъ случаяхъ говорили, что *молоко у нихъ отнято колдовствомъ*—зло, противъ котораго—предполагали—ничего нельзя было сдѣлать.

Бабушка моя, добрая, простая женщина, усталая отъ трудовъ по хозяйству, не рѣдко ложилась спать на печи, имѣя полные карманы денегъ, но не зная сколько именно. Этимъ пользовалась служанка и опорожнивала ихъ на половину. Тѣмъ не менѣе бабушка моя, если только служанка не хватала черезъ край, рѣдко замѣчала эту пустоту.

Всѣхъ этихъ золъ хотя легко можно было избѣгнуть: исправленіемъ строеній, оконъ, ставень и замковъ, надлежащимъ надзоромъ надъ всѣми принадлежащими къ арендѣ доходными статьями, равно какъ и точнымъ исчисленіемъ доходовъ и расходовъ—но объ этомъ никогда и не думали. Если же отецъ мой, принадлежавшій къ ученому классу и воспитанный нѣкоторымъ образомъ въ городѣ, заказывалъ себѣ раввинскую одежду изъ матеріи, которая была нѣсколько тоньше обыкновенной, то дѣдъ мой не пропускалъ случая прочитать ему длинную проповѣдь о суетѣ мірской. Наши предки, говорилъ онъ, не знали о такихъ новомодныхъ костюмахъ и навѣрно вѣдь были благочестивые люди. Ты долженъ имѣть камлотовый *лабсердакъ*, кожанные штаны, съ пуговицами даже, и остальное соотвѣтственно этому. Ты меня приведешь еще когда нибудь къ нищенству; я изъ-за тебя попаду еще въ цѣпи. Ахъ, я несчастный, что со мною станется?

Отецъ мой ссылался тогда на права и преимущества ученаго сословія, доказывалъ при этомъ, что при хорошо устроенномъ хозяйствѣ вовсе не важно, живутъ-ли нѣсколько лучше или хуже, и что и несчастіе моего дѣда происходитъ вовсе не оттого, что онъ слишкомъ много проживаетъ, а оттого, что онъ изъ небрежности даетъ другимъ обирать себя. Но на дѣда моего это не производило никакого дѣйствія. Онъ не терпѣлъ нововведеній и потому все должно было остаться по старому.

Дѣда моего считали въ сосѣдствѣ богатымъ человѣкомъ, которымъ онъ дѣйствительно и могъ бы быть, если бы только умѣлъ пользоваться благопріятными обстоятельствами. Всѣ, поэтому, завидовали ему и ненавидѣли его, даже его собственные родственники. Помѣщикъ объ немъ не заботился, управляющіе притѣсняли его все-

возможнымъ образомъ, его домочадцы и друзья обманывали и обирали его, словомъ: *онъ былъ самый бѣдный богатый человѣкъ во всемъ мірѣ.*

Къ этому присоединились еще болѣе значительныя несчастія, которыхъ я здѣсь не могу пройти совершеннымъ молчаніемъ. Деревенскій попъ былъ невѣжественный и глупѣйшій человѣкъ и едва умѣлъ читать и писать. Онъ постоянно сидѣлъ въ корчмѣ, пилъ вмѣстѣ со своими прихожанами и велѣлъ все писать на счетъ, ни когда при этомъ не думая о расплатѣ. Дѣду моему это, наконецъ, надоѣло и онъ рѣшился ничего не давать ему больше въ кредитъ. Священникъ, понятно, весьма обидѣлся и думалъ о мести.

Онъ дѣйствительно нашелъ къ тому средство, предъ которымъ человѣчество, правда, ужаснется, но которымъ католическіе христіане въ Польшѣ въ то время очень часто пользовались. Средство это состояло въ обвиненіи моего дѣда въ убійствѣ христіанина и подверженіи его уголовному суду. Это случилось слѣдующимъ образомъ: Въ окрестостяхъ находился охотникъ, который ловилъ на Нѣманѣ бобровъ и тайкомъ (такъ какъ бобры были регаліей двора) продавалъ ихъ иногда моему дѣду. Однажды въ полночь охотникъ этотъ постучался въ дверь и велѣлъ вызвать моего дѣда. Онъ показалъ ему мѣшокъ, который довольно трудно было поднять и съ таинственнымъ видомъ сказалъ: вотъ, я тебѣ принесъ славную штуку. Дѣдъ мой хотѣлъ зажечь огонь, осмотрѣть бобра и согласиться на счетъ цѣны. Но крестьянинъ замѣтилъ, что это излишне, что дѣдъ мой можетъ оставить у себя бобра и что они уже сойдутся въ цѣнѣ. Дѣдъ мой, который не подозрѣвалъ ничего худаго, взялъ мѣшокъ такъ, какъ онъ былъ, положилъ его въ сторону и снова легъ спать. Но едва онъ заснулъ его снова разбудили съ страшнымъ шумомъ.

Это былъ упомянутый выше попъ съ нѣкоторыми крестьянами, которые тотчасъ же стали обыскивать всѣ углы. Они нашли мѣшокъ и дѣдъ мой уже трепеталъ потому, что боялся, что на него донесли при дворѣ за его тайную торговлю бобрами, отъ которой онъ теперь не могъ отречься. Но каковъ былъ его ужасъ, когда открыли мѣшокъ и, вмѣсто бобра, нашли тамъ трупъ человѣка. Дѣду моему тотчасъ завязали руки на спинѣ, надѣли ему на ногахъ колодки, бросили въ тѣлегу и отвезли въ городъ Мирцъ, гдѣ его передали уголовному суду. Его заковали въ цѣпи и посадили въ темный острогъ.

При допросѣ дѣдъ мой настаивалъ на своей невинности, разсказалъ все, какъ было, и требовалъ, чтобы допрашивали и охотника. Но этого послѣдняго нигдѣ уже нельзя было найти. Его вездѣ искали. Но кровожадный судья, которому между тѣмъ становилось скучно, три раза сряду подвергалъ дѣда моего пыткѣ, которая, однако, ни къ чему не повели. Дѣдъ мой остался при своемъ, что онъ ничего не знаетъ о трупѣ. Наконецъ захватили и охотника. При допросѣ онъ отрекся отъ всего. Тогда его тоже подвергли пыткѣ, и онъ разсказалъ слѣдующее: Нѣсколько времени тому назадъ онъ нашелъ это мертвое тѣло въ водѣ и привезъ его къ священнику, чтобы похоронить его, но священникъ замѣтилъ ему, что съ похоронами торопиться нечего. Ты знаешь, сказалъ ему попъ, что евреи испорчены и потому вѣчно прокляты. Они распяли Іисуса Христа и по сіе время еще отыскиваютъ христіанскую кровь для своей Пасхи, которую они празднуютъ въ память этого торжества. Имъ кровь нужна для ихъ опресниковъ. Ты сдѣлаешь, поэтому, богоугодное дѣло, если ты это мертвое тѣло подкинешь въ домъ этого проклятаго еврея-арендатора; ты, правда, долженъ будешь послѣ этого убраться отсюда, но вѣдь твое ремесло ты вездѣ можешь производить.

Крестьянина отпороли розгами и дѣда моего освободили. Но попъ остался попомъ.

Въ память этого спасенія моего дѣда отъ смерти, отецъ мой сочинилъ на еврейскомъ языкѣ нѣчто въ родѣ эпопеи съ лирическими пѣснями, въ которой разсказывается все это происшествіе и воспѣвается милость Господа. Въ семействѣ нашемъ установился обычай ежегодно праздновать этотъ день спасенія и читать при этомъ упомянутую эпопею, какъ читаютъ въ Пуримъ (праздникъ Амана) книгу Эсѳирь.

ГЛАВА II.

Первыя воспоминанія молодости.

Такимъ-то образомъ дѣдъ мой жилъ въ мѣстопребываніи своихъ предковъ многіе годы; аренда эта была ужъ какъ бы собственностію семейства. На основаніи еврейскаго закона Хазака, т. е. право собственности на имущество, которымъ владѣли три года сряду, закона, уважаемаго также христіанами этихъ мѣстностей, никакой другой еврей не могъ взять себѣ эту аренду, посредствомъ возвышенія арендной платы, если не хотѣлъ подвергнуться церковному проклятію. И хотя аренда связана была со многими хлопотами и приходилось нередко подвергаться насиліямъ, но она, съ другой стороны, была весьма доходна. Дѣдъ мой не только самъ могъ жить какъ человѣкъ состоятельный, но былъ еще въ состояніи богато надѣлять своихъ дѣтей. Три дочери его получили порядочное приданое и вышли замужъ за хорошихъ людей. Двое сыновей его, дядя мой Моисей и отецъ мой Іошуа, тоже же-

нились. и такъ какъ дѣдъ мой былъ уже старъ и сильно ослабъ, вслѣдствіе своей хлопотливой жизни, то и передалъ хозяйство обоимъ сыновьямъ вмѣстѣ. Но обладая разными темпераментами и склонностями (мой дядя Моисей былъ силенъ тѣломъ, но слабъ духомъ, а мой отецъ—совершенная ему противоположность), они не могли гармонировать между собою. Поэтому, дѣдъ мой передалъ дядѣ моему другую деревню, а отца моего оставилъ у себя, хотя послѣдній, согласно своему ученому званію, не особенно годился для домашняго хозяйства. Онъ только велъ счеты, заключалъ контракты, велъ процессы и т. п. Мать моя, напротивъ, была весьма живая женщина и склонна ко всякаго рода дѣятельности. Она была мала ростомъ и, въ то время, еще очень молода.

Не могу не разсказать здѣсь слѣдующаго анекдота, такъ какъ это первое воспоминаніе моего дѣтства. Мнѣ тогда было около трехъ лѣтъ. Пребывавшіе тамъ постоянно купцы и въ особенности *шаферы*, т. е. тѣ, которые принимали на себя транспортировку судовъ и покупку и доставку товаровъ для значительныхъ домовъ, очень любили меня за мою живость и постоянно шутили со мною.

Эти веселые господа дали моей матери, вслѣдствіе ея малаго роста и живости, прозвище куца, т. е. молодой жеребенокъ. Такъ какъ я часто слышалъ, что ее такъ называли, то и я, не зная значенія этого слова, также называлъ ее мама-куца. Мать запретила мнѣ это и сказала, что Богъ наказываетъ того, кто называетъ свою мать мама-куца. Одинъ изъ этихъ шаферовъ, г. Пилецкій, ежедневно пилъ у насъ чай и привязалъ меня къ себѣ тѣмъ, что давалъ мнѣ кусочки сахару. Разъ, когда онъ опять пилъ у насъ чай и я, по обыкновенію, находился тутъ же, чтобы получить отъ него свой кусокъ сахару, онъ сказалъ, что дастъ мнѣ сахаръ лишь подъ условіемъ, чтобы я сказалъ мама-куца. Такъ какъ мать моя была тутъ же, то я не соглашался сдѣлать это. Онъ кивнулъ моей матери, чтобы она ушла въ другую комнату. Когда она удалилась, я подошелъ къ г. Пилецкому и сказалъ ему на ухо: мама-куца. Но онъ настаивалъ на томъ, чтобы я это сказалъ громко и обѣщалъ дать мнѣ столько кусковъ сахару, сколько разъ я громко скажу эти слова. Я сказалъ поэтому: господинъ Пилецкій желаетъ, чтобы я сказалъ мама-куца, но я не хочу сказать мама-куца, потому что Богъ наказываетъ того, кто говоритъ мама-куца— и получилъ три куска сахару.

Отецъ мой ввелъ въ домѣ лучшій образъ жизни, въ особенности когда онъ имѣлъ торговыя сношенія съ Кенигсбергомъ, гдѣ онъ видѣлъ при этомъ всякаго рода красивыя и полезныя вещи. Онъ пріобрѣлъ для хозяйства оловянную и мѣдную посуду. Мы стали лучше ѣсть и красивѣе одѣваться, чѣмъ прежде. Меня даже одѣвали въ камку.

ГЛАВА III.

Частное воспитаніе и самоученіе.

На шестомъ году отецъ мой началъ со мною читать библію. *Впервые Богъ создалъ небо и землю.* Здѣсь я прервалъ отца и предложилъ ему нѣсколько вопросовъ о происхожденіи Бога. Отвѣтами его я хотя и не былъ удовлетворенъ, но думалъ про себя, что отецъ мой навѣрно лучше меня знаетъ это и потому я долженъ довольствоваться ими.

Въ другой разъ я читалъ въ библіи исторію Іакова и Исава; отецъ мой цитировалъ мнѣ при этомъ мѣсто изъ талмуда, гдѣ говорится: Іаковъ и Исавъ раздѣлили между собою всѣ блага міра; Исавъ выбралъ себѣ блага этой жизни, Іаковъ же—блага будущей жизни, и такъ какъ мы происходимъ отъ Іакова, то мы должны отказаться отъ всякаго притязанія на блага сего преходящаго міра.

На это я возразилъ съ негодованіемъ: Іаковъ не долженъ былъ быть глупымъ; онъ долженъ былъ лучше выбрать блага сего міра.

Отецъ выругалъ меня безбожнымъ мальчишкой и далъ мнѣ оплеуху. Это хотя и не уничтожило моихъ сомнѣній, но заставило молчать.

Князь Радзивилъ, который чрезвычайно любилъ охоту, однажды прибылъ въ нашу деревню, вмѣстѣ съ своею дочерью, (вышедшею впослѣдсвіи за князя Равуцкаго), чтобы присутствовать при охотѣ. Молодая княжна съ своими придворными дамами, камердинерами и лакеями для послѣобѣденнаго отдыха заняла ту комнату, въ которой я сидѣлъ за печкой. Я былъ изумленъ великолѣпіемъ и блескомъ придворнаго штата; съ восторгомъ глазѣлъ я на красоту лицъ, на золото и серебро вышитыхъ платьевъ и глаза мои не могли насытиться. *Ахъ, какъ красиво*! воскликнулъ я въ увлеченіи, и отецъ мой, чтобы успокоить меня и въ тоже время утвердить въ принципахъ нашей религіи, подошелъ къ мнѣ и сказалъ на ухо: Дурачекъ! *Въ будущемъ мірѣ дуксель* (княжна) *будетъ у насъ топить печи.* Нельзя себѣ представить то впечатлѣніе, которое произвело на меня это объясненіе. Съ одной стороны я вѣрилъ моему отцу и былъ очень радъ этому будущему блаженству; но мнѣ въ тоже время жаль было бѣдной княжны, которая осуждена будетъ на такую унизительную службу. Но съ другой стороны въ моей головѣ не укладывалось, чтобы эта красивая и богатая княжна въ этой роскошной одеждѣ топила печи у бѣднаго еврея. Это повергло меня въ сильное смущеніе, пока, наконецъ, игра не разогнала этихъ мыслей.

Я съ самаго дѣтства обнаруживалъ талантъ и большую склонность

къ рисованію. Хотя въ домѣ отца моего я не видѣлъ ни одного произведенія этого рода искуства, но на заглавныхъ листахъ нѣкоторыхъ еврейскихъ книгъ я нашелъ политипажи, изображавшія растенія, птицъ и т. п.; политипажи эти мнѣ очень нравились и я старался копировать ихъ меломъ или уголемъ. Но особенно укрѣпила во мнѣ эту склонность еврейская книга басней, гдѣ дѣйствующія лица (животныя) были изображены политипажами. Я копировалъ всѣ эти фигуры съ величайшею точностью. Отецъ мой хотя и удивлялся моей ловкости въ этомъ дѣлѣ, но бранилъ и говаривалъ: живописцемъ, что-ли, хочешь сдѣлаться? ты долженъ учиться талмуду и сдѣлаться раввиномъ. Кто знаетъ талмудъ, тотъ знаетъ все.

Эта способность и склонность къ рисованію обнаружилось у меня съ такою силой, что я, когда только могъ, тайкомъ прокрадывался въ помѣщичій дворъ въ Г., куда отецъ мой переселился, и копировалъ фигуры, изображенныя на обояхъ. Комнаты постоянно были пусты, ибо помѣщикъ рѣдко заглядывалъ въ эту усадьбу. Однажды зимою меня нашли почти замерзшаго въ одной изъ залъ усадьбы. Въ одной рукѣ я держалъ бумагу (мебели въ залѣ не было), а другой я копировалъ стѣнныя фигуры. Насколько я теперь могу судить о себѣ, я бы могъ сдѣлаться *великимъ* живописцемъ, еслибъ меня удержали на этомъ поприщѣ, но едвали произведенія мои отличалось бы *точностью* и отчетливостью, т. е. я могъ бы съ легкостью набросить главныя черты картины, но для отчетливой отдѣлки ея у меня бы не хватило терпѣнія.

Отецъ мой имѣлъ въ своей учебной комнатѣ шкапъ съ книгами. Онъ хотя запретилъ мнѣ заниматься другими книгами, кромѣ талмуда, но это не помогло. Такъ какъ отецъ мой много былъ занятъ въ хозяйствѣ, то я между тѣмъ пользовался временемъ. Изъ любопытства я бросился на шкапъ, перелистовалъ всѣ книги и такъ какъ я уже довольно хорошо зналъ еврейскій языкъ, то нѣкоторыя изъ нихъ мнѣ пришлись болѣе по вкусу, чѣмъ талмудъ. И это было весьма естественно. Стоитъ только сравнить сухіе, для дитяти большею частью непонятные, предметы талмуда, (за исключеніемъ его юриспруденціи) законы о жертвоприношеніяхъ, омовеніяхъ, праздникахъ и запрещенныхъ яствахъ, въ которыхъ самыя странныя раввиненія причуды проводятся съ тончайшею діалектикою, и самыя пошлыя вещи разсматриваются съ величайшимъ напряженіемъ ума, стоитъ, говорю я, сравнить все это, разбросанное въ многотомныхъ фоліантахъ, съ исторіей, напримѣръ, гдѣ естественныя событія разсказываются поучительнымъ и занимательнымъ образомъ, или же съ разсказами о мірозданіи, расширяющими нашъ взглядъ на природу и приводящими великое цѣлое въ

хорошо организованную систему и т. п., и я полагаю, что выборъ мой найдутъ основательнымъ.

Между найденными книгами самая лучшая была: еврейская хроника подъ названіемъ «Цемахъ Давидъ» (Отростки Давидовы) сочиненіе главнаго пражскаго раввина Давида Ганса, сочинителя и астрономической книги, о которой говорится ниже, человѣка весьма умнаго и почтеннаго, удостоившагося чести быть знакомымъ съ Тихо-ди-Брагэ и дѣлать вмѣстѣ съ нимъ астрономическія наблюденія въ копенгагенской обсерваторіи; сочиненіе Іосифа Флавія, по всей вѣроятности, какъ это можно доказать различными доводами, подложное; исторія преслѣдованій евреевъ въ Испаніи и Португаліи; въ особенности же привлекло мое вниманіе одно астрономическое сочиненіе. Здѣсь мнѣ открылся новый міръ, и я бросился на эту книгу съ величайшею жадностью. Представте себѣ семилѣтняго ребенка, который, никогда еще не видѣвъ и не слыхавъ о первыхъ основаніяхъ математики, нечаянно попалъ на астрономическое сочиненіе, привлекшее все его вниманіе, но которому никто объ этомъ не могъ дать никакихъ указаній. Отцу я не смѣлъ выразить страстное мое желаніе, да и онъ едва-ли могъ бы мнѣ помочь тутъ. Какъ это должно было вспламенить стремящійся къ познаніямъ дѣтскій умъ? Это и показали послѣдствія.

Такъ какъ я былъ еще ребенкомъ, а кровати въ домѣ отца моего были весьма рѣдки, то мнѣ позволено было спать вмѣстѣ съ моею бабушкою, спавшей въ упомянутой учебной комнатѣ. И такъ какъ днемъ я долженъ былъ исключительно заниматься однимъ лишь талмудомъ и не могъ взять въ руки какую либо другую книгу, то я ночи посвящалъ моимъ астрономическимъ наблюденіямъ.

Послѣ того, какъ бабушка ложилась спать, я зажигалъ свѣжую лучинку и бралъ изъ шкапа мою любимую астрономическую книгу. Бабушка хотя и бранила меня за это, потому что ей было холодно спать одной въ постели, но я не обращалъ на это вниманія и продолжалъ свои занятія до тѣхъ поръ, пока выходили всѣ лучинки. Занявшись такимъ образомъ нѣсколько ночей, я, наконецъ, въ состояніи былъ составить себѣ понятіе о небѣсномъ сводѣ и воображаемыхъ на немъ круговъ, придуманныхъ для объясненія астрономическихъ явленій.

Это изображено было въ книгѣ на одной лишь фигурѣ, при чемъ авторъ совѣтовалъ читателю для лучшаго пониманія пріобрѣсти себѣ порядочный глобусъ или же Sphaera armillaris.

Я, поэтому, рѣшился приготовить себѣ такую Sphaera armillaris изъ сплетенныхъ прутьевъ; окончивъ эту работу, я въ состояніи былъ понять всю книгу. Но такъ какъ я долженъ былъ остерегаться, чтобы отецъ мой ничего не узналъ объ астрономическихъ моихъ занятіяхъ, то я всякій разъ, когда ложился спать, предвари-

рительно пряталъ мою Sphaera armillaris въ уголъ за шкапомъ. Бабушка моя, которая нѣсколько разъ замѣтила, что я сижу углубленный въ чтеніе и по временамъ взглядываю на сплетенные изъ прутьевъ разнообразные круги, пришла въ ужасъ; она полагала, что внукъ ея не иначе, какъ сошелъ съ ума. Она, поэтому, не упустила извѣстить объ этомъ отца и указать ему мѣсто, куда я пряталъ мой магическій инструментъ. Отецъ мой тотчасъ же угадалъ въ чемъ дѣло. Онъ взялъ глобусъ и призвалъ меня къ себѣ.

Когда я пришелъ, онъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

От. Что это за игрушка, которую ты себѣ сдѣлалъ.

Я. Это кадуръ (глобусъ по-еврейски).

От. Что же это означаетъ?

Я ему объяснилъ всѣ употребленія всѣхъ окружностей для пониманія небесныхъ явленій. Отецъ мой, который хотя былъ хорошимъ раввиномъ, но не имѣлъ особеннаго таланта для научныхъ предметовъ, не въ состояніи былъ понять все, что я хотѣлъ ему объяснить. Въ особенности удивляла его связь между моей Sphaera armillaris и фигурой, изображенной въ книгѣ, и какимъ образомъ изъ прямыхъ линій могли образоваться окружности; но это онъ понялъ, что я вполнѣ увѣренъ въ своемъ дѣлѣ.

Онъ хотя и побранилъ меня за то, что я, не смотря на его запрещеніе, занимаюсь посторонними предметами, кромѣ талмуда, но внутренно, однако, радовался, что молодой сынъ его, безъ всякаго указанія и безъ всякихъ пріуготовительныхъ познаній, самъ въ состояніи былъ обнять цѣлое научное сочиненіе. Этимъ процессъ нашъ окончился.

ГЛАВА IV.

Еврейскія школы.

Меня и моего старшаго брата, *Іосифа* послали въ школу въ городъ Мирцъ. Братъ мой, которому было двѣнадцать лѣтъ, отданъ былъ къ одному извѣстному въ то время учителю по имени Іоссель, на полномъ пансіонѣ. Этотъ учитель былъ пугаломъ для всѣхъ молодыхъ людей; попасть къ нему было наказаньемъ божіимъ; онъ обращался съ своими подчиненными съ неслыханною жестокостью, сѣкъ розгами до крови за малѣйшій проступокъ, нерѣдко обрывалъ уши, выбивалъ глаза. И когда послѣ этого родители потерпѣвшихъ приходили къ нему и требовали объясненій, то онъ, не обращая вниманія на личность, бросалъ въ нихъ

каменьями и вообще всѣмъ, что ему попадало въ руки, и со своей палкой гнался за ними по улицѣ до самого ихъ дома.

Всѣ тѣ, которые у него обучались, сдѣлались или идіотами, или великими учеными. Меня же, которому всего было семь лѣтъ, передали другому учителю.

Я долженъ здѣсь разсказать анекдотъ, который съ одной сто-
роны свидѣтельствуетъ о силѣ братской любви, а съ другой мо-
жетъ служить выраженіемъ душевнаго состоянія дитяти, обуревае-
маго надеждой на улучшеніе своего сквернаго положенія и стра-
хомъ ухудшить его. Я разъ пришелъ изъ школы съ заплаканными
глазами, чему, безъ сомнѣнія, было основаніе. Братъ мой замѣ-
тилъ это и спросилъ о причинѣ. Сначала я не рѣшался отвѣ-
тить ему, но, наконецъ, я сказалъ: *я плачу о томъ, что запре-*
щено разсказывать то, что случается въ школѣ. Братъ мой
понялъ меня, сильно разсердился на учителя и хотѣлъ ему про-
честь натацію. Но я просилъ его оставить это, ибо можно было
предположить, что учитель мой съумѣетъ разсчитаться со мною
за мою болтливость.

Теперь скажу вообще нѣсколько словъ объ устройствѣ еврей-
скихъ школъ. Школа обыкновенно помѣщается въ маленькой дым-
ной избѣ, а дѣти разсѣяны на скамьяхъ и на голомъ полу. Учи-
тель сидитъ на столѣ въ грязной рубахѣ, между ногами дер-
житъ чашу и геркулесовой палкой третъ въ ней табакъ и въ то
же время управляетъ своимъ полкомъ. Помощники его упражня-
ются съ своими отдѣленіями въ углу и управляютъ своими подчи-
ненными также деспотически, какъ и учитель самъ. Изъ завтра-
ковъ, обѣдовъ и т. д., которые посылались дѣтямъ, этимъ госпо-
дамъ доставалась большая часть; иногда бѣдные дѣти даже ничего
не получали и должны были молчать, если не хотѣли подвергнуть-
ся мести этихъ тирановъ. Въ этихъ то школахъ дѣти заключены
съ утра до вечера и только по пятницамъ и въ первый день
каждаго мѣсяца они по полудни освобождаются.

Что касается ученія, то чтеніе еврейскаго шрифта изучается
довольно порядочно. За то еврейскій языкъ изучается весьма
странно. Грамматика въ этихъ школахъ не преподается и ее долж-
но изучить ex usu, изъ перевода Св. Писанія, примѣрно, какъ
простолюдинъ знакомится съ грамматикой своего роднаго языка
изъ разговорной рѣчи. Нѣтъ также и словаря еврейскаго языка.
Съ дѣтьми начинаютъ тотчасъ съ объясненія библіи, и такъ какъ
пятикнижіе раздѣляется на столько отдѣловъ, сколько въ году недѣль,
(чтобы всѣ книги Моисея, изъ которыхъ каждую субботу читаютъ
въ синагогѣ одинъ отдѣлъ, были окончены въ теченіе года), то каж-
дую недѣлю объяснялось со всевозможными грамматическими ошиб-
ками нѣсколько первыхъ стиховъ изъ отдѣла, который приходился

на нее. Иначе, впрочемъ, и невозможно. Еврейскій языкъ долженъ быть объясненъ разговорнымъ языкомъ, а разговорный языкъ польскихъ евреeевъ имѣетъ множество недостатковъ и полонъ грамматическихъ неправильностей. Естественно, что изучаемый при его посредствѣ еврейскій языкъ страдаетъ тѣми же недостатками; ученикъ получаетъ, такимъ образомъ, такое же смутное понятіе о библіи, какъ и о еврейскомъ языкѣ. Кромѣ того, талмудисты соединяли съ библіей всевозможныя странныя вещи. Невѣжественый учитель въ полной вѣрѣ, что слова библіи не могутъ имѣть другаго смысла, кромѣ того, который придавали имъ эти толкователи. Ученикъ же въ свою очередь долженъ вѣрить толкованіямъ учителя и, такимъ образомъ, настоящее значеніе необходимо теряется. Только собственнымъ умомъ и чтеніемъ нѣкоторыхъ грамматическихъ сочиненій, какъ и основанныхъ на грамматикѣ библейскихъ коментарій и критикъ, въ родѣ рабби Давида Кимези и Ибнъ-Эзры (которыми раввины, однако, очень мало пользуются), можно мало по малу придти къ вѣрному изученію еврейскаго языка и къ правильному пониманію библіи.

Такъ какъ дѣти цвѣтущіе годы свои осуждены были проводить въ подобныхъ адскихъ школахъ, то можно себѣ представить съ какимъ восторгомъ и радостью они должны были встрѣтить день своего освобожденія. Меня и брата моего брали къ праздникамъ домой. Во время одной изъ такихъ прогулокъ произошелъ случай, который могъ сдѣлаться для меня весьма критическимъ. Мать пріѣхала въ городъ сдѣлать покупки къ предстоявшему зеленому празднику (пятидесятница) и взяла насъ съ собою въ деревню. Освобожденіе изъ школы и видъ прекрасной природы, которая въ это время года выказывается во всемъ своемъ блескѣ, привели насъ въ неописанный восторгъ и мы стали предаваться всевозможнымъ шалостямъ. Когда мы уже были недалеко отъ нашего дома, братъ мой соскочилъ съ экипажа и бѣжалъ рядомъ. Я хотѣлъ сдѣлать такой же смѣлый прыжокъ, но къ несчастію у меня не хватило силы. Я упалъ около самаго экипажа, такъ что ноги мои попали между колесъ и одно изъ нихъ переѣхало чрезъ мою лѣвую ногу. Меня привели домой чуть живаго. Нога моя скорчилась и я не былъ въ состояніи двигать ею.

Посовѣтовались съ еврейскимъ врачемъ, который хотя и не былъ въ университетѣ и не защищалъ докторской диссертаціи, а пріобрѣлъ свои медицинскія познанія только тѣмъ, что служилъ когда-то у медика и прочелъ нѣсколько польскихъ медицинскихъ книгъ, но тѣмъ не менѣе былъ хорошимъ практическимъ врачемъ и очень счастливо лечилъ своихъ больныхъ. Онъ замѣтилъ, что хотя теперь въ запасѣ не имѣетъ лекарствъ (до ближайшей аптеки было не менѣе двадцати миль) и потому не можетъ прописать методическое пользованіе, однако, онъ совѣтуетъ пока прибѣгнуть къ легкому домашнему средству. Средство это состояло въ томъ, чтобы убить собаку и положить больную ногу въ ея внутренности. Если это повторено будетъ нѣсколько разъ, то, по мнѣнію врача, больному непремѣнно сдѣлается легче. Предписаніе врача было исполнено и леченіе дѣйствительно пошло успѣшно. Чрезъ нѣсколько недѣль я уже въ состояніи былъ двигать и ступить ногою, а впослѣдствіи и совершенно выздоровѣлъ.

ГЛАВА V.

Мое семейство попадаетъ въ несчастіе и старый слуга, вслѣдствіе своей вѣрности, лишается христіанской могилы.

Отецъ мой, который, какъ уже замѣчено было выше, торговалъ въ Кенигсбергѣ, однажды нагрузилъ купленныхъ имъ тамъ нѣсколько бочекъ сельдей и соли на суднѣ князя Радзивила. Когда онъ прибылъ домой и явился за своимъ товаромъ, то смотритель Шахна совершенно отрицалъ пріемъ ихъ и когда отецъ мой предъявилъ ему росписку, которую онъ выдалъ въ полученіи товара, то Шахна вырвалъ росписку изъ его рукъ и бросилъ въ огонь. Отецъ мой вынужденъ былъ завести объ этомъ дѣлѣ продолжительный и сопряженный съ значительными расходами процессъ, который онъ долженъ былъ отложить до слѣдующаго года, такъ какъ ему предстояло еще разъ съѣздить въ Кенигсбергъ. Здѣсь онъ взялъ въ таможнѣ свидѣтельство въ томъ, что онъ упомянутые товары дѣйствительно нагрузилъ на судно князя Радзивила, которымъ управлялъ г. Шахна. На основаніи этого свидѣтельства Шахна призванъ былъ въ судъ, но онъ не счелъ нужнымъ явиться и отецъ мой выигралъ процессъ въ первой, второй и третьей инстанціи. Но, при скверномъ состояніи польскихъ судебныхъ учрежденій, онъ не въ состояніи былъ добиться исполненія этого приговора и не получилъ даже издержекъ, которые стоилъ ему этотъ выигранный процессъ.

Но кромѣ того, этотъ же Шахна сдѣлался непримиримымъ его врагомъ, преслѣдовавшимъ его всевозможными способами. Это было тѣмъ легче, что этотъ отъявленный негодяй, при помощи всевозможныхъ интригъ, назначенъ былъ княземъ Радзивиломъ управляющимъ всѣхъ его имѣній, лежавшихъ въ округѣ города Мирца. Онъ рѣшился погубить моего отца и ждалъ лишь удобнаго случая, чтобы привести въ исполненіе свой мстительный замыселъ. Случай этотъ скоро представился и ему помогъ въ этомъ дѣлѣ еврейскій арендаторъ Шверзенъ, названный такъ по имени его аренды и извѣстный во всемъ краѣ, какъ сквернѣйшій человѣкъ. Этотъ арендаторъ былъ страшный невѣжа, не понималъ даже по еврейски и употреблялъ, поэтому, языкъ

русскій. Занятіе его преимущественно состояло въ томъ, что онъ наблюдалъ за всѣми арендами въ этомъ краю и доходнѣйшія изъ нихъ присвоивалъ себѣ возвышеніемъ арендной платы и подкупомъ управляющихъ. Не обращая никакого вниманія на законы о хазакѣ, онъ прогонялъ законныхъ арендаторовъ изъ ихъ арендъ и, такимъ образомъ, обогащалъ себя. Такъ жилъ онъ въ богатствѣ и счастіи и достигъ глубокой старости.

Этотъ-то негодяй уже давно имѣлъ виды на аренду моего дѣда и ждалъ лишь удобнаго случая и какого нибудь благовиднаго повода, чтобы присвоить ее себѣ. Къ несчастію братъ моего дѣда, Яковъ, жившій въ другой деревнѣ, принадлежавшей къ арендѣ моего дѣда, долженъ былъ этому негодяю около 50 талеровъ, и такъ какъ онъ не былъ въ состояніи уплатить ему ихъ въ назначенный срокъ, то заимодавецъ немедленно явился съ дворовыми и грозилъ ему отнять котелъ, который составлялъ все богатство должника. Послѣдній немедленно взялъ котелъ и тайкомъ перевезъ его въ деревню, гдѣ жилъ мой дѣдъ, и, не сказавъ никому ни слова, спряталъ его въ болотѣ около дома моего дѣда. Но заимодавецъ его, который неотступно слѣдовалъ за нимъ, прибылъ въ деревню моего дѣда и вездѣ производилъ обыски, однако котла все-таки не нашелъ. Разсерженный этой неудачей и горя мщеніемъ противъ моего дѣда, который, какъ онъ полагалъ, препятствовалъ ему въ его поискахъ, онъ немедленно отправился въ городъ, поднесъ управляющему значительный подарокъ и предложилъ ему двойную сумму за аренду моего дѣда и, кромѣ того, ежегодно подарокъ для управляющаго.

Послѣдній, весьма обрадованный этимъ предложеніемъ и помня еще оскорбленіе, нанесенное моимъ отцемъ, евреемъ, ему, польскому дворянину, упомянутымъ выше процессомъ, тотчасъ же подписалъ негодяю контрактъ, которымъ онъ не только передалъ ему аренду моего дѣда еще до истеченія срока аренды, но лишилъ еще моего дѣда всего его состоянія: амбаровъ, наполненныхъ хлѣбомъ, множества скота и т. д., и эту добычу раздѣлилъ съ новымъ арендаторомъ.

Мой дѣдъ вынужденъ былъ, такимъ образомъ, оставить свое мѣстожительство и среди зимы скитаться со всей своей семьей съ мѣста на мѣсто, незная гдѣ ему поселиться. Выѣздъ былъ чрезвычайно трогательный. Все сосѣдство оплакивало нашу судьбу.

Старый, восьмидесятилѣтній слуга Гаврило, который еще дѣда моего носилъ на рукахъ, когда онъ былъ еще ребенкомъ, во что бы то ни стало хотѣлъ ѣхать вмѣстѣ съ нами. Ему хотя представляли жестокость зимы, наше несчастное положеніе и неизвѣстность, въ которой мы сами находились относительно нашего будущаго положенія, но это нисколько не помогло. Онъ легъ предъ воротами, чрезъ которыя должны были проѣхать наши экипажи и бушевалъ до тѣхъ

поръ, пока принуждены были его взять. Но онъ не долго путешествовалъ съ нами; его преклонныя лѣта, горе, которое ему причиняло наше несчастіе, и, наконецъ, жестокая зима нанесли ему окончательный ударъ. Онъ скончался, не проѣхавъ даже и двухъ миль вмѣстѣ съ нами, и такъ какъ никакая католическая и никакая православная община не хотѣла принять его на свое кладбище (онъ былъ пруссакъ и лютеранскаго исповѣданія), то мы похоронили его на нашъ собственный счетъ въ открытомъ полѣ.

ГЛАВА VI.

Новое мѣстопребываніе и новое несчастіе.— Талмудистъ.

Мы скитались, такимъ образомъ, въ этомъ краѣ, какъ евреи въ аравійской степи, не зная гдѣ и когда мы найдемъ отдохновеніе. Наконецъ, мы прибыли въ деревню, принадлежавшую двумъ владѣльцамъ. Участокъ одного уже отданъ былъ въ аренду. Другой не могъ еще отдать въ аренду свой участокъ, потому что хотѣлъ предварительно выстроить въ немъ корчму. Мой дѣдъ, которому надоѣли переѣзды среди зимы съ цѣлой семьей, рѣшился взять въ аренду имѣющую еще устроиться корчму со всѣми принадлежностями, а между тѣмъ пробиться кое-какъ, пока домъ будетъ выстроенъ. Мы должны были, поэтому, поселиться пока въ сараѣ. Другой арендаторъ, хотя и старался всѣми силами воспрепятствовать нашему поселенію, но это ни къ чему не повело. Зданіе было окончено, мы поселились въ немъ и начали вести свое хозяйство.

Къ несчастію, здѣсь все шло навыворотъ, ничто не удавалось. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что мать моя, женщина съ живымъ темпераментомъ и склонная къ дѣятельности, за неимѣніемъ дѣла стала скучать. Скука и забота о пропитаніи навѣяли на нее меланхолію, которая впослѣдствіи превратилась въ сумасшествіе. Въ этомъ состояніи она находилась нѣсколько мѣсяцевъ. Все, что предпринимали для ея леченія, оказалось напраснымъ. Наконецъ, отцу моему пришло въ голову отвести ее въ Новогродъ къ извѣстному врачу, занимавшемуся леченіемъ душевныхъ болѣзней.

Образъ леченія этого медика мнѣ хотя неизвѣстенъ, такъ какъ я въ то время былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы стараться или быть въ состояніи дѣлать наблюденія; но это я могу сказать, что у матери моей, равно какъ у большей части другихъ его паціентовъ, леченіе его оказалось вполнѣ успѣшнымъ. Мать моя возвратилась домой совершенно здоровою и съ тѣхъ поръ уже не имѣла никакихъ припадковъ въ этомъ родѣ.

Вскорѣ затѣмъ меня послали въ школу въ Ивенецъ, мѣстечко, лежавшее въ пятнадцати миляхъ отъ нашего мѣстопребыванія, и здѣсь я началъ изучать Талмудъ.

Изученіе Талмуда составляетъ главную цѣль научнаго воспитанія у нашего народа. Богатство, тѣлесныя преимущества и таланты всякаго рода хотя и цѣнятся имъ и имѣютъ въ его глазахъ извѣстное значеніе, но ничто въ его глазахъ не можетъ сравняться съ достоинствомъ хорошаго талмудиста. Онъ первый можетъ претендовать на всякія должности и почетныя мѣста въ общинѣ. Когда онъ приходитъ въ какое-либо собраніе, то всѣ—какого возраста и сословія они бы ни были — встаютъ предъ нимъ, и ему отводится первое мѣсто. Онъ довѣренный, совѣтникъ, законодатель и судья простаго человѣка. Кто не встрѣчаетъ ученаго съ подобающимъ почетомъ, тотъ, по словамъ Талмуда, проклятъ на вѣки *). Простой человѣкъ не можетъ ничего предпринять, что, по мнѣнію ученаго, не считается законнымъ. Религіозные обряды, дозволенныя и недозволенныя явства, бракъ и разводъ опредѣляются не только на основаніи уже существующихъ многочисленныхъ раввинскихъ законовъ, но еще на основаніи особыхъ сужденій раввиновъ, которые всякій отдѣльный случай умѣютъ вывести изъ общихъ положеній. Богатый купецъ, арендаторъ или промышленникъ, который имѣетъ дочь, употребляетъ всевозможныя усилія, чтобы пріобрѣсти зятя — хорошаго талмудиста. Послѣдній можетъ быть безобразенъ, болѣзненъ и невѣжественъ во всѣхъ другихъ дѣлахъ — все-таки ему дадутъ преимущество предъ всѣми другими женихами. Будущій тесть такого жениха уже при помолвкѣ долженъ выплатить родителямъ его извѣстную, заранѣе условленную, сумму и, кромѣ назначеннаго дочери приданаго, долженъ снабжать ее и ея мужа столомъ, квартирою и одеждою въ теченіе шести или восьми лѣтъ; капиталъ же ихъ на это время отдается въ ростъ, а ученый зять продолжаетъ свои ученыя занятія на счетъ своего тестя. Послѣ этого ему отдаются его деньги и онъ или опредѣляется на какую нибудь ученую должность, или же проводить всю свою жизнь въ ученой праздности. Въ обоихъ случаяхъ жена принимаетъ на себя веденіе хозяйства и торговли и весьма довольна, если она за всѣ свои хлопоты можетъ надѣяться хоть отчасти раздѣлять славу и будущее блаженство своего мужа. Изученіе Талмуда такое же неправильное, какъ и изученіе Библіи. Языкъ Талмуда составленъ изъ различныхъ восточныхъ языковъ и нарѣчій. Весьма нерѣдко даже встрѣчаются въ немъ слова греческія и римскія. Нѣтъ словаря, въ которомъ можно было бы справиться объ употребляющихся въ Талмудѣ словахъ и выраженіяхъ. И что еще хуже, иногда даже не знаютъ—такъ какъ въ Талмудѣ нѣтъ пунктуаціи—какъ читаются встрѣчающіяся въ немъ не чисто еврейскія слова. Языкъ Талмуда, какъ и языкъ Библіи, изучается, такимъ образомъ, лишь при помощи частаго перевода—и это составляетъ первую ступень въ изученіи Талмуда. Если ученикъ извѣстное время вмѣстѣ со своимъ учителемъ упражнялся въ переводѣ, то онъ, послѣ этого, уже самъ начинаетъ читать и объяснять себѣ Талмудъ. Встрѣчающіяся ему отдѣльныя непонятныя слова и выраженія, ученикъ долженъ знать уже изъ прежнихъ лекцій, или же учитель служитъ ему тутъ вмѣсто словаря. Содержаніе же и всю связь заданнаго ему урока ученикъ долженъ понять самъ — и это составляетъ вторую ступень въ изученіи Талмуда. Два комментарія, которые обыкновенно напечатаны вмѣстѣ съ текстомъ, преимущественно служатъ здѣсь путеводителями. Авторъ перваго комментарія — рабби *Соломонъ Исаакъ*, человѣкъ съ грамматическими и критическими познаніями, широкими и основательными талмудическими воззрѣніями, съ неимовѣрною краткостью въ выраженіяхъ. Второй комментарій извѣстенъ подъ названіемъ *Тосфетъ* (прибавленіе); онъ составленъ нѣсколькими раввинами. Происхожденіе его весьма замѣчательно. Извѣстное число знаменитѣйшихъ раввиновъ рѣшили между собою изучать вмѣстѣ Талмудъ; съ этою цѣлью всякій изъ нихъ выбралъ себѣ одну часть и изучалъ ее до тѣхъ поръ, пока онъ вполнѣ проникъ ее и удержалъ въ своей памяти. Послѣ этого раввины эти сошлись и начали вмѣстѣ изучать Талмудъ по порядку съ первой части. Когда первый періодъ былъ прочитанъ, основательно разъясненъ и обсужденъ согласно талмудической логикѣ, одинъ изъ раввиновъ перечислилъ всѣ тѣ мѣста изъ спеціально изученной имъ части Талмуда, которыя повидимому противорѣчили прочитанному періоду. Тогда другой раввинъ, на основаніи пройденной имъ части Талмуда, старался примирить эти кажущіяся противорѣчія. Иногда противъ этого являлись новыя возраженія со стороны третьяго раввина, которыя опять старался уничтожить четвертый, пока, наконецъ, прочитанное мѣсто всѣми единогласно разъяснено и ему найдено окончательное толкованіе. Можно себѣ легко представить, сколько нужно остроумія для того, чтобъ возвести Талмудъ—это громадное, многотомное твореніе, въ которомъ одинъ и тотъ же предметъ разсматривается въ различныхъ частяхъ и при разныхъ опредѣленіяхъ—къ первоначальнымъ его основаніямъ и, такимъ образомъ, на основаніи неизмѣнной системы, добиться вѣрныхъ результатовъ.

Кромѣ этихъ двухъ комментаріевъ, есть еще и другіе, которые идутъ еще далѣе и исправляютъ даже упомянутые комментаріи. Да и всякій раввинъ, который обладаетъ достаточнымъ для этого

*) Однако тотъ же Талмудъ говоритъ, что ремесленникъ, занимающійся своей работой, не долженъ вставать ни предъ какимъ ученымъ.

остроуміемъ, можетъ считаться живымъ комментаріемъ. Но величайшее усиліе ума требуется для того, чтобы сдѣлать извлеченіе изъ Талмуда, или составить кодексъ изъ устанавливаемыхъ имъ законовъ. Для этого необходимо обладать не только остроуміемъ, но и въ высшей степени систематическимъ умомъ. И въ этомъ отношеніи Моймонидъ неоспоримо заслуживаетъ первое мѣсто, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ его кодекса, подъ названіемъ «Іадъ Гахазака».

Послѣднюю ступень въ изученіи Талмуда составляютъ диспуты. Они состоятъ въ вѣчныхъ преніяхъ объ этой книгѣ безъ всякой цѣли. Остроуміе, краснорѣчіе и нахальство доставляютъ здѣсь торжество. Этотъ способъ изученія въ прежнее время былъ въ большомъ употребленіи въ высшихъ талмудическихъ школахъ; но въ наше время онъ значительно ослабъ вмѣстѣ съ упадкомъ самыхъ школъ. Это нѣчто въ родѣ талмудическаго скептицизма и весьма противно цѣлесообразному систематическому изученію.

ГЛАВА VII.

Радость не долго продолжается.

Послѣ этого отступленія объ изученіи Талмуда, я возвращаюсь къ своей исторіи. Меня, какъ сказано было выше, отправили въ школу, въ Ивенецъ. Отецъ далъ мнѣ письмо къ тамошнему главному раввину, который былъ нашъ родственникъ, и просилъ его найти для меня дѣльнаго учителя и слѣдить за моими успѣхами въ занятіяхъ. Но онъ передалъ меня совершенно обыкновенному учителю и велѣлъ мнѣ приходить къ нему каждую субботу, чтобы онъ могъ экзаменовать меня, что я въ точности и исполнялъ. Но это продолжалось не долго, ибо когда я разъ, во время такого экзамена, сталъ вдаваться въ пренія и возражать противъ заданнаго мнѣ урока, то главный раввинъ, ничего не отвѣчая на это, спросилъ меня—сообщилъ ли я эти возраженія и моему учителю? Разумѣется, отвѣтилъ я. И что сказалъ на это учитель, спросилъ онъ дальше. Ничего относящагося къ дѣлу, отвѣтилъ я. Онъ только велѣлъ мнѣ молчать и сказалъ: «мальчикъ не долженъ быть дерзкимъ; онъ долженъ лишь стараться о томъ, чтобы понять свой урокъ, а не заваливать учителя вопросами». «Вотъ какъ, замѣтилъ раввинъ, учитель твой, видно, уже черезъ-чуръ любитъ спокойствіе, мы измѣнимъ это. Я самъ, изъ одной дружбы, буду заниматься съ тобою; надѣюсь, что ни отецъ твой, ни прежній твой учитель, ничего противъ этого имѣть не будутъ. Плату за ученіе, которую

отецъ твой долженъ давать за тебя, прежній учитель будетъ получать по прежнему сполна.»

Такимъ образомъ главный раввинъ сдѣлался моимъ учителемъ. Онъ занимался со мною по совершенно новому методу. Онъ не задавалъ мнѣ никакихъ недѣльныхъ уроковъ, которые обыкновенно такъ часто репетировались, пока не остались въ памяти учениковъ, или же вообще уроковъ, которые ученикъ долженъ дѣлать для себя и при которыхъ иногда какая нибудь совершенно незначительная и не относящаяся къ дѣлу фраза, задерживаетъ теченіе его мыслей; методъ главнаго раввина былъ совершенно другаго рода. Онъ заставилъ меня въ его присутствіи ex tempore объяснить какое нибудь мѣсто изъ Талмуда, бесѣдовалъ со мною объ этомъ, объяснялъ мнѣ его на столько, на сколько это нужно было, чтобы привести мой умъ къ самодѣятельности, и разными вопросами и отвѣтами обращалъ мое вниманіе на главный предметъ, оставляя въ сторонѣ вещи постороннія. Этимъ способомъ я, въ короткое время, достигъ всѣхъ вышеупомянутыхъ трехъ ступеней въ изученіи Талмуда.

Отецъ мой, которому главный раввинъ сообщилъ объ этой перемѣнѣ и о моихъ успѣхахъ, пришелъ въ неописанный восторгъ. Онъ выразилъ этому почтенному человѣку свою горячую признательность за то, что онъ, не смотря на свое болѣзненное состояніе — онъ былъ чахоточный — все таки, и изъ одной только дружбы, взялъ на себя тяжелый трудъ заниматься со мною. Но радость эта продолжалось не долго. Не прошло и полугода, какъ главный раввинъ отошелъ въ вѣчность, и я остался какъ овечка безъ пастуха.

Объ этомъ сообщили моему отцу, который пріѣхалъ и взялъ меня домой, но не въ Г., откуда я посланъ былъ въ школу, а въ Могильню, около шести миль отъ Г., куда отецъ мой между тѣмъ переселился. Переселеніе это произошло слѣдующимъ образомъ.

Могильня была деревушкой во владѣніяхъ князя Р., отстоявшей четыре мили отъ резиденціи послѣдняго. Превосходное положеніе этой мѣстности, которая, имѣя съ одной стороны рѣку Нѣманъ, а съ другой отличный корабельный лѣсъ, была весьма удобна какъ для торговли, такъ и для постройки судовъ; плодородіе и кросота этого края не могли не обратить на себя вниманія князя. И хотя мѣстный арендаторъ, который уже нѣсколько поколѣній пользовался этой доходной арендой и обогатилъ себя судостроеніемъ, торговлей и разнообразными превосходными продуктами этой мѣстности, старался всѣми силами скрывать всѣ эти выгоды, чтобы онъ одинъ въ тихомолку могъ пользоваться ими, однако, случилось такъ, что князь, проѣзжая этою мѣстностью, такъ былъ увлеченъ ея превосходнымъ и красивымъ мѣстоположеніемъ, что

рѣшился построить тутъ городъ. Онъ составилъ проектъ и обнародовалъ, что мѣстность эта превращается въ слободу, т. е. всякій можетъ въ ней поселиться и заниматься какими угодно промыслами, и первые шесть лѣтъ даже будетъ свободенъ отъ всякихъ повинностей. Но проектъ этотъ долго не осуществлялся, вслѣдствіе происковъ арендатора, который подкупами сумѣлъ склонить княжескихъ совѣтниковъ отвратить вниманіе князя отъ этого плана.

Отецъ мой, который очень хорошо понялъ, что онъ въ несчастномъ Г. не въ состояніи будетъ пропитать свою семью, и который оставался здѣсь только за неимѣніемъ лучшаго мѣстопребыванія, весьма обрадовался приглашенію князя, такъ какъ онъ надѣялся, что въ Могильнѣ онъ найдетъ убѣжище, тѣмъ болѣе, что тамошній арендаторъ былъ шуринъ моего дяди. Съ этой цѣлью отецъ мой, вмѣстѣ съ моимъ дѣдомъ, отправился туда, посовѣтовался съ арендаторомъ, которому открылъ свое намѣреніе поселиться въ Могильнѣ съ его согласія. Арендаторъ, опасавшійся, что объявленіе князя привлечетъ въ Могильню массу людей, которые вытѣснятъ его изъ его владѣній, былъ весьма радъ, что первый, который явился былъ, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ чужой, а его свойственникъ. Онъ, поэтому, не только далъ свое согласіе, но обѣщалъ, кромѣ того, отцу моему всевозможное содѣйствіе, Отецъ мой со всѣмъ своимъ семействомъ переселился, вслѣдствіе этого, въ Могильню, гдѣ онъ началъ строить себѣ домикъ; пока домикъ былъ готовъ, семейство снова должно было жить въ сараѣ.

Арендаторъ, который сначала принималъ насъ съ такимъ радушіемъ, къ сожалѣнію совершенно перемѣнилъ потомъ свой образъ мыслей. Онъ нашелъ, что его опасеніе—быть вытѣсненнымъ чужими людьми изъ его аренды — было совершенно неосновательное, такъ какъ со времени объявленія князя прошло уже довольно долгое время и, кромѣ моего отца, никто еще не явился. Князь постоянно жилъ въ Варшавѣ и, въ качествѣ польскаго начальника и литовскаго воеводы, былъ слишкомъ занятъ правительственными дѣлами, чтобы думать объ осуществленіи своего плана. Его придворныхъ можно было склонить подкупами совершенно отмѣнить планъ. Эти размышленія привели его къ тому заключенію, что новый переселенецъ не только ему не нуженъ, но, напротивъ, совершенно лишнее для него бремя, такъ какъ онъ теперь долженъ будетъ дѣлить съ вновь поселившимся то, чѣмъ онъ прежде пользовался одинъ. Онъ старался, поэтому, по возможности ограничить дѣятельность моего отца и мѣшать ему при его поселеніи. Съ этою цѣлью онъ выстроилъ себѣ новый великолѣпный домъ и добился у княжескихъ придворныхъ приказа, по которому лишь тотъ получаетъ право гражданства въ Могильнѣ, кто выстроитъ себѣ такой же домъ. Отецъ мой видѣлъ себя, такимъ образомъ, вынужденнымъ употребить все свое маленькое состояніе, которое ему нужно было для новаго обзаведенія, исключительно на эту совершенно безполезную постройку.

ГЛАВА VIII.

Ученикъ знаетъ больше своего учителя.—Воровство a la Rousseau, впослѣдствіи открытое.—Безбожный пріобрѣтаетъ вещь, а благочестивый одѣвается ею.

Положеніе моего отца извнѣ имѣло, такимъ образомъ, весьма красивый видъ, но тѣмъ печальнѣе оно было внутри. Мать, не смотря на свою неутомимую дѣятельность, лишь весьма скудно въ состояніи была пропитать семью. Отецъ мой, поэтому, долженъ былъ искать себѣ мѣсто учителя, при чемъ онъ обучалъ и меня. Занятія со мною, если съ одной стороны и доставляли ему большое удовольствіе, то съ другой стороны причиняли ему и не мало досады. Мнѣ хотя и было тогда всего только около девяти лѣтъ, однако, я не только уже былъ въ состояніи вѣрно понимать Талмудъ и его комментаріи, но мнѣ, кромѣ того, доставляло удовольствіе диспутировать объ этомъ, при чемъ я неоднократно торжествовалъ надъ моимъ честнымъ отцемъ и ставилъ его въ неловкое положеніе.

Арендаторъ и отецъ мой жили между собою какъ сосѣди, т. е. они взаимно завидовали и ненавидѣли другъ друга. Арендаторъ смотрѣлъ на моего отца, какъ на пришлеца, который насильно вавязался ему и мѣшаетъ ему въ исключительномъ пользованіи выгодами этой мѣстности. Отецъ же смотрѣлъ на арендатора, какъ на богатаго идіота, старающагося, вопреки данному имъ согласію,—безъ котораго отецъ мой вполнѣ могъ обоитись и котораго онъ просилъ у него лишь изъ желанія жить въ мирѣ—тѣснить его всевозможными способами и ограничивать его права, не смотря на то, что поселеніе моего отца дѣйствительно было для него весьма выгодно. Могильня съ тѣхъ поръ получила нѣкотораго рода независимость, вслѣдствіе чего арендаторъ освободился отъ многихъ расходовъ и униженій.

Устроена была также маленькая синагога, и отецъ мой заступалъ мѣсто раввина, проповѣдника и совѣтника, такъ какъ онъ былъ въ этой мѣстности единственный ученый. Отецъ мой при всякомъ удобномъ случаѣ хотя и представлялъ арендатору все это и упрекалъ его за его образъ дѣйствій, но все это было совершенно напрасно.

При этомъ случаѣ я долженъ разсказать о единственной кражѣ, которую я совершилъ въ теченіе всей моей жизни. Я часто бывалъ въ домѣ арендатора и игралъ съ его дѣтьми. Разъ я вошелъ въ домъ и никого не засталъ. Это было лѣтомъ и всѣ домашніе были заняты на дворѣ. Въ открытомъ шкапѣ я увидѣлъ весьма красивую коробочку отъ лекарствъ, которая мнѣ очень понравилась. Когда я открылъ коробочку, то, къ величайшему моему сожаленію, нашелъ тамъ нѣсколько денегъ, такъ какъ коробочка принадлежала одному изъ дѣтей. Я не могъ устоять противъ неодолимаго желанія—завладѣть коробочкой, но взять деньги я считалъ величайшимъ позоромъ. Но такъ какъ я разсудилъ, что кража будетъ скорѣе открыта, если я деньги оставлю, то я, полный страха и стыда, взялъ коробочку такъ, какъ она была. Я побѣжалъ домой и спряталъ ее со всевозможною осторожностью. Ночью я не могъ спать; я чувствовалъ угрызенія совѣсти, преимущественно изъ за денегъ. На слѣдующій день я вынулъ изъ коробочки деньги, пробрался въ домъ арендатора и выждалъ случая, когда всѣ вышли изъ комнаты, гдѣ я совершилъ кражу. Я уже хотѣлъ положить деньги обратно въ шкапъ, но у меня не хватило ловкости совершить это безъ шума и съ должною быстротою: меня захватили на мѣстѣ преступленія и заставили признаться во всемъ. Я долженъ былъ вырыть спрятанное сокровище, стоившее не болѣе трехъ грошей, и возвратить владѣльцу, маленькому Моисею, при чемъ дѣти еще выругали меня воромъ.

Другое происшествіе, которое случилось со мною и кончилось довольно забавно, состояло въ слѣдующемъ. Въ Могильнѣ нѣкоторое время квартировали русскія войска, которымъ отпущена была новая обмундировка и разрѣшено было продать старую. Старшій братъ мой Іосифъ и двоюродный братъ мой Бэръ отъ знакомыхъ солдатъ получили мѣдныя пуговицы, которыя они, какъ величайшее украшеніе, дали пришить къ своимъ брюкамъ, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ. Это украшеніе понравилось и мнѣ, но такъ какъ я не съумѣлъ добыть ихъ собственными силами, то рѣшился прибѣгнуть къ насилію. Я обратился къ отцу и требовалъ, чтобы Іосифъ и Бэръ уступили мнѣ также часть своихъ пуговицъ. Отецъ мой хотя и отличался справедливостью, но, любя меня больше всего на свѣтѣ, разсудилъ, что пуговицы хотя и составляютъ законное достояніе ихъ владѣльцевъ, но такъ какъ они имѣютъ болѣе, чѣмъ имъ нужно для ихъ собственнаго употребленія, то было бы справедливо, чтобы они мнѣ уступили изъ своего избытка. Въ похвалу мнѣ и имъ въ укоръ, онъ прибавилъ еще слѣдующее мѣсто изъ Св. Писанія: «Безбожный пріобрѣтаетъ вещь, а благочестивый одѣвается ею». Этотъ приговоръ, не смотря на протестъ Іосифа и Бэра, былъ приведенъ въ исполненіе, и я имѣлъ

удовольствіе также блистать мѣдными пуговицами на моихъ брюкахъ.

Іосифъ и Бэръ не могли забыть эту потерю. Они громко жаловались на неслыханную несправедливость, которую имъ причинили. Отецъ мой, который хотѣлъ избавиться отъ процесса, сказалъ поэтому: «Пуговицы пришиты уже къ брюкамъ Соломона. Насиліе вы не должны употребить, но если хитростью съумѣете завладѣть ими, то это вамъ разрѣшается». Оба были весьма довольны этимъ приговоромъ. Они пришли ко мнѣ, посмотрѣли на мои пуговицы и вдругъ съ изумленіемъ воскликнули: ахъ, что мы видимъ! Пуговицы твои пришиты бумажными нитками, между тѣмъ какъ онѣ къ суконнымъ брюкамъ должны быть пришиты пеньковыми нитками *), онѣ сейчасъ должны быть отрѣзаны. Съ этими словами они дѣйствительно отрѣзали всѣ мои пуговицы и, радуясь удачной своей тактикѣ, со смѣхомъ удалились. Я побѣжалъ за ними и требовалъ, чтобы они снова пришили мнѣ мои пуговицы, но они только издѣвались надо мною. Отецъ мой при этомъ, смѣясь, сказалъ мнѣ: такъ какъ ты былъ на столько легковѣренъ и далъ себя обмануть, то я тебѣ больше помочь не могу; надѣюсь, что впередь будешь умнѣе. Этимъ процессъ окончился. Я долженъ былъ снова удовольствоваться своими деревянными пуговицами и къ моей досадѣ Іосифъ и Бэръ еще часто повторяли мнѣ употребленное отцемъ въ мою пользу мѣсто Св. Писанія: «*Безбожный пріобрѣтаетъ вещь, а благочестивый одѣвается ею*».

ГЛАВА IX.

Любовь и брачныя предложенія.—Соломонова «Пѣснь Пѣсней» можетъ служить также посредничествомъ при бракѣ.—Новый modus lucrandi.—Черная оспа.

Въ молодости я былъ очень живой и во мнѣ было много пріятнаго. Мои желанія были сильны и нетерпѣливы. До одиннадцатаго года я не замѣчалъ въ себѣ, такъ какъ я былъ очень строго воспитанъ и не имѣлъ никакихъ сношеній съ женщинами, никакой особенной склонности къ прекрасному полу. Но одно событіе произвело во мнѣ въ этомъ отношеніи большую перемѣну.

Бѣдная, но очень красивая дѣвушка моихъ лѣтъ поступила къ намъ въ услуженіе. Дѣвушка эта мнѣ очень понравилась. Во мнѣ

*) На основаніи одного еврейскаго закона.

возбуждены были желанія, которыхъ я до тѣхъ поръ не зналъ. Но, согласно строгой раввинской морали, я долженъ былъ воздержаться не только разговаривать съ нею, но даже внимательно посмотрѣть на нее; я иногда лишь украдкою взглядывалъ на нее.

Случилось разъ, что лица женскаго пола нашего дома пошли въ баню, куда онѣ, согласно обычаямъ этой мѣстности, отправлялись два раза въ недѣлю. Такъ какъ инстинктъ мой безсознательно привелъ меня вблизи бани, то я увидѣлъ вдругъ эту красивую дѣвушку, какъ она выбѣжала изъ бани и прыгнула въ близлежащую рѣку. Видъ этотъ привелъ меня въ восторгъ. Когда я немного успокоился, то я, вспомня строгіе талмудическіе законы, хотѣлъ убѣжать, но не былъ въ состояніи сдѣлать это. Я остался на мѣстѣ, какъ бы прикованный.

Но такъ какъ я опасался, чтобы меня здѣсь не открыли, то я съ тяжелымъ сердцемъ долженъ былъ удалиться. Съ этихъ поръ я постоянно былъ въ какомъ то волненіи, выходилъ иногда изъ себя, и это состояніе продолжалось до самой моей свадьбы.

Арендаторъ, сосѣдъ нашъ, имѣлъ двухъ сыновей и трехъ дочерей. Старшая, Дебора, была уже замужемъ. Вторая, Пессель, была почти однихъ лѣтъ со мною и крестьяне этой мѣстности находили даже нѣкоторое сходство въ нашихъ физіономіяхъ и потому полагали, что, по всѣмъ правиламъ вѣроятности, мы должны быть соединены узами брака. Мы дѣйствительно питали другъ къ другу взаимную привязанность. Но къ несчастію младшая дочь арендатора, Рахиль, должна была упасть въ погребъ и сломать себѣ ногу. Она хотя вполнѣ выздоровѣла, но нога ея оставалась не много исправленной. Арендаторъ, во что бы то ни стало, захотѣлъ имѣть меня своимъ зятемъ. Отецъ мой былъ согласенъ на это, но хотѣлъ имѣть своей невѣсткой прямоногую Пессель, а не кривоногую Рахиль. Но арендаторъ увѣрялъ, что это невозможно, такъ какъ онъ для Пессель уже опредѣлилъ богатую партію; младшую же онъ назначилъ мнѣ и, такъ какъ отецъ мой мнѣ ничего не можетъ дать, богато надѣлить ее изъ своего состоянія. Кромѣ значительнаго приданаго, онъ хотѣлъ меня назначить сонаслѣдникомъ его состоянія и обезпечить на всю жизнь. Кромѣ того, онъ обѣщалъ выплатить еще извѣстную сумму отцу моему тотчасъ послѣ помолвки и не только не стѣснять его въ правахъ, но, напротивъ, стараться всѣми силами содѣйствовать его семейному счастію. Враждебныя отношенія между обоими семействами должны прекратиться, и долженъ установиться дружественный союзъ, который соединитъ ихъ въ одну семью.

Еслибъ отецъ мой согласился на эти предложенія, то онъ, безъ сомнѣнія, упрочилъ бы этимъ счастье своей семьи; я жилъ бы хотя съ кривоногой, но впрочемъ, — какъ я узналъ ее впослѣдствіи, когда жилъ у нихъ въ домѣ гофмейстеромъ—весьма милой женой, свободный отъ всякихъ заботъ въ лонѣ счастія и могъ спокойно предаваться своимъ научнымъ занятіямъ. Но, къ несчастію, отецъ мой съ презрѣніемъ отвергъ это предложеніе. Онъ непремѣнно хотѣлъ имѣть Пессель своей невѣсткой, и такъ какъ это, по вышеупомянутымъ причинамъ, не могло состояться, то взаимная вражда снова возгорѣлась. Но арендаторъ былъ богатъ, а отецъ мой бѣденъ, и понятно, что послѣдній всегда долженъ былъ уступить.

Нѣсколько времени спустя, мнѣ предложили новую партію. Нѣкто Л. изъ Шмиловица, человѣкъ ученый и въ то же время богатый, который имѣлъ одну только дочь, до того былъ увлеченъ распространенной обо мнѣ славой, что, даже не видѣвъ меня, избралъ меня своимъ зятемъ. Онъ вступилъ объ этомъ дѣлѣ въ переписку съ моимъ отцемъ и предоставилъ послѣднему опредѣлить условія этого брака. Отецъ мой отвѣтилъ на это письмомъ, составленнымъ въ высшемъ стилѣ изъ библейскихъ стиховъ и талмудическихъ цитатъ и опредѣлилъ требуемыя условія слѣдующимъ мѣстомъ изъ «Пѣсни Пѣсней»: «*Тысячу золотыхъ для тебя, Соломонъ! и двѣсти для тѣхъ, которые охраняютъ его плоды*». Л. на все согласился.

Отецъ мой вслѣдъ за тѣмъ съѣздилъ въ Шмиловицъ, видѣлъ свою будущую невѣстку и потребовалъ составленія свадебнаго контракта на основаніи упомянутыхъ условій. Двѣсти злотыхъ ему тотчасъ же были выданы, но онъ этимъ не былъ доволенъ; онъ замѣтилъ, что въ своемъ письмѣ писалъ двѣсти злотыхъ потому, что не хотѣлъ портить прекрасный стихъ; но онъ не согласенъ на эту сдѣлку, если ему не дадутъ двойной суммы. Ему выплатили еще двѣсти злотыхъ и передали еще для меня, такъ называемые мелкіе подарки, именно: черную бархатную шапочку съ золотой вышивкой, Библію, переплетенную въ зеленый бархатъ съ серебрянными бляшками и т. д. Въ радостномъ настроеніи онъ возвратился домой, передалъ мнѣ подарки и сказалъ, что я долженъ приготовится къ ученой рѣчи, которую я долженъ буду произнести въ день моей свадьбы, имѣвшей послѣдовать чрезъ два мѣсяца. Мать моя уже начала приготовлять все, что она съ своей стороны должна была взять на свадьбу, какъ-то: разные пироги и варенья, я сталъ уже обдумывать мою рѣчь, какъ вдругъ получено было печальное извѣстіе, что невѣста моя умерла отъ оспы. Отцу моему легко было утѣшиться на счетъ этой потери, руководясь соображеніемъ, что онъ честнымъ образомъ заработалъ своимъ сыномъ пятьдесятъ талеровъ и теперь можетъ заработать еще пятьдесятъ. Я, который никогда не видѣлъ моей невѣсты, тоже не особенно могъ огорчаться ея смертью и думалъ: шапочка и Библія, обложенная серебромъ, останутся у меня, а въ невѣстахъ тоже недо-

статка не будетъ. Моя рѣчь и въ будущемъ можетъ сослужить мнѣ ту же службу. Только мать моя не могла утѣшиться: пироги и варенья — вещи не особенно прочныя и не могутъ долго держаться; трудъ ея былъ, такимъ образомъ, совершенно напрасный; кромѣ того, она еще не могла найти мѣсто, куда спрятать эти славные пироги отъ моихъ тайныхъ нападеній.

ГЛАВА X.

Изъ за меня спорятъ.—Я получаю двухъ женъ разомъ и, наконецъ, меня совсѣмъ похищаютъ.

Между тѣмъ домашнія дѣла моего отца пошли все хуже и хуже. Онъ видѣлъ себя вынужденнымъ отправиться въ главный городъ Н., чтобы тамъ найти мѣсто учителя, и куда я долженъ былъ послѣдовать за нимъ. Здѣсь онъ, на весьма выгодныхъ условіяхъ, завелъ свою школу, въ которой я могъ служить ему помощникомъ.

Одна вдова, извѣстная своими талантами и въ то же время своею злостью, содержала свой собственный трактиръ въ концѣ предмѣстья К. Она имѣла у себя дочь, которая не уступала ей въ вышеозначенныхъ качествахъ и которая ей необходима была въ хозяйствѣ. Госпожа Рисса—такъ звали вдову—, побужденная моей всеувеличивавшейся славой, назначила меня женихомъ своей дочери Сары. Ея семейство представляло ей невозможность осуществленія этого плана, гордость отца моего и его неудовлетворимыя требованія, мою славу, обратившую уже на себя вниманіе самыхъ высокихъ и богатыхъ фамилій города и, наконецъ, ея собственное лишь посредственное состояніе, которое далеко не достаточно для осуществленія такого предпріятія. Но всѣ эти представленія были совершенно напрасны. Она разъ забила себѣ въ голову, что должна имѣть меня своимъ зятемъ, и говорила, что развѣ одинъ чортъ помѣшаетъ ей осуществить это намѣреніе.

Она велѣла сдѣлать отцу моему предложеніе, не давала ему покоя во все время его пребыванія въ этомъ городѣ, сама нѣсколько разъ переговаривалась съ нимъ и обѣщала удовлетворить всѣ его требованія. Отецъ мой старался выиграть время для обдумыванія ея предложеній и тянуть это дѣло по возможности дольше.

Наконецъ, наступило время, когда намъ нужно было возвратиться домой. Отецъ мой пошелъ со мною въ трактиръ Риссы, чтобы ожидать тамъ фуру, которая отправлялась въ нашу мѣстность. Г-жа Рисса воспользовалась этимъ случаемъ, стала ласкать меня, представила

мнѣ мою невѣсту и спросила, какъ она мнѣ нравится. Наконецъ, она настаивала на рѣшительномъ отвѣтѣ отца моего. Послѣдній все еще былъ воздержанъ и всѣми способами старался убѣдить ее въ трудностяхъ, сопряженныхъ съ этимъ дѣломъ.

Между тѣмъ, какъ они такимъ образомъ переговаривались между собою, въ комнату вдругъ ворвались главный раввинъ, проповѣдникъ, всѣ представители города и множество другихъ почтенныхъ лицъ. Это внезапное явленіе произошло помимо всякаго волшебства и слѣдующимъ образомъ. Эти господа приглашены были для присутствія при обрядѣ обрѣзанія у одного изъ почтеннѣйшихъ лицъ предмѣстья. Госпожа Рисса, которой это было очень хорошо извѣстно, немедленно послала туда своего сына и пригласила все общество къ себѣ на пиръ по случаю помолвки. Такимъ образомъ, они въ полутрезвомъ состояніи прибыли въ домъ, и такъ какъ были увѣрены, что всѣ предварительные переговоры относительно свадьбы уже окончены и недостаетъ лишь написать и подписать этотъ контрактъ, то они сѣли за столъ, окружили отца моего, и главный раввинъ началъ диктовать общественному писарю свадебный контрактъ.

Отецъ мой увѣрялъ, что онъ ничего еще не рѣшилъ относительно главнаго предмета, а тѣмъ менѣе окончательно установлены уже предварительныя условія; но главный раввинъ пришелъ въ ярость, полагая, что хотятъ только шиканить ихъ и насмѣхаться надъ его высокой особой и всѣмъ почтеннымъ обществомъ. Онъ обратился поэтому къ публикѣ и сказалъ съ гордымъ видомъ: «Кто этотъ рабби Іошуа, который придаетъ себѣ такую важность?» на что отецъ мой отвѣтилъ ему: «*Рабби здѣсь совершенно излишенъ*, — я хотя и простой человѣкъ, но полагаю, что никто не станетъ отрицать мое право позаботиться о благѣ моего сына и устроить его будущее счастіе на прочномъ основаніи.»

Слова: *рабби здѣсь совершенно излишенъ*—показались главному раввину весьма двусмысленными. Онъ сознавалъ, что онъ не имѣетъ права въ этомъ отношеніи предписывать отцу моему законы и что это было поспѣшностью со стороны г-жи Риссы пригласить ихъ къ помолвкѣ, прежде чѣмъ стороны окончательно согласились насчетъ предварительныхъ условій. Онъ, поэтому, сталъ понижать тонъ, старался лишь представлять отцу всѣ выгоды этой партіи, высокое происхожденіе невѣсты — ея дѣдъ, отецъ и дядя были ученые и занимали мѣста главныхъ раввиновъ — ея личныя превосходныя качества, готовность и возможность со стороны г-жи Риссы удовлетворить всѣ его требованія. Отецъ мой, который дѣйствительно ничего не могъ возражать противъ этого, вынужденъ былъ покориться. Свадебный контрактъ былъ изготовленъ и г-жа Рисса записала своей дочери въ приданое свой трактиръ со всѣми

принадлежностями и обязалась еще, въ теченіе шести лѣтъ, содержать молодую чету на свой счетъ. Кромѣ того, я получилъ въ подарокъ весь Талмудъ съ комментаріями, что тоже стоило около двухъ сотъ талеровъ. Отецъ мой съ своей стороны не далъ никакихъ обязательствъ и, кромѣ того, самъ еще получилъ пятьдесятъ талеровъ. Весьма благоразумно было съ его стороны, что онъ объ этой суммѣ не хотѣлъ принять никакихъ письменныхъ документовъ и заставилъ выплатить себѣ ее еще до помолвки.

Послѣ того, какъ все было приведено въ ясность, устроенъ былъ порядочный пиръ и общество довольно прилежно опоражнивало бутылки. На слѣдующій же день отецъ и я отправились домой. Теща обѣщалась въ возможно скоромъ времени прислать мнѣ, такъ называемые мелкіе подарки и платья, которые она въ торопяхъ не успѣла еще приготовить. Но прошло, однако, много времени и мы ничего не видѣли и не слышали объ этихъ подаркахъ. Отецъ мой пришелъ въ недоумѣніе, и такъ какъ характеръ моей тещи ему уже давно казался подозрительнымъ, то онъ иначе и не могъ думать, что эта коварная женщина ищетъ поводовъ для того, чтобы избавиться отъ своихъ трудно исполнимыхъ обѣщаній. Онъ рѣшился, поэтому, отплатить ей тою же монетою.

Слѣдующее обстоятельство еще болѣе утвердило его въ его рѣшеніи. Богатый арендаторъ, который часто пріѣзжалъ въ Н. для продажи спирта и на дорогѣ останавливался у насъ въ домѣ, тоже бросилъ на меня свой взглядъ. Онъ имѣлъ единственную дочь и въ мысляхъ своихъ назначилъ меня ея мужемъ. Но онъ зналъ какія трудности ему предстоятъ, если ему придется прямо переговариваться съ моимъ отцемъ. Онъ, поэтому, избралъ косвенный путь, сдѣлавъ отца своимъ должникомъ, чтобы заставить его, когда онъ въ его стѣснительномъ положеніи не въ состояніи будетъ уплатить ему долгъ, согласиться на этотъ бракъ—и той суммой, которую дадутъ ему за его сына, освободиться отъ долга. Онъ, поэтому, предложилъ отцу моему въ кредитъ нѣсколько бочекъ вина, которое предложеніе отецъ мой принялъ съ радостью.

Когда приблизился срокъ уплаты, Гершъ Дукоръ, такъ звали арендатора, напомнилъ отцу о долгѣ. Послѣдній увѣрялъ, что онъ теперь не въ состояніи уплатить ему его долгъ и просилъ его подождать еще нѣкоторое время. «Г. Іошуа, сказалъ арендаторъ, я хочу говорить съ вами весьма откровенно. Ваше положеніе ежедневно ухудшается, и если не случится какое нибудь непредвидѣнное благопріятное обстоятельство, то я не вижу для васъ возможности уплатить мнѣ долгъ. Самое лучшее для насъ обоихъ, такимъ образомъ, слѣдующее: вы имѣете сына, а я имѣю дочь, которая есть единственная наслѣдница всего моего состоянія; соедините же нашихъ дѣтей, и я не только освобожду васъ отъ вашего

долга, но еще приплачу вамъ сумму, которую вы сами опредѣлите, и вообще постараюсь, по возможности, улучшить ваше положеніе.»

Кому болѣе пришлось по сердцу это предложеніе, какъ отцу. Немедленно составленъ былъ контрактъ, въ которомъ, по опредѣленію отца моего, назначено было приданое невѣсты и требуемые подарки, а я —универсальнымъ наслѣдникомъ богатаго арендатора. Долговое обязательство отца въ пятьдесятъ польскихъ талеровъ было ему возвращено и разорвано и, кромѣ того, ему тутъ же выдано было еще пятьдесятъ талеровъ.

Вслѣдъ затѣмъ новый тесть мой отправился въ Н., чтобы взыскать тамъ долги. Къ несчастію, онъ долженъ былъ остановиться у моей бывшей тещи. Послѣдняя была неудержимой болтушкой и разсказала ему о великолѣпной партіи, которую сдѣлала ея дочь. Отецъ жениха самъ великій ученый, а женихъ — юноша одиннадцати лѣтъ, который едва ли имѣетъ себѣ равнаго. И я, отвѣтилъ арендаторъ, сдѣлалъ для моей дочери удачный выборъ. Вы, вѣроятно, слышали о знаменитомъ рабби Іошуа изъ Могильни и его младшемъ сынѣ Соломонѣ; послѣдній теперь обрученъ съ моею дочерью.

Не успѣлъ онъ еще выговорить эти слова, какъ она уже стала кричать, что это наглая ложь. Соломонъ—женихъ моей дочери, и вотъ, сударь, свадебный контрактъ. Арендаторъ показалъ ей также свой контрактъ, и они затѣяли споръ, слѣдствіемъ котораго было то, что г-жа Рисса пригласила моего отца въ судъ и требовала категорическаго отвѣта. Отецъ мой, однако, не явился, пока она вторично не потребовала его. Между тѣмъ умерла моя мать, и тѣло ея было привезено въ Н. для погребенія. Теща моя, при посредствѣ мѣстнаго суда, наложила арестъ на мертвое тѣло, погребеніе котораго, вслѣдствіе этого, запрещено было до окончанія процесса. Отецъ мой вынужденъ былъ явиться въ судъ и проигралъ, разумѣется, процессъ, вслѣдствіе чего я снова сдѣлался женихомъ моей первой невѣсты. Чтобы предупредить въ будущемъ такое отступленіе и отнять у отца моего всякій къ тому поводъ, теща моя старалась, согласно своему обѣщанію, удовлетворить всѣ его требованія, одѣла меня за ново съ ногъ до головы и заплатила даже отцу за мое содержаніе за все время отъ помолвки до свадьбы. Тѣло моей матери было предано землѣ и мы возвратились домой.

Теперь явился второй мой тесть и потребовалъ отъ моего отца, чтобы онъ утвердилъ его контрактъ. Послѣдній доказывалъ ему ничтожность этого контракта, потому что онъ противорѣчилъ уже прежде заключенному, и заявилъ ему, что онъ заключилъ его лишь въ предположеніи, что г-жа Рисса не намѣрена выполнить прежній контрактъ.

Арендаторъ, казалось, хотя и признавалъ резонность этихъ пред-

ставленій и утѣшился, по видимому, на счетъ своей потери, но обдумывалъ средства захватить меня въ свои руки. Съ этою цѣлью онъ всталъ ночью, велѣлъ запречь своихъ лошадей, взялъ меня со стола, гдѣ я спалъ, быстро уложилъ меня въ экипажъ и укатилъ со двора. Но такъ какъ дѣло не обошлось безъ нѣкотораго шума, то люди въ нашемъ домѣ проснулись, открыли кражу, преслѣдовали вора и вырвали меня изъ его рукъ. Мнѣ все это представлялось тогда какъ во снѣ.

Такимъ образомъ, отецъ мой былъ освобожденъ отъ своего долга и получилъ еще пятьдесятъ талеровъ въ подарокъ. Меня же, вскорѣ затѣмъ, моя законная теща взяла къ себѣ и я сдѣлался мужемъ моей законной невѣсты. Я, правда, долженъ сознаться, что поступокъ отца моего трудно оправдать съ моральной точки зрѣнія. Только страшая нужда, въ которой онъ тогда находился, можетъ ему, нѣкоторымъ образомъ, служить извиненіемъ.

ГЛАВА XI.

Моя женитьба на одиннадцатомъ году дѣлаетъ меня рабомъ моей жены и доставляетъ мнѣ удары отъ моей тещи.—Духъ изъ плоти и крови.

При моей свадьбѣ отецъ мой въ первый вечеръ не присутствовалъ, и такъ какъ онъ при моемъ отъѣздѣ сказалъ мнѣ, что онъ относительно меня имѣетъ еще кое-что исправить и чтобы я ожидалъ его прибытія, то я, не смотря на всѣ старанія, которыя были употреблены въ этомъ отношеніи, ни за что не хотѣлъ явиться въ первый вечеръ. Тѣмъ не менѣе свадебныя торжества пошли своимъ порядкомъ.

Ожидали слѣдующаго дня, но отецъ мой все еще не пріѣзжалъ. Грозили, что меня поведутъ къ вѣнцу съ солдатами, но я отвѣтилъ, что это ни къ чему не поведетъ, такъ какъ вѣнчаніе должно быть непремѣнно свободное. Наконецъ, отецъ мой прибылъ вечеромъ къ удовольствію всѣхъ заинтересованныхъ. Нѣкоторыя статьи были исправлены и вѣнчаніе состоялось.

Здѣсь я долженъ разсказать маленькій анекдотъ. Я читалъ въ какой-то еврейской книгѣ, что для супруга лучшее средство достигнуть власти надъ своею половиною—это наступить ей на ногу при вѣнчаніи. Если же оба супруга употребляютъ туже тактику, то власть достается тому, кому первому удастся выполнить этотъ стратегическій пріемъ. Когда при вѣнчаніи меня и невѣсту поставили рядомъ, то мнѣ сейчасъ пришло въ голову, что я не долженъ упустить этотъ случай доставить себѣ власть надъ моей женой на

всю жизнь. Я уже хотѣлъ было наступить ей на ногу, но нѣчто такое — je ne sais quoi — было-ли это страхъ, стыдъ или любовь — удержала меня. Въ то время, когда я еще колебался какъ поступить, я вдругъ почувствовалъ башмакъ моей жены, но съ такой силой, что я громко вскрикнулъ бы, если бы меня не удерживала моя стыдливость. Я считалъ это сквернымъ предзнаменованіемъ и сказалъ себѣ самому: Провидѣніе назначило тебя быть рабомъ твоей жены, и ты не долженъ освободиться отъ ея оковъ.

Изъ моей трусости и героизма моей жены читатель легко можетъ понять, почему это пророчество дѣйствительно должно было осуществиться.

Но я находился не только подъ башмакомъ моей жены, но и подъ фухтелемъ моей тещи. Изъ того, что она обѣщала, ничего не было приведено въ исполненіе. На домѣ ея, который она назначила въ приданое своей дочери, лежали долги. Изъ шести лѣтъ содержанія, которыя она обѣщала мнѣ, я пользовался едва-ли полгода, и то при постоянныхъ спорахъ и дракахъ. Она даже осмѣливалась иногда, полагаясь на мою молодость и трусость, поднимать на меня руку, что я, однако, не рѣдко отплачивалъ ей вдвойнѣ. Не проходило почти ни одного раза, гдѣ при ѣдѣ мы не швыряли бы другъ въ друга блюдомъ, тарелкой, ложкой и т. п.

Я разъ пришелъ домой изъ академіи, сильно проголодавшись. Такъ какъ теща и жена моя были очень заняты въ хозяйствѣ, то я самъ отправился въ чуланъ и, ревизуя молочные горшки, нашелъ одинъ изъ нихъ съ творогомъ и смѣтаной, какія вещи я немедленно сталъ истреблять. Теща моя захватила меня на этомъ и закричала съ яростью: «Ты, вѣдь, не сожрешь творога вмѣстѣ со смѣтаной?» Чѣмъ больше сметаны, тѣмъ лучше, думалъ я про себя и продолжалъ ѣсть, не обращая ни малѣйшаго вниманія на ея крикъ. Она насильно хотѣла вырвать у меня горшекъ, ударила меня кулакомъ и дала мнѣ почувствовать всю свою злость. Раздосадованный такою встрѣчей, я оттолкнулъ ее отъ себя, схватилъ горшекъ и разбилъ его о ея голову. Вотъ то былъ спектакль! Кислое молоко лилось съ ея лица со всѣхъ сторонъ. Она въ гнѣвѣ схватила полѣно дровъ и, если бы я поспѣшно не убрался, навѣрное убила бы меня имъ.

Такія происшествія случались весьма часто. Жена моя, разумѣется, должна была оставаться нейтральною при подобныхъ схваткахъ, и кто бы изъ насъ не выходилъ побѣдителемъ, ее это сильно огорчало. Ахъ, жаловалась она часто, еслибъ одинъ изъ нихъ обладалъ побольше умѣренностью.

Утомленный постоянною и открытою войною, я разъ попалъ на военную хитрость, которая, по крайней мѣрѣ, на короткое время оказала свое дѣйствіе. Я всталъ около полуночи, взялъ большой глиняный горшекъ, пробрался подъ кроват моей тещи, всунулъ

голову въ горшекъ и громкимъ голосомъ сказалъ: «Рисса, Рисса, ты безбожная женщина! почему ты такъ дурно обращаешься съ моимъ любимымъ сыномъ. Если ты не исправишься, то конецъ твой близокъ, и ты во вѣки будешь проклята». Послѣ этого я вылѣзъ изъ подъ кровати и сталъ ее щипать самымъ жестокимъ образомъ. Затѣмъ я тихо пробрался на свою постель.

На слѣдующее утро она встала весьма разстроенною, разсказала моей женѣ, что мать моя явилась къ ней ночью и грозила и щипала ее изъ-за меня.

Въ подтвержденіе своихъ словъ она показала синяки на ея рукахъ. Когда я пришелъ изъ синагоги, я не засталъ тещи, а жена моя плакала. Я спросилъ о причинѣ, но она мнѣ не хотѣла сказать. Теща моя возвратилась съ заплаканными глазами и съ сокрушеннымъ духомъ. Она, какъ я впослѣдствіи узналъ, была на еврейскомъ кладбищѣ, бросилась на могилу моей матери и просила у нея прощенія. Послѣ этого она велѣла вымѣрить кругомъ все кладбище и по этой мѣркѣ изготовить восковую свѣчу для синагоги. Она, кромѣ того, постилась весь день и была ко мнѣ очень ласкова. Я хотя и зналъ причину всего этого, но представлялся какъ будто ничего не замѣчаю и внутренно радовался моей удачной тактикѣ. Такимъ образомъ, меня въ теченіе нѣкотораго времени оставили въ покоѣ, но, къ несчастію, это продолжалось не долго. Все вскорѣ было забыто и, при малѣйшемъ поводѣ, спектакль снова начинался. Словомъ, я вскорѣ вынужденъ былъ совершенно оставить этотъ домъ и занять мѣсто частнаго учителя. Только къ большимъ праздникамъ я пріѣзжалъ домой.

ГЛАВА XII.

Тайны брачной жизни. — Князь Р., или что все возможно было въ Польшѣ.

Мнѣ пошелъ четырнадцатый годъ, когда у меня родился мой старшій сынъ Давидъ. Такъ какъ при свадьбѣ мнѣ было всего одиннадцать лѣтъ, то я, при строгой жизни, которую ведутъ евреи, и недостаткѣ взаимныхъ сношеній между мущинами и женщинами, и не имѣлъ понятія о существенныхъ обязанностяхъ брака. На красивую дѣвушку я смотрѣлъ какъ на всякое другое природное или искуственное произведеніе, какъ, напримѣръ, на красивую коробочку, которую я нѣкогда укралъ. Весьма понятно, поэтому, что я еще долгое время, послѣ моей свадьбы, не могъ думать объ исполненіи этихъ обязанностей.

Я со страхомъ приближался къ своей женѣ, какъ къ незнакомому

существу. Чтобы исправить зло, меня привели къ колдуньѣ, въ предположеніи, что меня во время свадьбы околдовали. Колдунья дѣлала со мною всевозможныя операціи, которыя, хотя косвеннымъ образомъ, все-таки произвели свое дѣйствіе.

Жизнь моя въ Польшѣ со времени моей свадьбы до моего выѣзда за границу—періодъ, обнявшій собою цвѣтущіе мои годы — была рядъ всевозможныхъ бѣдствій. У меня не было никакихъ средствъ продолжать свое развитіе, съ чѣмъ необходимо сопряжено было непроизводительное употребленіе силъ, при описаніи котораго перо мое выпадаетъ изъ рукъ и грустныя воспоминанія о которомъ я стараюсь заглушить въ себѣ самомъ.

Тогдашнее устройство страны вообще и положеніе нашего народа, который какъ оселъ стоналъ подъ двумя ношами, своимъ собственнымъ невѣжествомъ и связанными съ этимъ религіозными предразсудками и невѣжествомъ и предразсудками господствующаго населенія, несчастія моей семьи — все соединилось вмѣстѣ, чтобы помѣшать моему развитію и воспрепятствовать обнаруженію моихъ природныхъ способностей.

Польская нація, подъ которою я разумѣю польское дворянство, имѣетъ весьма смѣшанный характеръ. Только немногіе имѣютъ случай просвѣтить себя воспитаніемъ, обученіемъ и цѣлесообразными путешествіями и содѣйствовать, такимъ образомъ, своему собственному благу и благу своихъ подданныхъ. Но большинство проводитъ свою жизнь въ невѣжествѣ и безнравственности, безразсудно предаются самымъ гнуснымъ страстямъ, губящимъ тысячу ихъ подчиненныхъ. Они блистаютъ титулами и орденами, которыя они позорятъ своими дѣйствіями, обладаютъ громадными помѣстьями, которыми они не въ состояніи управлять, постоянно ведутъ между собою распри, вслѣдствіе чего государство необходимо становится добычею сосѣдей, завидующихъ его величію.

Князь Р., гетманъ польскій и воевода литовскій, былъ одинъ изъ первыхъ магнатовъ. Онъ получилъ три наслѣдства и владѣлъ, поэтому, безчисленными помѣстьями. Ему нельзя было отказать въ нѣкоторой добросердечности и любезности, но вслѣдствіе небрежнаго воспитанія и недостаточнаго образованія, онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ распутныхъ князей, которые когда либо жили на свѣтѣ. Не имѣя постоянныхъ занятій, необходимое слѣдствіе его недостаточнаго образованія и мало развитаго вкуса, онъ предавался пьянству, которое увлекало его къ самымъ смѣшнымъ и безразсуднымъ дѣяніямъ. Безъ особенной склонности онъ предавался самымъ гнуснымъ чувственнымъ страстямъ и, не будучи вовсе жестокимъ, причинялъ своимъ подданнымъ неслыханныя жестокости.

Онъ содержалъ на свой счетъ армію въ десять тысячъ человѣкъ, которая стоила ему громадныя суммы и которая не имѣла никакого

другаго назначенія, кромѣ увеличенія его блеска, и во время смутъ въ Польшѣ онъ, самъ не зная почему, принялъ сторону конфедератовъ.

Вслѣдствіе этого русскіе прибыли въ его владѣнія, разграбили его имѣнія и повергли его подданныхъ въ нищету и несчастіе. Онъ самъ нѣсколько разъ долженъ былъ бѣжать изъ страны и оставить накопленныя въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній сокровища въ рукахъ своихъ враговъ.

Кто въ состояніи описать всѣ совершенныя имъ распутства. Но слѣдующіе примѣры, полагаю, будутъ достаточны для того, чтобы читатель получилъ объ нихъ нѣкоторое понятіе. Нѣкоторое уваженіе къ повелителю моей прежней родины не позволяютъ мнѣ разсматривать ихъ иначе, какъ слѣдствіе его горячаго темперамента и недостаточнаго воспитанія, что скорѣе должно возбудить въ насъ состраданіе, чѣмъ ненависть и презрѣніе.

Когда онъ ѣздилъ по улицѣ, что обыкновенно происходило въ сопровожденіи всего его придворнаго штата, капеллы и солдатъ, то никто, если не хотѣлъ рисковать жизнью, не смѣлъ показываться на улицѣ, и даже въ домахъ не было безопасно. Самую послѣднюю и грязную крестьянку, которая ему встрѣчалась, онъ бралъ къ себѣ въ карету...

Однажды онъ послалъ къ весьма почтенному еврейскому фельдшеру и призвалъ его къ себѣ. Послѣдній, полагая, что нужно совершить какую либо хирургическую операцію, взялъ свои инструменты и явился къ своему господину. Князь спросилъ его, принесъ ли онъ съ собою инструменты. «Да, свѣтлѣйшій князь», отвѣтилъ фельдшеръ. «Хорошо, сказалъ князь, дай мнѣ твой ланцетъ, я тебѣ пущу кровь». Несчастный фельдшеръ долженъ былъ покориться. Князь взялъ ланцетъ, и такъ какъ онъ не умѣлъ съ нимъ обращаться, и рука его, кромѣ того, дрожала отъ пьянства, то онъ, разумѣется, изранилъ его самымъ жестокимъ образомъ. Но его придворные одобряли его и хвалили его замѣчательную ловкость въ хирургіи.

Онъ разъ прибылъ въ церковь въ пьяномъ видѣ и, не зная гдѣ онъ, сталъ предъ алтаремъ и совершилъ тамъ одну изъ природныхъ потребностей. Всѣ присутствовавшіе пришли въ ужасъ. На слѣдующій день утромъ, когда онъ еще не успѣлъ напиться, духовенство напомнило ему о его вчерашнемъ поступкѣ. «Эй, сказалъ князь, постараемся исправить это». Онъ приказалъ, чтобы мѣстные евреи пожертвовали на свой счетъ 50 пудовъ воску на свѣчи для помянутой церкви. Такимъ образомъ, бѣдные евреи вынуждены были принести искупительную жертву за оскверненіе христіанской церкви благовѣрнымъ католикомъ.

Однажды ему вздумалось прокатиться по валу кругомъ города.

Но такъ какъ городской валъ былъ слишкомъ узокъ для того, чтобы на немъ могли ѣздить въ каретѣ шестерней — иначе князь не ѣздилъ — то гусары его съ большею трудностью и опасностью жизни вынуждены были носить карету на рукахъ, пока князь, такимъ образомъ, не объѣхалъ кругомъ города.

Однажды онъ со всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ пріѣхалъ въ еврейскую синагогу и, безъ всякаго рѣшительно повода, производилъ тамъ всевозможныя разрушенія: разбилъ окна и печи, разбилъ всѣ сосуды, бросалъ на землю хранившіеся въ кивотѣ священные свитки закона и т. п. Присутствовавшій при этомъ старикъ осмѣлился поднять одинъ изъ этихъ свитковъ, за что свѣтлѣйшій князь удостоилъ его чести собственноручно тутъ же застрѣлить его. Отсюда князь отправился въ другую синагогу, гдѣ онъ распорядился такимъ же образомъ, и затѣмъ на еврейское кладбище, гдѣ всѣ зданія были имъ разрушены и всѣ памятники сожжены.

Можно ли думать, что владѣлецъ страны, который имѣлъ всѣ законныя средства наказать своихъ подданныхъ, въ случаѣ если бы они дѣйствительно совершили что нибудь преступное, будетъ обращаться съ ними такъ жестоко? Однако, оно такъ и было.

Однажды ему вздумалось прогуляться въ принадлежавшую ему деревню М., отстоявшую отъ его резиденціи на четыре мили. Прогулка эта должна была совершиться въ сопровожденіи всей его обыкновенной свиты и всего придворнаго штата. Въ назначенный день уже рано утромъ началось шествіе. Впереди двинулась его армія, состоявшая изъ пѣхоты, артиллеріи, кавалеріи и т. д., въ полномъ порядкѣ, раздѣленная на полки, потомъ лейбъ-гвардія — его стрѣльцы, состоявшіе изъ волонтеровъ—бѣдныхъ дворянъ; затѣмъ двинулась его кухня, въ которой венгерское не было забыто; за кухней слѣдовала музыка яничаръ и другія капелы; послѣ нихъ его собственный экипажъ, а за нимъ, наконецъ, его сатрапы —я называю ихъ такъ потому, что это шествіе могу только сравнить съ походомъ Дарія противъ Александра. Къ вечеру самъ сіятельный князь—своей собственной особой, я не могу сказать, потому что отъ выпитаго венгерскаго онъ потерялъ всякое сознаніе, на которомъ собственно и основана личность—прибылъ въ мой трактиръ въ предмѣстьѣ К. его резиденціи Н. Его занесли въ домъ и бросили на грязную постель моей тещи въ полномъ одѣяніи, въ сапогахъ со шпорами и т. д.

Я, какъ обыкновенно, долженъ былъ убѣжать. Мои амозонки, т. е. моя жена и моя теща, полагаясь на свою храбрость, сами остались дома, Гости шумѣли всю ночь. Въ той же комнатѣ, гдѣ лежалъ князь, рубили дрова, варили и жарили. Уже было извѣстно, что если ихъ сіятельство спали, то разбудить ихъ въ состояніи была развѣ одна только труба вѣчнаго суда. На слѣдующій день

его разбудили. Онъ посмотрѣлъ кругомъ и не зналъ — долженъ-ли довѣрять своимъ глазамъ, такъ какъ онъ находился въ жалкомъ шинкѣ и лежалъ не раздѣтый на грязной постели, наполненной клопами. Его каммердинеры, пажи и арабы ожидали его приказаній. Онъ спросилъ, какимъ образомъ онъ сюда попалъ, и ему доложили, что его сіятельство изволили вчера предпринять прогулку въ М., но по дорогѣ остановились тутъ отдохнуть. Его свита между тѣмъ уѣхала впередъ и теперь уже, вѣроятно, прибыла въ М.

Поѣздка въ М., была отложена и вся свита потребована назадъ; она возвратилась въ столицу въ обыкновенномъ порядкѣ и съ обыкновенною торжественностью. Но его сіятельству вздумалось въ моемъ трактирѣ дать большой обѣдъ. Всѣ заѣзжіе господа, находившіеся тогда въ городѣ, были приглашены къ этому обѣду. Ѣли изъ золотой посуды—и едва-ли можно себѣ представить крайній контрастъ между азіятскою роскошью и лапландскою бѣдностью, господствовавшею въ одномъ и томъ же домѣ. Въ жалкомъ трактирѣ, стѣны котораго почернѣли отъ дыма, окна котораго состояли изъ остатковъ разбитыхъ стеколъ и лучинокъ, наклеенныхъ бумагой, въ этомъ домѣ на грязныхъ скамьяхъ за еще болѣе грязнымъ столомъ, сидѣли князья, блиставшіе великолѣпіемъ, и имъ въ золотыхъ блюдахъ и бокалахъ подавали самыя изысканныя яства и самыя лучшія вина. Предъ обѣдомъ князь съ своими гостями прогуливался предъ трактиромъ и случайно увидѣлъ мою жену. Послѣдняя была тогда въ цвѣтѣ молодости; хотя я теперь уже разведенъ съ нею, но долженъ отдать ей справедливость и сознаться, что она—если не считать недостатка вкуса и искусства, служащихъ еще къ возвышенію женскихъ прелестей—была тогда красавицей перваго ранга. Весьма понятно, что она должна была понравиться и князю Р. Онъ обратился къ окружающимъ и сказалъ: «Право, красивая молодая женщина, нужно только одѣть ее въ чистую рубашку». Это было его обыкновеннымъ лозунгомъ и имѣло такой же смыслъ, какъ бросаніе своего платка султаномъ. Когда окружавшіе его господа услышали это, то они стали опасаться за честь моей жены и кивнули ей, чтобы она поскорѣе удалилась. Она воспользовалась этимъ и тайкомъ убѣжала. Послѣ обѣда князь вмѣстѣ съ другими господами, въ сопровожденіи своей музыки, торжественно въѣзжалъ въ свою столицу. Послѣ этого начался обыкновенный дневной порядокъ, т. е. все послѣ-обѣда и весь вечеръ пировали и затѣмъ отправились въ Г., увеселительный дворецъ при входѣ въ княжескій звѣринецъ, гдѣ данъ былъ фейерверкъ, стоившій очень много, но, какъ обыкновенно, неудавшійся. При всякомъ осушенномъ бокалѣ палили изъ пушекъ, при чемъ бѣдные канониры, которые лучше умѣли обращаться съ плугомъ, чѣмъ съ пушками, нерѣдко были повреждаемы. «Виватъ ксіонже Р.!»

кричали гости и пальму первенства въ этой бахусовой игрѣ признавали, разумѣется, за княземъ, причемъ онъ всегда тѣхъ, которые ему ее передавали, надѣлялъ подарками, состоявшимися не въ проходящей монетѣ, золотыхъ табакеркахъ и т. п., а въ недвижимыхъ имѣніяхъ со многими сотнями крѣпостныхъ. Наконецъ, давали концертъ, при которомъ его свѣтлость тихо засыпала и его, спящаго, привозили обратно во дворецъ.

Необходимыя для такого распутства расходы выжимаемы были изъ бѣдныхъ подданныхъ. Если этого было не достаточно, то дѣлали долги и для уплаты ихъ продавали помѣстья. Въ такихъ случаяхъ, даже двѣнадцати золотымъ мужамъ въ человѣческій ростъ, представлявшимъ—не знаю—двѣнадцать-ли апостоловъ, или двѣнадцать великановъ — и наслѣдованнымъ отъ предковъ, даже и золотому столу, заказанному самимъ княземъ, не оказывалось снисхожденія. И такимъ образомъ, постепенно уменьшались лучшія помѣстья этого знатнаго князя, накопленныя многими поколѣніями сокровища были истощены и его подданные..... Но я прерываю здѣсь свой разсказъ.

Князь этотъ умеръ недавно, не оставивъ дѣтей. Его племянникъ, сынъ его брата, говорятъ, единственный наслѣдникъ его имѣній.

ГЛАВА XIII.

Стремленія къ духовному развитію въ вѣчной борьбѣ съ бѣдствіями всякаго рода.

Преподаваніемъ моего отца, но еще болѣе своимъ собственнымъ прилежаніемъ, я ушелъ такъ далеко, что уже на одинадцатомъ году могъ быть полнымъ раввиномъ. Кромѣ того, я обладалъ нѣкоторыми безсвязными познаніями по исторіи, астрономіи и другимъ математическимъ наукамъ. Я горѣлъ желаніемъ пріобрѣсти еще больше познаній; но какъ же возможно было осуществить это при недостаткѣ руководителя, научныхъ сочиненій и другихъ средствъ. Я, поэтому, долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что безъ всякой системы и плана пользовался всѣмъ, что мнѣ случайно попадалось. Чтобы удовлетворить моей страсти къ наукамъ, не оставалось никакого другаго средства, какъ изучить чужіе языки. Но какъ же мнѣ было начать это? Научиться польскому или латинскому языку у католика было для меня рѣшительно невозможно, такъ какъ, съ одной стороны, предразсудки моей собственной націи запрещали мнѣ изучать всѣ прочіе языки, кромѣ еврейскаго, и всѣ науки, кромѣ Талмуда и его многочисленныхъ комментаторовъ, а съ другой стороны и предразсудки католиковъ не допускали обучать еврея.

Кромѣ того, тогдашнее положеніе мое вообще было весьма стѣсненное. Учительствомъ, корректурой Св. Писанія и т. п. я долженъ былъ пропитать цѣлую семью и, такимъ образомъ, я долгое время напрасно томился желаніемъ осуществить свои стремленія.

Наконецъ, счастливый случай помогъ мнѣ. Я замѣтилъ на нѣкоторыхъ еврейскихъ книгахъ рядомъ съ буквами еврейскаго алфавита, обозначавшими число страницъ, и буквы другихъ алфавитовъ, преимущественно латинскаго и нѣмецкаго.

Я хотя не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о типографіи и полагалъ, что книги печатаются такъ какъ полотно и что для всякаго листа нужна особая форма, однако, пришелъ къ заключенію, что стоящіе рядомъ знаки обозначаютъ одну и ту же букву, и такъ какъ я кое-что слышалъ о порядкѣ алфавитовъ латинскаго и нѣмецкаго, то и расчиталъ, что буква *а*, которая стоитъ рядомъ съ еврейскимъ א, также должна обозначать *альфу*, и такимъ путемъ, мало по малу, изучилъ нѣмецкій и латинскій шрифты. Я началъ составлять слова изъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ буквъ, но при этомъ, такъ сказать, дишифрированіи я все-таки опасался, что трудъ мой можетъ быть совершенно напрасенъ, такъ какъ стоящіе рядомъ съ еврейскими буквами знаки могутъ имѣть совершенно иное значеніе, нежели эти послѣднія. Но къ счастію, мнѣ попались, наконецъ, нѣсколько листовъ изъ старой нѣмецкой книги.

Я сталъ читать, и можно себѣ представить, какъ велико было мое изумленіе и радость, когда я изъ содержанія могъ заключить, что слова книги совершенно оправдали мои прежнія комбинаціи. Хотя нѣкоторыя слова все еще были для меня непонятны, но изъ всей связи я, даже пропуская ихъ, могъ довольно хорошо понять содержаніе.

Но я все еще чувствовалъ въ себѣ какую-то пустоту, которой я не былъ въ состояніи пополнить. Я не могъ вполнѣ удовлетворить мои стремленія къ познаніямъ и наукамъ. До тѣхъ поръ главное мое занятіе все еще состояло въ изученіи Талмуда; но меня привлекало лишь уже одна только внѣшняя сторона изученія,—напряженіе духовныхъ силъ—но не самое содержаніе этой науки.

При изученіи Талмуда пріобрѣтаютъ навыкъ доискаться основъ и причинъ самыхъ отдаленныхъ послѣдствій, открывать самыя невидимыя противорѣченія, различать самыя тонкія опредѣленія и т. д. Но такъ какъ самые принципы имѣютъ лишь воображаемую реальность, то умъ, стремящійся къ познаніямъ, не можетъ этимъ удовлетвориться.

Я, поэтому, сталъ отыскивать что нибудь такое, что могло бы пополнить этотъ недостатокъ. Я хотя зналъ о существованіи науки, которая была довольно сильно въ ходу у ученыхъ евреевъ того края, именно *каббала*, посредствомъ которой можно не только удовлетворить свои стремленія къ познаніямъ, но и достичь высшаго совершенства и приблизиться къ Богу, — слѣдовательно, весьма понятно, что всѣ мои помыслы были направлены къ тому, чтобы познать эту науку. Но такъ какъ эта наука, вслѣдствіе ея святости, не была публично преподаваема, а ее должно было изучать втайнѣ, то я и не зналъ, гдѣ отыскать людей, посвященныхъ въ этой наукѣ, и книги объ ней трактующія.

ГЛАВА XIV.

Я изучаю каббалу и, наконецъ, вовсе дѣлаюсь врачемъ.

Каббала — чтобъ нѣсколько подробнѣе разсмотрѣть эту божественную науку—въ болѣе обширномъ смыслѣ означаетъ *преданіе* и обнимаетъ не только тѣ тайныя науки, которыя не должны быть публично преподаваемы, но и методъ развивать новыя постановленія изъ законовъ, находящихся въ Св. Писаніи, равно какъ и нѣкоторые первоначальные законы, которые устно были переданы Моисею на горѣ Синаѣ. Но въ тѣсномъ смыслѣ каббала означаетъ лишь преданіе тайныхъ наукъ. Эта послѣдняя разрѣляется на теоретическую и практическую каббалу. Теоретическая каббала обнимаетъ собою ученіе о Богѣ, его качествахъ, выражаемыхъ разнообразными его названіями, о созданіи міра, посредствомъ постояннаго ограниченія его безконечнаго совершенства, и отношеніи всѣхъ предметовъ къ его высшему существу. Практическая каббала—это ученіе производить, при помощи разнообразныхъ именъ Бога, предоставляющихъ разнообразныя дѣйствія и отношенія къ предметамъ природы, желаемое вліяніе. Эти святыя имена разсматриваются не какъ произвольные, а какъ природные знаки, такъ что все, что дѣлается этими знаками, имѣютъ вліяніе и на самые предметы.

Первоначально каббала была, вѣроятно, ничто иное, какъ психологія, физика, мораль, политика и т. п., которыя символами и іероглифами были представляемы въ басняхъ и аллегоріяхъ, тайный смыслъ которыхъ открывали лишь тѣмъ, которые къ тому были способны. Весьма можетъ быть, что разными переворотами этотъ тайный смыслъ мало по малу забывался, и знаки были принимаемы вмѣсто предметовъ, ими обозначаемыхъ. Но такъ какъ легко было замѣтить, что эти знаки что нибудь должны означать, то фантазіи представлено было снова придумать тайный смыслъ, который давно былъ потерянъ.

Прибѣгали къ самымъ отдаленнымъ аналогіямъ между знаками

и предметами, пока, наконецъ, каббала не выродилась въ искусство бѣшено играть умомъ, или въ систематическую науку, основанную на произвольныхъ комбинацiяхъ. Многообѣщающая цѣль ея — дѣйствовать по произволу на всю природу—ея важность и торжественность производятъ, разумѣется, чрезвычайное влiянiе на фантастическiе умы, не просвѣщенные наукой или основательной философiей.

Главное сочиненiе, по которому можно изучить каббалу — это *Зогаръ*, написанный на сирiйскомъ языкѣ и весьма высокимъ слогомъ. Всѣ другiя каббалистическiя сочиненiя должны быть разсматриваемы какъ комментарiи или извлеченiя изъ Зогара.

Каббала имѣетъ двѣ системы: систему рабби *Моисея Кордаверы* и систему рабби *Исаака Лурiи*. Первый болѣе реаленъ, т. е. онъ болѣе близокъ къ разуму, чѣмъ послѣднiй. Послѣднiй же болѣе форменъ, т. е. болѣе совершенъ въ построенiи своей системы. Новые каббалисты предпочитаютъ послѣдняго первому, потому что они лишь то считаютъ истинной каббалой, въ чемъ нѣтъ здраваго смысла. Главное сочиненiе рабби Моисея Кордаверы—это *Пардесъ* (рай). Отъ самаго рабби Исаака Лурiи остались лишь нѣкоторыя безсвязныя сочиненiя; но ученикъ его, рабби *Хаимъ Виталь*, написалъ большое сочиненiе подъ заглавiемъ: *Эцъ Хаимъ* (древо жизни), въ которомъ изложена вся система его учителя. Эта книга такъ свято почитается евреями, что они не позволяютъ передать его печати. Понятно, что мнѣ пришлась болѣе по вкусу каббала рабби Моисея, чѣмъ каббала рабби Исаака, но я не долженъ былъ высказать объ этомъ свое мнѣнiе.

Послѣ этого отступленiя о каббалѣ вообще, я снова возвращаюсь къ моей исторiи. Я узналъ, что мѣстный проповѣдникъ принадлежитъ къ послѣдователямъ каббалы, и для достиженiя моей цѣли, старался съ нимъ познакомиться, взялъ себѣ въ синагогѣ мѣсто возлѣ него, и такъ какъ я разъ замѣтилъ, что онъ послѣ молитвы читалъ изъ какой-то маленькой книжки, которую онъ немедленно же спряталъ, то мнѣ сильно захотѣлось знать, что это за книга. Послѣ того какъ проповѣдникъ ушелъ домой, я досталъ эту книгу изъ того мѣста, куда она спрятана была имъ, и увидѣвъ, что это книга каббалистическаго содержанiя, я взялъ ее и спрятался съ ней въ уголъ синагоги, пока всѣ ушли и синагога была заперта. Тогда я выползъ изъ своего угла и читалъ въ любимой книгѣ до тѣхъ поръ, пока сторожъ вечеромъ снова отперъ синагогу; въ теченiе всего дня я ни разу не подумалъ, что нужно что нибудь съѣсть или выпить.

Книга эта называлась: *Сааре Кедуша* (врата святости) и, кости, обнимала собою, за исключенiемъ разныхъ фантастическихъ кратцѣ главныя ученiя психологiи. Я поступилъ съ этою книгой такъ, какъ рабби Мейръ, о которомъ Талмудъ разсказываетъ, что онъ имѣлъ учителемъ еретика: онъ нашелъ гранатное яблоко, съѣлъ плодъ, а скорлупу бросилъ.

Въ нѣсколько дней, которыя я проводилъ такимъ образомъ, я прошелъ всю книгу. Но, вмѣсто того, чтобы удовлетворить мою страсть, она еще болѣе раздражала ее. Я горѣлъ нетерпѣнiемъ прочитать еще нѣсколько книгъ съ подобнымъ содержанiемъ. Но такъ какъ я былъ слишкомъ застѣнчивъ, чтобы поговорить объ этомъ съ проповѣдникомъ, то я рѣшился написать ему письмо; я объяснилъ мою неодолимую страсть къ этой священной наукѣ и просилъ его, чтобы онъ меня снабжалъ необходимыми книгами. Я получилъ отъ него весьма благопрiятный отвѣтъ; онъ хвалилъ мое стремленiе къ этой священной наукѣ и увѣрялъ, что мое усердiе, подъ такими неблагопрiятными обстоятельствами, есть очевидный признакъ того, что душа моя происходитъ изъ *Оламъ Ацилотъ* (изъ мiра непосредственнаго божественнаго истеченiя), между тѣмъ какъ души обыкновенныхъ талмудистовъ происходятъ изъ *Оламъ Iецирэ* (изъ мiра созданiя). Онъ обѣщалъ мнѣ, поэтому, по возможности доставлять желаемыя книги. Но такъ какъ онъ самъ преимущественно занимался этой наукой и ему самому постоянно нужны были эти книги, то онъ не могъ ихъ одолжить мнѣ, но позволилъ мнѣ заниматься ими въ его квартирѣ, сколько мнѣ угодно.

Кто былъ тогда счастливѣе меня? Я съ благодарностью принялъ это предложенiе проповѣдника, почти не выходилъ изъ его дома и, днемъ и ночью, сидѣлъ надъ каббалистическими книгами.

Два понятiя были для меня особенно трудны. Первое было понятiе о *деревѣ*, или представленiе о божественныхъ истеченiяхъ въ ихъ разнообразные изгибы и отношенiяхъ ихъ между собою. Второе было понятiе о *бородѣ Господней*, волосы котораго раздѣлены на разнообразные классы, имѣющiе каждый что нибудь особенное, и гдѣ каждый волосъ есть отдѣльное излiянiе божеской милости. Не смотря на всѣ мои старанiя и усилiя, я не былъ въ состоянiи найти въ этомъ какой нибудь смыслъ.

Но мои частыя посѣщенiя очень стѣсняли проповѣдника. Онъ незадолго предъ тѣмъ женился на молодой очень красивой женщинѣ, и такъ какъ его скудное помѣщенiе состояло всего изъ одной комнаты, которая одновременно служила столовой, учебной и спальней, а я тамъ занимался цѣлыя ночи, то моя сверхчувственность нерѣдко приходила въ столкновенiе съ его чувственностью.

Послѣднiй, поэтому, сталъ придумывать средство, какъ бы приличнымъ образомъ освободиться отъ начинающаго каббалиста. Онъ однажды сказалъ мнѣ: «Я замѣчаю, что вамъ должно быть особенно трудно изъ за книгъ проводить все свое время внѣ дома; вы, поэтому, по одиночкѣ можете брать книги къ себѣ домой и изучать ихъ, какъ вы найдете это удобнымъ.

Мнѣ, разумѣется, это было весьма пріятно. Я бралъ отъ проповѣдника одну книгу за другой и изучалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока пришелъ къ убѣжденію, что знаю уже всю каббалу. Я не неудовольствовался, однако, познаніемъ ея принциповъ и ея разнообразныхъ системъ,—но старался также сдѣлать изъ нихъ надлежащее употребленіе. Не было ни одного мѣста въ Св. Писаніи или Талмудѣ, тайный смыслъ, котораго я бы не могъ извлечь съ большею ловкостью на основаніи каббалистическихъ принциповъ. Одна книга, подъ названіемъ *Шааре Ора* (врата свѣта), много помогла мнѣ въ этомъ. Въ этой книгѣ исчисляются разнообразныя имена каждой изъ десяти сефиротъ (главныхъ предметовъ каббалы), такъ что каждая изъ нихъ имѣетъ сто или болѣе именъ. Въ каждомъ словѣ библейскаго стиха или талмудическаго предложенія я находилъ, такимъ образомъ, имя какой нибудь сефиры. Такъ какъ я зналъ качество каждой отдѣльной сифиры и ея отношеніе къ остальнымъ, то я, комбинируя ихъ имена, легко могъ открыть ихъ дѣйствіе.

Объясню это краткимъ примѣромъ. Въ сказанной книгѣ я нашелъ, что имя *Іегова* представляетъ высшія шесть сефиротъ—за исключеніемъ первыхъ трехъ—или личность божества мужскаго пола; слово же *ко* означаетъ Шехину—личность Божества женскаго пола, а слово *амаръ* выражаетъ собою ихъ половое соединеніе. Я потому истолковалъ слова: ко амаръ Іегова — слѣдующимъ образомъ: Іегова соединяется съ Шехиною—и это объясненіе архикаббалистическое. И когда я читалъ это мѣсто въ Библіи, то думалъ не иначе какъ, что произнося эти слова и придавая имъ ихъ тайный смыслъ, я этимъ дѣйствительно вызываю соединеніе между божественными супругами, отъ котораго весь свѣтъ долженъ ждать благословенія. Кто можетъ удержать безразсудный полетъ воображенія, если онъ не руководствуется разумомъ?

Съ Каббалой *Маапшитъ* или *практической* каббалой я не былъ такъ счастливъ, какъ съ теоретической. Проповѣдникъ, хотя и не хвасталъ публично, но всякому говорилъ втайнѣ, что онъ мастеръ и въ практической каббалѣ. Въ особенности онъ хвалился тѣмъ, что можетъ сдѣлаться *роэ-вээно-ниро* (т. е. все видѣть, а самому быть невидимымъ).

Я особенно жаждалъ узнать это искусство, чтобы имѣть возможность безнаказанно шутитъ надъ моими товарищами. Я уже построилъ цѣлый планъ, какъ этимъ путемъ оградить себя нѣсколько отъ моей злой тещи. Я, поэтому, умаливалъ проповѣдника открыть мнѣ эту тайну. Я сказалъ ему, что желаю узнать эту тайну лишь для того, чтобъ творить добро и предупреждать зло. Проповѣдникъ согласился сдѣлать это, но сказалъ, что съ моей стороны нужна для этого нѣкоторая подготовка. Три дня сряду я долженъ былъ поститься и всякій день совершать нѣсколько *іихудимъ*. Подъ

этимъ словомъ разумѣются каббалистическія формулы, тайная цѣль которыхъ вызвать половыя связи въ умственномъ мірѣ, чѣмъ достигаются будто бы извѣстныя дѣйствія въ мірѣ физическомъ. Я все исполнилъ съ радостью, совершилъ заклинаніе, которому онъ научилъ меня и былъ вполнѣ увѣренъ, что я теперь невидимъ. Тотчасъ же я отправился въ бетъ-гамидрашъ или еврейскую академію, подошелъ къ одному изъ моихъ товарищей и отпустилъ ему здоровую пощечину. Но послѣдний не полѣнился возвратить мнѣ ее съ лихвою. Я былъ изумленъ и не могъ понять, какимъ образомъ онъ открылъ меня, такъ какъ я въ точности исполнилъ всѣ предписанія проповѣдника. Я напалъ на мысль, что вѣроятно, помимо моей доброй воли, я что нибудь упустилъ изъ виду. Я рѣшился, поэтому, снова предпринять эту операцію, но на этотъ разъ уже не думалъ для первой пробы выступить пощечиной, а только пошелъ въ академію, чтобы какъ зритель наблюдать за моими товарищами. Но лишь только я вошелъ въ академію ко мнѣ на встрѣчу тотчасъ же поднялся одинъ изъ товарищей, указалъ на трудное мѣсто въ Талмудѣ и просилъ разъяснить его. Я былъ страшно смущенъ и совершенно безутѣшенъ о моихъ разрушившихся надеждахъ.

Я пошелъ къ проповѣднику и сообщилъ о моей неудавшейся попыткѣ. Нисколько не краснѣя, онъ смѣло отвѣтилъ: «Если вы соблюдали всѣ мои предписанія, то я иначе не могу объяснить это, какъ только вашею неспособностью освободиться отъ всего видимаго на вашемъ тѣлѣ. Съ большею горечью я, такимъ образомъ, долженъ былъ совершенно отказаться отъ надежды сдѣлаться невидимымъ.

За этой разрушенной надеждой послѣдовало вскорѣ новое разочарованіе. Въ предисловіи къ книгѣ *Разіэль*, которую этотъ ангелъ будто бы передалъ нашему праотцу Адаму при его изгнаніи изъ рая, я нашелъ предсказаніе, что тотъ, кто будетъ хранить эту книгу въ своемъ домѣ, обезпечиваетъ себя этимъ отъ пожаровъ. Но вскорѣ послѣ этого въ сосѣдствѣ вспыхнулъ пожаръ, отъ котораго загорѣлся и мой домъ, и при этомъ самъ Разіель въ огненномъ экипажѣ долженъ былъ вознестись къ небу.

Неудовлетворенный литературнымъ знаніемъ этой науки, я старался вникнуть въ духъ ея. И такъ какъ я замѣтилъ, что вся эта наука, если она вообще заслуживаетъ этого имени, есть ничто иное какъ облеченіе тайнъ природы въ басни и аллегоріи, то всѣ мои старанія направлены были къ тому, чтобы открыть эти тайны и, такимъ образомъ, превратить мое литературное знаніе въ знаніе основанное на разумѣ.

Но я могъ тогда осуществить это лишь самымъ несовершеннымъ образомъ, такъ какъ вообще имѣлъ еще самыя скудныя понятія о наукахъ. Однако, я самъ, собственнымъ размышленіемъ, попалъ

на многія подобныя примѣненія. Такъ я объяснилъ себѣ, напр., первую инстанцію, которой каббалисты обыкновенно начинаютъ свою науку.

Она состоитъ въ слѣдующемъ: до сотворенія міра существо Бога одно наполняло все безконечное пространство. Но Богъ захотѣлъ создать міръ, чтобы обнаружить свои качества, относящіяся къ существамъ внѣ его. Съ этой цѣлью онъ втѣснилъ себя въ центръ совершенства и въ оставшееся, вслѣдствіе этого, пустое пространство пустилъ десять концентрическихъ свѣтлыхъ круговъ, изъ которыхъ впослѣдствіи образовались разнообразныя фигуры (парцуффимъ) съ извѣстными ступенями, нисходившими до настоящаго чувственнаго міра.

Я никакъ не могъ себѣ представить, чтобъ все это было принято въ буквальномъ смыслѣ, какъ это представляютъ себѣ всѣ каббалисты. Точно также я не могъ себѣ представить, чтобы до сотворенія міра прошло много времени, такъ какъ я зналъ изъ моего *Море Невохимъ*, что время есть лишь модификація міра и, слѣдовательно, безъ послѣдняго не можетъ быть воображаемо.

Я не могъ себѣ представить, чтобы Богъ наполнялъ какое либо пространство, хотя бы и безконечное; или чтобы онъ, будучи безконечно совершеннымъ существомъ, кругообразнымъ образомъ втѣснилъ себя въ свой центръ.

Я старался все это объяснить себѣ слѣдующимъ образомъ: Богъ, не по времени, а по необходимому существу своему, какъ условіе міра, былъ до послѣдняго. Всѣ предметы внѣ божества, какъ по своей сущности, такъ и по своему существованію, зависятъ отъ него, какъ отъ своей первопричины. Сотвореніе міра, такимъ образомъ, можетъ быть предполагаемо не какъ созданіе *изъ ничего*, а также не какъ возникновеніе чего нибудь независимаго, а какъ произведеніе *изъ себя самаго*. И такъ какъ существа имѣютъ разныя градаціи совершенства, то мы для объясненія ихъ способа возникновенія должны представлять себѣ различныя ступени ограниченія человѣческаго существа. Но такъ какъ мы должны представить себѣ это ограниченіе, начиная съ безконечнаго существа и кончая матеріей, то мы начало этого ограниченія воображаемъ себѣ фигурально въ видѣ центра безконечнаго.

Въ самомъ дѣлѣ, каббала есть ничто иное какъ дальнѣйшее развитіе спинозизма, въ которой не только возникновеніе міра вообще объясняется ограниченіемъ божескаго существа, но и возникновенія всякаго рода существъ и ихъ отношенія ко всѣмъ прочимъ производится изъ какого нибудь особеннаго свойства Бога. Богъ, какъ послѣдній субъектъ и послѣдняя причина всѣхъ существъ называется Ейнсофъ (безконечное, о которомъ, разсматриваемо по себѣ, ничего не можетъ быть сказано). Но въ отношеніи къ безконечнымъ существамъ ему прилагаются положительныя качества, число которыхъ каббалисты ограничиваютъ десятью и которыя называются десятью сефиротъ. Въ книгѣ *Пардесъ* рабби Моисея Кордавера разбирается вопросъ—должны ли эти сефироты быть разсматриваемы какъ само божество или нѣтъ?

Подъ десятью кругами я представлялъ себѣ десять предикаментовъ Аристотеля, которые я узналъ изъ моего Море Невохимъ, общія качества предметовъ, безъ которыхъ они не могутъ быть мыслимы, и т. д.

Но этими объясненіями я навлекъ на себя нѣкоторыя непріятности. Каббалисты увѣряютъ, что каббала это не человѣческая, а божественная наука, и, слѣдовательно, объяснять ея тайны, согласно съ разумомъ и природой, значитъ унизить ее. Поэтому, чѣмъ разумнѣе становились мои объясненія, тѣмъ болѣе каббалисты раздражались противъ меня, такъ какъ они считали божественнымъ лишь то, что не имѣло здраваго смысла.

Мои разъясненія я, вслѣдствіе этого, долженъ былъ таить въ себѣ. Цѣлое сочиненіе, которое я написалъ объ этомъ предметѣ, я еще привезъ съ собою въ Берлинъ и до сихъ поръ сохраняю его какъ памятникъ стремленія человѣческаго ума къ совершенству, не смотря на всѣ препятствія, ему представляемыя.

Однако и это не могло удовлетворить меня. Я желалъ познать науки не въ формѣ басень, а въ ихъ настоящемъ свѣтѣ; я хотя и зналъ уже, правда далеко не въ совершенствѣ, читать по нѣмецки; но гдѣ на Литвѣ достать нѣмецкія книги?

Къ счастію я узналъ, что главный раввинъ въ городѣ С., который въ молодости былъ въ Г., гдѣ онъ изучилъ нѣмецкій языкъ и познакомился нѣсколько съ науками, которыми онъ втайнѣ до сихъ поръ занимался, имѣлъ довольно много нѣмецкихъ книгъ. Я рѣшился, поэтому, предпринять путешесвіе въ С., чтобъ выпросить у тамашняго раввина нѣсколько научныхъ книгъ. Нимало не заботясь объ экипажѣ или деньгахъ на дорожныя издержки, (я уже былъ привыкъ къ такого рода путешествіямъ и однажды сдѣлалъ пѣшкомъ тридцать миль съ единственною цѣлью увидѣть еврейскую перипатически-философскую книгу десятаго столѣтія) и не сказавъ ни слова моему семейству, я зимою отправился въ С.

Какъ только я прибылъ въ этотъ городъ, то немедленно отправился къ раввину, высказалъ ему мои желанія и убѣдительно просилъ его о поддержкѣ. Послѣдній не мало былъ изумленъ этимъ, такъ какъ въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ, которыя прошли уже со времени его возвращенія изъ Германіи, ни одинъ человѣкъ еще не являлся къ нему съ подобной просьбой, и онъ обѣщалъ одолжить мнѣ нѣсколько старыхъ нѣмецкихъ книгъ. Между ними са-

мыя лучшія были: одно старое сочиненіе объ оптикѣ и физика Штурма.

Я не зналъ какъ и благодарить этого превосходнаго раввина, взялъ книги и отправился обратно домой.

Когда прочелъ эти книги, то мнѣ открылся новый свѣтъ. Я полагалъ, что обладаю уже ключемъ ко всѣмъ тайнамъ природы, такъ какъ я уже зналъ отъ чего происходитъ гроза, роса, дождь и т. д.

Я гордо смотрѣлъ на всѣхъ тѣхъ, которые еще не знали этого, смѣялся надъ ихъ предразсудками и суевѣріемъ и выразилъ готовность просвѣщать ихъ понятія и умъ.

Но это не всегда удавалось. я старался однажды убѣдить одного талмудиста, что земля кругла и что на другой сторонѣ тоже живутъ люди. Но онъ возразилъ мнѣ, что въ этомъ случаѣ тѣ люди необходимо должны были бы упасть. Я употребилъ всѣ возможныя усилія, чтобъ доказать, что паденіе тѣлъ происходитъ не по извѣстному направленію въ пустомъ пространствѣ, а только по направленію къ центру земли, и что понятія: вверху и внизу означаютъ лишь приближеніе или отдаленіе отъ этого центра. Но все было напрасно; талмудистъ оставался при своемъ и находилъ, что это не въ порядкѣ вещей.

Однажды я гулялъ съ нѣкоторыми изъ моихъ друзей. На дорогѣ лежала коза, я ударилъ ее нѣсколько разъ своей палкой; друзья мои стали упрекать меня въ жестокости. Но я отвѣтилъ: неужели вы думаете, что коза чувствуетъ боль, когда я ее бью? Вы ошибаетесь: коза (по Штурму, который былъ картезіанцемъ) ничего болѣе какъ машина.

Друзья мои захохотали. Развѣ ты не слышишь, какъ коза кричитъ, когда ты ее бьешь? спросили они; на это я отвѣтилъ: правда, что она кричитъ; но вѣдь и барабанъ кричитъ, когда вы въ него ударяете.

Они были изумлены моимъ отвѣтомъ, и вслѣдъ за тѣмъ во всемъ городѣ стало извѣстно, что я сошелъ съ ума, такъ какъ я увѣряю, что *коза есть барабанъ*.

Отъ добраго с—каго раввина я впослѣдствіи получилъ еще медицинскія книги, именно: «Анатомическія таблицы» *Кульма* и «Gasiopilatium» *Вуа*. Послѣднее сочиненіе есть большой медицинскій словарь, въ которомъ находятся не только объясненія изъ всѣхъ частей медицины, но и разнообразное употребленіе ея. При всякой болѣзни, напримѣръ, кромѣ ея причины, обозначены еще ея симптомы, способы леченія, иногда даже довольно подробно.

Это было для меня истиннымъ сокровищемъ; я изучилъ эту книгу и полагалъ, что знаю уже всю медицинскую науку и что я уже полный врачь.

Но я не хотѣлъ удовольствоваться одной теоріей и рѣшился сдѣлать изъ моихъ познаній надлежащее употребленіе. Я посѣщалъ больныхъ, по обстоятельствамъ и симптомамъ опредѣлялъ болѣзни и ихъ причины, прописывалъ даже и рецепты. Это выходило иногда довольно курьезно. Если больной сообщалъ мнѣ нѣкоторые симптомы своей болѣзни, то я старался угадать по нимъ и самый родъ болѣзни и выводилъ заключенія о другихъ симптомахъ. Если же больной возражалъ, что онъ не замѣчаетъ этихъ симптомовъ, то я все таки настаивалъ на томъ, что они существуютъ. Не рѣдко, поэтому, происходили такого рода пренія:

Я. Ты чувствуешь и головную боль.

Больной. Нѣтъ.

Я. Но ты *долженъ* чувствовать головную боль.

Такъ какъ многіе симптомы общи разнымъ болѣзнямъ, то не рѣдко выходили разныя quid pro quo. Рецепты я никогда не могъ удержать въ головѣ. Если же мнѣ нужно было что нибудь прописать, то я долженъ былъ всякій разъ отправиться домой и справиться въ моемъ «Gasiopilatium».

Наконецъ, я сталъ даже самъ приготовлять лекарства по предписаніямъ Вуа. Что это были за лекарства—можно себѣ представить. Но это имѣло своимъ хорошимъ послѣдствіемъ то, что я, наконецъ, убѣдился, что для того, чтобы быть практическимъ врачемъ, требуются гораздо больше, чѣмъ я тогда зналъ.

ГЛАВА XVI *).

Благочестіе и покаянія.

Въ молодости моей я былъ довольно религіозенъ, и такъ какъ я у многихъ раввиновъ замѣчалъ гордость, сварливость и другія дурныя качества, то они, вслѣдствіе этого, стали мнѣ ненавистны. Я потому избиралъ своими образцами тѣхъ ихъ нихъ, которые были извѣстны подъ названіемъ *Хасидимъ*, т. е. благочестивые, проводившіе всю свою жизнь въ строгомъ соблюденіи законовъ и моральныхъ добродѣтелей. Но впослѣдствіи я имѣлъ случай замѣтить, что они хотя мало вредятъ *другимъ*, но тѣмъ болѣе вредятъ *самимъ себѣ*, такъ какъ они, по пословицѣ, вмѣстѣ съ водой выливаютъ изъ ванны и дитя. Стремясь подавлять свои пороки и страсти, они въ то же время подавляютъ этимъ свои силы, задер-

*) Глава XV, какъ неотносящаяся къ автобіографіи, пропущена.

живя свою дѣятельность, а иногда даже причиняютъ себѣ подобными упражненіями раннюю смерть.

Два примѣра, которыхъ я самъ былъ очевидцемъ, будутъ достаточнымъ тому потвержденіемъ. Извѣстный въ то время своимъ благочестіемъ еврейскій ученый, по имени *Симеонъ* изъ *Любча*, совершилъ *тшубатъ гакана* (покаяніе, предписываемое Кана), состоявшее въ томъ, что онъ шесть лѣтъ сряду ежедневно постился и вечеромъ не ѣлъ ничего происходящаго отъ живаго организма (мясо, рыба, молоко, медъ и т. д.) и кромѣ того отправлялъ *голатъ*, т. е. вѣчное скитальчество, при которомъ нельзя оставаться два дня на одномъ мѣстѣ и нужно носить волосяной мѣшокъ на голомъ тѣлѣ; но это показалось ему слишкомъ малымъ для успокоенія совѣсти, если не совершить еще тшубатъ *гамишкалъ* (покаяніе взвѣшиванья), т. е. взвѣшивается каждый грѣхъ и налагается соотвѣтственное покаяніе. Но такъ какъ онъ по вычисленіи нашелъ, что число грѣховъ слишкомъ велико для того, чтобъ онъ этимъ путемъ могъ добиться прощенія, то и вздумалъ заморить себя голодомъ. Послѣ того, какъ онъ провелъ уже, такимъ образомъ, довольно долго, онъ во время скитальчества прибылъ въ мѣсто жительства моего отца, и не сказавъ никому ни слова, вошелъ въ нашъ сарай и тамъ упалъ въ изниможеніи. Отецъ мой случайно вошедшій въ сарай, нашелъ тамъ этого, давно уже знакомаго ему человѣка, полумертваго съ Зогаромъ (главнымъ сочиненіемъ по части каббалы) въ рукѣ.

Такъ какъ отецъ мой зналъ уже съ кѣмъ имѣетъ дѣло, то онъ тотчасъ велѣлъ подать ему что нибудь для подкрѣпленія его силъ, но тотъ ни за что не согласился взять что нибудь. Отецъ мой нѣсколько разъ возвращался въ сарай и просилъ Симеона, чтобы онъ съѣлъ или выпилъ что нибудь, но все было тщетно, и такъ какъ отецъ мой какъ разъ въ это время былъ занятъ въ домѣ, а Симеонъ хотѣлъ освободиться отъ его навязчивости, то онъ собралъ свои послѣднія силы и вышелъ изъ сарая и изъ деревни. Когда отецъ мой снова пришелъ въ сарай и не засталъ уже Симсона, то побѣжалъ за нимъ и нашелъ его за деревней, но уже мертвымъ. Происшествіе это сдѣлалось извѣстнымъ во всемъ краю, и евреи стали почитать Симеона, какъ святаго.

Нѣкто *Іоссель* изъ *Клецка* поставилъ себѣ задачей. не болѣе не мемѣе, какъ ускорить пришествіе Мессіи. Съ этою цѣлью онъ наложилъ на себя строгое покаяніе, постился, валялся въ снѣгу, совершенно воздерживался отъ сна, и т. п. Онъ полагалъ, что всякой подобной операціей онъ уничтожаетъ легіонъ злыхъ духовъ, стерегущихъ Мессію и препятствующихъ его пришествію. Къ этому еще присоединились впослѣдствіи разныя каббалистическія балясничества, подкуриванія, заклинанія и т. п., пока онъ, наконецъ, совершенно не пришелъ въ изступленіе. Ему дѣйствительно казалось,

что онъ открытыми глазами видитъ духовъ, которыхъ онъ называлъ по имени, бросался въ разныя стороны, разбивалъ окна и печи, въ предположеніи, что это его враги—злые духи (подобно Донъ-Кихоту), пока онъ, наконецъ, не пришелъ въ совершенное изнеможеніе, отъ котораго съ большимъ трудомъ впослѣдствіи спасъ его лейбъ-медикъ князя Радзивила.

Я, къ сожалѣнію, никогда не могъ довести свои опыты благочестія до такихъ размѣровъ. Они ограничивались тѣмъ, что я долго не употреблялъ ничего происходящаго отъ живаго существа, а иногда постился по три дня сряду въ судную недѣлю. Я хотя и рѣшился предпринять *тшубатъ гакана* *), но этотъ проектъ, равно какъ и другіе подобнаго рода, не былъ осуществленъ, послѣ того, какъ я усвоилъ себѣ мнѣнія Маймонида, который не одобрялъ такіе бредни и неестественное благочестіе. Замѣчательно, что я еще въ то время, когда строго держался раввинскихъ предписаній, не хотѣлъ, однако, исполнять тѣ обряды, которые имѣли много страннаго.

Къ такимъ церемоніямъ относятся, напримѣръ, *удары малкотъ*, предъ великимъ днемъ умилостивленія, при чемъ набожный еврей ложится на землю лицемъ внизъ, а другой ударяетъ по немъ тридцать девять разъ узкой полосой кожи; а также *гаторатъ недаримъ*, или освобожденіе отъ обѣтовъ наканунѣ еврейскаго новаго года, при чемъ образуется судъ изъ трехъ членовъ, предъ которыми является тотъ, кто желаетъ совершить этотъ обрядъ, и произноситъ формулу слѣдующаго содержанія: «Господа! Я знаю какой тяжкій грѣхъ не исполнять обѣтовъ; и такъ какъ я, въ теченіе сего года, безъ сомнѣнія, произнесъ нѣкоторые обѣты, которые я до сихъ поръ еще не успѣлъ исполнить и которые я уже теперь не въ состояніи припомнить, то я прошу васъ, чтобы вы меня разрѣшили отъ нихъ. Я и не раскаиваюсь въ моихъ добрыхъ рѣшеніяхъ, къ которымъ я обязывалъ себя этими обѣтами; я жалѣю только о томъ, что при подобныхъ рѣшеніяхъ не прибавилъ, что они не должны имѣть силу обѣтовъ, и т. п.» Затѣмъ онъ удаляется отъ судей, снимаетъ свою обувь и садится на полъ, чѣмъ онъ какъ бы подвергаетъ себя изгнанію до разрѣшенія его отъ обѣтовъ. По истеченіи нѣкотораго времени, впродолженіи котораго онъ тихо молится, судьи громко обращаются къ нему: «Ты нашъ братъ! Ты нашъ братъ! Ты нашъ братъ! Нѣтъ больше у тебя ни обѣта, ни клятвы, ни изгнанія, послѣ того, какъ ты предалъ себя суду. Встань съ земли и приди къ намъ!» Это они повторяютъ три раза, послѣ чего онъ считается освобожденнымъ отъ всѣхъ его обѣтовъ.

При такихъ трагикомическихъ сценахъ, я только съ величай-

*) См. выше.

шимъ трудомъ могъ воздерживаться отъ смѣха. Я ужасно стыдился, когда мнѣ приходилось совершать надъ собою подобныя операціи. Я всегда старался освободиться отъ нихъ показаніемъ, что я уже совершилъ, или намѣренъ еще совершить ихъ, въ другой синагогѣ. Весьма замѣчательное психологическое явленіе? Можно думать, что невозможно, чтобъ кто либо стыдился такихъ дѣяній, которыя совершаются всѣми безъ малѣйшаго стыда, а между тѣмъ, со мною это случалось. Явленіе это объясняется тѣмъ, что я при всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ обращалъ вниманіе, какъ на само дѣйствіе (хорошо оно или нѣтъ, прилично или неприлично) и кромѣ того, на отношеніе его къ его цѣли, и только тогда одобрялъ его какъ средство, когда оно само по себѣ не заключало въ себѣ ничего предосудительнаго—принципъ, который впослѣдствіи проводился мною въ моей религіозной и моральной системѣ, между тѣмъ, какъ большая часть людей держатся принципа: цѣль оправдываетъ средства.

ГЛАВА XVII.

Дружба и бредни.

Я имѣлъ въ нашемъ городкѣ искренняго друга по имени Моисей Лапидотъ. Мы оба были одинаковаго возраста, одинаковыхъ познаній и находились почти въ одинаковыхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ; только я уже очень рано обнаруживалъ склонность къ наукамъ, между тѣмъ, какъ Лапидотъ, хотя и имѣлъ склонность философствовать и въ значительной степени обладалъ остроуміемъ, но не хотѣлъ идти дальше, чѣмъ онъ былъ въ состояніи понять простымъ здравымъ смысломъ. Съ этимъ другомъ моимъ я часто бесѣдовалъ о нашихъ общихъ сердечныхъ дѣлахъ, въ особенности же о предметахъ религіи и морали.

Мы были единственные въ этомъ городѣ, которые осмѣливались не удовлетворяться однимъ подражаніемъ, но и размышляли сами обо всемъ. Весьма естественно поэтому, что мы, составляя собою исключеніе изъ всей общины своими воззрѣніями и дѣйствіями, должны были, мало по малу, отдѣлиться отъ нея, что значительно ухудшило наше положеніе, такъ какъ мы зависѣли отъ общины. Мы хотя и чувствовали это, но ни за что въ мірѣ не хотѣли пожертвовать своими любимыми идеями. Мы потому утѣшали себя въ этомъ отношеніи какъ могли, разсуждали постоянно о суетѣ мірской, о религіозныхъ и нравственныхъ заблужденіяхъ толпы, на которую мы смотрѣли съ нѣкотораго рода благородною гордостью и презрѣніемъ.

Особенно мы часто, «a la Mandeville», издѣвались надъ лживостью человѣческой добродѣтели. У насъ свирѣпствовала оспа, отъ чего умирало много дѣтей. Старѣйшины города собрались, чтобы открыть тайные грѣхи, за которые послано было на нихъ это наказаніе. Оказалось, что одна молодая вдова слишкомъ свободно обращалась съ нѣкоторыми придворными слугами. За нею послали, но всѣ распросы обнаружили лишь, что она, хотя и принимаетъ привѣтливо придворныхъ слугъ, которыя приходятъ къ ней пить медъ, но за тѣмъ никакого грѣха за собою не чувствуетъ. Ее уже хотѣли отпустить, такъ какъ никакихъ другихъ уликъ не имѣлось, какъ вдругъ, подобно фуріи, вбѣжала уже пожилая матрона и закричала: бейте, бейте ее, пока она не сознается въ своемъ преступленіи! Если же вы этого не сдѣлаете, то пусть на васъ падетъ вина смерти столькихъ невиныхъ существъ. Лапидотъ, который вмѣстѣ со мною присутствовалъ при этой сценѣ, шепнулъ мнѣ: ты можетъ быть, думаешь, что эта женщина обвиняетъ вдову только потому, что она проникнута священнымъ усердіемъ охранять общее благо? Ничуть! Она сердится на нее лишь потому, что та еще нравится, между тѣмъ, какъ она сама нравиться не можетъ. И я сказалъ ему, что онъ смотритъ на этотъ предметъ совершенно по моему.

Родители жены Лапидота были очень бѣдны. Тесть его былъ служителемъ въ синагогѣ и своимъ незначительнымъ жалованьемъ не былъ въ состояніи пропитать семью. Жена, поэтому, бранила его всякій праздникъ, потому что онъ не былъ въ состояніи доставить ей на субботу даже самое необходимое. Лапидотъ разсказалъ мнѣ это въ такомъ тонѣ: «моя теща хочетъ увѣрить меня, что она усердствуетъ лишь въ честь священнаго субботняго дня. Но, право, она усердствуетъ лишь въ честь своего священнаго брюха, которое не можетъ наполнить такъ, какъ бы ей хотѣлось: священная суббота служитъ ей лишь благовиднымъ предлогомъ.

Когда мы однажды, гуляя по городскому валу, разсуждали, такимъ образомъ, о склонности людей обманывать себя и другихъ, я сказалъ Лапидоту: «Будемъ, братъ, справедливы и подвергнемъ себя также той цензурѣ, которой мы подвергаемъ другихъ. Не есть-ли совершенно несоотвѣтственная нашему состоянію созертальная жизнь, которую мы ведемъ, слѣдствіе нашей склонности къ лѣни и праздности, которую мы стараемся поддерживать разсужденіями о суетѣ мірской? Мы довольны теперешнимъ нашимъ положеніемъ — почему? Потому что мы не можемъ измѣнить его, не преодолѣвъ сначала свою склонность къ праздности. Не смотря на обнаруживаемое нами равнодушіе ко всѣмъ предметамъ внѣ насъ, мы все таки не можемъ воздержаться отъ тайнаго желанія лучше ѣсть и одѣваться, чѣмъ мы теперь въ состояніи. Мы бранимъ нашихъ знакомыхъ И.

Н. Г. и т. д. суетными, чувственнымъ склонностямъ преданными людьми, потому что они оставили нашъ образъ жизни и предались занятіямъ, соотвѣтствующимъ ихъ силамъ и способностямъ; въ чемъ же состоитъ наше превосходство предъ ними, когда мы предаемся нашей склонности къ праздности, какъ они своей? Будемъ стараться достигнуть этого превосходства хоть тѣмъ, что сознаемъ эту истину, между тѣмъ, какъ они стараются выставлять причиной ихъ образа жизни—не желаніе удовлетворять своимъ страстямъ, а стремленіе содѣйствовать общей пользѣ. Лапидотъ, на котораго слова мои произвели сильное впечатлѣніе, отвѣтилъ съ нѣкоторымъ воодушевленіемъ: «О, ты правъ, братецъ! Если мы теперь еще не въ состояніи освободиться отъ нашихъ недостатковъ, то не будемъ обманывать себя и постараемся, по крайней мѣрѣ, проложить по возможности путь къ нашему исцѣленію.

Въ такихъ бесѣдахъ мы, *циники*, проводили самые пріятные часы, издѣваясь то надъ свѣтомъ, то надъ нами самими. Лапидотъ, напр., старая, запачканная одежда котораго представляла уже совершенныя лохмотья и въ которой рукавъ совершенно уже отдѣлился отъ остальной части, такъ какъ онъ не былъ въ состояніи дать починить ее,—булавкой прикрѣплялъ, бывало, рукавъ къ спинѣ и говаривалъ: а что, развѣ я не похожъ теперь на шляхтича? Я съ своей стороны, не могъ достаточно нахвалиться моихъ разорванныхъ, спереди совершенно расклеившихся башмаковъ, говаривая: они меня нисколько не жмутъ.

Одинаковыя склонности и одинаковый образъ жизни съ нѣкоторою разницею въ нашихъ способностяхъ, придавали нашимъ бесѣдамъ еще бо́льшую пріятность. Я имѣлъ больше способности къ наукамъ, стремился больше къ основательности и точности познаній, чѣмъ Лапидотъ. Послѣдній же обнаруживалъ болѣе живую фантазію, и слѣдовательно, большую способность къ краснорѣчію и поэзіи. Когда я высказывалъ какую нибудь новую мысль, то другъ мой всегда умѣлъ развить ее многими примѣрами и сдѣлать ее, такъ сказать, осязательною.

Наша взаимная дружба доходила до того, что мы проводили вмѣстѣ, если это только было возможно, не только дни, но и ночи; посѣщали другъ друга прежде всѣхъ другихъ, когда мы возвращались изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ мы были гувернерами, не заглянувъ даже прежде къ своимъ семействамъ; впослѣдствіи мы даже стали забывать изъ за этого опредѣленные часы молитвы. Сперва Лапидотъ взялся доказать, что даже талмудисты не всегда совершали молитву въ синагогахъ, но иногда и въ своихъ учебныхъ залахъ; затѣмъ онъ сталъ доказывать, что не всѣ молитвы, которыя считаются необходимыми, дѣйствительно необходимы, а что нѣкоторыя изъ нихъ можно устранить. Впослѣдствіи даже молитвы, считавшіяся необходимыми все болѣе и болѣе сокращались, пока онѣ, наконецъ, совершенно были оставлены въ пренебреженіи. Этотъ поступокъ оправдывался ссылкою на Маймонида, который говоритъ, что назначеніе наше состоитъ лишь въ достиженіи совершенства посредствомъ познанія Бога и подражанія его дѣяніямъ. Молитва есть лишь выраженіе сознанія божественнаго совершенства и потому необходима только для массы, которая безъ молитвы не въ состояніи сознать это.

Однако, этотъ фантастическій образъ жизни, какъ и все другое въ мірѣ, долженъ былъ получить свой конецъ. Такъ какъ мы оба были женаты и наши браки были довольно плодотворны, то мы, для пропитанія нашихъ семействъ должны были принять мѣста гувернеровъ, что не рѣдко разлучало насъ на долгое время и могли лишь жить вмѣстѣ по нѣскольку недѣль въ году.

ГЛАВА XVIII.

Гувернерство.

Первое мое гувернерское мѣсто было у бѣднаго арендатора І., въ еще бѣднѣйшій деревушкѣ П., отстоявшей на одинъ часъ отъ моего мѣстожительства; жалованье мое было—пять польскихъ талеровъ. Бѣдность, невѣжество и грубость образа жизни были неимовѣрны. Самъ арендаторъ былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, все лице котораго покрыто было волосами и оканчивалось грязной, толстой и черною какъ смоль бородой; онъ говорилъ языкомъ, похожимъ на ворчанье и понятнымъ лишь крестьянамъ, въ кругу которыхъ онъ ежедневно вращался. Онъ не только не зналъ ни слова по еврейски, даже не умѣлъ говорить ни слова на обыкновенномъ жаргонѣ и зналъ лишь тотъ русскій языкъ, на которомъ говорили мѣстные крестьяне. Такого же закала были его жена и дѣти. Жили они въ дымной избѣ, совершенно почернѣвшей какъ извнутри, такъ и извнѣ, неимѣвшей трубы, а вмѣсто нея было только отверстіе въ крышѣ, которое послѣ топки тщательно закрывалось, чтобъ не выходилъ жаръ.

Вмѣсто оконъ служили накрестъ лежащія лучинки, обтянутыя бумагой. Изба состояла изъ одной комнаты, которая служила шинкомъ, столовой, спальной и учебной. Дымъ при топкѣ, вслѣдствіе вѣтра и сырости, наполнялъ комнату до удушенія. Чрезъ всю избу тянулись длинные шесты, на которыхъ висѣло грязное бѣлье и разное платье, чтобы насѣкомые удушены были дымомъ. Тамъ опять висѣла колбаса для копченія, жиръ которой постоянно капалъ на голову людей. Въ одномъ углу стояли кадки съ кислой ка-

пустой и свеклой—главная пища литовцевъ; въ другомъ вода для дневнаго употребленія, а рядомъ помои. Тутъ же въ комнатѣ мѣсили хлѣбъ, пекли, готовили, доили корову и т. д.

Въ этомъ великолѣпномъ помѣщеніи крестьяне сидѣли на голой землѣ—выше нельзя было сидѣть, если не хотѣли быть удушенными отъ дыма — пьянствовали и шумѣли; въ одномъ углу сидѣли хозяева; я же съ своими грязными полунагими учениками сидѣлъ за печкой и переводилъ имъ изъ разорванной библіи на русско-еврейскій жаргонъ. Все это вмѣстѣ составляла великолѣпнѣйшую группу въ мірѣ, которая достойна была лишь кисти какого нибудь Гогарта и пера Буттлера.

Легко можно себѣ представить, въ какомъ несчастномъ положеніи я здѣсь находился. Единственною моей поддержкой была здѣсь водка, которая заставляла меня забывать мое страшное положеніе. Къ этому присоединилось еще безобразные поступки русскихъ войскъ, свирѣпствовавшихъ тогда въ имѣніяхъ князя Р. Они постоянно наполняли шинокъ, разбивали столы и скамьи, бросали хозяевамъ въ лице бутылками и стаканами и т. д.

Приведу лишь одинъ примѣръ. У моего арендатора квартировалъ солдатъ, которому поручено было охранять этотъ домъ отъ всякаго насилія. Разъ онъ въ пьяномъ видѣ воротился домой и потребовалъ кушать. Ему подали миску каши съ масломъ, онъ оттолкнулъ миску и потребовалъ еще масла. Ему принесли цѣлую кадку съ масломъ. Онъ закричалъ, чтобы ему подали еще миску; ему немедленно подали; онъ бросилъ туда все масло и потребовалъ водки. Ему подали цѣлую бутылку, которую онъ вылилъ туда же. Послѣ этого онъ потребовалъ молока, перцу, соли и табаку—и все это онъ тоже положилъ въ кашу и ѣлъ. Съѣвъ нѣсколько ложекъ, онъ сталъ свирѣпствовать, рвалъ хозяина за бороду, билъ его кулаками по лицу, такъ что тотъ обливался кровью, лилъ ему насильно въ горло изъ приготовленнаго имъ великолѣпнаго блюда и продолжалъ такъ до тѣхъ поръ, пока онъ отъ пьянства пришелъ въ безчувственное состояніе и упалъ на полъ.

Такія сцены въ то время были въ Польшѣ не рѣдкость. Когда русская армія проходила чрезъ какую нибудь мѣстность, то брала себѣ проводника. Но вмѣсто того, чтобы брать проводниковъ отъ бургомистровъ или войтовъ, они считали за лучшее брать перваго попавшагося имъ на пути, все равно будь онъ старъ или молодъ, здоровый или больной, будь это мужчина или женщина, такъ какъ они отлично знали дорогу по спеціальнымъ картамъ и лишь искали случая выказать свою жестокость. Если случалось, что попавшееся лице не знало дороги и потому не указывало имъ надлежащаго пути, то они этимъ, однако, нисколько не вводились въ заблужденіе, били,

однако, проводника до полусмерти, потому что онъ не зналъ настоящей дороги.

Я также разъ попался имъ въ качествѣ проводника. Я хотя и не зналъ настоящей дороги, но къ счастью, случайно попалъ на нее. Я отдѣлался, поэтому, лишь угрозою, что если не укажу имъ надлежащей дороги, то они съ меня живаго сдерутъ кожу — что отъ нихъ можно было ожидать—и частыми ударами и пинками.

Всѣ прочія мѣста мои были такого же рода.

На одномъ мѣстѣ случилось замѣчательное психологическое явленіе, въ которомъ я игралъ главную роль, но о которомъ я разскажу впослѣдствіи. Здѣсь же сообщу о психологическомъ явленіи такого же рода, при которомъ я былъ не дѣйствующимъ лицомъ, а лишь очевидцемъ.

Гувернеръ, жившій въ сосѣдней деревнѣ, былъ лунатикъ. Однажды онъ всталъ ночью и отправился на кладбище имѣя въ рукахъ сводъ еврейскихъ ритуальныхъ законовъ. Пробывъ тамъ нѣкоторое время, онъ возвратился и снова легъ на свою постель. Утромъ онъ всталъ, ничего не зная, что происходило съ нимъ ночью. Онъ отправился къ своему сундуку, гдѣ лежали его книги, чтобы достать оттуда первую часть этого свода *Орахъ-Хаимъ* *), изъ которой онъ читалъ каждое утро. Но каково было его изумленіе, когда, вмѣсто четырехъ томовъ, изъ котораго состоялъ этотъ сводъ, нашелъ лишь три, и недоставало тамъ Іоре-деа **), который былъ запертъ въ сундукѣ вмѣстѣ съ другими. Но такъ какъ онъ зналъ свою болѣзнь, то онъ искалъ его вездѣ, пока не нашелъ его на кладбищѣ, раскрытымъ на главѣ Гильхотъ Эвелотъ ***). Онъ считалъ это дурнымъ признакомъ и въ сильномъ безпокойствѣ возвратился домой. Его стали распрашивать, почему онъ такъ взволнованъ, и онъ, разсказавъ что случилось, прибавилъ: Богъ знаетъ, какъ поживаетъ бѣдная мать моя! Онъ попросилъ у своего хозяина лошадь и немедленно же отправился къ своей матери, жившей въ ближайшемъ городѣ. Проѣзжая мимо меня, онъ въ торопяхъ разсказалъ, что произошло. Я удивлялся больше самому лунатизму, о которомъ я до тѣхъ поръ не имѣлъ никакого понятія, чѣмъ обстоятельствамъ его сопровождавшимъ. Но тотъ замѣтилъ мнѣ, что лунатизмъ—это у него вещь обыкновенная и не имѣетъ никакого особеннаго значенія, но только исторія съ Іоре-деа, Гильхотъ Эвелотъ, сильно безпокоитъ его. Но прибывъ къ своей матери, онъ засталъ ее сидящей надъ шитьемъ. На вопросъ матери, что его побудило пріѣхать въ городъ, онъ

*) Орахъ-Хаимъ—путь жизни.
**) Іоре-деа—учитель мудрости.
***) Гильхотъ Эвелотъ—законы о траурѣ.

отвѣтилъ, что хотѣлъ увидѣться съ нею, и затѣмъ уѣхалъ обратно. Однако, его безпокойство нисколько не улеглось. На третій день послѣ этого, въ городѣ, гдѣ жила его мать, произошелъ пожаръ. Едва сынъ ея услышалъ объ этомъ, онъ сталъ горько плакать о страшной участи своей матери и немедленно снова отправился въ городъ. Его опасенія оправдалось: мать его погибла въ пламени.

(Окончаніе въ слѣдующемъ томѣ).

РЕЙХЛИНЪ И ПФЕФФЕРКОРНЪ,

или

БОРЬБА ИЗЪ ЗА ТАЛМУДА.

Страница изъ Исторіи Евреевъ.

(По Грецу).

Борьба Рейхлина съ Пфефферкорномъ изъ за Талмуда, непосредственно предшествовавшая реформаціи Лютера, не столько замѣчательна громадностью усилій, сдѣланныхъ какъ съ одной, такъ и съ другой стороны, сколько тѣми послѣдствіями, которыя она имѣла для умственнаго движенія тогдашней Германіи. Борьба «Гуманистовъ» съ «Мракобориами» пробудила дремлющія силы Германіи и создала въ ней общественное мнѣніе, безъ котораго реформація, подобно многимъ прогрессивнымъ явленіямъ, быть можетъ, умерла бы въ самомъ зародышѣ.

Поводъ къ этой великой распрѣ былъ поданъ крещеннымъ евреемъ Іосифомъ Пфефферкорномъ, человѣкомъ безъ всякаго научнаго образованія, схватившимъ лишь вершки еврейской литературы. Къ переходу въ христіанство его побудило желаніе избѣгнуть непріятныхъ послѣдствій, которыя должна была имѣть для него совершенная имъ кража. Тѣмъ не менѣе онъ встрѣтилъ радушный пріемъ со стороны невѣжественныхъ кельнскихъ доминиканцевъ, въ главѣ которыхъ стояли инквизиціонный судья Гохштратенъ, страшный изувѣръ и фанатикъ, жестокость котораго противъ еретиковъ не имѣла границъ, и такіе же фанатики Арнольдъ Тонгернскій и Ортуинъ Грацій. Особенною ненавистью къ евреямъ отличался послѣдній. Поставивъ себѣ задачей—возбудить противъ нихъ общественное мнѣніе, но не будучи самъ въ состояніи написать что-нибудь съ этою цѣлью, онъ взялъ себѣ въ помощники крещеннаго еврея Виктора Карбенскаго и, получивъ отъ послѣдняго необходимый матеріалъ, выпустилъ въ свѣтъ, въ 1504 г., брошюру подъ заглавіемъ: «О жизни и нравахъ евреевъ», содержащую обвиненія противъ

евреевъ и Талмуда, въ родѣ слѣдующихъ: «Ни за-какія сокровища въ мірѣ они (евреи) не желаютъ отрекаться отъ іудейства. Беднѣйшій изъ нихъ предпочтетъ умереть въ крайней нуждѣ, чѣмъ отступиться отъ вѣры своихъ предковъ. Самый невѣжественный изъ нихъ дастъ себя тысячу разъ сжечь, но не станетъ признавать Христа». Но рядомъ съ подобными нелѣпыми обвиненіями и осмѣяніемъ еврейскихъ обрядовъ и талмудическихъ легендъ, брошюра содержитъ и множество ложныхъ навѣтовъ. Такъ, напримѣръ въ ней говорится, что евреи преслѣдуютъ, не на животъ, а на смерть, новообращенныхъ, причемъ приводятся разныя измышленія, наводящія ужасъ на читателя. Во всемъ этомъ, заключаетъ авторъ, виновенъ Талмудъ, который ставится евреями выше своихъ десяти заповѣдей,

Вскорѣ, однакожъ, Викторъ Карбенскій показался доминиканцамъ не совсѣмъ пригоднымъ орудіемъ, и они предпочли ему Пфефферкорна. Подъ заглавіемъ «Увѣщевательное зеркало», послѣдній издалъ брошюру, въ которой съ притворнымъ доброжелательствомъ увѣщеваетъ евреевъ выйти изъ заблужденія и перейти въ лоно христіанства. Приглашая евреевъ опровергнуть, какъ клевету и ложь, возводимыя на нихъ обвиненія въ похищеніи и убійствѣ христіанскихъ дѣтей, онъ въ тоже время умоляетъ христіанъ не изгонять ихъ и не преслѣдовать съ такою жестокостью, «такъ какъ и они вѣдь въ нѣкоторомъ родѣ—люди.» Но изъ-за этой маски дружелюбія ясно сквозило желаніе достигнуть конфискаціи Талмуда, которой всячески добивались доминиканцы. Пфефферкорнъ указываетъ на три причины, по которымъ евреи упорствуютъ въ своемъ невѣріи. Первая причина заключается въ ихъ ростовщичествѣ, вторая—въ томъ, что ихъ не принуждаютъ насильно посѣщать церкви, а третья причина—ихъ привязанность къ Талмуду. А потому авторъ приглашаетъ государей и народы принять строгія мѣры противъ ростовщичества евреевъ, заставить ихъ посѣщать церкви и слушать тамъ проповѣди и, наконецъ, сжечь Талмудъ. Въ то время для многихъ не составляло тайны, что кельнскіе монахи, сообща съ Пфефферкорномъ, смотрѣли на это дѣло какъ на выгодную для себя аферу. Можно было ожидать, что если удастся конфисковать Талмудъ, который въ такомъ случаѣ былъ бы отданъ въ распоряженіе доминиканцевъ, какъ компетентныхъ инквизиціонныхъ судей, то германскіе евреи не замедлятъ явиться съ полными руками для выручки дорогой книги. Вслѣдъ за первою брошюрой Пфефферкорна появилась и другая, подъ названіемъ: «Исповѣдь евреевъ.» Въ ней авторъ особенно напираетъ на религіозныя книги евреевъ, которыя выставляетъ главною причиной ихъ упорства въ невѣріи и отчужденія отъ христіанской церкви. Въ третьей брошюрѣ, трактующей о еврейской пасхѣ, Пфефферкорнъ уже прямо призываетъ народъ къ насиліямъ противъ евреевъ. Въ противорѣчіе съ первою брошюрой, онъ обвиняетъ евреевъ въ томъ, что они считаютъ заслугою—обманывать и даже убивать христіанъ. Поэтому, говоритъ онъ, на обязанности христіанъ лежитъ изгнать ихъ изъ страны. Если государи на это не согласятся, то самъ народъ долженъ взяться за дѣло. Пусть народъ сперва обратится къ правительству съ просьбой отнять у евреевъ всѣ религіозныя книги, за исключеніемъ одной Библіи, а также всѣ хранящіеся у нихъ христіанскіе залоги, равно какъ и ихъ собственныхъ дѣтей, которымъ слѣдуетъ дать христіанское воспитаніе. Если правительство добровольно не согласится на просьбу народа, то пусть послѣдній возстанетъ и грозно потребуетъ исполненія христіанскаго долга. Кто преслѣдуетъ евреевъ, тотъ совершаетъ богоугодное дѣло, а кто благопріятствуетъ имъ, того ожидаютъ адскія муки.

Однакожъ, эти воззванія преслѣдовать евреевъ не произвели ожидаемаго дѣйствія, хотя ненависть къ евреямъ въ то время ничуть не была слабѣе, чѣмъ во времена крестовыхъ походовъ. Тѣмъ менѣе можно было склонить правительство къ изгнанію евреевъ, составлявшихъ для казны значительный источникъ доходовъ. Къ обращенію евреевъ въ христіанство тоже не замѣчалось особенной склонности, а многіе христіане даже относились съ насмѣшками и презрѣніемъ къ крещеннымъ евреямъ.

Между тѣмъ, германскіе евреи всѣми силами старались противодѣйствовать замысламъ Пфефферкорна. Придворные еврейскіе врачи употребляли все свое вліяніе на то, чтобы разстроить эти козни. Даже многіе христіане не скрывали своего негодованія противъ подобныхъ крещенныхъ клеветниковъ. Пфефферкорнъ, говорили они, негодяй и лицемѣръ, обманывающій людей близорукихъ и имѣющій въ виду лишь набить себѣ карманы. Коль скоро цѣль его будетъ достигнута, онъ вдругъ исчезнетъ, и либо снова перейдетъ къ еврейству, либо новымъ крещеніемъ подъ чужимъ именемъ станетъ искать себѣ выгодъ на другомъ поприщѣ. Все это побудило Пфефферкорна напечатать новую брошюру, уже прямо озаглавленную «Врагъ евреевъ» и посвященную враждебному евреямъ князю Филиппу Кельнскому. Въ болѣе рѣзкой формѣ здѣсь повторяются прежнія обвиненія противъ евреевъ и указывается необходимость ихъ изгнанія или, по крайней мѣрѣ, возложенія на нихъ грязныхъ и позорныхъ работъ, особенно же—насильно отнять у нихъ Талмудъ и всякія другія религіозныя книги.

Но всѣ эти ядовитыя брошюры, написанныя на латинскомъ

н нѣмецкомъ языкахъ при участіи магистра изящныхъ наукъ, Ортуина Грація, служили только приготовленіемъ къ ловко задуманному плану, долженствовавшему сразу осуществить завѣтную мечту доминиканцевъ—сжечь религіозныя книги евреевъ, или извлечь изъ нихъ возможно бо̀льшую выгоду. Они надѣялись подѣйствовать на императора Максимиліана и добиться у него права безотчетнаго распоряженія религіозными книгами, вѣрнѣе, богатствомъ евреевъ. Орудіемъ для достиженія этой цѣли они избрали сестру императора, герцогиню Кунигуаду, которая, послѣ смерти своего мужа, отказалась отъ мірскихъ интересовъ и жила съ тѣхъ поръ въ стѣнахъ доминиканскаго монастыря, въ Мюнхенѣ. Пфефферкорну не трудно было получить доступъ къ набожной монахинѣ. Его навѣты на евреевъ и на ихъ религіозныя книги встрѣтили у нея тѣмъ больше вѣры, что они шли изъ устъ бывшаго ихъ единовѣрца, которому должны были быть хорошо извѣстны всѣ ихъ нравы и обычаи. Монахиня вручила Пфефферкорну письмо къ императору, котораго заклинала положить конецъ глумленію надъ христіанскою религіею и приказать сжечь всѣ религіозныя книги евреевъ, за исключеніемъ Библіи. Съ этимъ письмомъ Пфефферкорнъ поспѣшилъ въ Италію, гдѣ находился императоръ, предпринявшій въ то время походъ противъ Венеціанцевъ. Ему удалось получить отъ императора указъ, которымъ ему предоставлялось право подвергнуть изслѣдованію религіозныя книги евреевъ во всей имперіи и уничтожить тѣ изъ нихъ, которыя окажутся направленными противъ христіанства; при этомъ, однакожъ, указывалось присутствовать одному мѣстному священнику и двумъ городскимъ совѣтникамъ; евреямъ же, подъ страхомъ тяжкаго наказанія, предписывалось безъ всякаго сопротивленія отдать свои религіозныя книги на разсмотрѣніе Пфефферкорну. Свою инквизиторскую дѣятельность Пфефферкорнъ началъ съ магдебургской еврейской общины, во главѣ которыхъ стояли много ученыхъ талмудистовъ. У магдебургскихъ евреевъ, не смотря на нѣкоторое сопротивленіе, были отняты всѣ, находившіяся у нихъ книги, не исключая и Библіи. Благомыслящіе христіане громко порицали такое кощунство, вызванное корыстолюбіемъ нѣсколькихъ негодяевъ. Поддерживаемыя многими вліятельными лицами, евреи обратились къ императору съ просьбою, въ которой объяснили, что Пфефферкорнъ —невѣжда, ничего не смыслящій въ этомъ дѣлѣ, и что онъ превысилъ свою власть, позволивъ себѣ конфисковать и такія книги, которыя, какъ всѣмъ извѣстно, не содержатъ въ себѣ ничего предосудительнаго. При этомъ они ссылались на древнія привиллегіи, обезпечивавшія имъ религіозную свободу и неприкосновенность религіозныхъ книгъ.

Между тѣмъ, въ дѣло конфискаціи еврейскихъ книгъ вмѣшался майнцскій курфюрстъ, архіепископъ Уріэль, неизвѣстно, изъ доброжелательства-ли къ евреямъ, или изъ негодованія на то, что надъ евреями его епархіи частному лицу дана была такая неограниченная власть. Пригласивъ Пфефферкорна въ Ашаффенбургъ, архіепископъ замѣтилъ ему, что указъ императора грѣшитъ противъ обычныхъ формальностей, дѣлая его, Пфефферкорна, въ одно и то же время обвинителемъ, свидѣтелемъ и судьею, и что поэтому евреи вправѣ считать указъ недѣйствительнымъ. Уріэль посовѣтовалъ Пфефферкону еще разъ отправиться къ императору, чтобъ исправить погрѣшности указа.

Но тутъ враги евреевъ сдѣлали большой промахъ, исторгнувшій у нихъ изъ рукъ почти уже одержанную побѣду. Кельнскіе доминиканцы почему-то сочли нужнымъ заручиться содѣйствіемъ человѣка, который, благодаря своей честности, учености и своему высокому положенію, пользовался всеобщимъ уваженіемъ въ Германіи. *Рейхлина*, «гордость Германіи», они хотѣли сдѣлать своимъ сообщникомъ! Очень можетъ быть, что доминиканцы въ концѣ концовъ хотѣли только скомпрометировать этого благороднаго человѣка, котораго ненавидѣли за то, что онъ первый возбудилъ въ Германіи охоту къ изученію еврейскаго языка.

Но эти козни не только не помогли ихъ дѣлу, а, напротивъ того, породили страшную бурю, которая въ одно столѣтіе расшатала до основанія все зданіе католической церкви.

Іоаннъ Рейхлинъ изъ Пфорцгейма (род. 1455, ум. 1521) соединилъ въ себѣ замѣчательную ученость по части древне-классической литературы съ благородствомъ характера, испытанною честностью и мягкимъ, сострадательнымъ сердцемъ. Въ этомъ отношеніи онъ въ свое время имѣлъ мало себѣ подобныхъ. Будучи гораздо многостороннѣе младшаго своего товарища по распространенію въ Германіи гуманнаго и эстетическаго образованія —Эразма, онъ страстно былъ преданъ изученію еврейскаго языка, любовь и уваженіе къ которому пробудились въ немъ съ особенною силой, когда онъ, въ бытность свою въ Италіи (1490) свелъ знакомство съ ученымъ юношей, Пико де-Мирандолой, впервые посвятившимъ его въ тайны каббалистическихъ сочиненій. Однакожъ, вполнѣ удовлетворить свою любознательность ему удалось только въ зрѣломъ возрастѣ, когда онъ при дворѣ сѣдаго императора Фридриха III познакомился съ еврейскимъ ученымъ, императорскимъ лейбъ-медикомъ Яковомъ Лоансомъ. Подъ руководствомъ послѣдняго, Рейхлинъ сдѣлалъ значительные успѣхи въ еврейскомъ языкѣ. Между еврейскимъ учителемъ и христіанскимъ ученикомъ установились самыя дружескія отношенія, и Рейхлинъ называлъ его не иначе, какъ «моимъ Лоансомъ». При

императорскомъ дворѣ Рейхлинъ встрѣчался и съ другими образованными евреями. Вскорѣ Рейхлинъ издалъ брошюру, въ которой прославляетъ еврейскій языкъ, «его простоту, глубину и божественность». Равнымъ образомъ, онъ старается доказать, что мудрость всѣхъ народовъ, всѣ символы языческой религіи и ея формы богослуженія представляютъ ничто иное, какъ непониманіе и искаженіе еврейскихъ истинъ, которыя глубоко сокрыты въ словахъ и даже буквахъ еврейскаго языка. Собственно говоря, его восторженный панигирикъ относится только къ языку каббалистовъ, къ таинственнымъ ученіямъ, къ которымъ онъ чувствовалъ непреодолимое влеченіе и искалъ для нихъ подтвержденія въ классической литературѣ.

Чувствуя значительные пробѣлы въ своихъ познаніяхъ въ еврейскомъ языкѣ, Рейхлинъ, состоя посланникомъ курфюрста Пфальцскаго при дворѣ папы Александра VI (1498—1500), обрадовался случаю познакомиться съ еврейскимъ ученымъ, медикомъ Абадьей Сфорно, который сдѣлался, такимъ образомъ, его вторымъ учителемъ по еврейскому языку. Нѣмецкій гуманистъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ и вызывавшій удивленія итальянцевъ своими латинскими рѣчами, сидѣлъ у ногъ еврея, съ жадностью слушая его рѣчи. Вообще Рейхлинъ, гдѣ только ни встрѣчался съ евреями, не упускалъ случая позаимствоваться у нихъ какими нибудь полезными свѣдѣніями. Нечего прибавлять, что въ то время не всякаго еврея, а всего менѣе нѣмецкихъ, можно было побудить наставлять христіанина въ еврейскомъ ученіи. Ссылаясь на ложно-понятое мѣсто въ Талмудѣ, они утверждали, что запрещено будто-бы преподавать слово истины не-еврею. Съ другой стороны и Рейхлинъ сначала не былъ чуждъ предразсудковъ и ненависти къ евреямъ. Онъ даже написалъ одному рыцарю, желавшему вступить въ религіозный диспутъ съ подвластными ему евреями, посланіе, въ которомъ всѣ бѣдствія послѣднихъ выводитъ изъ ихъ невѣріи, подобно Пфефферкорну, обвиняетъ ихъ въ поношеніи Христа, апостоловъ и вообще христіанъ. Впослѣдствіи Рейхлину пришлось глубоко сожалѣть о томъ, что написалъ эту враждебную евреямъ брошюру, ибо его сердце не раздѣляло предразсудковъ его ума.

Предпринимая вторичную поѣздку къ императору, Пфефферкорнъ, по порученію кельнскихъ доминиканцевъ, предварительно обратился къ Рейхлину съ цѣлью сдѣлать его сообщникомъ своихъ злостныхъ интригъ противъ евреевъ. Рейхлинъ отклонилъ это предложеніе, но въ тоже время похвалилъ Пфефферкорна за его стараніе уничтожить богохульственныя книги евреевъ, указавъ ему, впрочемъ, на формальные недостатки императорскаго приказа, въ виду которыхъ подлежащія власти едвали приведутъ его въ исполненіе. Однакожъ Рейхлинъ, какъ увѣряютъ, далъ понять Пфефферкорну, что онъ не прочь принять участіе въ этомъ дѣлѣ, если только это ему будетъ предложено самимъ императоромъ.

Отъ Рейхлина Пфефферкорнъ отправился къ императору и ловко съумѣлъ обезсилить возраженія евреевъ противъ конфискаціи ихъ религіозныхъ книгъ. Въ новомъ указѣ, врученномъ ему императоромъ, евреямъ дѣлался выговоръ за то, что они осмѣлились оказать сопротивленіе конфискаціи Талмуда, которую теперь указывалось продолжать, причемъ коммисаромъ въ этомъ дѣлѣ назначался архіепископъ Уріэль, коему предоставлялось право истребовать отзывъ объ этомъ предметѣ отъ кельнскаго, майнцскаго, эрфуртскаго и гейдельбергскаго университетовъ, а также отъ Рейхлина, Виктора Карбенскаго и даже отъ совершенно незнакомаго съ литературой евреевъ — Гохштратена. Архіепископъ Уріэль назначилъ ректора майнцскаго университета Германна Гесса своимъ уполномоченнымъ въ дѣлѣ конфискаціи еврейскихъ книгъ. Вмѣстѣ съ послѣднимъ Пфефферкорнъ отправился въ Франкфуртъ, гдѣ у евреевъ было отняго до 1500 рукописныхъ сочиненій. Подобная же участь постигла и евреевъ Вормса, Лорха, Бингена, Лауфена, Майнца и Дейца. Пфефферкорнъ увѣрялъ впослѣдствіи, будто-бы евреи ему предлагали значительныя суммы денегъ, чтобы онъ отказался отъ своихъ обвиненій, но что онъ устоялъ противъ искушеній сатаны.

Между тѣмъ, и евреи съ своей стороны не оставались праздными. Имъ и на сей разъ удалось заинтересовать нѣкоторыхъ знатныхъ христіанъ въ пользу своего справедливаго дѣла. Они отправили къ императору депутацію, снабженную рекомендательными письмами отъ разныхъ лицъ, вѣроятно, также и отъ архіепископа Уріэля, который вообще въ этомъ дѣлѣ игралъ двусмысленную, болѣе благопріятную для евреевъ, роль.

Еврейскіе депутаты жаловались императору на вопіющія несправедливости, испытываемыя ими отъ озлобленнаго противъ нихъ Пфефферкорна. Его обвиненія они называли клеветою, такъ какъ у нихъ нѣтъ никакихъ книгъ, оскорбительныхъ для христіанства, причемъ они еще разъ сослались на свои, данныя имъ императорами и папами, привиллегіи, предоставлявшія имъ полную религіозную свободу и ограждавшія ихъ отъ всякихъ насилій со стороны духовныхъ и свѣтскихъ властей.

Представленія евреевъ, какъ видно, подѣйствовали на императора, ибо онъ вскорѣ издалъ новый указъ, которымъ предписывалось возвратить имъ конфискованныя книги.

Радость евреевъ была велика, ибо тутъ дѣло шло не только объ участи завѣтныхъ для нихъ книгъ, но и объ ихъ собственной

участи, о будущемъ положенiи ихъ въ римско-германской имперiи. Однакожъ, торжество ихъ было преждевременное. Кельнскiе доминиканцы и ихъ орудiе — Пфефферкорнъ — все еще не отказывались отъ надежды на побѣду. Печальное происшествiе въ Бранденбургѣ дало ихъ враждебнымъ замысламъ новую пищу. Какой-то поморянинъ, укравшiй изъ церкви священную утварь, подъ торжественной присягой показалъ, что продалъ похищенную вещь евреямъ. Понятно, что показанiя вора встрѣтили полную вѣру, и бранденбургскiй епископъ съ яростью сталъ преслѣдовать евреевъ. Къ обвиненiю въ святотатствѣ въ скоромъ времени присоединилось обвиненiе въ убiйствѣ христiанскаго ребенка. По приказанiю курфюрста Бранденбургскаго, Iоахима, обвиненные были доставлены въ Берлинъ, подвержены пыткѣ и затѣмъ сожжены въ числѣ 38 человѣкъ. Вотъ первое извѣстiе, которое мы имѣемъ о евреяхъ Бранденбурга и Берлина.

Доминиканцы воспользовались этимъ случаемъ для возобновленiя своихъ козней противъ евреевъ. Но зная, что прямымъ путемъ имъ трудно будетъ подѣйствовать на императора, убѣдившагося въ ложности ихъ прежнихъ обвиненiй, они снова обратились къ герцогинѣ-монахинѣ Кунигундѣ. Изображая предъ нею мрачными красками испорченность евреевъ, которую выводили главнымъ образомъ изъ Талмуда, они указывали особенно на тотъ вредъ, который можетъ произойти и отчасти уже произошелъ для христiанства отъ того, что, по приказанiю императора, евреямъ были возвращены ихъ богохульственныя книги. Словомъ, все то, о чемъ они теперь не смѣли заикнуться предъ императоромъ, они безъ страха высказали его набожной сестрѣ. Они хорошо знали, что она одна только въ состоянiи поколебать чувство справедливости Максимилiана. Но еще другимъ путемъ враги евреевъ старались подѣйствовать на императора. Имъ небезизвѣстно было, что лучшiе люди Германiи осуждали ихъ происки и гнусную клевету, и вотъ они вздумали склонить въ свою пользу общественное мнѣнiе, чтобы при помощи послѣдняго повлiять на императора. Съ этою цѣлью Пфефферкорномъ издана была новая брошюра противъ евреевъ — «Къ славѣ и чести императора Максимилiана.» Воскуривая ѳимiамъ императору, Пфефферкорнъ выражаетъ крайнее сожалѣнiе о томъ, что на его обвиненiя противъ евреевъ, вслѣдствiе легкомыслiя и близорукости, не обращено должнаго вниманiя вѣрующими христiанами. И опять напираетъ онъ на то, что Талмудъ и ростовщичество евреевъ удерживаютъ ихъ отъ перехода къ христiанству. Онъ также не забылъ упомянуть, что его враждебный образъ дѣйствiй противъ евреевъ пользуются полнымъ одобренiемъ герцогини Кунигунды, которая даже просила императора издать новый эдиктъ о конфискацiи еврейскихъ книгъ. Пфефферкорнъ призываетъ всѣхъ вѣрующихъ христiанъ съ мала до велика возстать противъ еврейскихъ религiозныхъ книгъ, и напередъ старается заподозрить всѣхъ тѣхъ, которые вздумали-бы подать голосъ противъ сожженiя Талмуда. Заступаться за евреевъ, писалъ Пфефферкорнъ, могли бы только крещенные ихъ одноплеменники, которые, принявъ святое крещенiе изъ внѣшнихъ побужденiй, все еще хранятъ въ сердцѣ еврейскую вѣру, или же тѣ изъ христiанъ, которые подкуплены золотомъ евреевъ и внутренно уже отреклись отъ христiанства. Пфефферкорнъ оканчиваетъ свою брошюру угрозой, что если евреи не оставятъ своего упорства, онъ въ скоромъ времени напечатаетъ новыя противъ нихъ сочиненiя, къ которымъ до сихъ поръ имъ изданныя составятъ одно лишь предисловiе.

Такимъ образомъ, кельнскiе доминиканцы снова попытались, чрезъ посредство герцогини Кунигунды и общественнаго мнѣнiя, произвести нравственное давленiе на императора. Ихъ нашептыванiя монахинѣ не остались безъ дѣйствiя. При своемъ свиданiи съ братомъ въ Мюнхенѣ, она на колѣняхъ и со слезами на глазахъ умоляла его снова приняться за истребленiе еврейскихъ религiозныхъ книгъ. Съ своей стороны и Пфефферкорнъ не давалъ императору покою во время его пребыванiя въ Баварiи. Максимилiанъ былъ поставленъ въ крайнее затрудненiе. Съ одной стороны ему трудно было отказать любимой сестрѣ въ исполненiи ея искренняго желанiя, но, съ другой стороны, клевета Пфефферкорна на евреевъ была для него далеко не убѣдительна. Однако, онъ въ 1510 г. рѣшился издать новый указъ, которымъ предписывалось архiепископу Урiэлю снова приняться за это дѣло. Въ указѣ императоръ говоритъ, что онъ прежде всего желаетъ удостовѣриться, дѣйствительно ли интересы христiанства требуютъ сожженiя Талмуда, какъ упорно утверждаетъ Пфефферкорнъ. На майнцскаго архiепископа возлагается, поэтому, обязанность истребовать отзывы объ этомъ предметѣ отъ германскихъ университетовъ, а также отъ Рейхлина, Виктора Карбенскаго и Гохштратена. Отзывы эти должны быть доставлены императору чрезъ Пфефферкорна. Съ замиранiемъ сердца евреи ждали предстоящаго суда надъ Талмудомъ, — суда, отъ котораго зависѣла ихъ участь.

Рейхлинъ, на сдѣланный ему императоромъ вопросъ: «богоугодно-ли, достохвально-ли и полезно-ли для христiанства сжечь еврейскiя книги», подъ которыми разумѣлся Талмудъ — немедленно приступилъ къ изготовленiю отвѣта и окончилъ его въ три мѣсяца. Онъ высказался рѣшительно въ пользу обвиненныхъ книгъ, причемъ жестоко задѣлъ клеветника Пфефферкорна. Отзывъ

Рейхлина хотя страдаетъ большимъ педантизмомъ и написанъ тяжелымъ слогомъ тогдашнихъ правовѣдовъ, но онъ составленъ не безъ искусства. Прежде всего, онъ совершенно справедливо указываетъ, что въ еврейской литературѣ (кромѣ Библіи) надо различать шесть разрядовъ сочиненій. Разрядъ поэзіи, басенъ и сатиръ, говоритъ онъ, дѣйствительно заключаетъ въ себѣ книги, направленныя противъ христіанства, Но такихъ книгъ ему извѣстны только двѣ: анти-христіанское сочиненіе Липмана и исторія рожденія Іисуса Назарея, которыя, впрочемъ, какъ увѣряютъ евреи, запрещены ихъ раввинами и уже уничтожены. Подобныя книги, если онѣ окажутся у евреевъ, непремѣнно должны быть сожжены. Разрядъ экзегетическихъ книгъ не только не вреденъ для христіанства, но, напротивъ того, даже необходимъ для христіанскаго богословія. Многіе доктора богословія, благодаря своему незнанію еврейскаго и греческаго языковъ, невѣрно истолковываютъ Св. Писаніе. На это—продолжаетъ Рейхлинъ—нѣкоторые христіанскіе богословы, пожалуй, скажутъ: мы довольствуемся своими собственными комментаріями и не нуждаемся въ евреяхъ. Но такіе богословы напоминаютъ человѣка, довольствующагося зимою легкими панталонами. Разрядъ книгъ, содержащихъ въ себѣ проповѣди, пѣсни, молитвы и проч. не можетъ быть отнятъ у евреевъ, на основаніи императорскаго и церковнаго права, признающаго неприкосновенность ихъ синагогъ, религіозныхъ обрядовъ и обычаевъ. Разрядъ еврейскихъ книгъ, трактующихъ о философіи, естествовѣдѣніи и свободныхъ искусствахъ, ничѣмъ не отличается отъ такихъ же сочиненій, написанныхъ на латинскомъ, греческомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Что же касается Талмуда, то Рейхлинъ сознается, что онъ въ немъ ничего не смыслитъ, но вѣдь и другіе ученые христіане, осуждающіе его, говоритъ онъ, не имѣютъ о немъ никакихъ другихъ свѣдѣній кромѣ тѣхъ, которыя имъ сообщаются его противниками. Кто возьмется писать о математикѣ, не имѣя о ней никакого понятія? Было бы *вакханическимъ аргументомъ*, вмѣсто того, чтобы достойнымъ образомъ возражать на нападки евреевъ противъ христіанства,—прибѣгнуть къ помощи кулака. По всему этому, Рейхлинъ полагаетъ, что *Талмуда не слѣдуетъ сжечь*, даже если бы дѣйствительно въ немъ, между прочимъ, содержались и оскорбительныя слова противъ основателей христіанства. «Если бы Талмудъ былъ такъ вреденъ, какъ утверждаютъ, то предки наши, которые относились къ христіанской религіи гораздо серьезнѣе, чѣмъ мы, сожгли бы его еще за нѣсколько столѣтій назадъ. Крещенные евреи Петръ Шварцъ и Пфефферкорнъ, которые одни только и настаиваютъ на сожженіи Талмуда, должно быть, имѣютъ при этомъ свои частныя цѣли». Должно, однако,

замѣтить, что доводы, приводимые Рейхлиномъ въ пользу сохраненія Талмуда, не очень-то вѣски и убѣдительны, хотя они не лишены нѣкотораго остроумія. Его растянутый отзывъ дѣлаетъ честь его сердцу, но не его уму и юридической учености. Кого, напримѣръ, могутъ убѣдить доводы въ родѣ слѣдующихъ: «Если сжечь Талмудъ, то евреи могли бы похвалиться, что христіане опасаются за свою вѣру; это все равно, какъ еслибы герцогъ, желая вступить въ поединокъ съ простымъ рыцаремъ, отнялъ бы у своего противника оружіе». Или: «Евреи еще крѣпче привяжутся къ Талмуду, потому что запрещенный плодъ сладокъ». Нѣсколько основательнѣе слѣдующій доводъ: Сожженіе Талмуда въ Германіи не достигнетъ цѣли, ибо евреи имѣютъ свои главныя школы въ Константинополѣ, вообще на Востокѣ, а также въ Италіи, гдѣ они могутъ свободно изучать и преподавать Талмудъ. Рейхлинъ ссылается также на каноническое право, запрещающее насильно отнимать у евреевъ имущество и дѣтей. Защищать разрядъ каббалистическихъ книгъ Рейхлину не стоило особеннаго труда. Ему пришлось только сослаться на ученаго графа Пико-де Мирандолу, возбудившаго при папскомъ дворѣ сильную страсть къ каббалѣ и выставившаго положеніе, что послѣдняя служитъ прочнѣйшимъ фундаментомъ для главныхъ ученій христіанства, и на самого папу Сикста IV, по повелѣнію котораго нѣсколько каббалистическихъ сочиненій были переведены на латинскій языкъ. Рейхлинъ приходитъ въ своемъ отзывѣ къ слѣдующему заключенію: никоимъ образомъ не слѣдуетъ отнимать у евреевъ ихъ религіозныя книги, а напротивъ того, при каждомъ германскомъ университетѣ должно учредить двѣ каѳедры еврейскаго языка на десять лѣтъ; тогда евреевъ, кротостью и путемъ убѣжденія, можно будетъ обратить въ христіанство.

Особенно сильно онъ бичуетъ клеветника Пфефферкорна, и хотя не называетъ его по имени, но ясно на него намекаетъ. Указывая низкіе мотивы, побуждающія евреевъ къ переходу въ христіанство, онъ, между прочимъ, замѣчаетъ: «Нечего говорить о тѣхъ, которые приходятъ къ намъ изъ зависти, ненависти, страха наказанія, бѣдности, мести, честолюбія, любви къ свѣтскимъ удовольствіямъ или изъ сердечной простоты, и только по имени становятся христіанами. Я много зналъ такихъ людей, изъ нихъ ничего путнаго не вышло. Они вѣруютъ и въ то и другое, и если имъ не повезетъ здѣсь, то они убѣгаютъ въ Турцію и снова дѣлаются евреями.»

Важное значеніе имѣло для евреевъ выставленное Рейхлиномъ положеніе, что *евреи суть граждане римско-германской имперіи и находятся подъ защитой общихъ законовъ*. Это было первое,

робко произнесенное слово въ пользу равноправности предъ закономъ, для полнаго признанія которой потребовалось болѣе трехъ столѣтій. Этимъ нанесенъ былъ чувствительный ударъ средневѣковому убѣжденію, что, вслѣдствіе завоеванія Іерусалима Веспесіаномъ и Титомъ, евреи стали неотъемлемою собственностью римскихъ и германскихъ императоровъ, пріобрѣвшихъ, такимъ образомъ, полную неограниченную власть надъ ихъ жизнью и имуществомъ. Не менѣе важно другое положеніе Рейхлина: евреевъ нельзя считать еретиками. Такъ какъ они стоятъ внѣ церкви и не обязаны исповѣдовать христіанскую вѣру, то понятіе еретичества и невѣрія — эти громоносныя, страшныя слова среднихъ вѣковъ — къ нимъ не примѣнимы вовсе. Въ своемъ негодованіи на нахальство Пфефферкорна, Рейхлинъ самъ не взвѣсилъ всю силу своихъ словъ; они какъ бы сорвались у него съ языка, но враги его не замедлили ими воспользоваться.

Отзывъ Рейхлина о евреяхъ имѣлъ для послѣднихъ особенное значеніе, въ виду противоположныхъ отзывовъ германскихъ университетовъ, для которыхъ Талмудъ, понятно, былъ темная вода въ облацѣхъ. Большая часть этихъ отзывовъ представляетъ отголоски враждебныхъ заявленій Пфефферкорна. Майнцскій богословскій факультетъ высказался въ томъ смыслѣ, что не только всѣ талмудическія и раввиническія сочиненія изобилуютъ заблужденіями и еретичествомъ, —(какъ утверждаютъ ученые люди—потому что изъ собственнаго опыта почтенный факультетъ этого не зналъ), но послѣдними заражена и самая библія, въ особенности въ вопросахъ вѣры. А потому у евреевъ слѣдуетъ отнять и послѣднюю, чтобы подвергнуть ее тщательному изслѣдованію и, въ случаѣ, если оправдается то, чего можно ожидать, — предать сожженію. Въ томъ же духѣ высказался и эрфуртскій факультетъ. Одинъ только гейдельбергскій факультетъ совѣтовалъ императору назначить комитетъ изъ ученыхъ всѣхъ университетовъ, для обсужденія вопроса о сохраненіи или уничтоженіи Талмуда.

Свой благопріятный отзывъ о еврейской литературѣ Рейхлинъ отправилъ запечатаннымъ къ архіепискому Уріэлю, но Пфефферкорнъ получилъ его въ распечатанномъ видѣ еще прежде, чѣмъ онъ былъ прочитанъ императоромъ. Какимъ образомъ это случилось, остается необъяснимымъ.

Пфефферкорнъ и кельнскіе доминиканцы пришли въ ярость отъ отзыва Рейхлина, хорошо зная, какой вѣсъ его голосъ имѣлъ у императора. Дѣло, облеченное въ оффиціальную тайну, они предали гласности и тѣмъ самымъ разстроили свои собственныя козни, вызвавъ судъ общественнаго мнѣнія. Подъ заглавіемъ; «Ручное Зеркало» (Handspiegel) Пфефферкорнъ выпустилъ въ

свѣтъ новую брошюру, направленную противъ отзыва Рейхлина и противъ евреевъ и имѣвшую цѣлью возбудить массу къ преслѣдованію послѣднихъ. Какое нахальство требовалось для того, чтобы документъ, изготовленный лично для императора, сдѣлать предметомъ публичныхъ нападокъ! Участіе доминиканцевъ въ этой брошюрѣ было гораздо болѣе дѣятельное, чѣмъ во всѣхъ ей предшествовавшихъ, а потому она и отличается нѣкоторымъ ученымъ калоритомъ. Слабыя стороны рейхлиновскаго отзыва сразу подмѣчены были Пфефферкорномъ, и противъ нихъ-то онъ главнымъ образомъ и обращаетъ свои ожесточенныя нападки. Прежде всего онъ замѣчаетъ, что еврейскій языкъ, которымъ Рейхлинъ такъ гордится, послѣднему весьма мало знакомъ и что изданная имъ еврейская грамматика сочинена при участіи евреевъ. А если такъ, то какъ онъ могъ рѣшиться писать императору, что на евреевъ должно смотрѣть не какъ на враговъ, а какъ на гражданъ римско-германской имперіи? Далѣе, Пфефферкорнъ съ адскимъ злорадствомъ указываетъ на противорѣчіе, существующее между отзывомъ, представленнымъ Рейхлиномъ императору, и его посланіемъ, написаннымъ къ одному рыцарю пять лѣтъ раньше, исполненнымъ тяжкихъ обвиненій противъ евреевъ. «Если Рейхлинъ остается при своемъ послѣднемъ отзывѣ, въ которомъ оправдываетъ евреевъ, то онъ долженъ отречься отъ упомянутаго посланія; если же онъ еще придерживается взглядовъ, высказанныхъ въ послѣднемъ, если онъ сознается, что евреи хулятъ и поносятъ христіанство, онъ, значитъ, обманулъ императора и германскихъ князей!» Это была неумолимая логика, и Рейхлинъ, такимъ образомъ, дорого поплатился за прежнюю свою несправедливость къ евреямъ.

Затѣмъ слѣдуетъ еще болѣе тяжкое обвиненіе противъ Рейхлина, долженствовавшее скомпрометировать его въ глазахъ всѣхъ христіанъ: «Рейхлинъ хвалимъ евреями, слѣдовательно, онъ уже подпалъ вліянію евреевъ, ловко умѣющихъ заманивать въ свои сѣти христіанъ. По этому поводу Пфефферкорнъ сообщаетъ любопытный разсказъ объ одномъ молодомъ монахѣ, котораго евреи будто-бы хитростью заманили въ іудейство. Монахъ этотъ отличался крайнею враждебностью къ евреямъ и громоносными проповѣдями неутомимо возбуждалъ противъ нихъ народъ. Напрасно евреи старались зажать ему ротъ подарками, напрасно они умоляли власти защищать ихъ противъ нападокъ фанатика — это ни къ чему не повело. Но вдругъ одинъ старый рабби вызвался помочь дѣлу, если для этой цѣли въ его распоряженіе будетъ предоставлено 1000 гульденовъ. Получивъ эту сумму, старикъ сталъ отпускать бѣдному монастырю правильныя подаянія хлѣ-

бомъ и другими жизненными припасами, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ желаетъ искупить свои грѣхи, снабжая своимъ несправедливо пріобрѣтеннымъ имуществомъ достойныхъ христіанъ. Такое искреннее раскаяніе рабби тѣсно сблизило его съ ярымъ проповѣдникомъ, и послѣдній уже сталъ мечтать о привлеченіи еврея въ лоно христіанства. У рабби была красивая дочь, которую онъ выдавалъ монаху за свою воспитанницу и которую монахъ, по просьбѣ старика, взялся обращать въ христіанство. Но тутъ миссіонеромъ овладѣли мірскія побужденія, приведшія его сердце въ тревожное состояніе. Замѣтивъ его волненіе, раввинъ со слезами на глазахъ открылъ ему тайну, которую долго скрывалъ въ своемъ сердцѣ. Онъ сообщилъ монаху, что послѣдній—его сынъ, узрѣвшій свѣтъ, благодаря увлеченію матери въ молодости. Въ подтвержденіе своихъ словъ, раввинъ сослался на родимое пятно на тѣлѣ монаха, присовокупляя, что только за тѣмъ и отпускалъ монастырю щедрыя подаянія, чтобы придти въ близкія сношенія съ нимъ, своимъ естественнымъ сыномъ. Польщенный надеждой получить руку красавицы, монахъ, и безъ того уже не чувствуя себя въ силахъ покидать рабби и его дочь, рѣшился снять съ себя рясу и убѣжать въ Польшу, чтобы принять еврейство и жениться на молодой еврейкѣ. Выводъ, который Пфефферкорнъ дѣлаетъ изъ этого романа въ своемъ «Ручномъ зеркалѣ» слѣдующій: «Стоитъ только связаться съ евреями и попытаться обратить ихъ въ христіанство, и они тебя самого вовлекутъ въ свои заблужденія и невѣріе.»

Въ заключеніе авторъ «Ручнаго зеркала» бросаетъ тѣнь на всѣмъ извѣстную и ничѣмъ не запятнанную честность Рейхлина, ясно намекая, что онъ подкупленъ евреями. Конечный выводъ всѣхъ нападокъ противъ Рейхлина тотъ, что онъ совершилъ тяжкое преступленіе, высказавшись въ пользу равноправности евреевъ, которыхъ всякій благочестивый христіанинъ долженъ признать за безправныхъ еретиковъ. При этомъ авторы «Ручнаго зеркала» приписываютъ Рейхлину и такіе мысли, о которыхъ въ его отзывѣ и помину нѣтъ, между прочимъ, что онъ будто-бы защищаетъ ростовщичество евреевъ.

Эта брошюра, направленная противъ столь высоко поставленнаго лица, одного изъ судей швабскаго союза и всѣми уважаемаго ученаго, возбудила много шуму. Пользуясь стеченіемъ народа на франкфуртской ярмаркѣ, Пфефферкорнъ и его сообщники успѣли сбыть ее въ тысячахъ экземплярахъ; тѣмъ болѣе, что она была написана на доступномъ для всѣхъ нѣмецкомъ языкѣ. Друзья Рейхлина — а ихъ было немалое количество — были возмущены дерзостью крещенаго еврея, дѣлавшаго видъ будто-бы онъ благочестивѣе природнаго и всѣми уважаемаго христіанина, которагo осыпалъ оскорбленіями. Такихъ нападокъ Рейхлинъ не могъ оставить безъ отвѣта. Его честь была слишкомъ чувствительно затронута. Онъ обратился къ императору съ жалобой на злостнаго клеветника Пфефферкорна, за подписью котораго вышло «Ручное зеркало.» Императоръ пришелъ въ негодованіе отъ такой дерзости, и успокоивалъ взволнованнаго Рейхлина обѣщаніемъ—передать дѣло на изслѣдованіе епископу аугсбургскому. Но слишкомъ занятый дѣлами внѣшней политики, Максимиліанъ забылъ дать Рейхлину удовлетвореніе за нанесенную ему обиду. Между тѣмъ, наступала новая ярмарка, на которой Пфефферкорнъ надѣялся сбыть оставшіеся экземпляры своей брошюры.

Такимъ образомъ, дѣло Талмуда стало для Рейхлина дѣломъ личнымъ, и онъ долженъ былъ обратиться къ суду общественнаго мнѣнія. Немедля, написалъ онъ въ отвѣтъ на «Ручное зеркало» защитительную брошюру, получившую всемірно-историческое значеніе. Желая выставить предъ германской публикой всю низость Пфефферкорна и его сотрудниковъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, противъ воли, обнаружилъ слабыя стороны тогдашняго христіанства.

Брошюра Рейхлина, озаглавленная «Глазное зеркало» (Augenspiegel) обращена ко всѣмъ тѣмъ, «кто любитъ правду и ненавидитъ ложь и коварныя нападки изподтишка, въ родѣ тѣхъ, которые дерзко направлены на него Пфефферкорномъ». Онъ чистосердечно разсказываетъ весь ходъ дѣла, какъ «крещенный еврей» употребилъ всевозможныя усилія, чтобы добиться сожженія Талмуда, какъ онъ хотѣлъ и его сдѣлать своимъ сообщникомъ, и какъ онъ нечестными средствами добылъ его отзывъ, которыми воспользовался для оскорбительной брошюры, содержащей тридцать четыре неправды. Весь тонъ «Глазнаго зеркала» вѣрно передаетъ негодованіе честнаго человѣка, которагo негодяй осмѣлился оскорбить. Раскрывая всю низость Пфефферкорна, Рейхлинъ прежде всего замѣчаетъ, что онъ этимъ еще не отказывается отъ своего права преслѣдовать его судебнымъ порядкомъ. Брошюра Пфефферкорна, говоритъ онъ, подлежитъ тяжкому преслѣдованію уже потому одному, что она призываетъ народъ къ возмущенію противъ властей и къ принужденію послѣднихъ начать гоненія противъ евреевъ,— преступленіе, за которое законъ назначаетъ смертную казнь.

Но всего болѣе Рейхлинъ былъ возмущенъ обвиненіемъ, что онъ написалъ свою брошюру за деньги. Онъ съ праведливымъ негодованіемъ клянется, что никогда, съ самой молодости и по настоящій часъ, не получалъ отъ евреевъ и мѣднаго гроша, «и кто для оскорбленія его чести пишетъ и говоритъ про-

тивное, тотъ безсовѣстно лжетъ, будь у него столь же набожный видъ, какъ у *картезіанца*». Это—намекъ на духовника императора, пріора Грегора, сказавшаго что Рейхлинъ написалъ свою брошюру золотыми чернилами. Не менѣе чувствительно было для Рейхлина неуваженіе къ его познаніямъ въ еврейской литературѣ, а главнымъ образомъ обвиненіе, что его еврейская граматика не имъ самимъ сочинена. Съ замѣчательнымъ достоинствомъ Рейхлинъ заступается также за евреевъ. На упрекъ Пфефферкорна, что онъ учился у евреевъ еврейскому языку и, слѣдовательно, находился съ ними въ общеніи, вопреки постановленіямъ каноническаго права, Рейхлинъ отвѣчаетъ: «Крещенный еврей пишетъ: божеское право запрещается имѣть сношенія съ евреями, но это неправда. Всякій христіанинъ можетъ идти съ ними въ судъ и производить съ ними торговлю. Можетъ даже случиться, что христіанинъ вступитъ съ евреемъ въ общее наслѣдство, тѣмъ болѣе дозволено съ ними говорить и учиться у нихъ. Наконецъ, евреевъ должно любить какъ своихъ ближнихъ. Все это высказано въ законѣ».

Однакожъ, Рейхлинъ былъ несправедливъ къ Пфефферкорну, утверждая, что «Ручное зеркало» написано ради корысти. Нѣтъ, на сей разъ не корысть заставила Пфефферкорна легкомысленно оскорблять евреевъ и Рейхлина, а—ненависть и чувство мести къ первымъ и чувство самосохраненія, по отношенію къ послѣднему. Хотя Рейхлинъ и увѣрялъ, что онъ въ своемъ донесеніи къ императору не задѣвалъ Пфефферкорна, но это было съ его стороны самообольщеніемъ. Во всякомъ случаѣ, на этотъ разъ Пфефферкорнъ былъ вызванъ на борьбу, но такъ какъ онъ не съумѣлъ вести ее должнымъ образомъ и вздумалъ бросать грязью въ высокопоставленнаго и въ высшей степени образованнаго человѣка, то послѣднему ничего не осталось, какъ сокрушить его сильнымъ ударомъ.

Можно себѣ представить, какое удивленіе вызвало «Глазное зеркало» Рейхлина, на франкфуртской ярмаркѣ, гдѣ обыкновенно собирались сотни тысячъ народу, тѣмъ болѣе, что въ то время еще не существовало никакой гласности, вслѣдствіе чего всякій вообще съ ненасытнымъ любопытствомъ бросался на скандальныя исторіи. Что такой высокій сановникъ, какъ Рейхлинъ, принадлежавшій къ высшей служебной аристократіи, рѣшился выступить противъ обвинителя евреевъ, клеймя его названіями клеветника, лжеца и негодяя—это было столь изумительною новостью, что читатели протирали себѣ глаза и спрашивали себя—не сонъ-ли все это? Съ особенною жадностью бросались на брошюру евреи, потому что это былъ первый вліятельный голосъ честнаго человѣка, высказавшійся въ ихъ пользу и клеймившій направленныя противъ нихъ обвиненія—злостью и клеветой. Они ликовали, что нашли, наконецъ, защитника и что Богъ ихъ не покинулъ въ горести. Можно-ли поставить имъ въ укоръ усердіе, съ какимъ они распространяли рейхлиновскую брошюру? Но, главнымъ образомъ, о ея распространеніи заботились сами кельнцы и ихъ единомышленники. Петръ *Мейеръ*, крайне-невѣжественный и дерзкій проповѣдникъ (во Франкфуртѣ), получивъ въ руки эту брошюру и прочитавъ въ ней нѣсколько мѣстъ за завтракомъ вмѣстѣ съ Пфефферкорномъ, гнѣвно воскликнулъ: «На костеръ ее, на костеръ!» Выдавая себя за уполномоченнаго майнцскаго архіепископа, онъ запретилъ книгопродавцамъ продажу «Глазнаго зеркала». Но почти весь майнцскій капитулъ состоялъ изъ людей гуманныхъ, глубоко почитавшихъ Рейхлина. Вмѣстѣ съ прочими его друзьями они успѣли убѣдить архіепископа снять запрещеніе, какъ исшедшее не отъ него. Благодаря этому эпизоду, «Глазное зеркало» расходилось все болѣе и болѣе. Со всѣхъ сторонъ Рейхлинъ получалъ изъявленія радости и поздравленія, что онъ столь мужественно и рѣшительно раздѣлался съ наглымъ Пфефферкорномъ и стоящими позади его личностями.

Но съ появленіемъ въ свѣтъ «Глазнаго зеркала» борьба не только не утихла, а напротивъ, со дня на день становилась серьезнѣе, принимая все бо́льшие и большие размѣры и выходя за первоначальную свою черту. Ибо мракоборцы, сознавая свою силу и свое вліяніе, не могли отнестись равнодушно къ сдѣланному имъ вызову. Дѣло Пфефферкорна вѣдь было вмѣстѣ и ихъ личнымъ дѣломъ, ими самими возбужденнымъ. И вотъ человѣкъ осмѣлился стать имъ поперегъ дороги, осмѣлился не только не одобрить сожженія Талмуда, но даже признать его въ нѣкоторомъ родѣ необходимымъ для самого христіанства,—не только не одобрить преслѣдованія евреевъ, но и посовѣтовать ихъ любить какъ ближнихъ. Какая дерзость! Какое оскверненіе и униженіе христіанства, по мнѣнію обскурантовъ! Все это привело ихъ въ такую ярость, что они совершали одну глупость за другою, нанося только удары самимъ себѣ.

Упомянутый проповѣдникъ Петръ Мейеръ, попытка котораго прекратить продажу «Глазнаго зеркала» потерпѣла неудачу, сдѣлалъ второй промахъ. Онъ объявилъ въ церкви, во время богослуженія, что въ ближайшій праздникъ Пфефферкорнъ будетъ проповѣдовать противъ брошюры Рейхлина, причемъ приглашалъ вѣрующихъ явиться на проповѣдь въ возможно большемъ количествѣ. Между тѣмъ, законы католической церкви строго запрещали мірянамъ, особенно же женатымъ, отправлять функ-

ціи священника. Чтобы сохранить видъ законности, Пфефферкорнъ въ назначенный день проповѣдовалъ не въ самой церкви, но у входа, гдѣ стеклось множество народу. Глупѣе этой выходки ничего нельзя было придумать. Можно вообразить, какое впечатлѣніе произвелъ на слушателей этотъ еврей съ отвратительной наружностью, осѣнявшій вѣрующихъ крестнымъ знаменіемъ и говорившій о христіанской вѣрѣ на своемъ нѣмецко—еврейскомъ жаргонѣ. Пфефферкорнъ всѣми силами старался возбудить отвращеніе и ненависть своихъ слушателей къ евреямъ и ихъ доброжелателямъ.

Но это была только маленькая схватка; генеральное же сраженіе готовилось въ Кельнѣ. Доминиканцы, которые до сихъ поръ дѣйствовали подъ прикрытіемъ чужаго имени, теперь выступили открыто. Арнольду Тонгерскому было поручено изслѣдовать «Глазное зеркало», и понятно, что оно признано было крайне еретическомъ. Доминиканецъ Ульрихъ Штейнгеймскій сообщилъ объ этомъ Рейхлину съ притворнымъ простосердечіемъ и съ видомъ доброжелательства, причемъ присовокупилъ, что кельнцы еще не согласны на счетъ того, какія принять противъ него мѣры; одни предлагаютъ просто сжечь «Глазное зеркало», другіе же совѣтуютъ призвать на судъ самого автора; наконецъ, нѣкоторые идутъ еще дальше. Это извѣщеніе произвело желанное дѣйствіе. Рейхлинъ не на шутку испугался. Но этого ни какъ нельзя считать малодушіемъ или трусостью съ его стороны. Не шутка была въ то время выступить противъ доминиканцевъ, которые были сильнѣе самого императора и самого папы. Папа Александръ VI, котораго не устрашали никакія средства, лишь бы они могли повести къ цѣли, сильно боялся ордена доминиканцевъ; онъ часто говорилъ, что готовъ скорѣе задѣть могущественнаго короля, чѣмъ одного изъ нищенскихъ монаховъ, которые, при всемъ ихъ наружномъ смиреніи—настоящіе деспоты въ христіанствѣ. Нельзя, поэтому, порицать миролюбиваго 56 лѣтняго Рейхлина за то, что онъ не желалъ вступить въ неравную борьбу съ жаждавшими запаха костра доминиканцами.

Спустя нѣсколько дней по полученіи намека отъ доминиканца Ульриха, Рейхлинъ обратился къ цензору его брошюры Арнольду Тонгернскому съ письмомъ (на латинскомъ языкѣ), въ которомъ смягчалъ рѣзкости своего «Глазнаго зеркала», говоря, что онъ высказался о Талмудѣ не какъ теологъ, а въ качествѣ судьи, и не могъ знать, что кельнскій университетъ другаго мнѣнія о еврейской литературѣ, и что онъ высказалъ свое мнѣніе безъ всякихъ заднихъ мыслей, никого не желая оскорбить. При этомъ онъ просилъ, чтобы ему указали на его ошибки, а не осуждали бы его безъ всякихъ предварительныхъ объясненій. Нѣсколько

смѣлѣе онъ выразился въ письмѣ къ знакомому ему доминиканскому профессору Коллину, котораго просилъ выставить его дѣло предъ богословскимъ факультетомъ въ благопріятномъ свѣтѣ и отвратить скопляющуюся надъ нимъ грозу. Въ этомъ письмѣ Рейхлинъ между прочимъ осмѣлился задѣть главу доминиканцевъ, Гохштратена, сообщая своему бывшему пріятелю, съ видомъ сомнѣнія, что многіе считаютъ Гохштратена сотрудникомъ изданной Пфефферкорномъ брошюры.

Не безъ злостнаго намѣренія кельнцы заставили его долго ждать отвѣта. Только спустя два мѣсяца, Рейхлинъ получилъ два письма, одно—оффиціальное отъ кельнскаго университета, а другое отъ Коллина. Богословскій факультетъ сильно упрекалъ его въ томъ, что онъ своимъ вмѣшательствомъ воспрепятствовалъ исполненію похвальнаго начинанія императора въ дѣлѣ уничтоженія еврейскихъ книгъ и что онъ этимъ самымъ, равно какъ и своимъ «Глазнымъ зеркаломъ» навлекъ на себя подозрѣніе въ потворствѣ еврейскому невѣрію. Факультету слѣдовало бы подвергнуть его тяжкому наказанію, но, благодаря заступничеству Арнольда Тонгернскаго и Коллина, онъ желаетъ оказать ему снисхожденіе въ томъ случаѣ, если онъ либо разовьетъ пообстоятельнѣе свое защитительное письмо, либо, какъ послушный сынъ церкви, возьметъ назадъ свой благопріятный отзывъ о Талмудѣ. Съ своей стороны, Коллинъ съ притворною дружбой писалъ Рейхлину, что снисхожденіемъ къ нему факультета, онъ обязанъ его стараніямъ. Указывая ему на опасность, которая можетъ произойти для него отъ излишней медленности, доминиканецъ приглашаетъ его, не теряя времени, взять назадъ свой отзывъ о Талмудѣ и о Пфефферкорнѣ. Но въ своемъ письмѣ Коллинъ ни слова не говоритъ въ оправданіе Гохштратена отъ упрека въ томъ, что онъ участвовацъ въ составленіи брошюры Пфеферкорна.

Рейхлинъ написалъ одновременно богословскому факультету и Коллину отвѣтъ, въ которомъ, благодаря обоихъ за оказываемое ему снисхожденіе, сознавался, что онъ какъ мірянинъ, и притомъ еще вторично женатый, совершенно несвѣдущъ въ дѣлахъ богословія и вмѣстѣ съ тѣмъ отстранялъ отъ себя упреки въ доброжелательствѣ къ евреямъ. Но относительно главнаго пункта онъ оставался непоколебимъ. Взять назадъ свой отзывъ о Талмудѣ, писалъ онъ, онъ никоимъ образомъ не можетъ, такъ накъ онъ не нашелъ въ немъ ничего предосудительнаго. Все, что онъ можетъ сдѣлать, такъ это то, что издастъ свою пояснительную записку къ сомнительнымъ мѣстамъ «Глазнаго зеркала» на нѣмецкомъ языкѣ. Въ заключеніе, онъ просилъ своихъ доминиканскихъ доброжелателей, ясно указать ему на тѣ мѣста его

брошюры, которыя по их мнѣнію отзываются ересью; тогда ему можно будетъ—или совершенно оправдаться, или же отступиться отъ послѣднихъ Но, чтобы положить конецъ утомительной перепискѣ, кельнскіе мракоборцы приступили прямо къ дѣлу. Они потребовали отъ Рейхлина, чтобы онъ прекратилъ продажу «Глазнаго зеркала» и отказался отъ выраженныхъ въ немъ мыслей. Только этимъ онъ могъ-бы возстановить свою репутацію и показать себя истиннымъ католикомъ и врагомъ евреевъ и ихъ богохульственныхъ книгъ. Въ противномъ случаѣ, кельнскій инквизиціонный судъ будетъ вынужденъ призвать его къ отвѣтственности. Въ тоже время Коллинъ далъ ему понять, что безъ его заступничества, факультетъ давно бы уже сжегъ «Глазное зеркало», а его самого предалъ бы инквизиціонному суду. А потому, пусть онъ, какъ можно поскорѣе, исполнитъ желаніе факультета, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ, Коллинъ, уже не въ силахъ будетъ оказать ему помощь.

Какъ только кельнскіе монахи сняли съ себя маску дружелюбія, Рейхлинъ, и съ своей стороны, оставилъ тонъ смиренія и показалъ себя человѣкомъ энергическимъ, рѣшившимся не предпринимать ничего такого, что не совмѣстно съ его честью. Онъ писалъ факультету, что не можетъ, согласно выраженному ему желанію, конфисковать оставшіеся экземпляры «Глазнаго зеркала», такъ какъ они составляютъ собственность книгопродавца. Онъ готовъ издать на нѣмецкомъ языкѣ свою объяснительную записку, и это онъ сдѣлаетъ только ради слабоумныхъ, ложно вонимяющихъ его отзывъ о Талмудѣ. Но чего онъ не хотѣлъ высказывать факультету, онъ довѣрчиво выразилъ своему мнимому другу Коллину. Если Коллинъ посовѣтовалъ факультету—писалъ ему Рейхлинъ—не приступать къ сожженію «Глазнаго зеркала», то ему долженъ быть благодаренъ за это не онъ, Рейхлинъ, а факультетъ. За него стоятъ столь вліятельныя лица, что опасность грозитъ не ему, а его противникамъ, это онъ ему сообщаетъ по секрету. Пусть его противники не забудутъ, что борьбу легко начать, но трудно кончить. Что скажетъ свѣтъ, если я сообщу, что вы поддерживаете и даже превозносите до небесъ перебѣжчика и наглаго клеветника, котораго подозрѣваютъ въ желаніи возвратиться къ еврейству и который, вопреки постановленіямъ церкви, проповѣдовалъ противъ меня въ Франкфуртѣ предъ многочисленною толпою? Вы находите предосудительными нѣсколько невинныхъ словъ, мною написанныхъ, а не возмущаетесь такими мерзкими поступками. Вслѣдъ за моими могущественными покровителями, появятся поэты и историки, которые предадутъ вѣчному позору злость

моихъ противниковъ и вашего высшаго учебнаго заведенія, и оправдаютъ меня какъ невинно преслѣдуемаго.

Изданныя вслѣдъ за тѣмъ Рейхлиномъ на нѣмецкомъ языкѣ поясненія къ своему «Глазному зеркалу», въ которомъ онъ отстранялъ отъ себя предъ публикой упрекъ въ еретичествѣ и доброжелательствѣ къ евреямъ, нисколько не удовлетворили кельнцевъ. Война была неминуема, и притомъ война ожесточенная, на жизнь и на смерть. Доминиканцы издали противъ Рейхлина обвинительную брошюру, написанную Арнольдомъ Тонгернскимъ и посвященную императору Максимиліану. Смыслъ обвиненій тотъ, что Рейхлинъ, вмѣшавшись въ богословскіе вопросы, въ которыхъ онъ ничего не смыслитъ, и выказавъ явное расположеніе къ евреямъ, продолжаетъ упорствовать въ своихъ заблужденіяхъ, граничащихъ съ ересью; эти обвиненія сопровождаются неизбѣжнымъ ceterum censeo, что Талмудъ долженъ быть сожженъ. Императоръ, который при появленіи «Ручнаго зеркала» былъ на сторонѣ Рейхлина, теперь сталъ противъ него, и въ бытность свою въ Кельнѣ издалъ указъ ко всѣмъ сословіямъ имперіи, озаботиться объ изъятіи изъ обращенія «Глазнаго зеркала» и дополнительной къ нему записки Рейхлина.

Курфюрстъ и архіепископъ кельнскій, Филиппъ, распорядился прибить этотъ указъ къ церковнымъ дверямъ, грозя отлученіемъ отъ церкви и другими наказаніями всѣмъ тѣмъ, кто не выдастъ сочиненій Рейхлина противъ Пфеффекорна. Однакожъ, императорскій указъ и присовокупленныя къ нему угрозы не произвели ожидаемаго дѣйствія. Даже въ самомъ Кельнѣ у Рейхлина было больше друзей, чѣмъ у доминиканцевъ, навлекшихъ на себя общую ненависть своею заносчивостью, а главнымъ образомъ фанатизмомъ и изувѣрствомъ своего главы, Гохштратена. Но по мѣрѣ того, какъ кельнцы падали въ глазахъ общественнаго мнѣнія, они дѣлали все большія усилія склонить его на свою сторону. Подъ заглавіемъ «Пожарное зеркало» (Brandspiegel), Пфеффекорнъ напечаталъ противъ Рейхлина новою брошюру, въ которой называетъ его уже не высокопоставленнымъ сановникомъ, а человѣкомъ отверженнымъ, подкупленнымъ евреями. Разумѣется, что еще больше достается евреямъ, противъ которыхъ Пфефферкорнъ по прежнему старается возбудить жестокія преслѣдованія. Между прочимъ, онъ совѣтуетъ отнять у евреевъ все ихъ имущество и отдать въ распоряженіе госпиталей, церквей и монастырей.

Но роль Пфефферкорна была окончена. Съ тѣхъ поръ, какъ доминиканцы вступили въ открытую борьбу съ Рейхлиномъ, напечатали противъ него обвинительную брошюру и добились запрещенія «Глазнаго зеркала», все негодованіе Рейхлина обра-

тилось непосредственно противъ нихъ. Онъ написалъ противъ кельнскихъ «клеветниковъ» пространную защитительную брошюру, заглавіе которой указываетъ на самое ея содержніе: «Кто пишетъ или говоритъ, что я, Рейхлинъ, въ дѣлѣ еврейскихъ книгъ не поступилъ какъ набожный и честный христіанинъ, тотъ легкомысленный и безсовѣстный лжецъ». Безпощадно бичуетъ онъ кельнскихъ богослововъ, а главнымъ образомъ своихъ открытыхъ враговъ, Арнольда Тонгернскаго, Ортуина Грація и Якова Гохштратена. Почему именно кельнцы — спрашиваетъ онъ—такъ ревностно принялись за дѣло еврейскихъ книгъ? Почему объ этомъ молчатъ другіе богословскіе факультеты Германіи? И кто предоставилъ вамъ, кельнскимъ теологистамъ (а не теологамъ), право суда надо мною и моими мнѣніями?— Обращаясь затѣмъ къ императору Максимилану, Рейхлинъ говоритъ: «Позволь имъ только, о государь, призвать евреевъ въ инквизиціонный судъ и наполнить свои мѣшки еврейскими деньгами: и они оставятъ меня въ покоѣ, перестанутъ считать мои заявленія предусудительными и еретическими». На направленное противъ него Арнольдомъ Тонгернскимъ обвиненіе въ покровительствѣ евреямъ, онъ замѣчаетъ: «Да, я защищаю ихъ противъ несправедливостей и насилій. Я знаю, высказанная мною мысль, что евреи наши сограждане, не нравится моимъ врагамъ. Пусть же пѣняютъ они еще больше: евреи—наши братья, да, они—братья Арнольда Тонгернскаго, братья кельнскихъ теологистовъ, не потому лишь, что они имѣютъ своимъ отцомъ одного и того же Творца, а потому, что мы имѣемъ съ ними общаго родоначальника. Такъ думали и нѣкоторые отцы церкви».

Противъ упрека со стороны Пфефферкорна и Арнольда Тонгернскаго въ томъ, что онъ сталъ въ противорѣчіе съ своимъ посланіемъ къ рыцарю, написаннымъ въ духѣ враждебномъ евреямъ, Рейхлинъ защищается разными діалектическими тонкостями, давая, однакожъ, понять, что онъ былъ тогда не правъ. Вообще, Рейхлинъ, какъ только открыто выступилъ противъ доминиканцевъ, явно принялъ сторону евреевъ. Противъ обвиненія, что евреи будто-бы молятся о паденіи римско-христіанской имперіи, онъ приводитъ слѣдующее мѣсто изъ Талмуда: «Молитесь за благо государствъ». Свою защитительную брошюру Рейхлинъ подалъ лично императору, который благосклонно принялъ ее.

Эта брошюра, написанная въ рѣзкомъ тонѣ и съ ѣдкою ироніею, произвела тѣмъ большее впечатлѣніе, что Рейхлинъ всѣмъ былъ извѣстенъ за человѣка кроткаго и миролюбиваго, а смѣлость, съ которой онъ выступилъ противъ могущественныхъ доминиканцевъ, внушавшихъ страхъ даже императорамъ и папамъ,

вызвала удивленіе и одобреніе не только гуманистовъ-мірянъ, но и многихъ духовныхъ лицъ, которыя тяготились заносчивостью и невыносимымъ властолюбіемъ доминиканцевъ. Борьба возгорѣлась. Императоръ, къ которому обратились обѣ стороны, не былъ въ силахъ рѣшить этотъ споръ. Онъ именно въ этомъ дѣлѣ обнаружилъ крайнее непостоянство характера. Сперва онъ, подъ вліяніемъ своего гуманистическаго тайнаго секретаря, написалъ Рейхлину, что онъ его защититъ отъ несправедливыхъ нападокъ доминиканцевъ, но вскорѣ послѣ того, вслѣдствіе настояній духовника, онъ запретилъ защитительную брошюру Рейхлина. Наконецъ, онъ предписалъ замолчать обѣимъ сторонамъ. Однакожъ, вспыхнувшая борьба этимъ не была улажена. Доминиканцы не могли равнодушно снести нанесенное имъ пораженіе, потому что теперь дѣло шло уже объ ихъ существованіи.

Совершенно неожиданно Рейхлинъ получилъ отъ Гохштратена повѣстку, въ которой послѣдній, въ качествѣ инквизитора, приглашалъ его явиться въ теченіи шести дней, къ восьми часамъ утра, въ Майнцъ, для отвѣта по обвиненіямъ въ покровительствѣ евреямъ и въ ереси. Эта повѣстка собственно не имѣла законной силы, потому что Рейхлинъ, какъ подвѣдомственный костанцской епархіи, стоялъ внѣ инквизиціонной власти Гохштратена; притомъ же она была написана въ крайне-оскорбительномъ тонѣ. Тѣмъ не менѣе Рейхлинъ, не будучи въ состояніи, по причинѣ преклонныхъ лѣтъ и слабаго здоровья, явиться лично, послалъ за себя въ Майнцъ повѣреннаго, чтобы протестовать противъ такого произвольнаго распоряженія. Въ назначенный день, Гохштратенъ открылъ засѣданіе судной комиссіи, имъ самимъ произвольно составленной, и самъ выступилъ обвинителемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, и судьею. Не задолго до этого, онъ пригласилъ всѣ германскіе университеты высказаться на счетъ «Глазнаго зеркала» Рейхлина, разумѣется, въ его духѣ, а большинство ихъ оправдало его ожиданія. Лёвенскій факультетъ заявилъ, что «Глазное зеркало» наполнено заблужденіями и сомнительными положеніями и что оно явнымъ образомъ одобряетъ невѣріе евреевъ, а потому должно быть сожжено. Этотъ отзывъ былъ прямо вынужденъ у факультета Адріаномъ Утрехтскимъ. Кельнскій факультетъ, какъ слѣдовало ожидать, нашелъ въ сочиненіи Рейхлина не только заблужденія, но и *ересь*. Эрфуртскій факультетъ, тоже высказался въ пользу сожженія «Глазнаго зеркала». Воздержались отъ подачи отзыва факультеты гейдельбергскій и—непонятнымъ образомъ — также майнцскій. Полагаясь на три благопріятныхъ для себя отзыва, Гохштратенъ не сомнѣвался въ побѣдѣ. Обвинительный актъ противъ Рейхлина содержалъ тѣ самыя обвиненія, которыя подняты были

противъ него Пфефферкорномъ и Арнольдомъ Тонгернскимъ, и Гохштратенъ предложилъ коммисіи постановить: что «Глазное зеркало» наполнено ересью и заблужденіями, слишкомъ благосклонно къ евреямъ и оскорбительно для церкви, а потому оно подлежитъ конфискаціи и сожженію.

Повѣренный Рейхлина энергически протестовалъ противъ обвиненій, доказывая ихъ несправедливость и напирая на то, что Гохштратенъ, какъ признанный врагъ Рейхлина, не можетъ быть его обвинителемъ и судьею. Но возраженія защитника не произвели никакого дѣйствія, и ему ничего не оставалось, какъ оставить залу засѣданій. Однакожъ, этимъ процессъ противъ Рейхлина не былъ остановленъ, хотя у Гохштратена и оказалось чувство стыда настолько, чтобы отказаться отъ роли оффиціальнаго судьи. Боясь окончательно вооружить противъ себя общественное мнѣніе осужденіемъ обвиненнаго безъ всякаго допроса, онъ велѣлъ прибить къ церковнымъ дверямъ объявленіе, приглашавшее уже не прямо Рейхлина, а просто «того, кто заинтересованъ въ дѣлѣ», явиться на завтрашній день, къ тремъ часамъ пополудни. Между тѣмъ, объявлено было въ церквахъ, что всякій, кто имѣетъ «Глазное зеркало», подъ страхомъ отлученія отъ церкви, долженъ представить его инквизиціонному судьѣ. Доминиканцы потирали руки отъ удовольствія, считая свою цѣль достигнутой; но радость ихъ была преждевременна.

Нарушеніе всякихъ формальныхъ законовъ при веденіи этого процесса вызвало справедливое негодованіе всѣхъ благомыслящихъ людей и, прежде всего, учащейся молодежи майнцскаго университета. Нѣсколько знатныхъ членовъ архіепископскаго капитула обратились къ Гохштратену съ предложеніемъ—отсрочить на нѣкоторое время произнесеніе приговора, такъ какъ еще ни Рейхлинъ, ни его защитникъ не были допрошены. Предложеніе это имѣло цѣлью вызвать соглашеніе, и хотя Гохштратенъ и не думалъ кончать дѣло миромъ, онъ согласился, однакожъ, дать еще двухнедѣльный срокъ, расчитывая на то, что Рейхлину стыдно будетъ явиться. Но къ изумленію доминиканцевъ, почтенный старецъ самъ явился въ Майнцъ, въ сопровожденіи двухъ совѣтниковъ герцога Виртембергскаго. Капитулъ употребилъ все свое вліяніе, чтобы примирить партіи, но инквизиторъ, настроенный на крутыя мѣры, и слушать не хотѣлъ о примиреніи. Уже судьи, между которыми снова занялъ мѣсто Гохштратенъ, собирались произнести приговоръ, уже готовы были вспыхнуть костры, долженствующіе пожрать «Глазное зеркало», какъ вдругъ прискакалъ курьеръ отъ архіепископа Уріэля съ письмомъ, ошеломившимъ весь почтенный трибуналъ.

Уріэль вовсе не раздѣлялъ фанатической ненависти массы къ евреямъ. Если онъ не высказался въ пользу еврейскихъ книгъ, то онъ ничего не сказалъ и противъ нихъ. Высокомѣріе кельнскихъ доминиканцевъ и ихъ несправедливости къ Рейхлину, о которыхъ онъ былъ извѣщенъ друзьями послѣдняго, побудили его написать собственноручное письмо къ избраннымъ изъ его епархіи судьямъ, съ предписаніемъ отстрочить приговоръ на мѣсяцъ. Архіепископъ присовокуплялъ, что въ противномъ случаѣ онъ этимъ письмомъ увольняетъ ихъ отъ должности инквизиціонныхъ судей, причемъ всѣ принятыя ими рѣшенія теряютъ всякую силу. Это письмо громко было прочитано нотаріусомъ предъ пристыженными доминиканцами. Одинъ только Гохштратенъ позволилъ себѣ дерзкія замѣчанія, товарищи же его поспѣшили удалиться подъ градомъ насмѣшекъ любопытной толпы, собравшейся предъ зданіемъ церкви, въ ожиданіи костра.

Такимъ образомъ, Рейхлинъ на сей разъ вышелъ побѣдителемъ изъ этой тяжелой борьбы. Понятно, что его побѣда наполнила радостью и евреевъ. Они хорошо знали, что отъ участи «Глазнаго зеркала» зависѣла участь ихъ религіозныхъ книгъ и что, въ случаѣ осужденія Рейхлиновой брошюры, ни одинъ христіанинъ, какъ бы доброжелателенъ онъ къ нимъ ни былъ, не сталъ бы за нихъ заступаться.

Однакожъ, до полнаго торжества еще было далеко. Враги Рейхлина были унижены, но еще далеко не побѣждены. Рейхлинъ слишкомъ хорошо зналъ ихъ хитрость и злость, чтобы предаваться бездѣйствію. Поэтому онъ поспѣшилъ аппелировать къ папскому престолу. Но боясь, что его дѣло, при подкупности папской куріи, можетъ принять неблагопріятный оборотъ, коль скоро слѣдствіе будетъ произведено въ Кельнѣ или вообще подъ вліяніемъ кельнскихъ доминиканцевъ, онъ обратился къ лейбъ-медику папы Льва X, Боннету де-Латесу, съ письмомъ на еврейскомъ языкѣ, въ которомъ просилъ его употребить все свое вліяніе на то, чтобы слѣдствіе назначено было не въ Кельнѣ и не въ его окрестностяхъ.

Левъ X, изъ флорентинской фамиліи Медичи, интересовался болѣе политикой и свѣтскою властью папскаго престола, чѣмъ дѣлами религіозными. Къ богословскимъ спорамъ своего времени, разжигавшимъ всю Европу, онъ относился съ какимъ-то презрѣніемъ. И вотъ ему предлагаютъ рѣшить — отзывается ли «Глазное зеркало» ересью и чрезмѣрнымъ доброжелательствомъ къ евреямъ и Талмуду. Все зависѣло оттого, въ какомъ свѣтѣ ему будетъ представленъ споръ между Рейхлиномъ и доминиканцами. Вѣроятно не безъ участія со стороны лейбъ-медика Боннета де-Латеса, онъ вскорѣ предписалъ шпейерскому и вормскому епископамъ изслѣдовать дѣло Рейхлина съ Гохштратеномъ

и постановить окончательное рѣшеніе, которому обѣ стороны должны подчиниться безпрекословно. Однакожъ, назначенная для этой цѣли коммисія приступила къ дѣлу съ нѣкоторою робостью, боясь мщенія доминиканцевъ. Процессъ тянулся цѣлый годъ, и только благодаря чрезвычайнымъ усиліямъ друзей Рейхлина, епископомъ шпейерскимъ былъ, наконецъ, постановленъ приговоръ, гласившій, что сочиненіе Рейхлина не содержитъ и тѣни заблужденій или ереси, что оно и не потворствуетъ также чрезъ мѣру евреямъ, что авторъ, слѣдовательно, былъ оклеветанъ Гохштратеномъ, что «Глазное зеркало» можетъ быть свободно читаемо и печатаемо и что—по всему этому—Гохштратенъ приговаривается къ уплатѣ судебныхъ издержекъ (111 рейнскихъ гульденовъ), а въ случаѣ не представленія оныхъ въ законный срокъ, подлежитъ сначала церковному покаянію, а потомъ, если будетъ упорствовать—отлученію отъ церкви.

Кельнскіе доминиканцы скрежетали зубами, но и не думали подчиниться приговору апостольскаго коммисара, къ которому относились съ явнымъ пренебреженіемъ. Гохштратенъ, внѣ судебнаго порядка (extrajudicialiter), т. е. не извѣстивъ объ этомъ апостольскаго судью, епископа шпейерскаго, обратился съ апелляціею къ папѣ. Расчитывая на подкупность римскаго двора, онъ все еще надѣялся выиграть процессъ. Онъ открыто говорилъ: «Въ Римѣ все можно достать за деньги, а доминиканцы богаты, Рейхлинъ же—бѣденъ.» Кромѣ того, доминиканцы обратились къ наиболѣе вліятельному въ то время парижскому университету съ настоятельною просьбою, произнести обвинительный приговоръ надъ «Глазнымъ зеркаломъ». Всѣ обскуранты внутри и внѣ Германіи возстали общими силами противъ Рейхлина.

Но эти усилія доминиканской партіи вызвали союзъ и въ противоположномъ лагерѣ — между всѣми друзьями науки и просвѣщенія. Въ Западной Европѣ образовался настоящій «*орденъ гуманистовъ*» — *рейхлинистская партія* (exercitus Reuchlinistarum), члены которой, молча пожимая другъ другу руки, всѣми силами поддерживали Рейхлина. Такимъ образомъ, благодаря враждебнымъ замысламъ Пфефферкорна противъ евреевъ, въ самомъ христіанствѣ образовались двѣ ожесточенныя другъ противъ друга партіи: партія *Рейхлинистовъ* и партія *Арнольдистовъ*. Это была борьба средневѣковаго мрака съ занимавшеюся зарею лучшихъ временъ.

Въ пользу Рейхлина и противъ доминиканцевъ, наиболѣе дѣйствовала тогдашняя юная Германія, а главнымъ образомъ *Германъ фонъ-Буше*, *Кротосъ Рубіанусъ* и пылкій и остроумный юноша *Ульрихъ-фонъ-Гуттенъ*. Но за Рейхлина выступило и

много знатныхъ и высокопоставленныхъ лицъ, какъ напримѣръ, герцогъ *Ульрихъ Виртембергскій* со всѣмъ дворомъ, графъ фонъ-*Гольфенштейнъ* въ Аугсбургѣ, графъ фонъ *Нуэнаръ*, патриціи *Вельсеръ*, *Пиркгеймеръ*, *Нейтингеръ*, множество духовныхъ сановниковъ въ Италіи и даже кардиналы, между прочимъ, и генералъ августинскаго ордена въ Римѣ Эгидіо де Витербо. Послѣдній былъ большимъ любителемъ еврейской литературы и занимался въ то время переводомъ каббалистическаго сочиненія «Зогаръ». Онъ писалъ къ Рейхлину: «Ученіе (Тора), заповѣданная людямъ среди огня, въ первый разъ спасено отъ огня, когда Авраамъ избѣгъ огненнаго горнила, а во второй разъ теперь — Рейхлиномъ, спасшимъ книги, отъ которыхъ законъ впервые получилъ свѣтъ и съ погибелью которыхъ снова наступилъ бы вѣчный мракъ. Защищая твое дѣло, мы защищаемъ не тебя, а законъ, не Талмудъ, а церковь *)». Замѣчательно, что и весь орденъ францисканцевъ, изъ ненависти къ доминиканцамъ, также принялъ сторону Рейхлина.

Почти въ каждомъ, сколько нибудь значительномъ, городѣ было по нѣскольку Рейхлинистовъ и Арнольдистовъ, взаимная неприязнь которыхъ нерѣдко доходила до драки. Лозунгомъ первыхъ было: *спасеніе «Глазнаго Зеркала» и сохраненіе Талмуда*, а лозунгомъ вторыхъ: *осужденіе и сожженіе обоихъ*. Все болѣе и болѣе шуму производила эта борьба въ Германіи. Хотя процессъ Рейхлина былъ выигранъ, на основаніи приговора шпейерскаго апостольскаго суда, Рейхлинъ тѣмъ не менѣе считалъ нужнымъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы апелляція его враговъ, имѣвшихъ сильныхъ и вліятельныхъ союзниковъ при папскомъ дворѣ, не имѣла успѣха. По совѣту своихъ друзей, онъ напечаталъ собраніе писемъ, написанныхъ къ нему высокопоставленными лицами Германіи и Италіи, съ цѣлью показать папѣ, съ какими знатными особами доминиканцы вступили въ борьбу. Въ числѣ этихъ писемъ находился рескриптъ императора Фридриха, предоставлявшій Рейхлину высокія почести, а также документъ, ясно доказывавшій, что Рейхлинъ пользовался большимъ уваженіемъ у отца папы Льва X, Лоренцо Медичи. Но главнымъ образомъ, онъ старался о томъ, чтобы слѣдственная коммиссія въ Римѣ не была составлена изъ его враговъ. Благодаря усиліямъ его друзей, папа назначилъ первымъ слѣдственнымъ судьею кардинала Гримани, любителя раввинской литературы и каббалы. Вѣроятно и знатные евреи въ Римѣ дѣйствовали въ пользу Рейхлина, но, подобно германскимъ

*) «Non te, sed legem, non Talmud, sed ecclesiam!»

евреямъ, они скромно держали себя поодаль, не желая своимъ вмѣшательствоиъ придавать спорному вопросу характеръ еврейскаго дѣла. Кардиналъ Гримани обратился къ обѣямъ партіямъ съ приглашеніемъ — явиться въ Римъ, представляя, однакожъ Рейхлину, въ уваженіе къ его преклоннымъ лѣтамъ, право прислать вмѣсто себя повѣреннаго. Снабженный рекомендаціями и достаточнымъ количествомъ золота, Гохштратенъ явился въ Римъ, вполнѣ увѣренный въ успѣхѣ.

Съ другой стороны и Рейхлинъ, если и не имѣлъ столько золота, какъ врагъ его, то не имѣлъ недостатка въ протекціи. Самъ императоръ Максимиліанъ, глубоко сожалѣвшій о томъ, что не съумѣлъ прекратить во̀ время эту распрю и что слишкомъ увлекался гнусною клеветою Пфефферкорна и суевѣріемъ и фанатизмомъ своей сестры, неоднократно заступался у папы за Рейхлина, за «невиннаго, превосходнаго, ученаго и благочестиваго Рейхлина, котораго коварные кельнцы стараются погубить». Равнымъ образомъ, папѣ сдѣланы были представленія въ пользу Рейхлина со стороны императорскаго министра, кардинала Гурка, герцога Ульриха Виртембергскаго, курфюрста саксонскаго Фридриха Мудраго, который нѣсколько лѣтъ спустя взялъ подъ свою защиту противъ тѣхъ же доминиканцевъ Лютера и реформацію, далѣе епископовъ страсбургскаго, констанцскаго, вормскаго и шпейерскаго, а также пятьнадцати аббатовъ и пятьдесяти трехъ швабскихъ городовъ.

Не смотря на то, что Гохштратенъ сорилъ деньгами, успѣхъ сначала явно клонился на сторону Рейхлина. Попытки доминиканцевъ, добиться назначенія своего единомышленника, кардинала Бернардина де-Санта-Эроче, вторымъ судьею, были уничтожены усиліями Рейхлинистовъ, и вмѣсто него папа назначилъ благосклонаго къ Рейхлину кардинала Піетро Анкинитани де ст. Эйзебіо. Папскіе коммисары издали приказъ, въ которомъ говорилось, что ни одинъ судья и никакая корпорація не вправѣ заниматься обсужденіемъ или рѣшеніемъ спорнаго вопроса до-тѣхъ-поръ, пока по этому предмету не будетъ произнесенъ приговоръ въ Римѣ.

Доминиканцы относились съ явнымъ пренебреженіемъ къ общественному мнѣнію, къ назначенной папою коммисіи и къ самому папѣ, которому даже грозили, въ случаѣ побѣды Рейхлина, соединиться съ гусситами въ Богеміи. Всѣ свои надежды они, главнымъ образомъ, возлагали на парижскій университетъ, отъ котораго всѣми силами старались добиться обвинительнаго приговора надъ сочиненіемъ Рейхлина, вопреки указу папскихъ коммисаровъ. Политика, разъѣдинявшая въ то время Францію и Германію, высказалась и въ этомъ дѣлѣ. Потому именно, что Императоръ Максимиліанъ былъ на сторонѣ Рейхлина, король Людовикъ XII счелъ нужнымъ стать на сторону доминиканцевъ, и парижскій университетъ былъ просто вынужденъ подать отзывъ въ этомъ смыслѣ. Не смотря на энергическій протестъ со стороны благомыслящихъ членовъ, богословскій факультетъ, послѣ продолжительныхъ совѣщаній, порѣшилъ, что «Глазное зеркало» содержитъ въ себѣ ересь, всячески защищаетъ Талмудъ, а потому подлежитъ сожженію; самого же автора слѣдуетъ принудить отказаться отъ своихъ положеній.

Доминиканцы торжествовали, считая свое дѣло выиграннымъ, и они не замедлили извѣстить публику объ этомъ своемъ успѣхѣ въ новой брошюрѣ, подъ заглавіемъ «Набатъ» (Sturmglocke), изданной за подписью Пфефферкорна. Этимъ, явнымъ образомъ, нарушенъ былъ указъ императора, предписывавшій обѣимъ партіямъ молчаніе, и дѣйствительно императорскій фискалъ притянулъ Пфефферкорна къ отвѣтственности, но тутъ на выручку доминиканцевъ опять явилась монахиня Кунигунда. Между тѣмъ, дѣло Рейхлина съ Гохштратеномъ, подвигавшееся въ Римѣ съ крайнею медленностью, затягивалось еще болѣе доминиканцами, расчитывавшими на истощеніе матеріальныхъ средствъ Рейхлина, для котораго тяжесть судебныхъ издержекъ дѣйствительно была весьма чувствительна. Но въ то время, какъ враги Рейхлина пускали въ ходъ всѣ средства, чтобы склонить въ свою пользу папскій трибуналъ, друзья его аппелировали къ другому суду—суду общественнаго мнѣнія. Относящійся къ этому времени, рядъ писемъ, извѣстныхъ подъ именемъ «Писемъ темныхъ людей»—epistolae obscurorum virorum (изъ нихъ первая часть, надо полагать, сочинена Кротомъ Рубіаномъ изъ Лейпцига), съ ѣдкою сатирой и замѣчательнымъ остроуміемъ бичуетъ невѣжество, заносчивость и жалкую мораль монаховъ. Эта вымышленная переписка мракоборцевъ между собою представляетъ наивную исповѣдь, въ которой послѣдніе сами себя отдаютъ на общее осмѣяніе. Съ неимовѣрною быстротою «Письма темныхъ людей» разошлись по западной Европѣ, возбуждая гомерическій смѣхъ читателей. Доминиканцы вздумали ослабить дѣйствіе пущенной противъ нихъ сатиры новою брошюрой, но этимъ они только подлили масла въ огонь и еще больше возбуждали смѣхъ у Рейхлинистовъ.

Но, наконецъ, процессъ въ Римѣ подвинулся впередъ. Предвидя, что коммиссія, состоявшая изъ кардиналовъ Гримани и Анконитани, рѣшитъ дѣло въ пользу Рейхлина, — Гохштратенъ грозно потребовалъ, чтобы оно было предоставлено на рѣшевіе собора, такъ какъ тутъ рѣчь шла не о простой тяжбѣ, но вмѣстѣ и о вопросахъ вѣры. Папа Левъ X, не желая воз-

становить противъ себя ни той, ни другой партіи, долженъ былъ на это согласиться. Съ одной стороны императоръ Максимиліанъ и германскіе князья настаивали на оправданіи Рейхлина и усмиреніи строптивыхъ доминиканцевъ, а съ другой— король французскій и молодой Карлъ (герцогъ бургундскій), будущій императоръ германскій, въ грозныхъ выраженіяхъ требовали осужденія дружественной евреямъ брошюры. Папа счелъ нужнымъ свалить съ плечъ дѣло, принимавшее весьма серьезный характеръ, и предоставилъ его коммиссіи, составленной изъ членовъ засѣдавшаго тогда великаго собора (Lateranconcil). Такимъ образомъ, Талмудъ сдѣлался предметомъ обсужденія вселенскаго собора и, въ нѣкоторомъ родѣ, вопросомъ европейскимъ.

Рейхлинъ, надѣявшійся на скорое окончаніе своего дѣла, — послѣ того, какъ оно тщетно проволочилось два года, впалъ въ малодушное отчаяніе. Онъ боялся, что ревность его друзей остынетъ и что уже вскорѣ не хватитъ средствъ на продолженіе процесса. Равнымъ образомъ, старость заставляла его опасаться близкой кончины и возможности еще послѣ смерти быть заклейменнымъ именемъ еретика въ глазахъ оффиціальнаго католическаго міра. Однакожь, друзья его не устанно внушали ему бодрость и рѣшимость, особенно молодой и пылкій Ульрихъ-фонъ-Гуттенъ, лучше всѣхъ другихъ понимавшій всю важность этого процесса, которому суждено было получить всемірно-историческое значеніе.

Наконецъ, приговоръ былъ произнесенъ (2 Іюля 1516 г.). Первое мнѣніе, высказанное въ синодальной коммиссіи и принадлежавшее епископу Грегору Бенигну, гласило: «Глазное зеркало Рейхлина не содержитъ ничего еретическаго, и несправедливые и оскорбительные отзывы о немъ парижскаго и прочихъ университетовъ заслуживаютъ осужденія». Епископъ мальфійскій къ этому еще присовокупилъ, что инквизиціонный судья Гохштратенъ, считающій себя столбомъ церкви, долженъ быть наказанъ. Въ такомъ же смыслѣ высказались всѣ члены коммиссіи, за исключеніемъ фанатическаго кардинала, доминиканца Сильвестра Пріераса, который одинъ только былъ на сторонѣ Гохштратена.

Однакожъ, приговоръ коммиссіи еще не обезоружилъ Гохштратенъ, и онъ еще не считалъ свое дѣло проиграннымъ. Еще не было произнесено окончательное слово папою, и вотъ при помощи разныхъ интригъ друзьямъ его удалось склонить Льва X къ изданію указа о пріостановленіи процесса на неопредѣленное время.

Эта увертка вполнѣ соотвѣтствовала характеру Льва X и его положенію среди сильно возбужденныхъ партій. Онъ былъ врагомъ всякихъ волненій, притомъ же равно боялся разрыва съ

императоромъ германскимъ и съ королемъ французскимъ. Такимъ образомъ, процессъ остался нерѣшеннымъ и могъ быть возобновленъ доминиканцами при всякомъ удобномъ случаѣ. Хотя Гохштратенъ съ позоромъ долженъ былъ оставить Римъ, но онъ все жъ таки не отказался отъ надежды въ концѣ концовъ добиться своего.

Но если Левъ X полагалъ, что его могучее слово положитъ конецъ распрѣ, то онъ слишкомъ много придавалъ значенія папству, не понималъ силы партій и внутренняго разлада, ихъ раздвоивавшаго. Умы были слишкомъ взволнованы, чтобы ихъ могло успокоить папское слово. Обѣ партіи хотѣли не мира, а войны, ожесточенной войны на жизнь и на смерть. Когда Гохштратенъ возвратился изъ Рима, его жизнь была въ опасности, и только энергическимъ увѣщеваніемъ Рейхлина удалось защитить его отъ ярости Рейхлинистовъ. Раздраженіе партій росло все более и болѣе. Доминиканцы, на половину покинутые папскимъ престоломъ и осужденные общественнымъ мнѣніемъ, хотѣли во что бы то ни стало добиться своего. Проповѣдники въ родѣ Петра Мейера, снова стали громить въ церквахъ Рейхлина и его приверженцевъ, а менѣе рѣшительные доминиканцы разными мелочными придирками вымещали свою злобу на томъ или другомъ Рейхлинистѣ. Всего болѣе ихъ возмущали «Письма темныхъ людей», избавиться отъ которыхъ они старались всѣми силами, и дѣйствительно ихъ чрезвычайнымъ усиліямъ удалось добиться отъ папы буллы, предписывавшей всякому обладателю этихъ писемъ, подъ угрозой церковнаго проклятія, выдать ихъ доминиканцамъ или же уничтожить. Но въ это короткое время умами Европы успѣлъ овладѣть новый духъ, котораго уже не могли сковать никакія папскія буллы. «Письма темныхъ людей» тѣмъ труднѣе было уничтожить, что ими забавлялись и многія духовныя лица, приверженцы враждебныхъ доминиканцамъ орденовъ.

Съ своей стороны, гуманисты еще болѣе усиливали раздраженіе. Воодушевляя другъ друга, они, обнародованіемъ различныхъ актовъ, въ родѣ отзыва епископа Бенигна, и распространеніемъ полемическихъ брошюръ, все болѣе и болѣе возстановляли общественное мнѣніе противъ доминиканцевъ. Дѣятельнѣе всѣхъ прочихъ былъ Ульрихъ-фонъ-Гуттенъ. Порицая Рейхлина за его малодушіе, онъ однажды, рѣзко сказалъ ему: «Мы принимаемъ на себя бо́льшую часть бремени. Я теперь раздуваю огонь, который вспыхнетъ въ свое время, и вербую союзниковъ, которые по своему возрасту и положенію въ обществѣ способны выступить въ бой. Я ли покину дѣло правды? Какъ мало знаешь ты Гуттена! Если ты отступишься, я возьму борьбу на себя, и мои друзья отъ меня не отстанутъ.»

Второй рядъ «Писемъ темныхъ людей» еще болѣе усилилъ смѣхъ Рейхлинистовъ и злобу доминиканцевъ.

Уже больше ни для кого не составляло тайны: въ церкви произошелъ расколъ.

Самъ капитулъ доминиканскаго ордена, въ оффиціальномъ письмѣ къ папѣ, сознавался, что борьба эта навлекла на нихъ ненависть и презрѣніе, что они сдѣлались предметомъ общихъ насмѣшекъ, что ихъ—конечно, незаслуженно—называютъ врагами братской любви, мира и согласія, что проповѣди ихъ осмѣиваются и что всѣ ихъ начинанія истолковываются въ смыслѣ высокомѣрія и заносчивости. И дѣйствительно, въ то время, какъ общественное мнѣніе съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдило за борьбою Рейхлинистовъ съ доминиканцами, въ Германіи началось новое движеніе, нашедшее себѣ благопріятную почву въ настроеніи умовъ, вызванномъ рейхлиновскимъ процессомъ. Реформація Лютера, расшатавшая вѣковыя столбы папства и католической церкви, имѣла свои корни въ возбужденной Пфефферкорномъ борьбѣ изъ за Талмуда и послѣдовавшей за тѣмъ между Рейхлиномъ и Гохштратеномъ распрѣ, создавшей общественное мнѣніе и сдѣлавшей доминиканцевъ до того ненавистными, что при первомъ появленіи реформаціоннаго движенія не только знать, но и масса народа сразу выступила противъ суевѣрія и господства монаховъ. Безъ Рейхлина, протесты Лютера противъ тецелевыхъ грамотъ на отпущеніе грѣховъ остались бы гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и самъ Лютеръ сознался, что Рейхлинъ невольнымъ образомъ сдѣлался орудіемъ божественнаго Провидѣнія. Долго таившаяся искра, наконецъ, воспламенилась. Послѣ смерти сѣдаго императора Максимиліана, произошло общее смятеніе, въ которомъ трудно было различать друзей и враговъ новаго религіознаго движенія. Все болѣе и болѣе дѣло Рейхлина и дѣло Лютера, Талмудъ и реформація, сливались между собою. Наконецъ, курфюрсты, собравшіеся для избранія императора, рѣшительно высказались въ пользу Рейхлина и противъ мстительныхъ доминиканцевъ. Ульрихъ-фонъ-Гуттенъ успѣлъ расположить въ пользу Рейхлина и Лютера отлученнаго рыцаря Франца-фонъ-Сикингена, который пригласилъ обоихъ въ свой замокъ, обѣщая имъ защиту противъ общихъ враговъ. Чего не могли добиться отъ доминиканцевъ ни императоръ, ни папа, легко добился Сиккингенъ. Поддерживаемый Дальбергомъ и другими рыцарями, онъ объявилъ конвенту доминиканскаго ордена войну (Fehde), на случай, если Гохштратенъ, согласно съ рѣшеніемъ шпейерскаго суда, не заплотитъ 111 гульденовъ судебныхъ издержекъ, и не дастъ необходимыхъ гарантій противъ дальнѣйшаго преслѣдованія Рейхлина.

Доминиканцы хорошо знали, что съ этимъ рыцаремъ шутить нельзя и что его слова нельзя обойти, подобно указу папы или императора. Употребивъ напрасно разныя увертки и обратившись также къ мягкосердечному Рейхлину, который, однакожъ, на сей разъ былъ достаточно твердъ, чтобъ указать имъ на Сикингена, они должны были уступить. Упрямый Гохштратенъ былъ лишенъ должности пріора и инквизиціоннаго судьи, и весь конвентъ, отрекаясь совершенно отъ Гохштратена. обратился къ папѣ (10 мая 1520 г.) съ просьбою — прекратить споръ на вѣчныя времена, «такъ какъ ученость Рейхлина и его искренность въ вѣрѣ заслуживаютъ всякаго къ нему снисхожденія.» Вмѣсто того, что бы уничтожить Талмудъ, папа самъ побудилъ нѣкоторыхъ предпринимателей напечатать его. Такимъ образомъ, благодаря непонятному для современниковъ движенію, сбылось неожиданное. Рейхлинъ былъ оправданъ и Талмудъ снабженъ охранительными привилегіями со стороны папы. Въ томъ же году богатый и благородный типографщикъ, христіанинъ Даніилъ Бомбергъ изъ Антверпена, предпринялъ полное изданіе *Вавилонскаго* Талмуда съ комментаріями, въ 12 томахъ in folio, сдѣлавшееся образцомъ для всѣхъ позднѣйшихъ изданій. До того времени напечатаны были только отдѣльные трактаты Герсономъ Сонциномъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, Бомбергъ издалъ и Талмудъ *Іерусалимскій*. Говорятъ, что на изданіе еврейскихъ книгъ онъ затратилъ болѣе 4.000,000 дукатовъ.

Доминиканцы потерпѣли окончательное пораженіе. Гохштратенъ принужденъ былъ заплатить судебныя издержки, которыя пришлись кстати обѣднѣвшей казнѣ.

Однакожъ, остатокъ дней престарѣлаго Рейхлина былъ отравленъ, и онъ не зналъ больше радости до самаго конца своей жизни. Ярость папистовъ противъ Лютера пришлось испытать и ему, и не смотря на поддержку друзей, возраставшія смуты принудили его покинуть свой родной городъ и поселиться на чужбинѣ.

Смѣлое посланіе Лютера: «Къ христіанской знати нѣмецкаго народа» окончательно возмутила противъ него доминиканцевъ въ Римѣ, которые, съ прекращеніемъ торга грамотами на отпущеніе грѣховъ, лишились значительной статьи доходовъ, и Левъ X, врагъ всякихъ насильственныхъ мѣръ, долженъ былъ, наконецъ, уступить ихъ настоятельнымъ убѣжденіямъ и издалъ буллу объ отлученіи отъ церкви Лютера и его приверженцевъ. Равнымъ образомъ, въ противность произнесенному въ Римѣ приговору, было осуждено и «Глазное зеркало» Рейхлина, Но папская булла противъ Лютера и противъ сочиненія Рейхлина не произвела

никакого дѣйствія, и судьба ея извѣстна: 10 декабря 1520 г. Лютеръ публично сжегъ ее и окончательно отрекся отъ паства.

Пфефферкорнъ, поглощенный міровымъ пожаромъ, имъ же произведеннымъ, вздумалъ заявить себя новою и послѣднею дерзостью. Послѣ пятилѣтняго молчанія, онъ издалъ нахальную брошюру противъ Рейхлина, которая вызвала въ публикѣ только омерзеніе къ автору. Равнымъ образомъ, не удались его попытки добиться изгнанія евреевъ изъ Франкфурта и Вормса. Послѣ обнародованія этой брошюры имя Пфефферкорна окончательно исчезло.

Уваженіе къ Рейхлину еще усилилось въ послѣдніе годы его жизни. По настоятельной просьбѣ тюбингенскаго университета онъ занялъ въ немъ каѳедру, гдѣ предъ многочисленной аудиторіею свободно могъ читать лекціи о еврейскомъ языкѣ. Хотя онъ умеръ (въ 1522 г.) католикомъ, но своей защитой Талмуда онъ, главнымъ образомъ, вызвалъ реформацію, и на него дѣйствительно такъ смотрѣли современники. Появившаяся два года послѣ его смерти остроумная «Нѣмая комедія» нагляднымъ образомъ выставляетъ его виновникомъ великаго движенія. На сценѣ появляется докторъ (Рейхлинъ) со связкою криваго и прямаго хворосту, скидываетъ ее и удаляется. Другая фигура (Эразмъ) напрасно старается привести въ порядокъ прутья и выпрямить кривые изъ нихъ, и съ удивленіемъ покачивая головою, удаляется. Является Лютеръ въ монашеской рясѣ съ зажженнымъ фитилемъ въ рукѣ и зажигаетъ кривые прутья. Другая фигура въ императорской одеждѣ ударяетъ мечемъ по занимающемуся огню и тѣмъ самымъ способствуетъ его дальнѣйшему распространенію. Наконецъ, показывается папа, и желая тушить пожаръ, бросается на ведро наполненное масломъ, выливаетъ его въ огонь и схватываетъ себя за голову при видѣ вспыхнувшаго пламени, котораго уже ничѣмъ нельзя было остановить.

МОЛОДАЯ ПАЛЕСТИНА*).

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что на Гейне имѣло глубокое вліяніе его еврейское происхожденіе и воспитаніе. Это вліяніе высказывалось въ молодомъ вольнодумцѣ, котораго не особенно стѣсняла его религіозная совѣсть и который вѣровалъ лишь въ «пиѳагорово положеніе и королевско-прусское право», правда, не столько въ особенно нѣжной привязанности къ іудейству, сколько въ глубокомъ негодованіи противъ несправедливыхъ притѣсненій, подъ которымъ страдали его единоплеменники и онъ самъ. Въ своей трагедіи «Алманзоръ», онъ свободно и честно высказалъ свою ненависть и негодованіе противъ притѣснителей; враждебная христіанамъ тенденція «Алманзора» достигла своего аппогея въ рѣзкой ироніи заключительныхъ словъ. Гейне глубоко былъ возмущенъ противъ Михаила Бера, который, будучи не столь гордаго характера, въ своемъ «Парія», вмѣсто того, чтобы быть обвинителемъ, старается дѣйствовать на чувствительность публики и возбудить состраданіе къ своему, обиженному своеволіемъ привилигированной касты, герою. «Времена такъ скверны», говоритъ Гейне въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Фридерикѣ Робертъ, «всѣ люди жалуются, и весьма политично со стороны нашихъ правительствъ, что они повсюду поощряютъ представленіе «Паріи», дабы мы видѣли, что въ Индіи есть люди, которые еще болѣе терпятъ и страдаютъ, чѣмъ мы, нѣмцы». «Досадно», выражается онъ рѣзче и яснѣе въ письмѣ къ Мозеру объ этомъ самомъ предметѣ, «ужасно досадно было для меня главное отношеніе пьесы, именно, что парія—замас-

---

*) Статья эта заимствована изъ сочиненія А. Штрадтмана: «H. Heines Leben und Werke». (Жизнь и сочиненія Г. Гейне). При составленіи этой статьи авторъ пользовался «Исторіей іудейства и его сектъ» Іоста, «Исторіей евреевъ отъ Мендельсона до нашихъ временъ» Штерна и неизданпой перепиской Мозера и Вольвиля. *Издатель.*

кированный еврей. Необходимо употребить всѣ усилія для того, чтобы никому не пришло въ голову, что послѣдній имѣетъ какое либо сходство съ индейскимъ паріемъ, и глупо, если стараются нарочно еще выставить это сходство. Но всего глупѣе и вреднѣе позорная идея, что парія предполагаетъ, что его предки какимъ нибудь тяжкимъ преступленіемъ сами навлекли на себя свое несчастное положеніе. Этотъ намекъ на Христа, можетъ быть, и нравится нѣкоторымъ господамъ, въ особенности, когда это высказывается евреемъ, не окропленнымъ еще святою водою. Но я желалъ бы лучше, чтобы Михаилъ Беръ былъ крещенъ и чтобы онъ высказался относительно христіанства рѣзко, по алмансорски, вмѣсто того чтобы бережно обращаться и кокетничать съ нимъ».

Талантливый писатель, который съ такими убѣжденіями, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, пробылъ въ Берлинѣ, разумѣется, долженъ былъ быть привѣтствованъ тамошними борцами и представителями іудейства, какъ товарищъ по оружію. Но для того, чтобы понять реформаторское движеніе въ іудействѣ, которое исходило тогда изъ Берлина и въ которомъ Гейне принялъ участіе съ юношескимъ вдохновеніемъ, необходимо бросить здѣсь бѣглый взглядъ на начало этого умственнаго переворота.

Освобожденіе іудейства изъ подъ неподвижной власти законовъ, неспособныхъ къ развитію, идетъ параллельно съ пробужденіемъ и развитіемъ гуманистической мысли новаго времени; мало того, оно преимущественно должно считаться плодомъ послѣдняго. Покамѣсть ненависть и преслѣдованія производили свое давленіе на евреевъ и лишали ихъ всякаго участія въ жизни временъ и народовъ, было совершенно естественно, что они, унижаемые и презираемые, окружали угрожаемую святыню своей релегіи и своихъ нравовъ неприступной стѣною законодательныхъ положеній, связывавшихъ ихъ внутри и обособлявшихъ извнѣ. Настоящая жизнь не принимала ихъ въ свою среду и замкнула ихъ, на все время среднихъ вѣковъ, какъ орду прокаженныхъ въ недоступномъ для свѣжаго воздуха гетто. Слишкомъ слабыя для того, чтобы силою завоевать себѣ свои права, но въ тоже время слишкомъ вѣрные своей религіи, чтобы отказаться отъ нея ради земныхъ благъ,—имъ ничего не оставалось, какъ погрузиться въ мечтательное воспоминаніе объ изчезнувшемъ прошломъ и искать утѣшенія въ мессіянской надеждѣ на лучшее будущее. Отдѣленные какъ бы пламенемъ отъ окружающаго ихъ внѣшняго міра, они не чувствовали въ своей уединенной герметически закрытой кельи свѣжаго вѣянія исторіи и ничего не знали о прогрессѣ народовъ въ жизни, искусствахъ и наукахъ. Цѣлое слишкомъ тысячелѣтіе, теократическое зданіе ихъ рели-

гіи и нравовъ оставалось почти безъ всякаго измѣненія, законы, данныя Моисеемъ еврейскому народу въ странѣ, окруженной безкультурными народами, и при совершенно другихъ климатическихъ условіяхъ, сопровождали его, какъ священное наслѣдіе отцовъ, въ изгнаніе на дальній западъ. Живая традиція вѣка пророковъ окаменѣла и превратилась въ неизмѣняемую письменность, присовокупившую къ книгамъ Ветхаго Завѣта Мишну и Талмудъ, остроумное толкованіе и объясненіе которыхъ составляли всю жизненную задачу еврейскихъ ученыхъ.

Первый лучъ свѣта въ этотъ полуночный мракъ бросило свѣтлое, лучезарное появленіе Моисея Мендельсона. Современникъ и другъ Лессинга, онъ мужественно вкушалъ отъ запрещеннаго дерева не-еврейскаго образованія и полными глотками пилъ изъ источника современнаго живаго знанія, и лучшіе и благороднѣйшіе изъ христіанъ уважали и любили его и даже старались, какъ напримѣръ Лафатеръ въ своемъ знаменитомъ посланіи, привлечь его въ свою религію. Но Мендельсонъ оставался непоколебимо вѣренъ религіи предковъ, строго соблюдалъ законы Моисея и показалъ современникамъ примѣръ, что можно остаться евреемъ и все таки принимать участіе въ современной жизни и наукѣ Своимъ переводомъ библейскихъ книгъ на чистый нѣмецкій языкъ, напечатанный имъ еврейскими буквами, онъ нанесъ смертный ударъ пресловутой школьной системѣ польскихъ равиновъ; этимъ онъ далъ средство евреямъ познакомиться съ неиспорченнымъ нѣмецкимъ языкомъ, нѣмецкой національностью и литературой, и сильно содѣйствовалъ тому, чтобы мало по малу въ основаніе воспитанія еврейскаго юношества, вмѣсто прежняго исключительно-еврейски талмудическаго направленія, легло и чисто нѣмецкое образованіе. Великое значеніе его дѣятельности и жизни состояло въ томъ, что онъ собственнымъ примѣромъ показалъ, что и евреи имѣютъ возможность участвовать въ общемъ трудѣ человѣчества и его плодахъ, и тамъ, гдѣ ненависть и предразсудки дѣлали невозможной всякую попытку къ сближенію — пріобрѣтать признательность и силу, уваженіе и любовь. Друзья и ученики Мендельсона—назовемъ только Гартвига Вессели, Герца Домберга, Давида Фридлендера и Лазаря Бендавида — продолжали въ области школьнаго образованія дѣйствовать въ смыслѣ своего наставника. Въ Берлинѣ, гдѣ еще въ 1778 г. была открыта первая еврейская безплатная школа, на основаніи нѣмецко-національной системы преподаванія, они старались мало-по-малу вытѣснять одностороннее, замкнутое, принявшее ложное направленіе польско-раввинское образованіе. Два великіе монарха покровительствовали пробужденію іудейства изъ тысячелѣтняго окоченѣнія своими гуманными за-

конами. Фридрихъ II, объявившій, «что въ его земляхъ каждый можетъ сдѣлатъся блаженнымъ по своему собственному образцу», 17 апрѣля 1750 г. далъ евреямъ «генеральную привилегію», вслѣдствіе которой, существовавшій до тѣхъ поръ относительно евреевъ произволъ замѣненъ былъ законодательными, правда во многихъ отношеніяхъ стѣснительными, но за то опредѣленными постановленіями.

Эдиктъ терпимости, обнародованный Іосифомъ II въ 1781 г., не только даровалъ австрійскимъ евреямъ большую часть гражданскихъ правъ, но возложилъ на нихъ, сверхъ того, обязанность заботиться о воспитаніи своихъ дѣтей, открытіемъ и содержаніемъ цѣлесообразныхъ общественныхъ школъ. Но тогдашнее поколѣніе еще не созрѣло для пониманія благодѣяній, которыми благомыслящій монархъ осыпалъ его по собственному побужденію. Какъ іезуиты въ глазахъ своихъ католическихъ собратовъ старались выставить стремленія монарха къ религіозной терпимости богопротивнымъ дѣломъ антихриста, такъ и раввины изображали своимъ единовѣрцамъ дарованныя имъ благодѣянія современнаго воспитанія юношества грозной опасностью для іудейства и упорно сопротивлялись всякой коренной реформѣ. Но все сильнѣе и могущественнѣе неслась по свѣту буря свободныхъ, обновляющихъ идей и пробудила человѣчество отъ его тяжелаго мертвеннаго сна. Далеко за океаномъ юный народъ сбросилъ съ себя цѣпи, сковавшія его молодую жизнь, и торжествовалъ свою побѣду объявленіемъ міру правъ человѣка. Европа слышала слово, произнесенное Америкой. Франція восторженно повторила его; престолы разлетѣлись въ щепки при его чарующемъ звукѣ и «свобода, равенство и братство!» стали лозунгомъ заблиставшаго новаго времени. И евреи, ознакомившіеся, посредствомъ сочиненій Вольтера и Руссо, съ идеями равенства французской революціи, прислушивались съ громко-бьющимся сердцемъ къ радостной вѣсти. Но не успѣли они еще сдѣлать серьезную попытку пріобрѣсти человѣческія права, которыхъ они такъ долго были лишены, какъ эти права достались имъ сами. Но и на этотъ разъ дѣло шло еще не о внутреннемъ преобразованіи собственными силами обычаевъ и нравовъ евреевъ, а смѣлый любимецъ судьбы, Наполеонъ, котораго они привѣтствовали почти какъ давно ожидаемаго ими Мессію, взялъ въ свои желѣзныя руки перерожденіе еврейской жизни и, посредствомъ рѣшеній созваннаго имъ въ Парижѣ собранія депутатовъ и послѣдовавшаго за нимъ великаго Синедріона, постарался привести въ согласіе вѣру и нравы евреевъ съ ихъ обязанностями, какъ французскихъ гражданъ. Какъ незначительны ни были непосредственные результаты этой попытки преобразованія подъ

вліяніемъ государственной власти, однакоже, они содѣйствовали непомѣрному возбужденію умовъ, вслѣдствіе прямаго объявленія Синедріона, что религіозныя предписанія Библіи по своей природѣ хотя не измѣнимы, но политическія велѣнія ея находятся въ зависимости отъ времени и обстоятельствъ и съ разрушеніемъ царства Израильскаго потеряли свою прежнюю силу. Еще большее вліяніе на развитіе іудейства имѣла война за освобожденіе. Тяжкіе годы чужеземнаго владычества и національнаго униженія, которые нѣмецкій еврей раздѣлялъ наравнѣ съ нѣмецкимъ народомъ, укрѣпилъ въ немъ чувство любви къ отечеству и сознаніе своего права участвовать въ страданіяхъ и радостяхъ всей націи, между тѣмъ, какъ съ другой стороны христіанская часть народонаселенія, страдая сама подъ чужеземнымъ гнетомъ, научилась сочувствовать угнетеннымъ и относиться къ нимъ съ большей справедливостью. Законъ 11 марта 1812 г. призналъ еврейскихъ подданныхъ безъ всякаго ограниченія прусскими государственными гражданами; онъ предоставилъ имъ въ полномъ объемѣ всѣ гражданскія права и обязанности. Хотя въ политическомъ отношеніи права ихъ еще были ограничены и самое осуществленіе этого закона въ послѣдующіе годы реакціи было, къ сожалѣнію, далеко неполное и несправедливо задерживалось: но одно пріобрѣтеніе, и самое важное, не было снова потеряно: іудейство было вырвано изъ прежняго застоя и обособленія и вовлечено въ живое теченіе современной исторіи; съ этихъ поръ оно стало бороться за свое право и за дальнѣйшее свое развитіе вмѣстѣ и на равнѣ съ не-еврейскими соотечественниками, которыхъ угнетали тѣже оковы и съ которыми сообща должно было бороться противъ общаго врага. Тѣже самые германофильствующіе фанатики, аристократы и легитимисты, которые отказывались признать евреевъ нѣмцами и свободными гражданами, были въ то же время и грубыми реставраторами средневѣковаго государства, неумолимыми противниками всякаго свободнаго движенія впередъ на религіозномъ, соціальномъ и политическомъ поприщѣ. Поэтому, исторія эманципаціи евреевъ отъ 1815 года по настоящее время неразрывно связана съ исторіей развитія умственной и государственной жизни новаго времени, и какъ послѣдняя поднималась неудержимо на высшую ступень, не смотря на всѣ колебанія и толчки назадъ, точно также и іудейство можетъ указать на совершенный имъ въ это же время процессъ великаго, собственною силою достигнутаго, прогресса.

Заслуга внутренняго освобожденія іудейства отъ неподвижнаго обособленія талмудически-раввинской традиціи и оплодотворенія его культурными элементами новѣйшаго времени принадлежитъ по преимуществу двумъ мужамъ. Первый изъ нихъ Давидъ

Фридлендеръ (род. въ Кенигсбергѣ въ 1750 г.), пріѣхалъ въ 1770 г. въ Берлинѣ, гдѣ онъ вплоть до глубокой старости дѣйствовалъ на пользу улучшенія гражданскаго быта своихъ единовѣрцевъ и современной реформы еврейскаго воспитанія. Ему-то преимущественно евреи обязаны устройствомъ выше упомянутаго безплатнаго училища, которое имѣло самое благодѣтельное вліяніе на образованіе бѣднѣйшаго класса народа и мало по малу находило себѣ подражанія въ другихъ значительныхъ общинахъ.

Сильно мѣшало осуществленію гуманныхъ стремленій давленіе, производимое на совѣсть евреевъ лишенными свѣтскаго образованія раввинами, которые, поэтому, сами не могли участвовать въ школьной реформѣ и угрожали приверженцамъ ея исключеніемъ изъ религіозной общины и лишеніемъ правъ въ этой сферѣ.

Въ запискѣ, представленной Фридлендеромъ въ 1787 г., во время переговоровъ между евреями и прусскимъ правительствомъ о гражданскомъ положеніи ихъ, онъ яркими красками изобразилъ вредъ, производимый этою властью раввиновъ. Трудъ его увѣнчался счастливымъ успѣхомъ: 5 іюня 1792 г. было издано королевское предписаніе, которымъ, вмѣстѣ съ другими враждебными мѣрами прежняго времени, отмѣнялась всякая власть раввиновъ на совѣсть ихъ единоверцевъ. Въ этомъ же году учреждено въ Берлинѣ «Общество друзей», которое въ продолженіе долгаго времени мужественно участвовало въ борьбѣ противъ вкоренившихся злоупотребленій раввинскихъ обычаевъ. Но вѣковой предразсудокъ лишь медленно уступалъ напору, и скоро оказалось, что масса евреевъ упорно держится своей старой неподвижности, а лишь незначительное число образованныхъ, подъ вліяніемъ французскихъ энциклопедистовъ и развивавшейся въ Германіи критической философіи, пришло въ внутреннее столкновеніе съ устарѣвшими формами синогоги и мечтало о прогрессѣ, который выше іудейства—о свободной человѣчности и общей религіи разума. Переходъ въ христіанство необходимо возложилъ бы на этихъ свободныхъ мыслителей тяжесть новыхъ обрядовъ и новыхъ догматовъ, которыхъ они также мало признавали, какъ и обряды и догматы синагоги. Чтобы найти выходъ изъ этого внутренняго разлада, Фридлендеръ обратился въ 1799 г. съ открытымъ посланіемъ къ свободномыслящему пробсту Теллеру и просилъ его совѣта: какимъ образомъ честному еврею, не желающему произнести лицемѣрное признаніе, возможно вступить въ великую среду тѣхъ, которые называютъ себя христіанами? Какъ сильно ни порицали этотъ шагъ съ обѣихъ сторонъ и какъ холоденъ и уклончивъ ни былъ отвѣтъ богослова-раціоналиста, однакожъ, въ наивномъ вопросѣ Фридлендера явно высказывается желаніе образованныхъ

евреевъ соединиться съ прочими элементами новѣйшей государственной и культурной жизни, чтобы вмѣстѣ съ ними принимать участіе въ общемъ міровомъ движеніи.

Въ подобномъ же духѣ, но съ бóльшимъ тактомъ и соотвѣтственно требованіямъ времени дѣйствовалъ Израиль Якобсонъ. Этотъ благородный человѣкъ не только употреблялъ свое значительное богатство и личное вліяніе на монарховъ и высокопоставленныхъ государственныхъ людей (онъ былъ придворнымъ агентомъ герцога Брауншвейгскаго) для того, чтобы облегчить внѣшнее положеніе евреевъ, освобожденіемъ ихъ отъ тяжелыхъ налоговъ и отмѣной оскорбительныхъ законовъ, но также существенно содѣйствовалъ процессу внутренняго перерожденія іудейства. Въ 1801 году онъ на собственныя средства, пожертвовавъ больше 100,000 талеровъ, основалъ въ Сезенѣ для бѣдныхъ еврейскихъ дѣтей общеобразовательное училище, въ которомъ принимали и христіанскихъ воспитанниковъ, и спустя нѣсколько лѣтъ въ этомъ быстро-процвѣтавшемъ институтѣ ихъ было уже 20 человѣкъ. По этому же образцу было открыто въ 1807 г. воспитательное заведеніе въ Вольфенбюттелѣ зятемъ Якобсона, Исаакъ-Герцъ Самсономъ, подъ руководствомъ Эренберга. Когда король Жеромъ въ 1808 г., послѣ совершившагося уравненія еврейскихъ жителей Вестфалькаго королевства съ ихъ христіанскими согражданами, учредилъ въ Касселѣ еврейскую консисторію, онъ назначилъ президентомъ ея почтеннаго Якобсона. Послѣдній воспользовался своимъ новымъ назначеніемъ прежде всего для того, чтобы попытаться произвести реформу въ дѣлѣ культа. Совершенно цѣлеобразно началъ онъ свою реформу съ школьнаго воспитанія: значительнымъ успѣхомъ было уже то, что въ упомянутыхъ воспитательныхъ заведеніяхъ и въ училищѣ, открытомъ въ 1809 г. въ Касселѣ, Законъ Божій, прежде безчетно предоставлявшійся невѣжественнымъ раввинамъ, преподавался въ систематическомъ порядкѣ дѣльными наставниками. Богаче послѣдствіями было то обстоятельство, что при Кассельскомъ общественномъ училищѣ устроена была особенная молельня, въ которой ученики собирались по субботамъ для молитвы. Вмѣстѣ съ главными молитвами на еврейскомъ языкѣ, хорошо обученный хоръ пѣлъ пѣсни и молитвы на языкѣ нѣмецкомъ, и члены консисторіи, преимущественно президентъ ея Якобсонъ, произносили часто краснорѣчивыя проповѣди передъ воспитанниками заведенія. Вскорѣ и родители воспитанниковъ стали принимать участіе въ этомъ новомъ богослуженіи, которое получило еще большее значеніе, когда Якобсонъ выстроилъ при своемъ институтѣ въ Сезенѣ прекрасный храмъ и снабдилъ его органомъ. Храмъ

былъ открытъ 17 іюля 1810 г. съ блистательной торжественностью — какъ первый еврейскій храмъ, въ которомъ достойнымъ образомъ и въ стройномъ порядкѣ совершалось богослуженіе на нѣмецкомъ языкѣ, при пѣніи нѣмецкихъ пѣсенъ и звукахъ органа. Съ этимъ началомъ, нѣмецкій языкъ изъ школьной сферы перешелъ и въ религіозную, и если этотъ примѣръ не нашелъ еще болѣе подражателей, то это слѣдуетъ приписать главнымъ образомъ тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ. Якобсонъ, однако, ни на минуту не переставалъ заниматься своими преобразовательными планами, не смотря на то, что перемѣна политическихъ обстоятельствъ принудила его перемѣнить мѣсто и форму своей дѣятельности. Переселившись въ Берлинъ, онъ въ 1815 г., по образцу богослуженія въ Сезенѣ и Касселѣ, устроилъ такое же частное богослуженіе, сначала въ своемъ собственномъ домѣ, а послѣ, когда многіе стали принимать участіе въ немъ — въ большомъ салонѣ Герца Бера (отца Михаила и Мейер-Бера). Сначала онъ самъ руководилъ имъ, но впослѣдствіи за это взялись и другіе свободномыслящіе и даровитые ораторы — Клей, Гинзбургъ, Ауербахъ и Цунцъ.

Послѣ того, какъ, такимъ образомъ, положено было начало реформѣ іудейства въ дѣлѣ воспитанія и культа, нѣкоторые вдохновенные юноши, усвоившіе себѣ плоды нѣмецкаго просвѣщенія, возъимѣли смѣлую мысль создать общій центръ для народнаго развитія, которое до сихъ поръ ограничивалось отдѣльными попытками безъ всякой систематической связи, и проведеніемъ начатаго движенія на историческо-прочномъ и научномъ основаніи положить конецъ ощупыванію и гадательнымъ опытамъ. Происходившія въ 1819 г. въ нѣкоторыхъ городахъ грубыя нападенія черни на евреевъ дали внѣшній толчекъ осуществленію этой мысли*). Совѣщанія о средствахъ, которыми на будущее время можно было бы предотвратить подобныя сцены и закрыть источникъ ненависти и предубѣжденій противъ приверженцевъ іудейства, все яснѣе привели къ сознанію, что сама еврейская жизнь нуждается еще въ основательномъ про-

*) «Это было въ исходѣ 1819 г., когда мы собрались въ первый разъ. Во многихъ городахъ германскаго отечества происходили тѣ страшныя сцены, которыя многихъ заставляли предполагать непредвидѣнное возвращеніе къ среднимъ вѣкамъ. Мы собрались, чтобы помогать тамъ, гдѣ было нужно, чтобы посовѣтоваться о средствахъ, которыми вѣрнѣе можно дѣйствовать противъ вкоренившагося зла. Болѣе спеціальныхъ цѣлей мы тогда не имѣли въ виду». «Полугодичный отчетъ Общества культуры и науки евреевъ», читанный 28 апрѣля 1822 г. Э. Гансомъ.

свѣщеніи для того, чтобы соотвѣтствовать требованіямъ современнаго государства и идеальнымъ стремленіямъ вѣка. Для руководства этимъ дѣломъ составилось 7-го ноября 1819 г. «Общество культуры и науки евреевъ», которое имѣло свой главный центръ въ Берлинѣ, но которое въ скоромъ времени считало своими членами самыхъ энергическихъ бойцевъ еврейской реформы во всѣхъ концахъ Германіи. Хотя «Общество» это существовало немногимъ болѣе четырехъ лѣтъ и его серьезная, но не шумная дѣятельность до сихъ поръ не нашла себѣ достойной оцѣнки даже въ сочиненіяхъ еврейскихъ историковъ, тѣмъ не менѣе всѣ съ тѣхъ поръ добытые успѣхи возрожденія еврейской жизни въ школѣ, синагогѣ, культурѣ и наукѣ, исходятъ изъ членовъ этого союза, или же изъ сѣмени, ими распространеннаго.

Какъ основателей и главныхъ руководителей этого общества должно назвать Эдуарда *Ганса*, Леопольда *Цунца* и Моисея *Мозера*, которые представляли собою гражданскую свободу, науку и идею практическихъ реформъ. Но прежде, чѣмъ мы подробнѣе остановимся на ихъ дѣятельности и на дѣятельности ихъ выдающихся сотрудниковъ, да позволено будетъ намъ бросить взглядъ на тенденціи этого союза и на учрежденія, при посредствѣ которыхъ онъ старался проводить свою основную руководящую идею. Эта основная идея ясно выражена въ предисловіи къ уставу этого общества, напечатанному въ январѣ 1822 г. (Берлинъ, у Ферд. Нитака). Тамъ, между прочимъ, говорится: «Анормальное отношеніе между внутреннимъ состояніемъ евреевъ съ ихъ внѣшнимъ положеніемъ среди другихъ народовъ, продолжающееся уже столько вѣковъ, но особенно выдающееся въ новѣйшее время, которое своимъ всесильнымъ умственнымъ переворотомъ вызвало и у евреевъ совершенно новыя стремленія, ежедневно усиливающія томительное чувство противорѣчія, настоятельно требуетъ полной переработки своеобразнаго еврейскаго образованія и образа жизни и усвоенія имъ того положенія, котораго достигъ остальной европейскій міръ. Если эта переработка существенно можетъ исходить лишь непосредственно отъ самихъ евреевъ, то она все таки не можетъ быть дѣломъ всѣхъ, а напротивъ, лишь болѣе образованные должны взять на себя починъ въ этомъ дѣлѣ. Для достиженія этой цѣли составляется общество, союзъ такихъ людей, которые чувствуютъ въ себѣ силу и призваніе для этого предпріятія, для приведенія евреевъ, внутреннимъ преобразованіемъ ихъ, въ гармонію съ вѣкомъ и государствами, въ которыхъ они живутъ. Какъ обширна сама цѣль общества, такъ обширна должна быть и законная его дѣятельность. Чтобы преслѣдовать эту цѣль во всевозможныхъ направленіяхъ,

общество это не должно упускать дѣйствовать, какъ сверху внизъ, образованіемъ твердой почвы для вовлеченной въ новый кругъ жизни массы, при помощи значительныхъ и дѣльныхъ научныхъ работъ, которымъ оно должно доставить доступъ и возбудить къ нимъ интересъ—такъ и снизу вверхъ, анализированіемъ взглядовъ на жизнь различныхъ слоевъ общества сдѣлать почву способною для оплодотворенія болѣе чистыми идеями. Съ одной стороны, такимъ образомъ, будутъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, что можетъ расширить кругъ интеллигенціи, какъ напримѣръ: учрежденіе училищъ, семинарій, академій, энергическое поощреніе литературныхъ и другихъ публичныхъ работъ всякаго рода; но съ другой стороны будутъ стараться, побужденіемъ молодаго поколенія къ изученію ремеслъ, искуствъ, земледѣлія и наукъ и занятію ими, и подавленіемъ односторонней склонности къ торговлѣ, равно какъ преобразованіемъ тона и общественныхъ отношеній, преодолѣвать негармонирующія съ цѣлымъ особенности».

Учредители общества, которые имѣли въ виду такую высокую цѣль, при болѣе хладнокровномъ разсмотрѣніи находящихся въ ихъ распоряженіи средствъ, должны были придти къ сознанію, что это химерическая надежда—обнять всю жизнь во всей ея многосторонности. Для того, чтобы силы членовъ не тратились въ безполезномъ ощупываніи во всевозможныхъ направленіяхъ, для того, чтобы достичь опредѣленнаго результата на одномъ какомъ либо поприщѣ, общество должно было на первое время установить болѣе тѣсный и ясно опредѣленный кругъ своей дѣятельности. Не отказываясь отъ своей основной идеи, общество, поэтому, ограничилось чисто-научной стороной дѣла и непосредственно связанными съ нею практическими цѣлями. «Въ этомъ ограниченіи», обращается Гансъ къ членамъ общества въ своемъ отчетѣ, «вами руководствовало истинно-философское воззрѣніе. Если вы и чувствовали, что пока это только наука, которой вы можете служить запасомъ вашихъ силъ и средствъ, то вы все таки не впадали въ односторонность и не забывали всѣхъ остальныхъ отношеній жизни. Совокупность всѣхъ явленій жизни все таки оставалась вашей основною задачей. Точно также какъ владѣлецъ не отказывается ни отъ одной части своего имѣнія, потому что онъ въ одно и то же время не можетъ быть во всѣхъ его частяхъ, такъ точно и вы не отказались ни отъ какой части своей дѣятельности, потому что вамъ невозможно было начать всѣ ихъ разомъ».

Первое твореніе, которое общество вызвало къ жизни для осуществленія своихъ цѣлей, былъ «Научный Институтъ», созданный общестомъ и подчиненный его законодательству союзъ для совмѣстной разработки всѣхъ предметовъ, касающихся евреевъ и еврейства.

Эдуардъ Гансъ, въ упомянутомъ отчетѣ, слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ мысль, легшую въ основаніе этого «Института»: «Та часть науки, которая обнимала религіозныя, историческія и философскія стремленія евреевъ, въ томъ видѣ, какъ съ нею обращались до сихъ поръ, была лишена или свободы, или самостоятельности. Невѣжественные раввины, уже заранѣе предубѣжденные относительно того, что они должны были еще изслѣдовать, разсматривая іудейство не какъ часть великаго цѣлаго, а какъ исключительную изоллированную, науку безъ всякаго соотношенія съ другими отраслями, не только не подготовили новой обработки, но отъ нихъ и нельзя было ожидать этого, такъ какъ имъ были чужды всѣ остальные предметы, за исключеніемъ лишь того поля, которое приходилось обработывать. Что есть хорошаго и дѣльнаго, то, большею частью, сдѣлано христіанскими учеными. Но если первымъ недоставало свободы, то послѣдніе очень часто лишали науку іудейства необходимой самостоятельности: она, къ сожалѣнію, слишкомъ часто играла тутъ роль слуги христіанской учености, и только въ этомъ смыслѣ ее изучали и обращались съ нею. Вызвать обработку этой части науки, на основаніи свободнаго изслѣдованія и безъ всякаго предвзятаго рѣшенія, но предоставляя ей въ то же время самостоятельность, принадлежащую всякой части цѣлаго — это должно было быть первымъ вашимъ дѣломъ. Вы осуществили эту мысль, создавъ учрежденіе, члены котораго обработываютъ эту науку по общему плану, непосягающему, однако, на свободу всякаго отдѣльнаго члена».—Въ засѣданіяхъ «Института» могъ присутствовать, въ качествѣ слушателя, всякій членъ «Общества». «Научный Институтъ» составился изъ литературныхъ силъ «Общества», которыя читали свои новыя произведенія въ правильныхъ засѣданіяхъ, гдѣ происходили свободныя пренія обо всѣхъ возникавшихъ вопросахъ. Упомянутые выше учредители «Общества» служили и здѣсь образцемъ неутомимаго усердія и прилежанія. Гансъ прочелъ восемь рѣчей о римскомъ законодательствѣ относительно евреевъ; кромѣ того, онъ написалъ статьи объ исторіи евреевъ въ Англіи о Моисеево-талмудическомъ наслѣдственномъ правѣ, а также статью о послѣдовавшемъ 1 января 1822 г. императорскомъ указѣ, уничтожившемъ кагальное управленіе польскихъ евреевъ. Большая часть статей Ганса была въ скоромъ времени напечатана въ журналѣ «Общества»; рядомъ съ тщательнымъ изученіемъ источниковъ онѣ обнаруживаютъ то остроумно-философское воззрѣніе на научно-юридическіе вопросы, которое нѣсколько лѣтъ спустя доставила ему блестящую славу. Цунцъ, въ цѣломъ рядѣ интересныхъ чтеній, изложилъ основныя черты будущей статистики евреевъ, на которыя вкратцѣ указано въ

третьемъ выпускѣ Журнала, составилъ статью o literae liquidae еврейскаго языка и показалъ примѣръ остроумнѣйшей критики напечатаннымъ въ Журналѣ же изслѣдованіемъ объ именахъ испанскихъ мѣстностей, упоминаемыхъ въ еврейскихъ сочиненіяхъ. Рядомъ съ этими учеными трудами спеціалистовъ, блисталъ Мозеръ своими общедоступными, но проникнутыми грандіозно-глубокимъ міровымъ воззрѣніемъ чтеніями о принципѣ еврейской исторіи, о вліяніи христіанства на евреевъ и о внѣшней исторіи послѣднихъ въ западныхъ странахъ. Въ то время, какъ Лудвигъ Маркусъ читалъ свои антикварныя изслѣдованія о земледѣліи евреевъ въ Палестинѣ и доказывалъ, что конфирмація дѣтей совершенно въ духѣ іудейства, юристъ Юлій Рубо говорилъ объ общинномъ устройствѣ евреевъ, а Эммануилъ Вольфъ (впослѣдствіи Вольвиль) развивалъ, какъ программу Журнала, понятіе о наукѣ іудейства, къ чему присоединилось его чтеніе о современномъ іудействѣ. Изъ другихъ городовъ прислана была «Институту»: Маймонъ-Франкелемъ изъ Гамбурга статью о новѣйшей исторіи евреевъ, а д-ромъ медицины Киршбаумомъ на еврейскомъ языкѣ изслѣдованіе «объ обычаяхъ мессіанскаго времени». Если прибавимъ, что «Научный Институтъ» въ 1821 г. намѣревался издать нѣмецкій переводъ Библіи и въ слѣдующемъ году представилъ «Обществу» отчетъ объ изданіи сочиненій Моисея Мельденсона, то этимъ въ существенныхъ чертахъ изложена будетъ дѣятельность этого учрежденія. Но важность этой многосторонней дѣятельности только тогда представится намъ въ надлежащемъ свѣтѣ, когда вспомнимъ, какъ рѣдко въ то время можно было найти между евреями настоящее научное стремленіе.

Въ первое десятилѣтіе нынѣшняго вѣка еще очень рѣдко можно было встрѣтить еврейскаго гимназиста, или еврея, окончившаго университетскій курсъ. Въ Вольфенбюттелѣ, напримѣръ, Цунцъ, въ 1809 г., былъ первымъ еврейскимъ гимназистомъ, и въ Берлинѣ, до самыхъ войнъ за освобожденіе, лишь очень немногіе еврейскіе родители считали нужнымъ дать своимъ дѣтямъ правильное гимназическое воспитаніе, уже потому, что развѣ лишь однимъ медикамъ представлялась возможность примѣнять свои научныя познанія. Даже тѣ евреи, которые изъ книгъ пріобрѣли уже нѣкоторое образованіе, относились, вслѣдствіе этого, довольно свысока къ систематической наукѣ. Такъ даже одинъ изъ членовъ кассельской консисторіи далъ одному молодому еврею, просившему о пособіи для продолженія своихъ филологическихъ и педагогическихъ занятій, слѣдующій оффиціальный отвѣтъ: «Мы не усматриваемъ, какая цѣль можетъ быть достигнута подобными занятіями».

Характеристичность этого примѣра для тогдашняго культурнаго состоянія евреевъ нисколько не ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что президентъ Якобсонъ, узнавъ объ этомъ, назначилъ просителю стипендію изъ своей собственной кассы. Мы, напротивъ того, должны заключить изъ этого, что все то, что было сдѣлано для измѣненія тогдашнихъ отношеній, зависѣло исключительно только отъ силы дѣятельности и готовности на жертвы со стороны превосходныхъ единичныхъ личностей. Насъ, поэтому, не можетъ удивлять, что научныя стремленія «Общества» далеко не находили того сочувствія среди евреевъ, котораго они безъ сомнѣнія заслуживали. Даже первая попытка составить полную «исторію израильтянъ», которую І. М. Іостъ, также членъ «Общества», началъ писать въ 1819 г., была сначала принята довольно холодно, и такая же участь постигла «Журналъ для науки іудейства», который издавался «Обществомъ» подъ руководствомъ д-ра Цунца. Появились только три выпуска этого журнала, и сбытъ ихъ былъ до того незначителенъ, что даже не покрывалъ расходовъ на печать.

Тѣмъ не менѣе статьи, помѣщенныя въ этомъ журналѣ, показываютъ, что редакція и сотрудники весьма ясно сознавали ту цѣль, къ которой они стремились, хотя они съ другой стороны ошиблись на счетъ того сочувствія, которое они расчитывали встрѣтить у своихъ лучшихъ и болѣе образованныхъ единовѣрцевъ. Руководящая статья Эммануила Вольфа въ первомъ выпускѣ ясно опредѣляетъ понятіе имѣвшей разработываться еврейской науки. Духовнымъ принципомъ іудейства выставляется «идея безусловнаго единства во всемъ», какъ это выражено въ словѣ «Ісгова», осуществлено и отчасти развито въ Моисеевой теократіи и превращено впослѣдствіи въ талмудизмѣ, подъ тяжелымъ гнетомъ преслѣдованій, въ неподвижную схоластическую формулу. Задача науки, поэтому, «представить іудейство, сперва исторически — такъ, какъ оно образовалось и развивалось съ теченіемъ времени,—а затѣмъ философски—согласно его внутренней сущности и понятію. Но всему этому должно предшествовать филологическое познаніе литературы іудейства».

Спеціальностью имѣвшей образоваться науки сдѣлались, такимъ образомъ, филологія, исторія и философія іудейства, и весьма естественно, что при такомъ научномъ отношеніи къ дѣлу должна выясниться и современная идея, въ современномъ іудействѣ. Европейскому обществу, которое все еще находилось въ нерѣшимости относительно того положенія, которое должно предоставить евреямъ, научное познаніе іудейства должно дать важный масштабъ достоинства и способности евреевъ быть уравненными съ прочими гражданами государства. Но и внутренній міръ іудейства тоже лишь путемъ науки можетъ достигнуть соотвѣт-

ственнаго времени развитія; ибо точка зрѣнія науки есть господствующая въ наше время. «Евреи, съ своей стороны, должны выказать себя дѣятельными участниками въ общемъ дѣлѣ человѣчества, они должны поднять себя и свой принципъ на научную точку, ибо эта послѣдняя господствуетъ нынѣ въ европейской жизни. На этой точкѣ должна исчезнуть отчужденность, въ которой до сихъ поръ находились евреи и іудейство по отношенію къ внѣшнему міру. И если когда либо все человѣчество должно соединиться въ одинъ союзъ, то это будетъ союзъ науки, союзъ чистой разумности, союзъ истины».

Какъ основательно сотрудники Журнала старались выполнять эту програму, показываютъ уже названныя выше статьи Ганса и Цунца. Послѣдній представилъ также изслѣдованіе о *Раши*, основателѣ нѣмецко-французской раввинской литературы одиннадцатаго вѣка—трудъ, столь же отличающійся изумительною начитанностью въ еврейскихъ письменахъ среднихъ вѣковъ, сколько и остроумнымъ систематизированіемъ и пользованіемъ повсюду разсѣяннаго матеріала. Почтенный Давидъ Фридлендеръ, въ цѣлой серіи писемъ о чтеніи Св. Писанія, указываетъ на необходимость доставить лучше еврейскому юношеству хорошіе учебники морали и исторіи на доступномъ и убѣдительномъ языкѣ, чѣмъ утомлять его изученіемъ еврейскаго языка и безплоднаго раввинскаго словопренія! При этомъ онъ представилъ нѣмецкій переводъ двухъ главъ изъ Мишны съ объясненіемъ, что положеніями, выставленными имъ относительно взгляда на Библію, онъ преимущественно обязанъ Гердеру и Эйхгорну. Весьма интересна также статья Лазаря Бендавида о мессіанской вѣрѣ евреевъ, въ которой въ высшей степени остроумно доказывается, что ожиданіе мессіи вовсе не принадлежитъ къ основнымъ положеніямъ еврейской религіи. «Никто, поэтому»—такъ гласитъ практическій выводъ этого ученаго изслѣдованія—«не долженъ упрекать еврея за то, что онъ видитъ своего мессію въ томъ, что добрые монархи уравниваютъ ихъ съ другими своими гражданами и внушаютъ ему надежду, что онъ, исполняя всѣ обязанности гражданина, достигнетъ и всѣхъ правъ его». Другою статьей того же автора начинается рядъ критическихъ изслѣдованій о пятикнижіи, результатъ которыхъ есть положеніе, что пять книгъ Моисея написаны не имъ, а это, основанное на преданіи, произведеніе позднѣйшаго времени. Изслѣдованіе Лудвига Маркуса о природной сторонѣ еврейскаго государства составляетъ введеніе къ обширному труду объ аграрномъ положеніи Палестины и о познаніяхъ палестинскихъ евреевъ въ эмпирическомъ естествовѣдѣніи. Л. Бернгардтъ дѣлаетъ своеобразный, но небезполезный для опытнаго познанія души опытъ составленія эмпирической психологіи

евреевъ въ талмудическую эпоху изъ подлежащихъ сочиненій. Вопросомъ о гражданской равноправности евреевъ занимается, подписанная буквой—о (Рубо?) рецензія сочиненія свободномыслящго профессора эрлангенскаго университета Липса: «О будущемъ положеніи евреевъ въ германскихъ союзныхъ государствахъ».

Разсматривая это богатое содержаніе Журнала и равнодушный, почти отталкивающій пріемъ его въ еврейскихъ кругахъ, мы дѣйствительно должны придти къ заключенію, что почва тогда не была еще достаточно подготовлена для такого великолѣпнаго сѣмени. «Молодая Палестина» — такъ называемъ мы этихъ опередившихъ теченіе времени герольдовъ новыхъ идей—при томъ не научилась еще облечь свои реформаторскія стремленія въ такой народный языкъ, какъ это десять лѣтъ спустя мастерски съумѣла сдѣлать «Молодая Германія». Гейне, который въ половинѣ 1822 года также сдѣлался членомъ этого «Общества», не безъ основанія, въ письмѣ къ Цунцу, подсмѣивается надъ стилическою неповоротливостью большей части статей. «Я уже получилъ Журналъ, пишетъ Гейне, разрѣзъ его, перелистывалъ и отчасти съ досадой читалъ его. Я и не думаю отрицать, что статьи Журнала хороши, но я откровенно долженъ сознаться, и хоть бы это узналъ даже самъ редакторъ*):—большая часть, даже три четверти третьей книги совершенно неперевартма, вслѣдствіе ея безобразной внѣшней формы. Я не требую, чтобъ въ Журналѣ былъ языкъ Гете, но я требую, чтобъ онъ былъ понятенъ, и я твердо убѣжденъ, что то, чего я не понимаю, не пойметъ также и Давидъ Леви, Израиль Мозесъ, Натанъ Ицигъ, а можетъ быть даже и Ауэрбахъ II. Я изучалъ всѣ сорты нѣмецкаго языка—нарѣчіе саксонско-нѣмецкое, швабско-нѣмецкое, франко-нѣмецкое—но *нашъ журнально-нѣмецкій языкъ* представляетъ мнѣ наибольше трудностей. Еслибъ я не зналъ случайно чего добиваются Лудвигъ Маркусъ и докторъ Гансъ, то рѣшительно не понялъ бы ихъ. Но кто въ Европѣ достигъ первенства въ обезображеніи слога — такъ это Л. Бернгардтъ. Бендавидъ пишетъ ясно, но то, что онъ пишетъ, не соотвѣтствуетъ ни времени, ни нашему повременному изданію. Это такія статьи, которыя въ 1786 г. годились бы для «Богословскаго журнала». Я очень хорошо знаю, что я не долженъ высказать вамъ эти жалобы, не указывая при этомъ, гдѣ можно найти лучшія статьи; я знаю очень хорошо, что я, который еще ничего не представилъ и ничего не приго-

*) Редакторомъ былъ самъ Цунцъ.

товилъ, совершенно долженъ молчать. Кромѣ того, я знаю, что вы всѣ будете читать это съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ, но— читать вы будете. Настаивайте, пожалуйста, у сотрудниковъ Журнала на культурѣ слога. Безъ этой нельзя споспѣшествовать и никакой другой культурѣ».

Если «Научный Институтъ» и Журналъ его, какъ это уже показываетъ названіе, стремились преимущественно къ изслѣдованію и распространенію высшей науки, то основанное «Обществомъ» учебное заведеніе имѣло цѣлью удовлетворять непосредственнымъ и настоятельнымъ практическимъ потребностямъ. Ежегодно, преимущественно изъ Польши и пограничныхъ мѣстностей, прибывало въ Берлинъ множество еврейскихъ мальчиковъ и юношей, чтобы найти тамъ обученіе и пропитаніе. Не обладая ни однимъ языкомъ, эти молодые люди не имѣли ни средствъ, ни предварительныхъ свѣдѣній, чтобы посѣщать общія учебныя заведенія, расчитанныя для совершенно другаго культурнаго состоянія. Жалуется же «Общество», въ сочиненномъ Бендавидомъ посланіи къ берлинской еврейской общинѣ *), что даже берлинская безплатная школа имѣетъ въ числѣ своихъ воспитанниковъ многихъ бѣдныхъ мальчиковъ изъ провинціи, которые не въ состояніи правильно посѣщать уроки и потому ихъ напрасно бранятъ лѣнтяями, если ихъ иногда, во время ученія, встрѣчаютъ на улицѣ. «Но вы не знаете положенія этихъ несчастныхъ мальчиковъ. Одинъ получаетъ даровой обѣдъ, единственный, можетъ быть, во всю недѣлю, за которымъ онъ ѣстъ что нибудь горячее; можетъ-ли онъ отказать своему благодѣтелю въ исполненіи какого либо порученія? Другой, третій и четвертый получаютъ отъ добраго человѣка ежемѣсячное пособіе, за полученіемъ котораго они должны являться въ извѣстное время, и т. д. Видите, хулители! Пусть будетъ вамъ извѣстно, что въ послѣднія двѣ недѣли предъ Пасхой, вы не найдете въ училищѣ ни одного изъ взрослыхъ мальчиковъ. Знаете-ли вы также — почему? Потому, что они до того бѣдны, что вынуждены наниматься у булочниковъ, пекущихъ пасхальный хлѣбъ, и работаютъ тамъ двѣ недѣли днемъ и ночью, чтобъ пріобрѣсти нѣсколько талеровъ и быть въ состояніи купить одежду на цѣлый годъ!»

Сознаніе необходимости и значенія общаго образованія стало мало по малу обнаруживаться и въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ, и даже молодые талмудическіе ученики въ Польшѣ стали революціровать, когда раввины хотѣли запретить имъ изученіе

*) Въ 1823 г. въ «Четырнадцатомъ отчетѣ о состояніи еврейской безплатной школы въ Берлинѣ» стр. 14.

всякаго другаго языка, кромѣ еврейскаго. Одинъ изъ такихъ учениковъ, посѣщавшій раввинскую академію въ Познани, однажды, во время вечерней молитвы, имѣлъ въ карманѣ нѣмецкую азбуку; онъ получилъ рѣзкій выговоръ отъ раввина за этотъ проступокъ, и когда заявилъ, что не отказывается отъ намѣренія изучать нѣмецкій языкъ, то былъ преданъ проклятію. Этотъ случай вызвалъ общее возстаніе бахуровъ: болѣе двадцати учениковъ, изучавшихъ Талмудъ, отказались повиноваться строгоблагочестивому раввину и вмѣстѣ уѣхали въ Берлинъ, чтобы пріобрѣсти тамъ болѣе солидное и не столь исключительное образованіе.

Если нѣкоторые изъ этихъ жаждавшихъ науки юношей — какъ напримѣръ, виновникъ революціи, который сначала отправился въ Гамбургъ и, не смотря на свои двадцать лѣтъ, сѣлъ на скамью низшаго класса основанной тамъ въ 1816 г. безплатной школы рядомъ съ крошечными дѣтьми, лишь бы имѣть возможность изучать нѣмецкій языкъ — не останавливались ни предъ какимъ честнымъ средствомъ, которое могло ихъ приблизить къ цѣли, то все жъ таки было ясно, что для такихъ и множества подобныхъ случаевъ уже существующія заведенія не соотвѣтственны. «Общество», поэтому, для подобныхъ молодыхъ людей, которые хотѣли посвятить себя научнымъ занятіямъ, педагогическому поприщу, какому нибудь искуству или высшему ремеслу (за исключеніемъ торговли), основало заведеніе, гдѣ, по установленному плану и смотря по потребностямъ учениковъ, послѣдніе могли пользоваться безвозмезднымъ обученіемъ, принятымъ на себя членами «Общества». Тутъ преподавали, кромѣ нѣмецкаго языка, еще языки еврейскій, греческій, латинскій и французскій, затѣмъ географію, исторію, ариѳметику и геометрію; сверхъ того, воспитанники упражнялись въ декламаціи. «Общество» также приняло дѣятельное участіе въ учрежденіи въ Берлинѣ еврейской общественной школы, съ которою въ концѣ 1825 года соединилась и безплатная школа.

Чтобы всесторонне познакомиться съ практическими потребностями еврейской жизни, «Общество» рѣшилось основать архивъ для корреспонденцій съ провинціальными членами, которые были приглашены доставлять правильные отчеты о еврейскихъ дѣлахъ въ ихъ провинціи. Рядомъ съ этимъ архивомъ «Общество» намѣревалось также основать библіотеку для науки и исторіи іудейства. Но денежныя средства «Общества» были слишкомъ незначительны для того, чтобы быть въ состояніи серьезно взяться за осуществленіе этого, сопряженнаго съ огромными издержками, предпріятія. Въ нѣсколько лѣтъ успѣлъ выясниться печальный результатъ, что «Общество», для покрытія расходовъ

по всѣмъ своимъ предпріятіямъ, почти исключительно должно обращаться лишь къ своимъ большею частью небогатымъ дѣйствительнымъ членамъ, число которыхъ въ 1822 году простиралось только до пятидесяти. При изложеніи финансоваго состоянія «Общества», Эдуардъ Гансъ, въ упомянутомъ уже второмъ своемъ отчетѣ, дѣлаетъ слѣдующее грустное сообщеніе: «Изъ всѣхъ богатыхъ единовѣрцевъ нѣтъ ни одного, который, какъ бы онъ ни хвалилъ наши стремленія, какъ бы горячо ни выражалъ свое сочувствіе всѣмъ нашимъ предпріятіямъ, не было ни одного, который сдѣлалъ бы какое либо добровольное пожертвованіе «Обществу» или одному изъ его учрежденій для опредѣленныхъ или неопредѣленныхъ цѣлей». Единственное, чего добилось «Общество» — это нѣсколько сотъ талеровъ, которые берлинскіе сограждане пожертвовали для поддержки учащейся еврейской молодежи. Было бы, поэтому, совершенно излишне спрашивать— почему почти не сдѣлано было никакихъ попытокъ для осуществленія остальныхъ частей программы «Общества», въ особенности для отклоненія подраставшаго поколѣнія отъ односторонней привязанности къ торговлѣ и привлеченія его къ другимъ промысламъ. «Общество» хотя и намѣревалось основать въ 1822 году земледѣльческую коммиссію и съ этою цѣлью старалось прежде всего добыть списокъ всѣхъ еврейскихъ экономовъ; но при осуществленіи этого проекта недостаточное сочувствіе единовѣрцевъ оказалось непреодолимымъ препятствіемъ. А между тѣмъ письма Гейне*) ясно показываютъ, какъ полезно и необходимо было бы молодыхъ евреевъ, желавшихъ посвятить себя сельскому хозяйству, но не принимаемыхъ, вслѣдствіе ихъ религіи, христіанскими помѣщиками, помѣстить у непредубѣжденныхъ хозяевъ.

При такихъ обстоятельствахъ дѣйствіе «Общества» внѣ Берлина преимущественно ограничивалось, разумѣется, лишь тѣмъ, что предпринимали отдѣльные его члены. Въ Берлинѣ, какъ мы видѣли, три главные руководителя реформы въ дѣлѣ обученія и воспитанія евреевъ—Давидъ Фридлендеръ, Израиль Якобсонъ и Лазарь Бендавидъ—принимали дѣятельное участіе въ дѣлахъ «Общества». Бендавидъ, который почти цѣлыхъ двадцать лѣтъ безвозмездно руководилъ безплатною школой, съ умомъ и твердостью характера соединилъ необычайное плодотворное образованіе, любезное и мягкое остроуміе и серьезный философскій духъ, стремившійся къ разрѣшенію величайшихъ міровыхъ вопросовъ. Сначала онъ поддерживалъ свое существованіе шлифовкою

*) Братъ Гейне Густавъ, изучившій сельское хозяйство, вслѣдствіе своего еврейства, нигдѣ не могъ получить мѣсто.

стекла, затѣмъ изучилъ въ Геттингенѣ математику и философію и нѣсколько лѣтъ сряду читалъ публичныя лекціи въ Вѣнѣ, а послѣ въ Берлинѣ, гдѣ уже оставался до конца прошлаго столѣтія. Въ 1802 году онъ разрѣшилъ, назначенную для соисканія преміи, задачу о происхожденіи человѣческаго познанія; но вообще онъ говорилъ гораздо лучше, чѣмъ писалъ. Гейне говоритъ о немъ: «Это былъ мудрецъ по античному образцу, облеченный солнечнымъ блескомъ греческой веселости, статуя истинной добродѣтели и твердъ въ исполненіи долга, какъ мраморъ категорическаго императива его учителя Эммануила Канта. Бендавидъ, въ теченіе всей своей жизни, былъ усердный приверженецъ кантовой философіи; онъ изъ за нея подвергался въ своей молодости страшному преслѣдованію, и при всемъ томъ, онъ никогда не хотѣлъ отдѣлиться отъ древней общины Моисеева исповѣданія, онъ никогда не хотѣлъ измѣнить старую религіозную кокарду. Уже одинъ видъ такого отрицанія возбуждалъ въ немъ негодованіе и омерзеніе. Лазарь Бендавидъ, какъ я уже сказалъ, былъ плотью и кровью кантіанецъ, и этимъ я въ то же время обозначилъ предѣлъ его ума. Когда мы говорили о Гегелевой философіи, онъ качалъ своей плѣшивой головой и говорилъ—это суевѣріе».

Какъ Діогенъ, онъ немногаго требовалъ отъ жизни и умеръ семидесяти лѣтъ отъ роду (28 марта 1832) отъ водянки въ груди. Во время болѣзни онъ упорно отказывался отъ всякой медицинской помощи и всякаго ухода за нимъ; друзьямъ своимъ, посѣщавшимъ его во время болѣзни, онъ a priori доказывалъ, что болѣзнь его ничто иное какъ ревматизмъ, и когда онъ разъ впалъ въ продолжительный обморокъ, то онъ, поднявшись, вынулъ часы и сосчиталъ съ удивительною точностью, сколько времени онъ лежалъ на землѣ безъ сознанія. — О работахъ Фридлендера мы уже говорили выше. Не будучи ученымъ по призванію, онъ однакоже, постоянно считалъ своимъ долгомъ сообщать свои мысли и богатую опытность младшему поколѣнію и поощрять молодыхъ людей къ продолженію, начавшейся со времени Мендельсона, реформы въ іудействѣ.—Попытки Якобсона ввести въ Берлинѣ, какъ прежде въ Сесенѣ, правильное и благообразное еврейское богослуженіе способствовали къ сближенію его съ «Обществомъ», и не только онъ самъ и сынъ его д-ръ Якобсонъ, но почти всѣ проповѣдники, ежесубботно произносившія рѣчи въ устроенной имъ по новому образцу синагогѣ, были членами союза. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ, докторъ Эдуардъ Клей, уже въ 1816 г. былъ приглашенъ въ Гамбургъ въ качествѣ директора открытой тамъ еврейской безплатной школы и скоро основалъ въ Гамбургѣ храмовое общество, изъ среды котораго возникла цѣлесообразная, основанная на научно-богословскихъ

началахъ реформа богослуженія. Какъ проповѣдники новаго Гамбурскаго храма, Клей и Готгольдъ Соломонъ, такъ равно и директоры храмоваго общества, были всѣ, за исключеніемъ одного, дѣйствительными членами берлинскаго «Общества культуры и науки евреевъ». Въ Гамбургѣ и Альтонѣ «Общество» имѣло—если много—20 членовъ, которые съ 18 іюля 1822 г. образовали тамъ особое отдѣленіе.—Внѣ берлина «Общество» своими почетными членами считало: ученаго Готлиба Эйхеля, королевскаго доатскаго учителя закона Божія I. Н. Маннгеймера въ Копенгагенѣ, который впослѣдствіи пріобрѣлъ въ Вѣнѣ славу лучшаго еврейскаго проповѣдника своего времени; директора училища въ Вольфенбюттелѣ, Эренберга; извѣстныхъ педагоговъ Геса и Вейля во Франкфуртѣ, издателя перваго еврейскаго журнала «Sulamith» (основаннаго въ 1806 г.) Давида Френкеля въ Дессау; Іосифа Переля въ Тарнополѣ, который основалъ тамъ знаменитую школу, впослѣдствіи преобразованную въ раввинскую семинарію; доктора Пинхаса въ Касселѣ; проповѣдника Франкольма въ Кенигсбергѣ; профессора Вольфсона въ Бамбергѣ; королевско-императорскаго цензора Герцфельдта въ Вѣнѣ и оригинальнаго мечтателя Мордахая Ноаха въ Нью-Іоркѣ, который въ 1825 году выступилъ съ чудовищнымъ планомъ основать на большомъ островѣ рѣки Ніагары еврейскую колонію «Араротъ» и возстановить, такимъ образомъ, въ свободной странѣ еврейское государство, павшее 18 столѣтій тому назадъ *). Эти имена, по меньшей мѣрѣ, показываютъ, что «Общество» старалось повсюду расширить свои связи и обезпечить за собою содѣйствія всѣхъ значительныхъ духовныхъ силъ вблизи и вдали.—Страннымъ, од-

*) Прокламація Ноаха къ евреямъ всего свѣта находится въ XIX т., стр. 232, сочиненій Гейне и въ «Исторіи израильтянъ» I. М. Іоста т. II, отдѣлъ 2-ой, стр. 228. Въ послѣдне-названномъ мѣстѣ разсказываются подробности происходившаго 15 сентября 1825 года въ городѣ Буффало торжества по случаю основанія «Арарата». Мордахай Ноахъ, въ качествѣ «Судьи Израиля», въ орнатѣ изъ краснаго шелку, окаймленномъ горнастаемъ, съ большою золотою медалью на шеѣ, среди торжественнаго шествія, состоявшаго изъ одѣтыхъ и разукрашенныхъ какъ бы къ карнавалу, масоновъ, храмовыхъ рыцарей и др., отправился въ епископскую церковь, гдѣ онъ, послѣ богослуженія, произнесъ рѣчь, между тѣмъ какъ на престолѣ лежалъ камень для закладки новаго города. Кромѣ этого фарса, описаніе котораго появилось во всѣхъ тогдашнихъ газетахъ, воззваніе Ноаха не имѣло никакихъ другихъ послѣдствій. Результатомъ этого воззванія было лишь то, что тогдашній парижскій главный раввинъ и президентъ еврейской консисторіи Авраамъ де-Колонья и нѣкоторыя другія почтенныя личности, назначенныя Ноахомъ его коммисарами (Цунцъ и Гансъ также были поименованы въ воззваніи въ числѣ его агентовъ) публично отказались отъ предложенныхъ имъ почетныхъ должностей.

нако, должно показаться, что въ самомъ Берлинѣ нѣкоторыя выдающіяся личности изъ высшихъ общественныхъ круговъ, повидимому, воздерживались отъ всякаго прямаго участія въ этихъ попыткахъ къ преобразованію. Хотя Эдуардъ Гансъ и Гейнрихъ Гейне находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Рахилью и братомъ ея Лудвигомъ Робертомъ, мы, однакоже, во всѣхъ многочисленныхъ письмахъ, которыми они обмѣнивались между собою, нигдѣ ни находимъ намека, что послѣдніе оказывали какое либо дѣятельное сочувствіе цѣлямъ «Общества», такъ близко касавшимся ихъ самихъ. Эдуардъ Гицигъ, по всей вѣроятности, уже тогда былъ склоненъ къ переходу въ христіанство, какъ многіе другіе изъ образованныхъ евреевъ, которые вмѣстѣ съ философскимъ просвѣщеніемъ усвоили себѣ духъ индефферентизма ко всѣмъ религіознымъ дѣламъ, вслѣдствіе чего переходъ въ государственную религію сдѣлался для нихъ не больше какъ вопросомъ цѣлесообразности. Такимъ былъ и Авраамъ Мендельсонъ, котораго память и примѣръ благороднаго отца его не могли удержать отъ перехода со всѣмъ своимъ семействомъ въ государственную религію, съ цѣлью облегчить своему даровитому въ музыкальномъ отношеніи сыну его артистическую карьеру. О Мейерберѣ извѣстно, по крайней мѣрѣ, что онъ осенью 1820 года въ Лейпцигѣ, во время тамошней ярмарки, для устроеннаго по образцу Гамбургскаго храма еврейскаго богослуженія сочинилъ пѣсни, пропѣтыя 29 сентября при торжественномъ открытіи новаго храма, въ то время какъ Цунцъ, а послѣ него Вольвилль, приняли на себя должность проповѣдниковъ.

Гейне сблизился съ «Обществомъ» посредствомъ Ганса и по предложенію послѣдняго онъ былъ принятъ 4 августа 1822 въ число дѣйствительныхъ членовъ «Общества» и вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ «Научнаго института». Больше всего Гейне привлекало въ стремленіяхъ «Общества» — свободная отъ всякихъ схизматическихъ разглогольствованій просвѣтительнаго свойства и партикуляристической религіозной гордости его связь съ духомъ новѣйшей науки, которая, какъ казалось, должна была съ теченіемъ времени достигнуть господства подъ всѣмъ міромъ. Объ этой связи Гансъ, между прочимъ, говоритъ во второмъ своемъ отчетѣ о дѣятельности «Общества»: «Въ томъ видѣ, какъ современная Европа представляется намъ, она является не слѣдствіемъ случайнаго толчка, который могъ бы быть иначе, лучше или хуже, направленъ, но она необходимый результатъ тысячелѣтнихъ усилій разумнаго духа, открывающагося во всемірной исторіи. Вникая въ сущность этого духа, мы находимъ, что онъ — выражаясь отвлеченно—духъ множества, единство котораго заключается только въ его цѣлости. Вотъ это то и составляетъ нашу

задачу. Разсматривая особенности современной Европы, мы
убѣждаемся, что онѣ главнымъ образомъ основываются на бо-
гатствѣ ея многочленнаго организма. Здѣсь нѣтъ ни одной
мысли, которая не достигала бы своего существованія и сформи-
рованія; нѣтъ ни одного направленія, ни одной дѣятельности,
которая не пріобрѣтала бы надлежащаго пространства. Повсюду
является плодотворнѣйшее разнообразіе сословій и состояній—
твореніе духа, все болѣе и болѣе приближающагося къ
своему совершенству. Каждое изъ этихъ сословій есть замкнутое,
въ самомъ себѣ вполнѣ законченное цѣлое, однакоже, оно полу-
чаетъ свое значеніе не отъ себя, но отъ другихь; каждый членъ
имѣетъ свою особенную жизнь, однакоже, онъ живетъ только въ
органическомъ цѣломъ; всякое отдѣльное сословіе, тѣмъ, что оно
есть оно становится только посредствомъ всѣхъ другихъ; всѣ
вмѣстѣ сословія тѣмъ, что они есть, становятся посредствомъ цѣ-
лаго. По этому ни одно сословіе не отдѣляется отъ другаго рѣзкою
линіей, но всѣ они разграниены тонкими переходными штрихами,
которые въ одно и тоже время указываютъ и на различіе и на
единство. Чтобы создать эту цѣлостность, Востокъ внесъ въ
общую сокровищницу свой монотеизмъ, Греція—красоту и идеаль-
ную свободу, римскій міръ—твердость государства въ отношеніи къ
индивиду, христіанство — сокровища общечеловѣческой жизни,
средніе вѣка—свое расчлененіе на рѣзко разграниченные сословія и
классы, новѣйшій міръ—свои философскія стремленія; по оокнчаніи
своего духовнаго самодержавнаго господства они должны проявить-
ся снова какъ моменты. Счастіе и значеніе европейскаго чело-
вѣка состоитъ въ томъ, что между всѣми разнообразными сосло-
віями гражданскаго общества онъ свободно можетъ избрать себѣ
то, какое онъ желаетъ, и что онъ въ избранномъ имъ сословіи
чувствуетъ всѣ остальныя сословія общества». Въ противуполож-
ность этой европейской жизни, этой «множественности, единство
которой заключается въ ея цѣлости», Гансъ называетъ еврей-
скую жизнь «единствомъ, еще вовсе недостигшимъ множествен-
ности». «Въ прежнія времена, когда призваніемъ еврейской жизни
было храненіе идеи единобожія, не было вовсе надобности въ
этой идеѣ для того, чтобы представить государство, обычай, за-
конъ и религію какъ одно тождественное явленіе. Ибо въ этомъ от-
ношеніи евреи не отличались отъ другихъ восточныхъ народовъ.
Отличіе ихъ состояло въ ихъ плодотворной способности къ обра-
зованію, вслѣдствіе которой они изъ себя создали новый міръ, но
сами остались въ сторонѣ отъ него. Когда ихъ государство пало,
они, чтобы сохранить понятіе единства, овладѣли однимъ состоя-
ніемъ—торговлей. Въ этомъ состояніи, болѣе чѣмъ въ какомъ либо
другомъ, заключалось, вмѣстѣ съ представляемымъ имъ единствомъ,

возможность развитія всѣхъ другихъ сословій общества. Причина замедленія этого развитія на цѣлыя тысячелѣтія заключается въ томъ, что само общество еще не достигло всесторонняго развитія, что, посреди недостигшихъ единенія массъ, одно частное исключеніе едва ли могло казаться таковымъ? Исключенные и исключительные, евреи, поэтому, жили своей особенной исторіей, шедшей параллельно съ исторіей всемірной и поддерживавшейся искуснымъ переплетаніемъ ихъ домашней, политической и религіозной жизни столько же, сколько и розныю всѣхъ другихъ сословій общества. Что выдвинуло впередъ дѣло евреевъ въ послѣднія десятилѣтія и придало ему особенно важное значеніе — этотъ вопросъ находитъ себѣ разрѣшеніе въ вышеизложенномъ понятіи современной Европы. Ея сила и крѣпость, сказали мы, заключаетъ въ роскошномъ изобиліи множества ея частностей и слоевъ, которые объединяются въ гармоніи всего цѣлаго. Чѣмъ меньше становится число единицъ, не вошедшихъ въ общее единство, тѣмъ больше они мѣшаютъ ему, и духъ времени неудержимо стремится вовлечь и эти отдѣльные слои въ гармоническое единство. Гдѣ организмъ требуетъ кривой линіи, тамъ прямая линія—отвратительна. Такимъ образомъ требованіе нынѣшней Европы, чтобы евреи совершенно объединились съ нею, есть необходимый результатъ ея сущности. Какъ должно представить себѣ вступленіе еврейскаго міра въ міръ европейскій — это опять таки выходитъ изъ вышепоставленнаго понятія. Вступленіе не есть изчезновеніе. Только мѣшающая и къ себѣ обращенная самостоятельность должна изчезнуть, а не подчиняющаяся цѣлому; служа цѣлости, эта самостоятельность не должна лишиться своей сущности. Среда, въ которую она вступаетъ, должна обогатиться на сумму вступающаго, а не только обѣднѣть на сумму изчезнувшей противуположности. Это противорѣчило бы понятію, которое мы назвали понятіемъ нынѣшней Европы. Особенность послѣдней заключается именно въ изобиліи и богатствѣ ея частностей. Тѣмъ, чтó составляетъ ея силу, она не можетъ пренебрегать, не можетъ отъ него отказаться. Ни одна частность не вредитъ ей, только самодержавіе и исключительное право этой частности должно прекратиться; она должна стать зависимымъ моментомъ между другими ей подобными. Ложно поняли свою эпоху и весь вопросъ тѣ, которые между полнымъ изчезновеніемъ и выдающимся исключеніемъ не находятъ ничего третьяго, которые считаютъ вѣчную основу идеи болѣе преходящей, чѣмъ основу матеріи, которые въ каждой частности не видятъ правды цѣлаго, а въ цѣломъ не видятъ правды каждой частности, и которымъ ихъ временная точка зрѣнія кажется абсолютною, всякая же другая—ложью. Но въ томъ то и состоитъ

правильно понятое, утѣшительное ученіе исторіи, что все проходитъ не изчезая, и что все остается, хотя бы давно уже прошло. Поэтому, ни евреи не могутъ исчезнуть, ни іудейство не можетъ разложиться; но въ великомъ движеніи всего цѣлаго оно должно казаться изчезнувшимъ и все таки продолжать жить, какъ рѣка продолжаетъ жить въ океанѣ. Вспомните, друзья мои, вспомните при этомъ случаѣ слова одного изъ благороднѣйшихъ людей нашего германскаго отечества, одного изъ величайшихъ его богослововъ и поэтовъ; они вкратцѣ выражаютъ то же самое, что я высказалъ нѣсколько пространнѣе: «*Придетъ время, когда въ Европѣ не будутъ больше спрашивать—кто еврей и кто христіанинъ*». Содѣйствовать скорѣйшему наступленію этого времени всѣми находящимися во власти вашей силами и напряженіемъ—вотъ, милостивые государи, въ чемъ состоитъ задача ваша, задача, которую вы, соединившись вмѣстѣ, себѣ поставили. Повторяю: вы хотите разрушить стѣну, отдѣлявшую еврея отъ христіанина и еврейскій міръ отъ европейскаго міра; вы хотите всякой угловатой частности указать надлежащее направленіе въ отношеніе къ всеобщему; вы хотите тѣхъ, которые шли рядомъ, не прикасаясь цѣлыя тысячелѣтія, примирить и соединить. Найдутся люди, которые, не будучи въ состояніи сказать что либо противъ вашего союза, спросятъ васъ о вашемъ дипломѣ, потребуютъ отъ васъ доказательства вашего призванія. Желаете ли вы отвѣчать этимъ мелочнымъ людямъ, которые справляются о компетентности, когда рѣчь идетъ о дѣлѣ, которые тамъ, гдѣ общее воодушевленіе увлекаетъ всѣхъ къ желанной цѣли, не могли еще освободиться отъ ледяной коры ихъ личныхъ интересовъ? То, что вы дѣлаете, вы, обязаны дѣлать—какъ люди—человѣчеству, какъ братья — своимъ единовѣрцамъ, какъ граждане — королю и отечеству: вы этимъ уплачиваете долгъ благодарности». Рѣчь, произнесенную Гансомъ въ собраніи «Общества» еще раньше этого, онъ кончаетъ слѣдующимъ образомъ: «Пусть чистота мысли, представляемая каждымъ нравственнымъ союзомъ и болѣе всего — государствомъ, проникнетъ въ сердце каждаго отдѣльнаго человѣка. Нѣтъ болѣе огненнаго столба, который могъ бы свѣтить Израилю ночью, но есть много облаковъ днемъ. Разсѣйте эти облака! Въ эпоху, когда слабость овладѣла людьми, когда стремленіе къ высшему было немыслимо, поэтическія души часто привлекала заблудившаяся сила прошлыхъ временъ, если только она была еще замѣтна. Такъ, было время, когда люди обоготворяли крестоносцевъ и первыхъ послѣдователей Могамета, ибо они приносили жертвы ради идеи, чего ни одинъ изъ ихъ обожателей понять не могъ. Мы же боготворимъ самую чистую, самую высшую мысль, безъ оскверняющихъ ее средствъ. Возстаньте же всѣ вы, чистые духомъ, возстаньте всѣ, которыхъ стократныя оковы и даже рубцы, ими произведенныя, не могли сдѣлать рабами; возстаньте всѣ, которые усвоиваютъ себѣ науку и любовь и ставятъ ихъ выше всего, возстаньте и соединитесь съ этимъ благороднымъ «Обществомъ». Въ твердомъ братствѣ добрыхъ я вижу наступленіе мессіянскаго времени, о которомъ возвѣщаютъ пророки и которое только испорченность людей назыаетъ баснею!»

Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ, до самыхъ терминовъ, въ нихъ встрѣчаемыхъ, на каждомъ шагу замѣтно значительное вліяніе, которое философія Гегеля уже тогда производила на предсѣдателя «Общества культуры и науки евреевъ». Подъ тѣмъ же вліяніемъ находились и другіе два изъ самыхъ выдающихся членовъ «Общества», Мозеръ и Вольвиль, которые въ теченіе многихъ лѣтъ правильно посѣщали лекціи Гегеля и до конца своей жизни спеціально занимались изученіемъ его твореній. Сколько намъ извѣстно, это вліяніе философіи Гегеля на тогдашнихъ еврейскихъ реформаторовъ никогда не обращало на себя должнаго вниманія. Что Бендавидъ всю жизнь свою оставался упорнымъ поклонникомъ Канта и ничего не хотѣлъ знать о Гегелѣ, это уже раньше было сказано. Прибавимъ здѣсь кстати, что Цунцъ, который началъ изучать философію Гегеля въ 1820 г., не сдѣлался, однакожъ поклонникомъ ея. Съ тѣмъ большой увѣренностью мы можемъ это сказать о первыхъ трехъ лицахъ. Что касается Эдуарда Ганса, то намъ не нужно доказывать слѣды этого вліянія: оно всѣмъ извѣстно по его научно-юридическимъ сочиненіямъ, въ которыхъ онъ предпринялъ дальнѣйшее развитіе философіи права Гегеля; эта послѣдняя была даже издана Гансомъ по смерти Гегеля. Приведенныя мѣста изъ его рѣчей въ собраніяхъ «Общества» доказываютъ, что онъ усвоилъ себѣ великія историко-философскія мысли Гегеля въ то время, когда всякая мысль о перемѣнѣ религіи была чужда ему. Если, по увѣренію Цунца, онъ въ позднѣйшее время, подъ вліяніемъ Гегеля, пересталъ сочувствовать евреямъ и еврейству, то въ этомъ нѣтъ еще такого сильнаго противорѣчія, какъ могло бы казаться съ перваго взгляда. Его отступленіе отъ дѣла его единовѣрцевъ, за которое онъ въ первое время такъ горячо вступился, было вызвано убѣжденіемъ, что послѣдніе оставили его, или не могли подняться до высоты идеи, которую онъ представлялъ, но стремились къ болѣе мелкимъ цѣлямъ. Для Ганса же именно эта великая идея философіи исторіи и была главнымъ дѣломъ; кто не хотѣлъ или не могъ возвыситься до самосознанія и сознанія необходимости соединенія съ цѣлымъ, отъ того Гансъ отказывался—правда, слишкомъ скоро и легко и не безъ содѣйствія самолюбивыхъ мо-

тивовъ. Мозеръ и Вольвилль дѣйствовали на столько благороднѣе, что они непоколебимо оставались при своихъ братьяхъ по несчастію и не боялись неказистаго труда поденщиковъ на службѣ медленнаго прогресса, послѣ того какъ имъ не удалось, въ качествѣ главныхъ мастеровъ осуществить быстро и успѣшно, смѣлый планъ «Общества». Во всемъ прочемъ, они раздѣляли мысли Ганса о конечной цѣли, и какъ онъ, черпали свое понятіе о всемірно-историческомъ развитіи человѣчества изъ одного источника —философіи Гегеля. Письма Мозера и Вольвиля доказываютъ это очевиднымъ образомъ. «Главное мое занятіе», пишетъ Мозеръ къ Вольвилю, «составляетъ въ настоящее время Востокъ, а именно Египетъ. Я живу въ странѣ загадокъ и, какъ второй Эдипъ, стою передъ сфинксомъ, чтобы объяснить то, что онъ отгадалъ. Нужно же, наконецъ, понять что нибудь въ исторіи и, поэтому, для меня стало крайней необходимостью порыться въ этой первобытной почвѣ историческихъ событій и вмѣстѣ съ тѣмъ искать тамъ убѣжища отъ пустаго, безсодержательнаго резонерства нашего времени, пока оно еще не развилось до полнаго и яснаго сознанія; впрочемъ, приготовительную ступень къ этому я нахожу въ философіи Гегеля, въ которую я тоже стараюсь проникнуть.»—«Ты недоволенъ настоящимъ, мой другъ», отвѣчаетъ ему Вольвилль, «кто же доволенъ имъ? Но, можетъ быть, мы относимся къ нему несправедливо. Развѣ настоящее не есть безконечный отрывокъ, сзади прикованный къ времени, оторванный спереди? Кто велитъ намъ смотрѣть на гіероглифъ послѣдняго узла, какъ будто бы имъ и прерывается нить исторіи? Неужели только дрожжи бродятъ въ кризисѣ настоящаго? Не шипитъ ли въ немъ также пѣна всего благороднаго, сильнаго прошедшаго, не приготовляется ли изъ него чистое питье для будущаго?»—«Я спрашиваю тебя», пишетъ Мозеръ въ другой разъ, чтобы разсѣять слишкомъ грустное настроеніе друга и поощрить его къ обновленной научной дѣятельности, «что отличаетъ одинъ моментъ отъ другаго, если не продолжающееся движеніе нашей воли? Брама, вѣроятно, и теперь еще плавалъ бы уединенно на цвѣткѣ лотоса, погруженный въ безформенныхъ своихъ размышленіяхъ, если бы громовой голосъ Вѣчнаго не поразтрясъ его порядкомъ. Только тогда приступилъ онъ къ творенію и созиданію и унизился даже до того, что пришелъ въ презрѣнный шалашъ Чандала, лишь бы міръ былъ созданъ. Чтобы достигнуть самаго великаго, дорогой другъ, самое мелкое недолжно казаться слишкомъ мелкимъ. Только безропотность доставляетъ полное наслажденіе. Чтобы достигнуть истинной жизни въ самомъ себѣ, мы должны отказаться отъ нашего я». — «При настоящемъ порядкѣ вещей», пишетъ Мозеръ осенью 1824 года,

«индивидуальныя отношенія имѣютъ мало значенія. Онъ такого рода, что повсюду проявляется удивительная несоразмѣрность личнаго существованія и дѣятельности съ внутреннею волею духа, такъ что никому не по душѣ. Сомнѣваюсь, чтобы кто нибудь въ наше время могъ быть доволенъ, если онъ не Наполеонъ или Питтшафтъ, т. е. или Александръ, или Діогенъ. Какого спирта напился міровой духъ, что онъ шумитъ, какъ сумасшедшій! Я знаю многихъ людей, которые желаютъ хватать этого пьяницу за руку, но падаютъ вмѣстѣ съ нимъ въ грязь. Но это я не пишу о себѣ; я, наоборотъ, думаю, что мы живемъ въ великое время и настоящій переходъ отъ средневѣковаго періода совершается только теперь съ возвращеніемъ къ нему.— Изучаешь ли ты прилежно Гегеля? Я уже давно не читалъ его произведеній, но его система все болѣе и болѣе развивается во мнѣ и подтверждается съ каждымъ новымъ пріобрѣтеніемъ, которое я при случаѣ дѣлаю въ области идеи. При случаѣ—потому что для систематическаго изученія у меня, къ сожалѣнію, не хватаетъ систематическаго времени. Я не принадлежу къ счастливцамъ, для которыхъ время слагается въ сплошное органическое цѣлое; для этого направленія моей дѣятельности слишкомъ расходятся — если только шатанье, на которое осуждаютъ меня обстоятельства, можно называть дѣятельностью. Вся жизнь моя есть ничто иное какъ движеніе часовой стрѣлки, о которой можно только сказать, что она стоитъ въ такомъ то пунктѣ циферблата; и этотъ циферблатъ—не міровой духъ въ его великомъ объемѣ, какъ бы должно было быть, но мельчайшій кругъ въ переплетѣ всѣхъ круговъ эпициклической системы. Какъ прекрасна была бы духовная совмѣстная жизнь въ обществѣ одинаково воодушевленныхъ друзей! Но это всегда было не вполнѣ удовлетвореннымъ желаніемъ. Все разсѣевается въ однѣхъ пустыхъ внѣшностяхъ, на которыя истрачиваются силы жизни. Я искренно жажду освобожденія отъ этой раздробленности силъ, ищу настоящаго углубленія,—сосредоточенія, чтобы всѣ предположенія, по которымъ живутъ, дѣйствуютъ и страдаютъ, достигли, наконецъ, осуществленія». Чтобы представить комическій контрастъ этой философской глубинѣ, упомянемъ мимоходомъ, что и гамбургкіе еврейскіе реформаторы, самыя смѣлыя желанія которыхъ въ это время не простирались дальше скромнаго улучшенія богослуженія, для оправданія своихъ безобидныхъ стремленій, едва ли возвышавшихся надъ городскимъ дымомъ, тоже ссылались на философію Гегеля. Мозеръ за это безпощадно насмѣхается надъ ними: «Гегелю и не снится, какую чудесную роль играетъ тамъ его философія. Нужно имъ только, впрочемъ, перелистывать его сочиненія, и ни храма, ни чего либо другаго, не найдутъ они въ нихъ:

Правда, въ его опредѣленіи абсолюта, проходящемъ по всей его энциклопедіи, въ заключеніи сказано, что «Абсолютъ есть духъ», но не «Гамбургскій храмъ, его проповѣдники, или ихъ слушатели.»—«Также саркастически замѣчаетъ и Цунцъ въ одномъ изъ своихъ писемъ *): «Безконечное, пустое проповѣдничанье у васъ принимаетъ уже слишкомъ громадныя размѣры, и было бы не дурно, если бы что нибудь особенное, какой нибудь серьезный ученый трудъ положилъ ему конецъ. При этомъ случаѣ я долженъ замѣтить, что ваше выраженіе: «проповѣдники обогащаются и, въ концѣ концевъ, если дѣла пойдутъ дурно, они будутъ въ состояніи содержать общину» — великолѣпно и классически мѣтко. И нашъ Г. Гейне, который въ одномъ пальчикѣ имѣетъ больше ума и здраваго смысла, чѣмъ всѣ образованные миніанимъ (молитвенныя общины) Гамбурга, находитъ это выраженіе классическимъ.»

Было совершенно естественно, какъ мы уже выше замѣтили, что творецъ Альманзора живѣйшимъ образомъ сочувствовалъ дѣлу, представители котораго были проникнуты высшими идеями вѣка и съ такимъ благороднымъ воодушевленіемъ старались осуществить свой идеалъ. Самъ Гейне былъ глубоко убѣжденъ, что задачу евреевъ, въ настоящее время, нельзя отдѣлить отъ задачи всего человѣчества, что она вездѣ сливается съ нею. Въ этомъ смыслѣ онъ еще въ 1854 г., во второмъ изданіи его рѣчи въ память умершаго Лудвига Маркуса, писалъ **): «Евреи должны, наконецъ, понять, что они только тогда могутъ достигнуть полной эманципаціи, когда будетъ достигнута и обезпечена эманципація христіянъ. Ихъ дѣло тождественно съ дѣломъ нѣмецкаго народа, иони не должны желать, какъ евреи, того, что имъ слѣдуетъ, какъ нѣмцамъ.» Что онъ не былъ восторженнымъ поклонникомъ еврейской религіи, это онъ весьма яснымъ образомъ высказалъ еще въ 1823 году, въ своихъ письмахъ къ Мозеру и Вольвилю. Поэтому всѣ стремленія Берлинцевъ и Гамбургцевъ достигнуть раціональной реформы культа и религіозныхъ ученій евреевъ возбуждали въ немъ скорѣе насмѣшку, чѣмъ сочувствіе. Онъ и слышать не хотѣлъ о боязливыхъ реформаторахъ, выступавшихъ на цыпочкахъ и старавшихся избѣгать всякихъ толчковъ на право и налѣво, объ Ауербахахъ 1-омъ и 2-омъ, о Клеяхъ и Саломонахъ, равно какъ и о болѣе правовѣрномъ Бернайсѣ, котораго Гейне называетъ остроумнымъ шарлатаномъ. «Я только потому уважаю его» говоритъ Гейне, «что онъ ловко обманываетъ гамбургскихъ мошенниковъ, но блаженной памяти Картуша я уважаю гораздо больше». Но къ дѣятельности Цунца, опиравшейся на чисто научныхъ основаніяхъ, Гейне питалъ самое искреннее уваженіе. «Я ожидаю многаго отъ его проповѣдей, которыя скоро должны появиться», писалъ онъ весною 1822 года къ Вольвилю; конечно, я ожидаю не назиданій и душевныхъ пластырей, но гораздо лучшаго—возбужденія силъ. Недостаткомъ послѣдняго Израиль именно и страдаетъ. Нѣкоторые мозольные операторы (Фридлендеръ и комп.) пытались кровопусканіемъ вылечить тѣло іудейства отъ его роковаго накожнаго нарыва и вслѣдствіе ихъ неловкости и, сотканныхъ изъ паутины, умственныхъ перевязокъ Израиль долженъ истекать кровью. Пусть откроютъ глаза и увидятъ, что въ слабости, въ отреченіи отъ всякой силы, въ одностороннемъ отрицаніи, въ идеальномъ Ауэрбахствѣ нѣтъ ничего великаго. Не хватаетъ у насъ больше силы носить бороду, поститься, ненавидѣть, и изъ ненависти терпѣть: вотъ и вся причина нашей реформаціи. Одни, получившіе свое просвѣщеніе изъ рукъ комедіантовъ, хотятъ дать іудейству новыя декораціи и кулисы и требуютъ, чтобъ суфлеръ носилъ бѣлый воротничекъ, вмѣсто бороды; они хотятъ превратить океанъ въ маленькій картонный бассейнъ и напялить на Геркулеса въ Кассельскомъ Вильгельмсгеэ коричневую курточку маленькаго Маркуса. Другіе хотятъ имѣть сокращенное евангелическое христіянство подъ еврейской фирмой и дѣлаютъ себѣ талесъ изъ шерсти овечки..., жилетку изъ перьевъ голубки.., и подштанники изъ христіянской любви.... Къ счастію всѣхъ, эта фирма не будетъ долго держаться, ея векселя на философію будутъ ей возвращены съ протестомъ и она окажется несостоятельнымъ въ Европѣ, хотя бы открытыя ея миссіонерами агентства въ Африкѣ и Азіи продолжали существовать еще нѣсколько столѣтій». Столь же рѣзко высказываетъ Гейне въ письмѣ къ Мозеру свое личное отвращеніе ко всякому участію въ религіозной сторонѣ еврейскаго вопроса: «Что я буду восторженнымъ защитникомъ правъ евреевъ и ихъ гражданской равноправности—въ этомъ я охотно сознаюсь, и въ дурныя времена, которыя неминуемы, германская чернь услышитъ мой голосъ и эхо его раздастся во всѣхъ нѣмецкихъ пивныхъ лавкахъ и дворцахъ. Но естественный врагъ всѣхъ положительныхъ религій никогда не явится бойцемъ за ту религію, которая впервые принесла съ собою пренебреженіе къ людямъ, до сихъ поръ причиняющее намъ столько горя; если же это все таки какимъ либо образомъ совершится, то тому есть особенныя причины: нравственная уступчивость, упорство и предусмотрительность въ видахъ сохраненія противоядія». Сообразно съ этимъ, Гейне въ 1844 году въ памятномъ

*) Къ одному знакомому въ Гамбургѣ.
**) Vermischte Schriften. Bd. XIV, p. 204.

словѣ Лудвигу Маркусу писалъ слѣдующее: «Эманципація (евреевъ) рано или поздно будетъ имъ дана, по чувству справедливости, изъ разчета, по необходимости. Ненависть къ евреямъ въ высшихъ классахъ не имѣетъ уже религіознаго основанія, а въ низшихъ она съ каждымъ днемъ превращается въ соціальную ненависть къ непомѣрно растущей силѣ капитала, къ эксплуатаціи бѣдныхъ богатыми. Ненависть къ евреямъ, даже у черни, получила другое названіе. Что же касается правительствъ, то они наконецъ, дошли до мудраго воззрѣнія, что государство есть органическое тѣло, которое не можетъ достигнуть полнаго здоровья, покамѣсть хотя бы одинъ членъ его, будь это даже мизинецъ на ногѣ, страдаетъ какимъ нибудь недугомъ. Пусть государство поднимаетъ гордо голову, пусть оно широкой грудью сопротивляется всевозможнымъ бурямъ: сердце въ груди и даже гордая голова должна будетъ тоже чувствовать боль, если мизенецъ на ногѣ страдаетъ мозолями—ограниченія евреевъ суть такого рода мозоли на ногахъ нѣмецкихъ государствъ. И еслибы только правительства поразмыслили какою страшною опасностью угрожаютъ новыя доктрины основнымъ столпамъ всѣхъ положительныхъ религій, не исключая даже идеи деизма, что борьба между наукой и вѣрой вообще перестаетъ уже быть безобидной стычкой и скоро превратиться въ страшную войну на жизнь и на смерть,—еслибы правительства поразмыслили объ этихъ скрытыхъ опасностяхъ, они должны были бы радоваться, что еще существуютъ на свѣтѣ евреи, что «швейцарская гвардія деизма«, какъ называетъ ихъ поэтъ, еще стоитъ твердо на ногахъ, что существуетъ еще народъ Бога. Вмѣсто того, чтобы законодательными ограниченіями заставлять ихъ отступаться отъ своей религіи, слѣдовало бы назначить премію, чтобы укрѣплять ихъ въ ней, и строить имъ синагоги на государственной счетъ для того только, чтобы они ихъ посѣщали, а народъ, стоящій извнѣ могъ бы подумать: есть же еще на свѣтѣ вѣрующіе люди. Берегитесь, не старайтесь содѣйствовать крещенію евреевъ.... Вода скоро высыхаетъ. Споспѣшествуйте лучше обрѣзанію; оно врѣзывается въ плоти человѣческой.... Споспѣшествуйте обряду навязыванія священныхъ путлъ, которыми вѣра крѣпко привязывается къ рукѣ; государство должно было бы даромъ отпускать евреямъ на этотъ предметъ кожу, равно какъ и муку для опрѣсноковъ, которые вѣрующій Израиль грызетъ уже въ продолженіе трехъ тысячелѣтій. Споспѣшествуйте, ускорите эманципацію для того, чтобы она не наступила слишкомъ поздно и чтобы застала еще на свѣтѣ евреевъ, которые предпочитаютъ вѣру отцовъ благу дѣтей. Есть пословица: Пока мудрый будетъ перекидывать умомъ, и дуракъ успѣетъ пораздумать.»

Если Гейне, согласно съ этими высказанными имъ убѣжденіями, мало интересовался начатой Якобсономъ реформой въ синагогѣ, то тѣмъ болѣе сочувствовалъ онъ стремленіямъ «Общества», руководимаго Гансомъ и Цунцомъ. Съ 29-го сентября 1822 г. онъ аккуратно присутствовалъ въ засѣданіяхъ «Общества», писалъ отчасти ихъ протоколы и въ засѣданіяхъ 7 и 17 ноября прочиталъ подробный отчетъ о необходимости открытія женскаго общества, которое имѣло бы задачею пропогандировать стремленія его въ домашнемъ кругу и въ обществѣ. Зимою 1822—1823 г. Гейне былъ большею частью боленъ и, поэтому, не могъ написать порученный ему циркуляръ объ этомъ планѣ, и планъ этотъ остался не осуществленнымъ. Когда 23 февраля 1823 г. было предложено поручить кому либо составленіе религіознаго руководства для еврейскаго юношества, Гейне настоятельно предостерегалъ «Общество» отъ опасности, могущей возникнуть, если станутъ обходиться съ іудействомъ, какъ съ новѣйшимъ піэтизмомъ. Въ училищѣ «Общества» онъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду читалъ три раза въ недѣлю исторію; между его учениками находился знаменитый впослѣдствіи, недавно скончавшійся въ Парижѣ оріентолистъ Соломонъ Мункъ, который до конца жизни Гейне остался его вѣрнымъ личнымъ другомъ. Твердое желаніе содѣйствовать «Обществу» побудило его возобновить въ своей рейнской родинѣ прежнія знакомства, при помощи которыхъ ему, между прочимъ, удалось привлечь къ союзу въ качествѣ члена дядю своего Симона фонъ Гелдерна въ Дюссельдорфѣ. Гейне намѣревался также написать нѣсколько статей для «Журнала», но болѣзнь его помѣшала ему въ этомъ. Лѣтомъ 1823 г. онъ писалъ къ Мозеру *): «Очень хотѣлось бы мнѣ высказать въ пространной статьѣ для «Журнала» великое еврейское горе (какъ выражается Берне), и я исполню это, какъ только голова моя позволитъ. Какъ жаль, что Господь послалъ мнѣ эту болѣзнь;... а вѣдь я такъ много хочу сдѣлать для него. . . .» Еще въ 1824 году, когда онъ опять вступилъ въ Геттигенскій университетъ, его занимало живѣйшее желаніе содѣйствовать цѣлямъ «Общества». «Объ «Обществѣ» ты мнѣ мало пишешь», говоритъ онъ около этого времени въ письмѣ къ Мозеру. «Не думаешь ли ты, что дѣло нашихъ братьевъ уже не близко сердцу моему, какъ прежде? Въ этомъ случаѣ ты сильно ошибаешься. Хотя моя головная боль и подавляетъ духъ мой, однакожъ, я не отказался отъ дѣятельности. «Да завянетъ моя

*) См. Heine's Werke. Bd. XIX, p. 89.
**) Тамъ же p. 141 и сл.

десница, если забуду тебя Іерушалаимъ!»—вотъ слова псалмопѣвца—они еще до сихъ поръ и мои слова. Я бы желалъ поговорить съ тобою одинъ только часъ о томъ, что, побужденный моимъ собственнымъ положеніемъ, я думалъ объ Израилѣ, и ты увидишь, что ослы плодятся даже на Steinweg *) и что Гейне всегда остается и долженъ остаться Гейне. Если буду въ состояніи, то непремѣнно напишу хорошую статью для «Журнала». По крайней мѣрѣ, я въ скоромъ времени доставлю библіотекѣ извлеченіе изъ Геттингенскаго Реальнаго Словаря о литературѣ по еврейккому вопросу—если только стóитъ труда списать эту статью.»

Но «Журналъ» около этого времени уже прекратился и само «Общество» тоже находилось при смерти. Фридрихъ Вильгельмъ III, который всѣми находившимися во власти его средствами старался осуществить евангелическую унію, смотрѣлъ непріязненно на преобразовательное движеніе въ еврейской средѣ, хотя оно ограничивалось весьма скромными размѣрами; главнымъ же образомъ его близорукой волѣ было противно стремленіе ихъ къ культурному улучшенію. Уже въ первыхъ числахъ апрѣля 1823 г. онъ, на основаніи жалкаго доноса, приказалъ закрыть берлинскій храмъ; проповѣднику храма, д-ру Ауербаху, было запрещено исправленіе его должности, и сынъ реформатора Якобсона, д-ръ Якобсонъ, принужденъ былъ вѣнчаться съ своею, какъ онъ, просвѣщенною невѣстою у помощника главнаго земскаго раввина по старому обряду. «Она вынесетъ странную смѣсь свадебныхъ чувствъ» замѣтилъ Мозеръ, говоря объ этомъ фактѣ недостойнаго угнетенія совѣсти. Общество обращенія евреевъ въ христіанство основало тогда журналъ «Другъ Израильтянъ», который оно издавало подъ редакціей профессора Толука; печатаніе этого періодическаго изданія не встрѣчало никакихъ затрудненій со стороны цензуры. Когда же какой-то чиновникъ въ Бреславлѣ (по имени Бергисъ) обратился съ просьбою къ королю о разрѣшеніи напечатать недозволенную брошюру, въ которой онъ совѣтуетъ евреямъ ввести у себя нѣмецкое богослуженіе, ему данъ былъ слѣдующій отвѣтъ: «Такъ называемое улучшеніе еврейскаго культа вызвало бы только возникновенію новой секты, которую государство не можетъ терпѣть, и поэтому при всемъ сознаніи добраго намѣренія просителя, желаніе его распространять въ публикѣ подобнаго рода сочиненія не можетъ быть одобрено е. в. королемъ». Подобный же отвѣтъ получилъ нѣкто Гоге, который въ наполеоновское время принималъ участіе въ преобразовательномъ движеніе въ Сеезенѣ и впослѣдствіи былъ цензоромъ въ Варшавѣ, а въ 1823 г. пріѣхалъ въ Берлинъ и обратился къ королю съ просьбой о разрѣшеніи ввести нѣмецкое богослуженіе у евреевъ. «Законное вѣроисповѣданіе для тѣхъ, которые не принадлежатъ къ іудейству и въ тоже время не хотятъ принять крещенія, не можетъ быть разрѣшено.»

*) Главная еврейская улица въ Гамбургѣ.

Рука объ руку съ этими внѣшними препятствіями, которыя встрѣчала реформа іудейства, шла внутрення слабость и равнодушіе большей части еврейскаго населенія къ идеальнымъ стремленіямъ тѣхъ пламенныхъ умовъ, которые вызвали къ жизни «Общество культуры и науки евреевъ». Въ отчетѣ отъ 4 Мая 1823 г., читанномъ въ собраніи «Общества», Эдуардъ Гансъ краснорѣчиво жаловался на эту апатію его единовѣрцевъ. Нѣсколько раньше этого времени, онъ писалъ къ своему другу Вольвилю: «Когда господствуетъ такая тупость, такой недостатокъ всякаго воодушевленія, когда глупость и безсмысліе такъ быстро распространяются, то, право, не стóитъ труда заботиться дальше объ этой кликѣ. Я принужденъ буду высказать это въ отчетѣ». Въ этомъ отчетѣ онъ сначала въ философскихъ выраженіяхъ указываетъ на необходимость привести іудейство въ согласіе съ требованіями времени. «Если же вы спросите меня, чего требуетъ время, то я отвѣчу: оно требуетъ сознанія самаго себя, оно хочетъ не только существовать, но и знать себя. Ни одна жизнь не можетъ существовать безъ убѣжденія въ необходимости своей, ни одно явленіе не можетъ появиться, о которомъ не существовало убѣжденіе, что оно должно явиться такъ, а не иначе. Примѣняя это настоятельное требованіе времени къ нашему «Обществу», я нахожу, что постоянной задачей его было привести іудейство, какъ исключительный предметъ его занятій, къ сознанію, побудить еврейскій міръ уразумѣть самаго себя. Что не можетъ оправдаться и отвѣчать передъ сознаніемъ, отъ того время отварачивается, какъ отъ ничтожества, подлежащаго исчезновенію. Чтó въ іудействѣ, передъ наукой, въ ея современномъ видѣ, не можетъ доказать необходимость своего существованія, то не падетъ въ будущемъ и не требуетъ особеннаго толчка для своего паденія, но уже упало и низвергнуто тѣмъ, что оно не могло оправдаться передъ наукой. Въ то время, какъ вы существующее уважаете и признаете существующимъ, всякое явленіе, которое не имѣетъ права на это признаніе, должно считаться выступившимъ изъ круга и изчезнувшимъ». Послѣ этой перефразировки Гегелевой докрины, что все существующее разумно, а потому самому только разумное можетъ имѣть дѣйствительное существованіе, Гансъ обращается къ препятствіямъ,

которыя мѣшали дѣятельности «Общества». «Эти препятсвія, продолжаетъ онъ, не мысль, борющаяся противъ мысли,— нѣтъ, они заключаются въ томъ именно, что всегда являлись непримиримымъ врагомъ мысли, потому что оно—то, что лишено всякой мысли—именно чисто внѣшнія и матеріальныя обстоятельства повседневной пустой жизни». Это обвиненіе основывается на доказательствѣ, что хотя со времени Моисея Мендельсона для евреевъ и взошла заря лучшей культуры и совершился разрывъ съ односторонней сплошною замкнутостью прошлаго, но необходимое, «глубокое возвращеніе къ искренности стараго существованія», не совершилось. «Воодушевленіе къ религіи, къ цѣльности прежнихъ отношеній, изчезло, но не наступило новое воодушевленіе и новыя отношенія не были созданы. Дѣло осталось при томъ отрицательномъ просвѣщеніи, которое состояло въ презрѣніи и въ осмѣяніи существующаго, но никто не далъ себѣ труда наполнить пустую абстракцію новымъ содержаніемъ. Это состояніе полнѣйшаго разложенія. Если посмотримъ на единство и искренность общинной жизни, то мы не найдемъ ни обороны и защиты противъ нападеній извнѣ, ни силы и разумности во внутреннемъ управленіи. Если посмотримъ на самыхъ членовъ общины, то мы увидимъ, что это только атомы, преслѣдующіе свои частныя интересы, раздробленные и разложившіеся, обращенные къ самимъ себѣ и считающіе высочайшимъ благомъ самихъ себя. Тутъ нѣтъ общей привязанности, которая бы соединяла ихъ кромѣ развѣ страха, нѣтъ высшаго интереса, въ пользу котораго они бы были въ состояніи пожертвовать чѣмъ нибудь изъ своихъ земныхъ благъ, кромѣ развѣ сострадания—добродѣтель, знамени котораго они присягнули, потому что она самая чувственная изъ всѣхъ добродѣтелей. Съ какой стороны къ нимъ ни подступишь—опять все таже добродѣтель является ихъ защитницей, и если ихъ упрекаютъ за то, что они не имѣютъ общественныхъ школъ и никакихъ заслугъ въ дѣлѣ общаго образованія, то они указываютъ на общественный госпиталь, который долженъ защитить ихъ. Посмотримъ на образованіе отдѣльныхъ личностей—гдѣ эти просвѣщенные мужи съ современнымъ образованіемъ, которые стоятъ во главѣ управленія? Гдѣ вообще тѣ, которые достойны быть представителями? Все что усвоено ими изъ европейскаго образованія—не настоящее основательное просвѣщеніе, а лишь плоская и пустая внѣшность, блистаніе формами и приличіями жизни, которыя тѣмъ несноснѣе, чѣмъ меньше въ нихъ замѣтно внутреннее содержаніе. Чтобы это, извнутри совершенно сгнившее, зданіе имѣло извнѣ какой нибудь прикрашенный видъ—для этого, какъ въ доброе старое время, выставили просвѣщеніе вывѣскою, чтобъ оно, по крайней мѣрѣ, показало фирму, подъ которой думаютъ продолжать свои дѣла». Даже нѣкоторыхъ изъ членовъ «Общества», въ особенности иногородныхъ, Гансъ въ концѣ своего отчета упрекаетъ въ томъ, что не обнаружили той дѣятельности, которой ожидали отъ ихъ усердія, и что они хотѣли навязывать «Обществу» партикуляристическія цѣли совершенно исключительнаго свойства. «Но мы должны стоять выше этихъ частностей и этой полезности. Идея должа вызвать сочлененія и различія, въ которыхъ она опредѣляется и обнаруживается; тамъ, гдѣ она является производящею, произведенное, конечно, какъ ея проявленіе, должно быть поддерживаемо и охраняемо; но безсвязное ощупываніе этого одиночнаго въ мірѣ внѣшнихъ явленій, осуществленіе отдѣльныхъ цѣлей безъ сознанія почему это дѣлается, какъ бы похвально оно само по себѣ ни было, не составляетъ, по крайней мѣрѣ, предмета нашихъ желаній. Мы боролись и будемъ бороться за связь, которая кроется въ идеѣ. Но кто не можетъ понять, какъ можно держаться идеи и бороться за нее, тотъ сдѣлаетъ лучше, если отдѣлится отъ насъ и возвратится въ міръ полезностей и частныхъ стремленій.»

Но и этотъ рѣзкій языкъ ни къ чему не повелъ. Число членовъ «Общества» не увеличилось, денежные взносы получались все менѣе, и даже на научные запросы иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ не получалось удовлетворительнаго отвѣта отъ дружественныхъ лицъ въ Гамбургѣ. «Если лучшіе такъ оставляютъ меня безъ поддержки», жалуется Цунцъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, осенью 1823 года,—«то къ худшимъ я обращаться не могу! «Общество», мнѣ кажется, не достигнетъ цѣли, и то—вслѣдствіе страшнаго упадка евреевъ. Ни одно изъ его учрежденій не процвѣтаетъ какъ слѣдуетъ; значительная часть его членовъ едва шевелятъ пальцами; возвышенный надъ всякими эпитетами Давидъ Фрёнкель, хотя, вѣрно для шутки, и принялъ въ своей госпожѣ Суламитъ *) всякіе puerillia, jocosa, ludibria, nugas, scurrilia, ridicula, falsaria etc., но ни слова не сказалъ объ «Обществѣ»! Прежде, чѣмъ мы получимъ нѣсколькихъ *воодушевленныхъ богатыхъ* евреевъ, мы не подвинемся впередъ; но такихъ намъ нужно будетъ только показывать за деньги, до того они рѣдки въ Германіи». Еще рѣзче Цунцъ выражаетъ свое негодованіе въ письмѣ къ Вольвилю лѣтомъ 1824 г. «Дошло уже до того, что я вовсе не вѣрю въ возможность еврейской реформаціи камнемъ нужно бросить въ этотъ призракъ и прогнать его. Хо-

*) Названіе изданныхъ Френкелемъ сборниковъ.

рошіе евреи—это азіяты или (сами того не сознавая) христіане, или тѣ немногіе, къ которымъ принадлежу я и еще нѣкоторые, иначе я бы стыдился быть такъ не скроменъ. Но горькая иронія не знаетъ благоприличія. Евреи и іудейство, которыхъ мы думали преобразовать, разъединены и составляютъ добычу варваровъ, купцевъ, мѣнялъ, идіотовъ и парнасимъ (общественныхъ представителей). Солнце не разъ еще опишетъ свой кругъ, а племя это все будетъ какъ теперь разъединеннымъ, принуждаемымъ переходить въ христіанскую религію, дающую имъ хлѣбъ, безъ убѣжденія и принципа,—отчасти въ старой грязи, брошеннымъ Европой въ сторону, прозябающимъ, съ высохшими глазами обращенными къ ослу Мессіи или къ какому либо другому длинноухому животному—отчасти перелистывающимъ государственныя бумаги и энциклопедическій словарь; то богатымъ, то обанкрутившимся; то угнетаемымъ, то терпимымъ. Ихъ собственная наука умерла у германскихъ евреевъ, а къ европейской наукѣ они потому не чувствуютъ влеченія, что они, измѣняя себѣ, отчуждены отъ идеи и рабы одного лишь эгоизма. Эту печать ихъ упадка носятъ также и ихъ писаки, проповѣдники, члены консисторій, общинное устройство, парнасимъ, титулы, собранія, учрежденія, подписки, ихъ литература, книжная торговля, ихъ представительство, ихъ счастіе и несчастіе. Нѣтъ учрежденій, нѣтъ сердца и нѣтъ смысла! Все какая-то каша изъ молитвы, маркъ банко и рахмонесъ (состраданье) съ крохами просвѣщенія и хилука (остроумное талмудическое словопреніе)! Послѣ этой ужасной картины іудейства вы, вѣроятно, уже не требуете объясненій, почему «Общество» скончалось вмѣстѣ съ своимъ органомъ, и ихъ отсутствіе также мало замѣчаютъ какъ и отсутствіе храмовъ, училищъ и гражданскаго счастія. «Общество» умерло не вслѣдствіе его специальныхъ отдѣленій—это можно было бы назвать лишь слѣдствіемъ ошибки администраціи—нѣтъ, оно въ дѣйствительности никогда не существовало. Нашлось пять, десять человѣкъ воодушевленныхъ, и какъ Моисей, дерзнули надѣяться на дальнѣйшее процвѣтаніе и распространеніе этого духа. Это былъ призракъ. Только одна наука іудейства нетлѣнно возвышается изъ этого мабула (потопа), ибо она живетъ, если даже цѣлые вѣка никто для нея не пошевелилъ пальцемъ. Я сознаюсь, что послѣ надежды на судъ божій занятіе этой наукою составляетъ мое единственное утѣшеніе и опору. На меня самаго не будутъ имѣть вліяніе тѣ бури и опыты, которые могли бы разъединить меня съ самимъ собою. Я сдѣлалъ все, что считалъ своимъ долгомъ. Такъ какъ я видѣлъ, что проповѣдую въ пустынѣ, то я перестал проповѣдовать, но не для того, чтобы отступиться самому отъ содержанія мо ихъ словъ. Sapienti sat.—

Изъ всего этого вы можете заключить, что я не могу подать голосъ въ пользу шумнаго закрытія «Общества». Такое закрытіе, если оно не внушено однимъ самолюбіемъ и не напомнитъ басню о лопнувшей лягушкѣ, на евреевъ и т. п., будетъ имѣть также мало вліянія, какъ и все, что до сихъ поръ было сдѣлано. Членамъ не остается ничего больше, какъ только, оставаясь вѣрными самимъ себѣ, дѣйствовать въ своемъ собственномъ тѣсномъ кругу, а дальнѣйшее предоставить волѣ Провидѣнія».

Вся позднѣйшая дѣятельность этого превосходнаго человѣка находилась въ полномъ истинно-рѣдкомъ согласіи съ вышесказанными намѣреніями и совершенно оправдываетъ хвалу Гейне, который говоритъ о немъ, что Цунцъ, «въ колеблющуюся, переходную эпоху, всегда сохранялъ неразрушимую твердость и непоколебимость, и не смотря на его остроуміе, скептицизмъ и ученость, все таки остался вѣренъ данному себѣ слову, великодушному капризу своей души. Человѣкъ слова и дѣла, онъ создавалъ и дѣйствовалъ тамъ, гдѣ другіе мечтали и падали въ уныніе». Ученому міру извѣстно, что Леопольдъ Цунцъ, своими великими изслѣдованіями на поприщѣ языкознанія и культурно- и литературно-историческомъ *), сдѣлался однимъ изъ главныхъ виновниковъ той научной обработки еврейской литературы, которая имѣла такое существенное вліяніе на реформу іудейства. Не менѣе высоко должно цѣнить его педагогическія заслуги. Основаніемъ берлинскаго еврейскаго общественнаго училища, руководство котораго онъ принялъ съ 1825 г., въ сущности обязаны ему и Мозеру. Въ 1835 г. его призвали проповѣдникомъ въ Прагу, но въ 1835 г. онъ снова возвратился въ Берлинъ и сталъ во главѣ основанной тамъ семинаріи для образованія еврейскихъ учителей, существовавшей до 1850 г. И еще теперь, въ глубокой старости, онъ сохранилъ теплоту молодаго сердца и тотъ неподкупный свободный взглядъ, которымъ онъ уже пятьдесять лѣтъ назадъ съ высоты благородной идеи смотрѣлъ на умственное движеніе вѣка и своимъ упавшимъ одноплеменникамъ указывалъ цѣли и пути европейскаго образованія.

Такою безкорыстною вѣрностью разъ принятому направленію

*) Главныя его сочиненія — кромѣ помѣщеннаго въ журналѣ «Общества», впослѣдствіи значительно дополненнаго остроумнаго изслѣдованія о жизни Раши:—капитальное для науки іудейства произведеніе: «Die gottesdienstlichen Vorträge der Juden» (литургія евреевъ 1832), «Къ исторіи и литературѣ» (1845), «Синагогольная поэзія среднихъ вѣковъ» (1855), «Обрядъ синагогальнаго богослуженія» (1859), и интересное маленькое сочиненіе «О собственныхъ именахъ евреевъ» (1836).

меньше всего отличался председатель «Общества», Эдуардъ Гансъ. Гейне, въ своемъ некрологѣ Лудвигу Маркусу, произноситъ надъ нимъ тяжкій приговоръ, котораго мы бы не рѣшились подписать, не смотря на то, что и до сихъ поръ всѣ большею частью раздѣляютъ это мнѣніе. Онъ говоритъ именно: «Этотъ высокоталантливый человѣкъ меньше всего можетъ похвалиться скромнымъ самопожертвованіемъ и тайнымъ мученичествомъ. И если душа его быстро и широко раскрывалась при всякомъ вопросѣ о благѣ человѣчества, то онъ все таки, даже въ чару вдохновенія, никогда не упускалъ изъ виду своихъ личныхъ интересовъ. Съ горечью я долженъ замѣтить, что Гансъ, относительно упомянутаго «Общества культуры и науки евреевъ», поступилъ крайне нечестно и провинился въ самой тяжкой измѣнѣ. Его отступничество тѣмъ противнѣе, что онъ игралъ роль агитатора и принялъ опредѣленныя президентскія обязанности. Изстари установившаяся обязанность требуетъ, чтобы капиталъ однимъ изъ послѣднихъ оставлялъ корабль, потерпѣвшій крушеніе—Гансъ же прежде всѣхъ спасся самъ». Какъ ни справедливы вообще эти замѣчанія и какъ ни мало поведеніе Ганса въ этомъ дѣлѣ достойно человѣка съ твердымъ характеромъ—однако нѣкоторыя обстоятельства смягчаютъ его вину. Во первыхъ, не вѣрно, что Гансъ, какъ увѣряетъ Гейне, а между прочимъ, и Іостъ, оставилъ общее дѣло въ такой моментъ, когда «Общество» было близко къ паденію. Онъ оставался вѣрнымъ «Обществу», пока оно существовало, и только когда уже прошелъ цѣлый годъ послѣ того, какъ оно само закрылось, Гансъ, осенью 1825 года, перешелъ въ христіанство. Онъ долго противился этому шагу, и министръ Гарденбергъ весьма серьезно хлопоталъ у набожнаго короля о разрѣшеніи этому талантливому молодому человѣку вступить въ государственную службу, не налагая на него такое стѣсненіе его совѣсти. Но его величество «не любилъ никакихъ нововведеній», а когда со смертью Гарденберга для Ганса исчезла всякая возможность, оставаясь евреемъ, достичь университетской профессуры, онъ сдѣлалъ напрасныя попытки доставить себѣ независимое положеніе во Франціи или Англіи, прежде чѣмъ рѣшился на принужденную перемѣну религіи. Онъ даже тогда серьезно думалъ о томъ, какъ это видно изъ письма къ Вольвилю, чтобы оставить не только Германію, но и Европу вообще, и переселиться въ Новый Свѣтъ. Что его ничто не привязывало къ іудейству послѣ того, какъ оказалось невозможнымъ осуществить великую идею «Общества», вслѣдствіе несочувствія самихъ евреевъ—это мы уже замѣтили выше. Нѣчто подобное говоритъ и Мозеръ, по случаю крещенія въ 1824 г. другаго единовѣрца, писателя Даніеля Лесмана. «Было время», пишетъ онъ, «когда такой шагъ считался у меня измѣной дружбѣ, но теперь я въ еврейскомъ обществѣ не знаю ничего такого моральнаго, что обязывало бы къ благородной борьбѣ. Въ этой всеобщей разъединенности всякому предоставляется заботиться о томъ, какъ развязаться съ своими семейными отношеніями и т. д., которыя его стѣсняютъ. Это большая глупость со стороны правительствъ, что они не хотятъ *предположить*, что евреи, коль скоро они вступаютъ въ государственную и гражданскую жизнь, непосредственно дѣлаются христіанами и что они не хотятъ признать совершившимся то, чего они стремятся достигнуть многими, столь же безполезными какъ и жестокими мѣрами...»

Самое вѣрное сужденіе о мотивахъ, которые побудили Ганса къ перемѣнѣ религіи, заключается, какъ намъ кажется, въ слѣдующихъ словахъ Мозера, въ письмѣ его отъ 29 августа 1825 года: «Слухи о Гансѣ внушаютъ мнѣ сомнѣнія въ твердости его рѣшенія такъ скоро перемѣнить мундиръ. Хотя онъ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ лишь сильному влеченію своего духа, въ которомъ, вмѣсто прежней симпатіи къ іудейству, вызванной предполагавшейся въ немъ субстанціей, весьма естественно воцарилась антипатія, когда оно ему показалось обветшалымъ и безъ духовнаго содержанія, то я все таки полагалъ бы, вслѣдствіе нѣкоторыхъ личныхъ отношеній, что дѣло это еще не такъ близко. Какъ натураленъ этотъ переходъ совершился у Ганса, столь же натуральны и восклицанія противъ него гамбургцевъ. Недоразумѣніе насчетъ обоихъ этихъ направленій уже существовало съ самаго начала, когда они, повидимому, бѣгали еще вмѣстѣ, но только теперь лишь открылось, точно также съ теченіемъ времени природа вещей, которая въ сущности лишь одна, обнаружитъ свою тайную силу тѣмъ, что когда нибудь снова приведетъ эти оба направленія къ одной тождественной точкѣ.» Сверхъ того, слѣдуетъ еще упомянуть, что въ эту печальную эпоху, предшествовавшую іюльской революціи, жизнь въ Германіи была до того болѣзнена и въ такомъ упадкѣ, что человѣкъ съ твердымъ убѣжденіемъ принадлежалъ къ самымъ рѣдкимъ исключеніямъ. И если Эдуарда Ганса никакъ нельзя оправдать за то, что онъ съ перемѣною религіи, доставившею ему профессуру при берлинскомъ университетѣ, переставъ питать интересъ къ судьбамъ своихъ прежнихъ сотоварищей по вѣрѣ и по страданіямъ, то онъ все таки оставался храбрымъ бойцемъ свободной науки и политической свободы въ такое время, когда подобная борьба, право, далеко не было легкою, а напротивъ, всякое прогрессивное стремленіе встрѣчалось съ реставраціонною яростью и подвергалось страшнымъ преслѣдованіямъ. Заслуги Ганса въ этомъ направленіи

весьма охотно признавалъ и Гейне, и вотъ, что онъ говоритъ по этому поводу: «Гансъ былъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ апостоловъ Гегелевой философіи, а въ наукѣ онъ разрушительно выступалъ противъ тѣхъ лакеевъ древнеримскаго права, которые, не имѣя понятія о духѣ, который нѣкогда оживлялъ древнее законодательство, занимаются лишь тѣмъ, что выколачиваютъ пыль отъ оставленнаго имъ гардероба, очищаютъ его отъ моли, или даже заплатами приспособляютъ для новѣйшаго употребленія. Гансъ бичевалъ это нравственное рабство даже въ самой элегантной его ливреѣ. Какъ стонетъ подъ его пятой несчастная душа господина фонъ-Савиньи! Еще болѣе своимъ словомъ, чѣмъ своими сочиненіями, Гансъ споспѣшествовалъ развитію въ Германіи духа свободы; онъ освободилъ самыя закабаленныя мысли и срывалъ маску со всякой лжи. Онъ былъ подвижный огненный духъ, искры остроумія котораго превосходно зажигали или, по крайней мѣрѣ, великолѣпно блистали.»

Самая интересная личность въ этомъ кругу воодушевленныхъ благородными цѣлями юношей, исторію которыхъ мы старались вкратцѣ изложить здѣсь—былъ Моисей Мозеръ. О внѣшней его жизни можно сообщить лишь очень немногое. Родившись въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія въ Лейпенэ, маленькомъ мѣстечкѣ въ Неймаркѣ, онъ рано прибылъ въ Берлинъ, гдѣ въ банкирскомъ домѣ М. Фридлендера получилъ прочное мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ. Въ августѣ 1838 года онъ умеръ въ своемъ родномъ городкѣ, куда онъ отправился, чтобы навѣстить своего стараго отца. Не смотря на препятствія, которыя его однообразныя конторскія занятія, отнимавшія у него много времени, представляли серьезно научнымъ занятіямъ, тѣмъ не менѣе Мозеръ неутомимымъ прилежаніемъ съумѣлъ достичь истинно универсальнаго образованія. Мы уже знаемъ о его философскихъ и историческихъ занятіяхъ, которыя шли у него не урывками, то здѣсь, то тамъ, а по возможности систематически и методически. Будучи отличнымъ математикомъ и хорошо знакомый съ новѣйшими и классической литературами, онъ съ одинаковымъ интересомъ слушалъ лекціи Гегеля о философіи исторіи, чтенія Фридриха Августа Вольфа о Гомерѣ и объясненія индійскаго языка и поэзіи Франца Боппа. Изученіе санскритскаго языка было въ теченіе многихъ лѣтъ его любимымъ занятіемъ, а чтенія его въ «Обществѣ культуры и науки евреевъ» показываютъ, что онъ обратилъ спеціальное вниманіе и на политическую и культурную исторію своихъ единовѣрцевъ и усвоилъ себѣ, кромѣ того, художественную форму выраженія. Если мы спросимъ—почему такой многосторонне образованный, настоящимъ научнымъ духомъ воодушевленный человѣкъ, который, кромѣ того, былъ обуреваемъ

страстнымъ влеченіемъ къ дѣятельности, не успѣлъ выработать ни одного большаго сочиненія и его лишь иногда могли склонить написать какую нибудь газетную статью или рецензію на книгу, то мы, въ самомъ дѣлѣ, не находимъ никакого другаго отвѣта, кромѣ «атомистическаго раздробленія» его существа, которое причиняла его конторская жизнь, на которое онъ постоянно жаловался въ своихъ письмахъ и которое дѣйствительно лишало его спокойствія и настроенія, необходимаго для художественнаго воспроизведенія его мыслей. «Я не могу», пишетъ онъ, «придти къ тому, чтобы создать изъ себя что нибудь дѣльное и изъ хаотически между собою смѣшанныхъ элементовъ моего духа воспроизвести хоть одинъ прекрасный образъ. Это даже не усиленныя практическія занятія, въ которыхъ проходитъ мое время и которыя оставили бы хоть наслажденіе умственнаго отдохновенія, а какая то неопредѣленная смѣсь ничтожной, вялой дѣятельности, при которой умъ передается какому то безпокойному летанію, разъединяющему его въ самомъ себѣ.... Когда мною овладѣваетъ это чувство, я спасаюсь въ какой нибудь ящикъ научной спеціальности и только по временамъ высовываю голову. Но за тѣмъ мною снова овладѣваетъ старое неодолимое влеченіе шарить въ хаосѣ и я прыгаю, какъ сумашедшій. Во мнѣ происходитъ страшная борьба универсальнаго и индивидуальнаго, которая совершенно заморила бы меня, если бы я до девяти часовъ утра не спалъ и вечеромъ не дѣлалъ бы визитовъ». «Во мнѣ все еще таятся великія идеи научныхъ работъ», говоритъ онъ въ другомъ письмѣ, «хотя глаза мои не позволяютъ мнѣ вечеромъ заниматься, а днемъ ни за что не могу приняться. При моихъ сильно стѣсненныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ меня поддерживаетъ, если не мой умъ, который требуетъ реальной дѣйствительности, то моя фантазія, парящая въ сферѣ безконечной свободы; это неудовлетворенное влеченіе, вмѣсто того, чтобы помрачать и подавлять мой духъ, напротивъ, постоянно поддерживаетъ его свѣжесть и бодрость, и во мнѣ живетъ сознаніе, которое никогда не старѣется и изъ котораго ежеминутно можно создать новую жизнь».—«Я бы хотѣлъ путешествовать», пишетъ онъ въ другой разъ, «но я прикованъ къ желѣзной цѣпи. Впрочемъ, теперь такое время, въ которое и путешествіе не въ состояніи надлежащимъ образомъ освѣжить человѣка. Вездѣ апатія и безутѣшность. О, еслибъ можно было гулять на лунѣ, гдѣ земля отражаетъ лишь бѣлый свѣтъ солнца и гдѣ не видно той пыли, которая насъ окружаетъ. Это самая дѣльная мысль, которая приходитъ мнѣ въ голову во время биржи и соединяется тамъ съ вексельными и фондовыми курсами». Но какъ Мозеръ вообще съ разумнымъ смиреніемъ мирился съ требова-

ніями часто весьма неудовлетворительнаго настоящаго, такъ и это желаніе было лишь проходящимъ неудовольствіемъ благородной души, и онъ очень хорошо знаетъ, что въ настоящее время во всякомъ, хоть сколько нибудь значительномъ мѣстѣ можно жить и дѣйствовать: «Вездѣ люди стараются создать себѣ существованіе, которое имъ наиболѣе по душѣ, и мѣстность не обусловливаетъ особеннаго различія характеровъ, въ особенности въ наше время, гдѣ индивидуальныя формаціи духовнаго существа всѣ мирятся между собою и земля мало по малу превращается во всеобъемлющую родину для всякаго отдѣльнаго человѣка». Этотъ мощный духъ, который не даетъ побѣждать себя случайностямъ внѣшней жизни, потому что онъ становится на высоту идеи, единственно существенной, находитъ себѣ великолѣпное выраженіе въ слѣдующихъ словахъ, которыми Мозеръ читаетъ натацію своему другу — ипохондрику: «Я тоже не живу въ полномъ осуществленіи моихъ колыбельныхъ пѣсенъ и юношескихъ мечтаній, но я всегда ненавидѣлъ всякое оханье и аханье. О томъ, что можетъ произойти, если съ крыши упадетъ камень, въ то время, когда я пройду мимо—я не забочусь. Дѣйствительность, въ созданіи которой я не учасквовалъ, такую дѣйствительность я презираю. Я ничего знать не хочу о рабствѣ философіи блаженства. Пассивный принципъ получаетъ жизнь и теплоту только отъ активнаго — и въ такомъ духѣ я бы могъ перечислить тебѣ множество тезисовъ, которые ты всѣ также хорошо *знаешь*, но они не составляютъ дѣйствительность въ твоей жизни. Такъ *работай* же, если ты не находишь чѣмъ *наслаждаться*. Съ первою мыслью объ истинно-научномъ трудѣ ты махнешъ рукой на всѣ эти мелочи, которыя тебя тяготѣютъ». Согласно съ этими увѣщаніями, и самъ Мозеръ, въ мрачныя, однообразныя эпохи, все снова углублялся въ освѣжающія научныя занятія. «Мое единственное утѣшеніе», говоритъ онъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ, «это наука, — не та заросшая, хилая наука, которая называется ученостью, а та свободная, высокая, которая возвышаетъ духъ, въ одно и тоже время обнимаетъ небо и землю, и отъ которой все существо проникается міровымъ сознаніемъ. Мое настоящее мѣстопребываніе на берегахъ Ганга. Я слышу голосъ первобытнаго духа этой страны, говорящаго на собственномъ языкѣ; я вижу грандіозные мистическіе и фантастическіе образы, порожденные прежнимъ міромъ, подобно погибшимъ животнымъ организаціямъ, подпимающимися предо мною изъ глубокихъ шахтъ. Къ этимъ рудокопнымъ работамъ въ области духа побудило меня негодованіе по поводу нынѣшняго политическаго положенія дѣлъ.»—«Развѣ это не несчастіе», спрашиваетъ онъ въ другомъ письмѣ, «что нашъ духъ сдѣлался

такъ универсаленъ, между тѣмъ, какъ мы принуждены томиться въ самыхъ ограниченныхъ отношеніяхъ, должны стоять позади сцены, какъ простыестатисты, между тѣмъ какъ ничтожные актеры нахально высовываются впередъ и безобразятъ Богу его міровую трагедію? Еслибы, для обнаруженія большей дѣятельности, можно было бы взять на себя очистку лампъ, то это послужило бы къ тому, чтобы зрители, покрайней мѣрѣ, лучше видѣли ихъ скверную игру,—но впрочемъ свѣтильня крѣпче ножницъ: не успѣешь обрѣзать ее, какъ уже является новый нагаръ.... Но я слышу музыку вдали—это все вздоръ, что я писалъ здѣсь, жизнь все таки прекрасна, если мы ее только устроиваемъ какъ слѣдуетъ».

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что человѣкъ, который съ такимъ свободнымъ и непредубѣжденнымъ взглядомъ смотрѣлъ на исторію временъ и народовъ и черпалъ свое вдохновеніе для возвышенія іудейства на степень современной культуры и науки изъ гуманистическихъ идей вѣка, нѣтъ ничего удивительнаго, что такой человѣкъ, исполнился, подобно Гансу и Цунцу, негодованія, когда высокія стремленія «Общества» рушились о равнодушіе и несочувствіе собственныхъ единовѣрцевъ. Единственные предметы, которыми еще нѣсколько интересовались образованные евреи въ Берлинѣ и Гамбургѣ, были лишь улучшеніе культа въ синагогѣ и вопросъ о школьномъ образованіи, впрочемъ даже сочувствіе къ дѣлу улучшенія культа было до того ничтожно, что послѣ закрытія храма въ еврейской общинѣ возникли самыя противныя ссоры, для улаженія которыхъ призвали, наконецъ, даже государственную власть,—правда, лишь для того, чтобы получить отъ министра Шукмана ѣдкій отвѣтъ: Такъ какъ еврейская община у насъ только терпимая, то она не имѣетъ права требовать, чтобы государство пеклось о ея дѣлахъ.

«Для меня нѣтъ ничего противнѣе, какъ говорить о еврейскихъ дѣлахъ», писалъ Мозеръ, спустя нѣсколько недѣль послѣ обнародованія рѣзкаго отчета Ганса о препятствіяхъ, мѣшающихъ успѣшной дѣятельности «Общества». «Если берлинцевъ изображаютъ бѣлымъ пивомъ, то берлинскихъ евреевъ слѣдуетъ изображать тѣмъ же пивомъ, только выдохшимся. Кто захочетъ посмотрѣть на этотъ безвкусный напитокъ! Что до насъ, то мы должны превратить его въ уксусъ—вотъ единственный способъ сдѣлать его удобоупотребительнымъ! «Общество» вынуждено ограничиваться лишь мыслью и словомъ, отъ всѣхъ другихъ стремленій оно должно отказаться, но за то въ нихъ оно должно сосредоточить всю свою силу и энергію. Второй томъ «Журнала» будетъ говорить уже совершенно другимъ языкомъ, чѣмъ первый. Въ насъ самихъ все болѣе и болѣе выясняется сознаніе того, чего мы желаемъ, а это желаніе—говорить все, что у насъ на душѣ,

и ничего больше. Теперь намъ ничто уже не мѣшаетъ въ этомъ отношеніи, кромѣ развѣ цензуры».—«Евреи! Евреи!» жалуется онъ мѣсяца два послѣ этого; «мнѣ грустно думать о нихъ. Нѣтъ болѣе горькой борьбы любви и ненависти въ одномъ и томъ же предметѣ, чѣмъ эта. Но я вижу приближающуюся необходимость, что лучшіе изъ нихъ, въ концѣ-концовъ, должны будутъ сдѣлаться *открытыми* противниками еврейства. *Самъ по себѣ* такимъ уже былъ первый, который обратилъ вниманіе на латинскую азбуку на листахъ Талмуда». И при закрытіи «Общества» въ маѣ 1824 года, онъ писалъ: «Отъ еврейства ничего болѣе не осталось, кромѣ боли на душѣ нѣсколькихъ человѣкъ. Мумія распадается въ прахъ при прикосновеніи съ свѣжей атмосферой и замѣчательная мысль изображенныхъ на ней іероглифовъ превратится еще, кромѣ того, въ современную альбомную сетенцію, точно Моисей родился и воспитывался на Бурстѣ*) и, въ выработкѣ слога, дошелъ до того, что можетъ сотрудничать въ «Лейпцигской Литературной Газетѣ». Это вовсе не ревность къ іудейству, какъ *они* ее называютъ—на чучелѣ раввина въ зоологическомъ саду можно лучше изучать іудейство, чѣмъ на вѣсхъ живыхъ проповѣдникахъ храма. Іудейство необходимо прекращается тамъ, гдѣ народъ начинаетъ забывать и терять сознаніе, что онъ народъ божій. Съ этихъ поръ нѣтъ никакой другой религіи, кромѣ всемірной, какъ показываютъ Христосъ и Магометъ. «Общество» сдѣлало попытку, чтобы этотъ тяжелый переходъ могъ совершиться въ сферѣ свободнаго сознанія, но его не поняли и еще менѣе поддерживали. Однако, все что особенно необходимо, будетъ высказано органомъ отдѣльныхъ лицъ. Пусть не считаютъ закрытіе «Общества» непослѣдовательностью. Чего мы дѣйствительно желали, мы и теперь желаемъ еще, и можемъ желать, если бы мы даже всѣ перекрестились. Опредѣлить содержаніе всемірной религіи изъ насъ самихъ или изъ духа евреевъ (еслибъ такой выходилъ за предѣлы языка и обычая)—такой химеры, мы никогда не лелѣяли. Современная рефлексія іудейства выходитъ изъ предѣловъ истины, становится сектаторствомъ, эстетическимъ хламомъ и т. д., если она принимаетъ видъ всеобщаго объективнаго принципа, ибо она представляетъ собою лишь принципъ чисто субъективный, который съ почвы народной религіи долженъ быть перенесенъ на почву всемірной...»

Не смотря на ясное сознаніе второстепенной важности вѣсхъ специфически-еврейскихъ стремленій, Мозеръ не премѣнилъ религіознаго мундира, какъ это сдѣлалъ Гансъ, съ гордою непоколебимостью оставался вѣренъ своимъ товарищамъ по несчастію и съ прежнимъ усердіемъ участвовалъ во всѣхъ попыткахъ къ улучшенію воспитанія, равно какъ и ихъ гражданскаго и политическаго положенія. Какимъ высокимъ уваженіемъ онъ пользовался у нихъ доказываетъ, между прочимъ, выборъ его въ предсѣдатели «Общества друзей», и эту почетную должность онъ занималъ до самой своей смерти. Его любезность и готовность къ жертвамъ для другихъ были почти безпримѣрны. Этотъ «маркизъ Поза своихъ друзей», какъ называла его г-жа Цунцъ, во всякое время охотно открывалъ имъ свое сердце и свой кошелекъ и относился къ ихъ слабостямъ съ такою снисходительностью, что Гейне въ шутку замѣчаетъ: «Вольвиль не давно увѣрялъ, что ты, если другъ тебя обкрадетъ, все таки ему сохранишь свою дружбу и скажешь только: «что-жъ дѣлать, у него есть этотъ недостатокъ, но это должно простить ему изъ за лучшихъ его качествъ». Толстый почитатель монады *) самъ не знаетъ, какъ отлично онъ тебя этимъ охарактеризовалъ, тебя и тотъ высокій духъ, къ которому должно возвышатся умомъ и сердцемъ, чтобы быть способнымъ къ такой терпимости. Я тоже достигъ подобной терпимости, но не потому, что смотрю сверху внизъ, а потому что смотрю снизу вверхъ».—Изъ всѣхъ друзей Гейне никто не производилъ на него такаго сильнаго дѣйствія въ теченіе столь долгаго времени, какъ этотъ благородный человѣкъ, которому онъ съ безконечною довѣрчивостью открывалъ всю свою душу, котораго посвящалъ въ свои самые серьезные литедатурные планы и самыя нелѣпыя сердечныя тайны и предъ добротою и добродѣтелью котораго онъ съ искреннимъ смиреніемъ часто склонялъ голову. «Право, ты мужъ во Израилѣ, который лучше всѣхъ чувствуетъ!» восклицаетъ онъ вдохновенно. «Я сносно могу только передать прекрасныя чувства другихъ людей. Твои чувства—тяжелые золотые слитки, мои—лишь легкія бумажныя деньги. Послѣднія получаютъ лишь свою цѣну отъ довѣрія людей; но бумага все же остается бумагой, если даже банкиръ платитъ за нее лажъ, а золото все же остается золотомъ, если даже валяется въ углу, какъ ничтожный хламъ». Въ другой разъ, когда Мозеръ невѣрно истолковалъ одно его замѣчаніе, Гейне пишетъ ему: «Ради Бога, человѣкъ, который въ оригиналѣ читаетъ и понимаетъ Гегеля и Валмики, который въ воскресенье утромъ бормочетъ про себя Гомера, какъ наши предки Тосфесъ

*) Одна изъ главныхъ улицъ въ Гамбургѣ.

*) Такъ прозвали Вальвиля за его стремленіе привести человѣчество къ единству, которое выражается этимъ греческимъ словомъ.

Іомтефъ *), не въ состояніи понять одно изъ моихъ обыкновенныхъ умственныхъ сокращеній! Ради Бога, какъ же ложно должны понимать меня всѣ прочіе люди, если Мозеръ, ученикъ Фридлендера и современникъ Ганса, Мозеръ, Моисей Мозеръ, мой архидругъ, философская часть моего собственнаго я, безошибочное великолѣпное изданіе настоящаго человѣка, l'homme de la liberté et de la vertu, sécretaire perpétuel «Общества», эпилогъ къ Натану Мудрому, нормалъ-гуманистъ—гдѣ я?—да, хочу только сказать, какъ скверно для меня если и Мозеръ меня не такъ понимаетъ». Но самый прекрасный памятникъ Гейне поставилъ своему другу словами, которыми онъ въ некрологѣ умершаго 15 іюля 1843 г. въ Парижѣ Лудвига Маркуса, рисуетъ дѣятельность «Общества»: «Самымъ дѣятельнымъ членомъ «Общества», настоящею душою его, былъ М. Мозеръ, который еще въ юношескомъ возрастѣ не только обладалъ самыми основательными познаніями, но, кромѣ того, былъ воспламененъ великимъ состраданіемъ къ человѣчеству и страстнымъ желаніемъ осуществить науку въ полезной дѣятельности. Онъ былъ неутомимъ въ филантропическихъ стремленіяхъ, онъ былъ очень практиченъ и скромно и тихо участвовалъ во всѣхъ благотворительныхъ дѣлахъ. Масса публики ничего не знала о его дѣятельности, онъ боролся и истекалъ кровью инкогнито, его имя осталось совершенно неизвѣстнымъ и не занесено въ адресъ-календарь самопожертвованія. Наше время не такое жалкое, какъ полагаютъ; оно произвело изумительное множество такихъ мучениковъ».

Также вѣрно, какъ Цунцъ и Мозеръ, сохранилъ свою привязанность къ іудейству и Эммануилъ Вольфъ, хотя и онъ, какъ они, вполнѣ сознавалъ несостоятельность и нелѣпость попытки исцѣлить тысячелѣтнюю болѣзнь мелкими домашними средствами. «Печальнѣе всего», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, «что на чувствительныхъ нервахъ давно ампутированнаго, но полипообразно продолжающаго жить хронически-болѣзненною отдѣльною жизнью, члена,—называемаго «іудействомъ» — какъ бы вдвойнѣ отражаются страданія всего организма».—Родившись въ мѣстечкѣ Гарцгероде отъ бѣдныхъ родителей, которыхъ онъ потерялъ уже на восьмомъ году жизни, Вольфъ получилъ свое первоначальное образованіе въ Сезенскомъ воспитательномъ домѣ президента Якобсона, который впослѣдствіи снабжалъ его также отчасти средствами для посѣщенія монастырской школы въ Берлинѣ и за тѣмъ для изученія въ берлинскомъ

*) Комментарій къ Талмуду.

университѣ филологіи и философіи. Съ іюня 1820 г. онъ былъ членомъ «Общества науки и культуры евреевъ», которымъ онъ очень сильно интересовался. Впослѣдствіи, когда онъ, согласно указу, повелѣвавшему, чтобы евреи имѣли постоянныя фамиліи, присвоилъ себѣ фамилію Вольвиль, его въ 1823 г. пригласили, въ качествѣ адъюнкта проповѣдника при храмѣ и учителя еврейской безплатной школы, въ Гамбургъ, гдѣ онъ въ высшей степени благотворно дѣйствовалъ въ пользу улучшенія еврейскаго воспитанія. Какъ серьезно и съ какимъ самопожертвованіемъ онъ былъ преданъ своему призванію, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ его, которыми онъ отвѣтилъ Мозеру на запросъ—захочетъ-ли онъ принять дирекцію имѣющей основаться въ Берлинѣ еврейско общественной школы. «Что состоять на службѣ у еврейской общины не особенное счастіе, я охотно признаю; я достаточно знаю ея ограниченность, мелочность и безсодержательность. Но какое до этого дѣло тому, кто руководитъ заведеніемъ, гдѣ опредѣляется духъ и жизнь сотни людей, и кто въ себѣ самомъ имѣетъ средства поставить себя въ почетное положеніе? Въ концѣ концевъ гораздо цѣлесообразнѣе руководить такимъ институтомъ для спасенія душъ среди людей неряшливыхъ и искалеченныхъ, чѣмъ среди такихъ, которые уже давно катятся по полированной поверхности культуры.»

Изученіе древне греческой и гегелевой философіи онъ продолжалъ и въ Гамбургѣ, и Мозеръ дѣйствительно не могъ придумать никакого лучшаго подарка къ его свадьбѣ, какъ экземпляръ бипотинскаго изданія сочиненій Платона, который принадлежалъ когда-то отцу Теодора Кернера, другу Шиллера.—Неимовѣрное вдохновеніе производили на него стремленія народовъ къ свободѣ, борьба Греціи за независимость и, въ особенности, великія событія въ Южной Америкѣ въ срединѣ двадцатыхъ годовъ. «Я желалъ бы имѣть сознаніе Боливара или быть, по крайней мѣрѣ, его сыномъ!» говоритъ онъ, по поводу застоя въ Европѣ въ эту печальную эпоху. Іюльскую революцію онъ привѣтствовалъ съ неописаннымъ восторгомъ. Одно время можно было думать, что, наконецъ, юношескія мечты его осуществляются, что и евреи вступаютъ въ государственную жизнь полноправными гражданами и что, вмѣстѣ съ политическими ограниченіями, упадутъ и цѣпи, мѣшающія свободному возвышенію духовной жизни. Около этого времени, въ университетскомъ книжномъ магазинѣ въ Килѣ, появилась достопримѣчательная брошюра Вольвиля, подъ заглавіемъ: «Принципы друзей религіозной истины или Филатетовъ». Брошюра эта имѣла въ виду формулировать, подобно впослѣдствіи образовавшимся свободнымъ общинамъ, общую религію для тѣхъ, которые, вслѣдствіе искрен-

наго стремленія къ истинѣ, чувствуютъ въ себѣ побужденіе выступить изъ существующихъ религіозныхъ общинъ. Въ этомъ деистическомъ сочиненіи, требующемъ полнѣйшей свободы совѣсти для всѣхъ гражданъ, самоуправленія общинъ въ религіозныхъ дѣлахъ и возможнаго упрощенія богослуженія, *истина* провозглашается высшимъ благомъ, стремиться къ которому есть задача всѣхъ людей. Разочарованный быстрыми ударами возвратившейся реакціи въ своей надеждѣ, что вскорѣ настанетъ прекрасное утро человѣчества, Вольвиль въ 1831 году, вмѣстѣ съ нѣкоторыми своими гамбургскими друзьями, рѣшился покинуть часть свѣта, которой государственныя учрежденія такъ мало соотвѣтствовали принципамъ политической и религіозной свободы. Д-ръ Лео Вольфъ, членъ представительства гамбургскаго храма и «Общества культуры и науки евреевъ», отправился въ Америку въ качествѣ піонера этихъ друзей, которымъ такъ надоѣла Европа. Но его опыты были до того неудачны, что онъ самъ, въ концѣ концевъ, возвратился надломленнымъ и отчаивающимся, вслѣдствіе чего и Вальвиль отказался отъ плана переселиться въ Америку. Какъ Вольвиль думалъ о политическомъ положеніи дѣлъ послѣ подавленія польскаго возстанія и послѣ того, какъ въ Германіи стали разыгриваться старыя интриги кабинетовъ противъ всякаго свободнаго движенія, показываетъ намъ вопросъ, который онъ ставитъ Мозеру: «Какое впечатлѣніе производятъ на тебя политическіе происки властителей противъ народовъ? Ибо иначе, какъ княжескими происками противъ гражданъ, я не могу назвать рѣшенія Бундестага. Противуположность между княземъ и народомъ выражается теперь рѣзче, чѣмъ когда либо. Однако, что высказано рѣшительно всегда полезно — даже для противуположной стороны. Только недоразумѣніе оскорбляетъ и умерщвляетъ; только поверхностность задерживаетъ общее развитіе. Что пополнитъ эту, такъ разраставшуюся пропасть—любовь ли и примиреніе, или же мечь и разрушеніе — кто это можетъ предвидѣть? Неужели мы доживемъ до кризиса? Мы, *переходныя* созданія между животностью и духовностью, проводимъ еще свое колеблющееся существованіе въ вполнѣ *переходную* эпоху. Собственно говоря, всякое время есть переходное, но оно не такъ рѣзко очерчивается, какъ наше. Стоило бы, можетъ быть, труда вывести важнѣйшія современныя явленія изъ своеобразнаго характера такой *ступени броженія* и сравненіемъ подобныхъ періодовъ въ исторіи разъяснить законъ развитія». Что Вольвиль, занимаясь постоянно высшими и серьезными вопросами человѣчества, не останавливался на одномъ лишь теоретическомъ философствованіи, но, напротивъ, въ то же время подробно изучалъ непосредственныя, практическія нужды и потребности, это

доказываютъ не только его педагогическія статьи въ программахъ еврейской безплатной школы, но и удостоенныя преміи сочиненія о призрѣніи бѣдныхъ и о челяди, за которыя онъ признанъ былъ въ 1834 г. почетнымъ членомъ Гамбургскаго «Патріотическаго Общества»—первый еврей, который удостоился этой чести. Въ 1838 г. Вольвиль, въ качествѣ директора, принялъ на себя руководство того самаго воспитательнаго заведенія въ Сезенѣ, въ которомъ онъ получилъ свое первоначальное образованіе и которое этотъ превосходный педагогъ, въ нѣсколько лѣтъ, сдѣлалъ однимъ изъ первыхъ образовательныхъ институтовъ. Онъ умеръ въ Сезенѣ въ 1847 г., послѣ того, какъ онъ въ послѣдніе годы своей жизни еще съ розовыми надеждами привѣтствовалъ начало свободнорелигіознаго движенія въ Германіи.

Было бы несправедливостью съ нашей стороны, если бы мы, при исчисленіи этихъ высокопочтенныхъ и благородныхъ мужей, посвятившихъ свои молодыя силы осуществленію великой идеи, которой они, за рѣдкими исключеніями, оставались вѣрными до самой смерти, не вспомнили также о Людвигѣ Маркусѣ, котораго Гейне такъ трогательно оплакивалъ. Родившись въ Дессау, онъ, какъ разсказываетъ Гейне, въ 1820 г. прибылъ въ Берлинъ, чтобы изучить медицину, но вскорѣ оставилъ эту науку. «Ему было тогда двадцать два года, но его внѣшній видъ всего менѣе можно было назвать моложавымъ. Маленькое, худенькое тѣло, какъ у восьмилѣтняго мальчика, а лице точно старческое, какія качества обыкновенно соединяются съ сгорбленной спиной. Но такой уродливости у него не замѣчалось, и отсутствію ея именно и удивлялись. Въ то время, какъ черты его лица представляли изумительное сходство съ чертами покойнаго Моисея Мендельсона, Лудвигъ Маркусъ и по уму былъ близокъ къ этому великому реформатору нѣмецкихъ евреевъ, и въ его душѣ также таилось великое безкорыстіе, тихая терпѣливость, скромное чувство справедливости, улыбающееся презрѣніе ко всему злому и непоколебимая, желѣзная любовь къ своимъ угнетеннымъ единовѣрцамъ. Судьба ихъ, какъ у того Моисея, такъ и у Маркуса была пламеннымъ средоточіемъ всѣхъ его мыслей, душою его жизни. Уже въ Берлинѣ Маркусъ былъ полигисторомъ; онъ рылся во всѣхъ отрасляхъ знанія, проглотилъ цѣлыя библіотеки, онъ копался во всѣхъ сокровищахъ древнихъ и новыхъ языковъ, и географія, въ самомъ общемъ и въ самомъ частномъ смыслѣ, сдѣлалась, наконецъ, его любимымъ предметомъ. Не было на этой землѣ ни одного факта, ни одной руины, ни одного нарѣчія, ни одной нелѣпости, ни одного цвѣтка, которыхъ онъ бы не зналъ—но изъ всѣхъ своихъ умственныхъ путешествій онъ всегда снова возвращался домой, къ исто-

ріи Израиля, къ развалинамъ Іерусалима и къ родному нарѣчію Палестины, изъ за котораго онъ, можетъ быть, семитическіе языки изучалъ съ большею любовью, чѣмъ другіе. Но все, что Маркусъ зналъ, онъ зналъ не какъ живой организмъ, а какъ мертвую исторію, вся природа окаменѣла въ немъ, и онъ, въ концѣ концевъ, зналъ лишь муміи и ископаемыя. Къ этому присоединялась еще совершенная безпомощность въ искусственномъ изображеніи—неудобочитаемы, неперевaримы, непонятны были статьи и даже книги, которыя онъ написалъ.» Уже во время своего тогдашняго пребыванія въ Берлинѣ, Маркусъ подвергнулся душевной болѣзни. Такъ какъ ему, какъ еврею, не предстояло никакого хода ни въ Пруссіи, ни въ его миніатюрной родинѣ, онъ по выздоровленіи своемъ, въ 1825 г., переселился въ Парижъ, гдѣ знаменитый астрономъ Лапласъ, занималъ его математическими работами и впослѣдствіи доставилъ ему профессуру въ Дижонѣ. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ Маркусъ отказался отъ этого мѣста, вслѣдствіе причиненной ему со стороны министерства несправедливости, и возвратился въ Парижъ, чтобы пользоваться тамъ библіотечными источниками для географически-историческаго сочиненія объ Абессиніи, которое онъ считалъ задачею своей жизни. По ходатайству Гейне, баронесса Ротшильдъ назначила ему значительное ежегодное пособіе. Лѣтомъ 1843 г. имъ вдругъ овладѣло неизлѣчимсе умопомѣшательство, и онъ умеръ въ домѣ умалишенныхъ въ Шальо, послѣ мучительныхъ страданій.

Со всѣми этими даровитыми и вдохновенными юношами, Гейне, какъ во время своего пребыванія въ Берлинѣ, такъ и впослѣдствіи, поддерживалъ частыя сношенія, имѣвшія на него весьма благотворное вліяніе. Къ его интимнымъ друзьямъ принадлежалъ тогда и младшій членъ «Общества культуры и науки евреевъ», Іосифъ Леманъ, съ которымъ онъ въ началѣ 1822 г. познакомился въ аудиторіи Гегеля, гдѣ они слушали лекціи послѣдняго объ эстетикѣ. Леманъ, который уже въ то время былъ проникнутъ тѣмъ горячимъ интересомъ и тонкимъ вкусомъ въ предметахъ искуства и литературы, которые въ теченіи тридцати шести лѣтъ съ такою силою обнаруживаетъ въ руководимомъ и основанномъ имъ журналѣ: «Magasin fur die Literatur des Auslandes», въ особенности пользовался довѣріемъ Гейне относительно литературныхъ дѣлъ. Гейне не только иногда рано утромъ, когда Леманъ еще лежалъ въ постели, полупѣвучей декламаціей читалъ ему свои ночью написанныя пѣсни и просилъ его критической оцѣнки, но кромѣ того довѣрялъ ему даже корректуру своихъ трагедій и часто переписывался съ нимъ послѣ того, какъ уже уѣхалъ изъ Берлина. «Вы почти были первымъ», пишетъ ему Гейне изъ Люнебурга отъ 26 іюня 1823 г., «который въ Берлинѣ оказывалъ мнѣ столько лю-

безности и при моей безпомощности во многихъ предметахъ безкорыстно оказывали мнѣ дружескія услуги. Это въ моемъ характерѣ, или, вѣрнѣе, въ моей болѣзни, что я въ мрачныя минуты не щажу самыхъ лучшихъ моихъ друзей и даже оскорбительно насмѣхаюсь надъ ними и подвергаю ихъ мученіямъ. И вы, вѣроятно, узнали во мнѣ эту славную черту и, надѣюсь, въ будущемъ еще лучше узнаете. Но вы не должны забывать, что ядовитыя растенія преимущественно растутъ тамъ, гдѣ жирная почва производитъ самые лучшіе и здоровые плоды, и что сухія нивы, которыя свободны отъ такихъ ядовитыхъ растеній—таки не болѣе, какъ сухія нивы.»

Этотъ еврейскій кружокъ съ его благородными идеальными стремленіями неимовѣрно благотворно и глубоко подѣйствовалъ на Гейне. Вліяніе это обнаруживалось и послѣ того, какъ онъ оставилъ Берлинъ; оно сопровождало его въ Люнебургъ и Геттингенъ, побудило его основательно изучить истирію евреевъ и возбудило въ немъ страстное желаніе вылить въ какомъ нибуть трогательномъ поэтическомъ произведеніи тысячелѣтнее горе іудейства *).

*) Штродтманъ въ слѣдующихъ главахъ фактами подробно доказываетъ это вліяніе еврейскаго кружка на знаменитаго германскаго поэта. Онъ разъясняетъ также и отношенія Гейне къ іудейству, въ которыхъ его противники видѣли средство для того, чтобы безумно оскорблять его, какъ писателя, между тѣмъ какъ его еврейскіе соплеменники привыкли видѣть въ немъ болѣе врага, чѣмъ друга ихъ религіи. Мы, можетъ быть, еще возвратимся къ этому предмету въ слѣдующемъ томѣ.

ПОДСЛУШАННОЕ.

(Изъ посмертныхъ стихотвореній Гейне).

«—О, умница Екефъ, что стóитъ, скажи,
Тебѣ христіанинъ поджарый,
Супругъ твоей дочки? Она вѣдь была
Товаръ ужъ порядочно старый.

«Полсотенки тысячъ, небось, отвалилъ?
А, можетъ, и больше? Ну, что-же!
Теперь христіанское мясо въ цѣнѣ....
Ты могъ заплатить и дороже!

«Я олухъ? Вѣдь вдвое-то больше они
Содрали съ меня, простофили!
И мнѣ, за прекрасныя деньги мои,
Ужасную мерзость всучили!»

Тутъ умница—Екефъ, лукаво смѣясь,
Какъ Натанъ-Мудрецъ отвѣчаетъ:
—«Ужъ слишкомъ ты щедро и быстро даешь!
Вѣдь это торговлѣ мѣшаетъ!

«Въ твоей головѣ все дѣла да дѣла,
Все мысль о дорогахъ желѣзныхъ.
Я—шляюсь безъ дѣла и, шляясь, создалъ
Не мало проектовъ полезныхъ.

«Теперь христіане упали въ цѣнѣ;
Ихъ курсъ возвышать—безразсудно!

Сто тысячъ! За деньги такія купить
И римскаго папу не трудно!

«Для младшей дочурки моей жениха
Уже я имѣю in petto—
Сенаторъ и росту шесть футовъ! Притомъ,
Кузинъ не имѣетъ онъ въ Гетто.

«Всего сорокъ тысячъ флориновъ ему
Даю я за этою дочкой;
Изъ нихъ половину получитъ сейчасъ,
Другую—съ большою разсрочкой.

«Мой сынъ въ бургомистры у насъ попадетъ...
Ужъ рано-ли, поздно-ль,—а время
Такое настанетъ, когда до всего
Достигнетъ Екефово сѣмя.

«Мой зять, продувная каналья, вчера
Меня увѣрялъ: «Безъ обмана,
О, умница Екефъ, скажу я, что міръ
Въ тебѣ потерялъ Талейрана».

Такая бесѣда,—въ то время, когда
Я въ Гамбургѣ жилъ и безъ дѣла
Однажды гулялъ по Аллеѣ Дѣвицъ,—
Случайно ко мнѣ долетѣла.

П. Вейнбергъ.

ЧТО ТАКОЕ ЕВРЕЙ? *)

Не правда ли—странный и довольно нелѣпый вопросъ! Кто не знаетъ, что такое еврей? Кто изъ читающей публики, если онъ даже въ глаза не видѣлъ евреевъ и не знаетъ ничего объ ихъ судьбѣ и исторіи, не могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ словами нѣкоторыхъ современныхъ публицистовъ: еврей — это жидъ, піявка, высасывающая соки страны или обитаемой, или еврей — это жидъ, арендующій имѣнія для своей собственной выгоды, а не для пользы помѣщиковъ, и торгующій также ради собственныхъ барышей, а не для выгоды покупателей, и т. п.

Но вопросъ этотъ, какъ намъ кажется, будетъ уже не столь страннымъ и наивнымъ, и даже отвѣтить на него не будетъ уже такъ легко, если мы выразимъ его въ нѣсколько иной формѣ, хоть положимъ въ слѣдующей:

Что это за чудовище, что это за стоглавая гидра, которую топили и жгли, рѣзали и вѣшали, гоняли и преслѣдовали, ругали и бранили всѣ властители, всѣ націи и всѣ племена, сообща и порознь, начиная съ Фараона египетскаго и кончая румынскимъ министерствомъ Братіано и Когальничано; начиная съ древнихъ ненавистниковъ Іудеи и Палестины и кончая современными нашими публицистами-жидоѣдами; начиная съ представителя гуманизма, инквизитора Торквемадо, и кончая современнымъ полицейскимъ десятскимъ;—и которая, не смотря на все это, до сихъ поръ существуетъ и имѣетъ своихъ представителей во всѣхъ почти странахъ цивилизованнаго міра на государственномъ, финансовомъ, судебномъ, административномъ и военномъ поприщахъ и во всѣхъ областяхъ наукъ и искуствъ.

Что такое еврей, который, послѣ всякаго истязанія и избіенія, поднимается съизнова, какъ фениксъ съ своего собственнаго пепла, съ новой энергіею, съ новой дѣятельностью, съ прежнею стойкостью и непоколебимостью, и становится живымъ угрожающимъ упрекомъ своимъ гонителямъ и преслѣдователямъ?

*) Хотя въ нашемъ сборникѣ не мѣсто такимъ маленькимъ статейкамъ, но мы печатаемъ ее, какъ интересное сопоставленіе крайнихъ мнѣній, существующихъ о еврейскомъ племени. *Изд.*

Что такое еврей, который, по уничтоженіи его политической независимости, успѣлъ пріобрѣсти и удержать за собою умственную равноправность и, не имѣя ни оружія, ни войска, заставляетъ своихъ преслѣдователей признать за нимъ и политическую равноправность?

Что такое еврей, который, столь падкій на деньги, столь алчный къ барышамъ, не соблазнялся, однако, никакими благами міра, сулимыми ему его преслѣдователями за измѣненіе его убѣжденія и его своеобразной жизни?

Еврей — это Прометей, добывшій вѣчный огонь изъ самыхъ небесъ и озарившій имъ весь міръ; еврей первый постигъ божественную идею и сдѣлалъ ее достояніемъ цѣлаго свѣта. Еврей, бывшій долгое время единственнымъ хранителемъ этой божественной идеи, есть источникъ вѣры, изъ котораго черпали всѣ прочія религіи,—не будь еврея и всѣ народы до сихъ поръ были бы еще идолопоклонниками.

Еврей—это избранный Богомъ въ хранители его ученія: и эту священную миссію онъ исполнилъ, не смотря на огонь и мечъ идолопоклонниковъ и пытки и костры католической инквизиціи.

Еврей — это піонеръ свободы, потому что еще въ тѣ отдаленныя и мрачныя времена, когда люди раздѣлялись только на два класса, на властителей и рабовъ, законодатель его Моисей запрещалъ держать въ рабствѣ, въ крѣпостничествѣ долѣе шести лѣтъ, по истеченіи которыхъ рабъ долженъ былъ быть освобожденъ безъ всякаго выкупа. Если же рабъ не пожелаетъ воспользоваться данной ему свободой, то Моисей повелѣваетъ пробуравить ему ухо.

Талмудъ весьма остроумно объясняетъ отношеніе уха къ рабству: «Ухо», говоритъ онъ, «слышало на горѣ Синаѣ: «они мои «слуги, они не должны быть проданы какъ крѣпостные; они мои «слуги, а не слуги слугъ», и этотъ человѣкъ добровольно отказывается отъ предоставленной ему свободы — проткни же за то его ухо».

Еврей — это эмблема абсолютнаго равенства, ибо Талмудъ, котораго такъ презираютъ и боятся незнающіе его, доказываетъ различными выводами изъ Св. Писанія, что никто не можетъ сказать:» Мой отецъ былъ выше твоего отца». Въ другомъ мѣстѣ Талмудъ доказываетъ, что Св. Пис. не говоритъ о той или другой націи, объ этомъ или другомъ классѣ, а просто о *человѣкѣ*.

Еврей — это піонеръ цивилизаціи, ибо еще за тысячи лѣтъ до Р. Х., когда всѣ извѣстныя тогда части свѣта были покрыты непроницаемымъ мракомъ невѣжества и варварства, въ Палестинѣ уже было введено обязательное обученіе *), а неуча и невѣжу презирали боль-

*) См. «Что такое Талмудъ» Эм. Дейтша и статьи Пирогова о евреяхъ.

ше, чѣмъ въ нынѣшней цивилизованной Европѣ. Даже незаконорожденный, котораго, по Св. Писанію, не включали въ общество, ставится Талмудомъ выше первосвященника, если первый ученый, а послѣдній неучъ. Въ самое свирѣпое и варварское время, когда жизнь и смерть человѣка не имѣли никакого значенія, Акиба, величайшій изъ талмудистовъ, не задумался публично высказаться противъ смертной казни, отъ которой по сіе время не могутъ отказаться націи, считающіяся нынѣ самыми просвѣщенными. «Судъ», говорится въ Талмудѣ», который даже въ теченіе 70 лѣтъ произнесъ хотя одинъ смертный приговоръ, есть трибуналъ убійцъ».

Еврей—это эмблема терпимости въ гражданскомъ и религіозномъ отношеніяхъ. «Любите чужеземца, говоритъ Моисей, ибо чужеземцами мы были вы въ Египтѣ».

И это сказано было въ то грубое время, когда главная задача извѣстныхъ тогда народовъ и племенъ состояла въ порабощеніи одного другимъ. Съ перваго взгляда вышеприведенныя слова Моисея кажутся весьма странными: египтяне употребляли во зло довѣріе евреевъ, порабощали и обрекали ихъ на самыя тяжелыя работы, за исполненіемъ которыхъ наблюдали съ кнутомъ въ рукахъ, и вдобавокъ всякаго новорожденнаго младенца мужскаго пола велѣно было бросать въ рѣку, которой участи не избѣгъ и самъ Моисей, а между тѣмъ, онъ же предписываетъ любить чужестранца за то, что евреи были чужеземцами въ Египтѣ; какъ будто евреи должны быть благодарны египтянамъ за ихъ жестокое обращеніе. Но это именно доказываетъ возвышенное міросозерцаніе Моисея, который старался искоренить въ евреяхъ всякое чувство мести и вмѣсто ея вселить чувство благодарности уже за то, что египтяне первоначально приняли ихъ гостепріимно, хотя впослѣдствіи злоупотребляли ими.

Что же касается вѣротерпимости, то іудаизму не только чуждъ духъ прозелитизма, но, напротивъ того, Талмудъ предписываетъ: объяснить желающему принять іудейство всевозможныя трудности исполненія еврейской религіи.

Лучше всего характеризуетъ вѣротерпимость евреевъ слѣдующее изреченіе Талмуда: «Кто постоянно воздерживается отъ идолопоклонства, тотъ уже по одному этому считается евреемъ, и пускай онъ во всемъ прочемъ остается вѣрнымъ своему дому и своему родству».

Такою возвышенною, такою идеальною вѣротерпимостью, едва ли могутъ похвастать учителя новыхъ ученій.

Еврей—это эмблема вѣчности. Тотъ, котораго тысячелѣтнія истязанія и избіенія не могли истребить; тотъ, котораго огонь, мечь, костры и пытка не могли сгладить съ лица земли; тотъ, который

первый удостоился откровенія божественной идеи, былъ долгое время единственнымъ ея хранителемъ и впослѣдствіи сдѣлалъ ее достояніемъ всего міра, тотъ неистребимъ, тотъ не можетъ и не долженъ быть истребимъ, тотъ вѣченъ, какъ сама вѣчность.

Еврей былъ и будетъ вѣчнымъ поборникомъ и распространителемъ свободы, равенства, цивилизаціи и вѣротерпимости.

Г. Гутманъ.

ОБЗОРЪ

СОВРЕМЕННОЙ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Народъ еврейскій—говоритъ Цунцъ въ предисловіи къ его «Gottesdienstlieche Vorträge» — по истинѣ можетъ быть названъ *народомъ книги*. Никогда мечь и завоеванія, или какія-либо послѣдствія матеріальной силы, не образовывали поворотовъ и новыхъ эпохъ въ его исторіи; это всегда и вездѣ дѣлала — книга. Не покореніе древнихъ обитателей обѣтованной страны обусловливало существованіе евреевъ какъ отдѣльнаго народа, а книга *Закона*. Не возвращеніе меньшинства евреевъ изъ Вавилона возстановило ихъ народность, а пересмотръ и популяризація той же книги. Когда евреи окончательно перестали существовать политически, ихъ спасла новая книга—*Талмудъ*. Грубая сила, производившая свои эксперименты надъ несчастнымъ тѣломъ огнемъ и мечемъ, въ теченіи цѣлаго ряда столѣтій, не вызвала въ немъ никакихъ видоизмѣненій. Появилась книга *Зогаръ* — и таинственные соки приходятъ въ броженіе, отдѣляются и слагаются въ особый наростъ—называемый хасидизмомъ. Еврейскій народъ два раза лишился своей территоріи, своей политической самостоятельности, и не пересталъ существовать; но возьмите у него его книги — и его не станетъ. Новѣйшее время опять доказываетъ, что ни сила, ни гнетъ на него не дѣйствуютъ; на него дѣйствуютъ — книги.

Оцѣнка литературы евреевъ, сверхъ отвлеченно-научнаго значенія, имѣетъ, поэтому, еще значеніе бытовое, практическое; она показываетъ, какъ на нихъ дѣйствовали и какъ дѣйствовать можно. Исторія еврейской литературы есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и исторія еврейскаго народа.

Еврейскую литературу слѣдуетъ раздѣлить на три главныя эпохи: на литературу временъ до возникновенія Талмуда, литературу талмудическую и литературу новѣйшаго времени. Книги первой эпохи, хотя составляютъ

безсомнѣнно лишь часть большей затерявшейся литературы, ясно свидѣтельствуютъ, что умственная дѣятельность евреевъ уже при самомъ возникновеніи не чуждалась никакой области человѣческаго мышленія. Наравнѣ съ религіозными законодательными положеніями, онѣ передаютъ и бытовую жизнь въ такихъ ясныхъ и достовѣрныхъ чертахъ, что служатъ понынѣ надежнѣйшими источниками исторіи этихъ отдаленныхъ эпохъ. Краснорѣчіе и поэзія составляютъ существенный элементъ; рядомъ съ карательными рѣчами суровыхъ народныхъ ораторовъ, находятъ себѣ въ нихъ мѣсто философскія разсужденія и воспѣвается любовь и наслажденіе земными благами. Въ періодъ талмудическій, т. е. со временъ возникновенія Талмуда вплоть до нашихъ временъ, преобладающими, всепоглащающими элементами литературы становятся—богословскій и юридическій. Общечеловѣческія познанія и науки, начавшія созрѣвать и развиваться у другихъ народовъ, въ этотъ періодъ времени не нашли надлежащаго мѣста въ литературѣ народа, которому не могли принести важныхъ выгодъ въ практической жизни. Поэзія и краснорѣчіе пришли въ упадокъ и являются лишь въ весьма посредственномъ видѣ въ произведеніяхъ литургіи*). Свѣтская же поэзія и беллетристика преслѣдовалась какъ ересь. Исторія, даже еврейская, осталась почвою необработанною. Представители національной интеллигенціи этой длинной и мрачной эпохи успѣли наложить суровый отпечатокъ мертвенной односторонности и на живыя произведенія литературы предыдущей эпохи, подводя подъ узкую мѣрку собственнаго міросозерцанія все практически ясное, все раціональное, не способное отуманить здравый смыслъ и предоставляющее свободное движеніе трезвому разсудку. Для достиженія этой цѣли, добивавшейся съ непреклонною послѣдовательностію, были

---

*) Эти положенія автора довольно странны и совершенно противорѣчатъ, какъ тому, что онъ самъ говоритъ впослѣдствіи, такъ и вышеприведеннымъ словамъ знаменитаго д-ра Цунца. Неужели авторъ совершенно забылъ объ Ибнъ-Эзрѣ, Маймонидѣ, Гевиралѣ, воспѣтомъ Гейне Іегудѣ-Галеви, Кимхи и т. д. до Луццаго. Неужели такія произведенія, какъ «*Лаіешоримъ Тегила*» и *Мигдалъ-Озъ*» уступаютъ произведеніямъ современныхъ нашихъ еврейскихъ поэтовъ? Но мы положили себѣ за правило дать всякому высказать свое убѣжденіе и потому не измѣнили этого мѣста въ статьѣ автора.

Изд.

пущены въ употребленіе два орудія: сперва *дераша* (переносное толкованіе), а потомъ и *каббала* (мистика). Такое направленіе литературы не замедлило сказаться на самомъ народѣ и придало его характеру и его духовному и соціальному устройству тотъ своеобразный строй, который идетъ въ разрѣзъ съ самыми элементарными понятіями нашего времени.

Литературу третьей эпохи, или ново-еврейскую литературу, можно отчасти назвать реставраціею литературы первой эпохи. Нѣтъ сомнѣнія, что, живи мужи еврейской интелегенціи до талмудическаго періода въ *наше* время, они бы ни на шагъ не отстали отъ великаго движенія человѣческаго ума, которое составляло въ сущности ихъ собственный идеалъ. Къ этой цѣли стремится и новоеврейская литература. Когда отъ удара мощнаго крыла новаго времени повѣяло и на евреевъ свѣжимъ духомъ, ихъ геній встрепенулся и литература начала принимать подобающій ей универсальный характеръ. Исходная точка этого новаго тока есть Мендельсоновская школа. Первымъ самымъ естественнымъ ея дѣломъ было, посредствомъ новыхъ комментаріевъ къ книгамъ литературы первой эпохи, основанныхъ на научныхъ началахъ и правильномъ пониманіи языка, разорвать заколдованный кругъ и разсѣять туманъ, которымъ окружили ихъ дераша и каббала. Здравый разсудокъ возвращенъ былъ еврейскому мыслителю; критическій духъ и стремленіе къ справедливой, нелицемѣрной оцѣнкѣ фактовъ стали оспаривать почву у казуистики и апріорныхъ сужденій. Съ этими тенденціями возникла въ Германіи, еще въ исходѣ прошлаго столѣтія, новая еврейская литература, задача которой двоякая: ознакомить евреевъ, потерявшихъ изъ виду умственное движеніе остальнаго человѣчества, съ великими результатами этого движенія и разработать сырой матеріалъ спеціально-еврейской учености на научныхъ началахъ, образуя изъ него пригодный элементъ для общей культуры и науки. Работа, въ томъ и другомъ направленіи, шла первоначально на древнееврейскомъ языкѣ, единственно доступномъ тогда германскимъ евреямъ, для какой цѣли и самъ языкъ стали обрабатывать, очищать отъ плѣсени и ржавчины, чтобы сдѣлать изъ него орудіе, удобоупотребляемое для служенія наукѣ. Первая задача, впрочемъ, скоро разрѣшилась болѣе

естественнымъ путемъ. Усвоеніе себѣ вполнѣ нѣмецкаго языка, давшееся германскимъ евреямъ быстро и легко, по сродству этого языка съ ихъ прежнимъ нарѣчіемъ, открыло имъ свободный доступъ ко всѣмъ наукамъ и познаніямъ. Шедшее же рядомъ съ этимъ усвоеніемъ нѣмецкаго языка и коренное знаніе языка еврейскаго и еврейской литературы, къ изученію которой они отнеслись съ свойственной нѣмцамъ серьезностію и основательностію, разрѣшило впослѣдствіи и вторую часть задачи и повело къ тѣмъ блистательнымъ результатамъ, которые обезпечили еврейской наукѣ въ Германіи видное мѣсто въ энциклопедіи наукъ человѣческаго рода.

Въ настоящее время еврейскій языкъ пришелъ въ Германіи въ совершенный упадокъ. За исключеніемъ немногихъ выдающихся личностей, знаніе еврейскаго языка и литературы тамъ большая рѣдкость. Есть даже раввины, которые не умѣютъ читать по еврейски *). Проповѣдь, украшенная двумя, тремя пошленькими еврейскими фразами, считается ученою рѣчью. Германскіе евреи смотрятъ въ этомъ отношеніи съ уваженіемъ на насъ, русскихъ евреевъ, какъ на людей, у которыхъ еще вполнѣ сохранилась еврейская ученость; сами германскіе ученые евреи сожалѣютъ объ этомъ упадкѣ среди нихъ еврейскаго языка, грозящемъ самой еврейской наукѣ. Въ послѣднее время у нихъ произошла реакція и рѣшено было основать еврейскій богословскій факультетъ съ цѣлію обезпечить еврейскому языку и еврейской наукѣ прочное пристанище въ Германіи. Франко-германская война пріостановила на время осуществленіе этого прекраснаго дѣла.

Еврейскій языкъ, вытѣсненный въ Германіи изъ науки, изъ школы **), а, наконецъ, и изъ синагоги, нашелъ себѣ убѣжище въ славянскихъ земляхъ, преимущественно въ Россіи, потому что здѣсь евреи не знали другаго литературнаго

*) Авторъ, кажется, хватилъ здѣсь немного чрезъ край. *Изд.*

**) Предъ нами теперь программа берлинскихъ еврейскихъ общественныхъ училищъ, изъ которыхъ видно, что и дѣвочки должны учиться по еврейски. Кромѣ того, во всѣхъ прусскихъ гимназіяхъ еврейскій языкъ преподается наравнѣ съ греческимъ и латинскимъ и обязателенъ для всѣхъ филологовъ безъ исключенія. *Изд.*

языка. Здѣсь спеціально-еврейская наука изучается въ широкихъ размѣрахъ. Глубокое, многостороннее знаніе всей раввинской письменности — явленіе весьма рѣдкое въ другихъ странахъ—встрѣчается у насъ на каждомъ шагу. Въ каждой сколько нибудь значительной мѣстности еврейской осѣдлости въ сѣверо западномъ краѣ, кромѣ самихъ раввиновъ, рошъ-іешиботовъ и другихъ лицъ, для которыхъ спеціальность эта есть условіе ихъ призванія и источникъ существованія, вы встрѣтите много частныхъ лицъ, небезосновательно слывущихъ «ламданами», т. е. учеными. Въ каждой сколько нибудь видной общинѣ найдете по нѣскольку библіотекъ не однихъ талмудическихъ, но и другихъ извѣстныхъ богословскихъ сочиненій. Сколько нетронутыхъ силъ дремлетъ въ этой богатой природѣ! Недостаетъ только заступа культатора, свѣточа образовательнаго духа — духа Божіяго парящаго надъ бездною и приводящаго первобытный *тоһу вавоһу* въ опредѣленныя формы. Это собственно и есть главная задача ново-еврейской литературы; но выполненіе этой задачи у насъ представляетъ гораздо больше затрудненій, чѣмъ это было въ Германіи. Уже для обезпеченія самаго своего существованія, ново-еврейской литературѣ приходилось побороть громадныя затрудненія и приходится еще теперь выносить борьбу съ разныхъ сторонъ. Самая жестокая, самая утомительная борьба — это, конечно, борьба съ фанатизмомъ. Примѣненіе при обработкѣ сырого матеріала старой литературы пріемовъ и мѣръ положительныхъ наукъ—анализъ, критика, историческое освѣщеніе фактовъ, классификація и систематическое распредѣленіе предметовъ, отыскиваніе историческимъ явленіямъ физическихъ и естественныхъ основаній — все это считалось дѣломъ святотатственнымъ, богохульнымъ, не смотря на то, что въ Германіи все это давно уже вошло въ норму и имѣло блестящія послѣдствія. Наши раввины-талмудисты мало знали и еще меньше признавали авторитетъ представителей еврейской науки въ образованныхъ странахъ. Объ одномъ лишь С. Л. Рапопортѣ отозвались, что онъ дѣйствительно человѣкъ ученый, но сожалѣли, что проводитъ вѣкъ свой въ пустякахъ. Но особенно зорко и ревниво слѣдили они за произведеніями новой литературы, старавшимися занести въ лоно еврейства новые элементы, для возбужденія духа и облагораживанія вкуса. Произведенія эти считались источникомъ всякаго зла. Чтеніе какихъ бы то ни было книжекъ не талмудическаго содержанія навлекало гоненіе и имѣло подчасъ трагическія послѣдствія. Сколько не безинтересныхъ анекдотовъ можно было бы поразсказать о несостоявшихся партіяхъ, о расторгнутыхъ бракахъ, о публичныхъ оскорбленіяхъ, которымъ были виною «книжонки малаго формата съ коротенькими строчками»! Пишущій эти строки былъ на 13 году жизни исключенъ изъ хедера за то, что у него накрыли писанные еврейскіе стишки, воспѣвавшіе—красоту зимы.

Если такія препятствія ставились возникновенію новой литературы въ нѣдрѣ самаго еврейства, то условія внѣ этихъ круговъ были столь же неблагопріятны. Существовавшая у насъ типографская монополія легла тяжелымъ гнетомъ, въ особенности на нѣжные отростки молодой литературы, созидая для нихъ, сверхъ общей цензурной системы, еще особую опеку въ лицѣ типографщиковъ-монополистовъ. Еврейскія книги печатались только въ трехъ центрахъ еврейской осѣдлости: въ Вильнѣ, Житомірѣ и Варшавѣ. Обладатели житомірской типографіи, ревностные поклонники цадикизма, ни за какія блага не оскверняли свои станки печатаніемъ книгъ «вольнодумнаго» содержанія; варшавская же еврейская печать не слыла образцовой, и еврейскіе авторы, за исключеніемъ жившихъ въ самой Варшавѣ или вблизи ея, рѣдко печатали тамъ свои сочиненія. Главною причиною тому было, какъ намъ кажется, недостатокъ въ хорошей еврейской корректурѣ. Изъ остальной же Россіи книги ново-еврейской литературы появлялись преимущественно въ Вильнѣ, при чемъ приходилось автору, или самому проѣхать порядочную даль и порядочно издержаться во время поѣздки и пребыванія въ чужомъ городѣ, или же довѣрять рукопись самому типографщику и его корректорамъ, при чемъ случалось, что цѣлые годы проходили прежде, чѣмъ злосчастный плодъ узрѣлъ свѣтъ Божій, и то въ видѣ, напоминавшемъ сироту, выросшую подъ рукою злой мачихи.

Сильное препятствіе для развитія новоеврейской литературы заключается еще и въ томъ, что у насъ нѣтъ правильной торговли еврейскими книгами. Преодолѣвъ благополучно всѣ препятствія и увидѣвъ, наконецъ, свой трудъ напечатаннымъ, авторъ не имѣетъ возможности распростра-

нять его въ публикѣ. Если онъ не можетъ или не желаетъ самъ отправиться кочевать съ своими книжками, какъ коробейникъ по бѣлому свѣту, гдѣ иные смотрятъ на него, просто на просто, какъ на попрошайку, онъ обыкновенно разсылаетъ часть экземпляровъ непосредственно по почтѣ къ вѣдомымъ и невѣдомымъ меценатамъ, выжидая дома присылки лепты, весьма часто не доходящей по адресу; съ остальною частью экземпляровъ обращается онъ съ просьбою о распространеніи ихъ къ разнымъ знакомымъ, не всегда одинаково услужливымъ и аккуратнымъ, или же, очертя голову, довѣряется первому встрѣчному книгопродавцу, не имѣя достаточной гарантіи его благонадежности. Такимъ образомъ книги, подчасъ даже весьма полезныя, недостаточно распространяются въ публикѣ, а сочинитель, даже талантливый, теряетъ охоту къ дальнѣйшимъ поползновеніямъ.

Къ этимъ, далеко еще неустраненнымъ, серьезнымъ помѣхамъ присоединилась еще новая. Молодое поколѣніе евреевъ, недавно начавшее испытывать свои силы въ русскомъ языкѣ, торопится объявить еврейскій языкъ утратившимъ свое значеніе для русскихъ евреевъ, а еврейскую литературу — лишенной смысла и практической почвы. Слышатся возгласы, какъ противъ самихъ писателей, такъ и противъ тѣхъ, которые поощряютъ и содѣйствуютъ имъ. Пагубная эта теорія, къ сожалѣнію, быстро стала переходить въ дѣло и облекаться въ осязательныя формы. Желаніе изучать еврейскій языкъ и заниматься еврейскою литературою въ новомъ осмысленномъ видѣ, возбужденное было у учащейся молодежи стараніями и успѣхами новоеврейской литературы, стало видимо остывать. О еврейскихъ ученикахъ въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ и говорить нечего. Ихъ съ весьма ранняго дѣтства устраняютъ отъ изученія еврейскихъ книгъ, или, какъ это называютъ наши христіанскіе педагоги, еврейскаго закона. Моисей, Давидъ и Исаія должны уступать Гомеру, Софоклу и Виргилію. Есть и такіе отцы, которые, чтобы быть послѣдовательными, не показываютъ даже своимъ дѣтямъ и еврейскаго алфавита. Но это бы еще куда ни шло. Воспитанники общихъ заведеній стремятся къ такимъ цѣлямъ, для достиженія которыхъ знаніе еврейскаго языка и литературы не можетъ приносить никакой вещественной выгоды. Но бѣда въ томъ, что эта апатія къ еврей-

скому языку и литературѣ, это непростительное пренебреженіе всѣмъ еврейскимъ, овладѣваетъ и питомцами нашихъ спеціально-еврейскихъ училищъ, разсадниковъ корифеевъ будущей русско-еврейской науки. Раввинъ или педагогъ, окончившій курсъ съ отличіемъ, произносящій при каждомъ удобномъ или неудобномъ случаѣ русскія рѣчи, или даже литераторствующій русскими статейками — много ли онъ читаетъ по еврейски, много ли онъ смыслитъ въ еврейской литературѣ? Попадаются такіе, которые съ трудомъ прочтутъ и поймутъ нѣсколько строкъ по еврейски, а написать-то ни одной строки безъ грубыхъ ошибокъ не напишутъ. Много ли подобныя дѣятели, посвятившіе себя образованію и преобразованію еврейскаго народа, принесутъ пользы своему дѣлу? Обыкновенно эти-то публицисты, слѣдя политикѣ стараго Ренеке, и провозглашаютъ ягоды еврейскаго языка зелеными.

Мы надѣемся, что насъ не станутъ обвинять въ нежеланіи скораго и полнаго обрусѣнія нашихъ единовѣрцевъ, или въ непониманіи значенія созиданія еврейской науки на отечественномъ языкѣ. Именно въ интересѣ этого обрусѣнія, нами пламенно желаемаго, и этой науки, для которой сами посильно трудимся *), мы не задумываемся объявить мнѣніе нашихъ крайнихъ прогрессистовъ, относительно еврейскаго языка и еврейской литературы, опрометчивымъ и ошибочнымъ. Мы не намѣрены здѣсь разсматривать вопросъ съ идеальной точки зрѣнія; не станемъ указывать на живучія силы, сохранившіяся въ еврейскомъ языкѣ для умѣющихъ владѣть имъ; не будемъ также указывать на него, какъ на единственное звѣно, связывающее дальныя эпохи нашей исторической жизни и все еще служащее лозунгомъ единенія и знаменіемъ родства между евреями разныхъ концовъ земнаго шара. Мы будемъ говорить лишь съ точки зрѣнія голой вещественности, и стоя на этой почвѣ, мы должны высказать убѣжденіе, что знаніе еврейскаго языка *всегда* останется для насъ практически полезнымъ, умѣнье писать по еврейски *пока* все еще не только полезно, но и необходимо,

---

*) Авторъ этой статьи—одинъ изъ лучшихъ и даровитѣйшихъ современныхъ еврейскихъ литераторовъ. *Изд.*

и это *пока* продлится по крайней мѣрѣ еще два поколѣнія, а можетъ быть и цѣлое столѣтіе. Объяснимся. Пока *масса* евреевъ въ Россіи не усвоитъ себѣ окончательно русскаго языка, пока не станемъ не только говорить, но и думать по русски, еврейскій языкъ остается для нее единственнымъ средствомъ для ознакомленія съ міровыми событіями и образовательными началами; а когда наступитъ то блаженное время, когда мы будемъ говорить и думать по русски, то и тогда знаніе еврейскаго языка не потеряетъ практическаго значенія, какъ ключъ къ сокровищницамъ еврейской науки. Не только такіе образованные молодые евреи, кругъ дѣятельности которыхъ остается исключительно бытовое и научное еврейство, но и тѣмъ изъ нашихъ ученыхъ единовѣрцевъ, стоявшихъ внѣ этого тѣснаго круга, умѣніе пользоваться древними еврейскими источниками могло бы при случаѣ быть небезполезнымъ. Юристы, напримѣръ, могли бы сообщать интересныя свѣдѣнія о древне-еврейскомъ правѣ и судопроизводствѣ, сохранившіяся въ еврейскихъ источникахъ талмудической эпохи и среднихъ вѣковъ; свѣдѣнія по части медицины и физіологіи могли имѣть интересъ для медицинской археографіи*). Тоже самое можно сказать и относительно другихъ отраслей—философіи, математики, астрономіи и т. д., которыми древніе еврейскіе ученые занимались съ нѣкоторою спеціальностію**). О спеціальностяхъ собственно-еврейской науки и говорить нечего; онѣ представляютъ матеріалъ обильный, почти нетронутый. Еврейская исторія, въ особенности съ начала діаспоры, ждетъ еще своего автора у насъ. Изъ нашей поэзіи, нашихъ легендъ и преданій весьма мало еще проникло въ русскую печать, тогда какъ въ другихъ странахъ все это въ совокупности со-

*) Г. Вундербаръ написалъ «Biblisch-talmudische Medicin», не будучи самъ медикомъ. Въ прошломъ году нѣкто г. Гальпернъ выбралъ предметомъ для своей медицинской дисертаціи замѣтки изъ талмудической медицины. Намъ помнится, что извѣстный профессоръ Бокъ въ своихъ сочиненіяхъ приводитъ мнѣніе талмудистовъ относительно менструальной крови, и даже съ неполнымъ пониманіемъ дѣла. *Авторъ.*

**) Не противорѣчитъ-ли все это тому, что авторъ сказалъ выше о литературѣ талмудической эпохи? Но такъ какъ все здѣсь сказанное основано на несомнѣнныхъ фактахъ, то и полагаемъ, что самъ авторъ согласится, что приведенное выше мнѣніе его о литературѣ талмудической эпохи далеко не основательно. *Изд.*

ставляетъ уже почтенную литературу. Какимъ же образомъ возможно пополнить этотъ пробѣлъ, если тѣ изъ насъ, которые усвоиваютъ себѣ отечественный языкъ, вмѣстѣ съ тѣмъ отказываются отъ еврейскаго? Они хотятъ пользоваться чужими трудами — трудами иностранныхъ евреевъ? Конечно, у германскихъ евреевъ ново-еврейская литература на нѣмецкомъ языкѣ достигла нѣкотораго совершенства. Но неужели намъ, русскимъ, суждено во всемъ, даже въ еврейской наукѣ, быть подражателями нѣмцевъ? И неужели наши прогрессисты полагаютъ, что труды ученыхъ евреевъ за границей всегда представляютъ что нибудь законченное, совершенное, на что можно полагаться слѣпо и безконтрольно? Исторія евреевъ Іоста утратила свой обоятельный авторитетъ съ появленіемъ труда Греца, воспользовавшагося новыми источниками, что призналъ при жизни и самъ Іостъ. Тоже самое можетъ случиться съ исторіею Греца и съ сочиненіями другихъ именитыхъ авторовъ. Каждый, вновь открываемый памятникъ или рукопись, или пересмотръ старыхъ источниковъ подъ новымъ освѣщеніемъ, ставитъ изслѣдователя на новую точку сужденія и можетъ повести къ совершенно новымъ результатамъ*). Наши германскіе единовѣрцы надѣялись много на насъ, расчитывая, что съ распространеніемъ между нами просвѣщенія, мы воспользуемся нашимъ знаніемъ еврейскаго языка и еврейской литературы для пополненія нѣкоторыхъ пробѣловъ, ощущаемыхъ въ современной еврейской наукѣ, но, познакомившись съ истиннымъ положеніемъ вещей, они разочаровались, какъ сознается чистосердечно д-ръ Рюльфъ въ своей брошюрѣ: «Meine Reise nach Kowno», изданной имъ послѣ посѣщенія нашего края. Спрашивается, съ какой стати мы сами себя ставимъ въ необходимость грѣться у чужаго огня, когда имѣемъ полную возможность самобытно черпать истину изъ первыхъ живо-бьющихъ источниковъ?

Лѣтъ восемь тому назадъ—въ «Сіонѣ», органѣ русскихъ

*) Одному моему знакомому, предложившему д-ру Цунцу издать свое сочиненіе «Gottesdienstliche Vorträge» вторымъ изданіемъ, Цунцъ отвѣтилъ, что вслѣдствіе накопившагося новаго матеріала и вновь открывшихся источниковъ не слѣдуетъ книгу эту вновь издать, а слѣдуетъ написать совершенно новую книгу, чего онъ больше не берется. *Авторъ.*

евреевъ, мы высказались объ этомъ предметѣ въ томъ же духѣ, въ статьѣ «Древнееврейскій языкъ у русскихъ евреевъ». Опыты, сдѣланные нами въ теченіи сего періода времени, не безъзначительнаго, въ особенности по результатамъ въ дѣлѣ обрусѣнія евреевъ, не даютъ намъ повода отказаться отъ нашего мнѣнія. Семь лѣтъ спустя, въ обновившемся органѣ русскихъ евреевъ «День», въ №№ 3 и 5 за 1869 г. появилось о томъ же предметѣ подъ заглавіемъ: «Національный и практическій взгляды на значеніе древнееврейскаго языка», разсужденіе анонимнаго автора, который, совершенно игнорируя нашу статью въ «Сіонѣ», сначала придерживается противуположнаго мнѣнія, отрицая у еврейскаго языка и у новоеврейской литературы всякое практическое значеніе, подъ конецъ, однакожъ, удаляясь отъ своей исходной точки, объявляетъ, «что онъ не думаетъ совершенно похоронить еврейскій языкъ» и приходитъ къ одинаковому съ нами заключенію, что еврейскій языкъ не долженъ быть изгнанъ изъ литературы и изъ школы. Далѣе, онъ утверждаетъ также, что онъ готовъ даже съ дѣйствительнымъ энтузіазмомъ встрѣчать капитальныя сочиненія на еврейскомъ языкѣ, какъ въ области спеціально-еврейской науки, такъ и по другимъ отраслямъ литературы и поэзіи, такъ какъ талантъ не долженъ же заглохнуть потому, что онъ можетъ проявиться на древне-еврейскомъ только языкѣ. Намъ лично было даже пріятно встрѣтить наше собственное имя между тѣми изъ еврейскихъ авторовъ, сочиненія коихъ не подлежатъ поголовному остракизму. Если это такъ, то о чемъ тутъ бить тревогу? О томъ, что въ новоеврейской литературѣ появляются многія книги, которыя не имѣютъ ни научнаго, ни практическаго значенія? Гдѣ же, спрашивается, нѣтъ этой литературной маккулатуры? У насъ это тѣмъ болѣе иначе и не могло быть, при тѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, среди которыхъ возникала ново-еврейская литература. Къ чему, наконецъ, тревожиться этими, какъ выражается авторъ, ни для кого негодными произведеніями, которыя проходятъ совершенно безслѣдно. Да и ну ихъ, пускай безслѣдно и проходятъ. Нечего безпокоиться и тѣмъ, что у еврейскихъ литераторовъ часто встрѣчается выраженіе: «поднять рогъ еврейскаго языка», въ которомъ видятъ стремленіе возвести еврейскій языкъ на степень живаго разговорнаго языка.

Во первыхъ, такое благочестивое желаніе о воскресеніи древне-еврейскаго языка много, много можетъ вырваться лишь изъ устъ пылкихъ мечтателей, и во вторыхъ, выраженіе «поднять рогъ еврейскаго языка», на фигуральномъ восточномъ языкѣ, означаетъ ничто иное, какъ споспѣшествовать правильному изученію языка и развитію еврейской литературы. Это дѣйствительно составляетъ цѣль многихъ изданій, и она весьма практична и похвальна. Признаетъ же авторъ полезность еврейской литературы, хотя бы состоящей изъ однихъ отборныхъ произведеній, признаетъ достоинство еврейскихъ писателей-спеціалистовъ; соглашается на сохраненіе еврейскаго языка въ школѣ и литературѣ; значитъ допускаетъ разработку языка въ дидактическомъ отношеніи, а это то и обозначается выраженіемъ «поднять рогъ еврейскаго языка». Если бы авторъ взвѣсилъ эти выводы, сами собою вытекающіе изъ сдѣланныхъ имъ уступокъ, то списокъ одобренныхъ имъ произведеній новоеврейской литературы значительно бы увеличился. Сюда вошли бы всѣ руководства къ изученію языка, грамматики, словари, книги для упражненія въ еврейской стилистикѣ, такъ трудно дающейся. Къ этой категоріи по необходимости подходятъ всѣ, такъ называемыя «Мелице-сфоримъ», т. е. книги краснорѣчія, по которымъ доморощенные еврейскіе писатели-спеціалисты и талантливые поэты научаются писать по еврейски. Не всякому, можетъ быть, извѣстно какое громадное вліяніе имѣли на облагораживаніе слога гебраистовъ нашего края сочиненія М. А. Гинцбурга, неупоминаемыя авторомъ между сочиненіями съ практическимъ смысломъ. Нашъ романтистъ А. Мапу, подъ перомъ котораго еврейскій языкъ дышетъ чуть ли не первобытною живучествью и чистотою, кромѣ своихъ романовъ, написалъ также руководство къ упражненію въ еврейской грамматикѣ и стилистикѣ подъ названіемъ «*Омэнъ*»-*Падгугъ*», и такъ какъ сочиненія Мапу всѣ, безъ исключенія, одобряются авторомъ, значитъ въ томъ числѣ и «Омэнъ-Падгугъ», а по неволѣ и всѣ сочиненія другихъ авторовъ подобнаго направленія и содержанія. Наши «Еврейскія басни» (Мишле Іегуда), которыя, по мнѣнію автора, какъ видно, принадлежатъ къ категоріи книгъ

не имѣющихъ практическаго смысла, приняты какъ руководство для упражненія въ еврейской стилистикѣ и краснорѣчіи въ училищахъ караимовъ въ Крыму и на Кавказѣ, а значительная часть изъ нихъ вошла въ христоматію (Машалъ-у Мелица), составленную д-ромъ М. Штейншнейдеромъ по заказу извѣстнаго богача Сасона въ Бомбаѣ, для употребленія съ означенною же цѣлью въ еврейскихъ училищахъ, содержимыхъ Сасонами въ англійской Индіи, не смотря на то, что книга наша не удостоилась для подобнаго употребленія одобренія ученаго комитета нашего министерства народнаго просвѣщенія, на разсмотрѣніе котораго была представлена въ рукописи.

Ни сколько не желая умалять заслугу нашихъ еврейско-русскихъ публицистовъ въ дѣлѣ разъясненія еврейскаго вопроса, не можемъ, однакожъ, не удивляться тому самообольщенію, съ которымъ они считаютъ свой образъ дѣйствія единственно цѣлесообразнымъ въ дѣлѣ преобразованія евреевъ, выставляя дѣятельность современной *еврейской* литературы не только безполезною, но чуть ли даже не вредно. Между тѣмъ, на дѣлѣ выходитъ совершенно иначе. Сфера, доступная вліянію русско-еврейской публицистики составляетъ въ средѣ еврейства незначительное меньшинство, притомъ меньшинство, болѣе выдающееся по своему образованію и мало, поэтому, нуждающееся въ искуственномъ привитіи просвѣтительныхъ началъ. Для несоразмѣрно большей же части русскихъ евреевъ всѣ толки и пересуды о еврейскомъ вопросѣ, писанные не на еврейскомъ языкѣ, доходятъ лишь въ весьма слабыхъ отраженіяхъ и производятъ, относительно, мало впечатлѣнія, между тѣмъ, какъ книги съ образовательнымъ содержаніемъ на еврейскомъ языкѣ — большинству пока все еще единственно доступномъ—дѣйствуютъ на нихъ непосредственно, и дѣйствуютъ какъ жгучій матеріалъ. Ихъ то главнымъ образомъ и боятся бдительные стражи цѣломудрія «дщери Израиля». На эту часть евреевъ, главнымъ образомъ и нуждающуюся въ раскрытіи глазъ и просвѣтленіи ума, только и возможно дѣйствовать посредствомъ *еврейскаго* печатнаго слова. Это факты, бросающіеся въ глаза каждому, а противъ фактовъ ничего не подѣлаешь.

Если посмотрѣть на вопросъ съ этой точки, то необходимо представится новая практичная сторона еврейской лите-

ратуры, и катологъ одобренныхъ книгъ обогатится цѣлыми новыми страницами. Въ него войдутъ сочиненія всѣхъ авторовъ, имѣющія цѣлію расширеніе кругозора еврейскаго читателя, ознакомленіе евреевъ съ плодами человѣческаго мышленія, созрѣвшими внѣ «*четырехъ локтей Галахи*», и со всѣмъ тѣмъ, что творилось и творится за чертою бетъ-гамидрашнаго подворья. Въ немъ красовались бы труды нашего извѣстнаго математика Х. З. Слонимскаго, историческія сочиненія многосторонне ученаго С. І. Фина, критическіе этюды Я. Рейфмана, сочиненія послѣдней эпохи плодовитаго К. Шульмана, сочиненія Готлобера, А. Ш. Абрамовича, книга Г. Рабиновича и Г. Я. Сыркина (о металлургіи) и множество другихъ, образовательное вліяніе которыхъ выказывается на нашихъ евреяхъ самымъ рельефнымъ образомъ.

Но авторъ статьи въ «Днѣ» очевидно приступилъ къ обсужденію вопроса съ предвзятымъ рѣшеніемъ, что и помѣшало ему посмотрѣть на дѣло, какъ слѣдуетъ, и повело къ неточностямъ и парадоксамъ. Въ доказательство мнимой безполезности ново-еврейской литературы приводится имъ и то, что она преслѣдуется евреями-фанатиками. Насъ просто изумило такого рода сужденіе! Не служитъ ли именно это преслѣдованіе со стороны фанатизма главнымъ доказательствомъ полезности и благотворнаго вліянія этой литературы? И замѣчательно, что на этомъ пунктѣ наши крайные прогрессисты сходятся съ нашими крайными ортодоксами, какъ сошлись съ ними, недавно, нѣкоторые оптимисты администраціи, полагавшіе, что евреи настолько уже подвинулись впередъ, что не нуждаются болѣе въ спеціально-еврейскихъ училищахъ, которыя посему и слѣдуетъ закрыть.

Самое первое утвержденіе автора статьи въ «Днѣ», легшее главнымъ основаніемъ дальнѣйшей его аргументаціи и состоящее въ томъ, что съ прекращеніемъ политической самостоятельности евреевъ еврейскій языкъ потерялъ практическое значеніе для жизни, содержитъ въ себѣ неточность въ томъ отношеніи, что языкъ этотъ никогда не имѣлъ у евреевъ политическаго характера. Мы, напримѣръ, нигдѣ не находимъ, чтобы наши предки когда либо старались гебраизировать инородныя племена, подпавшія подъ ихъ власть. Вообще у древнихъ народовъ языкъ никогда не служилъ ору-

діемъ политики. Греки и Римляне никому не навязывали своего языка, если это не дѣлалось само собою, въ силу преобладающей ихъ цивилизаціи. Насильственное прививаніе языка съ политическими цѣлями есть уже изобрѣтеніе нашего столѣтія. Еврейскій языкъ былъ у нашихъ предковъ языкомъ религіи и литературы, и эти качества остались и останутся за нимъ, пока эти два важныя достоянія народа не утратятъ своего практическаго значенія.

Не вѣрно и то, что *большая* будто бы часть еврейскихъ сочиненій среднихъ вѣковъ суть переводы съ арабскаго. На арабскомъ языкѣ, сродномъ съ еврейскимъ, но болѣе выработанномъ и пригодномъ для умосозерцательныхъ сочиненій, писали по преимуществу свои философскія и этическія книги евреи, жившіе въ мавританской Испаніи и другихъ арабскихъ странахъ; но, кромѣ ихъ, писало еще громадное число еврейскихъ мыслителей въ остальныхъ странахъ Европы, и всѣ, за весьма рѣдкими исключеніями, на еврейскомъ языкѣ. Что евреи, даже грамотные, не понимаютъ своихъ молитвъ, трижды въ день твердимыхъ, какъ утверждаетъ авторъ, есть фактъ, который совершенно противорѣчитъ дѣйствительности. Наконецъ, нѣтъ никакой бѣды въ томъ, что еврейскіе писатели новаго времени заимствуютъ изъ современныхъ языковъ нѣкоторыя техническія названія. Такъ поступали составители Мшины, Гемары и Мадрашимъ въ отношеніи греческаго и латинскаго языковъ; такъ точно поступаемъ и мы, трактуя о еврейскомъ сюжетѣ на европейскомъ языкѣ, въ которомъ для большей мѣткости сохраняемъ неудобопередаваемыя еврейскія слова и названія. Все это совершенно въ порядкѣ вещей.

Считаемъ это отступленіе не лишеннымъ интереса, какъ само по себѣ, такъ и для объясненія точки зрѣнія, съ которой мы намѣрены обозрѣвать современную еврейскую литературу.

Не смотря на громадныя препятствія, которыя приходилось преодолѣвать у насъ ново-еврейской литературѣ при самомъ ея возникновеніи, не смотря на упорную, утомительную борьбу, въ которой она постоянно находилась и теперь еще находится, она, въ самый короткій періодъ вре-

мени, успѣла обезпечить себѣ твердую почву и достичь значительныхъ результатовъ.

Первые признаки ея возникновенія стали замѣтны въ началѣ второй четверти текущаго столѣтія. Начальнымъ поводомъ къ этому новому раціональному направленію въ литературѣ были, конечно, примѣръ сосѣдней намъ Германіи и идеи Мендельсона и его школы. Это доказывается уже тѣмъ, что евреи прозвали приверженцевъ новаго направленія—*Берлинерами*. Ново-еврейская лутература въ Германіи, къ которой слѣдуетъ причислять и бывшія австрійскія провинціи итальянскаго королевства, находилась въ то время въ цвѣту. Литераторы не только сами стали писать въ осмысленномъ критическомъ духѣ и съ положительнымъ научнымъ направленіемъ, но стали также откапывать въ библіотекахъ и издавать все, что было у евреевъ писано въ этомъ же духѣ въ прежніе вѣка. Произведенія этихъ литераторовъ стали исподоволь проникать и къ намъ. Библія съ мендельсоновымъ комментаріемъ стала показываться у того и другаго меламда-смѣльчака. Молодежь пристрастилась къ новой умственной пищѣ, которую находила въ сочиненіяхъ *Гартвига Вессели*, *Самсона Блоха*, *Эйхеля*, *Сатнова*, *Реджіо*, *Луццато*, *Рапопорта*, *Леттериса* и пр., и въ періодическихъ изданіяхъ каковы: «*Суламитъ*,» «*Меасефъ*», «*Бикуре - Иттимъ*», «*Керемъ - Хемедъ*» и др. Стали выныряли имена подобныхъ дѣятелей изъ разныхъ странъ нашего собственнаго отечества. Послышалось имя *И. Б. Левинсона* или, какъ его проще называли, «Кременецкаго», сочиненія котораго были особымъ предметомъ преслѣдованія со стороны стариковъ и страстныхъ желаній юношей. Въ сѣверозападномъ краѣ усиленное движеніе къ новой литературной культурѣ стало обнаруживаться въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда оперились выводки прошедшаго десятилѣтія. Въ Вильнѣ дѣйствовали тогда, какъ писатели, покойный *М. А. Гинцбургъ*, имѣвшій большое вліяніе на молодежь своею легкою плавною прозою, и *А. Б. Лебенсонъ*, маститый нашъ поэтъ, издавшій тогда первый томъ своихъ стихотвореній, доставившихъ ему громкую и вполнѣ заслуженную славу. Около нихъ группировалась горсть молодыхъ людей, изъ которыхъ нѣкоторые сдѣлались впослѣдствіи извѣстными своими сочиненіями, какъ *М. I.*

Лебенсонъ, сынъ поэта, обладавшій истинно поэтическимъ даромъ, но, къ сожалѣнію, слишкомъ рано умершій; *К. Шульманъ*, извѣстный нынѣ прозаикъ, о которомъ упомянули мы выше; *А. М. Дикъ* и нѣкоторые другіе. Попытки *С. І. Фина* издавать журналъ на еврейскомъ языкѣ подъ названіемъ «*Пирхе-Цафонъ*» (Сѣверные Цвѣты), который могъ бы стать ареною для развитія многихъ молодыхъ силъ, остановилась, къ сожалѣнію, на первыхъ двухъ выпускахъ. Онъ же первый сталъ обработывать исторію еврейскаго народа, изъ которой также вышелъ только одинъ томъ. (Нидхе - Исроэль) *). Ученому и высоконравственному *Бенъ-Якобу*, сочинителю «Собранія эпиграммъ», его торговля еврейскими книгами содѣйствовала успѣшному занятію еврейскою библіографіею, по каковой спеціальности онъ пользовался извѣстностью и между заграничными учеными. *А. Мапу* приготовилъ тогда свой первый романъ «*Агаватъ-Ціонъ*» **). *М. Плунгянскій* написалъ нѣсколько монографій по части талмудической критики. — Это было прекрасное время, время надеждъ и упованій! . . . .
. . . .

Новое весьма благотворное вліяніе на ходъ развитія литературы имѣло появленіе еженедѣльныхъ газетъ на еврейскомъ языкѣ. Пальма первенства въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ, безспорно, г. *Зильберману*, издателю «*Гамагида*». Хотя газета эта издается въ прусскомъ городѣ, но она преимущественно расчитана для русскихъ евреевъ, у которыхъ еврейскій языкъ болѣе въ ходу, чѣмъ у другихъ. Съ этою цѣлію издатель не щадилъ усилій, чтобы добиться отъ нашего правительства позволенія безпрепятственно распространять его журналъ въ Россіи. Когда «Гамагидъ» упрочился у насъ на твердыхъ началахъ, онъ обезпечилъ себѣ читателей и корреспондентовъ между евреями самыхъ отдаленныхъ краевъ земли. «Гамагидъ» преслѣдуетъ направленіе умѣренно-консервативное, обнаруживаетъ редакціонный тактъ и осмотрительность и владѣетъ слогомъ довольно гибкимъ и плавнымъ — предметъ не послѣдней важности для газеты на древне-еврейскомъ языкѣ, занимающейся современными вопросами, даже политикою. Все это сдѣлало газету г. Зильбермана любимѣйшимъ органомъ еврейской публики. «Гамагидъ» сталъ издаваться въ 1856 году и теперь вступилъ въ 16-й годъ своего существованія. По примѣру «Гамагида», стали издаваться и у насъ еврейскія еженедѣльныя изданія: въ Вильнѣ «*Гакармель*», подъ редакціею *С. І. Фина*, съ направленіемъ неопредѣленнымъ *), а въ Одессѣ «*Гамелицъ*», подъ редакціею *А. Цедербаума*, съ прогрессивнымъ настроеніемъ. По части слога и выбора статей и корреспонденцій, оба эти изданія уступаютъ «Гамагиду». Редакціею «Гамелица» издается еще на жаргонѣ «*Колъ Мевассеръ*», который, хоть и назначенъ для необразованнаго класса евреевъ, между которыми, какъ утверждаютъ, онъ производитъ желанное дѣйствіе, однакожъ, могъ быть писанъ слогомъ нѣсколько приполированнымъ, а не на такомъ отборномъ, изысканно-грубомъ жаргонѣ, какъ будто дѣло идетъ о разработкѣ и упроченіи этого нарѣчія. Издававшаяся въ 1862 году, въ Варшавѣ, *Х. З. Слонимскимъ* «*Гацефира*» (Заря), стояла выше остальныхъ еврейскихъ журналовъ научнымъ содержаніемъ, особенно по части естественныхъ наукъ, мастерски излагавшихся на популярномъ языкѣ, въ какомъ весьма полезномъ искусствѣ г. Слонимскій сталъ для русскихъ евреевъ тѣмъ самымъ, чѣмъ А. Бернштейнъ для нѣмцевъ. «Гацефира» просуществовала всего только полгода и прекратилась, вслѣдствіе назначенія г. Слонимскаго инспекторомъ житомірскаго раввинскаго училища. Нельзя не пожалѣть о томъ, что г. Слонимскій не нашелъ возможности продолжать свое весьма полезное изданіе.

Стремленіе евреевъ къ усвоенію себѣ научнаго употребленія отечественнаго языка и къ созиданію на немъ еврейской литературы — есть произведеніе послѣдняго десятилѣтія. Первый сигналъ къ тому былъ поданъ незабвеннымъ *О. А. Рабиновичемъ*, изданіемъ «Разсвѣта», возбудившаго въ нашей молодежи такой энтузіазмъ и такое рвеніе къ соучастію. Посему, главная заслуга его остается все таки въ изданіи

*) Недавно вышла новое историческое сочиненіе С. І. Фина. *Изд.*

**) Любовь въ Сіонѣ.

*) Въ послѣднее время направленіе и содержаніе этого изданія намъ не знакомы. Говорятъ оно на будущее время преобразуется въ ежемѣсячный журналъ. *Авторъ.*

«Разсвѣта», которому онъ сразу съумѣлъ придать какую-то особенную обоятельную силу, отчасти только достигнутую его послѣдователями. Съ тѣхъ поръ дѣло обрусенія евреевъ значительно подвинулось впередъ, и нельзя не радоваться громадному успѣху, достигнутому евреями въ столь короткое время. Остается только желать, чтобы съ этимъ прекраснымъ успѣхомъ нашихъ образованныхъ братьевъ шло рука объ руку серьезное занятіе и основательное ознакомленіе съ еврейскою наукою и исторіею и еврейскимъ народнымъ бытомъ, которые могутъ доставлять имъ обильный матеріалъ для обогащенія отечественной литературы.

Считаемъ достаточными эти бѣглыя замѣтки о *прошедшемъ* современной еврейской литературы, подробное изложеніе котораго должно служить матеріаломъ для *исторіи* ея. Наша же задача есть обзоръ произведеній этой литературы, появляющихся въ настоящее время.

Обзоръ произведеній современной еврейской литературы мы начнемъ съ появившихся, въ послѣднее время, на еврейскомъ озыкѣ критическихъ сочиненій, которыя, намъ кажется, имѣютъ особенно важное значеніе. Распространяя трезвые взгляды на еврейскую письменность, они тѣмъ самымъ разсѣеваютъ мракъ и суевѣріе и служатъ, слѣдовательно, лучшимъ средствомъ проводить здравыя идеи, въ особенности, если онп отличаются серьезнымъ научнымъ характеромъ.

По части *талмудической критики* самое крупное литературное явленіе въ прошломъ году безспорно: «Мево-гаіерушалми» (введеніе къ іерусалимскому Талмуду) *), сочиненіе З. Франкеля, директора бреславской раввинской семинаріи. Достаточно одного перечня содержанія книги, чтобы доставить знатоку дѣла понятіе о ея значеніи и о богатомъ матеріалѣ, въ ней накопленномъ. Пять отдѣловъ, на которые книга эта раздѣлена, трактуютъ: 1) о положеніи евреевъ въ Палестинѣ во время возникновенія Іерусалимскаго Талмуда въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ; 2) о разговорномъ нарѣчіи тогдашнихъ палестинскихъ евреевъ и о языкѣ, на которомъ написанъ Іерусалимскій Талмудъ; 3) о пріемахъ и системѣ, которыхъ придерживается Іерусалимскій Талмудъ при своей агадической и галахической *) эрудиціи; 4) хронологія, характеристика и біографическіе очерки всѣхъ ученыхъ (Амораимъ), участвовавшихъ въ составленіи Іерусалимскаго Талмуда, и 5) о комментаріяхъ, появившихся до сихъ поръ къ Талмуду Іерусалимскому. Настоящая книга служитъ введеніемъ къ новому обширному комментарію автора къ Іерусалимскому Талмуду, и нѣтъ сомнѣнія, что этотъ капитальный трудъ знаменитаго автора сдѣлается классическимъ для еврейскихъ литераторовъ.

Г. М. А. Шацкисъ издалъ въ прошломъ году второй томъ своего *Гамафтеахъ*, т. е. ключъ къ агадѣ. Раціональное освѣщеніе темныхъ мѣстъ легендарной части Талмуда есть трудъ, требующій серьезной подготовки и многосторонняго знанія. Если полное знакомство съ разнородными источниками агадической литературы, обыкновенно другъ друга дополняющими и объясняющими, есть условіе sine qua non для успѣшнаго выполненія задачи этого рода, то не менѣе необходимо ясное пониманіе исторической обстановки тѣхъ отдаленныхъ временъ и положенія дѣлъ, какъ у самихъ евреевъ, такъ и у окружавшихъ ихъ народовъ. Съ этой стороны труды *нашихъ* авторовъ оставляютъ еще желать очень многаго. Первый, который взялся за систематическую разработку этого матеріала, былъ покойный И. Шершевскій, который, однакожъ, въ 2 частяхъ своего сочиненія «Куръ Лазагавъ» **), старался по возможности не удаляться отъ преемственнаго взгляда на агаду. Гораздо смѣлѣе и самостоятельнѣе поступаетъ г. Шацкисъ, безпощадно срывая таинственный покровъ съ лица этой закутанной богини, низводя сверхестественныя росказни на степень натуральныхъ, подчасъ даже обыденныхъ событій и пріискивая вычурнымъ толкованіямъ логическую исходную точку и смыслъ, болѣе согласный съ

---

*) Есть два Талмуда: вавилонскій и іерусалимскій. Послѣдній менѣе въ ходу и менѣе разработанъ у евреевъ, чѣмъ первый; посему, научное освѣщеніе его имѣетъ большое значеніе для еврейской науки.

*) *Агада* — легендарная часть, *Галаха* — юридическая часть Талмуда.
**) Плавильникъ для золота.

здравымъ разсудкомъ. За все это, правда, г. Шацкисъ дожилъ до того, что первый томъ его книги былъ публично сожженъ евреями въ богоспасаемомъ градѣ Гродно; но за то туманные силуэты многихъ и очень многихъ мѣстъ въ Талмудѣ приняли черты болѣе опредѣленныя и осмысленныя. О подобныхъ выходкахъ противъ втораго тома *Гамафтеаха* не слыхать; но за то извѣщаютъ, все изъ этого же самаго града, о скоромъ появленіи въ печати опроверженія книгъ и системы г. Шацкиса. Имя этому сочиненію уже задумано; оно будетъ называться «*Мильхеметъ-Софримъ**)», т. е. просто «*Полемика*»; авторомъ онаго именуется нѣкій Мюллеръ — личность неизвѣстная и, судя по одной ея попыткѣ въ полемикѣ этого рода, не компетентная и небезпристрастная. Такъ какъ есть основаніе полагать, что все дѣло и останется при этомъ извѣщеніи и изъ мнимаго опроверженія г. Шацкису только и существуетъ одно имя, то спѣшимъ занести его въ наше литературное обозрѣніе за настоящій годъ.

Къ этой категоріи книгъ относится *Гамецарефъ* **) А. Б. Дубжевича, дающій намъ во многихъ мѣстахъ небезосновательныя предположенія и удачныя объясненія темныхъ и загадочныхъ агадъ. Къ болѣе удачнымъ и правдоподобнымъ мѣстамъ относятся толкованіе одного изрѣченія (на стр. 12), объясненіе темной агады изъ Іерусалимскаго Талмуда (стр. 23). Остроумно, хотя наврядъ ли справедливо, объясненіе слова *ахбере* (22). Авторъ обнаруживаетъ многостороннюю начитанность въ книгахъ старой и новой еврейскихъ литературъ, которою удачно пользуется для своего предмета. Во введеніи къ своему сочиненію, авторъ указываетъ на нѣкоторые пріемы и способы, лежащія въ основаніи агады. Къ примѣрамъ, приведеннымъ авторомъ въ гл. «*Пшатъ у-драшъ*», въ подтвержденіе того, что талмудисты, помимо искуснаго толкованія стиховъ Св. Писанія (драшъ), руководствовались часто и простымъ, настоящимъ смысломъ (Пшатъ), авторъ могъ прибавить примѣры, приведенные о томъ же предметѣ на стр. 151 издававшагося Х. З. Слонимскимъ журнала «*Га-Цефира*», которымъ (какъ видно изъ стр. V) нашъ авторъ

---

*) Война писателей.
**) Очищающій.

пользовался.—Говоря о варіяціяхъ при чтеніи словъ въ текстѣ Св. Писанія, употребляемыхъ талмудистами, какъ точку опоры для своихъ искомыхъ выводовъ и апріорныхъ сужденій*), слѣдовало бы автору упомянуть, что это произвольное обращеніе съ текстомъ объясняется между прочимъ и тѣмъ, что составителямъ Талмуда и Мидрашимъ не была еще извѣстна система пунктаціи, введенная не раньше VIII-го столѣтія, вслѣдствіе чего, слова, неимѣвшія гласныхъ знаковъ, могли удобно быть читаны такъ или иначе. Историческій фактъ этотъ, что Талмудъ и Мидрашъ не знали и не имѣли никакой пунктаціи, сдѣлался у нашихъ заграничныхъ ученыхъ аксіомою, въ особенности со времени открытія А. Фирковичемъ рукописныхъ документовъ о *раби-Моисеѣ Пунктаторѣ* и появленія книги С. Пинскера «*Объ ассирійской пунктаціи*»; между тѣмъ, у насъ на него не обращаютъ должнаго вниманія талмудическіе методисты, каковы авторъ занимающей насъ книги, М. Плунгянскій въ «*Оръ-Бойкеръ*»**), І. М. Заблудовскій въ «*Мишсанъ Маимъ*» ***) и др.

О послѣдне упомянутомъ способѣ эрудиціи у талмудистовъ появилось въ прошломъ году особое сочиненіе подъ заглавіемъ «Дарке-Гашинуимъ» (*о способѣ варіяцій*) ярославскаго раввина Самуила Вальдберга.

Въ области *культуроисторической* литературы любопытное явленіе составляетъ книга г. Цвейфеля: «*Шаломъ-алъ-Исроэль*»****), писанная, какъ слѣдуетъ полагать, въ защиту хасидизма. Хасидизмъ, какъ извѣстно, давнымъ давно отпѣтъ у евреевъ, какъ талмудистами-старовѣрами, со стороны которыхъ пришлось ему еще въ прошломъ столѣтіи вынести формальное инквизиціонное гоненіе, такъ и образованнымъ классомъ современнаго поколѣнія. Старовѣры чуятъ въ немъ опаснаго соперника талмудическаго абсолютизма, такъ какъ, вмѣсто трудной аванпостной службы подъ знаменемъ Талмуда, хасидизмъ сулитъ своимъ послѣдователямъ жизненную задачу, болѣе удобную—досужее мечтательство въ ту-

---

*) Мѣра, извѣстная подъ терминомъ «*алъ-тикре*», т. е. не читай такъ, а читай иначе.
**) Утренній свѣтъ.
***) Источникъ воды.
****) Миръ Израилю.

манныхъ сумракахъ Зогара и каббалы. Образованные же люди видятъ въ каббалистическихъ его бредняхъ вредоносный источникъ суевѣрія и фатализма. Нашъ авторъ утверждаетъ, что, какъ одни, такъ и другіе относились къ своему осужденному съ предубѣжденіями и безъ основательнаго знанія дѣла. Для этой цѣли онъ старается, посредствомъ богатой коллекціи изреченій, какъ самаго *Бешта**), такъ и его послѣдователей, придавать этому религіозному направленію благовидную форму предначертанной, послѣдовательной системы, зиждущейся на особаго рода міросозерцаніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ представить возможность пріобрѣсть болѣе или менѣе ясное понятіе объ этой системѣ. Нельзя не отдать справедливости увлекательному дару слова автора, способному поколебать самое твердое убѣжденіе, и муравьиному прилежанію, съ которымъ онъ собираетъ свой матеріалъ изъ самыхъ заброшенныхъ угловъ еврейской литературы. Другой вопросъ—даетъ ли самое качество матеріала достаточно гарантіи для прочности зданія. Недовѣрчиному наблюдателю дѣло можетъ показаться нѣсколько рискованнымъ. Можно ли, напр., въ наше время, считать состоятельною систему умозрительныхъ теоремъ, хотя бы на подобіе тѣхъ отборныхъ, изложенныхъ у нашего автора (I кн. стр. 1—92), коренящихся почти цѣликомъ не въ практической почвѣ жизни, подчасъ даже прямо издѣвающихся надъ здравымъ человѣческимъ разсудкомъ, какъ 1-й серіи выписки 62, 100, 119, 163, 164; II-й серіи—76, 93, 166, 233 и др.? И, дѣйствительно, во 2-й части своей книги нашъ авторъ, въ силу фактовъ, вынужденъ дѣлать уступки и согласиться, что въ современномъ хасидизмѣ, въ самомъ дѣлѣ, вкоренились элементы вредные (II ч., стр. 21, 23 и сл.), отвѣтственность за которые онъ напрасно старается слагать съ первыхъ его основателей, такъ какъ элементы эти берутъ свое начало въ самой системѣ, и что хасидизмъ важенъ для еврейства, какъ *переходная мѣра* отъ талмудическаго обскурантизма и обрядности къ современному образованію (тамъ же, стр. 33) **). Когда

*) *Бештъ* или Балъ-Шемъ-Товъ—первый распространитель ученія хасидизма, жившій въ половину прошлаго столѣтія.

**) На стр. 46 не понятое авторомъ слово слѣдуетъ читать весьма просто: ветахтега, т. е. на мѣсто ея.

же автору указываютъ на нелѣпость многихъ теорій, въ особенности же на неблагопристройныя, просто *скандальныя* формы и выраженія, въ которыя всѣ эти теоріи облекаются проповѣдниками хасидизма (II ч., стр. 85—87, о чемъ авторъ счелъ благоразумнымъ умолчать въ I-й части своей книги), то онъ думаетъ спастись оговоркою, что подобная же нелѣпость и скандальезность, еще въ бо́льшихъ размѣрахъ и въ болѣе аляповатыхъ краскахъ, находятся въ древнихъ книгахъ каббалы, пользующихся авторитетомъ у самихъ корифеевъ талмудическаго еврейства, при чемъ авторъ приводитъ (тамъ же, стр. 99—111) изъ главныхъ книгъ каббалы цѣлый рядъ выписокъ, достойныхъ пера Боккачіо или Поль-де-Кока. Положимъ, оно такъ. Но каждому ясно, что пока нелѣпая теорія остается въ области умосозерцательной, она безвредный бредъ больной фантазіи; но что она становится вредоноснымъ орудіемъ и преступленіемъ въ рукахъ тѣхъ, которые превращаютъ ее въ дѣйствительность. Каббалистическія сумасбродства были многія столѣтія невинными грёзами немногихъ мистиковъ, которые, притомъ, были такъ любезны держать ихъ въ тайнѣ, какъ подобаетъ *мистеріямъ*, пока хасидизмъ не облекалъ ихъ въ осязательныя формы и не подставилъ имъ подъ ноги практической почвы. Въ этомъ и состоитъ главный вредъ хасидизма, что онъ явился *реализаціею* каббалы и постарался о ея *популяризаціи*. Все это выясняется изъ самой книги нашего автора, не смотря на то, что главное его стараніе есть отдѣлить хасидизмъ отъ каббалы и провозгласить его особою, самостоятельною системою, возникшею независимо отъ послѣдней. Мы читали съ напряженнымъ интересомъ всѣ вышедшіе 3 выпуска книги г. Цвейфеля, и, признаться, были минуты, въ которыя мы не могли обороняться отъ преступной мысли: не есть ли вся эта апологія хасидизма не болѣе и не менѣе какъ — *искусная сатира*.

Впечатлѣніе, однакожъ, произведенное первымъ выпускомъ книги г. Цвейфеля на образованную публику, было такого рода, что г. Слонимскій, инспекторъ житомірскаго раввинскаго училища, при которомъ служитъ и нашъ авторъ старшимъ учителемъ, счелъ нужнымъ печатнымъ протестомъ публично отказаться отъ солидарности во мнѣніяхъ со своимъ сослуживцемъ; что другой сослуживецъ автора,

г. Готлоберъ, поторопился изданіемъ своей «Исторіи Каббалы и Хасидизма», о которой будемъ говорить послѣ, и что наконецъ, самъ авторъ въ слѣдующихъ выпускахъ счелъ нужнымъ нѣсколько повернуть дышломъ и пріискать точки соединенія между лелѣемою имъ системою и современными идеями. На уступки, сдѣланныя авторомъ во 2-мъ выпускѣ, мы намекнули уже выше. Въ 3-мъ выпускѣ, вышедшемъ въ прошломъ году, авторъ напираетъ на ту заслугу хасидизма, что онъ, въ противоположность аскетизму, проповѣдуемому Талмудомъ, позволяетъ пользоваться благами міра сего и вмѣняетъ даже въ обязанность быть постоянно веселаго нрава. Что этотъ обязательный веселый нравъ у нашего хасида вырождается часто въ разгульную жизнь; что это пользованіе благами міра сего приняло у самихъ цадиковъ видъ расточительнаго комфорта и эксплоатаціи ихъ бѣдныхъ прихожанъ — все это, говоритъ авторъ, аномаліи, за которыя нельзя винить систему. Въ началѣ того же 3-го выпуска припечатаны отзывы четырехъ лицъ, какъ представителей четырехъ разныхъ направленій въ еврействѣ: московскаго духовнаго раввина Берлина, какъ представителя талмудической ортодоксіи; Сеніерсона, повидимому, вѣской личности въ самомъ хасидизмѣ; вѣнскаго проповѣдника д-ра Іеллинека, одного изъ корифеевъ еврейской науки въ Германіи, и А. Крохмаля, раціоналиста, пишущаго на древнееврейскомъ языкѣ, главнаго сотрудника извѣстнаго своимъ анти-талмудическимъ направленіемъ еврейскагс журнала *Га-халуцъ*. Сеніерсонъ и Крохмаль весьма воздержны, никакого рѣшительнаго мнѣнія не высказываютъ и, кажется, между строкъ прокрадывается у нихъ какъ бы тѣнь недовѣрчивости. Яснѣе и прямодушнѣе высказывается д-ръ Іеллинекъ, какъ истый мужъ науки, вездѣ и во всемъ ищущій свѣта и правды. «Сознаюсь», пишетъ онъ, между прочимъ, нашему автору, «что придаю большое значеніе вашему труду; ибо о хасидизмѣ, котораго, конечно, не защищаю, всѣ судили односторонне; весьма не многіе соглашаются допускать, чтобы въ немъ заключались и здоровые элементы, въ противуположность юридическимъ тонкостямъ исключительно талмудической школы». Д-ръ Іеллинекъ возлагаетъ большія надежды на труды нашего автора и ждетъ отъ него разрѣшенія проблемы.—Такъ какъ трудъ г. Цвейфеля еще не оконченъ, то слѣдуетъ пока воздержаться отъ всякаго рѣшительнаго о немъ приговора. Не можемъ, однакожъ, не сдѣлать одного замѣчанія, хотя и не относящаго прямо къ главному предмету. Авторъ высказываетъ, мимоходомъ, мнѣніе, страннымъ образомъ общепринятое у нашихъ старыхъ рутинёровъ, что еврейскому публицисту слѣдуетъ избѣгать обличеній своихъ единовѣрцевъ въ слабостяхъ и недостаткахъ хоть и справедливыхъ и основательныхъ, а долженъ отыскать оправдательные мотивы или совершенно о нихъ умалчивать. Выставляя этотъ нѣсколько странный принципъ, разъ на всегда загораживающій еврейскому мыслителю путь къ кртикѣ и свободному сужденію, авторъ ссылается на рядъ примѣровъ и изреченій изъ Талмуда (ч. III, стр. 11 и сл.). Но, такъ какъ нѣтъ на свѣтѣ ничего такого, чему нельзя было бы отыскать въ Талмудѣ доказательства и pro и contra, то авторъ тутъ же, но въ примѣчаніи, сопоставляетъ еще большее количество цитатъ и примѣровъ, говорящихъ совершенно противное, но притомъ взываетъ къ спеціалистамъ по казуистикѣ, чтобы они истолковали всѣ эти мѣста въ иномъ смыслѣ, а въ крайнемъ случаѣ приглашаетъ раввиновъ совершенно вычеркнуть ихъ изъ талмудическихъ книгъ. Подобное апріорное рѣшеніе можетъ показаться весьма страннымъ. Коли ужъ на то пошло, почему бы не поступать на оборотъ и на основаніи доводовъ, помѣщенныхъ авторомъ въ примѣчаніи, число которыхъ можно было бъ еще увеличить, выставить для еврейскаго мыслителя принципъ свободнаго безпристрастнаго доискиванія истины, а противорѣчащія мѣста перетолковывать иносказательно или сдать въ архивъ? Это гораздо больше согласовалось бы съ характеромъ нашихъ священныхъ книгъ, переполненныхъ обличительными рѣчами и примѣрами крайняго нелицемѣрія къ лицамъ и фактамъ. Для самаго успѣха добрыхъ стремленій, преслѣдуемыхъ почтеннымъ авторомъ въ своихъ книгахъ, желательно, чтобъ публика не повѣрила ему самому, что онъ въ настоящихъ своихъ изслѣдованіяхъ держался рекомендуемаго имъ принципа.

Книга «*Толдотъ га-Каббала вега-Хасидутъ*» (Исторія Каббалы и Хасидизма) А. Б. Гатлобера, о которой мы упомянули, повидимому, и появилась какъ опроверженіе книгѣ «Шаломъ-алъ-Исроэль», хотя авторъ прямо этого и не

говоритъ, а намекаетъ только, впрочемъ, довольно прозрачно. Авторъ «Исторіи Каббалы и Хасидизма», въ согласіи съ нашимъ историкомъ Грецомъ и многими другими учеными, придаетъ каббалѣ инородческое происхожденіе отъ греческой теозофіи по системѣ гностиковъ, рѣшительно отрицаетъ древность, слѣдовательно, и святость Зогара и другихъ каббалистическихъ книгъ и поддерживаетъ генеалогическую связь между этою каббалою и современнымъ хасидизмомъ, въ противуположность мнѣнію автора предъидущей книги. Изъ книги г. Готлобера, на сколько намъ извѣстно, появилась пока 1-я только часть, трактующая исключительно о средневѣковой каббалѣ и недобравшаяся еще до современнаго хасидизма.

Ялкутъ-гароимъ (Пастушеская сума) анонимнаго издателя содержитъ переписку вліятельныхъ раввиновъ, какъ хасидовъ, такъ и митнагдовъ (противной партіи), о пресловутомъ цаддикѣ р. Берѣ Фридманѣ, поморочившемъ года два тому назадъ публику внезапнымъ отреченіемъ отъ хасидизма и столь же быстрымъ возвращеніемъ къ нему, о чемъ въ свое время проникли извѣстія и въ русскую печать. Нѣсколько сотъ раввиновъ, преимущественно изъ Галиціи, согласились предать этого р. Бера анаоемѣ и отлучить его и его приверженцевъ отъ еврейства, «какъ основателя новой религіозной секты». Переписка по этому интересному дѣлу составляетъ содержаніе упомянутой книги и представляетъ любопытный матеріалъ для исторіи еврейской культуры. Нельзя не видѣть въ томъ горькой ироніи судьбы, вызвавшее событіе, такъ сильно компрометирующее хасидизмъ въ то самое время, когда ему появилась апологія въ литературѣ!

Припомнимъ еще: *Агуда ахатъ*, собраніе статей изъ разныхъ періодическихъ изданій, С. Я Трахтмана. Статьи эти смѣшаннаго содержанія и трактуютъ о разныхъ наукахъ и культуроисторическихъ вопросахъ, которые подчасъ разрѣшаются авторомъ довольно удачно.

По части *гомилетики*, мы можемъ указать лишь на одно сочиненіе. Г. Дайновъ, извѣстный подъ именемъ «Слуцкаго Магида» (проповѣдника), напечаталъ на древнееврейскомъ языкѣ одну изъ своихъ рѣчей: *Кеводъ-Мелехъ*, т. е. о почитаніи царя, и постарался объ изданіи ея также въ рус-

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Списокъ подписчикамъ на „Еврейскую библіотеку" будетъ напечатанъ во *второмъ* томѣ.

скомъ переводѣ. Содержаніе рѣчи видно изъ ея заглавія. Въ гомилетическомъ и эксегетическомъ отношеніяхъ она ничего особеннаго не представляетъ. Г. Дайновъ первый и единственный изъ еврейскихъ народныхъ проповѣдниковъ, который рѣшается въ своихъ рѣчахъ, произносимыхъ на разговорно-еврейскомъ нарѣчіи, говорить массѣ въ синагогѣ о необходимости образованія и лучшаго бытоваго устройства. Въ этомъ отношеніи г. Дайновъ дѣйствительно можетъ оказать услугу своимъ единовѣрцамъ, если его стремленія искренни; однакожъ, печатать свои рѣчи мы бы ему не совѣтовали. Обояніемъ, которое г. Дайновъ производитъ на своихъ слушателей, онъ по преимуществу обязанъ своей представительной, приличной наружности, вообще очень рѣдкой у еврейскихъ проповѣдниковъ, своему прекрасному дару слова, своему звучному и пріятному голосу и—новизнѣ содержанія подобныхъ рѣчей на прародительскомъ жаргонѣ. Въ печатной же рѣчи все это, конечно, теряется.

Изъ сочиненій, имѣющихъ своимъ предметомъ жизнеописаніе еврейскихъ знаменитостей, заслуживаютъ вниманія: біографія пражскаго раввина *С. Л. Рапопорта*, съ указаніями на его современниковъ, состоявшихъ съ нимъ въ перепискѣ, и на перевороты, произшедшіе въ его время у евреевъ, сочиненіе А. Поргеса (Вѣна, 1870). Біографія знаменитаго мужа весьма дѣльно изложена и содержитъ много интереснаго. Характеръ Рапопорта вѣрно очерченъ, но приложенный портретъ не удался. Рапопортъ родился во Львовѣ 1 іюня 1790. Въ 1837 г., на 47 году жизни, онъ былъ избранъ раввиномъ въ Тарнополѣ, гдѣ приходилось ему, въ теченіе трехъ лѣтъ, много терпѣть отъ фанатизма своихъ прихожанъ. Въ 1840 г. онъ занялъ раввинскую должность въ Прагѣ, гдѣ оставался до самой смерти, послѣдовавшей осенью 1867 года. Научные труды покойнаго проложили дорогу современной еврейской наукѣ. Полезно было бы, если бы біографъ далъ перечень сочиненій и крупныхъ статей Рапопорта съ указаніемъ ихъ содержанія. Замѣчаемую въ послѣднихъ сочиненіяхъ Рапопорта раздражительность біографъ приписываетъ его болѣзни. Но Рапопортъ имѣлъ причины быть не доволенъ въ послѣдніе годы жизни; его огорчало направленіе, которое приняло, противъ его воли, у германскихъ

евреевъ религіозная реформа, которой онъ сначала сочувствовалъ и содѣйствовалъ.

Біографія Абрама Мапу, сочиненіе А. Каплана (Вѣна, 1870). Г. Капланъ повѣствуетъ большей частью изъ памяти и сообщаетъ о нашемъ извѣстномъ соотечественникѣ-беллетристѣ свѣдѣнія, не совсѣмъ полныя. Не сдѣлано даже надлежащей оцѣнки и обозрѣнія его сочиненіямъ. Книжку г. Каплана можно считать матеріаломъ для жизнеописанія А. Мапу; собственно же біографію его должно считать еще не написанною.

Перейдя за тѣмъ къ изящной еврейской словесности, къ поэзіи и бельлетристикѣ, мы должны замѣтить, что поэтическія сочиненія становятся все рѣже; видно, литература беретъ направленіе болѣе положительное, практическое.— Появилось:

Іетеръ Шире Адамъ, т.е. остальныя стихотворенія Б. Лебенсона. Маститый стихотворецъ поторопился изданіемъ *остальныхъ* своихъ стиховъ; послѣ того еще слышенъ былъ звукъ его лиры въ пѣснѣ: «Прогулка въ лѣсу», напечатаной въ № 29 «Гакармеля» за прошлый годъ.

Кинoръ-батъ-Ціонъ, т. е. арфа дщери Сіона, посмертныя стихотворенія М. І. Лебенсона, сына предъидущаго. Новые стихи этого юноши–поэта дышутъ тою же свѣжестью чувства и пылкостію воображенія, которая вообще характеризуетъ его поэзію. Многіе изъ этихъ стиховъ писаны подъ давленіемъ сознанія тяжкой неизлечимой болѣзни и проникнуты глубокою, раздирающею сердце грустію. Они отражаютъ намъ отчаянную борьбу юношеской души, полной живучести и силы и жаждущей жизни, съ горькимъ сознаніемъ неминуемой скорой кончины. Ранная смерть М. Лебенсона причинила новоеврейской поэзіи невознаградимую потерю. Краткая біографія его была напечатана въ «Сіонѣ», органѣ русскихъ евреевъ. Въ предлежащей коллекціи стихотвореніе «*Присяга влюбленнаго*» (стр. 38) и «*Плачь о ребенкѣ*» (стр. 53), суть чуть ли не переводы; первое, кажется намъ, изъ Лессинга, а второе изъ Л. А. Френкеля. Оригинальные стихи М. І. Лебенсона весьма удобны для перевода на европейскіе языки.

Кегалъ Рефаимъ, собраніе мертвецовъ, фантазія М. Л. Лиліенблюма. Авторъ по призванію не поэтъ. Главная задача, которую онъ поставилъ своей литературной дѣятельности, есть борьба противъ изобилующихъ у евреевъ предразсудковъ и суевѣрныхъ обрядовъ. Подобную же цѣль имѣетъ предлежащее стихотвореніе. Авторъ отрылъ гдѣ то каббалистическое преданіе, по которому каждый еврей послѣ смерти, прежде чѣмъ отправляется къ мѣсту назначенія въ вѣчности, представляется праотцу Адаму и укоряетъ его за то, что своимъ грѣхомъ онъ вызвалъ на людей смерть, которой и онъ теперь безвинно долженъ былъ подвергнуться. Обыкновенно такой мертвецъ выставляетъ свои заслуги и благодѣянія, которыми облагодѣтельствовалъ своихъ братьевъ, которые, въ свою очередь, должны были лишиться всего этого—все по милости его, Адама. Но старый Адамъ не конфузится и въ опроверженіе доказываетъ своему собесѣднику, что онъ въ жизни причинилъ гораздо больше зла людямъ, чѣмъ добра, что онъ далеко грѣшнѣе его, Адама, и что, не будь смерть искони на свѣтѣ, онъ, мертвецъ, непремѣнно вызвалъ бы ее своими безчинствами. Такихъ мертвецовъ является въ стихотвореніи г. Лиліенблюма на препирательство къ Адаму—14, каждый изъ нихъ какой нибудь дѣятель, или вліятельное лицо въ своемъ кружкѣ, и Адамъ, выставляя на лицо ихъ злоупотребленія, вмѣстѣ съ тѣмъ раскрываетъ больныя мѣста разныхъ сторонъ еврейскаго общественнаго строя. Канва, какъ видите, удачно выбранная и узоры на ней выведены также искусно. Почему авторъ избралъ форму стихотворную, да притомъ держится такого строгаго неподатливаго размѣра — не знаемъ; но это дѣлаетъ прекрасное произведеніе г. Лиліенблюма мѣстами неудобопонятнымъ для читателей тѣхъ именно классовъ, для которыхъ подобныя вещи по преимуществу и пишутся. Напиши г. Лиліенблюмъ свою фантазію въ мѣткой прозѣ или въ легкихъ популярныхъ стихахъ—она бы не уступила сатирамъ извѣстнаго Эртера. Не можемъ также одобрить и то, что г. Лиліенблюмъ дѣлаетъ свою сатиру, имѣющую предметомъ вопросы общееврейскіе, ареною для нанаденія на лица, ему лично ненавистныя, какъ на редактора «Гаммагида», на фанатиковъ, вызвавшихъ противъ него гоненія въ Вилькомірѣ — лица, не олицетворяющія собою извѣстнаго общественнаго класса, какъ остальные типы, фигурирующіе въ «Собраніи мертвецовъ».

Канъ Ципоръ (птичье гнѣздо) Я. Рейфмана, побасенка, писанная бѣлыми стихами, въ которой говорится объ одной птицѣ, вытѣснившей изъ гнѣзда брата своего, несогласившагося вести съ ней одинаковый образъ жизни—чему уподобляется судьба еврейскаго народа. Авторъ обѣщалъ себѣ отъ обнародованія этой побасенки благотворное, въ пользу евреевъ, вліяніе на общественное мнѣніе и сдѣлалъ предложеніе Alliance israélite universelle изготовить французскій переводъ оной, въ чемъ, однакожъ, ему было отказано.

«Гаіегудимъ беанглія», (Евреи въ Англіи), или «Евреи и крестоносцы во время Ричарда Львинаго-сердца», романъ д-ра Франкольма, переведенъ Маріею Маркель (Варшава 1869). Съ особымъ удовольствіемъ заносимъ книгу г-жи Маркель въ нашъ обзоръ, какъ единственный до сихъ поръ примѣръ сочинительства на древнееврейскомъ языкѣ лица женскаго пола. Г-жа Маркель, урожденная Вержболовская, мастерски владѣетъ еврейскимъ языкомъ и пишетъ такимъ плавнымъ слогомъ, что могла бы, пожалуй, послужить примѣромъ иному писателю нашего привиллигированнаго пола. Нѣкоторыя мѣста изъ подлинника, авторъ весьма благоразумно пропустилъ въ своемъ переводѣ, но разсказъ рѣшительно ничего не утратилъ изъ своей прелести, которою онъ отличается въ оригиналѣ. Къ сожалѣнію, болѣзнь не позволяетъ г-жѣ Маркель заниматься изданіемъ второй части этого романа.

Оламъ кемингаго, т. е. свѣтъ каковъ онъ есть, очеркъ изъ еврейскаго быта Льва Гордона, пишущаго эти строки.

Періодическія изданія:

Поименованныя выше въ нашей статьѣ, четыре еженедѣльныя изданія продолжали издаваться въ послѣднее время съ тѣмъ же направленіемъ, какъ и прежде. Въ «Гамелицѣ» появился рядъ болѣе или менѣе толковыхъ статей рѣшительно реформаторскаго характера, на что стоящіе за неприкосновенность старинныхъ формъ отвѣчали бранью и ругательствами, отчасти въ Га-Ливанонѣ, органѣ содержащемся въ аренду нашей ортодоксіею, отчасти же въ подпольныхъ анонимныхъ брошюрахъ, изъ которыхъ одна появилась въ Вильнѣ въ типографіи Дворжеца. Послѣдняя скандалезнымъ образомъ сквернитъ и позоритъ память покойнаго А. Мапу, клеймя его сочиненія учебниками безнравственности и разврата и увѣряя, что съ появленіемъ сочиненій А. Мапу уве-

личилось число посѣтителей публичныхъ домовъ. Говорятъ, покойный Мапу имѣетъ гдѣ-то на святой Руси наслѣдниковъ, занимающихъ почетное мѣсто въ обществѣ. Странно, что никто изъ нихъ не почувствовалъ себя побужденнымъ вступиться за поруганный прахъ покойника и искать удовлетворенія за такую гнусную клевету.

Г. Смоленскій сталъ въ исходѣ прошлаго года снова издавать свой журналъ *Гашахаръ* (Заря), не выходившій въ предпрошломъ году. Выпуски за 1869 годъ содержатъ много весьма интереснаго и дѣльнаго, какъ напр. «Книга о юбилеяхъ» и «Костюмы и косметика древнихъ евреевъ» С. Рубина; нѣсколько новеллетокъ М. Д. Брандштетера, оказывающагося разсказщикомъ юмористическимъ и остроумнымъ; «Блуждающій по путямъ жизни», романъ изъ еврейскаго быта, самаго издателя, составляющій богатую картину еврейскихъ типовъ и весьма удачныхъ снимковъ изъ ихъ общественной жизни. Въ 1870 г., судя по первымъ тремъ выпускамъ, матеріалъ менѣе интересенъ.

На томъ остановимъ на этотъ разъ нашъ далеко не полный обзоръ, предоставляя себѣ въ другой разъ пополнить пробѣлы, если къ тому представится возможность.

Левъ Гордонъ.

Тельши.

РУССКІЙ ПЕРЕВОДЪ ВЕТХАГО ЗАВѢТА.

(Библія на русскомъ языкѣ съ постраничнымъ еврейскимъ текстомъ. *Л. І. Мандельштама*. Берлинъ.)

Около ста лѣтъ тому назадъ, безсмертный для евреевъ, другъ безсмертнаго для Германіи Лессинга, *Моисей Мендельсонъ*, сталъ распространять между евреями составленный, отчасти имъ самимъ, отчасти его учениками и друзьями, нѣмецкій переводъ Библіи, который сперва принятъ былъ только тѣснымъ кружкомъ *берлинцевъ* (такъ евреи называли тогда тѣхъ изъ своихъ единовѣрцевъ, которые дѣйствовали въ духѣ Мендельсоновой школы). Но мало по малу этотъ переводъ сдѣлался настольною книгою у всего еврейскаго населенія Германіи, проникая затѣмъ во всѣ части свѣта, неисключая Америки и Австраліи, и во всѣ Европейскія государства, въ которыхъ, по какимъ-либо обстоятельствамъ, еврейское населеніе еще не имѣло такого перевода Библіи на языкѣ страны и къ которымъ, поэтому, принадлежала до сихъ поръ и Россія. — Въ 40-хъ годахъ почти не было образованнаго русскаго еврея, который собственнымъ своимъ развитіемъ не былъ-бы обязанъ этому переводу Библіи, отъ изученія котораго онъ могъ переходить прямо и непосредственно къ чтенію нѣмецкихъ классиковъ. — Но кромѣ этого, чисто-образовательнаго вліянія, этотъ переводъ имѣлъ еще и другое, по крайней мѣрѣ, столь-же важное для евреевъ значеніе.

Изучая Библію на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ, евреи мало по малу привыкали къ чистой нѣмецкой рѣчи, которая медленно и вѣрно съ одной стороны вытѣсняла употреблявшійся еще тогда нѣмецкими евреями жаргонъ, а съ другой стороны сдѣлалась самымъ мощнымъ орудіемъ для сближенія еврейскаго населенія съ кореннымъ. Не только профессора университетовъ и ученые нѣмцы стали тщательно и серьезно изучать еврейскую литературу, сдѣлавшуюся

для нихъ вполнѣ доступною, но и въ обыденной жизни, благодаря легкости общенія съ евреями, рѣчь которыхъ стала для всѣхъ совершенно понятною, люди всѣхъ сословій стали убѣждаться въ ошибочности своихъ прежнихъ взглядовъ, относительно евреевъ, ихъ религіозныхъ книгъ, обычаевъ и обрядовъ. А какъ съ другой стороны богослуженіе стало совершаться евреями на понятномъ для ихъ женъ и дѣтей нѣмецкомъ языкѣ, на который въ послѣдствіи переведены были всѣ молитвы, то это богослуженіе также сдѣлалось совершенно понятнымъ и доступнымъ для лицъ другихъ исповѣданій. Потерявъ характеръ таинственности для лицъ иныхъ исповѣданій, это богослуженіе, въ свою очередь, во многомъ упрощалось и стало болѣе соотвѣтственнымъ духу новаго времени. Такимъ образомъ, при этомъ общеніи еврейскаго населенія съ кореннымъ и взаимодѣйствіи одного на другое, мало по малу рушились существовавшіе, какъ у самихъ евреевъ, такъ и объ нихъ, ошибочныя понятія и предубѣжденія. Мало по малу изглаживались слѣды средневѣковой отчужденности и замкнутости—и евреи, хотя не безъ борьбы и усилій, мало по малу стали входить въ общій кругъ гражданъ. Примѣру Мендельсона слѣдовали и во всѣхъ другихъ государствахъ стараго и новаго свѣта, — и повсюду переводъ Библіи на господствующій въ странѣ языкъ кореннаго населенія приносилъ тѣ-же плоды. Повсюду онъ оказывался тою же громадною, неисчерпаемою силою, побѣждавшею всѣ, до тѣхъ поръ казавшіяся неодолимыми, затрудненія и препятствія. Понятно, поэтому, почему мы, а вмѣстѣ съ нами и всѣ тѣ, которымъ дѣйствительно дорого благо своихъ единовѣрцевъ и которые проникнуты искреннимъ желаніемъ уничтожить преграды, мѣшающія ихъ сліянію съ кореннымъ населеніемъ, съ такимъ томительнымъ чувствомъ и нетерпѣніемъ ждали того момента, когда и русскимъ евреямъ возможно будетъ, наконецъ, имѣть русскій переводъ своей Библіи. Понятно также, почему мы съ такою искреннею радостью привѣтствуемъ этотъ наступившій, наконецъ, счастливый моментъ.

Насъ этотъ наступившій моментъ радуетъ еще и потому, что онъ доказываетъ, что Россія идетъ впередъ по пути гражданственнаго развитія.

Великими реформами настоящаго царствованія невольно

и неизбѣжно вызываются новыя мѣры, отмѣняющія все то, что служило до сихъ поръ преградою и препятствіемъ для развитія тѣхъ частныхъ силъ, изъ которыхъ слагается сила всего государства и въ составъ которыхъ должно, слѣдовательно, входить и соотвѣтственное духу времени развитіе еврейскаго населенія Россіи, дабы оно, какъ можно скорѣе, могло сблизиться и слиться съ кореннымъ населеніемъ. Въ этомъ должна заключаться и причина, почему теперь оказался узкимъ и негоднымъ тотъ масштабъ, которымъ такъ долго измѣрялась свобода печати относительно труда Г. Мандельштама.

1-го марта с. г. г. Мандельштаму, на основаніи Высочайшаго соизволенія 1869 г., дано, наконецъ, разрѣшеніе распространять свой переводъ Ветхаго Завѣта на русскомъ языкѣ подъ условіемъ, чтобы этотъ переводъ былъ напечатанъ постранично вмѣстѣ съ еврейскимъ текстомъ. Предшествовавшія объясненія объ этомъ вопросѣ, не только въ разныхъ низшихъ и высшихъ правительственныхъ сферахъ, но и въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ нашихъ, и примѣры другихъ государствъ, которыя мы привели выше, кажется, дѣлаютъ излишнимъ распространяться болѣе о важности этого разрѣшенія для обрусѣнія еврейскаго народонаселенія въ Имперіи. Оно безъ всякаго сомнѣнія составляетъ событіе неизмѣримыхъ послѣдствій для блага 3-хъ милліоновъ гражданъ Россіи, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не вполнѣ еще признанныхъ за настоящихъ людей русскихъ, — что каждый мыслящій еврей и русскій, вѣроятно, не менѣе насъ вполнѣ и сознаетъ. Но мы считаемъ долгомъ нашимъ сказать нѣсколько словъ о переводѣ этомъ, въ чисто научномъ отношеніи, потому что этотъ трудъ, чисто русскій и вполнѣ самостоятельный, еще болѣе важенъ въ филологическомъ и историческомъ отношеніяхъ, нежели въ практическомъ примѣненіи къ современному положенію дѣлъ, и открываетъ широкое поле для спеціальныхъ изслѣдованій по разнороднѣйшимъ областямъ археологіи, языкознанія и даже политической экономіи древняго міра.

Переводъ этотъ пока до насъ дошелъ только въ, такъ называемыхъ, оттискахъ съ стереотипныхъ досокъ, которые присланы сюда изъ Берлина для послѣдней корректуры, и на первый разъ мы должны ограничиться немногими только выписками для доставленія читателямъ понятія объ этомъ трудѣ, заключающемся: а) собственно въ буквальномъ переводѣ текста еврейскаго на русскій языкъ, и б) въ филологическомъ объяснительномъ словарѣ на русскомъ же языкѣ, соотвѣтственно главамъ и стихамъ всѣхъ 24 книгъ Ветхаго Завѣта, которому предпосылается историко-критическое введеніе, излагающее вкратцѣ основы еврейской грамматики и этимологіи. Вотъ что авторъ говоритъ между прочимъ о ближайшемъ назначеніи своего перевода:

«Этотъ опытъ перевода Библіи посвящается вамъ, наставники еврейскихъ дѣтей по предметамъ вѣроисповѣданія! — Онъ долженъ служить собственно только предварительною работою для будущаго перевода Библіи болѣе изящнымъ русскимъ языкомъ. Но, если писатели, вообще, предполагаютъ, что изъ обнародованія ихъ трудовъ выйдетъ какая нибудь польза для публики, то предлежащій переводъ, ограничиваясь буквальностью передачи оригинала, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ — объясненіемъ самаго текста, согласно съ новыми изслѣдованіями въ области филологіи и исторіи Востока, — имѣетъ съ другой стороны, именно вслѣдствіе этой строгой буквальности, притязаніе на согласованіе вѣры съ наукою, согласованіе, которое для автора существуетъ, какъ результатъ его филологическихъ изслѣдованій.

«Въ предисловіи къ нашимъ объясненіямъ къ евр. тексту Библіи изложены всѣ начала, съ которыми читателямъ Библіи вообще не излишне было бы ознакомиться. Къ переводу же этому собственно не слѣдовало бы прилагать никакихъ предисловій, или объясненій. Но, къ сожалѣнію, устройство общества нашего таково, что авторъ по необходимости долженъ опасаться, чтобы не стать съ своимъ переводомъ Библіи какъ бы между двумя огнями враждующихъ партій. Евреи русскіе скажутъ: «На что намъ переводъ? Развѣ авторъ не знаетъ, что существуютъ подлинникъ библейскаго текста, и народъ, получившій его въ прямое наслѣдіе и сохранившій его, въ теченіе трехъ тысячъ лѣтъ, съ мученическимъ самоотверженіемъ?» Коренные русскіе скажутъ: «На что намъ вся книга далекаго Юго-Востока и еще болѣе отдаленнаго былаго? Развѣ автору не извѣстно, что мы — народъ сѣверный, что мы ждемъ просвѣщенія съ Запада, и что вся наша жизнь въ будущемъ? Изъ исторіи литературы, пожалуй, не безполезно узнать содержаніе, между прочими древностями, и Библіи; но къ чему она намъ вся цѣликомъ? Развѣ ужъ бояться Бога и невозможно безъ изученія исторіи и законодательства

еврейскаго народа?»... И такъ, даже при предназначеніи своемъ собственно для однихъ евреевъ, переводу этому придется можетъ быть, выдержать нападенія всякаго рода со стороны тѣхъ, которымъ совершенно безразлично, принадлежать-ли они тому или другому вѣроисповѣданію.

«Отвѣтъ нашъ евреямъ будетъ весьма коротокъ и простъ.— Если бы они говорили и мыслили библейскимъ языкомъ, то возраженіе, что имъ перевода Библіи не нужно, имѣло бы еще какое нибудь основаніе; но они говорятъ и мыслятъ не на еврейскомъ языкѣ, и даже не на какомъ нибудь чистомъ европейскомъ, а, собственно-то говоря, на смѣси восточныхъ и западныхъ, германскихъ и славянскихъ стихій. Какъ во время Вел. Кн. Владиміра, въ отношеніи къ выбору просвѣщенной вѣры для Русскихъ, такъ точно и теперь для Евреевъ надобно выбрать новый, дышащій единствомъ и ясностью языкъ, который бы они могли оставить въ наслѣдіе своимъ потомкамъ; а, при такомъ положеніи дѣла, можно ли сомнѣваться, что имъ, какъ дѣтямъ Руси, должно выбрать языкъ русскій? Если въ Сиріи Эзра и Онкелосъ сочли нужнымъ толковать Библію на сирско-халдейскомъ языкѣ; если подъ греческимъ владычествомъ Талмудъ ставилъ греческій переводъ на ряду съ подлинникомъ еврейскимъ; если Р. Саадіа Гаонъ счелъ необходимымъ перевести Св. Писаніе на арабскій, а Моисей Мендельсонъ — на нѣмецкій языки, и посредствомъ такихъ переводовъ Евреи сдружились и сблизились съ сосѣдними народами; если, наконецъ, и теперь у насъ каждый еврейскій учитель переводитъ своимъ ученикамъ родную Библію на смѣсь испорченныхъ славяно-нѣмецкихъ языковъ: то можно ли еще сомнѣваться въ необходимости для Евреевъ русскаго перевода Библіи?

«Если хорошенько подумать, то намъ должно будетъ признаться, что по одной только исторической терпимости русскаго народа и возможно было, чтобы русскіе Евреи до сихъ-поръ еще не знали отечественнаго языка. Полагаетъ ли кто нибудь изъ читателей, что для государства ничего не значитъ имѣть 3 милліона полу-иностранныхъ городскихъ жителей, среди народонаселенія, совершенно зависящаго, какъ въ житейскихъ, такъ и въ умственныхъ отношеніяхъ, отъ этихъ горожанъ, и притомъ на самыхъ границахъ Имперіи?! А, смотря съ религіозной точки зрѣнія на этотъ предметъ, какъ Евреямъ и подобаетъ, подумаетъ ли кто нибудь, что Евреи, такъ себѣ, случайно и совершенно напрасно, были собраны дивными судьбами со всѣхъ четырехъ странъ свѣта въ Россію?! Авторъ измѣрилъ почти всѣ лучшія земли міра, сличалъ всѣ эпохи разныхъ историческихъ вѣковъ между собою, и убѣдился, что нигдѣ нѣтъ такой доброй земли,

какъ Россія, — что, съ другой стороны, всякое государство по необходимости должно ожидать и нѣкоторой благодарности за оказанныя имъ благадѣянія, если оно имѣетъ дѣло не съ нищими, и что, наконецъ, никогда для Евреевъ не было такой удобной поры, чтобы вознаградить Россію за гостепріимство, начавшееся со времени перваго еще храма іерусалимскаго, и продлжавшееся до временъ Норманговъ, крестовыхъ походовъ, и до насъ,—какъ именно теперь, при перерожденіи самой Руси. Если Римъ и Константинополь, Испанія, Франція и Германія, которые выгоняли, терзали, истребляли Евреевъ мечемъ и огнемъ, въ награду за минутное утѣшеніе, намъ ими данное, имѣютъ въ своихъ рукахъ переводные списки св. завѣта, имѣютъ представителей изъ Евреевъ, говорящихъ на языкахъ тѣхъ краевъ: то уже-ли только Россіи, второй матери изгнанниковъ, не имѣть ни одного Еврея, который бы за нее говорилъ, ни Библіи, которая бы за нее вступилась при будущемъ развитіи ея народныхъ силъ?...

«Но для того, чтобы нынѣ Евреи вполнѣ могли сказать, что они Русскіе, и чтобы въ послѣдствіи Россія вполнѣ могла сказать, что она дала пріютъ Евреямъ, русская Библія столь же необходима для нихъ, какъ для всякой живой души — свѣтъ и свободный воздухъ. Три милліона Евреевъ только съ ея помощію могутъ сдѣлаться окончательно Русскими, какъ и единовѣрцы ихъ, въ другихъ краяхъ, слились съ другими народами посредствомъ подобныхъ же переводовъ Библіи. Романы и пѣсни о красной дѣвицѣ не могутъ занять еврейскаго читателя такъ, чтобы изъ-за нихъ онъ полюбилъ и языкъ, на которомъ они писаны. Онъ имѣетъ предъ собою лучшую повѣсть временъ въ историческихъ книгахъ своей Библіи, высшую поэзію — въ кн. пророческихъ, Псалмахъ и Пѣсни Пѣсней. Имъ русская Библія нужна для того, чтобы они могли снова ожить свободною жизнью, отечественнымъ гражданствомъ. XXX-ть вѣковъ гоненій лишили ихъ обще-человѣческихъ потребностей свободы, и они уже такъ привыкли считать себя странниками, изгнанниками вездѣ, кромѣ области библейской, что сами не повѣрятъ, чтобы дѣйствительно можно было дать имъ гражданскія права, не давъ единовременно права гражданства и ихъ Библіи. Только увидѣвъ свою святыню на почвѣ отечественнаго языка, — они станутъ поистинѣ благословлять Господа за новую и неотъемлемую свою отчизну.

«Что же касается до всѣхъ возгласовъ втораго и третьяго разрядовъ, то должно замѣтить, что и подлиннику Библіи не мало должно было бороться съ самимъ Израилемъ, пока онъ былъ принять; не меньшихъ усилій стоило принятіе и перевода ея въ каждомъ почти государствѣ; однакожъ, наконецъ, истина побѣдила. А теперь, развѣ только политики, которые не видятъ далѣе своихъ

очковъ, могутъ разсердиться на мысль, что Библія еще и нынѣ на многое годится, и что Россія могла бы что нибудь выиграть отъ перевода Св. Писанія на русскій языкъ.

«Библія, всѣмъ ученіемъ своимъ о духѣ и Богѣ, вступаясь за права и обязанности человѣка, какъ духовной индивидуальности, тѣмъ самымъ обнимаетъ собою всю азбуку человѣческой жизни и мысли. Изъ словъ Библіи, поэтому, составляются столь же легко творенія высшей поэзіи, глубочайшей философіи, какъ и наставленія для простѣйшаго селянина, и правила жизни для всѣхъ гражданъ великаго государства, въ облегченіе высокихъ задачъ его правителямъ. Ея начало: свобода и сила воли; ея цѣль: истина, право и добро. Азбука же человѣка, чуждающагося Библіи, ограничиваясь одною корыстью, жертвуя духовными богатствами міру чувственному, начинается съ какой нибудь житейской «Буки», и не идетъ дальше себялюбиваго «Я». Поэтому никакая частная, или народная жизнь не можетъ сказать, чтобы она собственными опытами исчерпала это вмѣстилище животворной воды: оно не исчерпаемо, оно—родникъ для всѣхъ народовъ и временъ: оно—слово Божіе.

«Библія не разъ уже, въ былое время, охраняла Россію, отъ гибельнаго несчастія. Сколько славянскій текстъ ни теменъ и ни недостаточенъ для нашего времени, онъ навѣрно имѣлъ свою цѣну для народа въ первые вѣка русской государственной жизни, и, разумѣется, не столько по словесному своему значенію, сколько по приложенію содержащихся въ немъ правилъ къ самой государственной и общечеловѣческой дѣятельности.

«Неуваженіе же къ словамъ Библіи, и притворное, изъ ложной политики (по правилу «après moi — le deluge!») опасеніе ересей, въ другихъ краяхъ, опрокинули престолы королей, расторгли союзы республиканцевъ, низвели законодательства народовъ на степень полицейскихъ прижимокъ и недовѣрія, а самихъ людей — на площадную жизнь чувственности. И все это тогда, когда именно съ Библіею-то въ рукахъ легко и можно было бы рѣшить всѣ тѣ вопросы, которые, какъ бы кровавыми лентами, развивались предъ образованнымъ міромъ!

«Но, если Библія, такимъ образомъ, представляетъ ту Архимедову точку, на которой прозорливѣйшіе предводители народовъ воздвигли свои учрежденія для современниковъ и потомства,— то она должна быть не Библіею только въ очеркахъ, не Библіею въ однихъ догматахъ, и не Библіею по принужденнымъ толкованіямъ, а Библіею въ томъ видѣ, какъ великій учитель ее далъ намъ, уже три тысячи лѣтъ тому назадъ, какъ пророки ее убрали цвѣтами іорданскихъ и ливанскихъ долинъ. Каждый цвѣтъ,

каждый оттѣнокъ долженъ быть сохраненъ, каждая пропорція, каждый переходъ и переливъ....

«Должно также знать, на сколько вопросъ о буквальномъ переводѣ Библіи касается чистоты русскаго языка, что слогъ Библіи, одною оригинальностью своей формы, создалъ уже сильнѣйшія рѣчи, такъ точно какъ и библейскіе типы человѣка произвели величайшіе характеры, и что вообще не языкъ и литература пораждали мысль, а мысль-то созидала языки и литературы. Какъ славянскія формы рѣчи, изъ Библіи же заимствованныя, скоро обрусѣли и сдѣлались собственностью народнаго языка, такъ точно и русскій буквальный переводъ Библіи, со временемъ, можетъ быть, сдѣлается народнымъ имуществомъ, при всѣхъ нынѣ кажущихся противными духу языка выраженіяхъ. Этому мы видимъ примѣръ и въ англійскомъ, и въ нѣмецкомъ переводахъ, столь далеко уклонившихся отъ современнаго имъ народнаго языка, который сохранился для насъ въ пѣснопѣніяхъ, сказкахъ и судебныхъ дѣлахъ. Стоитъ только вспомнить, что и такія странныя слова, какъ «падежъ» и «междометіе», были введены грамматикою вмѣсто «casus» и «interjectio» («случай» и «вставка»), — и тогда уже можно будетъ не трепетать за языкъ русскій изъ-за формъ библейскихъ. Народный языкъ въ этомъ отношеніи напоминаетъ намъ разсказы про желудокъ страуховъ, который не портится отъ какихъ нибудь двухъ-трехъ сотъ кусковъ разбитаго стекла или фарфора, поглощенныхъ случайно, или за неимѣніемъ лучшей пищи....

«Какъ бы то ни было, все можно надѣяться, что ни одинъ русскій, съ настоящимъ взглядомъ на политическое положеніе народностей въ Европѣ, не рѣшится отказать евреямъ въ томъ вліяніи на славянскія племена, которое всегда и вездѣ, по необходимости, должно было приписывать и другимъ жителямъ городовъ, въ отношеніи къ окружающимъ ихъ поселянамъ, или—людямъ коммерческимъ, видавшимъ свѣтъ и испытавшимъ бури и невзгоды, въ отношеніи къ тихимъ земледѣльцамъ, находящимся еще въ предѣлахъ домашней простоты. Если же такъ, то нѣтъ сомнѣнія, что намъ должно принять всѣ позволительныя мѣры для того, чтобы сдѣлать евреевъ настоящими русскими. А скажетъ ли кто, что распространеніе Библіи — политически непозволительная мѣра?!...

«Дѣло весьма серьезное, и грѣшно было бы не высказать откровенно, что евреи считаютъ себя вполнѣ дѣтьми Россіи, хотя бы Россія сама еще не вполнѣ признавала ихъ таковыми. Сыновнія обязанности евреевъ къ ней, мы это вполнѣ понимаемъ, ни въ какомъ случаѣ не должны быть менѣе святы для нихъ потому только, что, отъ болѣзненнаго состоянія вѣка, Россія не въ си-

лахъ еще распознать своихъ отъ чужихъ: дѣтямъ не должно менѣе почитать свою родительницу, когда она находится въ тяжкомъ положеніи недуга. Но, съ другой стороны, нельзя не обратить вниманія и на историческую, 3,000 лѣтнюю древность еврейскаго народа: ужели молодымъ славянскимъ племенамъ не воспользоваться драгоцѣнностями опыта, собранными этимъ любознательнымъ племенемъ у всѣхъ народовъ, перебывавшихъ въ теченіе всего того времени на земномъ шарѣ? Благоустройство общинъ, сохраненное частію еще отъ временъ греческой колоніальной системы, частію отъ временъ знаменитой Ганзы; общественныя школы Востока, общественные госпитали Запада; почитаніе старцевъ и правосудіе глубокой древности, эпохи вѣрованій; а также свобода женщины и свобода наукъ, дары, какъ видно, глубочайшей философіи; неутомимая дѣятельность и забота въ будни; ненарушимая тишина и святость въ дни праздниковъ Господнихъ; трезвость, находчивость и стойкость, терпѣніе, постоянное участіе мысли во всемъ, что бы ни предпринималось, — все это результатъ вѣковыхъ трудовъ и испытаній: и младшему народу, какъ бы богато онъ ни былъ одаренъ природою, ими пренебрегать никакъ не слѣдуетъ, особенно, когда ему дана возможность воспользоваться ими безъ большаго труда....

«Здѣсь говорится о русской Библіи — вообще; съ этими взглядами ни мало не связана мысль собственно о предлежащемъ переводѣ; какъ трудъ частный, онъ подлежитъ суду публики, и, только по общему его значенію, посвящается вамъ. Должно надѣяться, что, если этотъ трудъ окажется страждущимъ неисправимыми недостатками, то Правительство не предоставитъ частному лицу позаботиться о лучшемъ переводѣ; съ этого перевода довольно, если только онъ успѣетъ вызвать рѣшеніе вопроса о Библіи вообще, и послужитъ основою, именно по буквальности своей въ передачѣ оригинала и по согласованію вѣры съ наукою, къ болѣе чисто русскому переводу, все равно — кѣмъ бы таковой послѣ ни былъ составленъ удовлетворительнымъ образомъ. Въ этомъ отношеніи личность автора, какъ частная, должна исчезнуть предъ собственнымъ его произведеніемъ, — плодомъ его индивидуальности. Самъ Моисей не могъ войти въ священный шатеръ, послѣ того, какъ онъ воздвигъ его....

«Вотъ почему авторъ посвящаетъ вамъ, сотоварищамъ и сострадальцамъ своимъ, этотъ повидиму послѣдній трудъ своей жизни, какъ и первые опыты свои по части еврейской и русской словесности, 15 лѣтъ тому назадъ, онъ предназначилъ для возвышенія же вашего же состоянія. Вы знаете, что онъ васъ знаетъ, вамъ сочувствуетъ, вами дорожитъ, какъ зѣницею ока, какъ священнымъ залогомъ духовной будущности нашего народа. Вамъ, которымъ никто ничего не даритъ, которыхъ никто не понимаетъ, которые, по большей части, отъ тяжкаго горя, уже сами себя не понимаете,—вамъ, учители-единовѣрцы, посвящается эта Библія со всѣми богатствами ея воспоминаній и надеждъ, какъ Библія и какъ русская. Кому, кромѣ васъ, оцѣнить важность новыхъ объясненій 3,500 стиховъ, до сихъ поръ остававшихся темными? Профессорамъ ли, неумѣющимъ отличить Шевы отъ Цере, Піэля отъ Нифэля и Гофаля? Кому, кромѣ васъ, радоваться оправданію св. Писанія отъ обвиненій такъ называемыхъ раціоналистовъ? Развѣ предводителямъ ихъ въ Германіи, выдумывающимъ ложныя правила для еврейскаго языка и ложные стихи, на которые они ссылаются, какъ бы въ подтвержденіе своихъ открытій» *)? Вамъ, еврейскіе братья, дано рѣшить вопросъ объ оцѣнкѣ еврейскаго текста Библіи, какъ для васъ же однихъ радость и горе сопряжены съ судьбою каждаго слова св. Писанія. Но, съ другой стороны, сдѣлавшись свободными гражданами Руси, забудьте былое, въ частности васъ касающееся, какъ всѣ мы, хвала Господу, въ настоящее время, за немногими исключеніями, можемъ забыть былое среднихъ вѣковъ. Съ Библіею въ рукѣ, будьте русскими и молитесь Господу за миръ земли и за благоденствіе поставленнаго надъ нами, ищущаго добра и правды для всѣхъ своихъ подданныхъ, Царя,—дабы Онъ могъ совершить тѣ великіе подвиги, которые началъ, и чтобы новая свобода въ народѣ не повредила доброй вѣрѣ и единству Россіи....»

Теперь перейдемъ, къ нѣкоторымъ частностямъ. Первый стихъ Библіи вездѣ доселѣ былъ переведенъ противъ правилъ еврейской грамматики въ смыслѣ: «первоначально Богъ создалъ небо и землю» —и это подавало поводъ къ разнымъ вопросамъ и даже нападкамъ на подлинность текста библейскаго, а именно потому, что, какъ сказано въ ст. 8 и 10, небо было создано только на второй, а земля только на третій день. Особенно отличался въ этомъ отношеніи журналъ «Гахалуцъ», предлагавшій даже читать *маіимъ* (воду), вмѣсто *шамаіимъ* (небо). Въ предлежащемъ переводѣ г. Мандельштама, держащемся строгой буквальности еврейскаго текста, стихъ этотъ гласитъ: «Съ началомъ сотворилъ Богъ небо это и землю эту»—и въ связи съ послѣ-

*) Сефферъ, Грам. § 120 ff. См. и Эвальда Jahrbücher 1861, стр. 18.

дующими стихами онъ имѣетъ неопровержимый смыслъ научнаго протеста противъ тогдашняго язычества, утверждавшаго, что небо есть божество (Уранъ или Озирисъ); земля есть божество (Ге или Изисъ), море есть божество (Нептунъ или Тифонъ), солнце есть божество (Геліосъ или Горъ) и т. д., а вслѣдствіе египетскихъ суевѣрныхъ ученій вышло, что всѣхъ животныхъ человѣкъ долженъ почитать какъ представителей божествъ (Написъ, Ибисъ и т. д.) Моисей, поэтому начинаетъ свое ученіе тѣмъ, что Богъ одинъ и что Онъ сотворилъ весь видимый матеріальный міръ, что боги язычниковъ не вѣчны и даже не всегда имѣли нынѣшній видъ, а имѣли когда-то начало, какъ все матеріальное, находившееся прежде въ хаотическомъ состояніи, — и слѣдовательно они не могутъ быть богами и богинями, которымъ человѣкъ долженъ покланяться, напротивъ того, человѣкъ, созданный послѣ всѣхъ твореній міра и одаренный духомъ, можетъ и долженъ царствовать надъ всей землей и т. д. И такъ, ларчикъ просто открывался, а сколько было писано, какъ еврейскими такъ и не-еврейскими корифеями библейской науки, для улаженія всѣхъ трудностей этого стиха и всей первой главы книги Бытія.

Далѣе, кн. Бытіе, гл. XLI, ст. 56. Во всѣхъ, имѣющихся донынѣ переводахъ, начиная съ Онкелоса и до новѣйшихъ временъ, очевидно для уясненія смысла еврейскаго слова *Богемъ*, которое принималось за мѣстоимѣніе, были сдѣланы противъ еврейскаго текста произвольныя вставки, такъ что этотъ стихъ гласилъ: «И открылъ Іосифъ всѣ житницы, въ которыхъ, хлѣбъ и снабжалъ египтянъ»... Въ предлежащемъ намъ переводѣ г. Мандельштама это мѣсто переведено: «И открылъ Іосифъ все, что онъ *сберегалъ* и снабжалъ египтянъ.» Мнимое мѣстоимѣніе, не имѣвшее въ еврейскомъ текстѣ подлежащаго—выходитъ вовсе не мѣстоимѣніемъ, а глаголомъ! И вотъ, что авторъ говоритъ въ объяснительномъ словарѣ по этому поводу:

«ויפתח יוסף את כל אשר בהם»; до сихъ поръ слово: בהם—всѣми грамматиками было принимаемо за мѣстоимѣніе и переводилось: «въ нихъ», но такъ какъ во всей этой главѣ нѣтъ подлежащаго, къ которому мѣстоимѣніе могло бы относиться, то уже Онкелосъ, въ своемъ переводѣ, вставилъ слова: ית כל אוצריא—«всѣ амбары», а по его примѣру и—всѣ новѣйшіе переводчики и толкователи; разумѣется, для такъ называемыхъ раціоналистовъ это было находкой, чтобы по ней доказать ненадежность евр. текста. Между тѣмъ, слово: בהם (богемъ) не мѣстоимѣніе, а глаголъ, по формѣ: שנא, טהר, אהב, כהל и значитъ: «запереть, замкнуть, собрать», откуда и בהמה—«домашнее животное», въ противоположность פרא—«дикій», frei, какъ и въ Мишнѣ: ביתי и מדברי; слѣдовательно, כל אשר בהם=כנס, סגר, אסף, אצר אשר כל, все, что онъ «собиралъ». Правильнѣе былобы: בהם (богеймъ); но такъ какъ ни по ударенію, ни по про изношенію нѣтъ никакой разницы, то, можетъ быть, этотъ переходъ и вышелъ по провинціализму, или, пожалуй, и по случайности; для насъ главное дѣло только въ томъ, что буква и смыслъ св. Писанія остаются неприкосновенными. А на такихъ-то грамматическихъ, или историческихъ недоумѣніяхъ вся новая критика и основываетъ свои нападенія на Библію! Какъ высоко надъ этою критикой стоитъ мудрая древность, которая подобныя трудности въ объясненіи св. Писанія рѣшилась скорѣе приписать своему незнанію, чѣмъ посягнуть на вѣрность пророковъ и предъидущихъ поколѣній, сохранившихъ до нея текстъ! Слава и честь этой скромности нашихъ масоретовъ, которые, видно, имѣли столько же вѣры въ предшественниковъ, сколько и надежды на послѣдователей своихъ въ сохраненіи и объясненіи истины! Такую вѣру и такую надежду могутъ имѣть только люди, которые и сами дорожатъ истиною больше, чѣмъ жизнію своею».

Далѣе: въ книгѣ *Судьи*, гл. VI, ст. 25, во всѣхъ переводахъ: «Возьми тельца воловьяго, который у отца твоего, и тельца втораго, семилѣтняго». Очевидно, что семилѣтній телецъ уже не телецъ, а старый волъ; но до сихъ поръ никто не обратилъ на это вниманія. Въ предлежащемъ же переводѣ г. Мандельштама это мѣсто гласитъ: «И втораго тельца семи пурпуровыхъ лентъ». Въ объяснительномъ же словарѣ доказывается изъ археологіи, что только семь планетъ и семь цвѣтовъ были извѣстны египтянамъ и другимъ древнимъ народамъ, а телецъ посвященный Ваалу носилъ, какъ эмблему солнца, царя всѣхъ семи планетъ и цвѣтовъ, тогда извѣстныхъ, семь пурпуровыхъ лентъ (червленицъ).

Далѣе, кн. пророка Іереміи, гл. XI, ст. 15. Во всѣхъ донынѣ существующихъ переводахъ весь этотъ стихъ выходитъ какою-то безсмыслицей. Еврейскіе комментаторы, начиная съ Раши и Кимхи до послѣдователей Мендельсона, выбивались изъ силъ, чтобы хоть кое-какъ сладить съ его грамматическою конструкціею, но безъ всякаго успѣха.

Нѣмецкимъ, такъ называемымъ раціоналистамъ это просто было находкой для осужденія Масоретскаго текста, — особенно слова: «и священное мясо сойдутъ съ тебя» — считались непреодолимымъ камнемъ преткновенія для грамматиковъ. Между тѣмъ въ предлежащемъ намъ переводѣ г. Мандельштама слова: «увесаръ кодешъ яаверу меалаихъ» — не имѣютъ ничего общаго съ мясомъ, а стихъ этотъ, по аналогіи съ Паралипоменомъ А, гл. XXIV ст. 5, Исаія, гл. XLIII, ст. 28 и др. мѣстъ, гласитъ: «Когда же посредствомъ главы святыни онѣ (грѣхи) сойдутъ съ тебя, то вѣдь ты во злѣ своемъ еще упорствовать станешь». Буква *в* въ слово: увесаръ не есть коренная, а придаточная, для обозначенія творительнаго падежа. Ср. Іеремія, гл. VII, ст. 16.

Еще два примѣра по части археологіи. Въ псальмѣ LXXIV, 5-й стихъ до сихъ поръ былъ совершенно не понятенъ. При храмѣ деревьевъ, вѣтвей и лозъ не росло; что же могли означать слова: «сдѣлается извѣстнымъ, какъ вносящій сверху въ связку древесъ сѣкиру.» Напрасно бились комментаторы; казалось что нѣтъ другого исхода, какъ только считать этотъ стихъ искаженнымъ. Въ предлежащемъ же намъ переводѣ и въ объяснительномъ словарѣ г. Мандельштама это относится къ древнему обычаю носить предъ военачальниками связку прутьевъ съ торчащею изъ среди нихъ сѣкирою. У римлянъ, перенявшихъ этотъ обычай у этрусковъ, этотъ значокъ назывался fasces, и этотъ псаломъ можетъ быть отнесенъ, или къ Помпею, или еще къ древнѣйшему завоевателю съ Востока, въ виду того, что здѣсь рѣчь идетъ именно о разореніи храма.

Но еще интереснѣе для насъ, русскихъ, вообще, и для русскихъ евреевъ въ собственности, слѣдующее мѣсто: Пр. Захарія, гл. II, ст. 12, говоритъ: «Вслѣдъ славы послалъ онъ меня,» или «за славу послалъ онъ меня» по еврейски: «ахаръ каводъ шелахани,» — выраженіе, которому до сихъ поръ не находили никакого объясненія. Въ предлежащемъ намъ переводѣ читаемъ: «Пославшій меня за Каводъ» т. е. въ смыслѣ имени собственнаго, а не нарицательнаго; въ примѣчаніяхъ же и въ объяснительномъ словарѣ слово *Каводъ* относится къ рѣкѣ Араксу, по Геродоту тождественной съ нашей Волгой, а также съ рѣкою, которая по нынѣ еще носитъ названіе Араксъ и сливается съ Куромъ.

Араксъ по гречески означаетъ: достославный; Куръ, или Екаръ, тоже значитъ слава; это значеніе имѣетъ и *Крымъ*, по арабски: слава, почетъ, такъ что еврейское имя *Каводъ* есть ничто иное, какъ переводъ нашей *Славы, Славія, Славянская*,» какъ и греческое *аксіосъ* или *араксесъ* и арабское *Крымъ* не что иное, какъ переводъ русскаго: *слава, славная, достославная, важная, почетная*, т. е. славянская земля. Какъ въ греческомъ *аксіосъ* имѣетъ двойное значеніе: — *важный* и *славный, почетный*, такъ и въ еврейскомъ *Кавэдъ* и *Каводъ* и во всѣхъ семитическихъ нарѣчіяхъ *Якаръ* имѣетъ такое же двойное сродственное значеніе; *вѣскій, важный* (отъ Wägen, Wage) и почетный, славный *).

Наконецъ, перейдемъ къ слогу самаго перевода и къ трудностямъ, которыя приходилось побѣждать, сохраняя букву еврейскаго подлинника. Мы довольствуемся пока указаніемъ на два только мѣста, et ab uno discite omnia. Въ кн. Бытіе, гл. XXVI, ст. 23, находимъ изрѣченіе пророческое въ слѣдующемъ смыслѣ: «Два племени въ твоемъ чревѣ, два народа разойдутся изъ твоихъ нѣдръ, народъ будетъ сильнѣе народа и» — по обыкновеннымъ переводамъ — «старшій будетъ служить младшему». Но уже древніе еврейскіе и другіе богословы и ученые замѣтили, что въ еврейскомъ текстѣ въ послѣднемъ положеніи опущены и членская буква *г* и слово *эт*, опредѣляющее обыкновенно винительный падежъ, какъ напр. въ предложеніи «Израилъ же полюбилъ Іосифа больше всѣхъ своихъ дѣтей» (гл. XXXVII, 3). Изъ этого выходитъ, что въ точности нельзя опредѣлять: старшій ли будетъ служить младшему, или младшій будетъ служить старшему. Хотя по большей части въ еврейскомъ языкѣ, какъ и во французскомъ, подлежащее находится въ началѣ, а дополнительное въ концѣ предложенія, — но есть и исключенія напр.: «камни растираютъ воды» (Іовъ, гл. XIV, ст. 19). Вслѣдствіе такого неопредѣленнаго винительнаго падежа, ученые комментаторы раздѣлились на двѣ группы; одни, съ знаменитымъ Абарбане-

*) Такъ какъ это открытіе вполнѣ развито въ статьѣ г. Мандельштама о первыхъ поселеніяхъ евреевъ въ Россіи, которая будетъ помѣщена во второмъ томѣ «Библіотеки», то сокращаемъ здѣсь дальнѣйшую выписку изъ филологическаго словаря къ Библіи. *Изд.*

лемъ во главѣ, говорятъ, что эта неопредѣленность подлежащаго указываетъ на то, что Исавъ будетъ по перемѣнно то служитъ Якову, то порабощать его, смотря по заслугамъ Якова предъ Богомъ; другіе же, преимущественно приверженцы исторической школы утверждаютъ, что Библія этимъ хотѣла только передать характеръ древнихъ до-Моисеевыхъ оракуловъ, отличавшихся всегда двусмысліемъ, какъ, напримѣръ, извѣстный отвѣтъ, данный Крезу предъ гибельною для него войною съ Киромъ и сохраненный для насъ у Геродота. Мы не беремся здѣсь рѣшить, кто изъ нихъ правъ, но дѣло было въ томъ—какъ сохранить это двусмысліе въ русскомъ переводѣ, гдѣ падежи ясно обозначены въ одушевленныхъ предметахъ и гдѣ притомъ глаголъ «служить», какъ и въ нѣмецкомъ языкѣ, требуетъ косвеннаго, дательнаго падежа. Эта чрезвычайная трудность, сохранить двойный смыслъ подлинника, признанная многими и даже учеными невозможностью, въ предлежащемъ переводѣ разрѣшается слѣдующимъ образомъ:

«Два рода въ чревѣ твоемъ;
Два племени произойдутъ
Изъ нѣдръ твоихъ;
Племя племя пересилитъ
Старшему-же служить придется
Младшему».

Ниже читатели найдутъ полный переводъ извѣстной своими трудностями для передачи на другомъ языкѣ предсмертной пѣсни Моисея. Онъ, безъ всякихъ комментаріевъ дастъ читателямъ возможность судить, на сколько трудъ, о которомъ идетъ рѣчь, отличается глубиною, обдуманностью и художественностью.

Прибавить-ли намъ еще что нибудь для того, чтобы представить въ надлежащемъ свѣтѣ по истинѣ громадный трудъ г. Мандельштама? Кажется это будетъ излишне, въ особенности, если скажемъ, что мѣста, подобно выше нами приведеннымъ, разрѣшающія чуть-ли не тысяче-лѣтніе споры о библейскомъ текстѣ и бросающіе совершенно новый свѣтъ на древній памятникъ еврейской письменности, встрѣчаются въ предлежащемъ переводѣ на каждомъ шагу, на какомъ бы мѣстѣ его ни раскрыли. Не можемъ, однако, не

высказать, что мы должны гордиться этимъ трудомъ не только какъ евреи, но и какъ русскіе, потому что онъ съ одной стороны укажетъ кореннымъ русскимъ на самостоятельность еврейской письменности, а Европѣ—на развитіе въ Россіи самостоятельной науки.

Р. Кулишеръ.

С.-Петербургъ.

ГААЗИНУ.

ПРЕДСМЕРТНАЯ ПѢСНЬ МОИСЕЯ.

Небеса, вы, внимайте:
Говорить я хочу!
И земля пусть услышитъ
Моихъ устъ словеса!
Дождемъ пусть прольется
Ученье мое;
Росою зарѣетъ
Пусть слово мое;
Какъ пряди дождя—
На быліе (сходятъ)
Какъ крупныя капли—
На зелень-траву!
Вѣдь, Имя Господне
Я провозглашаю:
Воздайте величіе,
Вы, нашему Богу!
Создатель нашъ Онъ,
Дѣла Его — правда;
Пути всѣ Его
Суть — самый законъ.
Богъ вѣрный, безъ кривды,
Правдивъ Онъ и прямъ!
Сгубило себя
(Не дѣтямъ въ порокъ!)
Исчадье упрямое,
Коварно-кривое!
Ужели вы Господу
Платить такъ хотите,
Не благоразумный

И глупый народъ?!
Не Онъ ли — отецъ твой,
Создавшій тебя?
Не Онъ ли содѣлалъ,
Устроилъ тебя?
Припомнилъ бы ты
Про дни вѣковые,
Проникли бъ вы въ годы —
Изъ рода и родъ!
Отца вопроси, —
Тебѣ сообщитъ онъ;
Старѣйшинъ своихъ, —
Они тебѣ скажутъ:
Когда племена
Всевышній селилъ,
Когда раздѣлялъ
Сыновъ Онъ людскихъ,
Тогда ужъ Онъ грани
Грядущимъ колѣнамъ
Назначилъ, числомъ—
Дѣтей Израэля!
А Господа часть—
То племя Его;
Межа для наслѣдства
Іаковъ—Ему!
Находитъ его Онъ
Въ пустынной землѣ;
Среди коловрата
И воя Самумовъ;
Его оградилъ Онъ,
Обстроилъ его;
Какъ зѣницу ока,
Хранитъ Онъ его;
Подобно орлу,
Что̀ будитъ гнѣздо,
Носясь надъ птенцами,
Онъ, крылья простерши,
Подыметъ его;

На перьяхъ Своихъ
Его понесетъ!
Единый, Господь,
Его такъ ведетъ;
И не было бога
Чужого—при Немъ.
Возвелъ Онъ его
На выси земныя;
И началъ онъ ѣсть
Полей приношеній;
Питалъ его медомъ
Со скалъ, и елеемъ
Съ кремнистаго камня;
Съ коровъ — ему сливки,
Съ овецъ — молоко,
И тукъ отъ барановъ
Рогатыхъ, Башана
Питомцевъ; при тукѣ
Козловъ-стадоводовъ;
При тукѣ пшеницы
Бѣлѣющихъ почекъ;
И кровь винограда —
Пивалъ ты — вино!
Сталъ тученъ Ешурунъ,
И тутъ забрыкался!
Сталъ тученъ и толстъ,
И жиромъ покрылся, —
И Бога оставилъ,
Творца своего;
Съ презрѣньемъ покинулъ
Спасенья скалу!
То вызовутъ мерзостью
Всю ревность Его,
То гадкимъ кумиромъ
Его прогнѣвятъ;
То жертву сготовятъ
Нечистымъ богамъ, —
Невѣдомымъ силамъ,

Младенчески-новымъ,
Недавно пришедшимъ,
Которыхъ не чтили
И праотцы ваши;
Творца же, родителя,
Ужъ ты не припомнилъ;
Создателя-Бога
Забылъ ты въ конецъ!
Увидѣлъ Господь, —
Вознегодовалъ:
На этотъ соблазнъ
Сыновъ, дочерей;
И думалъ: — «Лицо
Я скрою отъ нихъ;
Увижу конецъ ихъ;
Вѣдь, родъ развращенный —
Они; сыновья,
Въ которыхъ нѣтъ вѣры!
Гнѣвили они
Не-богомъ — Меня;
Своей суетой
Меня огорчали:
И Я раздражу ихъ
Ничтожнымъ народомъ;
И племенемъ низкимъ
Я ихъ огорчу!»
И вспыхнулъ огонь
Во гнѣвѣ Моемъ;
Разлился, какъ пламя,
До дна преисподней;
И пожралъ всю землю
Съ плодами ея,
И обнялъ пожаромъ
Основы всѣхъ горъ;
Разсыпались кары
Надъ ними Мои, —
Всѣ стрѣлы Мои
Вонзилися въ нихъ:

И голода ножъ,
И молніи угли;
И желчную боль,
И зубы звѣрей,
Наслалъ Я на нихъ,
Съ точащимся ядомъ
Отъ гадовъ земли.
Извнѣ рубитъ мечъ,
Внутри же — зараза,—
При юношѣ — дѣву,
При старцѣ — малютку!
Я думалъ известь ихъ;
Ихъ память стереть
Хотѣлъ у людей;
Лишь злоба враговъ
Меня удержала, —
Чтобъ ихъ ненавистникъ,
Про нихъ не сказалъ:
,,То наша рука,
,,Высокая силой, —
,,Отнюдь не Господь
,,Содѣлалъ все это!''
Народъ безразсудный,
Вѣдь, тоже, они, —
И нѣтъ у нихъ разума.
Будь умны они, —
Они бы то поняли,
Изъ слѣдствій узналибъ:
,,Какъ могъ бы одинъ
,,Вдругъ тысячу гнать?
,,И двое могли ли бъ
,,Прогнать миріады?
,,Должно быть, ихъ выдалъ
,,Защитникъ — творецъ ихъ;
,,Ихъ предалъ Господь?''....
Твердыня, вѣдь, ихъ —
Не равная нашей,
И наши враги —

Преступники сами!
Лоза винограда
У нихъ — изъ Седома;
И вѣтвь — изъ Гаморы;
Ихъ ягоды — горечь,
Ихъ грозды — полынь;
Вино ихъ — шипучесть
Зміиной слюны, —
Полынь ядовитая
Тѣхъ ящерицъ скверныхъ!...
Все это, однако,
Сокрыто при Мнѣ,
Въ Моихъ кладовыхъ,
Съ печатью на нихъ.
И мщенье и плата —
Для нихъ у Меня;
Наступитъ то время, —
Споткнется нога ихъ;
И близокъ день гибельный;
Спѣшитъ ихъ судьба».
Когда разберетъ
Народъ свой — Господь;
Когда о рабахъ
Онъ вспомнитъ Своихъ;
Когда Онъ увидитъ,
Что нѣтъ у нихъ силъ,
Что нѣтъ ни семейныхъ,
И ни одинокихъ;
И скажутъ: ,,гдѣ жъ боги, —
Твердыня-надежда, —
Пожравшіе тукъ
Отъ жертвъ ихъ богатыхъ,
И пившіе вина
Во тмѣ возліяній?
Пусть встанутъ они,
Чтобъ вамъ помогать,
Щитомъ быть надъ вами!»...
«Взгляните жъ тогда,

Что Я — это Я!
Нѣтъ Бога при Мнѣ!
Лишь Я убиваю,
И въ жизнь воззываю;
Кого поражаю,
Кого изцѣляю;
Отъ рукъ же Моихъ
Спасителя — нѣтъ!
Вотъ, къ небу взношу Я
Десницу Мою;
Клянусь, говоря:
Какъ живъ Я во вѣки!
Что Я изощрю,
Какъ молнію, мечь Мой;
Возмется за судъ
Десница Моя!
Воздамъ, отомщу Я
Врагамъ всѣмъ Моимъ;
Вполнѣ ненавистникамъ
Моимъ отплачу!
Я стрѣлы Свои
Заставлю тогда
Отъ крови пьянѣтъ;
И мясомъ питаться
Тутъ мечь Мой начнетъ:
Отъ крови убитыхъ
И взятыхъ въ полонъ,
Отъ главъ густокудрыхъ
Врага!“...
Утѣшьте, народы,
Вы племя Его!
Вѣдь Онъ отомститъ
За кровь Его слугъ,
И местью воздастъ
Врагамъ всѣмъ Своимъ;
А землю прикроетъ
И племя Свое!...

Л. Мандельштамъ.

Съ 1 января сего года издаются въ С.-Петербургѣ еженедѣльныя газеты:

„ВѢСТНИКЪ РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ",

на русскомъ и

„ГАМЕЛИЦЪ",

на древне-еврейскомъ языкѣ.

Годовая цѣна каждой изъ этихъ газетъ 6 руб., полугодовая 3 руб. Подписка принимается въ конторѣ редакціи по *Офицерской улицѣ домъ № 51.*

Въ конторѣ принимаются также объявленія для напечатанія въ вышеназванныхъ газетахъ, съ платою по 10 к. за 1 разъ и по 5 к. за каждые послѣдующіе оттиски. Объявленія могутъ быть присылаемы въ редакцію на всѣхъ новыхъ европейскихъ языкахъ.

Что Я — это Я!
Нѣтъ Бога при Мнѣ!
Лишь Я убиваю,
И въ жизнь воззываю;
Кого поражаю,
Кого изцѣляю;
Отъ рукъ же Моихъ
Спасителя — нѣтъ!
Вотъ, къ небу взношу Я
Десницу Мою;
Клянусь, говоря:
Какъ живъ Я во вѣки!
Что Я изощрю,
Какъ молнію, мечь Мой;
Возмется за судъ
Десница Моя!
Воздамъ, отомщу Я
Врагамъ всѣмъ Моимъ;
Вполнѣ ненавистникамъ
Моимъ отплачу!
Я стрѣлы Свои
Заставлю тогда
Отъ крови пьнѣтъ;
И мясомъ питаться
Тутъ мечь Мой начнетъ:
Отъ крови убитыхъ
И взятыхъ въ полонъ,
Отъ главъ густокудрыхъ
Врага!"...
Утѣшьте, народы,
Вы. племя Его!
Вѣдь Онъ отомститъ
За кровь Его слугъ,
И местью воздастъ
Врагамъ всѣмъ Своимъ;
А землю прикроетъ
И племя Свое!...

Л. Мандельштамъ.

Съ 1 января сего года издаются въ С.-Петербургѣ еженедѣльныя газеты:

„ВѢСТНИКЪ РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ“,

на русскомъ и

„ГАМЕЛИЦЪ“,

на древне-еврейскомъ языкѣ.

Годовая цѣна каждой изъ этихъ газетъ 6 руб., полугодовая 3 руб. Подписка принимается въ конторѣ редакціи по *Офицерской улицѣ домъ № 51.*

Въ конторѣ принимаются также объявленія для напечатанія въ вышеназванныхъ газетахъ, съ платою по 10 к. за 1 разъ и по 5 к. за каждые послѣдующіе оттиски. Объявленія могутъ быть присылаемы въ редакцію на всѣхъ новыхъ европейскихъ языкахъ.